

АНТИЧНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

РИМ

АНТОЛОГИЯ

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА РИМ АНТОЛОГИЯ

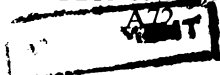
СОСТАВИТЕЛИ Н. А. ФЕДОРОВ, В. И. МИРОШЕНКОВА

Второе издание, исправленное

Москва · Высшая школа · 1988

ББК 83.3(0)3

Рецензенты:

кафедра классической филологии Кишиневского государственного университета; канд. филол. наук Ю. В. Шанин

Античная литература. Рим: Антология/Сост.
А72 Н. А. Федоров, В. И. Мирошенкова. — 2-е изд.,
испр. — М., Высш. шк., 1988. — 720 с.
ISBN 5-06-001220-4

Антология знакомит с важнейшими этапами истории литературы Древнего Рима с III в. до н. э. В ней представлены произведения всех основных жанров древнеримской литературы: эпическая поэма, лирика, драматургия (комедия, трагедия), басня, роман, историческая и ораторская проза. В антологию включены образцы творчества Плавта, Теренция, Лукреция, Катулла и др. Тексты сопровождаются краткими вступительными статьями и комментариями. Большинство текстов печатается в новейших переводах.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

А 4704040000-297
001(01)-88 КБ-51-71-87

ББК 83.3(0)3
8А

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА. РИМ АНТОЛОГИЯ

Составители **Николай Алексеевич Федоров**
и **Валентина Иосифовна Мирошенкова**

Заведующий редакцией Г. Н. Усков. Редактор Т. А. Кондратьева. Младший редактор М. А. Журбенко. Художник Э. А. Марков. Художественный редактор М. Г. Мицкевич. Технический редактор Н. В. Яшукова. Корректор Г. А. Усенко

ИБ № 4907

Изд. № ЛЖ-70. Сдано в набор 13.07.87. Подп. в печать 27.04.88. Формат 84 × 108/32. Бум. тип. № 2. Гарнитура таймс. Печать высокая. Объем 37,8 усл. печ. л. 37,8 усл. кр.-отт. 29,67 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1072. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

ISBN 5-06-001220-4

© Издательство «Высшая школа», 1981

© Издательство «Высшая школа», 1988, с изменениями

ПРИВИДЕНИЕ

Перевод А. В. Артюшкова

Содержание

Подружку выкупил на волю юноша,
Растратив все в отсутствие отца добро.
И вот старик вернулся. Транион сумел
Вкруг пальца обвести его: мол, выехал
Из дома сын, испуган привидением.
Да тут явился ростовщик, потребовал
Ему проценты заплатить. Раб дальше врет:
На те, мол, деньги дом соседний сын купил.
Изобличен был раб. Но собутыльник их
Ему и юноше прощение вымолил.

Действующие лица

Транион, раб
Грумион, раб
Филолахет, юноша
Филематия, гетера
Скафа, служанка
Каллидамат, юноша
Дельфия, гетера
Феопропид, старик
Мисаргирид, ростовщик
Симон, старик, сосед Феопропида
Фаниск, раб Каллидамата
Пинакий, раб
Сферион, мальчик-раб
Действие происходит в Афинах.

Акт первый

Сцена первая

Грумион, Транион.

Грумион

Эй, выходи сюда из кухни, висельник!
Нашел где зубоскалить — меж кастрюлями!

- Иди же, разорение хозяйское!
Живым не быть, в деревне отплачу тебе.
5 Ну, кухонная вонь! Иди, что прячешься?

Т р а н и о н

А ты чего под дверью разорался тут,
Мерзавец? Или думаешь, в деревне ты?
Прочь отойди от дому! Уходи назад
В деревню! Прочь от двери! Ну? Проваливай!

(Бьет.)

- 10 На вот! Ты этого хотел?

Г р у м и о н

Ой-ой! Чего
Дерешься?

Т р а н и о н

Сам хотел того.

Г р у м и о н

Стерплю! Старик
Вернулся б только, прибыл бы живым. Пока
В отъезде он, его ты объедаешь тут.

Т р а н и о н

Вот пень-то! Вишь, понес еще бессмыслицу!
В отъезде он, так как же мне объесть его?

Г р у м и о н

- 15 А ты, столичный хлыщ, публичный шут! Меня
Деревней попрекаешь! Видно, знаешь сам,
Что скоро и тебя сдадут на мельницу,
В деревне умножать число кандалников.
20 Покамест любо и возможно, пей, да трать
Добро, да сына развращай хозяйского,
Прекраснейшего юношу! И день и ночь
Распутничайте, бражничайте, пьянствуйте,
Подружек покупайте, отпускайте их
На волю, параситам доставляйте корм,
Расходуйтесь на лакомства роскошные!
25 Не это ли хозяин поручил тебе,
Когда в чужие страны уезжал от нас?
Такой-то он порядок у тебя найдет?
Ты так-то понимаешь долг хорошего

- Раба — добро хозяйское растрачивать
И сына развращать ему? Само собой,
Как развращенным не назвать его, когда
Таковыми он делами занимается?
- 30 А до сих пор из молодежи в Аттике
Он самый бережливый был, умеренный!
Теперь он тоже первый — на ином пути.
И ты учитель, ты наставник доблестный!

Т р а н и о н

- Тебе какое дело до меня, подлец?
- 35 Быков, что ль, на деревне нет, за кем тебе
Ходить? Скажи, пожалуйста! Да, нравится
Кутить, любить, с любовницами путаться.
Своею я рискую, не твоей спиной.

Г р у м и о н

Что за слова нахальные!

Т р а н и о н

- А, чтоб тебя
Юпитер и все боги поразили! Фу!
Как завоняло чесноком и псиною!
- 40 Уж подлинно, навоз мужицкий, хлев свиной
И помесь пса с козою!

Г р у м и о н

Так чего ж тебе?

- Не всем же пахнуть мазями привозными,
Как ты пропах, да выше сесть хозяина,
- 45 Да наедаться блюдами отборными,
Как ты! Тебе — пусть рыба, дичь и горлинки,
А мне оставь мою приправу, лук, чеснок.
Ты счастлив, я несчастен — делать нечего.
- 50 Мое добро со мною, зло твое с тобой.

Т р а н и о н

Я вижу, Грумион, ты мне завидуешь.
Мне хорошо, тебе же плохо. Так оно
И надо: мне — любить, тебе быков пасти,
Мне сладкой жизнью жить, тебе — убогою

Г р у м и о н

- 55 Ох, решено — палач изрешетит тебя!
Распялив, поведут тебя по улице
И до крови стрекалами истыкают,
Дай только старику вернуться нашему.

Т р а н и о н

Как знать! Тебе бы раньше не попробовать.

Г р у м и о н

Мне не за что, а ты вот заслужил вполне.

Т р а н и о н

- 60 Ты лучше поберег бы красноречие,
Не то тебе насыплю, так зачешешься.

Г р у м и о н

- Гороху-то дадите, что ль, скоту на корм?
Не то давайте денег, да и ну вас тут!
И продолжайте дальше так, как начали:
Распутничайте, пейте, жрите, пьянствуйте.
65 Едою начиняйтесь, изводите скот.

Т р а н и о н

Молчи и уходи в деревню. Мне уже
Пора идти в Пирей за рыбой к вечеру.
Гороху принести велю кому-нибудь
К тебе в усадьбу завтра. Ну, еще чего?
Чего, колодник, на меня устался?

Г р у м и о н

- 70 Тебе такое скоро будет прозвище.

Т р а н и о н

Пусть скоро! Только шло бы, как сейчас, пока.

Г р у м и о н

Так, так. Но только знай одно: беда скорей
Приходит к нам, чем то, чего нам хочется.

Т р а н и о н

- Отстань! В деревню убирайся тотчас же
75 И впредь меня прошу я не задерживать.

(Уходит.)

Г р у м и о н

- Ушел! А слов моих ничуть не слушает!
Бессмертные! Молю я вас о милости:
Верните поскорее господина к нам,
Покамест не погибли и земля и дом!
Три года, как отсюда уж уехал он,
80 И ежели не возвратится вскорости,
Остатков хватит нам на мало месяцев!
Теперь пойду в деревню. Вот господский сын
Идет. Распутник, был же славный юноша.

(Уходит.)

Сцена вторая

Филолахет

Филолахет

- 85 Давно уж и много случалось мне думать,
И много мне в голову мыслей приходит,
И в сердце (имею ли только я сердце?)
Обдумывал долго вопрос сам с собою:
Как только на свет человек появился,
Чему бы возможно его уподобить?
90 И это уж открыл я!
С рожденья похож человек на недавно
Отстроенный дом. Но вам кажется это
Неправдоподобным? Так я вам представлю
Доказательства, вас постараюсь уверить.
95 Конечно, со мной согласитесь сейчас же,
Слова мои выслушав, в том убежден я,
Не скажете сами об этом иначе,
А так, как говорю я.
Вот доводы, слушайте только. Хочу я,
100 Чтоб вместе со мною вы знали все дело.
Готово, отделано здание дома
Отлично, по линейке,
И хвалят все строителя, берут себе
в пример его,
И сделать всяк себе готов такой же дом
любой ценой.
105 Но плохой в дом жилец вселится: грязен сам

И ленив, слуги с ним вялые, грязные.
И дому вред наносится уж тем, что плох уход
за ним

- И такой част конец! Буря вдруг налетит,
Крыша вся, водосток сломаны! Господин
110 Сделать вновь ленится.
Хлынет дождь проливной, по стенам течь
насквозь,
И гниют балки, труд мастера гибнет весь.
Вот уж дом для житья хуже стал. Но вины
Мастера в этом нет никакой. Ведь у нас
115 Очень част такой обычай: где починки есть
на грош,
Там мы ждем, не трудясь, до тех пор, как
совсем
Стены рухнут, и придется дом весь строить
заново.
Вот что я сказал о доме. А теперь хочу я вам
Разъяснить, какое сходство есть у человека
с ним.
- 120 Во-первых, родители — вот кто строитель,
Они для детей воздвигают фундамент,
Выводят, старательно ставят все скрепы
На всеобщее благо, народу в пример.
Ни сил не жалеют своих, ни достатка.
- 125 Расход не в расход для себя полагают,
Отделка — ученье наукам, законам,
Труды, издержки снова.
А все затем, чтоб дети их могли служить
в пример другим.
Когда ж идти на службу им военную,
кого-нибудь
- 130 Опорой из родни дают.
Тогда из рук строительных выходят,
а прослужат год,
То видно уж на опыте, постройка хороша ль
была?
Так-то вот я и сам дельным был, честным
был
- 135 До тех пор, как в руках был своих мастеров,
А потом, только лишь стал своим жить
умом,
Я вконец тотчас же погубил весь их труд.
Лень пришла. Мне она сделалась бурею,
И ее тот приход мне принес град и дождь.
Честность всю, доблесть он
- 140 Сбил с меня, прочь сорвал тотчас же.
А потом

Вновь себе их вернуть — этим я пренебрег.
И вслед за тем любовь пришла, как дождь,
проникла в грудь мою
Прошла до самой глубины и промочила сердце
мне.

145 И меня вместе с тем бросили слава, честь,
Деньги, доблесть, и для жизни стал гораздо
хуже я.
И балки здесь от сырости гниют, и дома,
кажется,
Мне своего не починить, чтоб весь он
не обрушился:
Погиб фундамент, и никто не может больше
мне помочь.
В сердце боль: знаю я, чем я стал, чем
я был:

150 Молодых всех людей, как гимнаст,
превзошел.
Диск, копье, бег, езда — было все мне
легко.

Так я жил хорошо.
Образцом моя служила твердость, бережливость
всем.
155 Люди лучшие желали у меня учиться им.
А теперь уже ничто я, и по собственной вине.

Сцена третья

Филематия, Скафа, Филолахет.

Филематия

Давно водой холодной я не мылась так
приятно!
И хорошо как чувствовать себя такою чистой!

Скафа

Вот так-то урожай велик был нынешнего года.

Филематия

160 Что в урожае общего, скажи, с моим
купаньем?

Скафа

Ничуть не больше, чем в твоём купанье
с урожаем.

Филолахет

Венера-искусительница! Вот она, та буря,
Что сорвала умеренность, которой я
прикрыт был,
И просочилась в грудь мою любовь со всею
силой,
И я ее прикрыть уже не в состоянье больше.
165 Размокли стены сердца все, погиб весь дом,
разрушен!

Филематия

Взгляни-ка, Скафа, милая, к лицу ль мне это
платье?
Патрону своему хочу понравиться и другу.

Скафа

К чему ты наряжаешься! Мила уже ты нравом.
Не платье любят в женщине, а то, что им
прикрыто.

Филолахет

170 Вот это мило, Скафа! Все плутовка видит ясно,
Все вкусы и повадки все влюбленных понимает.

Филематия

Ну, что ж?

Скафа

А что?

Филематия

Взгляни, всмотрись, ко мне идет ли
это?

Скафа

Коль ты красива — так тебе к лицу любое
платье.

Филолахет

За это слово стоишь ты сегодня же подарка:
175 Хвалить мою любимую не допущу я даром.

Филематия

Я лести не хочу.

Глупа ты! Что тебе приятней,
Чтоб порицали ложно, чем по правде
 восхваляли?
А вот меня пусть ложно хоть, да хвалят, чем по
 правде

Люблю я правду.
Пусть мне правду говорят. Лжецов я ненавижу.

Но, право же, тебе клянусь твоей ко мне любовью, Филолахетовой — к тебе, что ты прекрасна.

Вот чем
Ты поклялась, негодная? Моею к ней любовью?
А не прибавила: ее ко мне? Беру обратно
185 Подарки, и конец тебе! Подарков ты лишилась!

Дивлюсь! Умна ты, опытна, воспитана
прекрасно,
А глупо так ведешь себя.

А в том, что одного его ты ждешь
и убогаешь
Ему лишь одному, к другим относишься
с презрением.
190 С одним жить — не любовницы то дело,
а матроны.

**Юпитер! Что за язва здесь живет, в моем
же доме!
Пусть насмерть поразят меня все боги
и богини,
Каргу убью я холодом, и голодом, и жаждой!**

Ф и л е м а т и я

Дурному не учи меня.

С к а ф а

Ох, до чего глупа ты!

195 Навеки ли его себе считаешь другом

верным?

Поверь ты мне, со временем пресытится

и бросит.

Ф и л е м а т и я

Не жду.

С к а ф а

Но чащежданного неожиданное приходит.
Словам моим не веришь ты, поверь тогда хоть
делу.

Ты видишь, какова сейчас, а чем была я
раньше!

200 Точь-в-точь как ты, верна была, любила

одного я:

Как только голова моя свой цвет переменила,
Оставил, бросил он меня. С тобою будет то же.

Ф и л о л а х е т

Вот как зудит! Едва держусь! В глаза бы ей
вцепиться!

Ф и л е м а т и я

Ведь выкупил меня одну для одного себя он,
205 Так, значит, одному ему и угождать должна я.

Ф и л о л а х е т

О боги! Как мила она! И нрав какой

стыдливый!

Я сделал правильно и рад, что без гроша

остался

Ради нее.

С к а ф а

[Как ты проста!

Ф и л е м а т и я

Да чем?

Скафа

Не все равно ли,

Он любит или нет...

Филематия

Ты что?

Скафа

Ведь ты уже свободна,
210 Желанное в твоих руках: не хочет — пусть
не любит,
Потраченные деньги сам тогда и потеряет.

Филолахет

Нет! Погублю ее, клянусь, я самой лютой
смертью,
Мерзавка портит девушку советами дрянными.

Филематия

Не в силах отблагодарить его я по заслугам,
215 И не советуй, Скафа, мне, чтоб им
пренебрегла я.

Скафа

Возьми же в толк! Ведь если ты служить ему
лишь будешь
Всю молодость, то в старости ты жалоб
не минувешь.

Филолахет

Хотелось бы мне жабой стать и горло сжать
колдунье,
Мерзавку насмерть задушить за эти
подстреканья!

Филематия

220 Добилась я желанного, но меньше не должна я
Любить, чем в дни, когда его я лаской
улещала.

Филолахет

Пусть боги, что хотят, со мной творят: за эти
речи
Тебя еще раз выкуплю, а Скифу погублю я.]

С к а ф а

- 225 Да, если обеспечена, по-твоему, навек ты
И он тебе останется любовником одной лишь,
Пожалуй, одного люби и обратись в матрону.

Ф и л е м а т и я

Лишь было б имя доброе, а деньги с ним
найдутся:
Коли я сохраню его, то буду и богата.

Ф и л о л а х е т

- О, если надобно продать отца, пусть продается:
230 Покуда жив, не дам тебе в нужде быть или
нищей.

С к а ф а

Других куда ж любовников?

Ф и л е м а т и я

Они меня любят
Сильнее, увидав, что я благодарить умею.

Ф и л о л а х е т

О, если б весть пришла теперь мне
об отцовской смерти!
Наследства б я лишил себя, ей передал
наследство!

С к а ф а

- 235 Растратите вы деньги: день и ночь едите, пьете,
Не зная бережливости. Убойная кормежка!

Ф и л о л а х е т

Попытку бережливым быть с тебя начну
я первой,
Ближайших десять дней тебе ни пить, ни есть
не дам я.

Ф и л е м а т и я

- Хорошее сказать о нем желаешь, сделай
милость,
240 А чуть неправду скажешь, то, ей-богу,
пострадаешь.

Филолахет

Когда бы я Юпитеру пожертвовал те деньги,
Что за ее свободу дал, вложил бы их не лучше.
Как любит! Всей душой меня! Ох, человек
я дельный!
Патрона выкупил себе, меня чтоб защищал он.

Скафа

- 15 Дороже всех людей тебе Филолахет, я вижу.
Чтоб не страдать из-за него, поддакивать
я стану.
[Конечно, он останется тебе вовеки другом.]

Филематия

Зеркальце подай сюда и украшения в ящичке,
Чтобы я была нарядной, как придет любимый
мой.

Скафа

- 10 Кто презрение питает к юности своей, к себе,
Тем лишь зеркало и нужно. А тебе зачем оно?
Зеркалом прекрасным служишь ты сама
для зеркала.

Филолахет

Это ловко ты сказала, Скафа, и не попусту:
За него подарок будет — милой Филематии.

Филематия

Все ль на месте, посмотри-ка. Волосы
в порядке ли?

Скафа

- 15 Если ты сама в порядке, то в порядке волосы.

Филолахет

А! Что может быть подлее, право, этой
женщины?
Льстит, разбойница, а раньше все напротив!

Филематия

Дай сюда
Мне белила.

Скафа
Для чего же?

Филематия

Щеки смазать.

Скафа

Вот те на!
Кость слоновую ты хочешь побелить чернилами.

Филолахет

260 Кость чернилами! Прекрасно, Скафа!
Аплодирую!

Филематия

Ну, так подавай румяна.

Скафа

Хороша и так. Не дам.
Ты подмалевать желаешь чудное создание.
Даже трогать притиранья незачем в твои года,
Ни милосские белила, ни румяна не нужны.

Филематия

265 Зеркало возьми.

Филолахет

Целует зеркало! О, горе мне!
Камнем бы в него ударить! Голову разбить ему!

Скафа

Вот возьми-ка полотенце, руки вытри.

Филематия

А зачем?

Скафа

Зеркало в руках держала. Руки серебром, боюсь,
Не запахли бы и милый твой не заподозрил бы,
Что ты деньги получила где-то от других еще.

Филолахет

270 Я хитрее этой сводни никогда не видывал!
Как придумала искусно и хитро о зеркале!

Филематия

И духами надушиться мне нельзя?

Скафа

Не следует.

Филематия

Почему же?

Скафа

Лучший запах в женщине — без

запаху

275 Вовсе быть. Когда старухи, дряхлые, беззубые,
Мажутся, порок телесный пряча под прикрасою,
То, как только пот сольется с мазями, получится,
Точно повар много разных соусов послил
в одно:
И не разберешь, чем пахнет, только чуешь
скверный дух.

Филолахет

280 До чего ловка! Ученых всех она ученее!
Это правда и понятно многим, зрители, из вас,
Кто, погнавшись за приданым, в дом старуху
в жены взял.

Филематия

Скафа, посмотри, идет ли платье мне и золото.

Скафа

Это не моя забота.

Филематия

Чья ж?

Скафа

Филолахетова.

285 Что тебе по вкусу, то лишь пусть и покупает он.
Ласки женщины любовник золотом и пурпуром
Покупает. Так зачем же то самой показывать,
Что своим считать не хочет он? Прилично
возраст свой
В золото и пурпур прятать безобразной
женщине.

Если женщина прекрасна, то она прекраснее
Будет обнаженная, чем в пурпур разодетая.
290 И к чему наряды, если нрав дурной?

Постыдный нрав
И хорошие наряды хуже грязи пачкает.
Будь красива, так и слишком этим уж украшена.

Филолахет

Сдерживаюсь слишком долго. В чем же дело тут
у вас?

Филематия

Для тебя я наряжаюсь, чтоб тебе понравиться.

Филолахет

Ты достаточно нарядна. (*Скафе.*) В дом ступай,
возьми с собой
295 Украшения все эти. Прелесть Филематия,
Выпить мне с тобой охота, радость ты моя!

Филематия

И мне,
Ненаглядный друг, с тобою. Все твои желания —
И мои.

Филолахет

За это слово мало дать и двадцать мин.

Филематия

Десять дай. В недорогую цену станет пусть тебе.

Филолахет

За тобою остается десять. Подведи расчет.
300 Тридцать за тебя я отдал.

Филематия

Для чего попрек такой?

Филолахет

Мне ль попреки делать? Лучше упрекают пусть
меня:
Никогда не помещал я денег столь же выгодно.

Филематия

Как и я свои услуги, полюбив тебя.

Филолахет

Ну, вот

- Кончен счет, приход с расходом хорошо сошлись
у нас:
305 Оба любим мы друг друга, оба стоим этого.
Рад за нас кто — рад пусть будет счастьем своему
всегда;
А завистник пусть лишится благ, достойных
зависти.

Филематия

Так приляг. Воды дай, мальчик. Стол поставь.
А кости где?
Хочешь мазей?

Филолахет

- Для чего мне? Лег я рядом
с миррою.
310 Но не мой ли там приятель к нам идет
с подружкой?
Он, Каллидамат! Прекрасно! Друг ты мой!
Соратники
Сходятся! В своей добыче доли добиваются!

Сцена четвертая

Каллидамат, Дельфия, Филолахет, Филематия.

Каллидамат

- За мной приходите вы к Филолахету,
И вовремя! Слышишь? Тебе приказал я.
315 Там, где был, — нет меня: вон сбежал я скорей.
Пирушка и речи мне так надоели!
Кутить дай пойду-ка я к Филолахету.
Он встретит нас весело, примет любезно,
Ты, кажется, д-д-думаешь, будто я пьян?

Дельфия

- 320 Ты всегда был таков,
Ничего нового.

Каллидамат

Ты меня не желаешь обнять?

Дельфия

Отчего ж!

Если по сердцу это тебе.

Каллидамат

Ты мила!

Ну, води же меня!

Дельфия

Не вались! Крепче стой!

Каллидамат

325

Т-т-ты моя милая!

Радость! Я питомец твой!

Дельфия

Осторожней! На улице свалишься вдруг,
Прежде чем доберемся до ложа с тобой.

Каллидамат

Дай же мне, дай упасть!

Дельфия

Ну, даю.

Каллидамат

Лишь бы с тем, что в руке.

Дельфия

Если падать, то вместе с тобой упаду.

Каллидамат

330 А потом нас двоих кто-нибудь
подберет.

Дельфия

Малый пьян!

Каллидамат

Говоришь, что я пьян?

Дельфия

Руку дай.

Не хочу, чтоб ударился ты.

Каллидама т

На, держи!

Дельфия

Ну, пойдем!

Каллидама т

А куда мне идти?

Дельфия

Знаешь сам.

Каллидама т

Знаю, только что припомнил. Я кутить домой
иду.

Дельфия

335 Вовсе нет, а сюда.

Каллидама т

Вот теперь помню я.

Филолахет

Хочешь, я к ним пойду, милая? Больше
всех

Мил он мне. Я назад тотчас же.

Филематия

Долго как это мне «тотчас же»!

Каллидама т

Есть ли кто здесь?

Филолахет

Да, есть.

Каллидама т

340 Это ты! Мой привет!
Друга нет у меня большего!

Филолахет

Очень рад. Так приляг, милый мой.
Из каких мест идешь?

Каллидама т

Из каких

И прийти пьяному!

Филематия

Ну, приляг, Милая Дельфия,
Дай ему выпить.

Каллидама т

Я спать хочу.

Дельфия

345 Ничего странного, нового вовсе нет.

Филолахет

А потом мне что с ним делать?

Дельфия

Так вот и оставь его.

Филолахет (*рабу*)

Обноси покамест чашу, с Дельфии начав, скорей.

Акт второй

Сцена первая

Транион, Филолахет, Каллидама т, Дельфия, Филематия.

Транион

Вышний бог Юпитер всею силой, всеми
средствами

Мне и сыну господина — гибели желает нам.
350 Сгинули надежды наши, и опоры нет нигде.
Нам не будет во спасенье даже и Спасение.
Ах, беду сейчас я видел, горы горя в гавани!
Из чужих краев хозяин прибыл! Транион погиб!
Кто найдется, кто хотел бы получить хороший
куш?

355 Кто б пошел на истязанье нынче, заменив меня?
Где вы, смельчаки, к побоям, к цепи

равнодушные,
Или те, кто за три гроша штурмом на врага
пойдут,

К башням, где десятки копий в одного
вонзаются?
Целый дам талант¹ тому, кто первый к дыбе
кинется,

360 Но с условием: пусть дважды пригвоздят ему
сперва
Руки, ноги — а тогда пусть требует наличными.
Что же это я, несчастный, не бегу бегом домой?

Филолахет

Вот уж и припасы! Это Транион из гавани.

Транион

Слушай!

Филолахет

Что?

Транион

И ты и я...

Филолахет

Что ты и я?

Транион

Погибли мы!

Филолахет

365 Почему?

Транион

Отец вернулся!

Филолахет

Что я слышу?

Транион

Нам конец!

Повторяю, возвратился твой отец.

Филолахет

Где он?

Транион

Уж тут!

Филолахет

Кто сказал? Кто видел?

Транион

Сам я видел, говорю.

Филолахет

Беда!

Что со мной творится?

Транион

Странно! тьфу! С тобою! Кутишь ты!

Филолахет

Сам видал?

Транион

Да, сам.

Филолахет

Наверно?

Транион

Да, наверно.

Филолахет

Я пропал,

370 Если правду говоришь ты.

Транион

А какой расчет мне лгать?

Филолахет

Что ж мне делать?

Транион

Все отсюда прикажи поскорей убрать.
Кто там спит?

Филолахет

Каллидамат. Толкни его там, Дельфия.

Дельфия

Слушай, слушай! Да не спи же!

Каллидама т
Я не сплю. Дай выпить мне!

Дельфия
Встань. Отец Филолахета прибыл!

Каллидама т
Будь здоров, отец!

Филолахет
375 Он здоров, а я на этот раз погиб!

Каллидама т
Как распогиб?

Филолахет
Встань, прошу. Отец вернулся.

Каллидама т
Твой отец? Вели назад
Уезжать! Нужда какая в этом возвращении?

Филолахет
Как тут быть? Беда! Застанет пьяным тут отец
меня,
Полон дом гостей и женщин! Жалкое занятие
380 Рыть колодец, как от жажды горло вовсе
высохло!
Так и я: ищу, что делать, а отец уж тут как тут!

Транион
Снова голову склонил он! Спит!
Да разбуди ж его!

Филолахет
Ты не спишь? Отец сейчас мой будет тут!

Каллидама т
Что? Твой отец?
Обувь дай, вооруженье. Я сейчас убью отца!

Филолахет
385 Губишь все!

Дельфия
Молчи!

Филолахет
Скорее под руки! Тащите в дом!

Каллидамат
Дайте мне горшок, иначе вы горшком мне
будете!

Филолахет
Гибель!

Транион
Будь бодрей. Сумею страх твой
успокоить я.

Филолахет
Кончен я!

Транион
Молчи! Как с этим справиться,
придумаю.
390 Хочешь, так устрою дело, что отец не только что
Не войдет сюда, а даже прочь от дома бросится?
Только сами уходите, уберите все скорей.

Филолахет
Где ж мне быть?

Транион
Да будь где хочешь. С ней и с нею вместе
будь.

Дельфия
Нам уйти?

Транион
Совсем не надо, Дельфия. Идите в дом
И пируйте там, как будто ничего и не было.

Филолахет
395 В пот ударило! Чем только дело это кончится?

Т р а н и о н

Успокоиться и сделать можешь, что скажу?

Ф и л о л а х е т

Могу.

Т р а н и о н

Первое — вы поскорее обе уходите в дом.

Д е л ь ф и я

Мы к твоим услугам обе.

Т р а н и о н

Помоги Юпитер нам!

Слушай ты теперь, что сделать следует,
по-моему.

400 Крепко-накрепко, во-первых, двери запереть вели
И внутри молчать вели всем, чтоб ни звука!

Ф и л о л а х е т

Сделаю.

Т р а н и о н

Точно ни живой души нет в доме!

Ф и л о л а х е т

Будет сделано.

Т р а н и о н

И чтоб не было ответа, как начнет стучать
старик.

Ф и л о л а х е т

Все теперь?

Т р а н и о н

Сюда лаконский ключ вели мне вынести,
405 Им хочу я дом снаружи запереть, вот эту дверь.

Ф и л о л а х е т

Под твою даю охрану все мои надежды я.
(Уходит.)

Т р а н и о н

Меж патроном и клиентом никакой нет разницы!

Сцена вторая

Транион, Сферион.

Т р а н и о н

- Да, у кого в душе нет вовсе смелости,
410 Испортить дело может сразу он легко;
Но умный должен постараться, чтобы все,
Что без толку задумано и сделано,
Уладилось бы мирно, злом не кончилось,
415 Не обернулось так, что станет свет не мил.
Так точно я все, что мы намутили здесь,
И проясню, и приведу к спокойствию,
Чтоб нам каких не вышло неприятностей.

Входит мальчик.

- А ты зачем? Так, Сферион, отлично ты
420 Исполнил порученье.

С ф е р и о н

Очень он велел
Просить тебя, от дома отпугни отца,
Чтоб не вошел к нему он.

Т р а н и о н

- Ты скажи ему,
Устрою так, что на дом и не взглянет он,
А побежит, накрывши в страхе голову.
425 Давай же ключ и в дом иди, да дверь запри.
А я запру отсюда.

(Мальчик уходит.)

- Пусть идет теперь.
При жизни старику устрою игры я²,
Каких уж не устроят, когда он помрет.
От двери отойду и буду издали
Выглядывать, откуда старика бы мне,
430 Чуть подойдет он, нагрузить поклажею.

Акт третий

Сцена первая

Феопропид, Транион

Ф е о п р о п и д

Нептун! Благодаренье возношу тебе:

Едва живым меня ты отпустил домой.
Но ежели увидишь после этого,
Что в море вышел я хоть на полсажени,
Без колебаний поступи со мною так,
435 Как поступить намеревался в этот раз.
Прочь! Прочь! Подальше от меня, прошу,
теперь!
Я все тебе доверил, что хотел!

Т р а н и о н

Клянусь,
Огромную ошибку сделал ты, Нептун,
Подобный случай упустил прекраснейший!

Ф е о п р о п и д

440 Три года был в Египте! Вот и дома я.
Обрадуются, думаю, домашние.

Т р а н и о н

Обрадовались больше бы гонцу они,
Принесшему известие, что умер ты.

Ф е о п р о п и д

Но что такое? День, а двери заперты!
445 Дай стукну. Эй, вы! Кто там есть? Откройте
дверь!

Т р а н и о н

Кто подошел так близко к дому нашему?

Ф е о п р о п и д

Мой раб как будто, Транион.

Т р а н и о н

Феопропид
Хозяин! Здравствуй! Жив вернулся! Как я рад!
Здоров ли ты?

Ф е о п р о п и д

Как видишь.

Т р а н и о н

Вот приятно-то

Ф е о п р о п и д

450 А вы, никак, с ума сошли?

Т р а н и о н

А что?

Ф е о п р о п и д

Да что

Ушли из дому, ни живой души внутри,
Никто не отпирает, и ответа нет.
Стучу, стучу! Едва дверей не выломал!

Т р а н и о н

455 Ах! Ах! Ты прикоснулся к дому этому?

Ф е о п р о п и д

А почему бы и не прикоснуться мне?
Сказал ведь, стуком чуть не проломал дверей.

Т р а н и о н

Дотронулся?

Ф е о п р о п и д

Дотронулся. Стучался.

Т р а н и о н

Ах!

Ф е о п р о п и д

Ну, что?

Т р а н и о н

Беда!

Ф е о п р о п и д

Какая?

Т р а н и о н

Ах, наделал ты —
Сказать нельзя — такой беды ужаснейшей!

Ф е о п р о п и д

460 Да что?

Т р а н и о н

От дома, заклинаю, прочь беги!
Ко мне беги поближе! Ты дотронулся?

Феопропид

А как же, не дотронувшись, я мог стучать?

Транион

Убил, клянусь!

Феопропид

Кого убил?

Транион

Да всех своих.

Феопропид

А, чтоб ты провалился с этим карканьем!

Транион

465 Боюсь, не искупить уж ни себя, ни их!

Феопропид

Да что? В чем дело? Что еще за новости!

Транион

(Указывая на носильщиков.)

И им вели оттуда отойти, прошу.

Феопропид

Уйдите!

Транион

Не касайтесь дома! До земли
И вы дотроньтесь!

Феопропид

470 Но скажи, пожалуйста,
В чем дело-то?

Транион

Семь месяцев, как в этот дом
Ногой никто не ступит, мы уж выбрались.

Феопропид

С чего же это?

Т р а н и о н

Осмотришься кругом, прошу.
Никто нас не подслушивает?

Ф е о п р о п и д

Тихо все.

Т р а н и о н

Еще взгляни.

Ф е о п р о п и д

Нет никого. Ну, говори!

Т р а н и о н

475 Убийство в этом доме!

Ф е о п р о п и д

Что? Неясно мне.

Т р а н и о н

Здесь преступление совершено давным-давно.

Ф е о п р о п и д.

Давным-давно?

Т р а н и о н

Да, лишь теперь открыли мы.

Ф е о п р о п и д

Но что за преступление? Кто совершил, скажи?

Т р а н и о н

Там гость убит хозяином — я думаю,
480 Тем самым, у которого ты дом купил.

Ф е о п р о п и д

Убит?

Т р а н и о н

Да, он у гостя отнял золото
И в доме там же закопал убитого.

Ф е о п р о п и д

А вы откуда это заподозрили?

Т р а н и о н

Вот слушай. Раз поужинал в гостях твой сын,
485 Домой вернулся с ужина, все спать пошли.
Уснули. А фонарь я потушить забыл.
И вдруг как закричит он! Громко! Страшно так!

Ф е о п р о п и д

Кто? Кто? Мой сын?

Т р а н и о н

Тсс... тсс... Молчи! Послушай-ка.
490 Сказал, пришел во сне он, тот мертвец, к нему...

Ф е о п р о п и д

Так, стало быть, во сне?

Т р а н и о н

Да, да, но слушай же.
И вот что говорил ему он, тот мертвец...

Ф е о п р о п и д

Во сне?

Т р а н и о н

Заговорил бы наяву еще
Лет шестьдесят тому назад зарезанный!
495 Уж до чего же прост бываешь ты подчас!

Ф е о п р о п и д

Молчу.

Т р а н и о н

И вот что он тогда сказал ему:
«Заморский гость, приезжий, Диапонтий я.
Я здесь живу, и жить мне здесь указано.
Не принят я в подземный мир, до времени
500 Лишенный жизни. Вероломно был я тут
Обманут, умертвил меня хозяин мой
И в доме здесь зарыл непогребенного,
Преступник, из-за золота. А ты теперь
Отсюда выселяйся. Проклят этот дом,
И жить в нем неискупный грех!» Какие здесь
505 Явления бывают, не сказать и в год!
Тсс... тсс...

Феопропид
Но что случилось?

Транион

Заскрипела дверь...

Не он ли стукнул?

Феопропид

Капли крови нет во мне!
Зовут живого к Ахеронту мертвые!

Транион

510 Пропал я! Мне испортят всю игру они!
С поличным не поймал бы он меня, боюсь!

Феопропид

Что говоришь ты сам с собой?

Транион

От двери прочь!

Беги, прошу!

Феопропид

Куда бежать? И ты беги.

Транион

Не страшно мне: ведь с мертвецами в мире я.

Голос изнутри

515 Эй, Транион!

Транион

Да не зови же, будь умен!

(Вслух.)

Не я стучал. И нет моей вины ни в чем.

Феопропид

Чем ты встревожен? Что так отстраняешься?
С кем говоришь?

Транион

Ах, это ты позвал меня!

520 А я-то думал, нас к ответу требовал

Мертвец за то, что ты стучался в эту дверь.
Но все еще стоишь ты и не слушаешь,
Что говорю тебе я?

Феопропид
Что же делать мне?

Транион
Да не смотри! Беги, покрывши голову!

Феопропид
А сам ты что же?

Транион
С мертвецами в мире я.

Феопропид
525 Я знаю. Но чего ж ты испугался так?

Транион
Ты не заботься обо мне, пожалуйста,—
Я о себе подумаю. А сам скорей
Беги, насколько силы есть, всю бегу,
Призвавши Геркулеса.

Феопропид
Геркулес! К тебе
Взываю!

(Убегает.)

Транион
Как и я: пошли беду ему!
530 Бессмертные! Молю я вас о помощи!
О, сколько зла сегодня мною сделано!

Сцена вторая

Мисаргирид, Транион, Феопропид.

Мисаргирид
Вот выпал год мне! Злее года этого
Для дачи денег в рост я и не видывал!
С утра до ночи целый день на площади,
535 И хоть бы грош ссудить я мог кому-нибудь!

Т р а н и о н

Теперь пропал я, видно, окончательно!
Процентщик здесь, который денег дал купить
Подружку нам! Раскрыто дело, если мер
540 Я не приму, чтоб не узнал про все старик.
Пойду к нему навстречу. Но старик чего ж
Так скоро возвращается домой? Боюсь,
О нашем деле не узнал ли что-нибудь.
Ну, подойду, поговорю. Как жутко мне!
Нет хуже, если знаешь за собой грешок,
545 Как знаю я! Однако что б там ни было,
А надо путать дальше, дело требует.
Откуда ты?

Ф е о п р о п и д

С владельцем прежним встретился,
Тем самым, у которого я дом купил.

Т р а н и о н

Тем самым? Что ж, и передал слова мои?

Ф е о п р о п и д

Да, все сказал.

Т р а н и о н

Беда моя! Несчастье!
550 Теперь, боюсь, конец моим уловкам всем!

Ф е о п р о п и д

Ты что там про себя?

Т р а н и о н

Я ничего. Так ты
Сказал ему?

Ф е о п р о п и д

Конечно, по порядку все.

Т р а н и о н

Сознался он?

Ф е о п р о п и д

Нисколько. Отрекается.

Мисаргирид
Карманы, видно, пусты у молодчика.

Транион
Молодчик этот предсказатель, видимо.

Мисаргирид
Ты что виляешь?

Транион
Говори, чего тебе?

Мисаргирид
Филолахет где?

Транион
Кстати ты пожаловал!
Удобнее момента не найти!

Мисаргирид
А что?

Транион
575 Поди сюда.

Мисаргирид
Проценты отдадите мне?

Транион
Твой голос знаю. Не кричи, пожалуйста.

Мисаргирид
А я кричу!

Транион
Ах, сделай же услугу мне.

Мисаргирид
Какую?

Транион
Уходи домой, прошу тебя.

Мисаргирид
Домой?

Т р а н и о н

Да, да, а в полдень приходи опять.

М и с а р г и р и д

580 Проценты мне дадите?

Т р а н и о н

Да, дадим. Иди.

М и с а р г и р и д

К чему стараться, время тратить, бегая?
Не лучше ли остаться до полудня здесь?

Т р а н и о н

Нет, правда, лучше уходи домой! Ступай!

М и с а р г и р и д

Проценты мне давайте! Что несете вздор?

Т р а н и о н

585 Нет, право, слушай, уходи!

М и с а р г и р и д

Уж я ему

Наделаю здесь шуму!

Т р а н и о н

Чересчур ты лих

Понравилось кричать тут!

М а с а р г и р и д

Я свое прошу

590 Уж сколько дней меня вы за нос водите.
Противно стало — дайте деньги, я уйду,
Все споры этим словом сразу кончите.

Т р а н и о н

Долг получай.

М и с а р г и р и д

Проценты подавай сперва.

Т р а н и о н

Да что пристал, мерзавец из мерзавцев, ты?
Пришел фуфыря! Что доступно, делал бы.

595 Не даст! Не должен!

Мисаргирид

Как не должен?

Транион

Нет тебе
Ни полгроша. Боишься, что ль, что он уйдет
Из-за твоих процентов вон из города
Изгнанником, когда тебе возможность есть
Долг самый получить уже?

Мисаргирид

Нет, долга я
600 Не требую. Отдайте мне процент сперва.

Транион

Отстань ты! Не получишь! Как угодно там!
Один, что ль, под проценты деньги ты даешь?

Мисаргирид

Процент сюда! Давай процент! Плати процент!
Заплатите проценты мне немедленно?
605 Проценты будут?

Транион

Там процент и тут процент:
И слов других не знает, кроме как процент!
Пошел ты прочь! Мерзей тебя животного
Нигде я за всю жизнь свою не видывал.

Мисаргирид

Меня не запугаешь! Не боюсь я слов!

Феопропид

610 Какие он, скажи, проценты требует?

Транион

Вот только что вернулся из чужих краев
Отец его, уплатит долг с процентами.
Тебе нас больше беспокоить нечего.
Навряд ли он задержит.

Мисаргирид

Где дают, беру.

Феопропид

615 Ну, что?

Транион

А что?

Феопропид

Кто это? И чего ему?

К чему он сына часто поминает так,
С тобой в лицо бранится? Что за долг такой?

Транион

Пожалуйста, вели ему в лицо швырнуть
Ты деньги эти! Эка скот бессовестный!

Феопропид

620 Швырнуть?

Транион

Ему все рыло серебром разбей.

Мисаргирид

Не больно! Серебром меня, как хочешь, бей.

Транион

Слыхал ты? Сразу видно настоящего
Процентщика, породы их бессовестной.

Феопропид

625 Об этом мне заботы нет, откуда он
И кто такой, а вот что мне ответь, прошу
Какие это деньги?

Транион

Должен сын ему

Немножко.

Феопропид

Сколько?

Транион

Так примерно сорок мин.

Не то чтоб много.

Феопропид

Мало ли, по-твоему?
Я слышал, и проценты выросли на долг?

Транион

630 Четыре мины выйдет. Так скажи ему,
Что ты отдашь, и пусть уйдет.

Феопропид

Что я отдам?

Транион

Да.

Феопропид

Я?

Транион

Ты сам. Так и скажи, пообещай.
Советую.

Феопропид

635 Ответ сперва, пожалуйста,
Куда пошли те деньги?

Транион

Целы.

Феопропид

Целы? Так
Платите сами, если целы.

Транион

Дом купил
Твой сын.

Феопропид

Дом?

Транион

Дом.

Феопропид

Отлично! Сын в отца пошел,
Торговлею уже он занимается!

Т р а н и о н

640 Что в старом доме было, я сказал тебе:
Другой он дом сейчас же и купил себе.

Ф е о п р о п и д

Дом, стало быть?

Т р а н и о н

Дом. И какой! Ты знаешь ли...

Ф е о п р о п и д

А как мне знать!

Т р а н и о н

О!

Ф е о п р о п и д

Что?

Т р а н и о н

Уж и не спрашивай!

Ф е о п р о п и д

А что?

Т р а н и о н

Блестит, как зеркало, сияет весь.

Ф е о п р о п и д

645 Прекрасно. А за сколько он купил его?

Т р а н и о н

За столько же талантов, сколько нас с тобой,
Ну, а в задаток дал он эти сорок мин.

650 Вот у него и взяли. Что, смекнул теперь?

Ф е о п р о п и д

Прекрасно сделал.

М и с а р г и р и д

Полдень близок! Слушай, эй!

Т р а н и о н

Отдай ему! Он изведет нас мерзостью!

Сорок четыре мины мы должны ему,
Процент и долг.

Мисаргирид

Так. Больше я не требую.

Транион

Хотел бы я, чтоб больше ты потребовал!

Феопропид

Со мной, дружок, считайся.

Мисаргирид

Так с тобой? Пускай.

Феопропид

До завтра.

Мисаргирид

Так до завтра? Пусть. Куда ни шло.

(Уходит.)

Транион

655 Пусть боги разразят тебя, негодного!
Совсем было расчеты перепутал мне!
На свете нет мерзее этой гадости —
Породы ростовщической, разбойничьей.

Феопропид

Мой сын в какой же местности тот дом купил?

Транион

660 Вот и погиб!

Феопропид

Ну, отвечай на мой вопрос.

Транион

Сейчас. Припоминаю, как хозяина
Зовут.

Феопропид

Припомни.

Т р а н и о н

Что еще тут делать мне?

Сошлюсь-ка на соседа на ближайшего,
Скажу, что у соседа сын тот дом купил.

665 Слыхал не раз я; с пылу с жару лучше ложь:
Упустишь время — ложь простынет, плохо жжет.
То и скажу, что боги подсказали мне.

Ф е о п р о п и д

Ну, что́, припомнил?

Т р а н и о н

Провались тот! Лучше пусть —
Вот этот. У соседа вот у этого
670 У са́мого сын дом купил.

Ф е о п р о п и д

По совести?

Т р а н и о н

Да ежели заплатишь, то — по совести,
А если не заплатишь, то — бессовестно.

Ф е о п р о п и д

Но место подгуляло.

Т р а н и о н

Что ты? Лучше нет!

Ф е о п р о п и д

Недурно осмотреть бы. Постучи-ка в дверь,
675 Да вызови кого-нибудь ко мне сюда.

Т р а н и о н

Опять попался! Что сказать, не знаю я.
Опять об тот же камень бьет меня волной.
Как быть? И не придумаю, что сделать мне
С поличным пойман!

Ф е о п р о п и д

Вызови кого-нибудь,
680 Пускай покажет.

Т р а н и о н

Эх, ты! Тут ведь женщины.
Узнать сперва, согласны ли они еще.

Феопропид

Да, это верно. Ну, пойдя, спроси у них,
А я пока у дома подожду тебя.

Транион

- 685 Пусть боги разразят тебя вконец, старик!
Хитрю, хитрю, а ты мне разрушаешь все.
Эге, вот кстати! Сам хозяин, Симон сам
Выходит. Отойду покамест в сторону
Да созову сенат в уме — совет держать.
Решу, что делать, подойду тогда к нему.

Сцена третья

Симон, Транион, Феопропид.

Симон

- 690 Года мне никогда лучше не было:
Никогда есть вкусней не случилось мне.
Завтрак мне дан женой превосходнейший.
А теперь спать зовет: не подумаю!
Понял я тотчас же, что не зря она
695 Завтрак мне подала лучше, чем всегда:
Чтоб меня увести в спальню ей, карге!
Днем, поев, вредно спать! Нет, проваливай!
Я тайком из дому поскорей ушел,
А жена, знаю я, дома вся кипит.

Транион

- 700 Старику этому вечер будет плох:
Сон его с ужином ждет совсем дурной.

Симон

- Часто я сам с собой рассуждаю так:
Жить с женою старою и приданницей —
Значит сна не любить. Тут противно всем
705 Спать идти! Решено! Лучше я уйду
На люди, нежели буду дома спать.
Не могу знать, у вас жены каковы,
А моя очень зла, после этого ж
710 И еще злей со мной станет, чем была.

Транион

Твой уход на тебя навлечет беду,
И богов обвинять не за что тебе.

Сам во всем виноват и брани себя.
Ну, пора к старику обратиться мне.
715 Вот, готов! Я нашел, чем его провести!
И беду от себя этим прочь отвести.
Ну, теперь подойду. Симон, будь здоров!

Симон

Будь здоров. Транион.

Транион

Как живешь?

Симон

Хорошо.

Ну, а ты?

Транион

С мужем я доблестным встретился.

Симон

Рад твоей похвале дружеской.

Транион

Стоишь ты.

Симон

720 Я ж с рабом встретился, но в нем нет
доблести.

Феопропид

Эй, ко мне подойди, висельник!

Транион

Я сейчас.

Симон

Ну, так как? Скоро ли?

Транион

Что?

Симон

А то, что у вас

Дома.

Т р а н и о н

Что?

С и м о н

Знаешь сам. К вам оно так идет.
725 угоддай
Не забудь: коротка наша жизнь.

Т р а н и о н

Что? Ах да!

Понял наконец: об этих наших говоришь делах!

С и м о н

Так у вас слажено, чтоб свою скрасить жизнь
730 И вином и едой, рыбою на отбор —
Вот она, ваша жизнь.

Т р а н и о н

А теперь блага те все у нас кончились!

С и м о н

Как же так?

Т р а н и о н

Да вот так! Нам конец всем пришел!

С и м о н

Правда ли? Но пока все у вас славно так
735 Шло!

Т р а н и о н

Ну, да. Было так,
Жили мы хорошо, как душе хочется.
Но сейчас попутным ветром наш корабль
покинут.

С и м о н

Ну?

Как же так?

Т р а н и о н

Бедствие!

С и м о н
К суше бы
В тишь его подвели.

Т р а н и о н
Эх!

С и м о н
Да что?

Т р а н и о н
Горе мне! Я пропал

С и м о н
740 Почему?

Т р а н и о н
Другой корабль нам встретился, пробил наш
челн.

С и м о н
Мне жаль тебя. Но что ж у вас случилось?

Т р а н и о н
Я готов сказать.
Хозяин из чужих краев вернулся.

С и м о н
Вот к чему идет!
В железки, значит, а потом на дыбу?

Т р а н и о н
Умоляю,
745 Не говори хозяину!

С и м о н
Не бойся, от меня совсем
Он не узнает ничего.

Т р а н и о н
Спасибо, дорогой патрон!

С и м о н
Мне ни на что не надобны подобные клиенты.

Т р а н и о н

Теперь зачем старик меня прислал к тебе...

С и м о н

Один вопрос сначала: а про ваши все
Проделки разузнал уже старик, скажи?

Т р а н и о н

750 Покамест нет.

С и м о н

А сына не бранил еще?

Т р а н и о н

Как тихая погода, он настолько тих.
Велел тебя просить он, не позволишь ли
Ему твой дом вот этот осмотреть.

С и м о н

Но он

Не продается.

Т р а н и о н

Как же, знаю, но старик
Желает гинекей³ построить в собственном
И баню, галерею и цветник.

С и м о н

Да что

Взбрело ему такое?

Т р а н и о н

А вот видишь ли,
Женить желает сына поскорей старик
И с новым гинекеем оттого спешит.
760 Какой-то архитектор, по его словам,
Твою постройку очень расхвалил ему.
Коли дозволишь, хочет взять в пример ее
И сделать так, вот почему особенно:
Слышал он, что в сильнейшую жару у вас
765 С утра до ночи тень стоит чудесная.

С и м о н

Наоборот, когда повсюду тень, у нас
С утра до ночи солнце постоянно тут,

Как кредитор, у двери целый день стоит.
В колодце разве — тени больше нет нигде.

Т р а н и о н

770 Где тень, там лень. За нею гнаться нечего.

С и м о н

Оставь острить. Все так и есть, как я сказал.

Т р а н и о н

Но осмотреть он все же хочет.

С и м о н

Что ж, пускай,
Коли угодно, смотрит. Если что-нибудь
Понравится, пусть строит сам по-моему.

Т р а н и о н

Так я пойду позвать его?

С и м о н

Иди, зови.

Т р а н и о н

775 Молва гласит, что Александр и Агафокл⁴
Великие дела свершали. Двое их,
Однако же. А мне что будет, третьему?
Ведь я один творю дела бессмертные!
Один старик оседлан здесь, а там другой!
Прекраснейший, открыл я новый промысел:
780 Гоняют вьючных лошаков погонщики,
А у меня и люди стали вьючными.
Выносливы: что ни положишь, все везут!
Поговорю-ка с ним теперь. Ну, подойду.
Эй, Феопропид!

Ф е о п р о п и д

Кто меня окликает?

Т р а н и о н

785 Раб верный господский.

Ф е о п р о п и д

Откуда идешь ты?

Т р а н и о н

Куда ты послал, порученье готово.

Ф е о п р о п и д

Чего же так долго ты там оставался?

Т р а н и о н

Да был недосуг старику, вот и ждал я.

Ф е о п р о п и д

Твой старый порок узнаю, копотлив ты

Т р а н и о н

790 Эх, ты! Да подумай! Есть старая притча:
И дуть и хлебать ведь немислимо сразу
И тут будь, и там будь. Да разве возможно?

Ф е о п р о п и д

Ну, что?

Т р а н и о н

Все готово. Смотри, сколько хочешь.

Ф е о п р о п и д

Веди.

Т р а н и о н

Не замедлю.

Ф е о п р о п и д

А я за тобою.

Т р а н и о н

795 Старик сам у двери, смотри, поджидает.
Но как он печален! Такой дом он продал!

Ф е о п р о п и д

И что ж?

Т р а н и о н

Убедить просит Филолахета,
Чтоб дом он обратно вернул.

Ф е о п р о п и д

Дождись
Всяк жнет для себя. Будь плохая покупка,

800 И то возвратить нам его невозможно.
И малую прибыль в карман мы положим.
Излишняя жалость некстати.

Т р а н и о н

Ты медлишь.

За мною же!

Ф е о п р о п и д

Ладно. Тебе подчиняюсь.

Т р а н и о н

Здесь старик. Эй, господина я к тебе привел
с собой.

С и м о н

805 Рад тебя здоровым видеть после путешествия.

Ф е о п р о п и д

Благодарствую.

С и м о н

Ты хочешь, говорил мне Транион,
Осмотреть мой дом?

Ф е о п р о п и д

Да, если в этом неудобства нет.

С и м о н

Никакого неудобства. Внутрь иди, осматривай.

Ф е о п р о п и д

Но там женщины...

С и м о н

Оставь ты! Есть о чем заботиться!
Обойди весь дом, как хочешь, будто твой он
собственный.

Ф е о п р о п и д

810 «Будто»?

Т р а н и о н

Ах, старик расстроен. Ты уж не подчеркивай,
Что купил ты дом. Печально, видишь, у него
лицо.

Феопропид

Вижу.

Транион

Так скрывай насмешку, торжество излишнее,
И о том не заикайся, что купил.

Феопропид

Ты напомнил очень кстати и по-человечески.
815 Ну?

Симон

Иди же в дом, как хочешь, не спеша осматривай.

Феопропид

Вот спасибо за любезность.

Симон

Сделай милость.

Транион

Двор, смотри,
Перед домом и аллея. Каковы?

Феопропид

Роскошные.

Транион

Косяки смотри дверные. Как тебе понравятся?
Прочность, толщина какая! Прямо
замечательно!

Феопропид

820 Косяков не видел лучше.

Симон

Я и цену славную
Дал за них когда-то.

Транион

Слышишь? Говорит «когда-то» он.
Еле сдерживает слезы!

Феопропид

Сколько же ты дал за них?

Симон

Да за пару дал три мины. Перевоз сюда не
в счет.

Феопропид

Э, они гораздо хуже, чем сначала думалось.

Транион

825 Почему?

Феопропид

Да снизу оба червяком подъедены.

Транион

Их не вовремя срубили, — видно, это им вредит.
Но и так они не плохи, если смазать их смолой
Ведь не варвар-кашеед их делал — мастер
греческий!

Скрепы видишь ли дверные?

Феопропид

Вижу.

Транион

Как отлично спят!

Феопропид

830 Спят?

Транион

Сомкнулись, точно веки, — вот что я хотел
сказать.
Хороши!

Феопропид

Смотрю чем больше, тем мне больше
нравятся.

Транион

Намалевана ворона, видишь, там? Она одна
Коршунов двоих изводит.

Феопропид

Нет, не вижу.

Т р а н и о н

А вот я
Виджу, как стоит ворона посреди двух коршунов
И по очереди щиплет их обоих. Вот сюда,
835 На меня смотри, ворону и рассмотришь. Видишь
ли?

Ф е о п р о п и д

Никакой нигде вороны я не вижу.

Т р а н и о н

Ну, тогда
Посмотри на вас, быть может, и увидишь
коршунов,
Если не видна ворона.

Ф е о п р о п и д

Нет, я окончательно
Никакой не вижу вовсе птицы намалеванной.

Т р а н и о н

840 Извинительно! Твой возраст видеть не дает тебе.

Ф е о п р о п и д

Ну, а что я вижу, это все мне очень нравится.

С и м о н

А теперь пройти и дальше стоит.

Ф е о п р о п и д

Твой совет хорош.

С и м о н

Малый! Проведи его вот по́ дому и комнатам.
Я бы сам провел, но дело у меня на форуме.

Ф е о п р о п и д

845 Нет, не надо, не хочу я, чтобы провели меня,
Лучше заблужусь, чем станет кто-нибудь водить.
Так я,
Стало быть, без провожатых в дом к тебе войду.

С и м о н

Изволь.

Феопропид

Значит, я войду.

Транион

Постой-ка, нет ли там собак.

Феопропид

Взгляни.

Транион

850 Прочь! Пошла! Прочь, говорю я! Уберешься,
что ли, ты?

Тут еще? Пошла отсюда!

Симон

Нечего бояться вам.

Точно ждет щенят собака, смирная. Смелей
входи.

Я ж на форум.

(Уходит.)

Феопропид

Ну, спасибо. Путь счастливый! Транион
Увести собаку эту попроси от двери прочь,
855 Не страшна хоть.

Транион

Да спокойно, посмотри, лежит она.
И к чему надоедать и трусить?

Феопропид

Как угодно, пусть.
Так иди сюда за мною.

Транион

Не отстану ни на шаг.

Акт четвертый

Сцена первая

Фаниск.

Фаниск

Рабы, что не знают вины за собою,
Но побоев боятся, однако,

- Те полезнее всех для хозяев.
860 А которые страха не знают, когда
Провинились и были побиты,
Те затеями вздорными тешат себя
И пускаются в бег, но их ловят,
И побои — вот их достоянье.
865 Я спину свою берегу от побоев,
И шкура моя, как то было доньше,
Быть целой должна, доводить до побоев
Не стану ее и, собою владея,
870 Я полную в этом найду ей защиту.
Другим дождь ударов, а мне пусть ни капли.
Таким ведь обычно бывает хозяин
С рабами, как сами они пожелают.
Хорош он с хорошими, зол он с дурными.
Рабов очень много негодных у нас.
875 Своих сбережений они не жалеют,
К побоям готовы. Когда позовешь их
Навстречу хозяину выйти, ответят:
«Не пойду! Надоел!
А чего ты спешишь,
Знаю я, тебя тянет куда-то. Ты, мул,
На кормежку, наверно, желаешь уйти!»
Вот что я получил за свой труд. Вон ушел.
880 Из большой челяди я один
Вот теперь и иду за хозяином.
Господин обо всем завтра же будет знать.
И ремнем утром их изобьет.
Но в конце концов дороже мне моя спина,
чем их.
Чем меня веревкой, лучше их ремнями
взлупят пусть.

Сцена вторая

Пинакий, Фаниск.

Пинакий

- 885 Стой, Фаниск, и не двигайся!
Повернись-ка еще разок!

Фаниск

Ах, отстань!

Пинакий

Привередничай,

Обезьяна! Останешься,
Что ль, на месте немедленно,
Прихлебала негодный?

Ф а н и с к

Прихлебала? Я?

П и н а к и й

Еще раз
Говорю: едой любую
Соблазнить тебя возможно.

Ф а н и с к

Это дело мое. Так хочу. А тебе
Какая забота об этом?

П и н а к и й

890 Загордился, хозяйский любимец!

Ф а н и с к

Ой-ой!

Глазам моим больно!

П и н а к и й

А что?

Ф а н и с к

Дымом выело.

П и н а к и й

Молчи, искусник! Денежки свинцовые
Умеешь лить!

Ф а н и с к

Напрасно от меня ты ждешь
Ругательства! Хозяину известен я.

П и н а к и й

Своя перина всякому известна.

Ф а н и с к

Будь

Ты трезв, так не бранился бы.

П и н а к и й

895 Чего я ради буду угождать тебе,

Когда ты мне не угождаешь? Но пойдем
Со мной, негодный, вместе за хозяином.

Ф а н и с к

А ты об этом разговор, прошу, оставь.

П и н а к и й

Ну, ладно. Постучимся в дверь.

900 Эй, кто тут есть! Кто от побоев эту дверь
Возьмет в защиту? Эту дверь откроет кто?

Но никто не выходит наружу:

Как негодникам надо, себя так ведут.

Но тем более следует быть начеку:

Вдруг кто выйдет и сразу ударит.

Сцена третья.

Т р а н и о н, Ф е о п р о п и д.

Т р а н и о н

Как находишь ты покупку эту?

Ф е о п р о п и д

Очень, очень рад.

Т р а н и о н

905 И, по-твоему, не слишком дорого?

Ф е о п р о п и д

Даром. В первый раз такое вижу. Дом выброшен

Т р а н и о н

Значит, нравится?

Ф е о п р о п и д

Нечего и спрашивать. Да, очень, очень нравится.

Т р а н и о н

Ну, а гинекей, а портик?

Ф е о п р о п и д

Хорошо, отлично все.

Больше нет нигде как будто здесь на наших
улицах.

Т р а н и о н

910 Мы с Филолахетом даже портики соседние
Все измерили.

Ф е о п р о п и д

И что же?

Т р а н и о н

Самый длинный этот наш.

Ф е о п р о п и д

О бессмертные! Покупка прямо превосходная!
Предложи мне шесть талантов за нее
наличными,
Не возьму!

Т р а н и о н

А захотел бы взять, так помешал бы я.

Ф е о п р о п и д

915 Хорошо в покупку эту деньги наши вложены!

Т р а н и о н

Все по моему совету и внушенью сделано!
Смело скажешь! Я заставил деньги под
проценты взять,
Дать в задаток за покупку эту.

Ф е о п р о п и д

Спас ты весь корабль.
Восемьдесят мин остались, значит, мы должны
ему?

Т р а н и о н

Ни одной копейки больше.

Ф е о п р о п и д

Пусть получит нынче же.

Т р а н и о н

920 Хорошо! Чтоб отговорки не было какой-нибудь,
Мне хоть отсчитай те деньги. Я и рассчитаюсь
с ним.

Ф е о п р о п и д

Не было б убытку, если дам тебе их.

Т р а н и о н

Смею ли

Словом или делом даже в шутку обмануть тебя!

Ф е о п р о п и д

Смею ль не остерегаться — верить что-нибудь тебе!

Т р а н и о н

925 Разве обманул тебя я с той поры, как раб
я твой?

Ф е о п р о п и д

Я берегся — и за это благодарен и богам
И себе. Тебя беречься одного и то умно!

Т р а н и о н

Я с тобой вполне согласен.

Ф е о п р о п и д

Ты ступай в имение
И скажи, что я вернулся, сыну.

Т р а н и о н

Будет сделано.

Ф е о п р о п и д

930 Пусть бегом с тобою вместе в город прибежит.

Т р а н и о н

Скажу.

А теперь я задним ходом побегу к пирующим
И скажу, что все спокойно, старика я прочь
убрал.

(Уходит.)

Сцена четвертая

Ф а н и с к, П и н а к и й, Ф е о п р о п и д.

Ф а н и с к

Никакого что-то шуму, как бывало до сих пор,
Флейтщицы совсем не слышно, да и никого
нигде.

Феопропид

935 Что такое? Что они тут ищут у дверей моих?
Что им нужно? Внутри что смотрят?

Фаниск

Постучу-ка в дверь еще.
Эй, ты, Транион! Открой же!

Феопропид

Что там за история?

Фаниск

Ну же! За Каллидамахом нашим мы пришли!
Открой!

Феопропид

Эй, ребята! Вам чего тут? В дверь зачем вы
ломитесь?

Пинакий

940 Эй, старик! Чего встречаешь не в свои дела?

Феопропид

Кто? Я?

Не в свои дела?

Пинакий

Ты выбран новым, что ль, смотрителем,
Чтоб вести дела чужие, видеть, слышать их,
судить?

Феопропид

Не у этого стоите дома.

Пинакий

Как? Филолахет
Разве дом уж продал? Или надувает нас старик?

Феопропид

945 Правду говорю. А вам что нужно тут?

Фаниск

А вот что. Здесь

Наш хозяин кутит.

Феопропид
Кутит ваш хозяин?

Фаниск
Именно.

Феопропид
Шутишь, малый, через меру.

Пинакий

Ну, а мы за ним пришли.

Феопропид
Вы? За кем?

Пинакий

За господином. Сколько раз твердить тебе!

Феопропид
Слушай (ты хороший малый)! Не живет никто
здесь.

Фаниск

Нет?

950 Не живет здесь, в этом доме, молодой
Филолахет?

Феопропид

Жил, но уж давно уехал он из дома этого.

Пинакий

А старик, как видно, этот не в своем уме.

Фаниск

Отец!

Заблуждаешься кругом ты! Разве что сегодня он
Или же вчера уехал, а то верно здесь живет.

Феопропид

Шесть уж месяцев никто тут не живет.

Пинакий

Э! Бредишь ты!

Феопропид

955 Я?

Пинакий

Да, ты.

Феопропид

Отстань! Дай с этим говорить рабом. Никто
Не живет!

Фаниск

Живет, конечно. Тут вчера, позавчера,
Пять, шесть дней назад — с тех пор как
за границу выехал
Вот его отец, и трех дней не прошло без
выпивки.

Феопропид

Что?

Фаниск

960 Трех дней не пропустили без пирушки тут они.
Девок навели, арфисток, флейтщиц, кутят.

Феопропид

Это кто

Делал так?

Фаниск

Филолахет.

Феопропид

Как? Что? Какой Филолахет?

Фаниск

У него Феопропидом звать отца.

Феопропид

О! Я пропал.

Если правду говорит он! Дальше расспрошу его.
Говоришь, привык кутить он, тот Филолахет, и
с ним

965 Господин твой?

Фаниск

Да.

Феопротид

Глупее, малый, ты, чем кажешься!
Может быть, ты по дороге завернул
куда-нибудь!
Закусить и выпил малость лишнего?

Фаниск

Чего еще?

Феопротид

Вот чего: ошибся, милый, домом, не туда зашел.

Фаниск

Знаю я, куда идти мне. Место мне знакомое.
970 Это дом Филолахетов, он Феопротида сын.
Как отец его уехал торговать отсюда, он
Выкупил себе арфистку.

Феопротид

Кто? Филолахет?

Фаниск

Ну да,

Филематию.

Феопротид

За сколько?

Фаниск

Тридцать дал...

Пинакий

Талантов?

Фаниск

Нет,

Мин.

Феопротид

Купил ее?

Фаниск

Купил же в собственность, за тридцать мин.

Феопропид
На любовницу истратил тридцать мин
Филолахет?

Фаниск

975 Да.

Феопропид
И отпустил на волю?

Фаниск
Да.

Феопропид
Когда отец его
В дальние края уехал, он с твоим хозяином
Стал кутить?

Фаниск
Ну да.

Феопропид
А как же дом соседний он купил?

Фаниск
Это нет.

Феопропид
И дал в задаток сорок мин?

Фаниск
И это нет.

Феопропид
Ой, меня ты губишь!

Фаниск
Он вот своего отца сгубил.

Феопропид
980 Правда!

Фаниск
Лучше б было вздором! Друг отцу ты,
видимо?

Феопропид

Да, отец его несчастен.

Фаниск

Эти тридцать мин пустяк
Перед тем, что на пирушки сверх того растратил
он.

Феопропид

Ох! Сгубил отца!

Фаниск

Мерзавец есть один тут раб у них,
Транион. Истратить мог бы Геркулесов он
доход.
985 Да, отца мне очень жалко. Как про все узнает
он,
Сильно обольется кровью сердце у несчастного!

Феопропид

Если только это правда!

Фаниск

А какой расчет мне лгать?

Пинакий

Эй, вы там, откройте!

Фаниск

В доме никого. Чего стучать?
Пировать пошли в другое, видно, место. Ну,
уйдем.

Феопропид

990 Милый...

Фаниск

И поищем дальше. Ну, иди за мной.

Пинакий

Иду.

Феопропид

Ты уходишь?

Ф а н и с к

Ты свободен, и спина цела твоя,
У меня ж другой защиты для спины и вовсе нет,
Как бояться господина и о нем заботиться.

Уходят.

Сцена пятая

Феопропид, Симон.

Феопропид

995 Пропал, пропал! О чем тут говорить еще?
Коли судить по их словам, отсюда я
Уехал не в Египет, а на край земли,
Пустыню отдаленную объехал я.
И где теперь, не знаю сам. Но буду знать!
Вот он идет, тот самый, у которого
Сын дом купил. Ну, как дела?

Симон

Домой иду. Да с форума,

Феопропид

На форуме что нового?

Симон

1000 Да есть.

Феопропид

А что́ такое?

Симон

Вынос видел я
Покойника.

Феопропид

Ох, вот так новость!

Симон

Вынесли
Умершего из дóму, видел. Только что
Был жив он, говорили.

Феопропид

А, да ну тебя!

С и м о н

С безделья, что ль, за новеньким гоняешься?

Ф е о п р о п и д

Я нынче лишь приехал.

С и м о н

1005 Обещал другим,
Обедать не зову тебя.

Ф е о п р о п и д

Мне этого

Не надо.

С и м о н

Но вот завтра, если раньше кто
Не позовет, обедать у тебя готов.

Ф е о п р о п и д

И этого не надо. Если ты сейчас
Не занят, выслушай меня.

С и м о н

Пожалуйста.

Ф е о п р о п и д

1010 С Филолахета, сколько знаю, сорок мин
Ты получил уж?

С и м о н

Сколько знаю, ничего.

Ф е о п р о п и д

Так с Траниона, стало быть?

С и м о н

Тем менее.

Ф е о п р о п и д

Тебе он их в задаток дал.

С и м о н

Не бредишь ли?

Феопротид

Я? Ты вот этим способом надеешься,
1015 Отнекиваньем дело ни к чему свести?

Симон

Какое дело?

Феопротид

Что́ в мое отсутствие
Здесь вел с тобою сын мой?

Симон

Вел со мной твой сын
В твое отсутствие? Когда? Какое же?

Феопротид

1020 Тебе я должен восемьдесят мин.

Симон

Не мне.
А впрочем, если должен, так давай. Блюда
Условие, и отпираться нечего.

Феопротид

Да я не отпираюсь, я отдам. А ты
1025 Не отпирайся, получивши сорок мин.

Симон

А ну-ка погляди сюда и дай ответ.
За что твой сын был должен, по твоим словам,
Мне сорок мин?

Феопротид

А вот за что. Мне Транион
Сказал, что у тебя он этот дом купил
За два таланта.

Симон

У меня он дом купил?

.....
1027 Он мне сказал, что сына хочешь ты женить,
Пристройку хочешь делать у себя в дому.

Феопротид

Хочу пристройку делать?

С и м о н

Так он мне сказал.

Ф е о п р о п и д

1030 Сосед! Пропал я! Не хватает голоса!
Конец мой!

С и м о н

Или намутил тут Транион?

Ф е о п р о п и д

Так намутил, что по миру меня пустил
И осмеял сегодня возмутительно.

С и м о н

Да что ты!

Ф е о п р о п и д

Ах, уж верно говорю тебе!
1035 Меня навеки нынче опозорил он.
Молю я, помоги мне, поддержи меня!

С и м о н

А чем?

Ф е о п р о п и д

Пойдем со мною.

С и м о н

Что ж, изволь, пойдем.

Ф е о п р о п и д

Рабов дай на подмогу и ремней.

С и м о н

Бери.

Ф е о п р о п и д

А заодно я также расскажу тебе,
1040 Каким манером он меня тут высмеял.

Уходят.

Акт пятый

Сцена первая

Транион, Феопропид.

Т р а н и о н

Грош цена тому, кто трусит, находясь

в опасности.

А вот мне и слово это неизвестно! Послан был
Господином я в деревню, чтобы сына звать
сюда.

1045 Ухожу и закоулком к дому нашему крадусь.
В переулке есть калитка. Открываю двери я,
Выпускаю легион свой — и мужчин и женщин
всех.

Из осады в безопасность выведя соратников,
Собутыльничий сенат я предпринял тогда
созвать,

1050 А они из заседания удалили вон меня.
Увидав, что дело плохо, делаю — что делает
Большинство среди тревоги и в опасных случаях.
А они мутят все дальше, чтоб покоя не было.
Вижу, что нельзя укрыться нам от старика никак.

1055 — 1059

1060 Жертвенник займу⁵, пока он не пришел еще
сюда.

И вступлю в союз. Однако сам себе задержкой я.
Это что там? Заскрипела, слышу, дверь

соседская

Господин мой! С наслаждением речь его
послушаю.

Феопропид (с рабами)

Становитесь за порогом и, как только крикну,
вмиг

1065 Выбегайте и наденьте на руки наручники.
Обожду его у дома, моего насмешника,
На спине ему насмешки выпишу, живым не
быть!

Т р а н и о н

Все открыто. Ну, получше за собой следы теперь!

Феопропид

Поумней и похитрее надо мне схватиться с ним:

1070 Дам крючок не сразу, леску понемногу выпущу.
Притворюсь, что ничего мне не известно.

Т р а н и о н

Вот злодей!
Хитреца по всем Афинам не найти подобного!
Обмануть его, как камень, так же трудно хоть кому.

Подойду, заговорю с ним.

Ф е о п р о п и д

Поскорей бы шел теперь!

Т р а н и о н

1075 Ежели меня ты ищешь, то я тут, перед тобой.

Ф е о п р о п и д

Славно! Транион! Дела как?

Т р а н и о н

Из деревни все идут.
Сын твой скоро будет.

Ф е о п р о п и д

Кстати ты пришел! Сосед-то наш,
Этот самый, он обманщик и наглец, сдастся мне!

Т р а н и о н

Как так?

Ф е о п р о п и д

Говорит, не знает вас.

Т р а н и о н

Не знает?

Ф е о п р о п и д

И ему

1080 Ни гроша вы не давали.

Т р а н и о н

Надо мной смеешься ты!

Ф е о п р о п и д

Я смеюсь?

Т р а н и о н

Ты, знаю, шутишь. Этого не может быть.

Ф е о п р о п и д

Отрицает, повторяю. Говорит, не продавал
Он Филолахету дома.

Т р а н и о н

Как? И денег он не брал?

Ф е о п р о п и д

Если захочу, дать клятву обещал, что дома он
1085 Вам не продавал и денег не платили вы ему.

Т р а н и о н

Ф е о п р о п и д

Я сказал ему об этом.

Т р а н и о н

Что же он?

Ф е о п р о п и д

Сказал, рабов

Выдаст на допрос.

Т р а н и о н

Пустое все! Не выдаст ни за что!

Ф е о п р о п и д

Выдаст!

Т р а н и о н

Так судись с ним. Дай-ка поищу его.

Ф е о п р о п и д

Постой!

1090 Я хотел бы попытаться.

Т р а н и о н

Что там? Дело верное.

Подавай его сюда мне или требуй дом себе
Во владенье.

Феопропид

Нет, сначала получить хочу рабов
На допрос.

Транион

Само собою, сделать это следует.

Феопропид

Значит, звать людей?

Транион

Давно б уж надо. Я ж пока займу
Жертвенник.

Феопропид

Зачем?

Транион

Но как ты бестолков! Чтоб не могли
1095 К алтарю рабы прибегнуть те, которых выдаст он.
Чтоб допрос расстроен не был, буду здесь охраной.

Феопропид

Встань!

Транион

Нет.

Феопропид

Не занимай, прошу я, алтаря.

Транион

А почему?

Феопропид

Да пойми: хочу я очень, чтоб к нему ушли они.
Пусть! Перед судьей тем легче к пене присудить его.

Транион

1100 Делай то, что делаешь. А тяжбу затевать зачем?
Разве ты не знаешь — риску много обращаться
в суд?

Феопропид

Встань. Хочу просить совета у тебя я кой о чем.

Транион

Дам тебе совет отсюда. Сидя много я умней,
И советы крепче, если дашь их со священных
мест.

Феопропид

1105 Встань и не болтай пустого. На меня взгляни.

Транион

Взглянул.

Феопропид

Видишь?

Транион

Вижу. Сунься третий между нас — и он
пропал!

Феопропид

Почему?

Транион

Не разживется здесь ничем. Мы оба злы.

Феопропид

Я погиб!

Транион

А что с тобою?

Феопропид

Обманул меня ты.

Транион

Чем?

Феопропид

Славно нос утер мне!

Транион

Так ли? Не соплив ли он еще?

Феопропид

1110 Высморкал, мерзавец, даже мозг из головы
моей.
Но теперь проделки ваши я разведаль все до дна.
Да и не до дна, клянуся, знаю — даже глубже
дна.

Транион

Право, нынче... Против воли... Предназначили
тебе...

Феопропид

Обложить велью соломой! Сжарю на огне, плута!

Транион

1115 Не советую. Вареный я вкусней, чем жареный.

Феопропид

На тебе пример дам!

Транион

Значит, нравлюсь: я тебе пример!

Феопропид

Сына я каким оставил, уезжая из дому?

Транион

Руки, ноги, пальцы, щеки, уши — было цело все.

Феопропид

О другом я спрашиваю.

Транион

О другом и мой ответ.

1120 Вот Каллидамат, приятель сына твоего, идет.
Так при нем какое хочешь дело начинай со мной.

Сцена вторая

Каллидамат, Феопропид, Транион.

Каллидамат

Лишь я выпался, похмелье сбросил чуть,
Филолахет
Мне сказал, что возвратился из чужих краев
отец,

Раб же тотчас по приезде господина высмеял.
1125 Говорит, что показаться страшно на глаза отцу.
Изо всех друзей один я должен стать

заступником
И добиться примиренья. А, да вот и он как раз.
Мой привет! Здоровым видеть рад тебя, Феопро-
пид,
По приезде. К нам обедать нынче я прошу тебя.

Феопропид

1130 Благодарствую. Однако от обеда ты уволь.

Каллидамат

Почему же?

Транион

Соглашайся. Если не желаешь, я
За тебя пойду.

Феопропид

Мерзавец! Ты ж и издеваешься!

Транион

Я сказал лишь, что обедать за тебя пойду.

Феопропид

Ну, нет!
Не пойдешь! Тебя отправлю по заслугам я на
казнь.

Каллидамат

Ну, оставь. Ко мне обедать...

Транион

Что молчишь? Скажи: приду.

Каллидамат

1135 Ты на жертвенник забрался для чего, глупец?

Транион

Меня
Запугал он, чуть вернулся. Говори, что сделал я.
Вот посредник между нами. Дело излагай ему.

Феопропид

Ты совсем испортил сына мне.

Т р а н и о н

Послушай. Признаю,
Без тебя грешил он много, выкупил любовницу,
1140 Денег занял под проценты, их растратил, это так.
Что ж такого? И другие постоянно делают
Точно то же молодые люди рода знатного.

Ф е о п р о п и д

Да, тебя бояться надо мне: оратор ловкий ты.

К а л л и д а м а т

Дайте, дело рассужу я. Ты вставай, я сяду там.

Ф е о п р о п и д

Хорошо, бери уж тяжбу на себя.

Т р а н и о н

Тут есть подвох!
1145 Сделай так, чтоб не бояться мне, ты ж бойся,
в свой черед.

Ф е о п р о п и д

Все пустяк мне по сравненью с тем, как
насмеялся он
Надо мной.

Т р а н и о н

Прекрасно сделал! Очень рад я этому
Надо ж быть умнее в эти годы, с головой седой!

Ф е о п р о п и д

Что теперь я буду делать?

Т р а н и о н

Ежели с Дифилом ты
Или с Филемоном⁶ в дружбе, расскажи им это
все,
1150 Как искусно над тобою насмеялся твой же раб:
Превосходные сюжеты дашь им для комедии.

К а л л и д а м а т

Помолчи-ка. Дай сказать и мне теперь.

Феопропид

Пожалуйста.

Каллидама т

Первый я приятель сыну твоему, ты знаешь сам.
1155 Он ко мне и обратился. Стыдно самому ему
На глаза твои явиться. Знает он, что ты узнал
Про его проделки. Вот я и прошу тебя теперь,
Чтобы ты его простил за глупость

и за молодость.

Твой он. Возраст этот, знаешь, очень склонен
к шалостям,

Что ни сделал, с нами сделал. Вместе
виноваты мы.

1160 Займы ж и проценты, траты на подружку — это
все
Сами в складчину уплатим мы на свой счет, не
на твой.

Феопропид

Убедительней явиться не могло защитника
Для меня, чем ты. Я больше не сержусь,
не гневаюсь.
Пусть при мне любовь заводит, пьет, что хочет
делает.

1165 Если стыдно, что в расходы он меня вовлек,
с меня
Этого вполне довольно.

Каллидама т

Очень стыдно.

Транион

А теперь,
После этого прощенья, что со мною станется?

Феопропид

А тебя, подвесив, будут сечь.

Транион

Хотя и стыдно мне?

Феопропид

Буду жив, с тобой покончу.

Каллидама т

Заодно прости его.
Для меня хоть Траниону эту отпусти вину.

Феопропид

1170 От меня чего другого ты добьешься с легкостью,
А его за эти шутки буду больно-больно бить.

Каллидама т

Отпусти его.

Феопропид

Ты видишь, гордо как стоит, подлец!

Каллидама т

Транион, держись спокойно.

Феопропид

Успокойся сам, оставь
За него просить. Его я успокою поркою.

Транион

1175 Никакой нужды нет в этом.

Каллидама т

Дай же упросить тебя!

Феопропид

Не проси.

Каллидама т

А я прошу.

Феопропид

Нет, ни за что.

Каллидама т

Напрасно нет!
Эту лишь вину, одну лишь отпусти хоть для
меня.

Транион

Что упрямишься? Как будто завтра ж вновь не
провинюсь!
И за то и за другое завтра отомстишь.

Феопротид

1180 Ну, пошел, пошел без порки! Да благодари его.
И конец тут пьесе нашей. Зрители! Похлопайте!

Примечания

¹ *Талант* — мера веса у греков, равнявшаяся 26,2 кг и денежная единица, первоначально соответствовавшая этому весу. ² В Риме был распространен обычай погребальных игр в память умерших. При этом устраивались театральные представления и гладиаторские игры. ³ *Гинекей* — женская половина в доме, в ней помещалась спальня хозяев, комнаты для дочерей и рабынь. ⁴ *Александр* — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.). *Агафокл* (361—289 гг. до н. э.) — тиран Сиракуз, вел многочисленные войны в Сицилии и Африке. Правление Агафокла было временем наибольшего расцвета Сиракузской державы. ⁵ Жертвенники богов в храмах считались неприкосновенными и служили убежищем для преследуемых. ⁶ *Дифил*, *Филемон* — авторы новоаттической комедии, т. е. поздней греческой комедии IV—III вв. до н. э. бытового характера с ограниченным кругом сюжетов и персонажей — масок.

ПУБЛИЙ ТЕРЕНЦИЙ АФР
(ок. 195—159 г. до н. э.)

Публий Теренций Афр родился в Карфагене, был рабом римского сенатора, который отпустил его на волю. По своим взглядам Теренций близок к аристократическому кругу Сципиона Младшего, стремившегося к распространению в Риме эллинской образованности. За свою короткую жизнь поэт написал шесть комедий; все они сохранились до нашего времени. Подобно Плавту, Теренций пишет паллиаты; как и Плавт, пользуется контаминацией, отстаивая свое право на этот прием, подвергавшийся критике со стороны его литературных противников (см. Пролог к комедии «Самоистязатель»).

Комедии Теренция во многом отличаются от комедий его генерального предшественника. Они значительно серьезнее, точнее передают проблематику греческой (главным образом менандровской) комедии, ее мягкое, гуманистическое звучание; в них нет плавтовского озорства, блеска, безудержной буффонады, динамики действия; в их безукоризненном, изящном языке почти не слышно сочности и остроумия народной речи. Юлий Цезарь, метко назвавший Теренция «Полуменандром», сетовал на то, что римскому поэту не доставало «комической силы». При всем том комедии Теренция были значительным явлением в римской литературе и пользовались широкой известностью.

В «Антологии» помещена комедия «Самоистязатель» (переделка одноименной пьесы Менандра), весьма типичная для Теренция как по проблематике, так и по характеру трактовки персонажей.

Перевод:

Теренций. Комедии. М., 1934.

Теренций. Комедии. М., 1985.

В «Антологии» текст дан по этому изданию.

САМОИСТЯЗАТЕЛЬ

Перевод А. В. Артюшкова

Комедия греческая Менандра. Представлена на мегалесийских играх при курульных эдилах Л. Корнелии Лентуле и Л. Валерии Флакке. Играл Амбивий Турпион. Мелодии сочинил Флакк, раб Клавдия, играна была сначала с неравными флейтами, потом с двумя правыми. Сочинена третьей, при консулах М. Ювенции и Т. Семпронии

Содержание комедии

- Крутой отец принудил на войну уйти,
С любовью к Антифиле, сына Клинию,
Терзался сам, жалея о случившемся.
Вернувшись скоро, тайно от отца пришел
Он к Клитифону: тот любил распутницу
Вакхиду. Вызвал Антифилу Клиния.
Пришла Вакхида и, рабыни вид приняв,
С ней Антифила. Клитифон устроил так,
Чтоб от отца укрыться. Сира хитростью*
10 *У старца десять мин стянул любовнице.
Сестрою Клитифона оказалась
Антифила; на ней женился Клиния,
А Клитифон другую взял жену себе.*

Лица

Пролог
Хремет, старик
Менедем, старик
Сострата, матрона, жена Хремета, мать Кли-
тифона
Клиния, сын Менедема
Клитифон, сын Хремета
Вакхида, гетера
Антифила, возлюбленная Клинии, впослед-
ствии признанная дочерью Хремета и Состраты
Сир, раб Хремета
Дромон, раб Менедема
Кормилица
Фригия, служанка Вакхиды

Пролог

- Чтоб вы не удивлялись, почему поэт
Роль старику дал, свойственную юношам,
Скажу сперва об этом, а потом, зачем
Сюда я появился, вам я выясню.
Сегодня дам я новую комедию
Из греческой, никем не обработанной,
«Неαυτον τιμογυμενος» заглавием
(По-нашему же «Самоистязателя»).
- 10 Но почему мне эту роль поручено
Играть, скажу вам кратко. Пожелал поэт
Чтоб адвокатом был я, но не прологом¹.
Ваш будет суд, мое же представительство.
И тут я проявлю то красноречие,
С которым автор речи, предстоящей мне,
Ее искусно создал. Зложелатели
Пускают слухи, что перемешал поэт
Комедий много греческих, творя из них
Немногие латинские. Не спорит он:
Так делал; но себя не упрекает в том
И впредь намерен делать то же самое.
- 20 Пример ему — отличные писатели:
Он думает, что и ему дозволено
По их примеру действовать². А вот еще
Твердит старик-поэт из зложелательства,
Что автор вдруг принял за поэзию
Не на свое надеясь дарование,
А полагаясь на талант друзей своих³.
Но это вы решите и оцените,
И очень я вас всех прошу поэтому,
Чтоб речь врагов для вас не больше значила,
Чем голос добросовестных ценителей.
Судите ж беспристрастно и тем авторам
Возможность дайте процветать, которые
Дают возможность видеть пьесы новые
- 30 Без недостатков. Но не в оправдание
Тому пусть служит это, кто в комедии
Последней показал, как дал дорогу весь
Народ рабу, бегущему по улице.
Зачем же он безумцу должен быть рабом?⁴
Но об его ошибках больше скажет наш

- Поэт при постановке новых пьес его,
Коль он не прекратит свое злословие.
Так будьте благосклонны и спокойную
Комедию возможность дайте мне сыграть ⁵.
Прошу молчанья, чтоб не заставлять меня
40 Всегда играть с огромным напряжением,
С великим криком роль раба бегущего,
Обжоры парасита, старца гневного,
Бессовестного сикофанта, сводника
Корыстного ⁶. Хотя бы для меня, прошу,
Признайте это дело справедливым вы,
Чтоб труд мой хоть отчасти тем уменьшился.
В новейших пьесах нет пощады старому:
Поэты валят на меня все трудное,
К другим же трупам с легким обращаются.
Речь в этой пьесе чистая. Испробуйте
В обоих видах пьес мои способности.
50 На мне пример подайте поучительный
Для молодежи, чтоб она старалася
Вам больше, чем самой себе, понравиться.

Акт первый

Сцена I

Хремет, Менедем.

Хремет

- Хотя у нас знакомство и недавнее
(С тех пор как ты поместье близко здесь купил)
И дел у нас с тобой почти что не было,—
Достоинства твои и жизнь соседская
(А это можно дружбою почти назвать)
Дают мне смелость дружеский совет подать:
Работаешь ты что-то не по возрасту
60 И больше, чем как будто дело требует.
Скажи на милость, что тебе за надобность?
Чего ты ищешь? Лет под шестьдесят тебе,
А то и больше, славное поместьеце,
Дороже не найдешь у нас в окрестности,
Рабов толпа, а ты за них стараешься,
Как будто никого нет, так работаешь!
Когда ни выйду утром или вечером
Домой иду — все вижу, ты уж на поле,

Копашешь, пашешь или носишь что-нибудь.
Ни отдыха, ни срока не даешь себе.
Тебе не в радость это, разумеется!
Ты скажешь: «недоволен здешним я трудом», —
На ту работу, что ты лично делаешь,
Рабов пусти, так выиграешь больше ты.

Менедем

Неужто мало дела у тебя, Хремет?
В чужое дело входишь! До тебя оно
Совсем и не касается.

Хремет

Я — человек!

Не чуждо человеческое мне ничто.
Дозволь вопрос, дозволь и увещание.
Коли ты прав, так буду поступать и я,
Не прав — я отклонить тебя попробую.

Менедем

80 Мне нужно так. Ты поступай по-своему.

Хремет

Кому же нужно мучить так себя?

Менедем

Да мне.

Хремет

Ну, если неприятно, извини меня.
А все-таки что это за беда с тобой?
Что за провинность пред самим собою?

Менедем

Ох!

Хремет

Не плачь, а разъясни мне лучше, как и что,
Я помогу советом, утешением,
А то деньгами.

Менедем

Хочешь это знать?

Хремет

И по какой причине, я сказал тебе.

Хочу,

Менедем

Изволь.

Хремет

Оставь же грабли, брось работу.

Менедем

Нет.

Хремет

Чего ж ты этим хочешь?

Менедем

Ах, оставь меня!

Работы я не должен ни на миг бросать.

Хремет

Нет, не оставлю.

Менедем

Как нехорошо со мной

Ты поступаешь!

Хремет (*взяв в руки грабли*)

Да еще тяжелые

Какие!

Менедем

Это мной вполне заслужено.

Хремет

Ну, начинай!

Менедем

Сын у меня единственный

Есть... Что я это! есть! Нет, был сын, юноша,
А есть ли — неизвестно.

Хремет

Как же так?

Менедем

А так.

- Коринфянка тут есть, старушка бедная,
Дочь у нее. В нее влюбился страстно он
И в связь вступил, все это от меня тайком.
Узнал я — и не кротко обошелся с ним,
Как надо бы с душой больного юноши,
100 А грубо (у отцов оно так водится).
День изо дня бранился. «Эй, надеешься,
«Что можешь, пока жив отец, и далее
«С подружкой жить, как будто то жена твоя?
«Ошибся! Ты меня не знаешь, Клиния!
«Тебя считаю сыном до тех пор, пока
«Вести себя прилично будешь. Иначе
«Найду я, чем ответить по достоинству!
«Причина этому — безделье крайнее.
110 «В твои года я занят не любовью был,
«А в Азию от бедности отправился,
«Богатства, славы там искать оружием».
И дело тем окончилось, что юноша
Был побежден, так долго это слушая;
Подумал он: я старше и добра ему
Желаю, значит больше и предвижу все,
Гораздо лучше, нежели он сам. Хремет!
К царю на службу он уехал, в Азию!

Хремет

Да что ты!

Менедем

Тайно. Вот уже три месяца.

Хремет

- Вы оба здесь не правы. Но что сделал он,
Указывает на его порядочность
120 И на характер, не лишенный твердости.

Менедем

Узнав от тех, кто был его доверенным
Домой иду в печали и смятении,
Не зная, что мне делать, с огорчения.
Сажусь; снимают обувь, подбежав, рабы;
Гляжу — спешат другие, ложа стелются;
Обед готовят; дружно все работают,

- Мою печаль смягчить стараясь всячески.
 Смотрю и начинаю размышлять я так:
 «Как это, чтоб из-за меня единственно
 «Людей так много в доме беспокоились
 «И ублажали только одного меня?
 «Меня служанок столько одевали бы,
 130 «Для одного расходов столько по дому!
 «А сына вот единого, которому
 «Всем пользоваться этим надлежало бы
 «Настолько же, а то еще и более
 «(К чему и самый возраст подходил бы так),
 «Я выбросил, несчастного, отсюда прочь
 «Своей несправедливостью! Так дальше жить —
 «Любое лучше испытать несчастье!
 «Покамест будет жизнь влачить он бедную,
 «Обидою моей лишенный родины,
 «Себя все время буду за него казнить,
 «Копя доход, работая, как раб его».
 Сейчас же к делу: в доме без остатка все
 140 Сгребая — утварь, платье, собираю всех
 Рабов, служанок, кроме тех, которые
 Издержки оправдать могли бы, на поле
 Работая; всех вывел на продажу я,
 Дом сдал в наем, — набралось до пятнадцати
 Талантов. Землю здесь купил и здесь тружусь.
 Обида сыну столько же уменьшится,
 Насколько я несчастен буду сам, решил:
 Нельзя мне наслаждаться удовольствием,
 Покамест сын не примет в нем участия,
 150 Домой ко мне вернувшись в полном здравии.

Хремет

Душой ты мягок к детям, сколько вижу я,
 И он послушен, лишь бы обращаться с ним
 Умело, мягко; но ни ты не знал его,
 Ни он тебя; бывает постоянно так,
 Где жизнь идет неправильно. Насколько ты
 Ценил его, ты этого не выказал,
 И он тебе не верил, как бы надобно
 Отцу. А если б это было сделано,
 Беды такой с тобою не случилось бы.

Менедем

Да, да. Согласен, тяжкий грех лежит на мне.

Хремет

Надеюсь, впредь устроится, и он к тебе
160 Здоров сюда вернется в скором времени.

Менедем

Дай бог!

Хремет

Бог даст! Но праздник Дионисов ведь
Сегодня, так прошу ко мне пожаловать.

Менедем

Нет, не могу.

Хремет

Да почему? В конце концов,
Хотя немного пощади же сам себя,
И сын твой был бы рад тому в отсутствии.

Менедем

Его на труд прогнавши, самому труда
Нельзя бросать.

Хремет

И это окончательно?

Менедем

Да.

Хремет

Будь здоров!

Менедем

И ты!

(Уходит.)

Хремет

Слеза скатилась,
Так жаль его! Однако день бежит вперед.
Напомнить бы пора соседу Фании,
170 Чтоб шел ко мне обедать. Дома ль он, взгляну.
И звать не надо! Он уж, говорят, давно
У нас! Сам заставляю ждать гостей своих.
Пора домой. Но что-то двери скрипнули.
Кто там от нас выходит? Отойду сюда.

Сцена II

Клитифон, Хремет.

Клитифон (*говорит к дому*)

Нечего тебе бояться, и они не слишком медлят.
Тотчас, в этом будь уверен, явится с гонцом она.
Перестань терзаться дальше этой ложною
тревогой.

Хремет

С кем там говорит мой сын?

Клитифон

Кстати и отец тут. Как ты во-время пришел,
отец!

Хремет

Что такое?

Клитифон

Менедема знаешь ли соседа?

Хремет

180

Да.

Клитифон

А знаешь, сын есть у него?

Хремет

Слышал. Он в Азии.

Клитифон

О нет,

У нас он.

Хремет

Что ты!

Клитифон

Еле он, приехав, с корабля сошел,
Обедать я привел его. Большая дружба у меня
С ним с детства.

Хремет

Да, приятное приносишь ты известие!

Я должен был настойчивей к нам Менедема
в гости звать,
Чтобы ему вдруг объявить такую радость
первому
Однако время есть еще.

К л и т и ф о н

Отец, не надо этого!

Х р е м е т

А почему?

К л и т и ф о н

Не знаю, как решит. Ведь он недавно тут,
Все в страх ему: и гнев отца, и как к нему
настроена
Его подруга. Страстно он в нее влюблен. Из-за
нее
Вся эта вышла кутерьма с его отъездом.

Х р е м е т

190

Знаю я.

К л и т и ф о н

Раба отправил в город к ней, а я с ним Сира
нашего,

Х р е м е т

Ну, как он?

К л и т и ф о н

Он? Несчастен, вишь.

Х р е м е т

Несчастен? он? Не может быть!
Чего еще желать ему? Все есть для счастья: дом,
отец,
Друзья, богатство, родина цветущая, знакомые.
А впрочем, от характера зависит: кто умеет всем
Воспользоваться, благо тем; кто не умеет, тем
во зло.

К л и т и ф о н

Да, но старик всегда был груб. Я очень и теперь
боюсь,

Что в гневе на него зайдет он слишком далеко.

Хремет

Кто? Он?

Сдержусь, однако. Интерес отца, конечно,
требуется,
Чтоб сын боялся.

Клитифон

Ты о чем там про себя?

Хремет

А вот о чем.

- 200 Что б между них не вышло, он остаться все же
должен был.
Отец, быть может, несколько был строже, чем ,
хотел бы сын:
Стерпи! И от кого стерпеть другого, как не от
отца?
Не сыну ли по воле жить отцовской? Не обратно
же?
Его винит он в жесткости: напрасно! Ведь
родители
(По крайней мере, те из них, чей нрав ,
потерпеливее)
Придирчивы почти всегда в одном: не допускать
детей
Чрезмерно на пиры ходить и чересчур
распутничать.
Скупаются на расходы: путь то детям
к добродетели.
Но чуть лишь подчинится дух дурным страстям,
то, Клитифон,
Не может он не следовать советам
соответственным.

- 210 Полезное разумно брать себе с чужого опыта.

Клитифон

Ну да, конечно.

Хремет

Я домой! Взгляну, каков обед у нас.
Ты ж далеко не уходи, сообразуйся с временем.

Они пришли бы, но боюсь, что девушка
испортилась.
Пока меня здесь не было! Душевную тревогу
мне
Усиливает многое: удобный случай, место тут
И возраст; да и мать, что власть над ней имеет
сильную,
Совсем дурная женщина: одни лишь деньги
милы ей!

К л и т и ф о н

Эй, Клиния!

К л и н и я

О, горе мне, несчастному!

К л и т и ф о н

Смотри же ты,
Увидит кто-нибудь тебя здесь, выйдя от отца.

К л и н и я

Да, да,
Но все беду какую-то душа моя предчувствует.

К л и т и ф о н

Оставь ты рассуждать, пока всей правды
не узнал еще.

К л и н и я

Не будь беды, уж были б тут они.

К л и т и ф о н

Придут.

К л и н и я

Когда придут?

К л и т и ф о н

Подумай, ведь не близкий путь. Да и привычки
женские:
Покуда с места тронутся, уж год прошел.

240

К л и н и я

Ах, Клитифон!

Боюсь!

К л и т и ф о н
Вздохни свободней, вот они тебе,
Дромон и Сир.

Сцена II

Сир, Дромон, Клитифон, Клиния.

С и р

Так ли?

Д р о м о н

Так.

С и р

Покуда время тратим в разговорах
мы,

А они отстали!

К л и т и ф о н

Слышишь? Девушка идет!

К л и н и я

Да, да!

Наконец-то слышу, вижу, оживаю, жив-здоров.

С и р

Что дивиться! С ними столько грузу! Стадо
целое
За собой ведут служанок.

К л и н и я

Горе мне! Откуда же
У нее служанки эти?

К л и т и ф о н

Ах, меня ли спрашивать!

С и р

Оставлять бы их не надо. Что с собой вещей
несут!

К л и н и я

Горе!

С и р

Золота и платья! Да и вечереет уж,
А дороги ведь не знают. Как мы глупо сделали!

Ты пока ступай навстречу к ним, Дромон. Да ну, скорей!

Клиния

К л и т и ф о н

Клиния

У нее взялось откуда? Я с одной служаночкой , думаешь,
Здесь ее оставил.

К л и т и ф о н

С и р

(Видит Клинию и Клитифона.)

Вот они, кого искал я.

Клиния

Пока из-за тебя вдали от родины скитался я,
Безумец, ты тем временем разбогател и в беде
Такой меня покинула! Из-за тебя-то нажил я
Бесславие великое! Отца не стал я слушаться!

260 И стыдно перед ним и жаль, что
Его напрасны были (сколько ни твердил о нравах
Прелестниц) и что все-таки никак не удалось ему
Меня с ней разлучить! Теперь однако это
сделаю.

А вот когда приятно быть могло, я не хотел тогда.
О, кто меня несчастней!

С и р

Он не понял, видно, наших слов.
Иначе, чем ты думаешь, с любовью обстоит
твоей:

И жизнь ее такая ж и любовь к тебе,
Насколько мы на деле убедились в том.

К л и н и я

Что? Говори! Я более всего хочу,
Чтоб ложно было это подозрение.

С и р

270 Во-первых (чтобы все ты знал), старуха та,
Что матерью считалась ей, не мать была.
Она скончалась, услышал я случаем:
Сама она дорогой говорила так
Другой.

К л и т и ф о н

Что за другая?

С и р

Погоди же ты.
Дай расскажу сначала то, что начато,
Потом уж и об этом.

К л и т и ф о н

Поскорей.

С и р

Так вот,
Пришли мы к дому, в двери постучал Дромон.
Какая-то старуха открывает дверь,
Он тотчас быстро входит, я иду за ним.
Старуха, наложивши крюк, за пряжу вновь.
Где лучше можно было распознать еще,
280 Как тут она жила в твоём отсутствии?
Врасплох застали мы твою красавицу,
И это нам дало возможность полную
Увидеть жизнь обычную, привычки все;
Каков ее характер, показало нам.
За пряжей, на работе застаем ее,
Одета скромно, в трауре, я думаю,
По самой той старухе, что скончалась.

Без золота, одета для себя она,
И женских никаких совсем дурных прикрас.
290 По шее, по плечам кой-как разбросаны
Распушенные волосы.

К л и н и я

Прошу тебя,
Не радуй понапрасну!

С и р

А старуха та
Ткала; была еще одна служанка там,
Она пряла, одета кое-как, бедно,
Небрежно, с виду грязная...

К л и т и ф о н

Да если так,
Все правда, кто счастливее тебя тогда?
Слышал — сказал он: грязная-прегрязная?
То верный признак, нет на госпоже вины,
Коль так ее запущены посредники.
300 Известно: чтоб дорогу к госпоже найти,
Служанок одарить сначала надобно.

К л и н и я

Молю я, дальше, только не ищи себе
Обманом благодарности, пожалуйста.
Меня назвал ты: что же говорит она?

С и р

Узнав, что ты вернулся и зовешь ее,
Оставила сейчас же пряжу девушка,
Слезами оросила все лицо себе:
Легко поймешь, конечно, по тебе с тоски.

К л и н и я

Клянусь, себя не чувствую от радости:
Я так боялся.

К л и т и ф о н

Я же знал, что все пустяк.
310 Теперь скажи, другая-то какая же?

С и р

Ведем твою Вакхиду.

Кли т и ф о н

Гм... Вакхиду? Как?

Ах, злодей! Куда ведешь ты?

Си р

А куда ж? Конечно, к нам.

Кли т и ф о н

Как? К отцу?

Си р

К нему!

Кли т и ф о н

Какая наглость! Вот бесстыдство!

Си р

Эх! Ты!

Как без риска сделать дело памятное, крупное?

Кли т и ф о н

Вишь, подлец! На мне желаешь славу получить себе?

Ох, не доглядишь немного, я тогда совсем пропал!

И зачем ты?

Си р

Я...

Кли т и ф о н

Что я-то?

Си р

Дай сказать.

Кли ния

Позволь ему.

Кли т и ф о н

Говори.

Си р

Сейчас такое дело, что с...

К л и т и ф о н

Подлец! Понес
Околесицу какую!

К л и н и я

Верно. К делу, Сир, скорей!

С и р

320 Не могу смолчать! Кругом ты, Клитифон,
И невыносим! несправедлив

К л и н и я

Да, надо выслушать его. Молчи!

С и р

Обладать, любить ты хочешь, хочешь, что ей
А вот рисковать не хочешь. Да, умно дать, добыть,
Если в этом ум — желать добиться придуманно!
невозможного.

Счастье только с риском ходит: нет того, нет этого.

Что из двух предпочитаешь, сам уж ты теперь смотри,
Но что план мой безопасен, правилен, уверен я.
Ведь твоей подружке можно у отца без страха быть.

330 А что денег обещал ты ей, о них все уши мне
Прожужжал, путем все тем же я тебе добуду их.
Так чего ж еще ты хочешь?

К л и т и ф о н

Если б только вышло так!

С и р

Если б только? Убедишься сам на деле.

К л и т и ф о н

Ну, ну, ну!
Подавай свой план скорее. В чем он?

С и р

Выдадим твою
За его подружку.

К л и т и ф о н

Славно! Ну, а он что сделает
Со своей? Ему припишем также и ее? с одной
С этой мало, что ль, позора?

С и р

Нет, мы отведем ее
К матери твоей.

К л и т и ф о н

Зачем же?

С и р

Клитифон! Рассказывать
Долго мне, зачем. Имею веские причины.

К л и т и ф о н

Вздор!
Я не вижу оснований на себя брать этот страх.

С и р

Стой! Имеется другое, если страшно этого.
Здесь (сознаетесь вы оба) риску никакого нет.

К л и т и ф о н

Вот в таком придумай роде что-нибудь, прошу.

С и р

340 Пойду навстречу и верну назад ее. Готов.

К л и т и ф о н

Зачем?

С и р

Тогда и страху твоему конец:
Беспечно можешь хоть на оба уха спать.

К л и т и ф о н

Что делать мне теперь?

К л и н и я

Тебе? Получше что...

К л и т и ф о н

Скажи мне, Сир, но правду.

Сир

Надо действовать
Уже сегодня будет поздно иначе.

Клиния

Дают тебе; пока возможно, пользуйся:
Ведь знать нельзя...

Клитифон

Сир, повторяю...

Сир

Продолжай!
А я все о твоём же деле думаю.

Клиния

Удастся ли в другой раз залучить ее?

Клитифон

Да, это верно. Сир, послушай! Сир, эй, эй!

Сир

Затронуло! Чего тебе?

Клитифон

Вернись! Вернись!

Сир

Я тут. Чего угодно? Но и план второй
Тебе ведь не понравится.

Клитифон

Нет, вот что, Сир!
350 Тебе вручаю честь свою, себя, любовь.
Судья ты. Подсудимым лишь не сделайся.

Сир

Смешны такие мне напоминания.
Как будто здесь рискую меньше я, чем ты!
Не повезет, случится, с этим делом нам —
Тебя лишь распекут, меня же упекут.
В делах подобных мне не до небрежности.

(Указывает на Клинию.)

Проси его, пусть выдаст за свою ее.

Клиния

Придется, видно, дать свое согласие:
Что ж остается, раз дошло до крайности!

Клитифон

360 Спасибо! Настоящий ты друг, Клиния!

Клиния

Она б не сбилась!

Сир

Твердо знает роль свою.

Клитифон

Одно мне странно: как ты убедить ее
Сумел так скоро? Ведь она с презрением
Прочь отвергает и каких поклонников!

Сир

К ней вовремя (а это дело первое)
Придя, застал я воина какого-то,
Любви ее он жалостно вымаливал.
Она играла им с такою ловкостью,
Что страсть его отказом разжигала лишь.
А ты, послушай, не напорти чем-нибудь
По неразумию... Ты знаешь, твой отец
370 В делах подобных очень проницателен,
А ты несдержан, хорошо известно мне:
Двусмысленное слово, шею вытянешь,
Вздых, кашель, смех, кряхтение — прошу, сдержи.

Клитифон

Похвалишь!

Сир

Осторожней!

Клитифон

Подивишься сам.

Сир

А скоро как нас догоняют женщины!

Клитифон

Где? Что ты держишь?

С и р

Не твоя сейчас она.

К л и т и ф о н

Да, у отца. А здесь покамест...

С и р

Тоже нет.

К л и т и ф о н

Пусти!

С и р

Нет, не пущу.

К л и т и ф о н

Ну хоть немного!

С и р

Нет!

К л и т и ф о н

Хоть поздороваться!

С и р

Всего умней тебе

Уйти.

К л и т и ф о н

Иду. А он как?

С и р

Он останется.

К л и т и ф о н

Какой счастливый человек!

С и р

Ступай, ступай!

380

Сцена III

Вакхида, Антифила, Сир, Клиния.

В а к х и д а

Дорогая Антифила! Похвалу прими мою!
Вот счастливица! Старанье ты на то потратила,
Чтоб с красой твоей сравнялось также поведение.
И нисколько мне не странно, что желает всяк
тебя.

Какова твоя натура, вижу я из слов твоих.
А когда я поразмыслю, как живете все вы, те,
От себя кто отстраняет прочь толпу любовников,
То уж больше не дивлюсь, что вы совсем не то,
что мы.

Вам порядочность на пользу; нас с ней
разлучают те,
С кем в связи мы. Красотой лишь нашей
увлеченные,

390 За нее и угождают наши нам любовники.
Чуть уменьшиться ей стоит, уж они к другим идут.
Не устроившись иначе, мы живем покинуты.
А у вас свое решение — жить с одним мужчиною,
Чей характер с вашим сходен, с вами те
сближаются,
Вы прикованы друг к другу этою симпатией,
И любви взаимной вашей не грозит несчастье.

А н т и ф и л а

Мне другие неизвестны; я всегда старалась
На его построить счастья собственное счастье.

К л и н и я

Ах, Антифила милая! Тебе одной обязан я
Возвратом в край родной! Пока в разлуке я
с тобою жил,
Легки мне были все труды, одно лишь трудно,
что тебя
Не мог я видеть!

С и р

Верю.

К л и н и я

400 Сир! Едва удерживаюсь я!

Какая прелесть! Но нельзя мне обладать, как
хочется.

Сир

Да, сколько видел твоего отца, не скоро
стихнет он.

Вакхида

Но что за юноша глядит на нас?

Антифила

Молю! Держи меня!

Вакхида

Да что с тобою?

Антифила

Мой конец! Я умираю!

Вакхида

Ты без чувств?

Клиния

Ах, Антифила!

Антифила

Клиния! Ты или нет?

Клиния

Восторг мой! Здравствуй!

Антифила

Здравствуй, милый Клиния!

Клиния

Как ты живешь?

Антифила

С приездом поздравляю.

Клиния

Ах,

Тебя ли, Антифила, обнимаю я?
Желанная! Ты мне всего дороже.

Идите. Ожидает вас давно старик.

Акт третий

Сцена I

Хремет, Менедем.

Хремет

- 410 Уже светает. Что ж я медлю? Стукну в дверь
К соседу! От меня пускай от первого
Узнает, что вернулся сын. Хоть этого,
Я знаю, не желает вовсе юноша,
Но видеть жалко, как его отсутствием
Измучен тот. Неужто скрыть неожиданную
Такую радость? В этом нет для юноши
Опасности. Насколько можно, старику
Поддержку окажу. Я вижу, как мой сын
Услуживает своему товарищу
И сверстнику, в делах его участвует.
Мы старики и старикам должны служить.

Менедем

- 420 Да, видно, я таким уж на несчастье
Родился! Или ложно говорит народ,
Что день с людей снимает огорчение!
Во мне по сыне что ни день растет тоска
Все больше, и чем дольше он в отсутствии,
Тем больше я желаю увидеть его.

Хремет

А, вот и сам выходит. Подойду к нему.
Привет мой Менедему! Весть несу тебе,
Которая весьма тебя обрадует.

Менедем

Неужто ты о сыне что слыхал, Хремет?

Хремет

Он жив-здоров.

Менедем

А где он?

Хремет
У меня в дому.

Менедем

430 Мой сын?

Хремет
Да, он.

Менедем
Вернулся?

Хремет
Как же!

Менедем
Клиния
Вернулся мой?

Хремет
Да.

Менедем
Так веди меня к нему.

Хремет
Не хочет он, чтоб знал ты про приезд его,
И вида избегает твоего сейчас
Из-за своей провинности, боится он,
Что ты теперь еще суровей прежнего.

Менедем
А ты не говорил ему, каким я стал?

Хремет
Нет.

Менедем
Почему?

Хремет
Да очень плохо было бы
Для вас обоих, если б показал себя
Ты кротким, побежденным.

Менедем

Не могу! Отцом
Суровым был доволюно я, доволюно!

Хремет

Ах!

- 440 Уж очень, через меру ты на все горяч:
То слишхом щедр, то скуп до чрезвычайности.
За то и за другое ты поплатишься.
Сначала — чем позволить сыну к женщине
Ходить (а ей доволюно было малого
И все ей было мило) — ты прогнал его
Отсюда; против воли, чтобы жить, она
Пошла потом уж по рукам любовников.
Теперь, когда нельзя уж содержать ее
Иначе, как с огромными расходами,
450 Ты дать согласен что угодно. Только знай,
Она теперь навыкла разорять людей.
Служанок первым делом привела с собой
Десяток с лишхом, с грузом платья, золота,
Сатрапа ей в любовники — и тот едва ль
С расходом на нее сумеет справиться,
А ты никак не сможешь!

Менедем

Разве здесь она?

Хремет

- Да! Здесь ли? На себе мне испытать пришлось.
Один обед ей дал с ее оравою:
Еще один такой же — и покончен я!
Не говоря о прочем, только пробою
Одной вина мне сколько поистратила,
Все приговаривая: «Это вот вино,
«Отец, еще туда-сюда, а то совсем
«Не выдержано. Дай помягче». Бочки все
460 Почал я и бочоночки. И всех она
Перемutilа. Это только ночь одна,
А если постоянно объедать начнут,
То что тогда, скажи, с тобою станется?
Уж очень за твое я достояние
Боюсь...

Менедем

Пускай он что угодно делает,

Мотаает, тащит, тратит! Я решил терпеть,
Лишь только бы он был со мной!

Хремет

Ты так решил?

А все ж считаю важным, чтобы он не знал,
Что́ это ты даешь ему сознательно.

Менедем

А как же быть?

Хремет

Как хочешь, но не так, как ты
Предполагаешь: через третьих лиц давай,
Через раба обманывают пусть тебя.
470 И то сказать, они уж этим заняты,
Уж под шумок между собой столкнулися.
Я замечаю, Сир с тем вашим шепчутся,
Свои советы преподносят юношам.
Таким путем тебе, пожалуй, выгодней
Талант сгубить сполна, чем мину иначе.
Не о деньгах тут речь у нас идет, а как
Вручить их с наименьшим риском юноше.
Твои как только чувства отгадает он —
480 Что ты отдашь и жизнь свою и деньги все
Скорее, чем расстаться с сыном — тотчас
фьюить!

Окошко — и какое! — так откроешь ты
К распутной жизни. Да и самому тебе
Совсем не сладко будет жить впоследствии,
Настолько всех нас портит своеволие!
Чуть что взбрело на ум, того и хочется,
Не думаем, бесчестно ль это, честно ли!
Нельзя ж губить и сына и имущество.
Но если ты откажешь прямо, он пойдет
На то, что на тебя должно подействовать
Сильней всего: уходом он грозить начнет!

Менедем

490 Ты прав. Да это ясно. Так оно и есть.

Хремет

Я глаз сегодня ночью не сомкнул совсем.
Все думал, как бы сына возвратить тебе!

Менедем

Дай руку. Так и дальше относись ко мне.

Хремет

Охотно.

Менедем

Вот о чем тебя просить хочу.

Хремет

О чем?

Менедем

Ты, говоришь, заметил, будто бы
Они там затевают обмануть меня.
Нельзя ль ускорить это дело? Жажду дать
Ему, что хочет! Жажду увидеть его!

Хремет

Я постараюсь. Дело небольшое мне
Мешает. О границах тяжбу начали
Соседи наши. Сим с Критоном выбрали
500 Меня судьей третейским. Так пойду скажу,
Что не могу им нынче оказать никак
Обещанной услуги. Я сейчас вернусь.

(Уходит.)

Менедем

Пожалуйста! О, боги милосердные!
Иль от природы люди так устроены,
Что могут лучше о чужих делах судить,
Чужое много лучше видеть, чем свое?
Не оттого ль, что в деле нашем собственном
Как горе, так и радость через меру нас
Опутывает? Он ведь вот мои дела
Насколько лучше понимает, чем я сам!

Хремет *(возвращается)*

Свободен, развязался. Весь к услугам я!
Поймать бы надо Сира, подбодрить его.
Выходит кто-то от меня. Пройди пока
Домой отсюда, чтоб не догадались,
510 Что мы с тобою заодно здесь действуем.

Сцена II

Сир, Хремет.

Сир

Как ни вертитесь, а должны быть найдены
Вы, деньги! Старика опутать надо мне.

Хремет

Да, это план их. Я был прав. Наверное,
Раб Клинии медлителен, так нашему
Дано исполнить это поручение.

Сир

Кто тут? Пропал! Неужто он расслышал?

Хремет

Сир!

Сир

Гм...

Хремет

Ты что там?

Сир

Да ничего. Дивлюсь тебе:
Так рано! А вчера подвыпил столько!

Хремет

Ну!

Не слишком много.

Сир

Что ты! Не рассказывай!

520 Как не увидеть тут орлиной старости,
Что говорится!

Хремет

Хе!

Сир

А интересная,
Изящная ведь женщина?

Хремет

Согласен я.

Сир

Тебе как показалась? И красивая
Такая с виду, господин?

Хремет

Да есть-таки.

Сир

Само собой, не то, что прежде, но для нас
По нынешнему времени вполне сойдет.
Не странно, что в нее влюбился Клиния.
Отец его однако жалкий скряга, скуп
И черств — сосед наш, знаешь? И как будто он
Не через край богат. А сын от бедности
Бежал! Слыхал про это? Знаешь?

Хремет

Как не знать!

На мельницу разбойника!

Сир

Кого?

Хремет

Раба

530 Его я разумею...

Сир

Сир! Держись и ты!

Хремет

Что допустил...

Сир

Что ж было делать?

Хремет

Вот вопрос!

Нашел бы что, придумал бы обман какой,
Добыл бы на подружку денег юноше,
Хоть против воли спас бы старика того,
Тяжелого характером.

Сир

Ты шутишь?

Хремет

Нет.

Так вот что, Сир, ему бы сделать надобно.

Сир

Эге! Ты одобряешь, кто хозяина
Обманывает?

Хремет

Если это кстати, да.

Сир

Ты прав.

Хремет

Обман нередко средством может быть
Отличным против крупных неприятностей:
540 Так здесь при нем остался б сын единственный.

Сир (*в сторону*)

Серьезно или в шутку он? Понять нельзя!
Но мне на дело духу придает сейчас.

Хремет

Да и чего теперь он дожидается?
Покуда снова не уедет Клиния?
Ведь с тратами ее ему не справиться!
Чего не строит штуку старику?

Сир

Да глуп.

Хремет

А ты помочь бы должен ради юноши.

Сир

Велишь — легко устрою. Я на это скор,
Как делаются, знаю, эти штуки все.

Хремет

Тебе тем больше чести.

Сир

Не привык я лгать.

Хремет

И сделай.

Сир

Разговор однако помни наш.
550 А вдруг случится что-нибудь подобное
У нас: ведь все мы люди! И твой сын чего
Наделает?

Хремет

Надеюсь, не случится.

Сир

Да,
И я надеюсь тоже. И сказал я так
Не потому, что слышал про него... Нет, нет.
А вдруг! В таком он возрасте, ты знаешь сам...
И как бы на тебе самом при случае
С особым блеском я не проявил себя!

Хремет

Тогда мы и увидим. А теперь — берись.

(Уходит.)

Сир

Слов более удобных от хозяина
Мне никогда не приходилось слыживать.
560 И сам я на такую безнаказанность
За плутовство свое не мог рассчитывать.
Однако это кто от нас выходит там?

Сцена III

Хремет, Клитифон, Сир.

Хремет

Что такое за повадки? Разве это можно делать?

Клитифон

Что?

Хремет

Да разве я не видел, как ты только что пред
этим
Руку запускал красотке той за пазуху?

Сир

Готово!

Я пропал!

Клитифон

Кто? Я?

Хремет

Глазами собственными видел я!
Не спорь! Его обидел ты, что рук не удержал
своих.

Ведь это оскорбление!
У себя принявши друга, пристаешь к его
подружке!
Или на пиру вчерашнем — как нескромен был!..

Сир

Да, верно..

Хремет

Так назойлив! Я боялся, чем то кончится.
Влюбленных
570 Знаю я: следят серьезно там, где и не думаешь!

Клитифон

Но он верит мне, проделки от меня не ждет
такой.

Хремет

Пусть. Хоть отойди немного, с глаз долой, по
крайней мере.
Страсть сильна, а ты мешаешь им своим
присутствием.
По себе сужу: нет друга у меня сейчас такого,
Перед которым мог бы я раскрыться
нараспашку весь:
То встретится препятствие в высоком
положении,
То стыдно станет самому, нахальства или
глупости
Не показать бы. Верь ты мне, так дело
обстоит и с ним.
А наше дело — угождать уметь, где нужно,
всячески.

Сир

Что он говорит?

Кли т и ф о н

Пропал я!

Сир

Я тому ль учу тебя?

580 Выполнен ли долг тобою человека сдержанного,
Дельного?

Кли т и ф о н

Молчи, прошу я.

Сир

Как же!

Хре мет

За него мне стыдно,

Сир!

Сир

Я верю. Есть причины. Даже мне и то
противно.

Кли т и ф о н

Продолжаешь?

Сир

Говорю я правду, как мне кажется.

Кли т и ф о н

К ним не подходить?

Хре мет

Другие есть на это способы.

Сир

Кончено! Все разболтает, денег мне не даст
достать!
Не хочешь ли меня, глупца, послушать?

Хре мет

В чем?

Сир

Вели ему

Уйти отсюда прочь.

Клитифон

Куда?

Сир

Куда тебе угодно. Дай

Им место. Уходи гулять.

Клитифон

Гулять — куда?

Сир

Нет места, что ль?

Туда, сюда — куда тебе угодно.

Хремет

Это так, он прав.

Клитифон (*уходя*)

А, чтоб ты провалился, Сир! Прогнал меня!

Сир

590 А ты вперед бы руки попридерживал!
Знаешь ли, Хремет, чего он в будущем наделает,
Если ты за ним не будешь наблюдать, бранить,
Всеми средствами, какие от богов даны тебе? ^{учить}

Хремет

Постараюсь.

Сир

И сейчас бы последил за ним.

Хремет

Да, да.

Сир

Будь так добр! Меня все меньше он да меньше ^{слушает}.

Хремет

Ну, а как насчет того, о чем был разговор у нас?
Не нашел чего, что к делу подошло б?

Сир

Ты про обман?

Да, нашел одну уловку.

Хремет

Молодец! Что именно?

Сир

Так, одна к другой проделка.

Хремет

Ну, а что?

Сир

Прелестница

Очень хитрая особа!

Хремет

Кажется.

Сир

Да нет! Куда!

600 Что затеяла! Старуха здесь была, коринфянка,
Тысячу займы дала ей драхм она.

Хремет

И дальше что?

Сир

Умерла она, оставив дочь-подростка. Та пошла
Ей в залог за эти деньги.

Хремет

Понимаю.

Сир

Так ее

Привела она с собою, у твоей жены она.

Хремет

Что же дальше?

Сир

Эти деньги дать ей просит Клинию,
А ему потом ту выдаст, — тысячу драхм требует.

Хремет

Требует?

Сир

Но в чем сомнение? Так предполагал я сам.

Хремет

Что же ты решил однако делать?

Сир

С Менедемом я

Свижусь и скажу: взята, мол, пленницей из
Карии
И знатна, мол, и богата. Ежели он выкупит,
То на ней себе получит выгоду большую.

Хремет

Вздор!

Сир

Почему?

Хремет

610 За Менедема дам тебе ответ сейчас:
«Не куплю». Ну, что?

Сир

Того лишь и хотел я.

Хремет

Это как?

Сир

Мне не нужно.

Хремет

Как не нужно?

Сир

Да, не нужно.

Хремет

Странно мне!

Почему?

Сир

Потом узнаешь. Стой! Стой! Что случилось?
Отчего так наши двери сильно закрипели вдруг?

Акт четвертый

Сцена I

Сострата, Хремет, кормилица, Сир.

Сострата

Коли не ошибаюсь я, то самое кольцо и есть,
С которым выброшена дочь была.

Хремет

Что это значит, Сир?

Сострата

Ты как? Тебе не кажется?

Кормилица

Его признала тотчас я,
Как ты мне показала.

Сострата

Ты всмотришься получше, няня.

Кормилица

Да.

Сострата

Иди домой. Когда она окончит мыться, мне
скажи.

А я тут мужа подожду.

Сир

Тебя ждет. Ты узнай зачем.
Так озабочена. Не зря. В чем дело?

Хремет

620

Да чему там быть?
Потуги велики и вздор великий понесет сейчас.

Сострата

Мой милый муж!

Хремет
Жена моя!

Сострата
Тебя ищу.

Хремет
А для чего?

Сострата
Первое: прошу, не думай, чтобы я осмелилась
Твой приказ нарушить.

Хремет
Просишь, чтоб тебе поверил я
(Хоть оно невероятно)? Верю.

Сир
Я не знаю что,
Но проступок скрыт какой-то в этом извинении.

Сострата
Помнишь, мне беременной ты приказал
настойчиво,
Если у меня родится дочь, то не воспитывать?

Хремет
Что ты сделала, я знаю. Воспитала.

Сир
Если так,
То хозяину убытку много поприбавилось.

Сострата
Нет. Хорошая старушка здесь жила, коринфянка.
Ей дала я выбросить.

Хремет
630 О, что за неразумие!

Сострата
Ах, беда! Но что я, право, сделала?

Хремет
Да, вот вопрос!

Сострата

Если чем я погрешила, то лишь по неведению.

Хремет

Хоть бы ты и возражала, знаю я, что ты всегда
Говоришь и действуешь не зная и не ведая.
В этом деле — что проступков сразу!

И, во-первых, ты
Если б выполнить хотела мой приказ, должна
была б

Умертвить ее на деле, а не притворяться лишь
И на жизнь давать надежду. Ну, оставлю это
все:

Жалость, сердце матери. Допустим. Но суди
сама.

Хорошо ль предусмотрела то, чего хотела ты?
Дочь свою ты той старухе предала прямехонько!
Ведь через тебя пришлось бы ей заняться
промыслом

640 Или быть совсем открыто проданной
в публичный дом.

Так ты думала, быть может: что угодно, только
бы

Жизнь спасти? Но ты имела б дело с теми, для
кого

Ни закона нет, ни правды. Хуже ль, лучше ль,
польза ль, вред:

Ничего они не ищут, кроме удовольствия.

Сострата

Погрешила я, согласна. Подчиняюсь. Об одном
Я прошу теперь. С годами стал ты

снисходительней.
Справедлив ко мне будь, глупой окажи
поддержку мне.

Хремет

Я прошу, конечно, это. Но, Сострата, как тебя
Плохо учит до сих пор моя вся

снисходительность!
Разговор однако этот начат для чего, скажи?

Сострата

Суеверны мы бываем, глупы и несчастны все!

650 Отдавая дочь, чтоб бросить, с пальца я кольцо
сняла
И его велела вместе с девочкою выкинуть:
Если б умерла старуха, то чтоб дочка не была
Лишена совсем хоть части достоянья нашего.

Хремет

Как умно! Себя спасла ты и ее!

Сострата

Вот то кольцо.

Хремет

Как? Откуда?

Сострата

Да Вакхида привела с собой сюда

Девушку...

Сир

Гм... Что она там говорит?

Сострата

Она кольцо

Отдала, идя купаться, мне на сохранение.

Я сперва не обратила вовсе и внимания,

Но, взглянув, узнала сразу и к тебе тут
бросилась.

Хремет

Что же ты предполагаешь? Что о ней узнала ты?

Сострата

Я не знаю. Разве спросишь у нее самой, кто дал
Ей кольцо, коли возможно отыскать старуху ту.

Сир

Я пропал! Надежды вижу больше, чем
желательно!

Наша, если так, она.

Хремет

А та — кому дала ее,
Та жива ль еще?

Сострата

Не знаю.

Хремет

660

А сказала что тогда?

Сострата

Вишь, исполнила, что было велено.

Хремет

А как ее,
Женщину, скажи, ту звали, чтобы разыскать ее?

Сострата

Фильтра.

Сир

Она, конечно, спасена, а я пропал!

Хремет

В дом, за мной!-

Сострата

Вот как неожиданно вышло! А боялась я,
Что теперь суров ты будешь так же, как тогда.

Хремет

Нельзя

Быть всегда таким, как хочешь, если

обстоятельства

Не дают. Теперь сложилось дело так, что я хочу
Дочь иметь, тогда иначе: что угодно, но не то.

(Уходят.)

Сцена II

Сир

Коли не ошибаюсь я, совсем ко мне близка беда.
Так с этим делом вдруг в тупик весь план мой
загоняется.

Не вижу средства, чтоб старик не разузнал, что
сыну та

670 Прелестница подружкою. А что уже до денежек

И до попытки обмануть его — там дело кончено!
Прикрыть бы отступление — и то триумф!

Обидно мне!

Такой кусок вдруг изо рта мне вырвали!

Что делать тут?

Что выдумать? Приходится весь заново расчет
вести.

Ищи — найдешь. Нет трудности такой, чтоб
с ней не справиться.

Вот с этого начать? Нет, нет! Вот так? И это
тоже нет.

Ну так? Нельзя. А, вот как! Э! Нашел я план
отличнейший.

Пожалуй, доберусь-таки до беглых этих денежек!

Сцена III

Клиния, Сир.

Клиния

Не может ничего со мной случиться впредь
такого,
680 Что было б огорчительно! Такая вышла
радость!
Всецело отдаюсь отцу, теперь дельнее буду,
Чем даже он желает.

Сир

О, да я не обманулся!
Ее узнали, сколько мне слова его понятны.
Я очень рад, что вышло все по твоему желанью.

Клиния

Мой Сир! Ты слышал?

Сир

Как же нет! Все время был при этом.

Клиния

Случалось ли так хорошо с другим кем?

Сир

Не случалось.

Клиния

Готов поклясться, я сейчас не столько за себя
рад,
Как за нее: она вполне достойна уваженья.

Сир

Ты прав, но и ко мне теперь прислушайся. Нам
надо
Наладить дело твоего приятеля. Старик наш
Не должен о подрузке знать.

Клиния

690

Юпитер!

Сир

Успокойся!

Клиния

Моею будет милая женою Антифила!

Сир

Да перестань перебивать!

Клиния

Как быть? Уж очень рад я!
Мой милый Сир! Снеси мой пыл!

Сир

Тебя несу я даже!

Клиния

Настала жизнь богов для нас!

Сир

Напрасно я стараюсь.

Клиния

Ну, говори. Я слушаю.

Сир

И вдруг через минуту
Другим уж занят.

Клиния

Этим я займусь.

Сир

Так, говорю я.

Наладить дело твоего приятеля должны мы.
Ведь если ты уйдешь от нас, оставив тут
Вакхиду,
Старик узнает сразу в ней подружку Клитифона.
Возьмешь с собой — все скроешь так, как раньше
было скрыто.

Клиния

Но сильно помешает, Сир, моей женитьбе это.
С каким лицом я обращусь к отцу? Ты
понимаешь?
И что скажу?

Сир

Как не понять!

Клиния

700 На что могу сослаться?

Сир

Не надо лгать. Как дело есть, все и скажи
открыто.

Клиния

Как?

Сир

Так, что любишь и на ней жениться ты
желаешь,
Вакхида же, скажи ему, подружка Клитифону.

Клиния

Совет хороший, умный твой, его легко
исполнить.
И, значит, ты советуешь просить отца, чтоб
скрыл он
От господина вашего все это?

Сир

Да несколько:

Пусть по порядку все ему так и расскажет.

Клиния

Что ты?
В уме ли? Трезв? Да так его прямехонько ты
губишь.
Как он наладит дело после этого?

Сир

Пальма первенства за этим планом у меня.
Я горд,
710 Что имею столько силы, так способен
к хитрости.

Правду говоря, обоих сразу обману я так.
Ведь как только ваш старик про то расскажет
нашему,
Что она подружка сына, все же не поверит он.

Клиния

Но ведь так ты отнимешь у меня надежду всю
На женитьбу. Он, считая ту моей подружкой,
За меня не выдаст дочь. А ты о нем заботишься,
И тебе совсем не важно, что со мною станется.

Сир

Тьфу ты! Вечно, что ли, надо мне играть
комедию?
Дня мне хватит, чтобы деньги вырвать,
а потом — конец.

Клиния

Вот и все? А что же после, как отец проведает?

Сир

Все равно что спрашивать: а если небо рушится?

Клиния

Страшно. Что мне делать?

Сир

Страшно? Разве не в твоих руках
720 Все раскрыть в любое время сразу
и распутаться?

Клиния

Ладно. Забирай Вакхиду.

Сир

Кстати вот она сама.

Сцена IV

Вакхида, Клиния, Сир, Фригия, Дромон.

В а к х и д а

Сир, обещав мне десять мин, завлек довольно
дерзко
Меня сюда. Но если он сейчас меня обманет,
То впредь — чтоб я пришла, молить меня
напрасно будет
А то скажу, что я приду, назначу день, доложит
Об этом он, и Клитифон надежды будет полон,
Я ж обману и не приду: мне Сир спиной
заплатит.

К л и н и я

Как обещанья хороши!

С и р

Ты думаешь, что шутка?
730 Нет, если не остерегусь, она так и поступит.

В а к х и д а

Спят. Я сумею их встряхнуть. Ты, Фригия,
слыхала,
Тот человек упомянул недавно здесь про виллу
Харина?

Ф р и г и я

Знаю.

В а к х и д а

Справа здесь, с поместьем этим рядом?

Ф р и г и я

Я помню.

В а к х и д а

Сбегай-ка бегом туда: сегодня воин
Один справляет у него тут праздник Дионисов.

С и р

Но что она затеяла?

В а к х и д а

Скажи, что против воли

Сижу я здесь и что за мной следят,
но как-нибудь уж
Их обману и тотчас же к нему приду.

Сир

Пропал я!

Вакхида! Стой же, стой! Куда ее ты посылаешь?
Верни!

Вакхида

Иди.

Сир

Но деньги есть уже.

Вакхида

Но я осталась.

Сир

Сейчас получишь.

Вакхида

Как тебе угодно. Неужели
Я тороплю?

Сир

Но знаешь ли... о чем я попросил бы?

Вакхида

О чем?

Сир

А ты бы перешла со всей своею свитой
Вот к Менедему.

Вакхида

Что ты, плут, затеял?

Сир

740

Кую тебе.

Я-то? Деньги

Вакхида

Далась тебе я, что ли, для насмешки?

Сир

Я говорю не зря.

Вакхида

А мне что до тебя?

Сир

Но как же?

Твое тебе плачу.

Вакхида

Идем.

Сир

За мной, сюда, Дромон! Эй!

Дромон

Кто это звал меня?

Сир «

Я, Сир.

Дромон

Чего тебе угодно?

Сир

Служанок всех Вакхидиных к вам в дом ведите
скорее.

Дромон

Зачем?

Сир

Не спрашивай. Пускай, что принесли,
выносят.

Старик наш понадеется, что с их уходом сильно
Расход его убавится, а сам того не знает,
От этой малой выгоды какой придет убыток!
Не знай, что знаешь, будь умен, Дромон!

Дромон

Я нем, как рыба.

Акт пятый

Сцена I

Хремет, Сир.

Хремет

750 Ей-ей, теперь мне Менедема в свой черед
Так жаль! Нашла большая на него беда:
Корми такую женщину с оравой!
Конечно, день-другой он не почувствует:
Настолько сильно был ему желанным сын;
Но только что увидит, сколько каждый день
Ему расходов в доме, и конца им нет,
То пожелает, чтобы сын опять ушел.
Вот кстати Сир.

Сир

Что медлить? На него начну

Атаку.

Хремет

Сир!

Сир

Гм...

Хремет

Как дела?

Сир

Да я давно

Хотел с тобой увидеться.

Хремет

А кажется,

Уж ты подстроил что-то старику?

Сир

А, ты

760 Про прежнее! Что сказано, то сделано.

Хремет

Всерьез?

Сир

Всерьез.

Хремет

Ну, право, так и хочется
Тебя по голове погладить. Сир! сюда!
Я кое-что тебе за это сделаю
Приятное и с полным удовольствием.

Сир

Когда б ты знал, как ловко мне пришлось на ум!

Хремет

Своей удачей начинаешь хвастаться?

Сир

Не хвастаюсь, а правда.

Хремет

Ну, рассказывай.

Сир

Да Клиния сказал отцу, что будто бы
Вакхида — Клитифонова любовница,
Поэтому с собой, мол, и привел ее,
Чтоб ты не догадался.

Хремет

Ловко!

Сир

Есть-таки?

Хремет

И очень даже.

Сир

770

Это и не все еще.

Послушай дальше, что еще за хитрости.
Дочь видел, говорит, твою и чуть взглянул,
Понравилась по виду, и жениться бы
Желал на ней.

Хремет

На найденной?

Сир

Ну да, на ней.

Присвататься намерен.

Хремет

Это как же так?

Я не пойму.

Сир

Как недогадлив!

Хремет

Может быть.

Сир

Ему ведь денег на женитьбу выдадут,
Чтоб золото и платье... Понял?

Хремет

А, купить?

Сир

Ну да.

Хремет

А я не выдам, не просватаю.

Сир

Нет? Почему?

Хремет

780

Как почему? Ему-то? Нет!
Какой вопрос!

Сир

Как хочешь. Не к тому совсем
Сказал я, чтоб ты выдал окончательно,
А чтобы только сделал вид.

Хремет

Нет, делать вид
Привычки не имею. Ты, пожалуйста,
Сам путай тут, меня же не припутывай.
Я выдать не намерен: что ж просватывать?

Сир

Я думал...

Хремет

Нет!

Сир

А ловко сделать можно бы!
Ведь давеча ты сам весьма советовал,
Вот я и взялся.

Хремет

Верю.

Сир

Делать нечего:
Что ты решил, то мне закон.

Хремет

Нет, очень я
Хочу, чтоб ты доделал, но иным путем.

Сир

790 Пусть так. Другое что-нибудь придумаем.
А что тебе про деньги я сказал, про те,
Которые она должна Вакхиде, то
Вот их необходимо ей вернуть теперь.
Не станешь же пустыми отговорками
Отделываться: «Мне, мол, что до этого?
«Мне, что ль, давали? Я ли, так приказывал?
«Имела разве право, не спросив меня,
«Старуха дочь закладывать?» Но верная
У нас на это есть одна пословица:
«Злу высшему равна законность высшая».

Хремет

Не дам.

Сир

Другому можно, а тебе нельзя:
Тебя считают очень состоятельным,
Твои дела блестящими.

Хремет

Ну хорошо,
Я сам снесу ей.

Сир

Сыну лучше б дал снести.

Хремет

А почему?

С и р

На нем ведь подозрение,
800 Что он влюблен.

Х р е м е т

Так что же?

С и р

И покажется

Гораздо вероятнее, что он дает.
А я так легче, что мне нужно, выполню.
А вот и он. Неси же деньги те!

Х р е м е т

Несу!

(Уходит.)

Сцена II

Клитифон, Сир.

К л и т и ф о н

Любое дело — легкое, а станет вдруг
Труднейшим, если без охоты делаешь.
Вот эта мне прогулка — не трудна она,
А привела меня в изнеможение.
И более всего боюсь теперь, что вновь
Прогонят и с Вакхидой не увижуся!
810 А, будь ты проклят! Чтоб ты провалился, Сир,
Со всей своей затеей этой, с выдумкой!
Всегда ты мне таких вещей придумашь,
Что вовсе истерзают!

С и р

Сам проваливай

Туда, куда ты стоишь! До гибели
Чуть не дошел из-за твоей я дерзости!

К л и т и ф о н

И пусть бы так! Ты заслужил!

С и р

Я заслужил?

Как так? Я это от тебя услышать рад,

Пока еще не получил ты денег тех,
Которые намерен был я дать тебе.

К л и т и ф о н

А что ж еще сказать мне? Прочь! Привел-таки
Подружку! До нее нельзя дотронуться!

С и р

820 Уж не сержусь. А знаешь ли ты, где теперь
Твоя Вакхида?

К л и т и ф о н

Где? У нас.

С и р

Нет.

К л и т и ф о н

Ну а где ж?

С и р

У Клинии.

К л и т и ф о н

Пропал я!

С и р

Подбодрись! Уж вот
Ей отнесешь обещанные денежки...

К л и т и ф о н

Шути! Откуда?

С и р

От отца.

К л и т и ф о н

Смеешься ты?

С и р

На деле сам увидишь.

К л и т и ф о н

О, счастливец я!

Сир! как тебя люблю я!

С и р

Но отец идет.

Не удивляйся, не ищи причин тому,
Что происходит; вовремя поддакивай;
Велит что — делай; меньше говори, прошу.

Сцена III

Хремет, Клитифон, Сир.

Хремет

Где сын?

Сир

Скажи: «я тут».

Клитифон

Я тут, перед тобой.

Хремет

Сказал ему, в чем дело?

Сир

830

Все почти сказал.

Хремет

Вот деньги. Получай, неси.

Сир

Не стой, как столб.

Бери.

Клитифон

Давай.

Сир

За мною поскорей иди.

А ты, пока не выйдем, подожди нас тут;
Нам нечего задерживаться долго там.

(Уходят.)

Хремет

Уж десять мин моих досталось дочери:
Они за воспитание уплачены;

Другие десять ей на украшения,
Да два таланта требуют приданого.
Неправдой всякой наши нравы как полны!
Теперь оставь дела все и ходи ищи
840 Кого-нибудь, кому отдать за дочерью
Добро свое, трудом приобретенное!

Сцена IV

Менедем, Хремет.

Менедем (*говорит к дому*)

Счастливейшим на свете я готов себя
Считать, когда я вижу, что одумался
Ты, сын мой!

Хремет

Заблуждение!

Менедем

А я тебя

Искал, Хремет: в твоих руках все счастье
Моё и сына, нашей всей семьи.

Хремет

Чего

Ты хочешь от меня?

Менедем

Ты нынче дочь нашел.

Хремет

Так что ж?

Менедем

На ней жениться хочет Клиния.

Хремет

Чудак ты, право!

Менедем

Это чем?

Хремет

Чем? Уж забыл,

Что говорили об обмане мы с тобой?

850 Чтоб вырвать деньги у тебя таким путем?

Менедем

Ну да.

Хремет

И дело в этом все.

Менедем

Оставь, Хремет!

Она ведь, эта самая, что у меня,
Подружка Клитифонова, так говорят.

Хремет

А ты и веришь?

Менедем

Да, вполне.

Хремет

Да он, твой сын,
Так говорят, жениться хочет для того,
Чтоб тотчас после моего согласия
Ты денег дал, а он их израсходует
На золото и платье и что нужно там.

Менедем

Да, правда! чтоб подружке дать!

Хремет

Да, ей отдаст.

Менедем

Эх, эх! Напрасно радовался я, бедняк!
Но все ж таки теперь на что угодно я
Согласен, лишь бы с сыном не расстаться мне
Однако же какой ответ мне от тебя
Снести, Хремет, чтоб он не знал, что я узнал,
И не был этим огорчен?

Хремет

860

Что! огорчен?
Ты слишком, Менедем, ему потворствуешь!

Менедем

Оставь. Уж дело начато, так будь же добр
Помочь его докончить.

Хремет

Так скажи ему:
Был у меня, о браке говорил.

Менедем

Скажу.

А дальше?

Хремет

Дальше? Что на все согласен я;
Зять по душе. Пожалуй, даже так скажи,
Коли захочешь, что уж и просватали.

Менедем

Вот этого-то мне и было надобно.

Хремет

Пускай скорей с тебя он денег требует,
И ты скорее дашь ему, чего тебе
И хочется.

Менедем

Да, я хочу.

Хремет

Как вижу я,
Ты скоро им пресытишься. Но если так,
870 То будь умен, давай поосторожнее
И понемножку.

Менедем

Да, я так и сделаю.

Хремет

Пойди к себе, взгляни, чего он требует.
Я буду дома, если чем понадобится.

Менедем

Конечно, будешь нужен. Что б ни делал я,
Все буду делать с твоего лишь ведома.

Акт шестой

Сцена I

Менедем, Хремет.

Менедем

Знаю, что не так хитер я, мало проницателен,
Но помощник мой, наставник, проводник,
Хремет, меня
Сильно в этом превосходит. Мне идут все
прозвища
Дураков: глупец, тупица, простофиля, пень, осел,
А ему никак: Хремета глупость выше этого.

Хремет (*говорит к дому*)

Эй, супруга! Повторяю, будет оглушать богов
Благодарностью за то, что отыскалась дочь
твоя;
880 Ты о них, пожалуй, судишь все по своему уму:
Не поймут, мол, если сто раз то же
не повторишь им.
Что однако Сир и сын там долго так
замешкались?

Менедем

Кто замешкался?

Хремет

А, это ты здесь, Менедем? Скажи,
Передал мои слова ты Клинии?

Менедем

Да, все.

Хремет

Что ж он?

Менедем

Как и всякий, кто жениться хочет, рад был.

Хремет

Ха-ха-ха!

Менедем

Что смеешься?

Хремет
Да проделки Сира вспомнил.

Менедем

Вот о чем!

Хремет
Даже посторонних учит делать мины этот плут!

Менедем
Думаешь, мой сын притворно рад?

Хремет
Ну да.

Менедем
И мне пришло
То же в голову.

Хремет
Пройдоха!

Менедем
Если бы ты лучше знал,
Тем верней бы убедился.

Хремет
Что такое?

Менедем
Слушай вот.

Хремет
890 Подожди. Скажи сначала, что понес убытку ты?
Только что сказал ты сыну о моем согласии,
Тотчас же Дромон вмешался, что невесте
надобно
Платье, золото, служанки, денег чтоб ты дал?
Ведь так?

Менедем
Нет.

Хремет
Как нет?

Менедем

Так нет.

Хремет

А сын?

Менедем

Да ровно ничего и сын.

Только на одном стоял, чтоб свадьбу справить
нынче же.

Хремет

Странно! Ну, а Сир мой, он что? Тоже ничего?

Менедем

И он.

Хремет

Почему? Не понимаю.

Менедем

Странно. Все другое ты
Знаешь точно. А ведь тот же Сир и сына твоего
Превосходно обработал с тою целью, чтоб
ничуть
И не пахло, что Вакхида — Клинии любовница.

Хремет

Что?

Менедем

900 Оставим поцелуи, обниманья — все пустяк.

Хремет

В чем же там еще притворство?

Менедем

Ох!

Хремет

Да что?

Менедем

Ты выслушай.

В отдаленной части дома у меня есть комната.
Ложу принесли туда, покрыли одеялами.

Хремет

Что же дальше?

Менедем

И тотчас же Клитифон ушел туда.

Хремет

Он один?

Менедем

Один.

Хремет

Мне страшно!

Менедем

Вслед Вакхида тотчас же.

Хремет

Как! одна?

Менедем

Одна.

Хремет

Пропал я!

Менедем

Дверь, войдя, закрыли.

Хремет

Ох!

Клиния видал?

Менедем

А как же нет? Мы оба видели.

Хремет

Вакхида — Клитифонова любовница!

Ох, Менедем! Пропал я!

Менедем

Почему?

Хремет

Едва

Дней на десять достанет моего добра!

Менедем

910 Того ль боишься, что он другу милому
Услуживает?

Хремет

Милой, а не милому.

Менедем

Да так ли это?

Хремет

Что тут за сомнения!

Кто может быть столь мягким и покладистым,
Что на глазах даст со своей любовницей...

Менедем

Но почему ж? Чтоб легче обмануть меня.

Хремет

Смеешься? Стою. Сам я на себя сердит.

Что случаев давали догадаться мне!

Что видел я? Вот медный лоб! Беда моя!

Ну, отплачу ж за это им! Живым не быть!

Уж я...

Менедем

Сдержись! Одумайся! Достаточный

Пример тебе — я сам.

Хремет

От раздражения

Я вне себя.

Менедем

920 Ты ль это говоришь? Позор!

Другим даешь советы и разумен ты

Вне дома, а не в силах сам себе помочь!

Хремет

Что ж делать?

Менедем

То, что мало, по твоим словам,
Я сделал. Пусть почувствует, что ты отец,
Пусть тебе во всем смелей доверится,
С тебя пусть просит и с тебя все требует.
Не то тебя покинет и пойдет искать
Источника себе другого.

Хремет

Лучше пусть

Уйдет куда угодно, чем втянуть отца
Своей скандальной жизнью в разорение.
Ведь если мне и дальше покрывать его
Расходы все, пожалуй, Менедем, как раз
930 До грабель в самом деле у меня дойдет!

Менедем

Будь осторожен, а не то получишь ты
На этом деле много неприятностей!
Сейчас суровость выразишь, потом простишь,
Ну уж тогда не видеть благодарности!

Хремет

Не знаешь, как мне больно!

Менедем

’ Ну, тут сам решай
А как теперь со свадьбою, позволь спросить?
Быть может, лучше партия имеется?

Хремет

Наоборот, и зять и сват мне по сердцу.

Менедем

А сколько — сыну мне сказать — приданого?
Что ж ты молчишь?

Хремет

Приданого?

Менедем

Да.

Хремет

Ах!

Менедем

Будь так.

Хремет

Пусть готовится

950 К свадьбе сын твой. Своего же проберу я так
сейчас,
Как отцам детей и надо пробирать. А Сира — ох,
Хоть живым не быть, настолько распишу, так
расчешу,
Что меня до самой смерти будет помнить.
Думает,
На посмеях ему достался я, на развлечение!
Нет! Ей-ей, он не посмел бы с бедной поступить
вдовой
Так, как поступил со мною!

Сцена II

Клитифон, Менедем, Хремет, Сир.

К л и т и ф о н

Менедем! Неужто вдруг
Мой родитель отказался от отцовских чувств ко
мне?
Но за что? Бедняк! Какое сделал преступление
я?
Все так делают.

Менедем

Я знаю, горько, тяжело тебе,
Огорчен и сам я также, хоть и не пойму никак,
В толк взять не могу, в чем дело; знаю разве
вот одно
Что добра тебе желаю от души.

К л и т и ф о н

Ты говорил,
Здесь отец?

Менедем

Да вот он.

Хремет

960 В чем ты, Клитифон, винишь меня?

О тебе, о глупости твоей я позаботился.
Вижу, распустился ты, на первом месте ставишь
то,
Что тебе сейчас приятно, а что дальше — дела
нет.
Вот я и решил устроить, чтоб и нищим не был
ты,
Вместе с тем и не сгубил бы нашего имущества.
Первому тебе бы надо дать: из-за тебя нельзя.
Так твоей родне ближайшей все даю, вверяю я.
Помощь там всегда получит глупость,
Клитифон, твоя:
Пищу, кровлю, где укрыться, платье.

К л и т и ф о н

О, несчастье!

Х р е м е т

Лучше так: будь ты наследник, то Вакхида все
взяла б.

С и р

970 Я прёпал! Тревоги сколько поднял необдуманно!
Будь я проклят!

К л и т и ф о н

Лучше прямо умереть.

Х р е м е т

Сначала — жить

Научись: противна станет жизнь, прибегни
к этому.

С и р

Господин! Мне можно?

Х р е м е т

Можно.

С и р

И без страха?

Х р е м е т

Говори.

Сир

Как неправо! Как безумно! От моих
провинностей
Вред ему!

Хремет

Довольно! Ты себя тут не примешивай,
Ведь тебя не обвиняет, Сир, никто. Нужды
сейчас
Для тебя ни в алтаре нет вовсе, ни в ходатае.

Сир

Ты к чему?

Хремет

Я не сержусь ни на тебя (*обращаясь к сыну*),
ни на тебя.
Нечего и вам сердиться на мои поступки.

(Уходит.)

Сир

Ах!

Он ушел. Спросить хотелось мне...

Клитифон

О чем?

Сир

Да у кого
Пропитания просить мне... Так нас отстранил он
вдруг!
Для тебя оно, конечно, у сестры имеется.

Клитифон

980 Неужто до того дошло, что есть опасность
голода?

Сир

Остаться лишь в живых, так есть надежда.

Клитифон

Но какая же?

Сир

Наш будет аппетит хорош.

Кли т и ф о н

В подобном положении
Смеешься и не хочешь мне помочь советом?

С и р

Как же нет?
Об этом я и думаю все время, да и думал уж,
Пока отец твой говорил. И сколько я могу
понять...

Кли т и ф о н

А что?

С и р

Я близок к выводу...

Кли т и ф о н

Какому?

С и р

Так, сдается мне,
Что-ты не сын им.

Кли т и ф о н

Что ты, Сир! В уме ли ты?

С и р

А вот скажу,
Что мне приходит в голову. Сам рассуди. Пока
ты был
Один у них, пока другой не знали ближе радости,
Тебя и баловали-то, тебе давали; дочь нашли
Теперь уж настоящую — нашли предлог прогнать
тебя.

Кли т и ф о н

Правдоподобно!

С и р

Он сердит не на провинность эту же?

Кли т и ф о н

Не думаю.

Сир

Теперь еще: все матери в провинностях
Сыновних помощь им дают и защищают от
Отца, а здесь не то. обид

Клитифон

Ты прав. Что же делать мне теперь, скажи?

Сир

Об этом с ними объяснись и прямо им вопрос
поставь.
Коли неверно — их скорей обоих склонишь
к жалости,
А верно — будешь знать, чей сын ты.

Клитифон

Правда, так и сделаю.

(Уходит.)

Сир

Да, это мысль хорошая сейчас пришла мне
в голову.
Чем меньше будет у него надежды, тем удобнее
С отцом он примирится на приемлемых
условиях.

Пожалуй, даже женится, — тут, Сир, не жди
хорошего!

1000 Но это что? Старик идет. Бегу! И то мне
странно,
Что сразу не велел схватить. Укроюсь к
Менедему
Пусть будет мне ходатаем. Хозяину не верю.

(Уходит.)

Сцена III

Сострата, Хремет.

Сострата

Будь осторожен — иначе наделать сыну можешь
бед!

Я удивляюсь, как могла,

Такая мысль нелепая, супруг, тебе на ум прийти.

Хремет

Ох, продолжаешь рассуждать по-бабьи! В жизни
не было

Такого дела, чтобы в нем ты мне
не прекословила!

А если б я спросил тебя: да в чем же ошибаюсь
я

И почему так делаю — ты не могла бы дать
ответ!

Чего теперь опять дерзишь мне, глупая?

Сострата

Не дам ответ?

Хремет

1010 Отлично! Дашь! Лишь разговор не начинай свой
сызнова!

Сострата

Как ты несправедлив! Молчать об этом важном
деле мне?

Хремет

Ну, не молчи! Ну, говори! Я все же это сделаю.

Сострата

Сделаешь?

Хремет

Ну да.

Сострата

Не видишь, сколько зла из этого?
Ведь подкидьшем считает он себя!

Хремет

Подкидьшем?

Сострата

Да.

Хремет

Признай.

Сострата

Да что ты, право? Пусть то будет
с недругом!
Как признать, что он не сын мой, если мне он
сын родной?

Хремет

Ты боишься, что не сможешь доказать, что он
твой сын!
1020 Без труда докажешь: сходство слишком велико
с тобой!
Нет ни одного порока в нем не твоего, поверь,
Только ты такого сына родила бы. Вот и он,
Как серьезен! Зная дело, все его таким сочтут!

Сцена IV

Клитофон, Сострата, Хремет.

Кли т и ф о н

Если было время, мама, что я был услadoю
Для тебя и вашей волей сыном назван был
твоим,
Умоляю, вспомни это! Сжался над
беспомощным!
Укажи, прошу, молю я, мне моих родителей!

Сострата

В голову не забирай же, сын мой, будто ты
чужой!

Кли т и ф о н

Я чужой!

Сострата

Беда мне! Как ты мог задать такой
вопрос!
Пусть переживешь обоих нас, как верно то,
что ты
1030 Сын наш подлинный, конечно, мой и твоего
отца.
Ежели меня ты любишь, те свои слова оставь.

Хремет

Ежели меня боишься, те свои привычки брось!

К л и т и ф о н

Но какие?

Х р е м е т

Знать желаешь? Я скажу: безделье, лень,
Кутежи, обман, растраты, мотовство. Поверь —
И тому поверить также надобно, что наш ты
сын.

К л и т и ф о н

Не отцовские слова.

Х р е м е т

Нет, нет. Из головы моей
Если б, как Минерва от Юпитера, родился ты,
И тогда б я не дозволил, чтобы ты срамил меня
Безобразными делами, Клитифон.

С о с т р а т а

Храни нас бог!

Х р е м е т

Что там бог, про то не знаю, я ж не допущу
Как могу лишь. Ты вот ищешь то, что есть,
Чего нет — того не ищешь, как отца
1040 Как сберечь имущество, его трудом добытое,
Не привел ли ты обманом на глаза мои...
Перед ней произнести и слово то позорное!
А вот ты не постыдился даже сделать!

К л и т и ф о н

Ах, как я
Сам себе сейчас противен! Как мне стыдно!
Мне начать, чтоб он смягчился, не могу никак
понять!

Сцена V

Менедем, Хремет, Сострата, Клитифон.

Менедем

Слишком тяжело терзает сына своего Хремет
И бесчеловечно. Выйду помирить их. Вот они,
Очень кстати.

Хремет

Менедем! Ты что ж за дочерью моей
Не велишь послать? И сколько, я сказал,
приданого
Дам, того не закрепляешь?

Сострата

Дорогой супруг! Молю,
Так не делай!

Клитифон

Умоляю, мой отец, прости меня!

Менедем

Дай, Хремет, свое прощенье! Дай же упросить
тебя.

Хремет

1050 Как! Сознательно Вакхиде подарить добро свое?
Нет!

Менедем

Мы также не допустим!

Клитифон

Хочешь, чтобы я был жив,
То прости.

Сострата

Хремет мой милый!

Менедем

Полно! Не упрямясь же!

Хремет

Что такое? Что я начал, значит, не свести
к концу?

Менедем
Поступаешь так, как нужно.

Хремет
Уступлю с условием.
Что и он поступит так, как будет мной указано.

Клитифон
Все, отец, готов я сделать. Говори.

Хремет
Женись.
Клитифон

Отец!

Хремет
Ничего не слушаю.

Сострата
Он сделает, ручаюсь я.

Хремет
Но от самого не слышу ни словечка.

Клитифон

Я пропал!

Сострата
Что колеблешься?

Хремет
Ну пусть как хочет.

Сострата

Он все сделает.

Менедем
Это по началу трудно, с непривычки, а узнал —
И пойдет легко!

Клитифон
Согласен. Сделаю, отец.

Сострата

Мой сын!
1060 Милую жену тебе дам, что легко полюбишь ты,
Фанократа дочь.

Клитифон

Девицу эту, что ли, рыжую?
Нос крючком, лицо в веснушках, светлые глаза?
Ну нет.

Хремет

Вишь, разборчив как! Подумать, вот знаток!

Сострата

Другую дам.

Клитифон

Нет, уж раз жениться надо, я почти что сам
нашел
По сердцу себе невесту.

Сострата

Это хорошо, сынок.

Клитифон

Дочь соседа, Архонида.

Хремет

Я доволен.

Клитифон

Что ж, отец,
За одним теперь лишь дело стало.

Хремет

А за чем?

Клитифон

Прошу,
Чтобы заодно и Сира ты простил за то, что он
Сделал для меня.

Хремет

Согласен. — Ну, прощайте! Хлопайте!

Примечания

¹ *Пролог* — монолог актера, обращенный к зрителю, или сцена, предшествующая основному действию, в которой излагалась исходная фабульная ситуация. Здесь пролог произносит постановщик пьесы Амбивий Турпион. Теренций впервые использует пролог как средство литературной полемики. ² Теренций отстаивает право на контаминацию, ссылаясь на авторитет своих предшественников Невия, Плавта, Энния. ³ *Старик-поэт* — Лусций Ланувин, литературный противник Теренция, обвиняющий его в несамостоятельности творчества. ⁴ Теренций критикует Ланувина за «неприличное», с точки зрения римского зрителя, изображение раба, которому свободные уступают дорогу. ⁵ Теренций подчеркивает, что его комедия относится к типу спокойной, «статарной» комедии. ⁶ В строках 41 — 44 перечисляются персонажи подвижной, «моторной» комедии.

РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА РЕСПУБЛИКИ (середина II — середина I в. до н. э.)

ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАР (ок. 95—55 г. до н. э.)

Тит Лукреций Кар — выдающийся римский поэт и философ-материалист. О жизни Лукреция почти ничего не известно. Поздние авторы (Иероним, Донат) сообщают лишь даты его рождения и смерти, при этом Иероним (IV в. н. э.) добавляет, что Лукреций покончил жизнь самоубийством, «впав в безумие от любовного напитка». Поэма Лукреция «О природе вещей» осталась незавершенной. В шести книгах поэмы Лукреций изложил учение греческого философа-материалиста Эпикура об атомистическом строении и вечности материи, о безграничности вселенной, ее постоянном движении и изменении, а также теорию познания Эпикура и свои собственные представления о возникновении мира, истории человеческой цивилизации и культуры на земле. Лукреций опровергает представление о загробном мире, о бессмертии души, стремясь освободить людей от страха смерти. Он выступает как непримиримый и мужественный борец с религией, духовно порабошающей человека.

В «Антологии» приводятся отрывки из разных книг поэмы, дающие возможность составить представление о различных сторонах идейного содержания произведения, равно как и об особенностях его стиля и художественной формы.

Перевод:

Лукреций. О природе вещей. Т. 1. М., 1946. Т. 2 (комментарии). М., 1947.

Лукреций. О природе вещей. М., 1983.

В «Антологии» отрывки из поэмы даются по изданию 1946 г.

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

Перевод Ф. А. Петровского

Книга первая

Рода Энеева мать, людей и бессмертных услада,
О благая Венера! Под небом скользящих
созвездий

- Жизнью ты наполняешь и всё судоносное море,
И плодородные земли; тобою все сущие твари
5 Жить начинают и свет, родившись, солнечный
видят.
Ветры, богиня, бегут пред тобою; с твоим
приближеньем
Тучи уходят с небес, земля-искусница пышный
Стелет цветочный ковер, улыбаются волны
морские,
И небосвода лазурь сияет разлившимся светом.
10 Ибо весеннего дня лишь только откроется облик,
И, вострепнувшись от пут, Фавоний¹
живительный дунет,
Первыми весть о тебе и твоём появлении,
богиня,
Птицы небес подают, пронзенные в сердце
тобою,
Следом и скот, одичав, по пастбищам носится
тучным
15 И через реки плывет, обаяньем твоим упоенный,
Страстно стремясь за тобой, куда ты его
увлекаешь.
И, наконец, по морям, по горам и по бурным
потокам,
По густолиственным птиц обиталищам, долам
зеленым,
Всюду внедряя любовь упоительно-сладкую
в сердце,
20 Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода
желанье.
Ибо одна ты в руках своих держишь кормило
природы,
И ничего без тебя на божественный свет
не родится,
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.
Будь же пособницей мне при создании этой
поэмы,
25 Чтó о природе вещей я теперь написать
собираюсь
Меммия милому сыну², которого ты пожелала
Всеми дарами почтить и достоинством щедро
украсить.
Даруй поэтому ты словам моим вечную
прелесть,

- Сделав тем временем так, чтобы жесткие распри
и войны
30 И на земле, и в морях повсюду замолкли
и стихли.
Ты ведь одна, только ты можешь радовать
мирным покоем
Смертных людей, ибо всем военным делом
жестоким
Ведает Марс всеоружный, который так часто,
сраженный
Вечною раной любви, на твое склоняется лоно;
35 Снизу глядя на тебя, запрокинувши стройную
шею,
Жадные взоры свои насыщает любовью, богиня,
И, приоткрывши уста, твое он впивает дыханье.
Тут, всеблагая, его, лежащего так, наклонившись
Телом священным своим, обойми и, отрадные
речи
40 С уст, изливая, проси, достославная, мира для
римлян.
Ибо ни мы продолжать работу не можем
спокойно
В трудные родины дни, ни Меммия отпрыск
не смеет
Этой тяжелой порой уклониться от общего дела.
- * * *
- 50 Ты³ же теперь напряги свой слух и свой ум
прозорливый
Освободи от забот, достоверному внемля
ученью,
Чтобы дары, приносимые мной
с беспристрастным усердьем,
Прежде чем их оценить, с презреньем прочь
не отринул.
Ибо о сущности высшей небес и богов собираюсь
55 Я рассуждать для тебя и вещей объясняю начала,
Всё из которых творит, умножает, питает
природа
И на которые всё после гибели вновь разлагает.
Их, объясняя их суть, материей мы называем
И для вещей родовыми телами обычно, а также
60 Их семенами вещей мы зовем и считаем телами
Мы изначальными, ибо началом всего они
служат.

- В те времена, как у всех на глазах безобразно
влачилась
Жизнь людей на земле под религии тягостным
гнетом,
С областей неба главу являвшей, взирая оттуда
65 Ликом ужасным своим на смертных,
поверженных долу,
Эллин впервые один осмелился смертные взоры
Против нее обратить и отважился выступить
против.
И ни молва о богах, ни молнии, ни рокотом
грозым
Небо его запугать не могли, но, напротив,
70 Духа решимость его побуждали к тому, чтобы
крепкий
Врат природы затвор он первый сломить
устремился.
Силою духа живой одержал он победу, и вышел
Он далеко за пределы ограды огненной мира,
По безграничным пройдя своей мыслью и духом
пространствам.
75 Как победитель, он нам сообщает оттуда, что
может
Происходить, что не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
Так, в свою очередь, днесь религия нашей пятою
Попрана, нас же самих победа возносит до неба.
80 Тут одного я боюсь: чтобы как-нибудь ты
не подумал,
Что приобщаешься мной к нечестивым учениям,
вступая
На преступлений стезю. Но, напротив, религия
больше
И нечестивых сама и преступных деяний
рождала.
Было в Авлиде ведь так, где жертвенник Тривии
Девы⁴
85 Ифианассиной⁵ был осквернен неповинною
кровью,
Пролитой греков вождями — героями лучшими
войска.
Только лишь девы власы повязкой обвили
священной
И по обеим щекам равномерно концы опустили,

- Только узрела она, что подавленный горем
 90 Пред алтарем предстоит, а прислужники нож
 укрывают,
 Что проливают, глядя на нее, сограждане слезы,
 В страхе немея, она к земле преклонила колени.
 И не могло ей тогда, несчастной, помочь, что
 впервые
 95 Имя отца, даровала она, родившись, Атриду⁶.
 На руки мужи ее, дрожащую телом, подняли
 И к алтарю понесли. Но не с тем, чтобы после
 обряда
 При песнопеньях идти громогласных во славу
 Гимена⁷,
 Но, чтобы ей, непорочной, у самого брака
 порога
 Гнусно рукою отца быть убитой, как жертве
 печальной,
 100 Для ниспослання судам счастливого выхода
 в море.
 Вот к злодеяньям каким побуждала религия
 смертных.
 Ты, ужасающим сам поддаваясь вещаньям
 пророка,
 Будешь стремиться отпасть от меня ежечасно,
 пожалуй.
 Сколько ведь, право, они способны придумать
 нелепых
 105 Бредней, могущих смутить и нарушить все жизни
 устои
 И безмятежность твою отравить окончательно
 страхом!
 Да и понятно вполне: если б знали навверное
 люди,
 Что существует конец их мытарствам, они хоть
 какой-то
 Дать бы отпор суеверьям могли и угрозам
 пророков.
 110 Ныне ж ни способов нет ни возможности с ними
 бороться,
 Так как по смерти должны все вечной кары
 страшиться,
 Если природа души неизвестна. <...>
 135 Не сомневаюсь я в том, что учения темные
 греков

- Ясно в латинских стихах изложить
 затруднительно будет :
 Главное, к новым словам прибегать мне нередко
 придется
 При нищете языка и наличии новых понятий.
 Доблесть, однако, твоя и надежда с тобой
 насладиться
 140 Милою дружбой меня побуждает к тому, чтобы
 всякий
 Труд одолеть и без сна проводить за ним ясные
 ночи
 В поисках слов и стихов, которыми мне
 удалось бы
 Ум твой таким озарить блистающим светом,
 который
 Взорам твоим бы открыл глубоко сокровенные
 вещи.
 145 Значит, изгнать этот страх из души и потемки
 рассеять
 Должны не солнца лучи и не света сиянье
 дневного,
 Но природа сама своим видом и внутренним
 строим.
 За основание тут мы берем положение такое:
 Из ничего не творится ничто по божественной
 воле.
 150 И оттого только страх всех смертных
 объемлет, что
 много
 Видят явлений они на земле и на небе нередко,
 Коих причины никак усмотреть и понять
 не умеют,
 И полагают, что всё это божьим веленьем
 творится.
 Если же будем мы знать, что ничто не способно
 возникнуть
 155 Из ничего, то тогда мы гораздо яснее увидим
 Наших заданий предмет: и откуда являются
 вещи,
 И каким образом всё происходит без помощи
 свыше.
 Если бы из ничего в самом деле являлись вещи,
 Всяких пород существа безо всяких семян бы
 рождались:

- 160 Так, например, из морей возникали бы люди,
из суши —
Рыб чешуйчатых род и пернатые, с неба
срывался б
Крупный и мелкий скот, и породы бы диких
животных
Разных, неведомо как, появлялись в полях
и пустынях.
И на деревьях плоды не имели бы стойкого вида,
- 165 Но изменялись бы все произвольно на дереве
каждом. <...>
- 215 <...> Надо добавить еще: на тела основные
природа
Всё разлагает опять и в ничто ничего
не приводит.
Ибо, коль вещи во всех частях своих были бы
смертны,
То и внезапно из глаз исчезали б они, погибая;
Не было б вовсе нужды и в какой-нибудь силе,
могущей
- 220 Их по частям разорвать и все связи меж ними
расторгнуть,
Но, так как все состоят из вечного семени вещи,
То до тех пор, пока им не встретится внешняя
сила,
Или такая, что их изнутри чрез пустоты
разрушит,
Гибели полной вещей никогда не допустит
природа. <...>
- Так что, мы видим, отнюдь не в ничто
превращаются вещи,
Но разлагаются все на тела основные обратно.
- 250 И в заключение: дожди исчезают, когда их
низвергнет
Сверху родитель-эфир на земли материнское
лоно.
Но наливаются злаки взамен, зеленеют листвою
Ветви дерев, и растут, отягчаясь плодами,
деревья.
Весь человеческий род и звери питаются ими,
- 255 И расцветают кругом города поколением юным,
И оглашается лес густолиственный пением
птичьим;
Жирное стадо овец, отдыхая на пастбище
тучном,

- В неге ленивой лежит, и, белея, молочная влага
Каплет из полных сосцов, а там уж и юное
племя
- 260 На неокрепших ногах по мягкому прыгает лугу,
Соком хмельным молока опьяняя мозги
молодые.
Словом, не гибнет ничто, как будто совсем
погибая,
Так как природа всегда возрождает одно из
другого
И ничему не дает без смерти другого родиться.
<...>
- Но не заполнено все веществом и не держится
тесно
- 330 Сплоченным с разных сторон: в вещах пустота
существует.
Знать это будет тебе полезно по многим
причинам
И не допустит тебя заблуждаться в бесплодных
исканьях,
Сущность вселенной познать, не давая словам
моим веры.
Вот почему несомненна наличность пустого
пространства:
- 335 Без пустоты никуда вещам невозможно бы вовсе
Двигаться было; ведь то, что является
признаком тела:
Противодействовать и не пускать —
препятствием вечным
Было б вещам, и ничто бы тогда не могло
продвигаться,
Ибо ничто, отступив, не дало бы начала
движению.
- 340 В самом же деле в морях, на земле и в небесных
высотах
Многоразличным путем совершается много
движений
Перед глазами у нас; а не будь пустоты, то
не только
Вещи никак не могли б пребывать
в непрестанном движении,
Но и на свет никогда появиться ничто
не могло бы,
- 345 Ибо лежала б всегда материя стиснутой всюду.
<...>

- Что остается теперь, — ты узнай и внимательно
слушай.
Я не таю от себя, как это туманно, но острый
В сердце глубоко мне тирс вонзила надежда
на славу
И одновременно грудь напоила мне сладкою
страстью
925 К Музам, которой теперь вдохновляемый,
с бодрою мыслью
По бездорожным полям Пиерид⁸ я иду, по
которым
Раньше ничья не ступала нога. Мне отрадно
устами
К свежим припасть родникам и отрадно чело
мне украсить
Чудным венком из цветов, доселе неведомых,
коим
930 Прежде меня никому не венчали голову Музы.
Ибо, во-первых, учу я великому знанию,
стараясь,
Дух человека извлечь из тесных тенёх суеверий,
А, во-вторых, излагаю туманный предмет
совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием
всюду.
935 Это, как видишь ты, смысл, несомненно, имеет
разумный:
Ведь, коль ребенку врачи противной вкусом
польни
Выпить дают, то всегда предварительно сладкою
влагой
Желтого меда кругом они мажут края у сосуда;
И, соблазненные губ ощущеньем, тогда
легковерно
940 Малые дети до дна выпивают полынную горечь.
Но не становятся жертвой обмана они,
а, напротив,
Способом этим опять обретают здоровье и силу.
Так поступаю и я. А поскольку учение наше
Непосвященным всегда представляется слишком
суровым
945 И ненавистно оно толпе, то хотел я представить
Это ученье тебе в сладкозвучных стихах
пиерийских,

Не допуская копье до намеченной цели
 Или летит оно вон, — оно пущено все же ^{домчаться,}
 не с края.
 980 Так я и дальше пойду и повсюду, где б ты ни ^{наметил}
 Крайних пределов, спрошу: «Что ж с копьем,
 наконец, этим будет?»
 Выйдет лишь то, что нигде никакого конца
 не поставить,
 И для полета всегда беспредельно продлится
 возможность. <...>

Книга вторая

Сладко, когда на просторах морских
 разыграются ветры,
 С твердой земли наблюдать за бедою,
 постигшей другого,
 Не потому, что для нас будут чьи-либо муки
 приятны,
 Но потому, что себя вне опасности чувствовать
 сладко.
 5 Сладко смотреть на войска на поле сраженья
 в жестокой
 Битве, когда самому не грозит никакая
 опасность.
 Но ничего нет отраднее, чем занимать
 безмятежно
 Светлые выси, умом мудрецов укрепленные
 прочно:
 Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть
 повсюду,
 10 Как они бродят и путь, заблуждаясь, жизненный
 ищут;
 Как в дарованьях они состязаются, спорят
 о роде,
 Ночи и дни напролет добиваясь трудом
 неустанным
 Мощи великой достичь и владыками сделаться
 мира.
 О вы, ничтожные мысли людей! О чувства
 слепые!
 15 В скольких опасностях жизнь, в каких протекает
 потемках

- С равным оружием в руках, с одинаковой силою
духа,
Иль когда видишь ты флот, снующим повсюду
на море,
45 Что ж, убегают тогда, уstraшенные зрелищем
этим,
В ужасе все суеверья твои? Разве страх перед
смертью
Сердце покинет твое, оставив его беззаботным?
Если ж мы видим, что это смешно и глумленья
достойно,
В самом же деле боязнь и заботы, преследуя
смертных,
50 Не уstraшаются звоном доспехов и грозным
оружьем,
Но пребывают всегда среди царей и властителей
смело,
И не робеют они ни пред золота блеском
нисколько,
Ни перед пышностью яркой роскошных
пурпуровых тканей,
То усомнишься ли ты, что сила здесь в разуме
только,
Если к тому же вся жизнь пробивается наша
в потемках? <...>
Значит, изгнать этот страх из души и потемки
рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье
дневного.
Но природа сама своим видом и внутренним
строем. <...>
Вот посмотри: всякий раз, когда солнечный свет
проникает
115 В наши жилища, и мрак прорезает своими
лучами,
Множество маленьких тел в пустоте ты увидишь,
мелькая,
Мечутся взад и вперед в лучистом сиянии света;
Будто бы в вечной борьбе они быются
в сраженьях и битвах,
В схватки бросаются вдруг по отрядам, не зная
покоя,
120 Или сходясь, или врозь непрерывно опять
разлетаясь.
Можешь из этого ты уяснить себе, как неустанно

- Первоначала вещей в пустоте необъятной
 мнутся.
 Так о великих вещах помогают составить
 понять
 Малые вещи, пути намечая для их постиженья.
 125 Кроме того, потому обратить тебе надо
 вниманье
 На суматоху в телах, мелькающих в солнечном
 свете,
 Что из нее познаешь ты материи также
 движенье,
 Происходящее в ней потаенно и скрыто от взора.
 Ибо увидишь ты там, как много пылинок
 меняют
 130 Путь свой от скрытых толчков и опять отлетают
 обратно,
 Всюду туда и сюда разбегаясь во всех
 направленьях.
 Знай же: идет от начал всеобщее это
 блужданье,
 Первоначала вещей сначала движутся сами,
 Следом за ними тела из малейшего их сочетанья,
 135 Близкие, как бы сказать, по силам к началам
 первичным,
 Скрыто от них получая толчки, начинают
 стремиться,
 Сами к движенью затем понуждая тела
 покрупнее.
 Так, исходя от начал, движение мало-помалу
 Наших касается чувств, и становится видимым
 также
 140 Нам и в пылинках оно, что движутся
 в солнечном свете,
 Хоть незаметны толчки, от которых оно
 происходит.<...>

Я бы желал, чтобы ты был осведомлен здесь
 точно так же,
 Что, уносясь в пустоте, в направлении книзу
 отвесном,
 Собственным весом тела изначальные в некое
 время
 В месте неведомом нам начинают слегка
 отклоняться,

- 220 Так что едва и назвать отклонением это
возможно.
Если ж, как капли дождя, они вниз продолжали
бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте
необъятной,
То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал
не рождалось,
И ничего никогда породить не могла бы
природа.
- 225 Если же думает кто, что тела тяжелее
способны
В силу того, что быстрее в пустоте они мчатся
отвесно,
Сверху на легкие пав, вызывать и толчки,
и удары,
Что порождают собой движения жизни, то,
право,
Бродит от истины он далеко в заблужденьи
глубоком.
- 230 Ибо все то, что в воде или в воздухе падает
редком,
Падать быстрее должно в соответствии
с собственным весом
Лишь потому, что вода или воздуха тонкая
сущность
Не в состояньи вещам одинаковых ставить
препятствий,
Но уступают скорей имеющим бóльшую
тяжесть.
- 235 Наоборот, никогда никакую нигде не способна
Вещь задержать пустота и явиться какой-то
опорой,
В силу природы своей постоянно всему уступая.
Должно поэтому всё, проносясь в пустоте без
препятствий,
Равную скорость иметь, несмотря на различие
в весе.
- 240 Значит, нельзя и телам тяжелее на легкие сверху
Падать никак и рождать при падении этом
удары,
Чтобы движенья менять, из каких созидаются
вещи.
Вновь повторяю: тела непременно должны
отклоняться.

- Но незаметно совсем; чтоб отнюдь никому
не казалось,
245 Что мы движение вкось вопреки очевидности
мыслим.
Ибо мы можем всегда совершенно легко
убедиться,
Что в силу веса тела, поскольку мы можем
заметить,
Вкось устремляясь, идти при падении сверху
не могут.
Но что они никуда от линии строго отвесной
250 Не отклонятся ничуть, — разве кто-нибудь это ус-
матривает? <...>
Здесь не должно вызывать удивленья в тебе,
что в то время
Как обретаются все в движении первоначала,
310 Их совокупность для нас пребывает в полнейшем
покое, —
Если того не считать, что движется собственным
телом, —
Ибо лежит далеко за пределами нашего чувства
Вся природа начал. Поэтому раз недоступны
Нашему зренью они, то от нас и движенья их
скрыты.
315 Даже и то ведь, что мы способны увидеть,
скрывает
Часто движенья свои на далеком от нас
расстоянии:
Часто по склону холма густорунные овцы
пасутся,
Медленно идя туда, куда их на пастбище тучном
Свежая манит трава, сверкая алмазной росой;
320 Сытые прыгают там и резвятся, бодаясь, ягнята.
Всё это издали нам представляется слившимся
вместе,
Будто бы белым пятном неподвижным на склоне
зеленом.
Также, когда, побежав, легионы могучие быстро
Всюду по полю снуют, представляя примерную
битву,
325 Блеск от оружия их возносится к небу, и всюду
Медью сверкает земля, и от поступи тяжелой
пехоты
Гул раздается кругом. Потрясенные криками,
горы

- Вторят им громко, и шум несется к небесным
созвездьям;
Всадники скачут вокруг и в натиске быстром
внезапно
330 Пересекают поля, потрясая их топотом громким.
Но на высоких горах непременно есть место,
откуда
Кажется это пятном, неподвижно сверкающим
в поле.<...>

Книга третья

- Ты⁹ из потемок таких дерзнувший впервые
воздвигнуть
Столь ослепительный свет, озаряющий жизни
богатства,
Греции слава и честь! За тобою я следую ныне
И по твоим я стопам направляю шаги мои
твердо.
5 Не состязаться с тобой я хочу, но, любовью
объятый,
Жажду тебе подражать: разве ласточка станет
тягаться
С лебедем? Или козлят дрожащие ноги способны
С резвою силой коня бысролетного в беге
равняться?
Отче! Ты сущность вещей постиг. Ты отчески
роду
10 Нашему ныне даешь наставленья, и мы из
писаний,
Славный, твоих, наподобие пчел, по лугам
цветоносным
Всюду собирающих мед, поглощаем слова
золотые,
Да, золотые, навек достойные жизни
бессмертной!
Ибо лишь только твое, из божественной мысли
возникнув,
15 Стало учение нам о природе вещей проповедать,
Как разбегаются страхи души, расступаются
стены
Мира,— и вижу я ход вещей в бесконечном
пространстве.
Видно державу богов и спокойную всю их
обитель,

- Где не бушуют ни ветры, ни дождь, низвергаясь
из тучи,
- 20 Не проливается, где и мороз пеленой
белоснежной,
Падая, их не гнетет, а эфир безоблачный вечно
Их покрывает и весь улыбается в свете разлитом.
Всё им природа дает в изобилии, ничто не
смушает
Вечного мира богов и ничто никогда
- 25 Наоборот: никаких Ахеронта¹⁰ владений не
не тревожит
видно,
И не мешает земля созерцанию всего
остального,
Что под ногами у нас совершается
в безднах пространства.
Всё это некий восторг поселяет в меня и
священный
Ужас, когда сознаю, что силой твоею
- 30 Вся природа везде и доступною сделалась мысли.
После того, как тебе¹¹ объяснил я и сущность
и свойства
Мира начал основных и как, различаясь по виду,
Непроизвольно они несутся в движении вечном,
Также и то, как из них созидаются всякие вещи,
- 35 Я полагаю, теперь своевременно будет природу
Духа, а также души осветить мне стихами
своими
И, ниспровергнув, изгнать совершенно боязнь
Ахеронта,
Что угнетает людей и, глубоко их жизнь
возмущая,
Тьмою крошечною всё омрачает и смертною
мглою
- 40 И не дает наслаждаться нам радостью светлой и
чистой. <...>
- 60 Денег алчба, наконец, и почестей жажда слепая
Нудят несчастных людей выходить за пределы
закона
И в соучастников их обращают и в слуг
преступлений,
Ночи и дни напролет заставляя трудом
неустанным
Мощи великой искать. Эти язвы глубокие жизни

- Пищу находят себе немалую в ужасе смерти.
 65 Ибо постыдный позор и жестокая бедность
 обычно
 Несовместимы для нас с приятною тихою
 жизнью
 И представляются нам как будто преддверием
 смерти.
 Люди, стремясь убежать от этого дальше
 и дальше,
 Всё это прочь отстранить, объятые ложным
 испугом,
 70 Кровью сограждан себе состояния копят и жадно
 Множат богатства свои, громоздя на убийство
 убийство,
 С радостью лютой идут за телом умершего
 брата
 И пировать у родных ненавидят они
 и страшатся. 1
 Точно таким же путем от этого страха нередко
 75 Гложет их зависть, что тот могуществен, этот
 во блеске
 Шествует славы своей, привлекая всеобщие
 взоры,
 Им же приходится жить, валяясь в грязи и во
 мраке.
 Люди иные порой ради имени гибнут и статуи,
 Часто же их до того доводит боязнь перед
 смертью,
 80 Что, отвращенья полны и к жизни и к свету
 дневному,
 От безысходной тоски они сами себя убивают,
 Вовсе забыв, что тоска их питается этим же
 страхом.
 Он прогоняет и стыд, он и узы теснейшие
 дружбы
 Врозь расторгает, и он извращает вконец
 благочестье.
 85 Ведь и отчизну свою и родителей милых нередко
 Люди, стремясь избежать Ахеронта пучин,
 предавали.
 Ибо, как в мрачных потемках дрожат и
 пугаются дети,
 Так же и мы, среди белого дня, опасаемся
 часто
 Тех предметов, каких бояться не более надо,

- 90 Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
 Значит, изгнать этот страх из души и потемки
 должны не солнца лучи и не света сиянье
 дневного,
 Но природа сама своим видом и внутренним
 строим.<...>
 Если же тут, наконец, сама начала бы природа
 Вдруг говорить и средь нас кого-нибудь так
 упрекнула:
 «Что тебя, смертный, гнетет и тревожит безмерно
 печалью
 Горькою? Что изнываешь и плачешь при мысли
 о смерти?»
- 935 Ведь коль минувшая жизнь пошла тебе впрок
 перед этим
 И не напрасно прошли и исчезли все ее блага,
 Будто в пробитый сосуд налитые, утекши
 бесследно,
 Что ж не уходишь, как гость, пресыщенный
 пиршеством жизни,
 И не вкушаешь, глупец, равнодушно покой
 безмятежный?»
- 940 Если же всё достоянье твое растеклось и
 погибло,
 В тягость вся жизнь тебе стала, — к чему же ты
 ищешь прибавки,
 Раз она так же опять пропадет и задаром
 исчезнет,
 А не положишь конца этой жизни и всем ее
 мукам?
- 945 Нет у меня ничего, что тебе смастерить
 и придумать
 Я бы в утеху могла: остается извечно всё то же;
 Даже коль тело твое одряхлеть не успело
 и члены
 Не ослабели от лет, — всё равно, остается
 всё то же,
 Если тебе пережить суждено поколенья людские
 Иль, если, лучше сказать, даже вовсе избежнешь
 ты смерти».
- Что же мы скажем в ответ, как не то, что
 природа законный
 Иск предъявляет, вставая в защиту правого
 дела?

- Если ж печалится так человек пожилой или
старый
И о кончине своей сокрушается больше, чем
должно,
955 То не в праве ль она еще более резко
прикрикнуть:
«Прочь со слезами, брехун, уйми свои жалобы
тотчас!
Жизни все блага познав, стариком ты сделался
дряхлым!
Пренебрегая наличным, о том, чего нет, ты
мечтаешь:
Вот и прошла, ускользнув, твоя жизнь и без
прока погибла,
960 И неожиданно смерть подошла к твоему
изголовью,
Раньше, чем мог бы уйти ты из жизни,
довольный и сытый.
Но, тем не менее, брось всё то, что годам твоим
чуждо,
И равнодушно отдай свое место потомкам: так
надо».
Думаю, так укорять и бранить нас вправе
природа,
965 Ибо отжившее всё вытесняется новым, и вещи
Восстанавливаются вновь одни из других
непрерывно.
И не уходит никто в преисподней мрачную
бездну,
Ибо запас вещества поколениям нужен
грядущим,
Но и они за тобой последуют, жизнь
завершивши
970 И потому-то, как ты, они сгинули раньше
и сгинут.
Так возникают всегда неизменно одно
из другого.
В собственность жизнь никому не дается,
а только на время.
Ты посмотри: как мало для нас значенья имела
Вечного времени часть, что прошла перед нашим
рождением.
975 Это грядущих времен нам зеркало ставит
природа

Для созерцанья того, что наступит по нашей
 кончине:
 Разве там что-нибудь ужас наводит иль мрачное
 что-то
 Видится там, а не то, что всякого сна
 безмятежней? <...>
 Что ж, наконец, за несчастная страсть и
 привязанность к жизни
 Нас заставляет всегда трепетать в постоянной
 тревоге?
 Определенный предел установлен для века
 людского,
 И ожидает нас всех неизбежная встреча со
 смертью.
 1080 Кроме того, обращаясь всегда в окружении
 том же
 Новых добиться утех нельзя продолжением
 жизни:
 То, чего нет у нас, представляется нам
 вождленным,
 Но, достигая его, вождленно мы ищем другого,
 И неуёмной всегда томимся мы жаждою жизни.
 1085 Нам неизвестно, какой нам выпадет жребий
 в грядущем,
 Чтó нам готовит судьба и какой нас конец
 ожидает
 На волос даже нельзя продлением жизни
 уменьшить
 Длительность смерти никак и добиться ее
 сокращения,
 Чтобы поменьше могли мы пробыть в состоянии
 смерти
 1090 Сколько угодно прожить поколений поэтому
 можешь
 Все-таки вечная смерть непременно тебя
 ожидает.
 В небытии пребывать суждено одинаково долго
 Тем, кто конец положил своей жизни сегодня,
 и также
 Тем, кто скончался уже на месяцы раньше
 и годы.

Книга пятая

- 〈...〉 Вот и Весна, и Венера идет, и Венеры
Вестник грядет впереди, и, Зефиру¹² крылатый вослед,
Шествует Флора-мать¹³ и, цветы на пути перед ними
740 Красками все наполняет и запахом сладким.
Знойная следом жара и вся покрытая пылью
С нею Церера¹⁴ идет, и годичные дуют Бореи¹⁵.
Осень затем настает, и проносится
«Эвоз-Эван»¹⁶.
745 Следуют после того и погоды и ветры другие:
Гроном гремющий Волтурн и Австр¹⁷,
Солнцеворот, наконец, приносит снега, и блистающий молньей.
Вновь цепенеет Зима, и стучат ее зубы в морозе
от стужи.〈...〉
- 925 Та же порода людей, что в полях обитала,
Крепче, конечно, была, порожденная крепкой
Остов у них состоял из костей и плотнейших
Мощные мышцы его и жилы прочнее скрепляли.
Мало доступны они были действию стужи и зноя
930 Иль непривычной еды и всяких телесных
Долго, в течение многих кругов обращения
Жизнь проводил человек, скитаясь как дикие
Твердой рукой никто не работал изогнутым
И не умели тогда ни возделывать поле железом,
935 Ни насаждать молодые ростки, ни с деревьев
Острым серпом отрезать отсохшие старые ветви.
Чем наделяли их солнце, дожди, что сама
Вольно земля, то вполне утоляло и все их
желанья.

- Большую частью они пропитанье себе находили
940 Между дубов с желудями, а те, что теперь
 созревают,—
Арбута¹⁸ ягоды зимней порою и цветом
 багряным
Рдеют, ты видишь,— крупней и обильнее почва
 давала
Множество, кроме того, приносила цветущая
 юность
Мира и грубых кормов для жалких людей
 в изобилии.
945 А к утолению жажды источники звали и реки;
Как и теперь, низвергаясь с гор, многошумные
 воды
Жаждущих стаи зверей отовсюду к себе
 привлекают.
И, наконец, по лесам пробираясь, они занимали
Капища нимф, из которых, как ведомо было им,
 токи
950 Плавно скользящей воды омывают влажные
 скалы,
Влажные скалы, росой над зеленым покрытые
 мохом,
Частью же, вон вырываясь, бегут по открытой
 равнине.
Люди еще не умели с огнем обращаться,
 и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их
 телу;
955 В рощах, в лесах или в горных они обитали
 пещерах
И укрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы.
Общего блага они не блюли, и в сношеньях
 взаимных
Были обычаи им и законы совсем неизвестны.
960 Всякий, добыча кому попадалась, ее произвольно
Брал себе сам, о себе лишь одном постоянно
 заботясь
И сочетала в лесах тела влюбленных Венера.
Женщин склоняла к любви либо страсть
 обоюдная, либо
Грубая сила мужчин и ничем неуёмная похоть,
965 Или же плата такая, как желуди, ягоды, груши.

- На несказанную мощь в руках и в ногах
 полагаясь,
 Диких породы зверей по лесам они гнали и били
 Крепким, тяжелым дубьём и бросали в них
 меткие камни;
 Многих сражали они, от иных же старались
 укрыться.
 970 Телом своим загрубелым, подобно щетинистым
 вепрям,
 Наземь валилися спать нагишом с наступлением
 ночи
 И зарывались в листву или ветви густые
 с деревьев.
 С воплями громкими дня или солнца они не
 искали,
 В мраке ночном по полям пробираясь, объятые
 страхом,
 975 Но ожидали, в молчаньи и в сон погружившись
 глубокий,
 Как небеса озарит светильником розовым солнце.
 Ведь с малолетства уже присмотрелись они
 и привыкли,
 Что нарождаются свет и потемки друг другу на
 смену,
 А потому никогда не могло появиться сомненье
 980 Иль опасенье у них, чтобы вечная не
 распростерлась
 Ночь над землею и свет от солнца не сгинул
 навеки.
 Больше заботы им то причиняло, что дикие
 звери
 Часто тревожили их, не давая несчастным покоя.
 Крова лишаясь, они из-под каменных сводов
 бежали
 При появлении могучего льва иль вспененного
 вепря
 985 И уступали глухой полуночью свирепым
 пришельцам,
 В ужасе диком, свои листвою покрытые ложа.
 Да и не чаще тогда, чем теперь, поколения
 смертных
 Сладостный свет бытия оставляли со стоном
 печальным.
 Правда, тогда человек, в одиночку попавшись,
 чаще

Так уж легко выносить холода под небесным
покровом.
Да и Венера их мощь ослабляла, и ласкою детям
Грубый родителей нрав сломить без труда
удавалось.
Там и соседи сводить стали дружбу, желая
взаимно
Ближним не делать вреда и самим не терпеть от
насилия.

1020 Требуя к детям притом снисхожденья
и к женскому полу
Смутно давали понять движениями тела
и криком,
Что сострадательным быть подобает ко всем
слабосильным.
Правда, достигнуть нельзя было всюду согласия,
но всё же
Добрая часть людей договоры блюла нерушимо.

1025 Иначе весь человеческий род уж тогда бы
пресекся,
И не могли бы досель поколения его
размножаться.

Что же до звуков, какие язык производит, — природа
 Вызвала их, а нужда подсказала названья предметов
 Тем же примерно путем, как и малых детей, очевидно,

1030 К телодвижениям ведет неспособность к словам,
Пальцем указывать их на то, что стоит перед
Чувствует каждый, на что свои силы способен
направить:

Прежде еще, чем на лбу у тельца рога
показались,
Он уж сердито грозит и враждебно бодается
ими;

1035 И не успели еще зародиться ни когти, ни зубы,
У молодого потомства пантер и у львят, как они
Когтем и лапою бьют и пускают в защиту
Птичий весь, далее, род полагается, видим, на

- И охраняет себя движением трепетным перьев.
 1040 А потому полагать, что кто-то снабдил именами
 Вещи, а люди словам от него научились
 впервые, —
 Это безумие, ибо, раз мог он словами означить
 Все и различные звуки издать языком,
 то зачем же
 Думать, что этого всем в то же время нельзя
 было сделать?
 1045 Кроме того, коли слов и другие в сношениях
 взаимных
 Не применяли, откуда запало в него
 представление
 Пользы от этого иль возникла такая
 способность,
 Чтобы сознание того, что желательно сделать,
 явилось?
 Также не мог он один насильно смирить
 и принудить
 1050 Многих к тому, чтоб они названья вещей
 заучили.
 Да и ко слову глухих не легко убедить
 и наставить
 В том, как им надобно быть: они бы совсем не
 стерпели
 И не снесли бы того, чтобы их ушам понапрасну
 Надоедали речей дотоле неслыханным звуком.
 1055 Что же тут странного в том, наконец, если род
 человека
 Голосом и языком одаренный, означил предметы
 Разными звуками все, по различным своим
 ощущениям?
 Ведь и немые скоты и даже все дикие звери
 Не одинаковый крик испускают, а разные звуки,
 1060 Если охвачены страхом иль чувствуют боль или
 радость.
 В этом путем наблюдений простых ты легко
 убедишься:
 Если Молосские псы в раздражении огромною
 пастью
 Мягкою только ворчат, оскаливши крепкие зубы,
 То по-иному звучат их сдавленной злости
 угрозы,
 1065 Чем если лают они и голосом всё наполняют.

- Также, когда языком щенят они с нежностью
 лижут,
 Или же лапами их тормозят и хватают их
 пастью,
 Будто кусая, но к ним едва прикасаясь зубами,
 Тут по-иному совсем они твякают с ласковым
 визгом,
 1070 Чем если в доме одни они воют, иль с
 жалобным воплем,
 Телом припавши к земле, от побоев хотят
 увернуться. <...>
 1086 Стало быть, коль заставляют различные чувства
 животных
 Даже при их немоте испускать разнородные
 звуки,
 Сколь же естественней то, что могли
 первобытные люди
 Каждую вещь означать при помощи звуков
 различных! <...>

Книга шестая

- <...> Этого рода болезнь¹⁹ и дыханье горячее
 смерти
 В кладбище некогда все обратили Кекроповы
 земли²⁰,
 1140 Жителей город лишив и пустынными улицы
 сделав.
 Ибо, в глубинах Египта родясь и выйдя оттуда,
 Долгий по воздуху путь совершив и по водным
 равнинам,
 Пал этот мор, наконец, на всё Пандионово
 племя²¹,
 И на болезнь и на смерть повальную всех
 обрекая.
 1145 Прежде всего голова болеть начинала от жара,
 И воспалялись глаза, принимая багровый
 оттенок,
 Следом за этим гортань, чернея глубоко,
 сочилась
 Кровью, и голоса путь зажимали преградою
 язвы;
 Мысли глашатай — язык затекал изверженной
 кровью,

Холод не медлил. Затем, с наступленьем
 последнего часа,
 Ноздри сжимались, и нос, заостряясь в конце,
 становился
 Тонким, впадали глаза и виски, холодея твердели
 Губы, разинут был рот и натянута лобная кожа.
 1195 Без промедленья потом коченели отмершие
 члены.
 Вместе с восьмою зарей блестящего солнца
 обычно
 Иль на девятый восход его светоча жизнь
 прекращалась
 Если же кто избегал почему-нибудь смертной
 кончины,
 То в изнуреньи от язв отвратительных, в черном
 поносе,
 1200 Всё же впоследствии он становился добычею
 смерти. <...>
 Тут всего больше одно сокрушения было
 достойно
 И тяжело — это то, что как только кто-нибудь
 видел,
 1230 Что он и сам захворал, то, как на смерть уже
 обреченный,
 Падая духом, лежал с глубоким унынием в сердце
 И, ожидая конца, он на месте с душой
 расставался.
 Правда, с одних на других, ни на миг не давая
 покоя,
 Шла и валила людей ненасытной болезни зараза,
 1235 Как густорунных овец и племя быков круторогих.
 Это и делало то, что росла за могилой могила.
 Ибо и тот, кто бежал посещения родных
 заболевших,
 Вскоре платился и сам за свою непомерную
 жадность
 К жизни и смерти боязнь злополучной,
 позорною смертью
 1240 Помощи всякой лишен, небрежением общим
 казнимый.
 Тот же, кто помощь своим подавал, погибал от
 заразы
 И от трудов, что нести заставляли и совесть
 и также

- Голос умильный больных, прерываемый
жалобным стоном.
Эта кончина была уделом достойных и лучших.
- 1245 Наспех несли хоронить без проводов множество
трупов
И зарывали скорей, как попало, их бранные
кости,
Не соблюдая совсем благочестных обычаев
предков:
Наперебой торопясь с погребеньем родных, где
придется,
В изнеможеньи от слез и печали домой
возвращались.
- 1250 После же добрая часть не вставала с постели от
горя.
И не нашелся б никто в это страшное время,
кого бы
Не поразила иль смерть, иль болезнь, иль печаль
по умершим.
Ни волопас ни пастух уже стад не пасли, да
и пахарь
Твердой рукой ни один не работал изогнутым
плугом:
- 1255 Занемогли и они. И, скучившись в хижинах
тесных,
Обречены были все на смерть нищетою и
болезнью.
На бездыханных сынах бездыханных родителей
трупы
Видно бывало порой, а равно и лежащих на
трупах
Их матерей и отцов — детей, расставшихся
с жизнью.
- 1260 Да и немало беды понаделало то, что скопилось
В городе много селян, уходивших с полей,
отовсюду
С разных сторон притекавших в него зараженной
толпою.
Площади все и дома переполнены были, и, тесно
Скучившись вместе, народ погибал от
повального мора.
- 1265 Много на улице тел валялось: томимые жаждой,
Люди к фонтанам воды подползали и падали тут
же,
Ибо дыханье у них ненасытная жажда спирала.

- Да и по людным местам и дорогам ты мог бы
увидеть
Многое множество тел изможденных людей,
полумертвых;
1270 Пакостью смрадной все и рубищем рваным
покрыты,
Гибли они от парши — не люди, а кожа да кости:
Гнусные язвы и грязь уже заживо их хоронили.
Капища все, наконец, святые богов бездыханной
Грудюю тел переполнила смерть, и завалены
всюду
1275 Трусами доверху все небожителей храмы стояли
Там, где прищельцев толпу призревали
служители храмов.
Ни почитанье богов ни веления их в это время
Не соблюдались уже: отчаянье всё ниспровергло.
И позабыт был обряд похорон, по которому
раньше
1280 В городе этом народ совершал погребенья
издревле.
Все трепетали тогда в смятении полном,
и каждый
В мрачном уныньи своих мертвецов хоронил,
как придется.
Спешка и с ней нищета к делам побуждали
ужасным:
Так, на чужие костры, для других возведенные
трупов,
1285 Единокровных своих возлагали с неистовым
криком
И подносили огонь, готовые лучше погибнуть
В кровопролитной борьбе, чем с телами
родными расстаться.

Примечания

¹ *Фавоний* (римск.) — теплый западный ветер. ² *Гай Мемний* — римский государственный деятель I в. до н. э., известен и как поэт. Ему посвящена поэма Лукреция. ³ Обращение к Меммию. ⁴ *Тривия Дева* — имеется в виду Диана (в древнегреческой мифологии — Артемида). ⁵ *Ифианасса* — Ифигения, дочь Агамемнона, принесенная отцом в жертву богине Артемиде (см. Еврипид «Ифигения в Авлиде»). ⁶ *Атрид* — Агамемнон. ⁷ *Гимен* — бог брака в древнегреческой мифологии. ⁸ *Пиериды* — музы. Пиерия — область Маке-

дони, была древнейшим местом культа муз.⁹ Обращение к Эпикуру.¹⁰ *Ахеронт* — река в подземном царстве в древнегреческой мифологии.¹¹ Обращение к Меммию.¹² *Зефир* (древнегреч.) — то же самое, что Фавоний (см. прим. 1). Начиная дуть в начале весны, поэтому использовался в древнегреческой и позднейшей литературе как поэтический образ весны и тепла.¹³ *Флора* — в римской мифологии богиня весеннего цветения.¹⁴ *Церера* (древнегреч. Деметра) — богиня плодородия и земледелия.¹⁵ *Борей* (древнегреч.) — северный ветер.¹⁶ «*Эво-Эван*» — восклицание участников вакхических процессов.¹⁷ *Волтурн* (римск.) — юго-восточный ветер; *Австр* (римск.) — южный ветер.¹⁸ *Арбут* — земляничное дерево.¹⁹ Лукреций описывает эпидемию неизвестной болезни, вспыхнувшей в 430 г. до н. э. в Афинах (см.: Фукидид «История Пелопоннесской войны», Т. 2. Гл. 47—52).²⁰ *Кекроповы земли* — Аттика (по имени мифического основателя Афин Кекропа).²¹ *Пандионово племя* — афиняне (Пандион — сын Кекропа).

ГАЙ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ

(ок. 87—54 г. до н. э.)

Лирический поэт Гай Валерий Катулл родился на севере Италии, в городе Вероне, в то время входившем в состав провинции Цизальпинской Галлии. К концу 60-х годов до н. э. поэт переселяется в Рим, где знакомится со многими представителями знати и ведет достаточно беспорядочный образ жизни «литературной богемы». В 57 г. до н. э. он вместе с претором Г. Меммием предпринял поездку в Вифинию (в М. Азии). Это путешествие обогатило Катулла новыми впечатлениями и стимулировало дальнейшее развитие его творчества.

Гай Валерий Катулл принадлежал к группе римских поэтов-лириков, получивших с легкой руки Цицерона название «неотериков» — новых поэтов, и был наиболее талантливым среди них. Стихи Катулла обладают удивительной лирической силой, глубокой искренностью и выразительной простотой. Значительная часть его лирики рождена любовью поэта к Клодии (сестре известного политического деятеля той эпохи Клодия Пульхра), которую Катулл называет Лесбией в честь поэтессы с Лесбоса — Сапфо. Эти стихи поставили Катулла в ряд величайших лириков мировой поэзии. Стихи, посвященные Лесбии, разбросаны по всему сборнику. Последовательность, в которой эти стихи были созданы, неизвестна, но для более цельного впечатления в «Антологии» они помещены в виде законченного цикла, начинающегося и завершающегося двумя стихотворениями, написанными одним и тем же размером (сапфической строфой), но резко различными по настроению.

В «Антологию» включены также стихи Катулла, посвященные друзьям, а также некоторые стихотворения, направленные против Цезаря и его приближенных.

Переводы:

Катулл. Лирика. М., 1957.

Валерий Катулл. Альбий Тибулл. Секст Проперций. М., 1963.

Античная лирика. М., 1968.

В «Антологии» стихи приводятся по изданию: Валерий Катулл. Альбий Тибулл. Секст Проперций. М., 1963. Стихотворение 27, данное в переводе А. С. Пушкина, приводится по полному собранию его сочинений (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3).*

СТИХИ

51¹

- Кажется мне тот богоравным, или —
Коль сказать не грех — божества счастливей,
Кто сидит с тобой, постоянно может
Видеть и слышать
- 5 Сладостный твой смех; у меня, бедняги,
Лесбия, он все отнимает чувства:
Вижу лишь тебя — пропадает сразу
Голос мой звонкий.
- 10 Тотчас мой язык цепенеет; пламя
Пробегает вдруг в ослабевших членах,
Звон стоит в ушах, покрывает очи
Мрак непроглядный.
- От безделья ты, мой Катулл, страдаешь,
От безделья ты бесишься так сильно,
- 15 От безделья царств и царей счастливых
Много погибло.

(Перевод С. Ошерова)

2

- Милый птенчик, любовь моей подружки!
На колени приняв, с тобой играет
И балует она и милый пальчик
Подставляет для яростных укусов.
- 5 Когда так моя прелесть, жизнь, отрада
Забавляется, бог весть как, смеется,
Чтоб найти утешеньице в заботах,
Чтобы страсть (знаю — страсть!) не так пылала,
- 10 Тут и я поиграть с тобой хотел бы,
Чтоб печаль отлегла и стихло сердце.

(Перевод А. Пиотровского)

- Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!
 Плачьте все, кто имеет в сердце нежность!
 Бедный птенчик погиб моей подружки.
 Бедный птенчик, любовь моей подружки.
- 5 Милых глаз ее был он ей дороже.
 Сладше меда он был и знал хозяйку,
 Как родимую мать дочурка знает.
 Он с колен не слетал хозяйки милой.
 Для нее лишь одной чирикал сладко.
- 10 То сюда, то туда порхал, играя.
 А теперь он идет тропой туманной
 В край ужасный, откуда нет возврата.
 Будь же проклята ты, обитель ночи,
 Орк², прекрасное все губящий жадно!
- 15 Ты воробушка чудного похитил!
 О, злодейство! Увы! Несчастный птенчик!
 Ты виной, что от слез, соленых, горьких,
 Покраснели и вспухли милой глазки.

(Перевод А. Пиотровского)

- Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
 Пусть ворчат старики, — что нам их ропот?
 За него не дадим монетки медной!
 Пусть восходят и вновь заходят звезды, —
- 5 Помни: только лишь день погаснет краткий,
 Бесконечную ночь нам спать придется.
 Дай же тысячу сто мне поцелуев,
 Снова тысячу дай и снова сотню,
 И до тысячи вновь и снова до ста,
- 10 А когда мы дойдем до многих тысяч,
 Перепутаем счет, чтоб мы не знали,
 Чтобы сглазить не мог нас злой завистник,
 Зная, сколько с тобой мы целовались.

(Перевод С. Шервинского)

- Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев
 Милых губ твоих страсть мою насытят?
 Ты зыбучий сочти песок ливийский
 В напоенной отравами Кирене³,
- 5 Где оракул полуденный Аммона⁴
 И где Батта⁵ старинного могила.

- В небе звезды сочти, что смотрят ночью
На людские потайные объятья.
Столько раз ненасытными губами
10 Поцелуй бесноватого Катулла,
Чтобы глаз не расчислил любопытный
И язык не расплетничал лукавый.

(Перевод А. Пиотровского)

83

- Лесбия вечно меня при муже бранит и поносит.
Это осла и глупца радует чуть не до слез.
Вовсе ослеп ты, дурак! Ведь будь я забыт
и покинут,
Так замолчала б она. Если ж шумит
и кричит,
5 Помнит, наверно, меня. Нет, больше, во много
раз больше!
Лесбия сердится. Что ж? Лесбия любит
меня!

(Перевод А. Пиотровского)

92

- Лесбия вечно ругает меня. Не молчит ни
мгновенья.
Я поручиться готов — Лесбия любит меня!
Ведь и со мной не иначе. Ее и клянуп и браню я,
А поручиться готов — Лесбию очень люблю!

(Перевод А. Пиотровского)

86

- Квинтию славят красивой. А я назову ее
стройной,
Белой и станом прямой. Все похвалю по
частям.
Не назову лишь красавицей. В Квинтии нет
обаянья,
В теле роскошном таком искорки нету огня.
5 Лесбия — вот кто красива! Она обездолила
женщин,
Женские все волшебства соединила в себе.

(Перевод А. Пиотровского)

- Добрый день, долгоносая девчонка,
 Колченогая, с хрипотою в глотке,
 Большерукая, с глазом, как у жабы,
 С деревенским, нескладным разговором,
 5 Казнокрада формийского⁶ подружка!
 И тебя-то расславили красивой?
 И тебя с нашей Лесбией сравнили?
 О, бессмысленный век и бестолковый!

(Перевод А. Пиотровского)

109

Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша, так
 ты сказала.
 Будем друг другу верны и не узнаем разлук!
 Боги великие! Сделайте так, чтоб она
 не солгала!
 Пусть ее слово идет чистым от чистой души!
 Пусть доживем мы в веселье спокойные, долгие
 годы,
 Дружбы взаимной союз ненарушимо храня.

(Перевод А. Пиотровского)

70

Милая мне говорит: лишь твоею хочу быть
 женою,
 Даже Юпитер желать стал бы напрасно
 меня
 Так говорит. Но что женщина в страсти
 любовнику шепчет,
 В воздухе и на воде быстротекущей пиши!

(Перевод А. Пиотровского)

8

- Катулл измученный, оставь свои бредни:
 Ведь то, что сгнуло, пора считать мертвым.
 Сияло некогда и для тебя солнце,
 Когда ты хаживал, куда вела дева,
 5 Тобой любимая, как ни одна в мире.
 Забавы были там, которых ты жаждал,
 Приятные — о да! — и для твоей милой,
 Сияло некогда и для тебя солнце,
 Но вот, увь, претят уж ей твои ласки.

- 10 Так отступишь и ты! Не мчишь за ней следом,
Будь мужествен и тверд, перенося муки.
Прощай же, милая! Катулл сама твердость.
Не будет он, стена, за тобой гнаться.
Но ты, несчастная, не раз о нем вспомнишь.
- 15 Любимая, ответь, что ждет тебя в жизни?
Кому покажешься прекрасней всех женщин?
Кто так тебя поймет? Кто назовет милой?
Кого ласкать начнешь? Кому кусать губы?
А ты, Катулл, терпи! Пребудь, Катулл, твердым!

(Перевод И. Сельвинского)

107

Если желанье сбывается свыше надежды и меры,
Счастья нечаянный день благословляет душа.
Благословен же будь, день золотой,
драгоценный, чудесный,
Лесбии милой моей мне возвративший
любовь.

- 5 Лесбия снова со мной! То, на что не надеялся, —
сбылось!
О, как сверкает опять великолепная жизнь!
Кто из людей счастливей меня? Чего еще мог бы
Я пожелать на земле? Сердце полно до
краев.

(Перевод А. Пиотровского)

58

Целий⁷, Лесбия наша, Лесбия эта,
Эта Лесбия, что была Катуллу
И себя самого и всех милее,
В переулках теперь, на перекрестках
Величавого Рема внуков ловит.

(Перевод Ф. Петровского)

37

- Кабак презренный, вы, кабацкая свора
У пятого столба от «Близнецов в шапке».
Мужчинами считаете себя только?
Иль девушки рождаются вам одним в радость?
- 5 Вам пить и веселиться, мы ж ослов стадо?
Расселась сотня дурней или две сотни,
И думаете нагло, с вами нет сладу?
Не растянуть мне разве дураков двести?

- Ошиблись. Будет жечь над кабаком надпись
10 Из яда скорпионов и моей злости.
Подружка милая из рук моих скрылась,
Любимой так другой уж не бывать в мире.
Великие я вел из-за нее битвы.
Теперь средь вас она, она лежит с вами,
15 Вы все с ней тешитесь (постыдная правда!),
Вы шалопаи, гниль, озорники, ферты.
Эй, слышишь, волосатый коновод шайки,
Ты, кроличье отродие, кельтибер мерзкий,
Эгнатий? Чем гордишься — бородой клином?
20 Оскалом челюстей, что ты мочой моешь?

(Перевод А. Пиотровского)

72

- Лесбия, ты говорила когда-то, что любишь
и хочешь
Только меня, что тебе даже Юпитер не мил.
Что ж, и тебя я любил, и не так, как подружку
желают,
Нет же, как добрый отец любит родимых
детей.
5 Знаю тебя я теперь, и хоть страсть меня мучает
жарче,
Много дешевле ты все ж, много пошлей для
меня.
Что же случилось? Твое безрассудство виной,
что любовник
Жаждет тебя все сильнее, но уж не может
любить.

(Перевод А. Пиотровского)

87—75

- Нет, ни одна среди женщин такой похвалиться не
может
Преданной дружбой, как я, Лесбия, был тебе
друг
Крепче, чем узы любви, что когда-то двоих нас
вязали,
Не было в мире еще крепких и вяжущих уз.
5 Ныне ж расколото сердце. Шутя ты его
расколола,
Лесбия! Страсть и печаль сердце разбили
мое.

Другом тебе я не буду, хоть стала б ты
скромною снова,
Но разлюбить не могу, будь хоть
преступницей ты!

(Перевод А. Пиотровского)

85

И ненавижу ее и люблю. «Почему же?» — ты
спросишь.
Сам я не знаю, но так чувствую я — и
томлюсь.

(Перевод Ф. Петровского)

76

- Если о добрых делах вспоминать человеку
отрадно
В том убежденье, что жизнь он благочестно
провел,
Веры святой не пятнал никогда, в договоры
вступая,
Ради обмана людей все к богам не
взывал, —
5 То ожидает тебя, за долгие годы, от этой
Неблагодарной любви много отрады,
Катулл.
Все, что сказать человек хорошего может
другому
Или же сделать кому, — сделал ты все
и сказал.
Сгинуло, что недостойной душе доверено было...
10 Так почему же теперь пуще терзаешься ты?
Что не окрепнешь душой, себе не найдешь
утешенья,
Гневом гонимый богов, не перестанешь
страдать?
Долгую трудно любовь пресечь внезапным
разрывом,
Трудно, поистине так, — все же решишь
наконец.
15 В этом спасенье твое, решишь, собери свою волю,
Одолевай свою страсть, хватит ли сил или
нет.
Боги! Жалость в вас есть, и людям не раз
подавали

- Помощь последнюю вы даже на смертном
Киньте взор на меня, несчастливца, и ежели
20 Прожил я жизнь, — из меня вырвите черный
Оцепенением он проникает мне в члены глубоко,
Лучшие радости прочь гонит из груди моей.
Я уж о том не молю, чтоб она предпочла меня
Или чтоб скромной была, — это невысказано
25 Лишь исцелиться бы мне, лишь мрачную хворь
Боги! О том лишь прошу — за благочестье
мое.

(Перевод С. Шервинского)

11

- Фурий, ты готов и Аврелий тоже
Провожать Катулла, хотя бы к Инду.
Я ушел, где море бросает волны
На берег гулкий.
- 5 Иль в страну гиркан⁸ и арабов пышных,
К сакам⁹ и парфянам, стрелкам из лука,
Иль туда, где Нил семиустый мутью
Хляби пятнает.
- 10 Перейду ли Альп ледяные кручи,
Где поставил знак знаменитый Цезарь,
Галльский Рейн увижу иль дальних бриттов
Страшное море —
- 15 Все, что рок пошлет, пережить со мною
Вы готовы. Что ж, передайте милой
На прощанье слов от меня немного,
Злых и последних.
- 20 Со своими пусть кобелями дружит!
По три сотни их обнимает сразу,
Никого душой не любя, но печень
Каждому руша.
- Только о моей пусть любви забудет!
По ее вине иссушилось сердце.

Как степной цветок, проходящим плугом
Тронутый насмерть.

(Перевод А. Пиотровского)

13

Мой Фабулл! Накормлю тебя отлично
В дни ближайшие, если бог поможет,
Только сам озаботься угощением,
И вином, и хорошенькой девчонкой,
5 И весельем, и острыми словами.
Озаботься всем этим, и отлично
Угостишься, дружок! А у Катулла
В кошельке загнездилась паутина.
Но в обмен награжу тебя подарком
10 Превосходным, чудесным несравненно!
Благовоньем — его моей подружке
Подарили Утехи и Венера.
Чуть понюхаешь, взмолишься, чтоб тотчас
В нос всего тебя боги превратили.

(Перевод А. Пиотровского)

14

Если б глаз моих ты милей мне не был,
Кальв¹⁰ любезнейший, за такой подарок
Я Ватиньевой отплатил бы злобой¹¹.
Что я сделал, сказал я что дурного,
5 Чтоб казнить меня столькох виршеплетов
Пачкотней? Пусть погубит бог клиентов,
Наградивших тебя такой заразой!
Впрочем, нет! Если дар изящный этот
Преподнес тебе Сулла, муж ученый,
10 Так нимало не зол я. Нет, я счастлив,
Что труды твои не пропали даром.
Бог великий, чудовищная книга!
И ее ты, злодей, прислал Катуллу
Своему, чтоб я помер в одночасье,
15 В Сатурналии, в самый лучший праздник?
Не пройдет тебе, хитрый, даром шутка!
Спозаранку обегая все лавки,
Книги Цесиев всяких и Аквинов
И Суффена¹² отраву собираю я
20 И тебе отплачу ужасной пыткой.
Вы же прочь убирайтесь поскорее,

Прочь, откуда взялись на зло и скуку,
Язва века, негодные поэты!

(Перевод А. Пиотровского)

22

- Мой Вар¹³! Суффена ты наверняка знаешь!
Суффен красив, воспитан, говорить мастер.
Вдобавок к остальному он стихи пишет.
По тысяче, по десять тысяч строк за день
5 Кропает, не как мы на черновых свертках,
На царских хартиях, чтоб переплет новый,
Чтоб скалки новые, чтоб вышито красным,
Свинцом расчерчено, начищено пемзой,
Стихи прочесть попробуй, и Суффен важный
10 Покажется бродягой, пастухом козым.
Такая перемена! Вот стихов сила!
Никак не верится! Такой хитрец, умник,
Умней всех умников, из хитрецов — хитрый,
Становится последним дураком сразу,
15 Чуть за стихи возьмется. Никогда все же
Так горд он не бывает, до небес счастлив,
Поэзией своей он упоен, право.
Но будем откровенны! Таковы все мы.
Немножко от Суффена ты найдешь в каждом.
20 Смешны мы все, у каждого своя слабость.
Но за своей спиною не видать сумки.

(Перевод А. Пиотровского)

27

- Пьяной горечью Фалерна¹⁴
Чашу мне наполни, мальчик:
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
5 Ты же прочь, речная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгих постников довольствуй:
Чистый нам любезен Бахус.

(Перевод А. С. Пушкина)

31

Всех полуостровов и островов в мире
Жемчужинка, мой Сирмион¹⁵! — хоть их много
В озерах ясных и морях Нептун держит.
Как счастлив я, как рад, что вновь тебя вижу!

- 5 Расставшись с Финией¹⁶, с Вифинией дальней,
Не верю сам, что предо мною ты, прежний.
О, что отраднее: забот свалить бремя
И возвратиться с легкою душой снова,
Устав от долгих странствий, к своему Лару¹⁷
10 И на давно желанном отдохнуть ложе!
Вот вся награда за труды мои... Милый
Мой Сирмион, ликуй! хозяин твой прибыл!
Ликуйте, озера Лабийского¹⁸ волны!
Все хохочите, сколько в доме есть Смехов!

(Перевод С. Шервинского)

45

- Акму нежно обняв, свою подругу,
«Акма, радость моя! — сказал Септимий. —
Если я не люблю тебя безумно
И любить не готов за годом годы,
5 Как на свете никто любить не в силах,
Пусть в Ливийских песках или на Инде
Повстречаюсь со львом я белоглазым!»
И Амур, до тех пор чихавший влево,
Тут же вправо чихнул в знак одобренья.
10 Акма, к другу слегка склонив головку
И пурпуровым ртом касаясь сладко
Томных юноши глаз, от страсти пьяных,
«Жизнь моя! — говорит. — Септимий милый
Пусть нам будет Амур один владыкой!
15 Верь, сильнее твоего, сильнее и жарче
В каждой жилке моей пылает пламя!»
Вновь услышал Амур и не налево,
А направо чихнул в знак одобренья.
Так, дорогу начав с благой приметы,
20 Оба любят они, любимы оба.
Акма другу милей всего на свете,
Всех сирийских богатств и всех британских.
И Септимий один у верной Акмы,
В нем блаженство ее и все желанья.
25 Кто счастливей бывал, какой влюбленный?
Кто Венеру звал благоприятней?

(Перевод С. Шервинского)

46

Вот повеяло вновь теплом весенним,
Вот под мягким Зефира дуновеньем

- Равноденственная стихает буря.
Покидай же, Катулл, поля фригийцев,
5 Пашни тучные брось Никеи¹⁹ знойной:
К азиатским летим столицам славным.
Уже рвется душа и жаждет странствий,
Уж торопятся ноги в путь веселый.
Вы, попутчики милые, прощайте!
10 Хотя мы из дому вместе отправлялись,
По дорогам мы разным возвратимся.
(Перевод Ф. Петровского)

49

- О Марк Туллий²⁰! О ты, речистый самый
Из праправнуков Ромула на свете
В настоящем, прошедшем и грядущем!
Благодарность тебе с поклоном низким
5 Шлет Катулл, наихудший из поэтов.
Столь же самый плохой из всех поэтов,
Сколь ты лучше всех прочих адвокатов!
(Перевод З. Морозкиной)

50

- Друг Лициний!²¹ Вчера, в часы досуга
Мы табличками долго забавлялись.
Превосходно и весело играли.
Мы писали стихи поочередно.
5 Подбирали размеры и меняли.
Пили, шуткой на шутку отвечали.
И ушел я, твоим, Лициний, блеском
И твоим остроумием зажженный.
И еда не могла меня утешить,
10 Глаз бессонных в дремоте не смыкал я,
Словно пьяный ворочался в постели,
Поджидая желанного рассвета,
Чтоб с тобой говорить, побыть с тобою.
И когда, треволнением утомленный,
15 Полумертвый застыл я на кровати,
Эти строчки тебе, мой самый милый,
Написал, чтоб мою тоску ты понял.
Берегись же, и просьб моих не вздумай
Осмеять, и не будь высокомерным,
20 Чтоб тебе не отмстила Немезида!
В гневе грозна она. Не богохульствуй!
(Перевод А. Пиотровского)

Нет, не надейся приязнь заслужить
и признательность друга.
Благочестивой любви лучше в награду
не жди!

Неблагодарность царит, добро не приносит
награды,
Где уж награды! Добро горечь родит
и тоску.

5 Так и со мною. Врагом моим злейшим и самым
жестоким
Тот оказался, кому другом и братом я был.

(Перевод А. Пиотровского)

101

Много морей переплыв и увидевши много
народов.

Брат мой²², достиг я теперь грустной
гробницы твоей,

Чтобы последний принести тебе дар,
подобающий мертвым,

И чтобы имя твое, пепел печальный,
призвать.

5 Рок беспощадный пресек твою жизнь, он навеки
похитил,

Брат злополучный, тебя, сердце мое
разорвав.

Что же, прими эти жертвы! Обычаи древние
дедов

Нам заповедали их — в грустный помин
мертвецам.

Жаркой слезою моей они смочены, плачем
последним.

10 Здравствуй же, брат дорогой! Брат мой,
навек прощай!

(Перевод А. Пиотровского)

29

Кто видеть это может, кто терпеть готов?
Лишь плут, подлец бесстыжий, продувной игрок!
В руках Мамурры²³ все богатства Галлии,
Все, чем богата дальняя Британия!

5 Ты видишь это, Ромул, и снести готов?
Ты, значит, плут бесстыжий, продувной игрок!

- А он теперь, лоснящийся, напыщенный,
 В чужих постелях знай себе валяется,
 Петух, самец блудливый, жеребец лихой!
 10 Ты видишь это, Ромул, и снести готов?
 Ты, значит, плут бесстыжий, продувной игрок!
 Затем ли на далекий остров Запада²⁴
 Ходил ты, цвет и слава победителей,
 Чтобы вот этот твой кобель потрепанный
 15 За сотней сотню расточал и тысячи?
 Чудовищная щедрость, мотовства разгул!
 Неужто мало прожито-просажено?
 Сначала деньги прокутил отцовские,
 Затем ограбил Понт, затем Иберию,
 20 Где Таг течет, река золотоносная,
 Теперь дрожат и Галльский, и Британский край.
 Зачем с мерзавцем нянчитесь? Проматывать
 Умеет деньги, больше ни на что не гош.
 Не для того ль вы город погубили наш,
 25 Благочестивый зять, благочестивый теть? ²⁵

(Перевод С. Анта)

57

- В чудной дружбе два подлых негодяя:
 Кот Мамурра и с ним — похабник Цезарь!
 Что ж тут дивного? Те же грязь и пятна
 На развратнике римском и формийском.
 5 Оба мечены клеймами распутства,
 Оба гнилы и оба полужнайки.
 Ненасытны в грехах прелюбодейных,
 Оба в тех же валяются постелях,
 Друг у друга девчонок отбивают.
 10 В чудной дружбе два подлых негодяя!

(Перевод А. Пиотровского)

93

Нет, чтоб тебе угодить, не забочусь я вовсе,
 о Цезарь!
 Знать не хочу я совсем, черен ли ты или бел.

(Перевод А. Пиотровского)

Примечания

¹ Это произведение представляет собой перевод стихотворения греческой поэтессы Сапфо (VI в. до н. э.). Последняя строфа прина-

длежит самому Катулле. ² *Орк* — в римской мифологии подземное царство; иногда так называли бога подземного царства. ³ *Кирена* — город в Сев. Африке на побережье Средиземного моря. ⁴ *Аммон* — бог в египетской мифологии; на Востоке с Аммоном отождествляли Зевса. ⁵ *Батт* — мифический основатель Кирены. ⁶ Формийским казнокрадом Катулл назвал Мамурру, друга Цезаря, служившего в его войске начальником инженерной службы. ⁷ *Целий* — возможно, Марк Целий Руф, политический деятель середины I в. н. э. ⁸ *Гирканы* — народ, живший на побережье Каспийского моря. ⁹ *Саки* — скифское племя. ¹⁰ *Гай Лициний Кальв* — известный оратор и писатель, друг Катулла. ¹¹ Публий Ватиний был сторонником Цезаря. Лициний Кальв в обличительной речи, произнесенной в 55 г. до н. э., обвинял его в подкупе избирателей и злоупотреблениях. ¹² *Цесий*, *Аквин*, *Суффен* — второстепенные римские поэты. ¹³ *Вар* — друг Катулла, поэт. ¹⁴ *Фалерн* — сорт римского вина. ¹⁵ *Сирмион* — полуостров на озере Гарда в Сев. Италии, где находилось имение Катулла. ¹⁶ *Финия* — западная часть Вифинии, страны в Малой Азии, где Катулл находился в свите претора Г. Меммия. ¹⁷ *Лар* — бог домашнего очага у римлян. ¹⁸ *Лабийское озеро* — озеро Гарда (см. прим. 15). ¹⁹ *Никея* — главный город Вифинии. ²⁰ Стихотворение обращено к знаменитому оратору Марку Туллию Цицерону и носит, по всей вероятности, иронический характер. Конкретный повод его написания неизвестен. ²¹ Имеется в виду Лициний Кальв (см. прим. 10). ²² Брат Катулла был похоронен в местности, где когда-то находилась Троя. Катулл посетил его могилу, возвращаясь в Рим из Вифинии. ²³ *Мамурра* — см. прим. 6. ²⁴ Под далеким островом подразумевается Британия. ²⁵ *Тесть и зять* — имеются в виду Цезарь и Помпей.

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

(106—43 гг. до н. э.)

Творчество Цицерона, выдающегося оратора, политического деятеля, философа, — один из наиболее значительных периодов римской культуры.

Цицерон родился в маленьком городке Арпине. Его родители принадлежали к сословию всадников, второму аристократическому (после сенаторов) сословию Древнего Рима. Получив риторическое и юридическое образование в Риме, Цицерон начинает свою политическую карьеру. В 63 г. до н. э. он избирается консулом. Этот год был одним из важнейших в судьбе Цицерона. Он разоблачает заговор против республики, во главе которого стоял Катилина, за что удостоивается почетного титула «отца отечества». Через несколько лет — в 58 г. до н. э. — по обвинению «в казни без суда римских граждан» (участников заговора), Цицерон был изгнан из Рима. Но уже в следующем году с триумфом возвращается в город, выступает как судебный оратор, создает ряд трактатов об ораторском искусстве, философии и политике. В начавшейся гражданской войне между Цезарем и Помпеем Цицерон становится на сторону последнего. В дальнейшем Цицерон посвящает себя главным образом литературной деятельности. Только после убий-

ства Цезаря (44 г. до н. э.) Цицерон возвращается к политической жизни. К этому времени относятся его речи против Марка Антония, — «филиппики»*. Цицерон был убит по приказу Марка Антония.

Литературное наследие Цицерона очень велико: оно включает речи, трактаты по риторике, политике и философии, а также около 800 писем.

В «Антологии» приводятся отрывки из «Первой речи против Катилины» и речи «В защиту Тита Анния Милона».

Переводы:

Цицерон. Избр. соч. М., 1975.

Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

Цицерон. Письма М. Т. Цицерона. В 3 т. Л., 1949—1951.

В «Антологии» отрывки даны по изданию: *Цицерон.* Избр. соч. М., 1975.

ПРОТИВ КАТИЛИНЫ

Перевод Т. Васильевой

Первая речь, произнесенная в сенате

I. (1) До каких пор, скажи мне, Катилина, будешь злоупотреблять ты нашим терпением? Сколько может продолжаться эта опасная игра с человеком, потерявшим рассудок? Будет ли когда-нибудь предел разнузданной твоей заносчивости? Тебе ничто, как видно, и ночная охрана Палатина, и сторожевые посты, — где? в городе! — и опасенья народа, и озабоченность всех добрых граждан, и то, что заседание сената на этот раз проходит в укрепленном месте, — наконец, эти лица, эти глаза? Или ты не чувствуешь, что замыслы твои раскрыты, не видишь, что все здесь знают о твоём заговоре и тем ты связан по рукам и ногам? Что прошлой, что позапрошлой ночью ты делал, где ты был, кого собирал, какое принял решение, — думаешь, хоть кому-нибудь из нас это неизвестно?

(2) Таковы времена! Таковы наши нравы! Все понимает сенат, все видит консул, а этот человек еще живет и здравствует! Живет? Да если бы только это! Нет, он является в сенат, становится участником общегосударственных советов и при этом глазами своими намечает, назначает каждого из нас к закланию. А что же мы? Что делаем мы, опора государства? Не-

* Слово «филиппики» происходит от названия речей греческого оратора Демосфена, гневно обличавшего македонского царя Филиппа.

ужели свой долг перед республикой мы видим в том, чтобы вовремя уклониться от его бешеных выпадов? Нет, Катилина, на смерть уже давно следует отправить тебя консульским приказом, против тебя одного обратить ту пагубу, что до сих пор ты готовил всем нам.

(3) В самом деле, достойнейший Публий Сципион, великий понтифик, убил ведь Тиберия Гракха, лишь слегка поколебавшего устои республики, — а меж тем Сципион был тогда всего лишь частным лицом¹. Тут же Катилина весь круг земель жаждет разорить резней и пожарами, а мы, располагая консульской властью, должны смиренно его переносить! Я не говорю уже о примерах более древних, когда Гай Сервилий Агала собственной рукой убил Спурия Мелия, возжаждавшего новых порядков². Было, да, было когда-то в этой республике мужество, позволявшее человеку твердому расправляться с опасным гражданином не менее жестоко, чем с отъявленным врагом. Есть и у нас, Катилина, сенатское постановление, своей силой и тяжестью направленное против тебя; нельзя сказать, что сословию сенаторов недостает решительности или могущества, — я не скрываю, что дело в нас, в консулах, в том, что мы оказываемся как бы не на высоте своей власти.

II. (4) Некогда сенат постановил: пусть консул Луций Опиций позаботится, чтобы республика не потерпела никакого ущерба, — и ночи не прошло, как убит был (по одному лишь подозрению в мятежных замыслах!) Гай Гракх, чьи отец, дед, предки снискали блестящую известность, погиб вместе с сыновьями Марк Фульвий, бывший консул³. Таким же постановлением сената государство было вверено консулам Гаю Марию и Луцию Валерию, так пришлось ли после этого Луцию Сатурнину, народному трибуну, и Гаю Сервилию, претору, хоть один день ждать смерти, а государству — отмщения?⁴ Мы же допускаем, чтобы вот уже двадцать дней вотще тупилось острие оружия, которое сенат полномочно вручил нам. Ведь и у нас есть точно такое же сенатское постановление, но мы держим его заключенным в таблички, как бы скрытым в ножнах, тогда как по этому постановлению тебя, Катилина, следовало бы немедленно умертвить. А ты жив. Жив, и дерзость не покидает тебя, но лишь усугубляется! И все же, отцы сенаторы, мое глубочай-

шее желание — не поддаваться гневу и раздражению. Мое глубочайшее желание — в этот опасный для республики час сохранить самообладание и выдержку. Но, к сожалению, я вижу и сам, как это оборачивается недопустимой беспечностью.

(5) На италийской земле, подле теснин Этрурии разбит лагерь против римского народа, день ото дня растет число врагов, а главу этого лагеря, предводителя врагов, мы видим у себя в городе, мало того, — в сенате, всякий день готов он поразить республику изнутри. Если теперь, Катилина, я прикажу тебя схватить, прикажу тебя казнить, то, я уверен, скорее общий приговор всех честных людей будет: «Слишком поздно», чем кто-нибудь скажет: «Слишком жестоко»!

Однако до сих пор я не тороплюсь сделать то, чему давно пора уже быть исполненным. И тому есть своя причина. Короче говоря, ты будешь казнен тогда, когда не останется такого негодяя, такого проходимца, такого двойника твоего, который не признал бы мой поступок справедливым и законным. (6) А пока найдется хоть один, кто осмелится защищать тебя, ты останешься в живых, но жизнь твоя будет, как и теперь, жизнью в тесном кольце мощной охраны, и, чтобы ты не мог причинить республике вреда, множество ушей, множество глаз будет следить и стеречь каждый твой шаг, как это и было до сих пор.

III. Так чего же еще ты ждешь, Катилина, если даже ночная тень не может скрыть нечестивого сборища, если стены частного дома не в силах сдержать голоса заговорщиков, если все разоблачается, все прорывается наружу. Опомнись! — заклинаю тебя. — Довольно резни и пожаров. Остановись! Ты заперт со всех сторон. Дня яснее нам все твои козни. Если угодно, давай проверим вместе с тобой.

(7). Ты не забыл, вероятно, как за одиннадцать дней до ноябрьских календ⁵ я сообщил в сенате, что поднимет вооруженный мятеж Гай Манлий, в дерзком заговоре сообщник твой и приспешник, и точно указал день — шестой до ноябрьских календ. Разве я ошибся, Катилина? Не только событие такое — столь ужасающее! — произошло, во что трудно было поверить, но и в тот именно день — поистине, этому можно лишь удивляться! Опять-таки я заявил в сенате, что в пятый день до ноябрьских календ ты собираешься учинить резню самых достойных граждан. Тогда многие из

первых лиц государства искали убежища вне римских стен, не столько спасая себя, сколько пресекая твои происки. Я остался. И когда ты утверждал: пусть все прочие удалятся, тебе довольно будет моей гибели, — можешь ли ты отрицать, что в тот злополучный день только выставленная мною стража, только моя предусмотрительность сковали тебя и не дали сделать шаг во вред республике?

(8) А дальше? Наступили ноябрьские календы. Когда в ту ночь ты с уверенностью рассчитывал приступом захватить Пренесте, — я полагаю, ты понял, что город этот был заблаговременно укреплен по моему приказу, моими отрядами, сторожившими его днем и ночью. Ни один твой шаг, ни одна хитрость, ни одна мысль не ускользает от моего слуха, взора, порою просто чутья.

IV. Наконец, давай припомним с тобою ту самую позапрошлую ночь. Мы оба бодрствовали, но, согласись, я вернее действовал на благо республике, чем ты на ее гибель. А именно: в эту ночь ты явился в дом — не буду ничего скрывать, — в дом Марка Леки на улице Серповщиков. Туда же собралось большинство твоих товарищей в преступном безумии. Полагаю, ты не посмеешь этого отрицать. Молчишь? Улики изобличат тебя, если вздумаешь отпираться. Ведь здесь, в сенате, я вижу кое-кого из тех, что были там вместе с тобой.

(9) Боги бессмертные! Есть ли где народ, есть ли город такой, как наш? Что за государство у нас? Здесь, среди нас, отцы сенаторы, в этом священнейшем и могущественнейшем совете, равного которому не знает круг земель, здесь пребывают те, кто помышляет о нашей общей гибели, о крушении этого города и чуть ли не всего мира. А я, консул, смотрю на них, прошу высказать мнение о положении государства и тех, кого следовало бы поразить железом, не смею беспокоить даже звуком своего голоса!

Итак, в ту ночь, Катилина, ты был у Леки. Вы поделили Италию на части, установили, куда кто намерен отправиться, выбрали тех, кто останется в Риме, и тех, кто последует за тобой, разбили город на участки для поджога; ты подтвердил свое решение покинуть город, а задерживает тебя, как ты сказал, лишь та малость, что я еще жив. Тут же два римских всадника вызвались избавить тебя от этой заботы. Они

обещали в ту же ночь еще до рассвета убить меня в моей постели.

(10) Едва только ваше сборище было распущено, как мне все уже стало известно. Я увеличил и усилил стражу вокруг своего дома и отказался принять тех, кого ты послал ко мне с приветствиями: я заранее говорил об этом многим достойнейшим людям, — так вот, пришли именно те, кого я называл, и как раз в предсказанное мной время.

V. В чем же дело, Катилина? Продолжай начатое, — выбери день и покинь наконец этот город, — ворота открыты, ступай! Так называемый Манлиев лагерь — твой лагерь! — заждался тебя, своего предводителя. Да уведи с собой всех, а если не всех, то, по крайней мере, как можно больше твоих сообщников, очисти город! Ты избавишь мою душу от страха, если между мной и тобой встанет городская стена. А пребывать далее среди нас ты больше не сможешь. Я этого не позволю, не потерплю, не допущу.

(11) И правда, если столько раз под угрозой этой гнусной, ужасной, отвратительной чумы республику нашу все-таки удавалось спасти, то за это мы должны неустанно благодарить бессмертных богов и прежде всего здесь воздать благодарность Юпитеру Становителю, древнейшему стражу нашего города. Однако впредь испытывать судьбу нашего отечества по милости одного человека мы уже больше не вправе.

Твои происки, Катилина, преследовали меня, когда я только еще был назначен в консулы, и тогда защитой мне служила не государственная охрана, но собственная моя бдительность. Затем, когда во время последних консульских выборов ты хотел убить меня, теперь уже консула, а вместе со мной и твоих соперников в предвыборной борьбе, то тогда, на Марсовом поле, дабы пресечь твои преступные замыслы, я прибег к помощи многочисленных моих друзей, не возбуждая всеобщей тревоги. Короче говоря, всякий раз, когда ты посягал на мою жизнь, противостоял тебе только я сам, хотя и предвидел, что моя гибель была бы сопряжена с огромными бедствиями для республики.

(12) Теперь ты уже открыто посягаешь на целую республику, на святилища бессмертных богов, на городские кровли и на жизнь каждого из граждан, наконец, призываешь сокрушить и разорить всю Италию.

Осуществить то, что с самого начала предписывают мне консульская власть и заветы предков, я не дерзаю. Поэтому я поступлю не так сурово, и, думаю, в такой мягкости сейчас будет больше пользы для общего благополучия. Ведь если я прикажу казнить тебя, в государстве все же осядет остатком заговора горстка твоих сообщников. Если же ты удалишься, к чему я тебя не раз побуждал, то зловещее скопление нечистот, пагубное для республики, будет вычерпано из города.

(13) Так что же, Катилина? Неужели мой приказ заставляет тебя сомневаться в том, что так отвечало твоему собственному желанию? «Ты враг. Уйди из города!» — такова воля консула. Ты спросишь: означает ли это изгнание? Я не даю такого распоряжения, но, если хочешь знать, таков мой настоятельный совет. <...>

В ЗАЩИТУ ТИТА АННИЯ МИЛОНА

Перевод М. Гаспарова

I (1) Хотя и стыдно должно быть мне, судьи, начинать с такой робостью речь о столь доблестном муже, о Тите Милоне, которому благо отчизны дороже, чем жизнь, — хоть и надо бы мне, за него заступаясь, сравниться с ним силою духа, но нет: новый суд, новый вид устрашает мой взор, и глаза мои тщетно повсюду на форуме ищут привычного вида и прежних порядков. (2) Не в обычном кругу заседает ваш сбор, не обычной толпой окружил его люд; и хотя для того лишь стоит здесь охрана у каждого храма, чтоб нас же самих сберечь от насилий, — все же трудно при взгляде из мирного судного места на этих солдат, столь полезных, столь нужных, безбоязненно их не бояться.

Если бы все это я и почел предпринятым против Милона, я бы смолк перед грозой, полагая, что там, где вся сила в оружьи, для речи не место. Но меня утешает, меня ободряет, что сделал это Гней Помпей, справедливейший муж и разумнейший, ибо справедливость его не дала бы ему предать во власть солдатского оружия того, кто был вверен решениям суда, а рас судительность его не дала бы ему освятить государственной волею произвол возбужденной толпы. (3) Вот почему эти отряды с их начальниками и при ору-

жию не опасность нам сулят, а защиту, сверх спокойствия нас зовут к душевной твердости, а для речи моей и подмогу обещают и тишину.

А вся остальная толпа (я, конечно, имею в виду толпу граждан), да, вся остальная толпа здесь — за нас: вы видите, люди смотрят отовсюду, откуда только можно что-то высмотреть, и все они ждут решения суда, — и не только из сочувствия к отважному Милону, а из-за того, что каждый знает: речь сейчас идет о нем самом, о его детях, о его отечестве, обо всем его благополучии.

II. Одна лишь есть порода людей, чуждая и враждебная нам, — те, которых вскормило бешенство Публия Клодия на грабежах, на поджогах, на общих погромах. Не их ли вчера подстрекали на сходке, чтоб заранее вам предписать сегодняшний ваш приговор? И сегодня, коли грянет их крик, пусть напомним он вам побережь того гражданина, который всегда ради вашего блага умел не ставить ни в грош и породу подобных людей и их крики.

(4) Так не падайте духом, почтенные судьи: отряхните с себя этот страх, коли он в вас проник. Если вы полномочны судить о достойных и добрых мужах и ценить заслуженных граждан, если дан наконец вам удобнейший случай, избранникам лучших сословий, чтоб вашу заботу о тех, кто достоин и добр, теперь изъять уж не видом и словом, как прежде, а волей и делом, — то вот и настала пора вам решить: то ли нам, покорясь, как всегда, вашей воле, удалиться отсюда в тоске и печали, то ли, напротив, столь много страдав от подлейших из граждан, найти возрождение в вас, в вашей твердости, доблести, мудрости? (5) В самом деле, возможно ль назвать или представить такие труды, и заботы, и муки, какие пали на нас — на меня и Милона? Мы явились служить государству в надежде славнейших наград, а доселе не можем избавиться страха самых жестоких мучений! Впрочем, я и всегда понимал, что в волнениях народных сходок ни вихри, ни бури не минуют Милона за то, что он всегда здесь стоит за лучших людей против худших; но здесь, но в суде и совете, где судьи — краса всех сословий, не мыслю я встретить таких, кто подал бы недругам Милона надежду не то что подсесть безопасности его, но даже чуть-чуть подточить его доброе имя.

(6) Впрочем, судьи, сейчас для защиты Милона от нынешних обвинений я не стану распространяться о его трибунате и обо всем остальном, что он сделал для блага отечества. Если сами воочию вы не увидите ковы, которые Клодий ковал на Милона, — я не стану просить вас, простить нам вину за бывшие заслуги, не стану взывать к вам, чтоб Клодиеву смерть, спасительную для вас же самих, приписали вы чести Милона, а не счастьем народа; но ежели все эти Клодиевы козни встанут пред вами яснее этого дня, вот тогда я вас, граждане судьи, буду просить и молить, чтобы ныне, когда ничего уже более нам не осталось, хоть одно бы нам было позволено: не боясь наказания, защищать свою жизнь от вражды и оружия недругов. <...>

IV (10) <...> Стало быть, судьи, есть такой закон: не нами писанный, а с нами рожденный; его мы не слышали, не читали, не учили, а от самой природы получили, почерпнули, усвоили; он в нас не от учения, а от рождения, им мы не воспитаны, а пропитаны; и закон этот гласит: если жизнь наша в опасности от козней, от насилий, от мечей разбойников или недругов, то всякий способ себя оборонить законен и честен. Когда говорит оружие, законы молчат: они не велят себя ждать, если ждущему грозит неправая казнь раньше, чем он вытребует правую. (11) Впрочем, ведь и писанный закон молчаливо и разумно позволяет человеку защищаться: не «убивать человека» запрещает закон, а «носить при себе оружие для убийства человека»¹. Это сказано, чтобы суд, обсуждая дело о вооруженной самозащите, не на то смотрел, был ли у человека меч, а на то, что этот меч не был назначен для убийства. Не забудьте же этого при разбирательстве, почтенные судьи, — я уверен, что речь моя будет для вас убедительна, если вы будете помнить, о чем не должны забывать: убить злокозненного — всегда законно. <...>

IX (23) Но пора нам, однако, уже перейти к рассмотрению и спора и дела. Что ж! Так как такие признания в содеянном бывали и раньше; а сенат о нашем деле высказался так, как нам самим хотелось бы; а Помпей пожелал, чтобы, хоть и нету спора о деле, был бы все же разбор о праве; и для этого-то разбора, справедливого и разумного, избраны судьи и назначен председатель, — стало быть, остается вам, судьи, один

лишь предмет для рассмотрения: выяснить, кто же кому же устроил засаду? И чтобы это яснее явилось из доводов, я сейчас вкратце расскажу все, что случилось, вы же будьте, прошу вас, внимательны.

(24) Публий Клодий, затеяв стать претором, чтобы терзать государство всеми своими злодействами, и увидав, что в минувшем году запоздание с выборами оставляет ему слишком малый срок для претуры, — ведь в претуре его привлекала не честь, как других, но ему лишь не хотелось иметь товарищем Луция Павла, достойнейшего гражданина, и хотелось иметь полный год, чтобы мучить отечество, — увидав это, он вдруг решил пропустить законный свой год и искать претуры на следующий. Не страх каких-нибудь знаменый двигал им, — он просто хотел, как и сам говорил, иметь полный и неукороченный год для претуры — иными словами, для полного сокрушения государства.

(25) Но он понимал, что претура его будет нетверда и сомнительна, если консулом станет Милон; а Милон на глазах у него шел к консульству, крепкий всеобщим согласием римского народа. <...> И когда удалец, готовый к любым злодеяниям, увидал, что заведомо консулом станет достойнейший муж и неприимейший его враг, — а об этом ему говорили не только слова, но и первые голосования римлян, — тогда он решил идти напролом и открыто стал говорить об убийстве Милона. <...>

Х (27) Между тем Публий Клодий узнал — это было нетрудно, — что в тринадцатый день до февральских календ по закону и обычаю Милон непременно должен был ехать в Ланувий, где был он диктатором², чтоб совершить назначенье жреца. И вот за день до этого он вдруг покинул Рим — покинул Рим, пожертвовав даже мятежною сходкой в тот день, где так ждали его неистовства! — для чего? Для того, разумеется, чтобы успеть в поместье своем засесть на Милона засадой: никогда он не бросил бы сходку, как не с тем, чтоб наметить своему преступлению время и место! (28) А Милон в этот день был в сенате до самого конца заседания; потом пошел домой, переоделся, переобулся, подождал, как обычно, пока соберется жена, и тогда лишь отправился в путь, — если б Клодий и вправду хотел в этот день воротиться в Рим, то давно бы успел воротиться. Клодий встретил его на полпути — налегке, на коне, без повозки,

без поклажи, без спутников-греков, с которыми бывал он обычно, без жены, с которой бывал он всегда, — между тем как наш злоумышленник, изготовясь к заведомому убийству, ехал с женой, в повозке, в тяжелом плаще, с обременительной свитой из множества женщин-рабынь и мальчиков-рабов. (29) Клодию встретился он на полпути, у самой его усадьбы, часов в пять пополудни или около того. В этот миг на него нападает с холма толпа вооруженных; перед ним убивают возницу; скинув плащ, он бросается вон из повозки, отважно защищаясь; а те, что при Клодии, частью с мечами бегут к колеснице, чтоб сзади напасть на Милона, а частью, решив, что Милон уж убит, избивают его шедших сзади рабов. А рабы, что остались верны господину и не разбежались, те частью погибли, а частью, услышав резню у повозки и не в силах помочь господину, слышали Клодиев крик, что Милон уж убит, и поверили; и вот тут-то они, без приказа, без ведома, без участия господина, — не для отвода вины говорю: говорю, не тая, все, как было! — они сделали то, что и каждый из нас бы хотел, чтобы сделали наши рабы на их месте.

XI (30) Вот судьи, как было дело: злоумышленник был побежден, его сила сломилась о силу, а лучше сказать, его дерзость — о доблесть. Что это значило для отечества, что для вас, что для всех добрых граждан — об этом молчу: все равно Милону это не поможет, раз такая уж ему судьба, что не мог он спасти себя, не спасши отечество и вас. Если это противозаконно — защищать его мне не под силу; если же охранять от насилия любой ценой свою голову, тело и жизнь указывает образованным людям их разум, варварам — необходимость, иноземцам — обычай, а диким зверям — сама природа, — в таком случае вам не признать случившегося преступлением, если вы не хотите любого, кто встретит злодеев, обречь на погибель — от их ли мечей, от вашего ли приговора? (31) Будь это так, — тогда, уж конечно бы, лучше Милону подставить шею под Клодиев нож, не впервые уж рвавшийся к ней, чем от вас принять смерть лишь за то, что он спасся от смерти. Если же это не так, и мнение ваше — иное, то суд здесь сейчас не о том, был ли Клодий убит (это мы признаем!), а о том, по закону убит он иль против закона, — обычный судебный предмет разбирательств. Нам известно: случилось нападение

из засады; и сенат порешил: это было во вред государству; но кто на кого нападал, неизвестно, и этот вопрос предоставлено нам рассмотреть. Не человека сенат заклеил, но деянье, и не о поступке Помпей поставил вопрос, а о праве. Так о чем же и суд, как не о том, кто кому подстроил засаду? Лишь об этом: если Клодию Милон — пусть он будет наказан; если Клодий Милону — мы вправе себе ожидать оправдания. <...>

XIX (52) Мне кажется, судьи, что покамест все ясно. Милону было даже выгодно, чтоб Клодий жил, — Клодию для целей его всего нужней, чтобы Милон погиб. Клодий Милона ненавидел жесточайшим образом, Милон же Клодия — нимало. У Клодия постоянным обычаем было насилие, у Милона — защита. Клодий открыто сулил и предсказывал Милону смерть — от Милона ничего подобного не слышано. День отъезда Милона был Клодию известен, день возврата Клодия Милону неизвестен. Милону ехать было необходимо, Клодию — вовсе несвоевременно. Милон не скрывал, что в тот день он уедет из Рима, — Клодий скрывал, что намерен в этот день вернуться. Милон своих замыслов не менял, Клодий — менял под вымышленным предлогом. Милону, строй он Клодию засады, следовало бы выждать ночи в окрестностях города, — Клодию, даже не боясь он Милона, все же следовало бы остережся, подвезжая к городу ночью.

XXI <...> (55) Почему же Клодий не вышел победителем? Потому что не всегда убивает разбойник путника — иногда и путник разбойника. Хотя и подготовленным напал Клодий на неподготовленного, — вышло так, словно баба столкнулась с мужчиной. **(56)** Да и не так уж был Милон неподготовлен, чтоб не быть настороже против Клодия. Он всегда держал в уме, как нужна его гибель для Клодия, и какова в Клодии ненависть, и какова наглость. И он знал, что жизнь его уже оценена и чуть ли не продана, а потому не подставлял ее опасностям без охраны и стражи. А случай силен, а исход сражения неверен, а Марсово счастье переменчиво, и не раз ликующий враг, уже снимая доспех с побежденного, бывал пронзен и повержен от упавшего. И небрежен был главарь, развавшийся от ужина и выпивки, ибо, отрезав врага с тылу, не подумал он о его спутниках в конце поезда, и, наткнувшись на них, плававших гневом и отчаяньем

о жизни хозяина, принял кару как возмездие от верных слуг за жизнь хозяина. <...>

XXVII (72) Нет, судьи, не волнует меня убийство Клодия; и не настолько сошел я с ума, не настолько я чужд ваших чувств и несведущ, чтоб не знать, как вы судите о гибели Клодия. Если б я не разбил обвиненья, как я его разбил, все же мог бы Милон безнаказанно и громко лгать во славу свою: «Да, я убил, я убил! И убил не Спурия Мелия, обвиненного в жажде царской власти лишь за то, что он снизил цены на хлеб да растратил добро свое, словно заискивая пред толпою, и не Тиберия Гракха, мятежно отнявшего сан у товарища, — те, кто убил их, давно уж наполнили мир своей славою! Я убил того (Милон имел бы право так сказать, рискнувши жизнью ради свободы отечества!), кто когда-то знатнейшими женщинами был схвачен на священном ложе в кощунственном блуде; (73) кто не раз уже по решению сената казнью своей должен был искупить осквернение священных обрядов; кто даже с родною сестрою смешал свою кровь в блудодействе, как это допросом узнал и объявил под присягой Лукулл; кто мечами рабов своих выгнал из Рима того человека, которого и сенат, и народ, и весь мир признавали спасителем града и граждан³; кто давал и отнимал царства, кто всем кругом земным делился с кем ему было угодно; кто без счета затевал на форуме побоища и добился мечом и насильем того, что муж, по доблести и славе первый в Риме, замкнулся в собственном доме⁴; кто не знал запрета ни в преступлении, ни в похоти; кто поджег храм нимф⁵, чтобы уничтожить государственные памятные записи о цензе народном; (74) кто не знал ни законов, ни гражданского права, ни права собственности; кто чужих имений домогался не крючкотворством в суде, не лживыми притязаньями и клятвами, а ополчением, осадами, походами. <...>

XXVIII (76) Но пусть все это и казалось переносимо: хоть Клодий без разбору сокрушал государство и граждан, дальних и ближних, своих и чужих, но не сказанное терпенье народа как-то уж свыклось с этим, закалясь и отвердев. Но как было вам отвратить или снести иные беды, вставшие уже и грозившие? Да ведь если бы Клодий дорвался до власти, — о, не говорю уж о союзниках, о народах, о царях, о тетрархах — ведь знаю, вы молитесь только

о том, чтобы Клодий обрушился лучше на них, чем на ваши усадьбы, дома и имущество! — имущество? нет! на детей ваших и жен, клянусь богом, без удержу обрушит он разнузданные свои страсти! Неужели я выдумываю то, что все знают, все видят, все помнят? Даже то, что Клодий был готов уже составить войско из римских рабов, чтобы с ними прибрать к рукам и общественное добро, и частное? <...> (78) Не забудьте же, судьи, об этом! Много доброго, я надеюсь, еще увидите в отечестве и вы, и ваши дети; и всякий раз будете вы убеждаться, что при жизни Публия Клодия вам бы этого не видать. Велика моя надежда, и думаю, что она меня не обманет: будет нынешний год под нынешним консулом целителен для отечества, ибо подавил он людскую разнузданность, укротил страсти, утвердил законы и суд. А какой безумец поверит, будто это могло бы случиться при жизни Публия Клодия? Все, что есть у вас вашего и собственного, разве осталось бы за вами по владетельскому праву, будь у власти этот бешеный человек? <...>

XXXVI (92) Но достаточно уже сказал я о своем предмете, а сверх предмета даже, быть может, и более чем достаточно. Что же мне теперь осталось, судьи, как не умолять и заклинать вас: окажите храбrecу милость, о которой он даже не просит, — я один, против воли его, и прошу и взываю об этом! Хоть во всеобщем нашем плаче Милон не пролил ни единой слезы, хоть он и не дрогнул лицом, тверд голосом, неизменен речью, не ожесточайтесь, видя это: быть может, так он даже больше нуждается в помощи. Даже в гладиаторских боях, глядя на судьбу и участь самых известных людей, мы обычно презираем тех, кто дрожит, молит и взывает о пощаде, но стараемся оставить жизнь тем, кто храбр, отважен и легко идет на смерть, — мы скорей жалеем тех, кто жалости нашей не ищет, чем тех, кто ее добивается; не стократ ли больше должны мы жалеть храбрейших из граждан? (93) Право, судьи, меня терзают и убивают те речи Милона, которые вечно я слышу, с которыми всюду я рядом: «Мир вам, мир вам, сограждане мои! Будьте безопасны, будьте благоденственны, будьте счастливы! Пусть стоит этот город, славный и родной для меня, как бы он со мною ни обошелся; пусть спокойно живут сограждане без меня, но благодаря мне; а коли мне с ними нельзя, то я уступлю и уйду. Если

не дано мне жить в хорошем государстве, то хоть не буду жить и в дурном: дайте найти мне город вольный и благоустроенный, там и обрету я покой. (94) О труды мои, тщетно понесенные (так он восклицает), о милые мои надежды, о праздные мои помышления! Я, народный трибун, в тяжкий час для отечества встав за сенат, уже угасавший, встав за всадников римских, уже обессиленных, встав за честных людей, уже утративших голос перед воинством Клодия, я ли мог подумать, что честные люди оставят меня без защиты? Где же сенат, за которым я шел? где всадники, твои всадники (так говорит он мне)? где преданность городов? где негодование всей Италии? где, наконец, твоя речь, твоя защита, Марк Туллий, столь многим служившая подмогою? Мне ль одному, кто не раз за тебя шел навстречу смерти, ты ничем не в силах посопить?» <...>

XXXVII (101) Милона не волнуют мои слезы: твердость духа его несказанна, изгнание для него — везде, где нет места для доблести, смерть для него — естественный конец жизни, а не кара. Таков уж он от природы; но вы-то, судьи, вы на что отважитесь? Память о Милоне сохраните, а самого Милона вышвырнете? Чтоб больше чести было городу, который примет его доблесть, а не городу, который ее породил? А вы, храбрецы, столько раз проливавшие кровь за отечество, вы, центурионы и воины, к вам я взываю в этот час беды непобедимого мужа и гражданина; неужели на глазах у вас, неужели под вооруженною охраною вашей будет из Рима такая доблесть изгнана, извергнута, вышвырнута? (102) Как я жалок, как я несчастен! Ты сумел, Милон, заставить их вернуть меня в отечество; я ли не заставлю их сберечь тебя отечеству? Что скажу я детям моим, для которых ты — второй отец? Что скажу я тебе, брат мой Квинт, товарищ былых моих дней, который теперь далеко? Что я не смог спасти Милона силами тех, чьими силами он меня спас? И в каком же деле он смог? В том, за которое ему весь мир благодарен! И перед кем не смог? Перед теми, кого больше всех и вызволила из тревог погибель Клодия! И кто не смог? Я! (103) О, каким должно быть преступлением, каким злодеянием осквернил себя я, судьи, в те дни, когда выследил, раскрыл, выявил, уничтожил угрозу всеобщей гибели! Все несчастья мои и близких моих пролились на нас из

этого источника! Зачем вы пожелали воротить меня? Затем ли, чтоб на моих глазах изгнан был тот, кто воротил меня? Не допустите же, молю вас, чтобы возвращение было мне горше изгнания: разве это восставление в правах, когда лишаюсь я того, кто был моим восстановителем?

XXXVIII <...> О, если бы дали бессмертные боги... — отечество, не прогневайся, если слова мои перед Милоном честны, а пред тобою преступны! — о, если бы Клодий был жив, был претором, консулом, диктатором! Все лучше, чем видеть мне то, что я вижу! (104) О бессмертные боги! Вот храбрейший муж, достойнейший вашей пощады, о судьи: «Нет, нет, — говорит он, — лишь бы Клодий подвергся заслуженной каре, а я, коли нужно, приму на себя незаслуженную!» И такой-то муж, рожденный для отечества, погибнет не в отечестве, хоть и за отечество? Память о духе его останется при вас, а памятника над телом его не будет в Италии? И вы это потерпите? И кто-то из вас обречет приговором к изгнанию из Рима того человека, которого каждый иной город будет рад к себе призвать? (105) О, блажен тот край, который примет этого мужа, и неблагодарен тот, который его изгонит, и несчастен тот, который его потеряет! Но довольно! говорить мне мешают слезы, а слезами защищать запрещает Милон. Итак, умоляю и заклинаю вас, судьи; не бойтесь голосовать за то, за что высказалось ваше сердце. И поверьте: вашу доблесть, справедливость, верность сполна оценит тот, кто выбрал в этот суд самых честных, самых мудрых, самых смелых граждан.

Примечания

Первая речь против Катилины

Год консульства Цицерона (63 г. до н. э.) был отмечен обострением внутривластной борьбы в Риме и ознаменовался заговором, во главе которого стоял разорившийся аристократ Луций Сергий Катилина, объединивший вокруг себя значительное число сторонников из различных слоев общества. Потерпев поражение на консульских выборах, Катилина решил прибегнуть к насильственному захвату власти. Сторонник Катилины Гай Манлий поднял мятеж в Этрурии (г. Фезулы). Цицерон, узнав о том, что в ночь с 6 на 7 ноября Катилина и его сторонники приняли решение о выступлении и убийстве его, Цицерона, срочно созывает заседание сена-

та 8 ноября не в помещении сенатской курии на Форуме, а в храме Юпитера Статора на Палатине. На этом заседании присутствовал Катилина. К нему и обращается в своей речи Цицерон.

¹Тиберий Гракх в 133 г. до н. э. внес закон, ограничивавший частное землевладение, что вызвало возмущение римской сенатской знати, среди которой было много крупных землевладельцев. В день выборов он был убит понтификом (верховным жрецом) Публием Сципионом. ²В середине V в. до н. э. во время голода в Риме всадник Спурий Мелий раздавал народу хлеб из собственных запасов. Увидев в этом стремление приобрести популярность и захватить власть, римская знать привлекла Мелия к суду. На суд он не явился и за это был убит начальником конницы Гаем Сервилием Агалой. ³В 123 г. до н. э. младший брат Тиберия народный трибун Гай Гракх пытался провести реформы, направленные против сенатской знати. Сенат предоставил консулу Люцию Опицию чрезвычайные полномочия. Гай Гракх и его сторонник Марк Фульвий были убиты. ⁴В 100 г. до н. э. народный трибун Луций Апулей Сатурнин и претор Гай Сервий внесли ряд законов о снабжении Рима дешевым хлебом. В поддержку этих законов выступил городской и сельский плебс. Сенат наделил консулов Гая Мария и Луция Валерия чрезвычайными полномочиями. Восстание было подавлено, Луций Сатурнин и Гай Сервий казнены. ⁵Римляне считали в месяце три главных числа: календы — первое, ноны — пятое или седьмое, иды — тринадцатое или пятнадцатое. Остальные числа обозначались путем отсчета от этих дней. В тексте имеется в виду 22 октября.

Речь в защиту Тита Анния Милона

Эта речь относится к 52 г. до н. э. Острая политическая борьба между оптиматами и популярями* все чаще выливалась в открытые вооруженные столкновения. Активную роль в этой борьбе играли Т. Анний Милон, выступавший на стороне сената, и П. Клодий Пульхр, сторонник партии популярных. Именно Клодий был инициатором изгнания Цицерона в 58 г., а Милон на следующий год добился его возвращения. Соперничество Клодия и Милона продолжалось в течение многих лет и особенно обострилось в 52 г. до н. э. В схватке с отрядами Милона Клодий был убит. Это вызвало бурное негодование клодианцев и волнение в Риме. Сенат осудил столкновение и назначил специальную судебную комиссию.

Заседание ее происходило в присутствии Гнея Помпея, наделенного чрезвычайными полномочиями, форум был оцеплен войсками. Защиту Милона взял на себя Цицерон. Не имея возможности опровергнуть факты, Цицерон пытается доказать «справедливость» убийства Клодия, который будто бы сам устроил засаду

* *Оптиматы* и *популяры* — две основные политические группировки Древнего Рима, образовавшиеся в эпоху Гракхов (I в. до н. э.). Оптиматы выражали интересы сенатской знати, популяры — сельского и городского плебса.

Милону, чтобы убить его, и заслуживал смерти как «враг отечества». Защита Цицерона успеха не имела, — негодующая толпа не давала ему даже говорить. Милон вынужден был отправиться в изгнание. Позднее Цицерон издал эту речь в сильно переработанном виде.

¹ Цитируется закон Суллы (87 г. до н. э.). О Сулле см. прим. 2 к Гаю Саллюстию Криспу. ² *Диктатор* — здесь: высшее должностное лицо в муниципии. ³ *Спаситель града* — Цицерон имеет в виду себя. ⁴ *Муж первый в Риме* — подразумевается Гней Помпей. ⁵ В *храме нимф* хранился архив цензоров, сгорел в 58 г. до н. э.

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

(102—44 гг. до н. э.)

Гай Юлий Цезарь, выдающийся политический и военный деятель Древнего Рима, был замечательным оратором и писателем. Мировую известность получили его «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне». Оба произведения остались незаконченными.

«Записки о галльской войне» рассказывают о деятельности Цезаря в Галлии, где он был проконсулом почти девять лет, ведя многочисленные войны с галльскими и германскими племенами, сопротивлявшимися римскому вторжению. «Записки о гражданской войне» повествуют о начале войны между Цезарем и Помпеем. В первом произведении Цезарь хочет представить в выгодном свете свою деятельность в Галлии, показать себя непобедимым полководцем и мудрым политиком. В «Записках о гражданской войне» он стремится доказать, что вина за начало гражданской войны в Риме лежит не на нем, а на его противниках — Помпее и сенатской партии.

Сочинения Цезаря являются ценным историческим источником. Так, в «Записках о галльской войне» он сообщает важные этнографические сведения о жителях Европы того времени — галлах, германцах, британцах.

Цезарь пользовался славой выдающегося стилиста. Его сочинения отличаются простотой и ясностью стиля. Однако эта лаконичность, строгий отбор лексических средств не уменьшают выразительности текста. Простота и прозрачность синтаксиса сочетаются с блестяще разработанной периодической структурой его речи. Именно в отсутствии риторических прикрас видел Цицерон важнейшие эстетические достоинства «Записок» Цезаря, которые он называл «прелестными». Язык Цезаря считается образцом латинской литературной речи классического периода.

Переводы:

«Записки Юлия Цезаря и его продолжателей». М.; Л., 1948.
В «Антологии» тексты даны по этому изданию.

ГАЛЛЬСКАЯ ВОЙНА

Перевод М. Покровского

Книга первая

1. Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут бельги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от бельгов — Матрона и Секвана. Самые храбрые из них — бельги, так как они живут дальше всех других от Провинции¹ с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны. По этой же причине и гельветы превосходят остальных галлов храбростью: они почти ежедневно сражаются с германцами, либо отбивая их вторжения в свою страну, либо воюя на их территории. Та часть, которую, как мы сказали, занимают галлы, начинается у реки Родана, и ее границами служат река Гарумна, Океан и страна бельгов; но со стороны секванов и гельветов она примыкает также к реке Рейну. Она тянется к северу. Страна бельгов начинается у самой дальней границы Галлии и доходит до нижнего Рейна. Она обращена на северо-восток. Аквитания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию. Она лежит на северо-запад.

Книга шестая

13. Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имеют над ними все права господ над рабами. Но вышеупомянутые два класса — это друиды

и всадники. Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах — решают те же друиды; они же назначают награды и наказания; и если кто — будет ли это частный человек или же целый народ — не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды, точно от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность. Во главе всех друидов стоит один, который пользуется среди них величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием. В определенное время года друиды собираются на заседания в освященное место в стране карнутов, которая считается центром всей Галлии. Сюда отовсюду сходятся все тяжущиеся и подчиняются их определениям и приговорам. Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею познакомиться, отправляются туда для ее изучения.

14. Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и не платят податей наравне с другими [они вообще свободны от военной службы и от всех других повинностей]. Вследствие таких преимуществ многие отчасти сами поступают к ним в науку, отчасти их посылают родители и родственники. Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов по двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом. Мне кажется, такой порядок у них

заведен по двум причинам: друиды не желают, чтоб их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти; да и действительно со многими людьми бывает, что они, находя себе опору в записи, с меньшей старательностью учат наизусть и запоминают прочитанное. Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души: душа, по их учению, переходит по смерти одного тела в другое; они думают, что эта вера устраняет страх смерти и тем возбуждает храбрость. Кроме того, они много говорят своим молодым ученикам о светилах и их движении, о величине мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов.

15. Другой класс — это всадники. Они все выступают в поход, когда это необходимо и когда наступает война (а до прихода Цезаря им приходилось почти ежегодно вести или наступательные или оборонительные войны). При этом чем кто знатнее и богаче, тем больше он держит при себе слуг и клиентов². В этом одном они видят свое влияние и могущество.

16. Все галлы чрезвычайно набожны. Поэтому люди, пораженные тяжкими болезнями, а также проводящие жизнь в войне и в других опасностях, приносят или дают обет принести человеческие жертвы; этим у них заведуют друиды. Именно галлы думают, что бессмертных богов можно умиловить не иначе как принесением в жертву за человеческую жизнь также человеческой жизни. У них заведены даже общественные жертвоприношения этого рода. Некоторые племена употребляют для этой цели огромные чучела, сделанные из прутьев, члены которых они наполняют живыми людьми; они поджигают их снизу, и люди сгорают в пламени. Но, по их мнению, еще угоднее бессмертным богам принесение в жертву попавшихся в воровстве, грабеже или другом тяжелом преступлении; а когда таких людей не хватает, тогда они прибегают к принесению в жертву даже невиновных.

17. Из богов³ они больше всего почитают Меркурия. Он имеет больше, чем все другие боги, изображений; его считают изобретателем всех искусств; он же признается указывателем дорог и проводником в путешествиях: думают также, что он очень содействует на-

живе денег и торговым делам. Вслед за ним они почитают Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. Об этих божествах они имеют приблизительно такие представления, как остальные народы: Аполлон прогоняет болезни, Минерва учит начаткам ремесел и искусств, Юпитер имеет верховную власть над небожителями, Марс руководит войной. Перед решительным сражением они обыкновенно посвящают ему будущую военную добычу, а после победы приносят в жертву все захваченное живым, остальную же добычу сносят в одно место. Во многих общинах можно видеть целые кучи подобных предметов в освященных местах, и очень редко случается, чтобы кто-либо из неуважения к этому религиозному обычаю осмелился скрыть у себя что-нибудь из добычи или унести из кучи: за это определена очень мучительная казнь.

18. Галлы все считают себя потомками [отца] Дита⁴ и говорят, что таково учение друидов. По этой причине они исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сперва идет ночь, за ней день. В остальных своих обычаях они отличаются от прочих народов главным образом тем, что позволяют своим детям подходить к себе при народе не раньше достижения ими совершеннолетия и воинского возраста и считают неприличным, чтобы сын в детском возрасте появлялся на публике при отце.

19. К деньгам, которые муж получает в приданое за женой, он прибавляет такую же сумму из своего имущества на основании произведенной оценки. Этому соединенному капиталу ведется общий счет, и доходы с него откладываются. Кто из супругов переживет другого, к тому переходят обе половины капитала вместе с наросшими за все время процентами. Мужья имеют над женами, как и над детьми, право жизни и смерти, и когда умирает знатный человек — глава семейства, то собираются его родственники и, в случае, если его смерть возбуждает какие-либо подозрения, пытаются жен, как рабов, и уличенных казнят после всевозможных пыток, между прочим, сожжением. Похороны у галлов, сравнительно с их образом жизни, великолепны и связаны с большими расходами. Все, что, по их мнению, было мило покойнику при жизни, они бросают в огонь, даже животных; еще незадолго до нашего времени по соблюдении всех похоронных

обрядов сожигались вместе с покойником его рабы и клиенты, если он их действительно любил.

20. В общинах наиболее благоустроенных существует строгий закон, чтобы всякий, кто узнает от соседей — будет ли это просто болтовня или определенная молва — нечто касающееся общественных интересов общин, доносил властям и не сообщал никому другому, так как опыт показал, что ложные слухи часто пугают людей безрассудных и неопытных, толкают их на необдуманные действия и заставляют принимать ответственные решения по важнейшим делам. Власти, что найдут нужным скрыть, скрывают, а то, что найдут полезным, объявляют народу, но вообще о государственных делах позволяется говорить только в народном собрании.

21. Нравы германцев во многом отличаются от галльских нравов: у них нет друидов для заведования богослужением и они мало придают значения жертвоприношениям. Они веруют только в таких богов, которых они видят и которые им явно помогают, — именно: в солнце, Вулкана и луну; об остальных богах они не знают и по слуху. Вся жизнь их проходит в охоте и в военных занятиях: они с детства приучаются к труду и к суровой жизни. Чем дольше молодые люди сохраняют целомудрие, тем больше им славы у своих: по их мнению, это увеличивает рост и укрепляет мускульную силу; знать до двадцатилетнего возраста, что такое женщина, они считают величайшим позором. Однако эту и не скрывается, так как оба пола вместе купаются в реках и одеваются в шкуры или небольшие меха, которые оставляют значительную часть тела голой.

22. Земледелием они занимаются мало; их пища состоит главным образом из молока, сыра и мяса. Ни у кого из них нет определенных земельных участков и вообще земельной собственности, но власти и князья каждый год наделяют землей, насколько и где найдут нужным, роды и объединившиеся союзы родственников, а через год заставляют их переходить на другое место. Этот порядок они объясняют разными соображениями; именно, чтобы в увлечении оседлой жизнью люди не променяли интереса к войне на занятия земледелием, чтобы они не стремились к приобретению обширных имений и люди сильные не выгоняли бы слабых из их владений; чтобы люди не

слишком основательно строились из боязни холодов и жары; чтобы не нарождалась у них жадность к деньгам, благодаря которой возникают партии и раздоры; наконец, это лучшее средство управлять народом путем укрепления в нем довольства, раз каждый видит, что в имущественном отношении он не уступает людям самым сильным.

23. Чем более опустошает известная община соседние земли и чем обширнее пустыни, ее окружающие, тем больше для нее славы. Истинная доблесть в глазах германцев в том и состоит, чтобы соседи, изгнанные из своих земель, уходили дальше и чтобы никто не осмеливался селиться поблизости от них; вместе с тем они полагают, что они будут находиться в большей безопасности, если будут устранять повод для страха перед неожиданными набегами. Когда община ведет оборонительную войну, она выбирает для руководства ею особую власть с правом жизни и смерти. В мирное же время у них нет общей для всего племени власти, но старейшины областей и пагов⁵ творят суд среди своих и улаживают споры. Разбои вне пределов собственной страны у них не считаются позорными, и они даже хвалят их как лучшее средство для упражнения молодежи и для устранения праздности. И когда какой-нибудь князь предлагает себя в народном собрании в вожди [подобного набега] и вызывает желающих за ним последовать, тогда поднимаются все, кто сочувствует предприятию и личности вождя, и при одобрениях народной массы обещают свою помощь. Но те из них, кто на самом деле не пойдет, считаются дезертирами и изменниками, и после этого им ни в чем не верят. Оскорбить гостя германцы считают грехом, и кто бы и по какому бы делу к ним ни пришел, ограждают его от обид, признают его неприкосновенным, для него открыты все дома и с ним все делятся пищей.

Книга седьмая

1: Итак, в Галлии водворилось спокойствие, и Цезарь, по обыкновению, отправился в Италию для судопроизводства. Здесь он узнал об убийстве Клодия⁶ и о постановлении сената, по которому все военнообязанные в Италии должны были стать под знамена. Ввиду этого и он начал производить набор во всей

Провинции. Вести об этих происшествиях быстро доходят в Трансальпийскую Галлию. Соответственно обстоятельствам, галлы преувеличивают события и сами сочиняют слух, что Цезаря удерживает восстание в Риме и из-за больших смут он не может прибыть к войску. Этот случай побудил людей, уже давно скорбевших о своем подчинении римской власти, строить с большой свободой и смелостью планы войны с римлянами. Галльские князья стали собираться в лесных и отдаленных местах и жаловаться на казнь Аккона⁷: такая же участь, говорили они, может постигнуть и их самих. Они сокрушаются об общей для всей Галлии судьбе; всякими обещаниями и наградами вызывают желающих начать восстание и на свой риск добиваться свободы для Галлии. Главное дело — отрезать Цезаря от его армии, прежде чем их тайные планы сделаются известными. И это нетрудно, так как ни легионы не осмелятся выйти из зимнего лагеря в отсутствие полководца, ни полководец не может добраться до легионов без прикрытия; наконец, лучше пасть в бою, чем отказаться от попытки вернуть свою прежнюю военную славу и унаследованную от предков свободу.

2. После оживленных прений карнуты заявляют, что для общего блага они готовы на все опасности, и обещают первыми начать войну. Но так как невозможно было обеспечить тайну предприятия путем обмена заложниками, то они требуют клятвенной поруки в том, что после начала военных действий их не покинут остальные; такой порукой должна быть присяга перед соединенными знаменами, которая была у галлов одним из самых торжественных религиозных обрядов. Все присутствовавшие похвалили карнутов, дали эту присягу, условились о дне восстания и затем разошлись по домам.

3. Когда наступил условленный день, карнуты, под предводительством двух отчаянных смельчаков — Гутруата и Конконнетодумна, по данному знаку устремились в Кенаб⁸, перебили римских граждан, поселившихся там с торговыми целями, и разграбили их имущество. В том числе погиб и уважаемый римский всадник Г. Фуфий Цита, который, по приказу Цезаря, заведовал продовольствием. Молва об этом скоро дошла до всех общин Галлии. Действительно, о каждом сколько-нибудь крупном и выдающемся событии

галлы дают знать криком по полям и округам; там, в свою очередь, их подхватывают и передают соседям, как было и на этот раз; то, что при восходе солнца произошло в Кенабе, стало известным еще до окончания первой стражи в стране арвернов⁹, то есть приблизительно за сто шестьдесят миль.

4. Так было и с арверном Верцингеторигом, сыном Кельтиллы. Этот очень влиятельный молодой человек, отец которого стоял некогда во главе всей Галлии и за свое стремление к царской власти был убит своими согражданами, собрал всех своих клиентов и без труда поджег их к восстанию¹⁰. Узнав о его замыслах, арверны схватились за оружие. Его дядя Гобаннитион и остальные князья, не находившие возможным теперь же попытать счастья, воспротивились ему, и он был изгнан из города Герговии. Однако он не отказался от своего намерения и стал набирать по деревням бедноту и всякий сброд. С этой шайкой он обходит общину и повсюду привлекает к себе сторонников, призывая к оружию для борьбы за общую свободу. Собрав таким образом большие силы, он изгоняет из страны своих противников, которые недавно изгнали его самого. Его приверженцы провозглашают его царем. Он повсюду рассылает посольства, закликает галлов соблюдать верность своей присяге. Скоро в союз с ним вступают сеноны, парисии, пиктоны, кадурки, туроны, аулерки, лемовики, анды и все прочие племена на берегу Океана. По единогласному постановлению, они вручили ему главное командование. Облеченный этой властью, он требует от всех этих общин заложников; приказывает в кратчайший срок поставить определенное число солдат; определяет, сколько оружия и к какому сроку должна изготовить у себя каждая община. Главным образом он заботится о коннице. Чрезвычайная энергия соединяется у него с чрезвычайной строгостью военной дисциплины: колеблющихся он подвергает большим наказаниям, за крупные преступления приказывает сжигать и казнить всевозможными пытками, за легкие проступки обрезать уши или выкалывать один глаз и в таком виде отправлять на родину, чтобы наказанные служили уроком для остальных и своей тяжелой карой внушали им страх. <...>

[Получив известие о восстании, Цезарь поспешно возвращается в Галлию.]

12. Узнав о приходе Цезаря, Верцингеториг снял осаду¹¹ и двинулся ему навстречу. Цезарь между тем приступил к осаде города битуригов Новиодуна, лежавшего на его пути. Из этого города пришли к нему послы с просьбой о прощении и пощаде. Желая исполнить свои дальнейшие планы с той же скоростью, которой он был обязан успехам в большей части своих предприятий, он приказал сдать оружие, вывести лошадей и дать заложников. Часть заложников была уже выдана, остальные дела были в полном ходу, в город были уже введены центурионы с несколькими солдатами для приема оружия и животных, как вдруг вдали показалась неприятельская конница, образовавшая авангард колонны Верцингеторига. Как только горожане заметили ее и прониклись надеждой на выручку, они подняли военный клич и стали хвататься за оружие, запирают ворота и занимать стену. Бывшие в городе центурионы догадались по всему поведению галлов, что они что-то замышляют, немедленно обнажили мечи, заняли ворота и благополучно вернулись оттуда со своими солдатами в лагерь.

13. Цезарь приказал коннице выступить из лагеря и завязал конное сражение. Когда наших начали теснить враги, то он послал в помощь около четырехсот германских всадников, которых он с самого начала войны обыкновенно держал при себе. Галлы не могли выдержать их натиска, обратились в бегство и с большими потерями отступили к своим главным силам. После их поражения горожанами снова овладел ужас. Они схватили тех, кого считали виновниками возмущения народа, привели их к Цезарю и сдались. Окончив эту операцию, Цезарь двинулся против Аварика, самого укрепленного и главного города битуригов, к тому же лежавшего в очень плодородной местности. Он был уверен, что с занятием этого города подчинит общину битуригов своей власти.

14. После стольких сплошных неудач — под Веллаунодуном, Кенабом и Новиодуном — Верцингеториг созывает своих на собрание. Там он указывает, что войну следует вести совершенно иначе, чем до сих пор. Надо всячески стараться отрезать римлян от фуражировок и подвоза провианта. Это сделать нетрудно, так как сами галлы имеют перевес в коннице и, кроме того, им благоприятствует время года. Травы косить нельзя; враги должны по необходимости дро-

биться на небольшие отряды и добывать фураж из усадеб; все подобные отряды может ежедневно уничтожать конница. Помимо того, все частные интересы надо принести в жертву общему благу, а именно сжечь на всем этом пространстве селения и усадьбы всюду, куда только римляне могут отправляться за фуражом. А у галлов всего этого вполне достаточно, так как их будут снабжать своими запасами те, на чьей территории будет идти война. Римляне либо не вынесут голода, либо должны будут с большой для себя опасностью уходить слишком далеко от лагеря. При этом все равно — перебить их самих или лишить их обоза, без которого вести войну нельзя. Далее надо сжечь такие города, которые не вполне обеспечены от опасности своим местоположением или искусственными укреплениями, чтобы они не были убежищем для галлов, уклоняющихся от воинской повинности, и не соблазняли бы римлян вывозить из них запасы провианта и добычу. Если бы это показалось тяжелым и огорчительным, то, несомненно, гораздо тяжелее увод в рабство детей и жен и истребление их самих, — а это неизбежная участь побежденных.

15. Предложение Верцингеторига было единодушно одобрено, и в один день было сожжено у битуригов более двадцати городов. То же происходит и в остальных общинах. Во всех направлениях видно зарево пожаров... На общем собрании обсуждался вопрос и об Аварике — сжечь ли его или защищать. Битуриги на коленях молят всех галлов не принуждать их своими руками поджигать этот, может быть, самый прекрасный город во всей Галлии, красу и опору их общины. Они утверждают, что защитят его, благодаря его местоположению... Эта просьба была уважена... Для города были выбраны надежные защитники.

[Осада Аварика]

24. Все эти препятствия очень затрудняли осаду, и, кроме того, работа наших солдат все время замедлялась холодами и постоянными ливнями. И все-таки они преодолели все затруднения непрерывным трудом, построив в двадцать пять дней плотину шириной в триста тридцать футов и высотой в восемьдесят футов. Когда она уже почти касалась неприятельской стены и Цезарь, по обыкновению, проводил ночь при работающих солдатах и ободрял их ни на минуту не

прерывать работы, незадолго до третьей стражи заметили, что плотина дымится (оказалось, что ее подожгли посредством подкопа враги); в то же время по всей стране поднялся воинский клич, и из двух ворот у обеих сторон [наших] башен началась вылазка. Другие бросали издали со стены на плотину факелы и сухое дерево, лили смолу и другие горючие вещества, так что с трудом можно было сообразить, куда надо прежде всего спешить, где подать помощь. Но так как по заведенному Цезарем порядку всегда стояли на карауле два легиона и еще большее число солдат было занято попеременно работой, то скоро одни стали отбивать вылазку, другие отводить назад башни и ломать плотину, а вся масса солдат, бывшая в лагере, сбежалась тушить пожар.

25. Оставшаяся часть ночи уже пришла к концу, а сражение все еще продолжалось во всех пунктах, и у врагов возникали все новые и новые надежды на победу, тем более что они видели, как сгорели башенные щитки и какого труда стоило нашим солдатам, не имевшим прикрытия, подавать помощь. Наоборот, у них самих бойцы с свежими силами постоянно сменяли утомленных, и вообще они полагали, что спасение всей Галлии зависит исключительно от этого момента. В это время на наших глазах случился достойный упоминания эпизод, о котором мы не сочли возможным умолчать. Один галл перед воротами города бросал по направлению к башне в огонь подаваемые ему из рук в руки комки сала и смолы. Пораженный в правый бок выстрелом из скорпиона, он пал бездыханным. Один из его соседей перешагнул через его труп и продолжал его дело; он точно так же был убит выстрелом из скорпиона, его сменил третий, третьего — четвертый; и этот пункт только тогда был очищен неприятельскими бойцами, когда пожар плотины был затушен, враги были отеснены и сражение вообще окончилось.

26. Так как ни одна из всевозможных попыток галлов не удалась, то на следующий день, по совету и приказанию Верцингеторига, они приняли решение бежать из города. Эту попытку они надеялись осуществить в тишине ночи с небольшими потерями, так как недалеко от города был лагерь Верцингеторига и, кроме того, тянувшееся между лагерем и городом сплошное болото должно было замедлять нашу пого-

ню. И они уже собрались сделать это ночью, но вдруг выбежали на улицу замужние женщины и с плачем стали всячески просить на коленях своих мужей не отдавать на мучения врагам их и их общих детей, которым природное слабосилие мешает бежать. Но, увидев своих мужчин непреклонными — вообще в момент величайшей опасности страх не знает сострадания, — они стали кричать и давать римлянам знаки, что их мужья хотят бежать. Это устрасило галлов, и из боязни, что римская конница может отрезать их от всех дорог, они от этого плана отступились.

27. На следующий день Цезарь распорядился продвинуть башню и указать, куда направить ее осадные работы, которые по его приказанию были уже начаты. В это время начался сильный ливень, и Цезарь решил использовать такую погоду для исполнения задуманного плана. Видя, что караулы на стене у неприятелей расставлены не так тщательно, как обыкновенно, он и своим солдатам приказал работать с меньшей энергией и дал им необходимые указания. Поместив легионы в боевой готовности в скрытом месте за крытыми галереями, он ободрил их к тому, чтобы, наконец, пожать плоды победы за свои великие труды; тем, которые первые взойдут на неприятельскую стену, он обещал награды и затем дал сигналы к атаке. Солдаты быстро бросились со всех сторон и немедленно заняли всю стену.

28. Неожиданность нападения привела врагов в ужас. Выбитые со стены и из башен, они остановились в клинообразном строю на площади и других открытых местах с решимостью принять правильное сражение там, где римляне пойдут на них в атаку. Но, увидев, что никто не спускается на ровное место, но все распространяются кругом по всей стене, они побоялись потерять последнюю надежду спастись бегством и, побросав оружие, неудержимым потоком устремились к окраинам города. Там одни из них, давившие друг друга в узком выходе из ворот, были перебиты нашей пехотой, а другие — уже за воротами — конницей. При этом никто не думал о добыче. Озлобленные резней в Кенабе и трудностью осадных работ, солдаты не дали пощады ни дряхлым старикам, ни женщинам, ни малым детям. В конце концов, из всей массы, доходившей до четырех тысяч человек, уцелело едва восемьсот человек, которые успели при первых

же криках броситься из города и невредимыми добрались до Вержингеторига. Но он боялся, как бы скопление их в лагере и жалость к ним не породили возмущения в солдатской массе, и потому принял этих беглецов уже поздно в тишине ночи. При этом он разместил по дороге вдали от лагеря своих друзей и князей общин и приказал последним разбить их на группы и отводить к их землякам в ту часть лагеря, которая с самого начала досталась каждому племени.

[Осада Алесии. Речь Критогната]

77. Между тем уже прошел день, в который осажденные в Алесии ожидали прихода помощи от своих; весь хлеб был съеден, и, не зная, что делается у эдуев, они созвали собрание для совещания о том, как найти выход из своего критического положения. При этом было высказано много различных мнений: некоторые рекомендовали сдаться, другие предлагали сделать вылазку, пока еще есть силы. По своей исключительной и бесчеловечной жестокости заслуживает внимания речь Критогната. Этот высокорожденный и уважаемый арверн сказал: «Я ни слова не намерен говорить о предложении тех, которые называют именем капитуляции позорнейшее рабство; по моему мнению, их надо исключить из числа граждан и не допускать на собрания. Я желаю иметь дело только с теми, которые высказываются за вылазку: в их предложении все вы единогласно признаете следы старой галльской храбрости. Но не храбрость это, а слабохарактерность — не сумеет короткое время вынести продовольственную нужду. Людей, добровольно идущих на смерть, легче найти, чем таких, которые терпеливо выносят лишения. При всем том я одобрил бы это предложение (так высоко ценю я честь), если бы я видел, что в жертву приносится только наша жизнь. Но при нашем решении мы должны подумать о судьбе всей Галлии, которую мы подняли на ноги с тем, чтобы получить от нее помощь. Когда нас восемьдесят тысяч человек будет сразу на одном месте убито, откуда, по вашему мнению, будет мужество у наших близких и кровных родственников, если они вынуждены будут принять решительный бой, можно сказать, на наших трупах? Не лишайте своей помощи тех, которые ради вашего спасения забыли о своей опасности, не ввергайте всей Галлии в гибель и вечное

рабство из-за своей глупости, необдуманности и слабых характеристик. Может быть, вы сомневаетесь в их верности и твердости только потому, что они не явились к назначенному сроку? Ну, хорошо! А разве, по вашему мнению, римляне для своего удовольствия изо дня в день изнуряют себя работой над теми дальними укреплениями? Если всякий доступ к друзьям прегражден, если до вас не могут дойти успокоительные вести о них, вот они [римляне] — вам свидетели, что их приход близок: в ужасе перед ним они дни и ночи проводят за работой. Какой же мой совет? Делать то, что делали наши предки в далеко не столь значительной войне с кимбрами и тевтонами: загнанные в свои города и страдая от такой же нужды в съестных припасах, они поддерживали жизнь свою трупами людей, признанных по своему возрасту негодными для войны, но не сдались врагам. Если бы у нас не было такого примера, то я признал бы делом чести создать его во имя свободы и завещать потомкам. Действительно, разве та война была в чем-нибудь похожа на эту? Опустошив Галлию и причинив ей большие бедствия, кимбры в конце концов ушли из нашей страны и устремились в другие земли: права, законы, поля, свободу — все это они нам оставили. А римляне? К чему стремятся и чего иного хотят эти подстрекаемые завистью люди, как не того, чтобы завладеть полями и всей территорией и навеки поработить всякий славный и воинственный народ, о котором только они услышат. С какой-нибудь иной целью они никогда не вели войн. А если вы не знаете того, что делается у отдаленных племен, то взгляните на соседнюю Галлию, которая, будучи унижена на степень провинции, получила совсем иные права и законы и, покоряясь римским секирам, страдает под гнетом вечного рабства. <...>

Примечания

¹ Провинцией называлась юго-восточная Галлия. ² Клиенты — лица, находившиеся в Древнем Риме в зависимости от какого-либо знатного человека — патрона и пользовавшиеся его покровительством. При описании социальной организации галлов Цезарь использует римскую терминологию. ³ Цезарь называет кельтских богов римскими именами по сходству функций. ⁴ Дит — кельтский бог подземного царства, соответствует древнеримскому Плутону; исчисление времени не по дням, а по ночам было присуще и неко-

торым другим народам Европы (напр., германцам). ⁵ *Паг* — сельская община: деревня, область, округ. ⁶ *Клодий* — политический деятель (см.: Цицерон «Речь в защиту Тита Анния Милона»). ⁷ *Аккон* — старейшина галльского племени сенонов, казненный по приказу Цезаря. ⁸ *Кенаб* — город карнутов. ⁹ *Арверны* — галльское племя. ¹⁰ Восстание под предводительством Верцингеторига датируется 51 г. до н. э. ¹¹ Имеется в виду снятие осады города Герговии.

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП

(86—35 г. до н. э.)

Гай Саллюстий Крисп — римский историк I в. до н. э. Он принадлежал к партии популяров, возглавляемой Юлием Цезарем. Саллюстий занимал ряд важных должностей вплоть до проконсула римской провинции Новая Африка. После гибели Цезаря уходит от политики, всецело посвятив себя литературному труду. Из его исторических сочинений сохранились «Заговор Катилины», «Война с Югуртой», и в отрывках — «История».

Живя в эпоху острого политического и социального кризиса римского полиса, крушения республики, Саллюстий ищет в истории объяснение событиям современности. Он обращается, в частности, к идущей от греческой философии теории «упадка нравов», которая видела причину гибели общества в двух главных пороках — властолюбии и алчности. Саллюстий хочет представить себя беспристрастным наблюдателем событий, но в действительности он глубоко тенденциозен. Виновником упадка Римского государства он изображает римскую знать, развращенность, продажность и безнравственность нобилитета. В «Войне с Югуртой» и «Заговоре Катилины» он обличает пороки современного ему общества.

Как писатель Саллюстий испытал на себе влияние знаменитого греческого историка Фукидида. Сжатость и эмоциональная напряженность повествования, выразительная антитеза, меткая афористичная фраза, подчеркнутая архаизация языка — характерные черты стиля Саллюстия.

Переводы

Заговор Катилины. Война с Югуртой. М., 1970.

В «Антологии» дан отрывок из этого издания.

ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

Перевод С. Маркиша

I. Если человек желает отличиться меж остальными созданиями, ему должно приложить все усилия к тому, чтобы не провести жизнь неприметно, словно скот, который по природе своей клонит голову к земле и заботится лишь о брюхе. Все наше существо разделяется на дух и тело. Дух обычно правит, тело служит и повинуется. Духом мы владеем наравне с богами, телом — наравне со зверем. И потому мне пред-

ставляется более правильным искать славы силою разума, а не голою силой, и, поскольку жизнь, которую мы вкушаем, коротка, память о себе надо оставить как можно более долгую. Ведь слава, приносимая богатством или красотой, быстролетна и непрочна, а доблесть — достояние высокое и вечное.

Впрочем, давно уже идут между смертными споры, что важнее в делах войны — телесная ли крепость или достоинства духа. Но прежде чем начать, нужно решиться, а когда решился — действовать без отлагательств. Стало быть, в отдельности и того и другого недостаточно и потребна взаимная их поддержка.

II. Вначале цари — этот образ правления был на земле первым — поступали разнo: кто развивал ум, кто — тело. Тогда жизнь человеческая еще не знала алчности: всякий довольствовался тем, что имел. Но впоследствии, когда в Азии Кир¹, а в Греции лакедемоняне и афиняне начали покорять города и народы, когда причиною войны стала жажда власти и величайшую славу стали усматривать в ничем не ограниченном владычестве, тут впервые, через беды и опасности, обнаружилось, что главное на войне — ум.

Если бы в мирное время цари и властители выказывали те же достоинства духа, что во время войны, наша жизнь была бы стройнее и устойчивее, не видели бы наши глаза, как все разлетается в разные стороны или смешивается в беспорядке. Власть нетрудно удерживать теми же средствами, какими ее приобрели. Но когда на место труда вламывается безделье, на место воздержности и справедливости — произвол и высокомерие, то одновременно с нравами меняется и судьба. Таким образом, власть неизменно переходит от менее достойного к достойнейшему.

Все труды человеческие — на пашне ли, в морском плавании, на стройке — подчинены доблести. Но многие смертные, непросвещенные и невоспитанные, преданные лишь сну да обжорству, проходят сквозь жизнь, словно странники по чужой земле; им, без сомнения, тело — в удовольствие, а душа — в тягость, вопреки природе. Жизнь их, по-моему, не дороже смерти, потому что и та и другая теряются в молчании. Я бы сказал, что по-настоящему живет и наслаждается дарами души лишь человек, который, посвятив себя какому-либо занятию, ищет славы в замечательных поступках или высоких познаниях.

III. Но природа обладает многоразличными возможностями и всякому указывает особый путь. Прекрасно служить государству делом, но и говорить искусно — дело немаловажное. Отличиться можно как на войне, так и в мирные времена: похвалами украшены многие и среди тех, кто действовал сам, и среди тех, кто описывал чужие деяния. И хотя отнюдь не равная достается слава писателю и деятелю, мне кажется, что писать историю чрезвычайно трудно; во-первых, рассказ должен полностью отвечать событиям, а во-вторых, порицаешь ли ты ошибки — большинство видит в этом изъявление недоброжелательства и зависти, вспоминаешь ли о великой доблести и славе лучших — к тому, на что читатель, по его разумению, способен и сам, он остается равнодушен, все же, что выше его способностей, считает вымыслом и ложью.

Поначалу, в ранние годы, я, как и большинство других, с увлечением погрузился в государственные дела, но много препятствий встретилось мне на этом поприще, ибо вместо скромности, вместо сдержанности, вместо доблести процветали наглость, подкуп, алчность. Непривычный к подлым приемам, я, правда, чуждался всего этого, но, в окружении стольких пороков, неокрепшая моя юность попала в сети честолюбия. И хотя дурные нравы остальных я никак не одобрял, собственная страсть к почестям делала и меня, наравне с ними, предметом злословия и ненависти.

IV. И вот, когда после многих бедствий и опасностей я возвратился к покою и твердо решил остаток жизни провести вдали от государственных дел, у меня и в мыслях не было ни расточить драгоценный досуг в беспечной праздности, ни целиком отдаться земледелию или охоте — рабским обязанностям. Нет, вернувшись к тому начинанию, к той страсти, от которых оторвало меня проклятое честолюбие, я надумал писать историю римского народа — по частям, которые мне представлялись достопамятными, — тем более что душа освободилась от надежд, страха и приверженности к одному из враждующих на государственном поприще станов.

Итак, я кратко и как можно ближе к истине расскажу о заговоре Катилины; событие это я полагаю в высшей степени знаменательным — по особой опасности преступления. Но прежде чем начать, надобно в нескольких словах изобразить натуру Катилины.

V. Луций Катилина происходил из знатного рода и отличался большою силою духа и тела, нравом же скверным и развращенным. Еще мальчишкою полюбил он междуусобицы, резню, грабежи, гражданские смуты, в них и закалял себя смолоду. Телом был невероятно терпелив к голоду, к стуже, к бессоннице. Духом — дерзок, коварен, переменчив, лицемер и притворщик, готовый на любой обман, жадный до чужого, расточитель своего; в страстях необуздан, красноречия отменного, мудрости невеликой. Неумный, он всегда рвался к чему-то чрезмерному, невероятному, слишком высокому. После единовластия Луция Суллы² его охватило неистовое желание стать хозяином государства; каким образом достигнет он своей цели, ему было все равно — лишь бы добраться до власти. Наглая его отвага со дня на день росла, подстрекаемая нуждою в деньгах и нечистою совестью, и оба стрекала были отточены пороками, которые я назвал выше. Вдобавок его распаляло всеобщее падение нравов, страдавших от двух тяжелейших, хотя и противоположных зол — роскоши и алчности.

Поскольку ход рассказа привел нас к нравам нашего государства, мне кажется, что самое существо дела призывает обратиться вспять и коротко изъяснить порядки и обычаи предков в мирное и военное время — как предки наши правили государством, и в каком состоянии передали его потомкам, и как оно, постепенно изменившись, из лучшего и самого прекрасного обратилось в худшее и самое позорное.

VI. Сколько мне известно, город Рим основали и сперва владели им троянцы, — они бежали из отечества под водительством Энея и долго скитались с места на место, вместе с аборигенами, племенем диким, не знавшим ни законов, ни государственной власти, свободным и своевольным. Трудно поверить, с какою легкостью слились, сойдясь в одних стенах, эти два народа, различного происхождения, несходные языком, живущие каждый своим обычаем; в короткий срок пестрая толпа бродяг взаимным согласием была сплочена в государство. Но стоило их сообществу приобрести видимость процветания и силы, окрепнуть численно и нравственно, расширив свои поля, — и тут же, как почти всегда бывает на свете, довольство породило зависть. Соседние цари и народы принялись грозить войною, и лишь немногие из друзей пришли

на помощь, а прочие, поддавшись страху, держались в стороне от опасностей. Но римляне всегда, в дни мира и в дни войны, готовые к стремительному отпору, подбадривали друг друга, спешили навстречу врагу и с оружием в руках обороняли свободу, отечество, родителей. Затем, мужеством отразив угрозу, они являлись на помощь союзникам и друзьям и, чаще оказывая услуги, нежели их принимая, завязывали новые дружеские связи. Они имели согласное с законами правление, имя же ему было: «царская власть». Выборные в преклонных годах и потому слабые телом, но мудрые и потому сильные духом, составляли государственный совет; по возрасту либо по сходству забот звались они «отцами». Впоследствии, когда царская власть, сперва служившая сбережению свободы и возвышению государства, обратилась в грубый произвол, строй был изменен — римляне учредили ежегодную смену власти и двоих властителей. При таких условиях, полагали они, всего труднее человеческому духу проникнуться высокомерием.

VII. Как раз в то время каждый начал стремиться вывыс и искать применения своим способностям. Вполне понятно, в глазах царей хорошие подозрительнее худых, царей всегда страшит чужая доблесть. Даже представить себе трудно, в какой короткий срок поднялось государство, обретя свободу: так велика была жажда славы. Молодые, едва войдя в возраст, трудились, не щадя сил, в лагере, чтобы постигнуть военное искусство на деле, и находили больше радости в оружии и боевых конях, чем в распутницах и пирушках. И когда они мужали, то никакие трудности не были им внове, никакие пути — тяжелы или круты, ни один враг не был страшен: доблесть превозмогала все. Но горячее всего состязались они друг с другом из-за славы: каждый спешил сразить врага, взойти первым на стену и в миг подвига оказаться на виду. В этом заключалось для них и богатство, и громкое имя, и высокая знатность. К славе они были жадны, к деньгам равнодушны; чести желали большой, богатства — честного. Я могу напомнить места, где римский народ малою силою обращал в бегство несметного неприятеля, укрепленные самою природою города, которые он брал с боя, но боюсь слишком отвлекаться от своего предмета.

VIII. Но главное во всяком деле — конечно, удача,

а она и возвеличивает, и оставляет в тени скорее по произволу, чем по справедливости. Деяния афинян, по моему суждению, и блистательны и великолепны, и все же они многим меньше той славы, которою пользуются. Но у афинян были писатели редкостного дарования — и вот по всей земле их подвиги считаются ни с чем не сравнимыми. Стало быть, во столько ценится доблесть поступка, насколько сумели превознести ее на словах ясные умы. Римский народ, однако ж, писателями не был богат никогда, ибо самые рассудительные бывали заняты делом без остатка, и никто не развивал ум в отдельности от тела, и лучше предпочитали действовать, а не говорить, доставлять случай и повод для похвал, а не восхвалять заслуги других.

IX. Так и в мирную, и в военную пору процветали добрые нравы. Единодушие было постоянным, своекорыстие — до крайности редким. Право и благо чтить, повинаясь скорее природе, нежели законам. Брань, раздоры, ненависть берегли для врагов, друг с другом состязались только в доблести. В храмах бывали точительны, дома бережливы, друзьям верны. Двумя качествами сберегали и себя, и свое государство — отвагою на войне, справедливостью во время мира. И вот что служит мне лучшим доводом: на войне чаще наказывали тех, кто бросался на врага вопреки приказу или, услышав сигнал к отступлению, уходил с поля брани чересчур медленно, чем тех, кто осмеливался покинуть свое знамя или место в строю, а в мирное время правили больше милостью, чем страхом, и, понеся обиду, предпочитали не наказывать, но прощать.

X. Но когда трудом и справедливостью возросло государство, когда были укрощены войною великие цари⁴, смирились пред силою оружия и дикие племена, и могущественные народы, исчез с лица земли Карфаген⁵, соперник римской державы, и все моря, все земли открылись перед нами, судьба начала свирепствовать и все перевернула вверх дном. Те, кто с легкостью переносил лишения, опасности, трудности, — непосильным бременем оказались для них досуг и богатство, в иных обстоятельствах желанные. Сперва развилась жажда денег, за нею — жажда власти, и обе стали как бы общим корнем всех бедствий. Действительно, корыстолюбие сгубило верность, честность и остальные добрые качества; вместо них оно

выучило высокомерию и жестокости, выучило презирать богов и все полагать продажным. Честолюбие многих сделало лжецами, заставило в сердце таить одно, вслух же говорить другое, дружбу и вражду оценивать не по сути вещей, но в согласии с выгодой, о пристойной наружности заботиться больше, чем о внутреннем достоинстве. Начиналось все с малого, иногда встречало отпор, но затем зараза расплодилось, точно чума, народ переменялся в целом, и римская власть из самой справедливой и самой лучшей превратилась в жестокую и нестерпимую.

XI. Поначалу, впрочем, людям не давало покоя главным образом честолюбие, а не алчность. Разумеется, и это порок, но есть в нем что-то и от доблести, ибо славы, почестей, власти одинаково жаждут и достойный и недостойный; только первый идет к цели прямым путем, а второму добрые качества чужды, и он полагается на хитрости и обман. Алчность же сопряжена со страстью к деньгам, которых ни один разумный человек не желает; точно напитанная злыми ядами, она расслабляет мужское тело и душу, она всегда безгранична, насытна, не уменьшима ни изобилием, ни нуждою.

Но вот Луций Сулла, к доброму началу присоединив худой исход⁶, насильно подчинил себе государство — и все принялись грабить: кто хочет чужой дом, кто — поле, победители не знают ни меры, ни совести и чинят гнусные жестокости над согражданами. Вдобавок, чтобы крепче привязать к себе войско, которое он водил в Азию, Луций Сулла избаловал солдат чрезмерными удобствами и слишком щедрым жалованьем — вопреки обычаям предков. Прелесть, очарование тех краев в сочетании с праздностью легко изнежили суровые души воинов. Тогда впервые приучилось римское войско развратничать и пьянствовать, дивиться статуям, картинам и чеканным вазам, похищать их из частного и общего владения, грабить храмы, осквернять все божеское и человеческое. Эти самые воины, одержав победу, не оставили побежденным ничего. Что ж, удача портит и мудрых — так можно ль ожидать, что люди растленные не попользуются всеми благами успеха?!

XII. С той поры, как богатство стало вызывать почтение, как спутниками его сделались слава, власть, могущество, с этой самой поры и начала вянуть до-

блесть, бедность считаться позором и бескорыстие — недоброжелательством. Итак, по вине богатства на юность напали роскошь и алчность, а с ними и наглость: хватают, расточают, свое не ставят ни во что, жаждут чужого, стыд и скромность, человеческое и божественное — все им нипочем, их ничто не смутит и ничто не остановит! Посмотревши на дома, на поместья, устроенные наподобие городов, любопытно потом заглянуть в храмы, воздвигнутые нашими предками, самыми набожными на свете людьми. Предки украшали святилища благочестием, а дома свои — славою и у побежденных не отнимали ничего, кроме возможности чинить насилия. А эти нынешние — ничтожные людишки, но опаснейшие преступники! — забирают у союзников то, что в свое время оставил им отважный победитель. Как будто лишь в одном обнаруживает себя власть — в несправедливости!

XIII. Надо ли вспоминать о том, чему никто, кроме очевидцев, не поверит, — как частные лица срывали горы, осушали моря? Эти люди, по-моему, просто издевались над своим богатством, которым могли бы пользоваться достойно, но спешили безобразно промотать. Не в меньшей мере владела ими и страсть к распутству, обжорству и прочим излишествам. Мужчины отдавались, как женщины, женщины торговали своим целомудрием. В поисках лакомой еды обшаривали все моря и земли. Спали, не испытывая нужды во сне. Не дожидались ни голода, ни жажды, ни стужи, ни утомления, всякая потребность упреждалась заранее — роскошью. Это толкало молодежь на преступление, когда имущество истощалось: духу, отравленному пороками, нелегко избавиться от страстей, наоборот, — еще сильнее, всеми своими силами, привязывается он к наживе и к расточительству.

XIV. В таком большом и таком развращенном государстве Катилине ничего не стоило собрать вокруг себя, словно бы отряд телохранителей, всевозможные гнусности и преступления. И правда, всякий бесстыдник, прелюбодей, гуляка, проигравший отцовское состояние в кости, спустивший в брюхо, прокутивший с потаскухами, всякий, кто запутался в долгах, чтобы откупиться от наказания за подлое злодейство, все убийцы и святотатцы из любых краев, все осужденные или страшась суда, те, кого кормили замаранные кровью сограждан руки или оскверненный ложной

клятвою язык, коротко сказать, все, кому не давали покоя срамной поступок, нужда или нечистая совесть, были доверенными, ближайшими друзьями Катилины. А если кто попадал в круг его друзей свободным от вины, тот, через соблазны ежедневного общения, быстро и легко сравнивался с остальными. Всего больше искал Катилина близости с молодежью: сердца молодых, еще нестойкие, без труда улавливались в хитро расставленные силки. Приноровляясь к пристрастиям, которые они обнаруживали, — каждый сообразно своему возрасту, — он доставлял одним продажных женщин, другим покупал собак или коней. Одним словом, чтобы привязать их к себе понадежнее, он не щадил ни денег, ни собственной скромности.

Многие, по моим сведениям, предполагали, что молодежь, зачастившая в дом Катилины, ведет себя отнюдь не целомудренно. Но в точности никто ничего не знал, и слухи питались из иных источников.

XV. Еще в ранней юности Катилина много и гнусно блудил, — с девицею из знатной семьи, со жрицею Весты⁷ и еще с другими, — нарушая человеческие законы и божественные установления. Последней его страстью была Аврелия Орестилла, в которой ни один порядочный человек не похвалил бы ничего, кроме нахужности, и так как та не решалась выйти за него замуж, опасаясь взрослого уже пасынка, Катилина — на этот счет нет сомнений ни у кого — умертвил сына и очистил дом для преступного брака. Это злодейство, по-моему, было в числе главных причин, ускоривших заговор. Грязная душа, враждовавшая и с богами, и с людьми, не могла обрести равновесия ни в трудах, ни в досугах: так взбудоражила и так терзала ее больная совесть. Отсюда мертвенный цвет кожи, застылый взгляд, поступь то быстрая, то медленная; в лице его и во всей внешности сквозило безумие.

XVI. Молодежь, которую, как сказано выше, удавалось ему приваждать, он разными средствами приучал к преступлениям. Он готовил лжесвидетелей и мошенников, подделывающих завещания, внушал презрение к верности, собственности, судебному преследованию, а испортив доброе имя своих питомцев и истребив чувство стыда, он давал им новые, более трудные задания. Если ж поводов к преступлению не оказывалось, Катилина напускал их на людей, которые ни в чем не были перед ним повинны: дабы ру-

ка и дух не цепенели в бездействии, он был готов даже на бескорыстную пакость и жестокость.

Полагаясь на таких друзей и сообщников и зная, что повсюду бремя долгов непомерно тяжело и что большинство воинов Суллы, прожившись, вспоминает о прежних победах и грабежах и жаждет гражданской войны, Катилина принял решение захватить власть. В Италии не было войска совсем, Гней Помпей⁸ вел войну на краю света; сам Катилина намеревался искать консульства и мог рассчитывать на успех, поскольку сенат ни о чем не подозревал; повсюду царили спокойствие и безопасность, но это как раз и было на руку Катилине. <...>

XXIII. Был среди заговорщиков Квинт Курий, не темного происхождения человек, но замаравший себя такими преступлениями и таким срамом, что цензоры исключили его из сената за беспутство. Человек он был настолько ж пустой, насколько дерзкий: промолчать о том, что услышал, или хотя бы скрыть собственный проступок — всему этому он не придавал ни малейшего значения, как, впрочем, и любому своему действию или высказыванию. Много лет находился он в блудной связи с Фульвией, женщиной из знатного рода. Когда же она начала к нему охладевать, оттого что он обеднел и не мог одаривать ее с прежней щедростью, он вдруг принялся бахвалиться, сулил моря и горы, иной раз грозился мечом, если она не будет ему покорна, одним словом — держал себя наглее обычного. Фульвия выведала причину этой заносчивости и не скрыла втайне опасность, грозившую государству, но — не называя лишь имени Курия — рассказывала очень многим, что и каким путем узнала она о заговоре Катилины.

Это обстоятельство более, чем что-либо иное, пробудило у людей желание вручить консульство Марку Туллию Цицерону. До того большая часть знати пылала завистью и ненавистью, полагая, что консульская должность будет как бы осквернена, если достанется человеку новому, хотя бы и самому незаурядному. Но, когда надвинулась опасность, зависть и гордыня отступили назад.

XXIV. Состоялись выборы, и консулами на следующий год были объявлены Марк Туллий и Гай Антоний. Этот удар сперва потряс заговорщиков, но безумства Катилины не умерил нисколько. Наоборот, со

дня на день хлопотал он все живее: по всей Италии, в пригодных для этого местах, готовил оружие, набирал в долг деньги — от собственного имени и от имени друзей — и пересылал в Фезулы⁹, к некоему Манлию, который позже выступил застрельщиком войны. Говорят, что как раз тогда привлек он на свою сторону множество людей всякого рода и даже нескольких женщин, которые раньше покрывали огромные свои расходы, продаваясь за деньги, а потом, когда возраст положил меру лишь прибыткам, но не страсти к роскоши, увязли в долгах. С их помощью Катилина надеялся поднять городских рабов и поджечь город, а мужей их либо связать с собою, либо умертвить.

XXV. В числе этих женщин была Семпрония, совершившая уже немало такого, что требовало мужской отваги. Не могла она пожаловаться ни на происхождение, ни на внешность, была достаточно счастлива и в супруге своем, и в детях. Знала и греческую и римскую словесность, пела и плясала искуснее, чем надобно порядочной женщине, умела и многое иное из того, что служит распущенности и пышности. Никого и ничто не ценила она столь низко, как приличие и целомудрие. Что берегла она меньше — деньги или доброе имя, — решить было не просто. Похоть жгла ее так сильно, что чаще она домогалась мужчин, чем наоборот. Нередко и до того нарушала она слово, ложной клятвой отпиравшись от долга, бывала соучастницею в убийстве. Роскошь и нужда тянули ее в бездну. За всем тем она была прекрасно одарена — могла сочинять стихи, колко шутить, вести беседу то скромно, то мягко, то вызывающе, одним словом, отличалась и прелестью, и остроумием.

XXVI. Несмотря на свои приготовления, Катилина все же решил искать консульства на следующий год — в надежде, что, если будет избран, легко и полностью подчинит себе Антония. На этом, однако же, он не успокоился, но все пустил в ход, чтобы известить Цицерона. Впрочем, и Цицерону не надо было занимать хитрости и ловкости для успешной защиты. Еще в самом начале своего консульства он через Фульвию вошел в сношения с Квинтом Курием, которого я упоминал немного выше, и тот, в обмен на щедрые обещания, выдал ему планы Катилины. Вдобавок уго-

вором насчет провинции он побудил Антония, своего товарища по должности, отказаться от враждебных государству намерений. Себя же он окружил тайной охраною из друзей и клиентов. Когда пришел день выборов и Катилина потерпел неудачу и в притязаниях своих на должность, и в покушении на консулов, которое должно было состояться прямо на Поле¹⁰, он решил воевать в открытую и ни перед чем не останавливаться, потому что все тайные его попытки исход имели скверный и позорный. <...>

[Заговор Катилины терпит провал. Сам Катилина бежит из Рима в Этрурию, где сосредоточены силы его сторонников. Участники заговора, оставшиеся в городе, арестованы и казнены. Против восставших направлены правительственные войска. В заключительных главах описывается последнее сражение.]

LX. Тщательно все разведав, Петрей¹¹ подает знак трубою, и когорты медленно начинают наступать; то же делает и неприятельское войско. Когда сходятся настолько, что застрельщики могут завязать бой, враги сшибаются с оглушительным криком. Копья отброшены, рубятся мечами. Старые воины, вспомнив былую доблесть, яростно насаждают в рукопашной схватке; противник мужественно обороняется; битва кипит ключом. Катилина с легковооруженными все время в первых рядах — летит на помощь ослабевшим, зовет свежих бойцов на место раненых, повсюду поспевает, сам бьется без отдыха, сражает многих, исполняя долг и храброго солдата, и хорошего полководца одновременно. Когда Петрей видит, что Катилина, вопреки его ожиданиям, яростно сопротивляется, он бросает в середину вражеского строя преторскую когорту, сеет ужас и истребляет порознь, поодиночке тех, кто еще продолжает борьбу. Потом наносятся удары в оба фланга. Манлий и фезуланец гибнут, сражаясь меж самыми первыми. Катилина, убедившись, что войско его разбито и уцелела лишь горсть людей вокруг него самого, не забывает о своем происхождении и прежнем достоинстве — он кидается в гущу неприятеля и падает в схватке, пронзенный насквозь.

LXI. Но только по окончании битвы, только тогда можно было увидеть, какая отвага и сила духа были в войске Катилины. Чуть ли не каждый покрыл бездыханным телом то самое место, какое занял в начале сражения. Лишь немногие, стоявшие в середине, ко-

торых разметала преторская когорта, лежали несколько поодаль, но и те, все до одного — поверженные ударом в грудь. Самого Катилину нашли среди вражеских трупов далеко от своих; он еще дышал, и лицо по-прежнему изображало всегдашнюю неукротимость, которая отличала его при жизни. Из целого войска ни в битве, ни в бегстве ни одного полноправного гражданина захвачено не было: так мало — наравне с неприятельскою — щадили все они собственную жизнь. Впрочем, и войску римского народа победа досталась не радостная, не бескровная. Самые храбрые либо пали в бою, либо получили тяжелые раны. Многие выходили из лагеря — просто любопытствуя или чтобы обобрать убитых — и, переворачивая трупы противников, узнавали, кто друга, кто гостеприимца или родича; а некоторые встречались со своими недругами. И разные чувства владели войском — радость и грусть, скорбь и ликование.

Примечания

¹ *Кир Старший* (VI в. до н. э.) — основатель персидской державы. ² *Луций Корнелий Сулла* — римский политический деятель, принадлежавший к аристократической партии. После победы в 82 г. до н. э. над сторонниками вождя партии популяров Гая Мария был провозглашен пожизненным диктатором и стал фактически неограниченным правителем Рима. ³ Имеются в виду сенаторы. ⁴ Речь идет об эфирском царе Пирре, разбитом римлянами в 275 г. до н. э., сирийском царе Антиохе III Великом, потерпевшем поражение от римлян в 188 г. до н. э., македонском царе Персее, разгромленном в 168 г. до н. э., понтийском царе Митридатe, над которым римляне одержали победу в 68 г. до н. э. ⁵ Карфаген был разрушен римлянами в 146 г. до н. э. ⁶ *Доброе начало* — успешное ведение войны с нумидийским царем Югуртой. *Худой исход* — массовое убийство политических противников, осуществленное Суллой и получившее название проскрипций [проскрипции — букв. объявления; списки людей, подлежащих уничтожению]. ⁷ Жрица Весты давала обет целомудрия. ⁸ *Гней Помпей* (106—48 г. до н. э.) — римский полководец и политический деятель. В 66 г. до н. э. командовал римскими войсками в борьбе против понтийского царя Митридата. ⁹ *Фезулы* — небольшой город на севере Италии. ¹⁰ *Поле* — Марсово поле, где происходили военные смотры и выборы (консулов, например). ¹¹ *Петрей* — Марк Петрей, легат, которому консул Антоний поручил командование в сражении с войском Катилины.

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА АВГУСТА

(2-я половина I в. до н. э. — начало I в. н. э.)

ПУБЛИЙ ВЕРГИЛИЙ МАРОН

(70—19 г. до н. э.)

Публий Вергилий Марон, выдающийся поэт Древнего Рима, родился в Андах (около г. Мантуи). Он изучал риторику и философию, учился у известного философа эпикурейской школы Сирона.

Литературная деятельность Вергилия начинается в 40-е годы до н. э. В это время он подражает неотеерикам, и в частности Катуллу (главным образом его «ученой поэзии»). В конце 40-х — начале 30-х годов Вергилий выпускает сборник, состоящий из десяти эклог — «Буколики», сразу сделавший его известным поэтом. В этом сборнике Вергилий, опираясь на традицию буколической («пастушеской») поэзии, сформировавшейся в литературе эллинизма (см.: Феокрит «Идиллии»), создает особый жанр поэтической утопии с условными фигурами-масками пастухов, живущих в некоей идеальной буколической стране — Аркадии. Они поглощены любовью и поэзией, не стремятся ни к богатству, ни к власти. В эпоху гражданских войн этот условный мир явился выражением мечты поэта о счастье. Но уже в «Буколиках» звучат мотивы официальной идеологии — обожествление принцепса. После появления «Буколик» Вергилий сближается с покровителем римских поэтов, приближенным Августа Меценатом, став вскоре главой его литературного кружка. В течение 30-х годов он создает большую дидактическую поэму, посвященную сельскому труду — «Георгики». Он прославляет в ней сельский труд, деревню как опору государства, стремится опозитизировать их, возбудить интерес к сельскому труду, что отвечало насущным потребностям политики Августа, стремившегося возродить сельское хозяйство Италии, разоренное гражданской войной. В «Георгиках» Вергилий выступает как убежденный и активный глашатай идей принципата.

Сразу же по окончании «Георгик» Вергилий принимается за работу над «Энеидой», героической поэмой, ставшей главным трудом его жизни. Он избрал сюжет о мифическом предке римлян — троянце Энее, сыне Венеры, сюжет, получивший распространение в Риме еще в III в. до н. э. и служивший целям утверждения величия Рима. В духе идеологии цезаризма Вергилий прославляет древние римские доблести и благочестие, воплощенные в образе главного героя. Напоминая, что Август является потомком Энея (род Юлиев, к которому принадлежал Октавиан, вел свое происхождение от Иула, сына Энея, а тем самым — от самой Венеры), Вергилий способствует утверждению положения о «божественности» принцепса, служившего важнейшей идеологической основой власти Августа.

Вергилий начал работу над «Энеидой» в 29 г. до н. э. и продолжал ее до самой смерти. Поэма осталась незаконченной.

«Энеида» стала классическим произведением уже для самих римлян: ее изучали в школах, ей подражали. Долгое время для европейских литератур она служила единственным (до знакомства с Гомером) образцом эпоса, оказала влияние на создание ряда эпических поэм Нового времени.

Переводы: СФМ

Сельские поэмы: Георгики. Буколики. М., 1933.

Энеида. М., 1933.

Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.

В «Антологии» отрывки приводятся по последнему изданию.

БУКОЛИКИ

Перевод С. Шервинского

Эклога I¹

Мелибей, Титир.

Мелибей

Титир, ты, лежа в тени широковетвистого бука,
Новый пастуший напев сочиняешь на тонкой
свирели, —

Мы же родные края покидаем и милые пашни,
Мы из отчизны бежим, — ты же учишь леса,
прохлаждаясь,

5 Имени вторить своей красавицы Амариллиды.

Титир

О Мелибей, нам бог² спокойствие это
доставил —

Ибо он бог для меня, и навек, — алтарь его часто
Кровью будет поить ягненок из наших овчарен.

Он и коровам моим пастись, как видишь,
позволил,

10 И самому мне играть, что хочу, на сельской
тростинке.

Мелибей

Нет, не завидую я, скорей удивляюсь: такая
Смута повсюду в полях. Вот и сам увожу я
в печали

Коз моих вдаль, и одна еле-еле бредет уже,
Титир,

В частом орешнике здесь она только что скинула
двойню,

15 Стада надежду, и — ах! — на голом оставила
камне.
Помнится, эту беду — когда бы я был
поумнее! —
Мне предвещали не раз дубы, пораженные
небом³.
Да, но кто же тот бог, однако, мне, Титир,
поведай.

Т и т и р

Глупому, думалось мне, что город, зовущийся
Римом,
20 С нашим схож, Мелибей, куда — пастухи — мы
обычно
Из году в год продавать ягнят народившихся
носим.
Знал я, что так на собак похожи щенки,
а козлята
На матерей, привык, что с большим меньшее
схоже.
Но меж других городов он так головою
вознесся,
25 Как над ползучей лозой возносятся ввысь
кипарисы.

М е л и б е й

Рим-то тебе увидеть что было причиной?

Т и т и р

Свобода⁴.
Поздно, но все ж на беспечность мою она
обратила
Взор, когда борода уж более при стрижке
спадала.
Все-таки взор обратила ко мне, явилась, как
только,
30 Амариллидой пленен, расстался я с Галатеей.
Ибо, пока, признаюсь, Галатея была мне
подругой,
Не было ни на свободу надежд, ни на долю
дохода.
Хоть и немало тельцов к алтарям отправляли
загоны,
Мы хоть и сочный творог для бездушного
города жали,

35 С полной пригоршней монет не случилось домой
воротиться.

Мелибей

Что, я дивился, богам ты печалишься,
Амариллида,
И для кого ты висеть оставляешь плоды
на деревьях?
Титира не было здесь! Тебя эти сосны, о Титир,
Сами тебя родники, сами эти кустарники звали.

Титир

40 Что было делать? Никак не выйти б иначе
из рабства.
Столь благосклонных богов я в месте ином не
узнал бы.
Юношу видел я там⁵, для кого, Мелибей,
ежегодно
Дней по дважды шести алтари наши дымом
курятся.
Вот какой он ответ просящему дал, не помедлив:
45 «Дети, пасите коров, как прежде, быков
разводите!»

Мелибей

Счастье тебе, за тобой под старость земля
остается —
Да и довольно с тебя, хоть пастбища все
окружает
Камень нагой да камыш, растущий на иле
болотном.
Не повлияет здесь корм непривычный на маток
тяжелых,
50 И заразить не сможет скота соседское стадо.
Счастье тебе, ты здесь на побережьях будешь
знакомых
Между священных ручьев наслаждаться
прохладною тенью.
Здесь, на границе твоей, ограда, где
беспрестанно,
В ивовый цвет залетя, гиблейские трудятся
пчелы⁶,
55 Часто легким ко сну приглашать тебя шепотом
будет.

Будет здесь петь садовод под высокой скалой,
на приволье.
Громко — любимцы твои — ворковать будут
голуби в роще,
И неустанно стенать на соседнем горлинка вязе.

Т и т и р

Ранее станут пастись легконогие в море олени,
60 И обнажившихся рыб на берег прибой
перебросит,
Раньше, в скитаньях пройдя родные пределы,
изгнанник
К А́рару⁷ парф испить подойдет, а к Тибру
германец,
Чем из груди у меня начнет исчезать его образ.

М е л и б е й

Мы же уходим — одни к истомленным жаждою
афрам,
65 К скифам другие; дойдем, пожалуй, до быстрого
Окса
И до британнов самих, от мира всего
отдаленных.
Буду ль когда-нибудь вновь любоваться
родными краями
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном
покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с
собственной нивы?
70 Полею, возделанным мной, завладеет вояка
безбожный,
Варвар — посевами, вот до чего злополучных
сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля
засевали?
Груши теперь, Мелибей, прививай, рассаживай
лозы!
Козы, вперед! Вперед, — когда-то счастливое
стадо!
75 Не полюбуюсь теперь из увитой листвою
пещеры,
Как повисаете вы вдалеке на круче тернистой,
Песен не буду я петь, вас не буду пасти, — без
меня вам

Дрок зацветший щипать и ветлу горьковатую,
kozy!

Т и т и р

Все ж отдохнуть эту ночь ты можешь вместе
со мною
80 Здесь на зеленой листве: у меня творога
изобилъе,
Свежие есть плоды, созревшие есть и каштаны.
Уж в отдаленье — смотри — задымились сельские
кровли,
И уж длиннее от гор вечерние тянутся тени.

Эклога VII

Мелибей, Коридон, Тирсис.

Мелибей

Как-то уселся в тени под лепечущим ильиком
Дафнис,
Тирсис меж тем с Коридоном стада воедино
собрали,
Тирсис — овец, а коз Коридон, молоком
отягченных, —
5 Оба в цветущей поре и дети Аркадии⁸ оба,
В пенье искусны равно, отвечать обоудно
готовы.
Тут, пока нежные я защищаю от холода мирты,
Стада вожак и супруг, козел затерялся, и тут же
Дафниса вижу, и он меня тоже приметил:
«Скорее!
К нам подходи, Мелибей! Козел твой цел
и козлята!
10 Если свободен, присядь отдохнуть в прохладе, —
не бойся,
По лугу сами сойдут твои к водопою коровы.
Мягким здесь камышом зеленые кроет
прибрежья
Минций⁹, и пчел доносится гул из священного
дуба».
Как поступить? Под рукой ни Филлиды нет, ни
Алкиппы,
15 Кто бы ягнят без меня, от вымени отнятых,
запер.

Стадо умножишь мое, целиком ты из золота
будешь.

К о р и д о н

Ты, о Нереева дочь, Галатея¹³, гиблейского меда
Слаще, белей лебедей, плюща бледнолистого
краше.

Только лишь под вечер в хлев возвратятся, насы-
тятся, коровы.

40 О, приходи, если помнишь еще своего Коридона!

Т и р с и с

Пусть я горше тебе покажусь сардонийского¹⁴
сока,

Злее терновника, трав бесполезней, извергнутых
морем,

Ежели мне этот день не кажется длительней
года.

Сыты вы, к дому теперь! — имейте же совесть,
коровы!

К о р и д о н

45 Дремы приют, мурава, источники, скрытые
мохом,

Вы, земляничники, их осенившие редкою тенью,
В солнцестоянье стада защитите, — лето

подходит
Знойное, почки уже набухают на лозах обильных.

Т и р с и с

50 В доме у нас и очаг, и лучины смолистые; пламя
Жарко горит, косяки почернели от копоти
вечной.

Столько же дела нам здесь до зимнего холода,
сколько

Лютым волкам до скота иль до берега бурным
потокам.

К о р и д о н

Здесь можжевельник растет, каштаны
топорщатся рядом,

Всюду, опавши, плоды под своими лежат
деревями.

55 Все веселится кругом. Но если б красавец
Алексис

Горы покинул, тебе и поток бы сухим показался.

Тирсис

Высохло поле; трава, умирая от злобного зноя,
Жаждет. Лоза на холме напрасно о тени

тоскует, —
Зазеленеют леса с возвращением нашей

60 И благотворным дождем многократно прольется
Филлиды,
Юпитер.

Коридон

Любит Алкид¹⁵ тополя, а Вакх — виноградные
лозы,

Мирт — Венерой любим, а лавр — его
собственный — Фебом.

Любит Филлида орех, — пока его любит
Филлида,

Не пересилить его ни мирту, ни фебову лавру.

Тирсис

65 Вяз прекрасен в лесу, сосна — украшение сада,
Тополь растет у реки, а ель на высоких нагорьях,
Если бы чаще со мной ты, Ликид прекрасный,
видался,
Вяз бы лесной с садовой сосной тебе уступили!

Мелибей

Помню я все, — и как Тирсис не мог,
побежденный, бороться.

70 С этого времени стал для нас Коридон —
Коридоном.

Эклога IX

Ликид, Мерис.

Ликид

Мерис, куда тебя ноги несут? Направляешься
в город?

Мерис

Вот чего мы, Ликид, дождались: пришлец,
завладевший

Нашей землицей, — чего никогда я досель
не боялся, —

«Это мое, — нам сказал, — уходите, бывшие
владельцы!»

- 5 В горести выгнанный вон, — до чего ж
переменчиво счастье! —
Этих козлят я несу для него же — будь ему
пусто!

Л и к и д

- Всё ж говорят, и не зря, что оттуда, где
начинают
К нашей равнине холмы спускаться отлогим
наклоном,
Вплоть до реки и до тех обломанных бурею
буков
10 Песнями землю свою ваш Меналк сохранил
за собою.

М е р и с

- Правду, Ликид, сказали тебе, — но, при звоне
оружья,
Песни мои не сильнее голубей, когда, по
рассказам,
На хаонийских¹⁶ полях почуют орла
приближенье.
Да, когда б из дупла, прокаркав слева, ворона
15 Не повелела мне впредь не пускаться в новые
тяжбы,
Больше ни Мерису здесь не жить бы, ни даже
Меналку.

Л и к и д

- Кто же надумал, увы, такое злодейство?
С тобою
Лучшей утехи своей мы едва, о Меналк,
не лишились!
Нимф кто пел бы у нас? Кто землю травой
и цветами
20 Стал бы здесь устилать, родники укрывал бы
листвою;
Песни бы пел, какие на днях у тебя я
подслушал, —
К Амариллиде как раз ты спешил, к моему
наслажденью:
«Титир, пока я вернусь, попаси моих коз, — я
не долго.

- 25 А наедятся — ве́ди к водопо́ю. Когда же обратно
Буде́шь и́дти, бере́гись, не встре́ться
с ко́злом — он бо́дучий!»

М е р и с

Лучше споем, что Ва́ру¹⁷ он пе́л, е́ще не отде́лав:
«И́мя, о Ва́р, твое — ли́шь бы Ма́нтуя на́шей
остала́сь,
Ма́нтуя, сли́шком, увы, к Кре́моне бли́зкая
бе́дной, —
В пе́снях сво́их возно́сить до созве́здий лебе́ди
буду́т!»

Л и к и д

- 30 Пу́сть же пчелы́ твои́ кирне́йских¹⁸ тисо́в
избе́гнут!
Пу́сть же дро́к и коро́в насы́тит, что́б вы́мя
наду́лось!
Е́сли что е́сть, начи́най! И ме́ня Пи́ериды¹⁹
поэ́том
Сде́лали, и у ме́ня е́сть пе́сни; ме́ня на́зывают
То́же пе́вцом па́стухи, — да не о́чень я им
дове́ряю:
35 Зна́ю, что пе́сни мои́ недо́стойны Ва́рия
с Ци́нной²⁰ —
Пра́во, как гу́сь го́гочу посре́ди лебе́диного
пе́нья.

М е р и с

- Молча, Ли́кид, в уме́ я пе́сни пере́бираю,
Вспомни́ть смо́гу ли, — о́дна все́ ж е́сть досто́йная
пе́сня:
«О Га́латея, при́ди! В волна́х ка́кая заба́ва?
40 Зде́сь за́пестрела́ весна́, зе́мля возле́ рек
рассы́пает
Мно́жество разны́х цвето́в; серебри́стый вы́ситя
топо́ль
Возле́ пе́щеры, ша́тром за́плета́ются ги́бкие
ло́зы.
О при́ходи! Пу́сть волны́, я́рся, уда́ряются
в бере́г!»

Л и к и д

А не про́петь ли на́м то, что, по́мнится, я́сною
но́чью

- 45 Пел ты один? Я знаю напев, — слова бы
припомнить!
«Дафнис²¹, зачем на восход созвездий смотришь
ты вечных?
Цезаря ныне взошло светило, сына Дионы²²,
То, под которым посев урожаем обрадован
будет,
И на открытых холмах виноград зарумянится
дружно.
- 50 Груши, Дафнис, сажай — плоды пусть внуки
срывают!»

М е р и с

- Всё-то уносят года, — и память. Бывало, нередко,
Мальчиком целые дни проводил я, помню,
за пеньем.
Сколько я песен забыл! Сам голос Мериса ныне
Уж покидает его. Онемел я от волчьего взгляда.
- 55 Все же ты песни мои от Меналка нередко
услышишь.

Л и к и д

- Мерис, так говоря, ты мои лишь удвоил
желанья.
Ради тебя приумолкла вода и не движется; ветры
Стихли. Только взгляни — совсем не колеблется
воздух.
Здесь как раз полпути до города. Вон Бианора²³
60 Холм погребальный уже показался. Тут, где
селяне
Лоз прорезают листву, давай припоем свои
песни!
Рядом козлят положи. Мы вовремя в город
поспеем.
А коли страшно, что ночь нагонит дождя до
прихода
В город, можем идти мы и петь — так легче
дорога.
- 65 А чтоб идти нам и петь, тебя я избавлю от
ноши.

М е р и с

Нет, мальчуган, перестань: сперва неотложное
справим.
А как Меналк подойдет, тогда и споем на досуге.

Книга первая

- Как урожай счастливый собрать, под какою
звездою
Землю пахать, Меценат, и к вязам подвязывать
лозы
Следует, как за стадами ходить, каким
попеченьем
Скот разводить и каков с бережливыми
пчелами опыт,
5 Стану я здесь воспевать. Ярчайшие светочи
мира,
Вы, что по кругу небес ведете бегущие годы,
Либер¹ с Церерой² благой! Через ваши деяния
почва
Колосом тучным смогла сменить Хаонии желудь
И обретенным вином замешать Ахелоевы
чаши³!
- 10 Также и вы, для селян божества благодатные,
фавны!
С фавнами вместе сюда приходите, о девы
дриады!
Ваши дары я пою. И ты, кто ударом трезубца
Из первозданной земли коня трепетавшего
вывел,
Грозный Нептун! И ты, покровитель урочищ⁴,
где щиплют
- 15 Триста коров белоснежных траву среди зарослей
Кеи⁵!
Рощи покинув свои, Ликейя тенистые склоны,
Пан⁶, блюститель овец, приди, коли помнишь
свой Мёнал,
Будь благосклонен ко мне, о тегеец⁷! Минерва,
маслину
Нам подарившая! Ты, о юноша⁸, нам
показавший
- 20 Плуг, и Сильван⁹, кипарис молодой несущий
с корнями!
Боги, богини! Вы все, которых о поле забота!
Вы, что питаете плод, чье было не сеяно семя,
Вы, что обильно с небес дождем поливаете
всходы!

- Ты, наконец, — как знать, какие собрания
бессмертных
- 25 Вскоре воспримут тебя, — города ли увидеть,
о Цезарь¹⁰,
Иль все пределы земли пожелаешь, иль целой
вселенной,
Ты, как земных податель плодов и властитель
погоды,
Будешь смертными чтим, материнским
увенчанный миртом?
Станешь ли богом морей беспредельных, и чтить
мореходы
- 30 Будут тебя одного, покоришь ли ты крайнюю
Фулу¹¹,
Куплен ли будешь в зятя Тефидой¹² за все ее
воды,
Новой примкнешь ли звездой к медлительным
месяцам лета
Меж Эригоной¹³ и к ней простертыми сзади
Клешнями¹⁴?
Их Скорпион пламенеющий сам добровольно
отводит,
- 35 Освобождая тебе в небесах пространства
избыток.
Кем ты ни будь (назвать царем тебя Тартар¹⁵
не смеет,
Ты не сгораешь и сам столь сильною жаждою
власти,
Хоть Элизийским полям¹⁶ дивятся исстари
греки,
И не спешит выходить Прозерпина¹⁷ на зов
материнский),
- 40 Легкий даруй нам ход, начинаньям способствуй
отважным
И, пожалев поселян, еще не знакомых с дорогой,
Нас предводи, наперед призывания наши
приемля. <...>

Книга вторая

<...> Но ни мидийцев земля, что всех богаче
лесами,
Ни в красоте своей Ганг, ни Герм¹⁸ от золота
мутный,

- Все же с Италией пусть не спорят; ни Бактрия
 с Индом,
 Ни на песчаных степях приносящая ладан
 Панхайя ¹⁹.
- 140 Пусть не вспахали быки, огонь выдыхая
 ноздрями,
 Эти места, и зубов тут не сеяно Гидры свирепой,
 Дроты и копья мужей не всходили тут частою
 нивой ²⁰, —
 Но, наливаясь, хлеба и Вакха массийская влага ²¹
 Здесь изобильны, в полях и маслины, и скот
 в приизбытке.
- 145 Здесь и воинственный конь выходит на поле
 гордо.
 Белы твои, о Клитумн ²², стада, постоянно
 омыты
 Влагой священной твоей, а бык, драгоценная
 жертва,
 Римским триумфам не раз до божьих
 сопровождал храмов.
- 150 Здесь неизменно весна и лето во время любое,
 Дважды приплод у отар, и дважды плоды на
 деревьях.
 Хищных тигров тут нет, ни львиного злого
 потомства,
 Здесь собирателей трав аконит ²³ не обманет
 злосчастных,
 Нет и чешуйчатых змей, огромные кольца
 влачащих
 И, проползая тайком, вращающих тело
 спиралью.
- 155 Столько отменных прибавь городов и труд
 созиданья,
 Столько по скалам крутым твердынь, людьми
 возведенных,
 Столько под скалами рек, обтекающих древние
 стены!
 Море напомним ли, к ней подступившее справа
 и слева?
 Множество разных озер; напомним ли Ларий ²⁴
 обширный
- 160 Или тебя, о Бенак ²⁵, как море, вздымающий
 волны?
 Упомяну ли еще о портах и молах Лукрина ²⁶

- Или о море, что, вдаль плотиной отогнано
 В негодование шумит и у гавани Юлия ропшет,
 А закипевший Тиррен²⁷ вливается в воды
 Аверна²⁸?
- 165 Не у нее ли ручьи серебра и залежи меди
 В недрах, течет не она ль изобильно золотом
 чистым?
 Крепких она и мужей, сабинских потомков
 и марсов,
 И лигурийцев, трудом закаленных, и с копьями
 вольсков
 Родина, Дециев всех и Мариев, сильных
 Камиллов,
- 170 И Сципионов²⁹, столпов войны, и твоя,
 достославный
 Цезарь, который теперь победительно в Азии
 дальней
 Индов, робких на брань, от римских твердынь
 отвращает.
 Здравствуй, Сатурна земля³⁰, великая мать
 урожаяв!
 Мать и мужей! Для тебя в искусство славное
 древних
- 175 Ныне вхожу, приоткрыть святыне пытаюсь истоки.
 <...>

- Трижды блаженны — когда б они счастье свое
 сознавали! —
 Жители сел. Сама, вдалеке от военных усобиц,
 460 Им справедливо земля доставляет нетрудную
 пищу.
 Пусть из кичливых сеней высокого дома
 не хлынет
 К ним в покои волна желателей доброго утра³¹,
 И не дивятся они дверям в черепаховых вставках,
 Золотом тканых одежд, эфирейской бронзы³²
 не жаждут;
 465 Пусть их белая шерсть ассирийским не крашена
 ядом³³,
 Пусть не портят они оливковых масел корицей, —
 Верен зато их покой, их жизнь простая надежна.
 Всем-то богата она! У них и досуг и приволье,
 Гроты, озер полнота и прохлада Темпейской
 долины³⁴,

- 470 В поле мычанье коров, под деревьями сладкая
дрема, —
Все это есть. Там и рощи в горах, и логи
со зверем;
Трудолюбивая там молодежь, довольная малым;
Вера в богов и к отцам уваженье. Меж них
Справедливость,
Прочь с земли, уходя, оставила след свой
последний.
- 475 Но для себя я о главном прошу: пусть милые
Музы,
Коим священно служу, великой исполнен
любовью,
Примут меня и пути мне покажут небесных
созвездий,
Муку луны изъяснят и всякие солнца затмения.
Землетрясения отколь; отчего вздымается море,
- 480 После ж, плотины прорвав и назад отступив,
опадает;
И в океан почему погрузиться торопится солнце
Зимнее; что для ночей замедленных встало
препоной.
Пусть этих разных сторон природы ныне
коснуться
Мне воспрепятствует кровь, уже мое сердце
не грея, —
- 485 Лишь бы и впредь любить мне поля, где льются
потоки,
Да и прожить бы всю жизнь по-сельски, не зная
о славе,
Там, где Сперхий, Тайгет ³⁵, где лакедемонские
девы
Вакха славят! О, кто б перенес меня к свежим
долинам
Гема и приосенил ветвей пространную тенью!
- 490 Счастливы те, кто вещей познать сумели основы,
Те, кто всяческий страх и Рок, непреклонный
к молениям,
Смело повергли к ногам, и жадного шум
Ахеронта.
Но осчастливлен и тот, кому сельские боги
знакомы, —
Пан, и отец Сильван, и нимфы, юные сестры.
- 495 Фасци ³⁶ — народная честь — и царский его
не волнует

- Пурпур, или раздор, друг на друга бросающий
 братьев;
 Или же дак ³⁷, что движется вниз, от союзника
 Истра;
 Рима дела и падения царств его не тревожат.
 Ни неимущих жалеть, ни завидовать счастью
 имущих
 Здесь он не будет. Плоды собирает он, дар
 500 Нив и ветвей; он чужд законов железных;
 Форум ему незнаком, он архивов народных
 не видит.
 Тот веслом шевелит ненадежное море, а этот
 Меч обнажает в бою иль к царям проникает
 в чертоги.
 505 Третий крушит города и дома их несчастные,
 Из драгоценностей пить и спать на сарранском
 багрянце ³⁸.
 Прячет богатства иной, лежит на закопанном
 кладе;
 Этот в восторге застыл перед рострами ³⁹; этот
 Плеском скамей, где и плебс, и отцы ⁴⁰,
 в изумленье разинул
 510 Рот; приятно другим, облившись братскою
 кровью,
 Милого дома порог сменить на глухое изгнание,
 Родины новой искать, где солнце иное сияет.
 А земледелец вспахал кривым свою землю
 оралом, —
 Вот и работы на год! Он родине этим опора,
 515 Скромным пенатам своим, заслужённым волам
 и коровам.
 Не отдохнешь, если год плодов еще не дал
 обильных,
 Иль прибавленья скоту, иль снопов
 из Церериных злаков,
 Не отягчил урожаем борозд и амбаров не ломит.
 Скоро зима. По дворам сикионские ягоды ⁴¹
 дают.
 520 Весело свиньи бредут от дубов. В лесу —
 земляничник.
 Разные осень плоды роняет с ветвей,

- На высоких,
 Солнцу открытых местах виноград припекается
 сладкий.
 Милые льнут между тем к отцовским объятиям
 дети.
 Дом целомудренно чист. Молоком нагруженное,
 туго
- 525 Вымя коровье. Козлы, на злачной сойдысь
 луговине,
 Сытые, друг против друга стоят и рогами
 дерутся.
 В праздничный день селянин отдыхает, в траве
 развалившись, —
 Посередине костер, до краев наполняются чаши.
 Он, возливая, тебя, о Лене⁴², призывает.
 На вязе
- 530 Вешают тут же мишень, пастухи в нее дротики
 мечут.
 Для деревенской борьбы обнажается грубое тело.
 Древние жизнью такой сабиняне жили когда-то,
 Так же с братом и Рем. И стала Этрурия
 мощной.
 Стал через это и Рим всего прекраснее в мире, —
- 535 Семь своих он твердынь крепостной опоясал
 стеною.
 Раньше, чем был у царя Диктейского⁴³ скипетр,
 и раньше,
 Чем нечестивый стал род быков для пиров своих
 резать,
 Жил Сатурн золотой на земле подобною
 жизнью.
 И не слыхали тогда, чтобы труб надувались
 гортани,
 Чтобы ковались мечи, на кремневых гремя
 наковальнях.
 <...>

Книга четвертая

- Ну же, вперед! Изложу, какие свойства
- 150 Пчелам сам даровал в награду за то, что за
 Юпитер
 шумом куретов⁴⁴, за их громкозвучной
 звонким
 последовав медью,

Неба владыку они воскормили в пещере
Диктейской.

Общих имеют детей лишь они, и
дома-общезитъя

В городе; жизнь их идет в подчинении строгим
законам.

155 Родину знают они и своих постоянных пенатов.
Помня о близкой зиме, работают пчелы

усердно
Летом, в общей казне храня, что трудом
пособрали.

О пропитанье одни заботятся и, по согласью,
Делают дело в полях; другие внутренность дома

160 Мажут нарцисса слезой и клейкой древесной
смолою,

Этим для сот основанья кладут, чтоб после
привесить

Крепко держащийся воск; иные молоденьких
учат,

Улья надежду; меж тем иные сгущают
прозрачный

Мед и кельи свои наполняют нѣктаром жидким.

165 Есть и такие меж них, чей удел быть стражем
у двери:

В очередь эти следят за дождем и за тучами
в небе;

От прилетающих груз принимают; иль, войском
построясь,

Трутней от ульев своих отгоняют,— ленивое
стадо.

Дело кипит, чабрецом отзывается мед
благовонный.

170 Так и циклопы: одни куют из податливой глыбы
Молнии, воздух меж тем другие вбирают мехами

И выдувают опять; иные же звонкую в воду
Медь погружают и вся гудит наковальнями

Этна.
Мощным движеньем они поднимают в очередь
руки,

175 Переворачивают с бока на бок железо щипцами.
Так и кекроповых пчел,— коль великое

сравнивать с малым,—
Всех обрекает на труд прирожденная страсть

к накопленью,—

- Разных по-разному: тем, кто постарше, забота
 об улье,
 Об укреплении сот, о строеньи дедаловых
 зданий⁴⁵.
- 180 Те, что моложе, устав от трудов, уже позднюю
 ночью
 Чобр на лапках несут; берут с земляничника
 тоже,
 С голубоватой ветлы, с лаванды и сальвии
 красной,
 С липы богатой берут, с гиацинтов железного
 цвета.
 Отдых от дел одинаков у всех, и труд
 одинаков.
- 185 Утром из двери валят, и нет запоздавших;
 а после,
 В час, когда Веспер⁴⁶ велит наконец с полей
 удалиться,
 Сбор прекратив, прилетают домой и холятся
 в ульях.
 Шум раздается, жужжат по краям и порогам
 жилища.
 После ж, по спальням когда расположатся, все
 замолкает
- 190 На ночь, и нужный им сон объемлет усталые
 члены.
 Если же дождик навис, они от жилища далеко
 Не отлетают; коль Эвр грозит, не верят погоде,
 Рядом, у стен городских, осторожные, по воду
 ходят,
 Лишь на короткий полет решаясь; и камешки
 часто
- 195 (Так при волне неустойчивый челн песком
 нагружают)
 В лапках несут и качаясь, летят средь бездны
 пустынной.
 Ты удивишься, как жизнь подобная по сердцу
 пчелам!
 Плотский чужд им союз; не истощают любовью
 Тел своих, не рожают детей в усилиях тяжких.
- 200 Новорождённых они со сладких злаков и листьев
 Ртом берут, назначают царя и
 малюток-квиритов,
 Строят сызнова двор и все царство свое
 восковое.

- Часто стирали они, по жесткому ползая щебню,
Крылья,— и душу свою отдавали охотно под
ношей.
- 205 Вот что за тяга к цветам, что за честь собрание
меда!
Так, хоть у них у самих ограниченный возраст
и вскоре
Их обрывается жизнь (до седьмого не выжить им
лета),
Все ж остается их род бессмертным, и многие
годы
Дом Фортуна хранит, и предки числятся предков.
- 210 Так царя своего ни в Египте не чтут, ни
в обширной
Лидии, ни у парфян, ни на дальнем Гидаспе
мидийском⁴⁷.
Ежели царь невредим, живут все в добром
согласье,
Но лишь утратят его, договор нарушается, сами
Грабят накопленный мед и сотов рушат вошину.
- 215 Он — охранитель их дел; ему все дивятся и
с шумом
Густо теснятся вокруг; сопутствуют целой
толпою,
Носят нередко его на плечах, защищают
в сраженьи
Телом своим и от ран прекрасную смерть
обретают.
- Видя такие черты, наблюдая такие примеры,
220 Многие думали: есть божественной сущности
доля
В пчелах, дыханье небес, потому что бог
наполняет
Земли все, и моря, и эфирную высь, — от него-то
И табуны, и стада, и люди, и всякие звери,
Все, что рождается, берет тончайшие жизни
частицы
- 225 И, разложившись, опять к своему возвращает
истоку.
Смерти, стало быть, нет — взлетают вечно живые
К сонму сияющих звезд и в горнем небе селятся.
<...>

Книга первая

- Битвы и мужа пою, кто в Италию первым
из Трои —
Роком ведомый беглец — к берегам приплыл
Лавинийским¹.
Долго его по морям и далеким землям бросала
Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.
5 Долго и войны он вел, — до того как, город
построив,
В Лаций богов перенес, где возникло племя
латинян,
Города Альбы² отцы и стены высокого Рима.
Муза, поведай о том, по какой оскорбилась
причине
Так царица богов³, что муж, благочестием
славный,
10 Столько по воле ее претерпел превратностей
горьких,
Столько трудов. Неужель небожителей гнев так
упорен?
Город древний стоял — в нем из Тира выходцы
жили,
Звался он Карфаген — вдалеке от Тибрского
устья,
Против Италии; был он богат и в битвах
бесстрашен.
15 Больше всех стран, говорят, его любила Юнона,
Даже и Самос⁴ забыв; здесь ее колесница
стояла,
Здесь и доспехи ее. И давно мечтала богиня,
Если позволит судьба, средь народов то царство
возвысить.
Только слыхала она, что возникнет от крови
тroyанской
20 Род, который во прах ниспровергнет тирийцев
твердыни.
Царственный этот народ, победной гордый
войною,
Ливии гибель неся, придет: так Парки судили.
Страх пред грядущим томил богиню и память
о битвах

- Прежних, в которых она защищала любезных
аргивян⁵.
- 25 Ненависть злая ее питалась давней обидой,
Скрытой глубоко в душе: Сатурна дочь⁶
не забыла
Суд Париса, к своей красоте оскорбленной
презренье,
И Ганимеда почет⁷, и царский род ненавистный.
Гнев ее не слабел; по морям бросаемых
тевкров⁸,
- 30 Что от данайцев спаслись и от ярости грозной
Ахилла,
Долго в Лаций она не пускала, и многие годы,
Роком гонимы, они по волнам соленым
блуждали.
Вот сколь огромны труды, положившие Риму
начало.
- Из виду скрылся едва Сицилии берег, и море
- 35 Вспенили медью они, и радостно подняли парус,
Тотчас Юнона, в душе скрывая вечную рану,
Так сказала себе: «Уж мне ль отступить,
побежденной?
Я ль не смогу отвратить от Италии тевкров
владыку?
Пусть мне судьба не велит! Но ведь сил достало
Палладе
- 40 Флот аргивян спалить, а самих потопить их
в пучине
Всех за вину одного Оилеева сына Аякса⁹?
Быстрый огонь громовержца сама из тучи
метнула
И, разбросав корабли, вскслыхнула ветрами
волны.
Сам же Аякс, из пронзенной груди огонь
выдыхавший,
- 45 Вихрем вынесен был и к скале пригвожден
островерхой.
Я ж, царица богов, громовержца сестра
и супруга,
Битвы столько уж лет веду с одним лишь
народом!
Кто же станет теперь почитать величье Юноны,
Кто, с мольбой преклонясь, почтит алтарь мой
дарами?»

- 50 Так помышляя в душе, огнем обиды объята,
В край богиня спешит, ураганом чреватый
и бурей:
Там, на Эолии, царь Эол в пещере обширной
Шумные ветры замкнул и друг другу враждебные
вихри, —
Властью смилив их своей, обуздав тюрьмой
и цепями.
- 55 Ропщут гневно они, и горы рокотом грозным
Им отвечают вокруг. Сидит на вершине
скалистой
Сам скиптродержец Эол и гнев их душ
укрошает:
Иначе б море с землей и своды высокие неба
В бурном порыве смели и развеяли в воздухе
ветры.
- 60 Но всемогущий Отец заточил их в мрачных
пещерах,
Горы поверх взгромоздил и, боясь их злобного
буйства,
Дал им владыку-царя, который, верен условию,
Их и сдержать, и ослабить узду по приказу
умеет.
- Стала Эола молить Юнона такими
словами:
- 65 «Дал тебе власть родитель богов и людей
повелитель
Бури морские смирять или вновь их вздымать
над пучиной.
Ныне враждебный мне род плывет по волнам
Тирренским,
Морем в Италию мча Илион и сраженных
пенатов.
Ветру великую мощь придай и обрушь на корму
им,
- 70 Врозь разбросай корабли, рассеяй тела
по пучинам!
Дважды семеро нимф, блистающих прелестью
тела,
Есть у меня, но красой всех выше Деиопея.
Я за услугу твою тебе отдам ее в жены,
Вас на все времена нерушимым свяжу я союзом,
- 75 Чтобы прекрасных детей родителем стал ты
счастливым».
- Ей отвечает Эол: «Твоя забота, царица,

- Знать, что ты хочешь, а мне надлежит исполнять
повеленья.
Ты мне снискала и власть, и жезл, и Юпитера
милость,
Ты мне право даешь возлежать на пирах
у всевышних,
80 Сделав меня повелителем бурь и туч
дожденосных». Вымолвив так, он обратным концом копья
ударяет
В бок пустотелой горы, — и ветры уверенным
строем
Рвутся в отверстую дверь и несутся вихрем над
сушей.
На море вместе напав, до глубокого дна
возмущают
85 Воды Эвр, и Нот, и обильные бури несущий
Африк¹⁰, вздувая валы и на берег бешено
мча их.
Крики троянцев слились со скрипом снастей
корабельных.
Тучи небо и день из очей похищают внезапно,
И непроглядная ночь покрывает бурное море.
90 Вторит громам небосвод, и эфир полыхает
огнями,
Близкая верная смерть отовсюду мужам
угрожает.
Тело Энею сковал внезапный холод. Со стоном
Руки к светилам воздев, он молвит голосом
громким.
«Трижды, четырежды тот блажен, кто
под стенами Трои
95 Перед очами отцов в бою повстречался
со смертью!
О Диомед, о Тидид¹¹, из народа данайцев
храбрейший!
О, когда бы и мне довелось на полях илионских
Дух испустить под ударом твоей могучей
десницы,
Там, где Гектор сражен Ахилла копьем, где
огромный
100 Пал Сарпедон¹², где так много несло
Симоента¹³ теченье
Панцирей, шлемов, щитов и тел троянцев
отважных!»

Так говорил он. Меж тем ураганом ревущая
буря
Яростно рвет паруса и валы до звезд воздымает.
Сломаны весла; корабль, повернувшись, волнам
подставляет

- 105 Борт свой; несется вослед крутая гора водяная.
Здесь корабли на гребне волны, а там
расступились
Воды, дно обнажив и песок взметая клубами.
Три корабля отогнав, бросает Нот их на скалы
(Их италийцы зовут Алтарями, те скалы средь
моря, —
- 110 Скрытый в пучине хребет), а три относит
свирепый
Эвр с глубин на песчаную мель (глядеть на них
страшно),
Там разбивает о дно и валом песка окружает.
Видит Эней: на корабль, что вез ликийцев¹⁴
с Оронтом,
Падает сверху волна и бьет с неслыханной силой
- 115 Прямо в корму и стремглав уносит кормчего
в море.
Рядом корабль другой повернулся трижды
на месте,
Валом гоним, и пропал в воронке водоворота.
Изредка видны пловцы средь широкой пучины
ревущей,
Доски плывут по волнам, щиты, соковища
Трои.
- 120 Илионея корабль и Ахата прочное судно,
То, на котором Абант, и то, где Алет
престарелый¹⁵, —
Все одолела уже непогода: в трещинах днища,
Влагу враждебную внутрь ослабевшие швы
пропускают.

Слышит Нептун между тем, как шумит
возмущенное море,

- 125 Чует, что воля дана непогоде, что вдруг
Воды до самых глубин, — и в тревоге тяжкой,
Царство свое обозреть, над волнами он голову
поднял.

- Видит: Энея суда по всему разбросаны морю,
Волны троянцев гнетут, в пучину рушится небо.
- 130 Тотчас открылись ему сестры разгневанной
козни.
- Эвра к себе он зовет и Зефира и так
говорит им:
«Ветры! Уверены все, что все дозволено роду
Вашему? Как вы могли, моего не спросив
изволенья,
Небо с землею смешать и поднять такие
громады?
- 135 Вот я вас! А теперь пусть улягутся пенные
волны, —
Вы же за эти дела наказаны будете строго!
Мчитесь скорее и вашему господину скажите:
Жребию мне вручены над морями власть
и трезубец,
Мне — не ему! А его владенья — тяжкие скалы,
- 140 Ваши, Эвр, дома. Так пусть о них и печется
И над темницей ветров Эол господствует
прочной».
- Так говорит он и вмиг умиряет смятенное
море,
Туч разгоняет толпу и на небо солнце выводит.
С острой вершины скалы Тритон с Кимотоей¹⁶
столкнули
- 145 Мощным усиьем суда, и трезубцем их бог
поднимает,
Путь им открыв сквозь обширную мель
и утишив пучину,
Сам же по гребням валов летит на легких
колесах.
- Так иногда средь огромной толпы возникает
внезапно
Бунт, безродная чернь, ослепленная гневом,
мятется.
- 150 Факелы, камни летят, превращенные буйством
в оружие,
Но лишь увидят, что муж, благочестьем и
доблестью славный,
Близится, — все обступают его и молча внимают
Слову, что вмиг смягчает сердца и душами
правит.
- Так же и на море гул затих, лишь только
родитель,

155 Гладь его обозрев, пред собою небо очистил
И, повернув скакунов, полетел в колеснице
 послушной.

<...> В этот миг с высоты эфира Юпитер,
Парусолетных морей равнину, простертые земли

225 И племена обозрев, широко расселенные в мире,
Встал на вершине небес и на Ливии¹⁷ взгляд
 задержал свой.
Тут к Отцу, что в душе был таких забот
 преисполнен,
Грустная, слезы в глазах блестящих,— подходит
 Венера,

Молвит такие слова: «Над делами бессмертных
 и смертных»

230 Вечная власть тебе вручена и молнии стрелы,—
Чем виноват пред тобой мой Эней, о Родитель?
 Троянцы
Чем виноваты, скажи? Почему для них,
 претерпевших
Сколько утрат, недоступен весь мир, кроме стран
 Италийских?

Знаю: годы пройдут, и от крови Тевкра
 старинной

235 Там, в Италии, род победителей-римлян
 восстанет,
Будут править они полновластно морем
 и сушей,—
Ты обещал. Почему же твое изменилось
 решенье?

Видя Трои закат и крушение, я утешалась
Мыслью, что тевкров судьбу иная судьба
 перевесит.

240 Но и поныне мужей, испытавших столько
 страданий,
Та же участь гнетет. Где предел их бедам,
 властитель?

Мог ведь герой Антенор¹⁸, ускользнув из рук
 у ахейцев,
В бухты Иллирии¹⁹, в глубь Либурнского
 царства²⁰ проникнуть
И без вреда перейти бурливый источник
 Тимава²¹

245 Там, где, сквозь девять горл из глубин горы
 вырываясь,

Он попирает поля, многошумному морю
 подобен.
 Там Антенор основал Патавий — убежище
 тевкров,
 Имя племени дал и оружие Трои повесил;
 В сладостном мире теперь он живет, не зная
 тревоги.
 250 Мы же — потомство твое, нам чертог небесный
 сулил ты,
 Мы, потеряв корабли, из-за гнева одной лишь
 богини
 (Страшно молвить) вдали от Италии вновь
 оказались.
 Вот благочестью почет! Ты так нашу власть
 возрождаешь?»

Ей улыбнулся в ответ создатель бессмертных
 и смертных
 255 Светлой улыбкой своей, что с небес прогоняет
 ненастье,
 Дочери губ коснулся Отец поцелуем и молвил:
 «Страх, Киферия²², оставь: незыблемы судьбы
 троянцев,
 Обетованные — верь — ты узришь Лавиния стены.
 И до небесных светил высокó возвеличишь Энея
 260 Великодушного ты. Мое неизменно решение.
 Ныне тебе предреку, — ведь забота эта терзает
 Сердце твое, — и тайны судеб разверну пред
 тобою:
 Долго сраженья вести он в Италии будет,
 и много
 Сломит отважных племен, и законы
 и стены воздвигнет,
 265 Третье лето доколь не узрит, как он Лацием
 правит,
 Трижды зима не пройдет со дня, когда рул²³
 смиритсЯ.
 Отрок Асканий, твой внук (назовется он Юлом
 отныне, —
 Илом был он, пока Илионское царство
 стояло), —
 Властвовать будет, доколь обращенье луны
 не отмерит
 270 Тридцать великих кругов; перенесши из мест
 лавинийских

- Царства, могуществом он возвысит Долгую
Альбу.
В ней же Гекторов род, воцарясь, у власти
пребудет
Полных трижды сто лет, пока царевна и жрица
Илия двух близнецов не родит, зачатых
от Марса.
- 275 После, шкурой седой волчицы-кормилицы
гордый,
Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные
стены
Он возведет, и своим наречет он именем римлян.
Я же могуществу их не кладу ни предела,
ни срока,
Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона,
280 Страх пред которой гнетет и море, и землю,
и небо,
Помыслы все обратит им на благо, со мною
лелея
Римлян, мира владык, облаченное тогою племя.
Так я решил. Года пролетят, и время настанет:
Род Ассарака²⁴ тогда Микенами славными,
Фтией
- 285 Будет владеть и в неволе держать побежденных
аргивян.
Будет и Цезарь рожден от высокой крови
тройанской,
Власть ограничит свою Океаном, звездами —
славу,
Юлий — он имя возьмет от великого имени Юла,
В небе ты примешь его, отягченного славной
добычей
- 290 Стран восточных; ему воссылаться будут
молитвы.
Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях,
смягчится,
С братом Ремом Квирин²⁵, седая Верность
и Веста²⁶
Людьми законы дадут; войны проклятые двери
Прочно железо замкнет; внутри нечестивая
ярость,
- 295 Связана сотней узлов, восседая на груде оружия,
Станет страшно роптать, свирепая, с пастью
кровоавой».

Так он сказал и с небес посылает
 рожденного Майей²⁷,
 Чтоб Карфагена земля и новая крепость для
 тевкров
 Дверь отворила свою, чтоб Дидона перед
 гостями,
 300 Воле судеб вопреки, ненароком границ
 не закрыла.
 Мчится, плывя на крылах, по воздуху в Ливию
 вестник,
 Там исполняет приказ: по веленью бога пунийцы
 Тотчас жестокость свою позабыли; первой
 царица,
 Сердцем к миру склонясь, дружелюбьем
 исполнилась к тевкрам. <...>

[По совету Венеры Эней прибывает в Карфаген. Здесь он встречает всех троянских вождей, корабли которых были прибиты попутным ветром к этому берегу. Эней называет себя. Дидона приглашает его со спутниками на пир.]

700 <...> Все за столом возлегли на пурпурных
 пышных покровах.
 Слуги воду для рук и корзины с дарами Цереры
 Подали; следом несут полотенца со стриженной
 шерстью.
 В доме рабынь пятьдесят чередою длинной
 носили
 Разные яства гостям, благовонья курили
 пенатам,
 705 Сто рабынь и столько же слуг, им возрастом
 равных,
 Ставили блюда на стол, подавали емкие чаши.
 Много тирийцев в тот день веселый чертог
 посетило.
 Всем царица велит на ложа возлечь расписные,
 Все дивятся дарам Энея, дивятся на Юла,
 710 Речи притворной его и лицу цветущему бога²⁸,
 Смотрят на плащ и покров с узором из листьев
 аканта.
 Пристальней всех остальных финикиянка
 бедная²⁹ смотрит,
 Не наглядится никак, обреченная будущей муке:
 Сердце ее распалили дары и мальчик
 прекрасный.
 715 Он же за шею обняв Энея, краткое время

Побыл с мнимым отцом, чтоб любовь его
 только насытить,
 После к царице пошел. А та глядит неотрывно,
 Льнет всей грудью к нему, и ласкает его, и не
 знает,
 Бедная, что у нее на коленях бог всемогущий.
 720 Он же, наказ не забыв, начинает память о муже
 В ней понемногу стирать, чтобы к новой любви
 обратились
 Праздная дума её и любить отвыкшее сердце.
 <...> Так, возлежа меж гостей и ночь коротая
 в беседах,
 Долго впивала любовь несчастная Тира царица.
 <...>
 «Но расскажи нам, мой гость, по порядку
 о кознях данайцев,
 Бедах сограждан твоих и о ваших долгих
 скитаньях,—
 Молвит Энею она,— ибо вот уже лето седьмое
 755 Носит всюду тебя по волнам морским и по
 суше».

Книга вторая

Смолкли все, со вниманьем к нему лицом
 обратившись.
 Начал родитель Эней, приподнявшись на ложе
 высоким:
 «Боль несказанную вновь испытать велишь мне,
 царица!
 Видел воочию я, как мощь Троянской
 державы —
 5 Царства, достойного слез,— сокрушило
 коварство данайцев;
 Бедственных битв я участником был; кто, о них
 повествуя,
 Будь он даже долоп, мирмидонец ³⁰ иль воин
 Улисса,
 Мог бы слезы сдержать? Росистая ночь покидает
 Небо, и звезды ко сну зовут, склоняясь к закату,
 10 Но если жажда сильна узнать о наших невзгодах,
 Краткий услышать рассказ о страданиях Трои
 последних,
 Хоть и страшится душа и бежит той памяти
 горькой,

- Я начну. Разбиты в войне, отвергнуты роком,
 Стали данайцев вожди, когда столько уж лет
 пролетело,
 15 Строить коня, подобье горы. Искусством
 Паллады
 Движимы дивным, его обшивают распиленной
 елью, —
 Лживая бродит молва — по обету ради возврата
 Сами же прячут внутри мужей, по жребью
 избранных,
 Наглухо стену забив и в полой утробе
 громады
 20 Тайно замкнувши отряд отборный бойцов
 снаряженных.
 Остров лежит Тенедос близ Трои. Богат,
 изобилен
 Был он и славен, доколь стояло Приамово
 царство.
 Ныне там бухта одна — кораблей приют
 ненадежный.
 Враг, отплывши туда, на пустынном скрылся
 побережье;
 25 Мы же верим: ушли, корабли устремили
 в Микены!
 Тотчас долгую скорбь позабыла тевкров
 держава.
 Настежь створы ворот: как сладко выйти
 за стены,
 Видеть брошенный стан дорийцев и берег
 пустынный.
 Здесь долопов отряд, там — Ахилл кроважадный
 стояли,
 30 Здесь был вражеский флот, а там два войска
 сражались.
 Многих дивит погибельный дар безбрачной
 Минерве
 Мощной громадой своей; и вот Тимет
 предлагает —
 С умыслом злым иль Трои судьба уж так
 порешила —
 В город за стены ввести коня и в крепость
 поставить.
 35 Капис и те, кто судил осмотрительней
 и прозорливей,

В море низвергнуть скорей подозрительный дар
предлагают,
Или костер развести и спалить данайские козни,
Или отверстие пробить и тайник в утробе
разведать.
Шаткую чернь расколов, столкнулись оба
стремленья...

- 40 Тут, нетерпением горя, несется с холма
крепостного
Лаокоонт впереди толпы многолюдной
сограждан,
Издали громко кричит: «Несчастные! Все вы
безумны!
Верите вы, что отплыли враги? Что быть без
обмана
Могут данайцев дары? Вы Улисса не знаете,
что ли?
- 45 Либо ахейцы внутри за досками этими скрылись,
Либо враги возвели громаду эту, чтоб нашим
Стенам грозить, дома наблюдать и в город
проникнуть.
Тевкры, не верьте коню: обман в нем некий
таится!
Чем бы он ни был, страшусь и дары приносящих
данайцев».
- 50 Молвил он так и с силой копье тяжелое бросил
В бок огромный коня, в одетое деревом чрево.
Пика впилась, задрожав, и в утробе коня
потрясенной
Гулом отдался удар, загудели полости глухо.
Если б не воля богов и не разум наш
ослепленный,
- 55 Он убедил бы взломать тайник аргосский
железом, —
Троя не пала б досель и стояла твердыня
Приама.
Вдруг мы видим: спешат пастухи дарданские
с криком,
Прямо к царю незнакомца ведут, связав ему
руки,
Хоть и вышел он к ним и по собственной воле
им сдался.
- 60 Так подстроил он все, чтобы Трою открыть для
ахейцев,

- В мужество веря свое, был готов он к обоим
 исходам:
 Или в обмане успеть, иль пойти на верную
 гибель.
 Пленного видеть скорей не терпится юношам
 Трои:
 Все подбегают к нему, в насмешках над ним
 состязаясь...
- 65 Ныне о кознях услышь данайских — и все
 преступленья
 Ты постигнешь, узнав об одном!
 Пленник стоял на виду у толпы, безоружный,
 смущенный,
 Медленно взглядом обвел он фригийцев ряды
 и воскликнул:
 «Горе! Какая земля теперь или море какое
 70 Могут дать мне приют? Что, жалкому, мне
 остается?
 Больше места мне нет средь данайцев — но вот
 и дарданцы,
 В гневе упорны, моей желают крови и казни!»
 Стон его всех нас смягчил и умерил враждебную
 ярость,
 Мы его просим сказать, от какой происходит он
 крови,
- 75 Что он принес. Пусть скажет: на что надеялся,
 сдавшись?
 «Царь! Всю правду тебе я открою, что б ни
 было дальше,
 И отрицать не стану, что я по рождению
 аргосец.
 Это прежде всего; пусть Фортуна несчастным
 Синона
 80 Сделала — лживым его и бесчестным коварной
 не сделать!» <...>

[Синон рассказывает вымышленную историю о грозящей ему гибели от своих соотечественников за любовь к троянцам. Троянцы просят объяснить, что означает построенный греками конь. Синон убеждает их, что греки якобы решили прекратить осаду Трои и конь — искупительная жертва богине Минерве (Афине Палладе). Если троянцы введут его в город, «Азия грозной волной пойдет на Пелоповы стены (т. е. на Аргос и Микены), Вам предреченный удел достанется нашим потомкам.]

- 145 Жизнь мы даруем ему, хитреца слезам
 сострадая. <...>

- 195 Лживыми клятвами нас убедил Синон
вероломный:
Верим его лицемерным слезам, попались
в ловушку
Те, кого ни Тидид, ни Ахилл, ни многие сотни
Вражьих судов, ни десять лет войны не смирили.
- 200 Новое знаменье тут – страшной и ужаснее
прежних –
Нашим явилось очам и сердца слепые смутило:
Лаокоонт, что Нептуна жрецом был по жребию
избран,
Пред алтарем приносил быка торжественно
в жертву.
Вдруг по глади морской, изгибая кольцами тело,
Две огромных змеи (и рассказывать страшно
об этом)
- 205 К нам с Тенедоса плывут и стремятся к берегу
вместе:
Тела верхняя часть поднялась над зыбями,
кровавый
Гребень торчит из воды, а хвост огромный
влачится,
Влагу взрывая и весь извиваясь волнистым
движеньем.
Стонет соленый простор: вот на берег выползли
змеи,
- 210 Кровью полны и огнем глаза горящие гадов,
Лижет дрожащий язык свистящие страшные
пасти.
Мы, без кровинки в лице, разбежались. Змеи же
прямо
К Лаокоонту ползут и двоих сыновей его,
прежде
В страшных объятьях сдавив, оплетают тонкие
члены,
- 215 Бедную плоть терзают, язвят, разрывают
зубами;
К ним отец на помощь спешит, копьем
потрясая, –
Гады хватают его и огромными кольцами вяжут,
Дважды вокруг тела ему и дважды вокруг горла
обвившись
И над его головой возвышаясь чешуйчатой шеей,
- 220 Тщится он разорвать узлы живые руками,

Яд и черная кровь повязки жреца заливает,
Вопль, повергающий в дрожь, до звезд
 подъемлет несчастный,—
Так же ревет и неверный топор из загривка
 стремится
Вытрясти раненый бык, убегая от места
 закланья.

- 225 Оба дракона меж тем ускользают к высокому храму,
Быстро позут напрямик к твердыне Тритонии³¹
Чтобы под круглым щитом у ног богини грозной,
Новый ужас объял потрясенные души троянцев,
Все говорит, что не зря заплатил за свое злодеянье
- 230 Лаокоонт, который посмел копьем нечестивым
Тело коня поразить, заповедный дуб оскверняя.
Люди кричат, что в город ввести нужно образ священный,
Нужно богиню молить.
Брешь пробиваем в стене, широкий проход открываем.
- 235 Все за дело взялись: катки подводят громаде
Под ноги, шею вокруг обвивают пеньковым канатом,
Тянут. Конь роковой тяжело подвигается к стенам.
Вражьем оружием чреват. Вокруг невинные девы,
Мальчики гимны поют и ликуют, коснувшись веревки.
- 240 Все приближается конь, вступает в город с угрозой...
О Илион, обитель богов, дарданцев отчизна!
Стены, что славу в бою обрели! За порог задевая,
Трижды вставал он, и трижды внутри звенело оружие;
Мы же стоим на своем, в ослепленье разум утратив.
- 245 Ставим на горе себе, громаду в твердыне священной.
Нам предрекая судьбу, уста отверзла
Кассандра³², —

- Матери, жены везде по обширным покоем,
и двери
490 Держат в объятьях они, поцелуями их покрывая.
Натиском Пирр³⁴ подобен отцу: и запоры
сх. Ахилле неостанов и стражи —
Все бессильны пред ним. От ударов частых
тарана
Дверь поддалась наконец, сорвалась с шипов
и упала,
Сила путь пролагает себе: вломились данайцы,
495 Первых стражей свалив, разлились по дворцу,
словно волны.
С меньшей силой поток вспенённый, прорвавши
плотины,
Натиском волн одолев на пути стоящие дамбы,
Бешено мчит по лугам и по нивам стремит свои
волны,
Вместе со стойлами скот унося. Разъяренного
Пирра
500 Видел я сам и Атридов двоих на высоком
пороге.
Видел Гекубу³⁵ и сто невесток ее, и Приама, —
Кровью багрил он алтарь, где огонь им самим
освящен был.
Брачных покоев полста — на потомков обильных
надежда,
Двери, щитами врагов и варварским гордые
златом, —
505 Рушится все. Что огонь пощадил, — досталось
данайцам.

Спросишь, быть может, о том, какова была
участь Приама?
Видя, что занят врагом разрушенный город, что
входы
Взломаны царских палат, что дворец наполняют
данайцы,
Старец, отвыкший от битв, дрожащей рукой
облачает
510 Дряхлое тело в доспех, надевает меч
бесполезный,
Прямо в гущу врагов устремляется в поисках
смерти.
В самом сердце дворца, под открытым сводом
небесным

- Был огромный алтарь, и старый лавр
 Рос, нависая над ним, осеняя ветвями пенатов.
 515 В тщетной надежде вокруг с Гекубой дочери
 Жались друг к другу они, как голубки под бурею
 Статуи вечных богов обнимая. Когда же Гекуба
 Мужа увидела вдруг в доспехах, приличных
 Молвила: «Бедный Приам, о, что за умысел
 520 Это оружие взять тебя заставил? Куда ты?
 Нет, не в таком подкрепленье, увы, не в таких
 Время нуждается! Нет, если б даже был здесь
 Так отойди же сюда! Защищает нас жертвенник
 Или же вместе умрем!» И, промолвив, она
 525 Старца к себе и сажает его в укрытьи
 В этот миг, ускользнув от резни, учиняемой
 Сын Приамов Полит появился. Средь вражеских
 Раненый, вдоль колоннад он летит
 Следом гонится Пирр, разъяренный пролитой
 530 Кажется — вот он схватит его или пикой
 Все же Полит убежал: истекающий кровью
 Наземь и дух испустил на глазах у Приама
 Тут Приам, хоть над ним уже верная смерть
 Гнев сдержать не сумел и воскликнул голосом
 535 «Пусть за злодейство тебе и за дерзость
 Если еще справедливость небес карает
 преступную боги, —
 преступных, —

- Всем, что ты заслужил, воздадут и заплатят
 достойной
 Платой за то, что меня ты заставил сыновнюю
 гибель
 Видеть и взоры отца запятнал лицезрением
 смерти.
- 540 Нет, не таков был Ахилл (ты лжешь, что тебе он
 родитель):
 Прав молящего он устыдился и чести был верен,
 Отдал Приаму-врагу бездыханное Гектора тело
 Для погребенья и нас отпустил домой
 невреждимо».
- Вымолвив так, без размаха копье бессильной
 рукою
- 545 Старец в Пирра метнул, но застряла безвредная
 пика
 В выпуклой части щита, отраженная гулкою
 медью.
- Пирр отвечал: «Так ступай и вестником будь,
 и поведай
 Это Пелиду-отцу. О моих печальных деяньях
 Все рассказать не забудь и о выродке
 Неоптолеме.
- 550 Так умри же!» И вот, промолвив, влечет
 к алтарю он
 Старца, который скользит в крови убитого сына;
 Левою рукой Приама схватив за волосы, правой
 Меч он заносит и в бок вонзает по рукоятку.
 Так скончался Приам, и судил ему рок перед
 смертью
- 555 Трои славной пожар и крушенье Пергама
 увидеть,
 После того как владыкою он земель и народов
 Азии некогда был. Лежит на побережье
 троянском,
 Срублена с плеч голова и лежит безымянное
 тело. <...>
- Вновь надеваю доспех, и снова щит
 прикрепляю
 К левой руке, и опять поспешаю из дому
 в битву,
 Но на пороге меня удержала жена, припадая
 С плачем к коленям моим и Юла к отцу
 протянувши:
- 675 «Если на гибель идешь, то и нас води за собою!

Если ж, оружие подняв, на него возлагаешь
надежды. —
Раньше наш дом защити! На кого покидаешь ты
Юла,
Старца-отца и меня, которую звал ты супругой?»
Так причитала она, чертог оглашая стенаньем.

- 680 Тут изумленным очам явилось неожиданное
чудо:
Юл стоял в этот миг пред лицом родителей
скорбных;
Вдруг привиделось нам, что венцом вокруг
головки ребенка
Ровный свет разлился, и огонь, касаясь
безвредно
Мальчика мягких волос, у висков разгорается
ярко.
- 685 Трепет объял нас и страх: спешим горящие
кудри
Мы погасить и водой заливаем священное
пламя.
Очи воздел родитель Анхиз к созвездьям, ликуя,
Руки протер к небесам и слова промолвил
такие:
«Если к мольбам склоняешься ты, всемогущий
Юпитер,
- 690 Взгляд обрати к нам, коль мы благочестьем того
заслужили,
Знаменье дай нам, Отец, подтверди нам эти
приметы!»
Только лишь вымолвил он, как гром внезапно
раздался
Слева, и, с неба скользнув, над нами звезда
пролетела,
Сумрак огнем разогнав и в ночи излучая сиянье.
- 695 Видели мы, как она, промелькнув над кровлею
дома,
Светлая скрылась в лесу на склоне Иды высокой,
В небе свой путь прочертив бороздою огненной
длинной,
Блеск разливая вокруг и запах серного дыма.
Чудом таким убежден, родитель, взор устремляя
- 700 Ввысь, обратился к богам и почтил святое
светило:

- «Больше не медлю я, нет, но пойду, куда
поведете,
Боги отцов! Лишь спасите мой род, мне внука
спасите!
- Знаменье вами дано, в вашей власти
божественной Троя.
Я уступаю, мой сын: тебе я спутником буду».
- 705 Так промолвил Анхиз. Между тем доносился все
громче
Пламени рев из-за стен и пожары к нам зной
приближали.
«Милый отец, если так, — поскорей садись мне на
плечи!
Сам я тебя понесу, и не будет мне труд этот
тяжек.
Что б ни случилось в пути — одна нас встретит
опасность
- 710 Или спасенье одно. Идет пусть рядом со мною
Маленький Юл и по нашим следам в
отдалении — Креуса.
Вы же наказы мои со вниманьем слушайте,
слуги:
Есть за стеной городской пригорок с покинутым
храмом
Древним Цереры; растет близ него кипарис, что
священным
- 715 Слыл у отцов и лишь тем сохранен был долгие
годы.
С вами в убежище то мы с разных сторон
соберемся.
В руки, родитель, возьми святыни и отчих
пенатов;
Мне их касаться грешно: лишь недавно сражение
и сечу
Я покинул, и мне текучей прежде струю
- 720 Должно омыться».
- Вымолвив так, я плечи себе и склоненную спину
Сверху одеждой покрыл и желтой львиною
шкурой,
Поднял ношу мою; вцепился в правую руку
Маленький Юл, за отцом поспевавший шагом
неровным;
- 725 Шла жена позади. Потемней выбираем дорогу;
Я, кто недавно ни стрел, летевших в меня, не
боялся,

Ни бесчисленных врагов, толпой мне путь
преграждавших, —
Ныне любых ветерков, любого шума пугаюсь:
Страшно за ношу мою и за спутника страшно не
меньше.

730 Вот и ворота видны; я думал, путь мой
окончен —

Но показалось мне вдруг, что до слуха
 доносится частый
Шорох шагов. И родитель, во тьму вперившийся
 взором,

Крикнул: «Беги, мой сын, беги, они уже близко!
Вижу: щиты их горят и медь мерцает во мраке».
735 Тут-то враждебное мне божество (не знаю какое)
Разум похитило мой, помутив его страхом:
покуда

Я без дороги бежал, выбираясь из улиц знакомых,
Злая судьба у меня отняла супругу Креусу:
То ли замешкалась где, заблудилась ли, села ль,
уставши. —

740 Я не знаю досель, — но ее мы не видели больше.
Я ж оглянулся назад, о потерянной вспомнил не
Чем на священный холм к старинному храму
Цереры

Мы добрались. Пришли сюда все — одной не хватало;
Мужа, и сына, и слуг ожидания она обманула.
745 О, кого из богов и людей в тот миг, обезумев,
Я не винил? Что видал я страшней в

поверженной Трое?
Юного сына, отца Анхиза, троянских пенатов
Я поручаю друзьям, укрыв их в изгипе долины,
Сам же в город стремлюсь, облачившись
доспехом блестящим.

750 Твердо решаю опять превратности боя изведать,
Трою пройти до конца средь смертельных
опасностей снова...

Прежде спешу я к стене и к воротам, откуда
я вышел,
Тем же путем возвращаюсь назад и во тьме
озираюсь:

755 Жутко повсюду душе, сама тишина устрашает.

- К дому — может быть, здесь, быть может, сюда
воротилась? —
Я подхожу, но в чертог уже проникли данайцы.
Пламя жадное вверх до высокой взвивается
кровли,
Ветер вздувает огонь, и пожар до неба бушует.
760 Дальше иду: предо мной Приамов дворец
и твердыня;
Храма Юноны — пусты колоннады — только
отборных
Двое стражей стоят: Улисс проклятый и
Феникс ³⁶,
Зорко добычу храня. Сюда несли отовсюду
Трои казну и престолы богов, из горящих
святилищ
765 Взятые дерзко врагом, золотые чаши литые,
Груды одежд. И тут же дрожа вереницею
длинной
Матери, дети стоят.
Даже голос подать я решился в сумраке ночи,
Улицы криком своим наполнил и скорбно
Креусу
770 Снова и снова к себе призывал со стоном — но
тщетно.
Так я искал без конца, вне себя по городу
рыскал;
Вдруг пред очами предстал печальный призрак
Креусы:
Тень ее выше была, чем при жизни облик
знакомый,
Тотчас я обомлел, и голос в горле пресекался.
775 Мне сказала она, облегчая заботы словами:
«Полезны много ли в том, что предался ты
скорби безумной,
Милый супруг? Не без воли богов все это
свершилось,
И не судьба тебе спутницей взять отсюда
Креусу:
Нé дал этого нам властитель бессмертный
Олимпа!
780 Долго широкую гладь бороздить ты будешь
в изгнание,
Прежде чем в землю придешь Гесперийскую ³⁷,
где тихострунный

Тибр лидийский³⁸ течет средь мужами
 возделанных пашен.
Ты счастливый удел, и царство себе, и супругу
Царского рода найдешь; так не плачь по Креусе
 любимой!

785 Мне не придется дворцы мирмидонян или
Гордые видеть и быть у жен данайских
Внучке Дардана, невестке Венеры.
Здесь удержала меня богов Великая Мать.
Ныне прощай и храни любовь нашу общую
к сыну!»

790 Слезы я лил и о многом сказать хотел, но,
Призрак покинул меня и растаял в воздухе,
Трижды пытался ее удержать я, сжимая
Трижды из сомкнутых рук бесплотная тень
Словно дыханье легка, сновиденьям крылатым
Подобна.

795 Ночь на исходе была, когда вновь друзей
я увидел.
Тут, удивленный, нашел я толпу огромную
новых
Спутников: к нам, что ни час, стекались матери,
мужи,
К нам молодежь собралась — поколение
изгнанников жалких!

800 Шли отовсюду они, и сил и решимости полны
В землю любую со мной отплыть, куда захочу я.
Тою порой Люцифер³⁹ взошел над вершинами
Иды,
День выводя за собой. Охраняла данайская
стража
Входы ворот. Наши силы уже не крепила
надежда.
На плечи взял я отца и безропотно двинулся
в горы».

К бледным Эреба теньям, в глубокую ночь
преисподней,
Чем тебя оскорблю и нарушу закон твой,
Стыдливость!
Тот любовь мою взял, кто первым со мной
сочетался, —
Пусть он ее сохранит и владеет ею за гробом!
30 Молвив, слезами она закипевшими грудь
оросила.

Анна ей молвит в ответ: «Сестра, ты мне
света дороже!
Что же всю молодость ты проведешь в тоске,
одинок
И ни любимых детей, ни Венеры даров не
узнаешь?
Мнишь, что помнят о том погребенных маны за
гробом?
35 Пусть никто не склонил тебя, скорбевшую,
к браку
В Тире родном и в Ливии, здесь: ты Ярба⁴⁰
презрела,
Также и прочих вождей, питомцев триумфами
славной
Африки! Будешь теперь и с желанной бороться
любовью?
Иль позабыла совсем, на чьих ты полях
поселилась?
40 Там — города гетулийцев стоят, необорных
в сраженьях,
Здесь — нумидийцев народ необузданный,
страшные Сирты,
Там, где жаждущий край пустынь, кочуют
баркейцы⁴¹...
Что говорить о войне, которую Тир нам
готовит,
Или о том, чем брат нам грозит?
45 Кажется мне, по воле богов, с изволения Юноны
Ветер принес к нам сюда корабли беглецов
илионских.
О, великие ты создашь здесь город и царство
С мужем таким! Если силы сольют троянец
с пунийцем,
Славой невиданных дел увенчается наше оружие!

- 50 Лишь у богов снисхожденья моли и, коль
 приняты будут
 Жертвы, — гостям угождай, измышляй для
 задержки предлоги,
 В море, мол, бури шумят, и взошел Орион
 дожденосный,
 И расшатались суда, и для плаванья время
 опасно».
- 55 Речь такая зажгла любовью душу Дидоны,
 Узы стыда разрешив и ум соблазняя надеждой.
 В храмы сёстры идут, к алтарям припадают,
 о мире
 Молят, в жертву заклад по обычаю ярок
 отборных
 Фебу, Лизю-отцу⁴² и дающей законы Церере,
 Прежде же всех — Юноне, что брак меж людьми
 освещает.
- 60 Собственной держит рукой Дидона прекрасную
 чашу
 И возлиянье творит меж рогов белоснежной
 телицы
 Или к обильным спешит алтарям — предстать
 пред богами,
 Что ни день, обновляет дары и с жадностью
 смотрит
 В грудь отверстую жертв, угадать стараясь
 приметы.
- 65 Разум пророков слепой! Что ей, безумице,
 пользы
 В храмах, в пылких мольбах? По-прежнему
 пламя бушует
 В жилах ее, и живет в груди сокрытая рана.
 Жжет Дидону огонь, по всему иступленная
 бродит
 Городу, словно стрелой уязвленная дикая серна;
 70 В рощах Критских пастух, за ней, беспечной,
 гоняясь,
 Издали ранил ее и оставил в ране железо;
 Сам не зная о том; по лесам и ущельям
 Диктейским
 Мечется серна, неся в боку роковую тростинку.
 То Энея вдоль стен царица водит, чтоб видел
 75 Город отстроенный он и сидонских богатств
 изобилье.

Только начнет говорить — и тотчас голос
прервется...

То на закате опять гостей на пир созывает
Бедная, просит опять рассказать о Трои

невзгодах,
Повесть слушает вновь с неотрывным жадным
вниманьем.

- 80 После, когда все гости уйдут и в небе померкнет
Месяц и звезды ко сну зовут, склоняясь к закату,
Ляжет на ложе она, с которого встал он, и
в доме

Тихом тоскует одна, неразлучная с ним и
в разлуке.

- 85 То на колени к себе сажает Аскания, словно
Сходство с отцом обмануть любовь несказанную
может.

Юноши Тира меж тем упражненья с оружием
забыли,

Начатых башен никто и гавани больше
не строит,

Стен не готовят к войне: прервались повсюду
работы,

Брошена, крепость стоит, выраставшая прежде
до неба. <...>

[Юнона, чтобы не допустить отъезда Энея в Италию, просит Венеру устроить брак Дидоны и Энея и обещает предоставить для их знакомства удобный случай. Дидона и Эней отправляются на охоту.]

Встала Аврора меж тем, Океана лоно
покинув,

- 130 С первым лучом из ворот отборный отряд
выезжает,

Сети, тенета у всех и с широкими жалами пики,
Мчат массилийцы⁴³ верхом и прыгает чуткая
свора.

Медлит в покоях своих царица; ее на пороге
Знать пунийская ждет; в пурпурной с золотом
сбруе

- 135 Конь звонконогий грызет удила, увлажненные
пенной.

Вот в окруженье толпы сама царица выходит:
Плащ сидонский на ней с расписною каймой;
за плечами —

Звонкий колчан золотой, в волосах золотая
повязка,

- Платья пурпурного край золотою сколот
застежкой.
- 140 Следом фригийцы идут, средь них ликует
Асканий;
Сам Эней впереди, смыкая оба отряда,
Шествует, спутников всех красотой лица
затмевая,
Словно бог Аполлон, когда он, холодный
покинув
Край Ликийский и Ксанф, на родной
возвращается Делос,
- 145 Вновь хороводы ведет, и с шумом алтарь
окружают
Толпы дриопов, критян, агатирсов ⁴⁴
с раскрашенным телом;
Шествует бог по Кинфским хребтам, волнистые
кудри
Мягкой листвой увенчав и стянув золотою
повязкой;
Стрелы в колчане звенят... Такой же силы
исполнен,
- 150 Шел Эней, и сияло лицо красотой несказанной.
Только лишь в дебрях лесных на горах они
появились, —
Прянув с высокой скалы, помчались дикие козы
Вниз по хребту: с другой стороны по открытым
полям,
Пыль поднимая, стада побежали быстрых
оленей,
- 155 В страхе сбившись тесней, чтоб родные горы
покинуть.
Мальчик Асканий верхом на лихом скакуне
по долинам
Быстро мчится вперед, то одних, то других
обгоняя.
Страстно молит, чтоб вдруг повстречался средь
смирных животных
С пенною пастью вепрь иль чтоб лев с горы
появился.
- 160 Громкий рокот меж тем потряс потемневшее
небо,
Черная туча пришла, чреватая градом
и бурей.
Свита тирийская вся, молодые троянцы
и с ними

- Внук Венеры благой, Дардана⁴⁵ правнук, помчались
 По полю, крова ища. Побежали по кручам
 потоки.
 165 В темной пещере вдвоем троянский вождь
 и Дидона
 ,Скрылись. Тотчас Земля и Юнона, вершащая
 браки,
 Подали знак: огнями эфир, соучастник союза,
 Вспыхнул, и воплями нимф огласились
 окрестные горы.
 Первой причиною бед и первым к гибели шагом
 170 Был тот день. Забыв о молве, об имени добром,
 Больше о тайной любви не хочет думать
 Дидона:
 Браком зовет свой союз и словом вину
 прикрывает.

- Тотчас Молва понеслась меж ливийцев из
 города в город.
 Зла проворней Молвы не найти на свете иного:
 175 Крепнет в движенье она, набирает силы в полете,
 Жметя робко сперва, но потом вырастает до
 неба,
 Ходит сама по земле, голова же прячется
 в тучах.
 Мать-Земля, на богов разгневавшись, следом
 за Кеем
 И Энкеладом⁴⁶ Молву, как преданья гласят,
 породила,
 180 Ног быстротой ее наделив и резвостью крыльев.
 Сколько перьев на ней, чудовищной, страшной,
 огромной,
 Столько же глаз из-под них глядят неусыпно
 и столько ж
 Чутких ушей у нее, языков и уст говорливых.
 С шумом летает Молва меж землей и небом во
 мраке
 185 Ночи, и сладостный сон никогда ей век не
 смежает;
 Днем, словно стражник, сидит на вершухе
 кровли высокой
 Или на башне она, города утрашая большие,
 Алчна до кривды и лжи, но подчас и вестница
 правды.

- 310 В море выйти спешишь, не страшась ураганов
и вихрей?
Если бы ты не в неведомый край к обиталищам
новым
Путь свой держал и старинный Пергам стоял бы
доныне,
В Трою по бурным морям ты бы также
стремился упрямо?
Не от меня ли бежишь? Заклинаю слезами
моими,
- 315 Правой рукою твоей, — что еще мне осталось,
несчастной? —
Ложем нашей любви, недопетой брачною
песней:
Если чем-нибудь я заслужила твою
благодарность,
Если тебе я была хоть немного мила, — то
опомнись,
Я умоляю тебя, и над домом гибнущим сжался.
- 320 Из-за тебя номадов царям, ливийским народом,
Даже тирийцам моим ненавистна стала я; ты же
Стыд во мне утасил и мою, что до звезд
возносилась,
Славу сгубил. На кого обреченную смерти
покинешь,
Гость мой? Лишь так назову того, кто звался
супругом!
- 325 Что мне медлить и ждать, пока эти стены
разрушит
Брат мой Пигмалион или пленницей Ярба
я стану?
Если бы я от тебя хоть зачать ребенка успела,
Прежде чем скроешься ты! Если б рядом со
мною в чертогах
Маленький бегал Эней и тебя он мог мне
напомнить, —
- 330 То соблазненной себе и покинутой я б
не казалась»: —
Молвила так. А он, Юпитера воле послушный,
Взор опустил и в душе подавить заботу старался.
Кратко он ей отвечал: «Все, что ты смогла
перечислить,
Все заслуги твои отрицать я не стану, царица.
- 335 Помнить буду всегда Элису⁴⁸, пока не покинет

11
Элиса

Тела душа и пока о себе самом не забыл я.
Кратко о деле скажу: ты не думай, что
я вероломно,
Тайно хотел убежать; и на брачный факел
священный
Не притязал никогда, и в союз с тобой
не вступал я.

- 340 Если бы мне разрешила судьба повелительством
жизни
Собственной быть и труды избирать по
собственной воле, —
Я бы их Трое родной, где покоятся близких
останки,
Прежде всего посвятил, и дворец Приама
стоял бы,
И для сограждан моих побежденных Пергам
я воздвиг бы.
- 345 Но лишь в Италию нас Апполлон посылает
Грицийский⁴⁹,
Только в Италию плыть велит Ликийский
оракул⁵⁰:
Там и любовь, и отечество там! Если вид
Карфагена
Радует взор твой и мил финикиянке город
ливийский, —
Как не позволить и нам в Авзонийском краю
поселиться?
- 350 За морем царство искать и тевкры право имеют!
Каждый раз, когда ночь окутает сумраком
влажным
Землю и светочи звезд загорятся, — старца
Анхиза
Тень тревожная мне предстает в сновиденьях
с укором.
Юла обида меня гнетет: Гесперийского
царства⁵¹
- 355 Я лишаю его судьбой обещанных пашен.
Ныне и вестник богов, самим Юпитером послан,
С ветром проворным слетев, — тобой и мною
клянусь я! —
Мне повеленье принес. Средь бела дня я увидел
Бога, и голос его своими слышал ушами.
- 360 Так перестань же себя и меня причитаньями
мучить.
Я не по воле своей плыву в Италию»

Молвил он так. А она на Энея молча
 глядела,
 Взглядом враждебным его с головы до ног
 измеряя,
 И наконец, не стерпев, ему ответила в гнев:
 365 «Нет, не богини ты сын, и род твой не от
 Дардана,
 Кручи Кавказа тебя, вероломный, на свет
 породили,
 В чашах Гирканских⁵² ты был тигрицей
 вскормлен свирепой!
 Что же, смолчать мне сейчас, ожидая большей
 обиды?
 Разве от слез моих он застонал? Или взоры
 потупил?
 370 Разве меня пожалел? Разве, тронут любовью,
 заплакал?
 Есть ли жестокость страшней? Ужель царица
 Юнона,
 Сын Сатурна ужель равнодушно смотрят на это?
 Верить нельзя никому! Безумная, с ним
 разделила
 Царство я, подобрав занесенного на берег
 бурей,
 375 Флот вернула ему и друзей, от смерти
 спасенных.
 Горе! С гневом нет сил совладать! Так, значит,
 Ликийский
 Гонит оракул тебя, и Феб, и Юпитером послан,
 Вестник богов повеленья принес жестокие с неба?
 Право, забота о вас не дает и всевышним покоя!
 380 Что ж, я тебя не держу и согласна со всем, что
 сказал ты!
 Мчись, уплывай, убегай, ищи в Италии царства!
 Верю: найдешь ты конец среди диких скал, если
 только
 Благочестивых богов не свергнута власть, — и
 Дидоны
 Имя не раз назовешь. А я преследовать буду
 385 С факелом черным тебя; когда же тело с душою
 Хладная смерть разлучит, — с тобою тень моя
 будет,
 К манам моим молва долетит о каре Энея!»
 Тут прервала свою речь, обессилев внезапно,
 царица,

Бросилась прочь, от света спеша укрыться,
покинув
390 В страхе Энея, хоть ей он о многом сказать
собирался.
Но подхватили ее поникшее тело служанки,
В дальний чертог отнесли, уложили на мягкое
ложе. <...>

[Троянцы продолжают готовиться к отплытию.]

Вновь приходится ей молить со слезами Энея,
Гордость смиряя в душе во имя любви и желая
415 Средства все испытать — чтобы смерть принять
не напрасно.

«Анна, ты видишь, бегут отовсюду на берег
тевкры,
Все собрались, и ветер к себе паруса призывают;
Каждому судну корму украшают венком
мореходы.
Если бы только, сестра, ждала я горе такое, —
420 Легче бы все я снесла; а теперь ты просьбу
несчастной
Выполни, Анна, одну: почитал всегда
вероломный
Только тебя, доверял лишь тебе он тайные
мысли;
Знаешь ты, как и когда к нему подступиться
возможно, —
Ты и пойди, и моли врага надменного, Анна:
425 Вместе с данайцами я не давала клятвы в Авлиде
Весь троянский народ истребить, и к Пергаму не
слала
Я кораблей, и Анхиза-отца не тревожила праха:
Что ж непреклонный свой слух он к мольбам
склонить не желает?
Что он спешит? Пусть возлюбленной даст
последний подарок:
430 Пусть подождет попутных ветров и легкой
дороги.
Я не прошу, чтобы он был союзу нашему верен,
Чтоб навсегда пренебрег в прекрасном Лации
царством, —
Жалкой отсрочки прошу, чтоб утихнуть успело
безумье,

Чтобы страдать научили меня, побежденную,
судьбы.
435 Сжался, молю, над сестрой, окажи мне
последнюю милость,
Буду тебе за нее благодарна до смертного часа».

Так умоляла она, и мольбы ее слезные Анна
Вновь и вновь к Энею несла — но не тронули
речи
Скорбное сердце его, и просьбам слезным
не внял он:
440 Слух склонить не велит ему бог и судьба
запрещает. <...>

Чуть лишь Аврора, восстав с шафранного ложа
Тифона,
585 Зарево первых лучей пролила на земные
просторы,
С башни высокой дворца в сияньи первом
рассвета
Ровный строй парусов уплывающих видит
царица,
Видит: пусты берега и гребцы покинули гавань,
Трижды в прекрасную грудь и четырежды
больно ударив,
590 Кудри терзая свои золотые, стонет Дидона:
«Внемли, Юпитер! Ужель надо мной посмеется
пришелец?
Прочь он бежит — а у нас и оружия нет,
и вдогонку
Город не бросится весь, не предаст корабли
истребленье?
Эй, несите огонь, паруса распускайте, гребите!..
595 Где я? Что говорю? Помutilо разум безумье...
Только теперь ты скорбишь о его злодеяньях,
Дидона?
Надо б тогда, когда власть отдавала! — Вот она,
клятва,
Вот она, верность того, кто родных спасает
пенатов,
Кто, говорит, на плечах отца престарелого
вынес!
600 Я ль не могла растерзать по волнам, разметать
его тело,

- Спутников всех погубить, умертвить Аскания,
 Дать отцу на пиру отведать страшного ^{чтобы} яства?
 Был бы той битвы исход неясен... Пусть
 и неясен,
 Мне ли, готовой на смерть, бояться? Лагерь
 троянский
 605 Я бы спалила дотла, и сожгла корабли, и убила
 Сына с отцом, весь род истребив — и Элиссу
 в придачу.
 Солнце, ты, что огнем земные труды озаряешь,
 Ты, Юнона, — тебе я всегда мою боль
 поверяла, —
 Ты, Геката, к кому на ночных перекрестках
 610 Диры ⁵³ мстящие, вы, и вы, божества моей
 смерти,
 Взгляд обратите на нас — заслужила я этого
 мукой, —
 Нашим внемлите мольбам. Если должен
 проклятый достигнуть
 Берега и корабли довести до гавани, если
 Воля судьбы такова и Юпитера цель
 неизменна, —
 615 Пусть войной на него пойдет отважное племя,
 Пусть изгнанником он, из объятий Аскания
 вырван,
 Бродит, о помощи всех моля, и жалкую гибель
 Видит друзей, и пусть, на мир согласившись
 позорный,
 Не насладится вовек ни властью, ни жизнью
 желанной:
 620 Пусть до срока падет, пусть лежит на песке
 не зарытый.
 С этой последней мольбой я в последний мой час
 обращаюсь.
 Вы же, тирийцы, и род, и потомков его
 ненавиждь
 Вечно должны: моему приношеньем праху да
 будет
 Ненависть. Пусть ни союз, ни любовь не связует
 народы!
 625 О, приди же, восстань из праха нашего,
 мститель ⁵⁴,

- Чтобы огнем и мечом теснить поселенцев
дарданских
Ныне, впредь и всегда, едва появятся силы.
Берег пусть будет, молю, враждебен берегу,
море —
Морю и меч — мечу: пусть и внуки мира
не знают!»
- 630 Так говорила она и металась мыслью нестойкой;
Жизни постылые дни ей хотелось прервать
поскорее.
Барку Дидона к себе, Сихея кормилицу, кличет
(Ибо свою схоронила еще на родине прежней):
«Милая няня, найди сестру мою Анну, скажи ей,
635 Чтобы тело себе омыла водою проточной,
Чтобы овец привела и все, что жрица велела,
Мне принесла; и сама на висках затяни ты
повязки:
Жертвы, что я начала готовить стигийскому
богу⁵⁵,
Нынче хочу завершить, навсегда с заботой
покончить,
- 640 Сжечь на жарком костре дарданца коварного
образ»
Так сказала она, — и старуха спешит, что есть
силы

- Замысел страшный меж тем несчастную
гонит Дидону
Мчится она, не помня себя, с блуждающим
взором
Кровью налитых очей; на щеках ее бледные
пятна —
- 645 Близкой гибели знак; в глубине дворца
на высокий
Всходит царица костер и клинок обнажает
дарданский, —
Не для того этот дар просила она у Энея!
Но, увидав илионскую ткань и знакомое ложе,
Слезы сдержала на миг, на костер опустилась
Дидона,
650 Молвив в последний раз: «Вы одежды и ложе, —
отрада
Дней, когда бог и судьба мне отраду узнать
разрешили!
Душу примите мою и меня от муки избавьте!

- Прожита жизнь, и пройден весь путь, что
судьбой мне отмерен,
В царство подземное я нисхожу величавую
тенью.
- 655 Город могучий создав, я свои увидела стены,
Брата могла покарать, отомстить за убитого
мужа, —
Счастлива, о, как счастлива я была б, если б
только
Наших вовек берегов дарданцев корма
не касалась!»
- 660 Тут устами она прижалась к ложу — и молвит:
«Хоть неотмщенной умру — но умру желанною
смертью.
С моря пускай на огонь глядит дарданец
жестокий,
Пусть для него моя смерть зловещим знаменьем
будет!»
Только лишь молвила так — и вдруг увидали
служанки,
Как поникла она от удара смертельного, кровью
665 Руки пятная и меч. Полетел по высоким покоем
Вопль и, беснуясь, Молва понеслась по
смятенному граду
Полнится тотчас дворец причитаньями, стоном
и плачем
Женщин и вторит эфир пронзительным
горестным криком. <...>

Книга шестая

[Эней просит пророчицу Сивиллу помочь ему спуститься
в подземное царство, чтобы встретить там своего отца Анхиза.]

- <...> Так он Сивиллу молил, к алтарю
прикасаясь рукою.
- 125 Молвила жрица в ответ: «О, рожденный от
крови всевышних,
Сын Анхиза, поверь: в Аверн спуститься
нетрудно,
День и ночь распахнута дверь в обиталище
Дита⁵⁶.
Вспять шаги обратить и к небесному свету
пробиться —
Вот что труднее всего! Лишь немногим, кого
справедливый

- 130 Царь богов возлюбил, вознесенным доблестью
 к звездам
 Детям богов удалось возвратиться оттуда, где
 темный
 Вьется Коцит, ленивой струей леса обегая.
 Но если жаждет душа и стремится сердце так
 сильно
 Дважды проплыть по стигийским волнам и
 дважды увидеть
- 135 Тартар, если тебе отраден подвиг безумный,
 Слушай, что сделать тебе придется. В чаще
 таится
 Ветвь, из золота вся, и листы на ней золотые.
 Скрыт златокудрый побег, посвященный
 дольней Юноне⁵⁷,
 В сумраке рощи густой, в тени лощины
 глубокой.
- 140 Но не проникнет никто в потаенные недра
 земные,
 Прежде чем с дерева он не сорвет заветную
 ветку.
 Всем велит приносить Прозерпина прекрасная
 этот
 Дар для нее. Вместо сорванной вмиг вырастает
 другая,
 Золотом тем же на ней горят звенящие листья.
- 145 Взглядом кроны деревьев обыщи и ветвь золотую
 Рви безоружной рукой: без усилия стебель
 поддастся,
 Если судьба призывает тебя; если ж
 нет — никакою
 Силой ее не возьмешь, не отрубишь и твердым
 железом. <...>

[Эней находит золотую ветвь и спускается с Сивиллой в Аид, в загробное царство.]

- Шли вслепую они под сенью ночи
 безлюдной,
 В царстве бесплотных теней, в пустынной
 обители Дита, —
- 270 Так по лесам при луне, при неверном свете
 зловещем,
 Путник бредет, когда небеса застилает Юпитер
 Темной тенью и цвет у предметов ночь
 отнимает.

- Там, где начало пути, в преддверье сумрачном
 Орка
 Скорбь ютится и с ней грызущие сердце
 Заботы,
- 275 Бледные здесь Болезни живут и унылая
 Старость,
 Страх, Нищета, и Позор, и Голод, злобный
 советчик,
 Муки и тягостный Труд — ужасные видом
 обличья;
 Смерть и брат ее Сон на другом обитают
 пороге,
 Злобная Радость, Война, приносящая гибель,
 и здесь же
- 280 Дев Эвменид железный чертог и безумная
 Распря, —
 Волосы-змеи у ней под кровавой выются
 повязкой.
 Вяз посредине стоит огромный и темный,
 раскинув
 Старые ветви свои; сновидений лживое племя
 Там находит приют, под каждым листком
 притаившись.
- 285 В том же преддверье толпой теснятся тени
 чудовищ:
 Сциллы двувидные тут и кентавров стада
 обитают,
 Тут Бриарей⁵⁸ сторукий живет, и дракон из
 Лернейской
 Топи⁵⁹ шипит, и Химера⁶⁰ огнем врагов
 устрашает,
 Гарпии⁶¹ стаяй вокруг великанов трехтелых
 летают...
- 290 Меч Эней обнажил, внезапным страхом охвачен,
 Выставил острый клинок, чтобы встретить
 натиск чудовищ,
 И, не напомни ему многомудрая дева, что этот
 Рой бестелесных теней сохраняет лишь
 видимость жизни,
 Ринулся он бы на них, пустоту мечом рассекая.
- 295 Дальше дорога вела к Ахеронту⁶², в глубь
 преисподней.
 Мутные омуты там, разливаясь широко,
 бушуют,

Ия и песок выносят в Коцит бурливые волны.
Воды подземных рек стережет перевозчик

ужасный —
Мрачный и грязный Харон⁶³. Клочковатой седой
бородою

300 Все лицо обросло — лишь глаза горят
неподвижно,
Плащ на плечах завязан узлом и висит
безобразно.
Гонит он лодку шестом и правит сам парусами,
Мертвых на утлом челне через темный поток
перевозит
Бог уже стар, но хранит он и в старости бодрую
силу

305 К берегу страшной реки стекаются толпы
густые:
Жены идут, и мужи, и героев сонмы усопших,
Юноши, дети спешат и девы, не знавшие брака,
Их на глазах у отцов унес огонь погребальный.
Мертвых не счесть, как листья в лесу, что
в холод осенний

310 Падают наземь с деревьев, иль как птиц, что
с просторов пучины,
Сбившись в стаи, летят к берегам, когда зимняя
стужа
Гонит их за моря, в края, согретые солнцем.
Все умоляли, чтоб их переправил первыми
старец,
Руки тянули, стремясь оказаться скорей
за рекою.

315 Лодочник мрачный с собой то одних, то других
собирает,
Иль прогоняет иных, на песок им ступить
не давая.
Молвил Сивилле Эней, смятенью теней

удивляясь:
«Дева, ответь мне, чего толпа над рекою желает?
Души стремятся куда? Почему одни покидают
320 Берег, меж тем как по серым волнам отплывают
другие?»

Жрица старая так отвечала кратко Энею:
«Истинный отпрыск богов, Анхиза сын! Пред
тобою
Ширь Стигийских болот и Коцита глубокие
воды.

- Ими поклявшийся бог не осмелится клятву
нарушить.
325 Эти, что жалкой толпой здесь стоят, — землей
не покрыты.
Лодочник этот — Харон: перевозит он лишь
погребенных.
На берег мрачный нельзя переплыть через
шумные волны
Прежде теньям, чем покой обретут в могиле
останки.
Здесь блуждают они и сто лет над берегом
реют, —
330 Только потом к желанной реке их вновь
допускают». <...>

- Путь продолжали они и к реке подходили все
ближе.
385 Издали, с лодки своей перевозчик старый увидел,
Как они шли меж безмолвных деревьев, поспешая
на берег.
Первым окликнул он их, прокричав пришельцам
сердито:
«Ты, человек, что к нашей реке с оружием
спустился!
Стой и скажи, зачем ты пришел! И дальше ни
шагу!»
390 Место здесь только теньям и ночи, сон
приносящей.
В этом стигийском челне возить живых я не
вправе;
Был я не рад, когда взял на эту лодку Алкида
Или на берег на тот перевез Пирифоя с Тесеем,
Хоть от богов рождены и могучи были герои.
395 Этот схватил и связал преисподней трехглавого
стража
Прямо у царских дверей и дрожащего вывел
на землю,
Те госпожу увести из покоев Дита хотели». —
Так отвечала ему Амфризийская вещая дева⁶⁴;
«Козней таких мы не строим, старик, оставь
опасенья!»
400 Не для насилья наш меч обнажен; пусть
чудовищный сторож
Вечно лаем своим бескровные тени пугает,

- Пусть блюдет в чистоте Прозерпина ложе
Плутона.
Видишь: троянец Эней, благочестьем и
мужеством славный,
К теням Эреба ⁶⁵ сошел, чтобы вновь родителя
встретить.
- 405 Если не тронет тебя такая преданность сына, —
Эту узнаешь ты ветвь!» И под платьем скрытую
ветку
Вынула жрица и гнев укротила в сердце Харона,
Больше ни слова ему не сказав; и старец,
любуюсь
Блеском листвы роковой, давно не виданным
даром,
- 410 К берегу лодку подвел вперед кормой
потемневшей.
Души умерших прогнав, что на длинных лавках
сидели,
Освободил он настил и могучего принял Энея
В лодку. Утлый челнок застонал под тяжестью
мужа,
Много болотной воды набрал сквозь широкие
щели;
- 415 Но через темный поток невреждо героя и жрицу
Бог перевез и ссадил в камышах на илистый
берег.
Лежа в пещере своей, в три глотки лаял
огромный
Цербер, и лай громовой оглашал молчаливое
царство.
- Видя, как шеи у пса оцетинились змеями грозно,
420 Сладкую тотчас ему лепешку с травой
снотворной
Бросила жрица, и он, разинув голодные пасти,
Дар поймал на лету. На загривках змеи поникли,
Всю пещеру заняв, разлегся Цербер огромный.
Сторож уснул, и Эней поспешил по дороге
свободной
- 425 Прочь от реки, по которой никто назад не
вернулся.
Тут же у первых дверей он плач протяжный
услышал:
Горько плакали здесь младенцев души, которых
От материнской груди на рассвете сладостной
жизни

- Рок печальный унес во мрак могилы до срока.
430 Рядом — обитатели тех, кто погиб от лживых наветов.
Но без решения суда не получают пристанища души;
Суд возглавляет Минос⁶⁶: он из урны жребии тянет,
Всех пред собранием теней опрошает о прожитой жизни.
Дальше — унылый приют для тех, кто свою рукою
435 Предал смерти себя без вины и, мир ненавидя,
Сбросил бремя души. О, как они бы хотели
К свету вернуться опять и терпеть труды и лишения!
Но не велит нерушимый закон, и держит в плену их
Девятиструйный поток и болота унылые Стикса.
440 Краткий пройден был путь — пред взором Энея простерлась
Ширь бескрайних равнин, что «полями скорби» зовутся
Всех, кого извела любви жестокая язва,
Прячет миртовый лес, укрывают тайные тропы,
Ибо и смерть не избавила их от мук и тревоги. <...>
450 Тут же Дидона меж них, от недавней раны страдая,
Тенью блуждала в лесу. Герой троянский поближе
К ней подошел — и узнал в полумраке образ неясный:
Так на небо глядит в новолунье путник, не зная,
Виден ли месяц ему или только мнится за тучей.
455 Слез Эней не сдержал и с любовью ласково молвил:
«Значит, правдива была та весть, что до нас долетела?
Бедной Дидоны уж нет, от меча ее жизнь оборвалась?
Я ли причиную был кончины твоей?
Но клянусь я
Всеми огнями небес, всем, что в царстве
460 Я не по воле своей покинул твой берег, царица!

- Лязг влекомых цепей и пронзительный скрежет
железа.
Замер на месте Эней и прислушался к шуму
в испуге.
- 560 «Дева, скажи, каковы обличья злодейства? Какие
Казни свершаются там? Что за гул долетает
оттуда?»
Жрица в ответ начала: «О вожьд прославленный
тевкров,
Чистому боги вступать на преступный порог
запрещают.
Но Геката, отдав мне под власть Авернские рощи,
565 Всюду водила меня и возмездья богов показала.
Кносский судья Радамант⁷⁰ суровой правит
державой;
Всех он казнит, заставляет он всех
в преступлениях сознаться,
Тайно содеянных там, наверху, где злодеи
напрасно
Рады тому, что придет лишь по смерти срок
искупленья.
- 570 Мстительным гневом полна, Тизифона
с насмешкою злобной
Хлещет виновных бичом, и подносит левой
рукою
Гнусных гадов к лицу, и свирепых сестер
созывает.
Только потом, скрежеща, на скрипучих шипах
распахнутся
Створы священных ворот. Посмотри, — ты
видишь обличье
- 575 Той, что на страже стоит и порог изнутри
охраняет?
Гидра огромная там, пятьдесят разинувши
пастей,
Первый чертог сторожит. В глубину уходит
настолько
Тартара темный провал, что вдвое до дна его
дальше,
Чем от земли до небес, до высот Эфирных
Олимпа.
- 580 Там рожденных Землей титанов древнее племя
Корчится в муках на дне, низвергнуто молнией
в бездну.
Видела там я и двух сыновей Алоэя⁷¹ огромных,

- Что посягнули взломать руками небесные своды,
 Тщась громовержца изгнать и лишить высокого
 царства.
 585 Видела, как Салмоней несет жестокую кару, —
 Тот, кто громам подражал и Юпитера молниям
 жгучим.
 Ездил торжественно он на четверке коней,
 потрясая
 Факелом ярким, у всех на глазах по столице
 Элиды,
 Требовал, чтобы народ ему поклонялся, как
 богу.
 590 То, что нельзя повторить, — грозу и грома
 раскаты, —
 Грохотом меди хотел и стуком копыт он
 подделать,
 Но всемогущий Отец из туч густых огневую
 Бросил в безумца стрелу — не дымящий факел
 сосновый, —
 И с колесницы низверг, и спалил его
 в пламенном вихре.
 595 Видеть мне было дано и Земли
 всеродящей питомца
 Тития⁷²: телом своим распластанным занял он
 девять
 Югеров; коршун ему терзает бессмертную
 печень
 Клювом-крючком и в утробе, для мук
 исцеляемой снова,
 Роемся, пищи ища, и гнездится под грудью
 высокой,
 600 И не на миг не дает отрастающей плоти покоя.
 Надо ль Лапифов⁷³ называть, Иксиона⁷⁴
 и Пирифоя⁷⁵?
 Камень черный висит над теньями и держится еле,
 Будто вот-вот упадет. Золотые ложа, как в
 праздник,
 Застланы пышно, и пир приготовлен с роскошью
 царской,
 605 Яства у самого рта, — но из фурий страшнейшая
 тут же
 То за столом возлежит, не давая к еде
 прикоснуться,
 То встает и, громко крича, поднимает свой
 факел.

- Те, кто при жизни враждой родных преследовал
братьев,
Кто ударил отца, или был бесчестен с клиентом,
610 Или, богатства нажив, для себя лишь берёг их
и близким
Не уделял ничего (здесь таких бесчестные
толпы),
Или убит был за то, что бесчестил брачное ложе,
Или восстать на царя дерзнул, изменяя присяге,
Казни здесь ждут. Но казни какой — узнать не
пытаться.
- 615 Не вопрошай об участи их и о видах мучений.
Катят камни одни, у других распятое тело
К спицам прибито колес. На скале Тесей
горемычный
Вечно будет сидеть. Повторяя одно непрестанно,
Громко взывая к теням, возглашает Флегий ⁷⁶
злосчастный:
- 620 «Не презирайте богов и учитесь блюсти
справедливость!»
Этот над родиной власть за золото продал
тирану
Или законы за мзду отменял и менял
произвольно,
Тот на дочь посягнул, осквернив ее ложе
преступно, —
Все дерзнули свершить и свершили дерзко
злодейство.
- 625 Если бы сто языков и столько же уст я имела,
Если бы голос мой был из железа, — я и тогда бы
Все преступления назвать не могла и кары
исчислить!»
Долгий окончив рассказ, престарелая Фебова
жрица
Молвила: «Дальше ступай, заверши нелегкий
свой подвиг.
- 630 В путь поспешим: уж стены видны, что
в циклоповых горнах
Кованы; вижу я там под высоким сводом
ворота:
Нам возле них оставить дары велят
наставленья».
- Молвила так — и они, шагая рядом во мраке,
Быстро прошли оставшийся путь и приблизились
к стенам.

635 Там за порогом Эней окропляет свежей водою
Тело себе и к дверям прибавляет ветвь золотую.

Сделав это и долг пред богиней умерших
исполнив,
В радостный край вступили они, где взору
отрадн
Зелень счастливых дубрав, где приют блаженный
таится.

640 Здесь над полями высок эфир, и светом
багряным
Солнце сияет свое, и свои загораются звезды.
Тело себе упражняют одни в травянистых
палестрах
И, состязаясь, борьбу на песке золотом

затевают,
В танце бьют круговом стопой о землю другие,
645 Песни поют, и фракийский пророк ⁷⁷ в одеянии
длинном
Мерным движениям их семизвучными вторит
ладами,
Пальцами бьет по струнам или плектром из
кости слоновой.

Здесь и старинный род потомков Тевкра
прекрасных,
Славных героев сонм, рожденных в лучшие
годы:

650 Ил, Ассарак и Дардан, основатель Трои могучей.
Храбрый дивится Эней: вот копья воткнуты
в землю,
Вот колесницы мужей стоят пустые, и кони
Вольно пасутся в полях. Если кто при жизни
оружье

И колесницы любил, если кто с особым
пристрастьем
655 Резвых коней разводил, — получает все то же за
гробом.

Вправо ли взглянет Эней или влево, — герои
пируют,
Сидя на свежей траве, и поют, ликуя, пеаны ⁷⁸
В рощах, откуда бежит под сенью лавров
душистых,
Вверх на землю стремясь, Эридана ⁷⁹ поток
многоводный.

- 660 Здесь мужам, что погибли от ран в боях за
отчизну,
Или жрецам, что всегда чистоту хранили при
жизни,
Тем из пророков, кто рек только то, что Феба
достойно,
Тем, кто украсил жизнь, создав искусства для
смертных,
Кто средь живых о себе по заслугам память
оставил, —
665 Всем здесь венчают чело белоснежной повязкой
священной. <...>.

- Тут увидел Эней в глубине долины
сокрытый
Остров лесной, где кусты разрослись и шумели
вершины:
705 Медленно Лета текла перед мирной обителью
этой,
Там без числа витали кругом племена и народы.
Так порой на лугах в безмятежную летнюю пору
Пчелы с цветка на цветок летают и выются вокруг
белых
Лилий, и поле вокруг оглашается громким
гуденьем.
710 Видит все это Эней — и объемлет ужас героя;
Что за река там течет — в неведение он
вопрошает, —
Что за люди над ней такой теснятся толпою.
Молвит родитель в ответ: «Собрались здесь
души, которым
Вновь суждено вселиться в тела, и с влагой
летейской
715 Пьют забвенья они в уносящем заботы потоке.
Эти души тебе показать и назвать поименно
Жажду давно уже я, чтобы наших ты видел
потомков,
Радуюсь вместе со мной обретенью земли
Италийской».
«Мыслимо ль это, отец, чтоб отсюда души
стремились
720 Снова подняться на свет и облечься тягостной
плотью?
Злая, видно тоска влечет несчастных на землю!»

- «Что ж, и об этом скажу, без ответа тебя не
оставлю, —
Начал родитель Анхиз и все рассказал
по порядку. —
Землю, небесную твердь и просторы водной
равнины,
725 Лунный блистающий шар, и Титана светоч ⁸⁰,
и звезды, —
Все питает душа, и дух по членам разлитый,
Движет весь мир, пронизав его необъятное тело.
Этот союз породил и людей, и зверей, и
пернатых,
Рыб и чудовищ морских, сокрытых
под мраморной гладью.
730 Душ семена рождены в небесах и огненной силой
Наделены — но их отягчает косное тело,
Жар их земная плоть, обреченная гибели, гасит.
Вот, что рождает в них страх, и страсть,
и радость, и муку,
Вот почему из темной тюрьмы они света
не видят.
735 Даже тогда, когда жизнь их в последний час
покидает,
Им не дано до конца от зла, от скверны телесной
Освободиться: ведь то, что глубоко в них
вкоренилось,
С ними прочно срослось — не остаться надолго
не может
Кару нести потому и должны они все — чтобы
мукой
740 Прошлое зло искупить. Одни овеваемы ветром,
Будут висеть в пустоте, у других пятно
преступленья
Выжжено будет огнем или смыто в пучине
бездонной.
Маны любого из нас понесут свое наказание,
Чтобы немногим затем перейти в простор
Элизийский.
745 Время круг свой замкнет, минуют долгие
сроки, —
Вновь обретет чистоту, от земной избавленный
порчи,
Душ изначальный огонь, эфирным дыханьем
зажженный.

Времени бег круговой отмерит десять
 столетий, —
 Души тогда к Летейским волнам божество
 призывает,
 750 Чтобы, забыв обо всем, они вернулись под
 своды
 Светлого неба и вновь захотели в тело
 вселиться».

Вот что поведал Анхиз, и сына вместе
с Сивиллой
В гущу теней он повлек, и над шумной толпою
у Леты
Встали они на холме, чтобы можно было оттуда
755 Всю вереницу душ обозреть и в лица взглядеться.
«Сын мой! Славу, что впредь Дарданидам
сопутствовать будет,
Внуков, которых тебе родит италийское племя,
Души великих мужей, что от нас унаследуют
имя, —
Все ты узришь: я открою тебе судьбу твою ныне.
<...>

Взоры теперь сюда обрати и на этот взгляни ты
Род и на римлян твоих. Вот Цезарь и Юла
790 Им суждено вознестись к средоточию великого
 потомки:
 неба.
Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так
 часто:

Август Цезарь, отцом божественным
вскормленный, снова
Век вернет золотой на Латинские пашни, где
древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы
продвинет,
795 Индов край покорив и страну гарамантов ⁸¹, в те
земли,
Где не увидишь светил, меж которыми движется
солнце,
Где небодержец Атлант вращает свод
многозвездный,
Ныне уже прорицанья богов о нем возвещают,
Край Меотийских болот и Каспийские царства
пугая,

[illegible]

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
850 Вычислят иль назовут восходящие звезды, — не
Римлянин! Ты научись народами править
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною
надменных!» <...>

Книга восьмая

[Венера приносит Энею доспехи, сделанные для него Вулканом. Среди них небывалой красоты щит.]

625 <...> Золота и серебра, и копьё, и щит
несказанный.
 Бог огнемощный на нем италийцев и римлян
деянья
 Выковал сам, прорицаний не чужд и грядущее
зная:
 Был там Аскания род до самых далеких
потомков,
 Были и все чередой сраженья грядущих столетий.
 630 Вот волчица лежит в зеленой Марса пещере

Щенная; возле сосцов у нее играют без страха
Мальчики — два близнеца — и сосут молоко
у мохнатой
Матери; нежно она языком их лижет шершавым,
Голову к ним повернув, и телам их расти
помогает. <...>

Весь опоясало щит из червонного золота море,
Волны седые на нем взметают пенные гребни,
Светлым блестя серебром, проплывают по кругу
дельфины,

Влагу взрывая хвостом и соленый простор
рассекая.

675 Медью средь моря суда сверкали: Актийскую
битву⁸⁶

Выковал бог на щите; кипели Марсовы рати,
Всю Левкату⁸⁷ заняв, плескались валы золотые.
Цезарь Август ведет на врага италийское войско,
Римский народ, и отцов, и великих богов,
и пенатов;

680 Вот он, ликуя, стоит на высокой корме,
и двойное
Пламя объемлет чело, звездой осененное
отчей⁸⁸. <...>

[Поединок Энея и Турна]

Турна троянец теснит, потрясая могучею
пикой

С древком, огромным, как ствол, и молвит
с сердцем суровым:
«Что же ты медлишь опять? Каких уверток ты
ищешь?

890 Время не резвостью ног, но оружием нам
потягаться!

Можешь любое принять обличье, можешь на
помощь

Все призвать, чем сильна иль отвага твоя, или
хитрость,

Птицей ли к звездам взлететь иль укрыться
в пещерах подземных».

Турн отвечал, покачав головой: «Твоих не боюсь
я

895 Громких угроз: лишь богов я боюсь и вражды
громовержца».

Речь он прервал, огляделся вокруг и камень
увидел,

- Камень старинный, большой, посредине
положенный поля
Знаком межи судьей, если тяжба о пашнях
случится;
На плечи только с трудом его взвалили
б двенадцать
900 Самых могучих мужей из рожденных ныне
землею.
Камень дрожащей рукой схватил герой и с
разбега
Бросил в Энея его, во весь свой рост
распрямившись.
Но ни вперед выходя, ни спасаясь бегством,
ни камень
Тяжкий подняв и метнув, — себя не помнил
несчастный,
905 Кровь леденела в груди, подгибались ноги
в коленях.
Камень его потому, в пустоте напрасно
вращаясь,
Все расстоянье не мог пролететь и ударить Энея.
Словно ночью во сне, когда смежает нам веки
Томный покой, и мерещится нам, что стремимся
мы жадно
910 Дальше бежать, но вотще; ослабев от первых
усилий,
Никнем мы, цепенеет язык, и уж нам непокорны
Голос и слово, и сил привычных лишается гело.
Так же и Турн, куда бы свой путь не направил
отважно,
Нет ни в чем успеха ему от богини зловещей.
915 Чувства мнутя в душе у него; на друзей и
на город
Смотрит он, медлит, дрожит, занесенной пики
пугаясь,
Ни к отступленью пути, ни для боя сил не
находит,
Нет колесницы нигде, и сестры-возницы
не видно.
Враг роковое копьё перед медлящим Турном
заносит,
920 Целится, чтобы верней его направить, — и мечет,
Тело вперед устремив. Осадным пущен оружием,
Камень грохочет не так, не таким рассыпается
громом

Молнии грозный удар. Подобная черному
вихрю,
Пика летит и гибель несет и, щит семислойный,
Круглый снизу пробив, разорвав у края кольчугу,
Мышцы бедра пронзает насквозь. Подсеченный
ударом,

Турн колени согнул и поник на землю, огромный.
Вскрикнули рутулы все — и на голос ответили

Горы, и рощи вокруг вернули отзвук протяжный.
Взор смиренный подняв, простирая руку

Молвил Турн: «Не прошу ни о чем: заслужил я расплаты.

Пользуйся счастьем своим. Но если родителя
 Может тронуть тебя, то молю я — ведь старцем
 горе

Был и отец твой Анхиз — пожалуй несчастного
Давна,

Сына старцу верни или тело сына, коль хочешь.
Ты победил. Победенный, к тебе на глазах
авзонийцев

Руки простер я. Бери Лавинию в жены — и
Ненависть не простирай». Эней, врага озирая,

Встал неподвижно над ним, опустил занесенную
руку...
Медлит герой, и склоняют его к милосердию все

Турна слова — но вдруг на плече засверкала
широком

Перевязь. Вмиг он узнал украшенья ее золотые:
Раной смертельной сразив Палланта юного, ругул

Снял прекрасный убор и носил на плече его
гордо.
Видит добычу врага, о потере горестной память,

Гневный Эней — и кричит, загораясь яростью
грозной
«Ты ли одетый в доспех, с убитого сорванный

Ныне уйдешь от меня? Паллант моею рукою

Этот наносит удар, Паллант за злодейство
 950 Кровью пеню с тебя!» И, промолвив, меч
 погрузил он
 С яростью в сердце врага, и объятое
 холодом смертным
 Тело покинула жизнь и к теням отлетела
 со стоном.

Примечания

Буколики

¹ Древнейший комментатор Вергилия Сервий Гонорат пишет, что в этой эклоге (пастушечьей песне) речь идет о факте из жизни самого Вергилия: у поэта было конфисковано имение в пользу ветеранов Октавиана, по позднее Октавиан возвратил Вергилию его участок. ² Вергилий называет богом Октавиана, внучатого племянника Цезаря, усыновленного им и получившего имя Гая Юлия Цезаря Октавиана (Августа). ³ Дуб, пораженный молнией, считался дурным предзнаменованием. ⁴ *Здесь*: освобождение от рабства. ⁵ Имеется в виду Октавиан. ⁶ Пчелы с горы Гиблы в Сицилии. ⁷ *Араp* — река в Галлии (современная Сона). ⁸ *Аркадия* — вымышленная страна пастухов, в которой происходит действие «Буколик». Реальная Аркадия находилась на Пелопоннесском полуострове. ⁹ *Минций* — река в Мантуе на севере Италии, родине Вергилия. ¹⁰ *Нимфы Либетриды* — музы. ¹¹ *Делия* — богиня Диана (греч. Артемида). Имя происходит от названия острова — Делос, на котором родились Диана и Аполлон. ¹² *Приап* — бог плодородия. Его статуи, окрашенные в красный цвет, ставились в садах и огородах. ¹³ Пастушка Галатея изображается как nereida, дочь морского старца Нерея. ¹⁴ *Сардонийский* — т. е. сардинский. На острове Сардиния росла очень горькая трава. ¹⁵ *Алкид* — другое имя Геракла; по имени его деда Алкая. ¹⁶ *Хаония* — область в северной Греции. ¹⁷ *Альфен Вар*, проконсул Цизальпинской Галии, друг Вергилия. ¹⁸ *Кирнейские* — корсиканские. ¹⁹ *Пиериды* — музы. ²⁰ *Варий и Цинна* — римские поэты, современники Вергилия. ²¹ *Дафнис* — легендарный аркадский пастух. ²² *Диона* — мать Венеры; часто так называли саму Венеру. По мифу, Венера была матерью троянца Энея, сын которого Юл считался родоначальником рода Юлиев. К этому роду принадлежали Цезарь и Октавиан. Так подчеркивалось божественное происхождение принцепса. ²³ *Бианор* — местный мантуанский герой. Вергилий, изображая сказочную Аркадию, рисует реальный пейзаж родной Мантуи.

Георгики

¹ *Либер* (римск.) — Вахс. ² *Церера* (Деметра) — богиня земледелия в римской мифологии. ³ *Ахелой* — река в Греции; *ахелосы*

чаши — здесь: вода. ⁴ *Покровитель урожищ* — Аристей, древний римский бог земледелия. Ему посвящена 4-я книга «Георгик». ⁵ *Кея* — остров. ⁶ *Пан* — бог, покровитель лесов и полей. ⁷ В Тегее, расположенной в Аркадии, был культ Пана, поэтому Пана называют «тегеец». ⁸ Юноша Триптолем, которого научила земледелию богиня Церера. ⁹ *Сильван* — лесное божество. ¹⁰ *Цезарь* — здесь: Октавиан. ¹¹ *Фула* — полулегендарный остров, считавшийся пределом земли. ¹² *Тефиды* — жена бога Океана. ¹³ *Эригона* — созвездие Девы. ¹⁴ *Клеины* — созвездие Скорпиона. ¹⁵ *Тартар* — подземное царство. ¹⁶ *Элизийские поля* — место в подземном царстве, предназначенное для праведников. ¹⁷ *Прозерпина* (греч. Персефона) — дочь Цереры, жена Плутона, бога подземного царства. ¹⁸ *Герм* — золотосная река в Лидии. ¹⁹ *Панхайя* — остров в Аравийском море. ²⁰ Ясон, чтобы добыть золотое руно, по приказу царя Эета должен был вспахать в Колхиде поле на огнедышащих быках, засеять его зубами дракона (Гидры), из которых родились железные люди. ²¹ *Массийская влага* — вино из винограда с горы Массик в Умбрии. ²² *Клитумн* — приток Тибра. ²³ *Аконит* — ядовитое растение. ²⁴ *Ларий* — озеро Комо. ²⁵ *Бенак* — озеро. ²⁶ *Лукрин* — бухта около Неаполя. ²⁷ *Тиррен* — Тирренское море. ²⁸ *Аверн* — озеро, соединенное каналом с морем. ²⁹ *Деции*, *Сципионы* — знатные римские роды. *Камилл* — римский полководец (V в. до н. э.). *Гай Марий* — римский полководец (II—I в. до н. э.). ³⁰ *Сатурна земля* — Италия. ³¹ Речь идет о клиентах, приходивших по утрам приветствовать патрона. ³² *Эфирейская* — коринфская. ³³ *Ассирийский яд* — пурпур. ³⁴ Темпейская долина в Фессалии славилась своей красотой. ³⁵ *Сперхий* — река в Фессалии. *Тайгет* — лесистый хребет в Греции. ³⁶ *Фасци* (фаски) — знак достоинства магистрата. ³⁷ *Даки* — народ, живший за Истром (Дунаем) на территории современной Румынии. ³⁸ *Сарранский багрянец* — тирийская пурпурная ткань. ³⁹ *Ростры* — ораторская трибуна на форуме. ⁴⁰ *Отцы* — сенаторы. ⁴¹ *Сикионские ягоды* — маслины. ⁴² *Леней* — Вакх. ⁴³ Имеется в виду Юпитер, который, по преданию, родился в Диктейской пещере на о-ве Крит. ⁴⁴ *Куреты* — жрецы богини Реи, матери Юпитера. *Шум куретов* — удары в бубен. ⁴⁵ *Дедаловы зданья* — сложные, хитроумные сооружения (лабиринт). По имени мифического мастера Дедала. ⁴⁶ *Веспер* — вечерняя звезда. ⁴⁷ *Гидасп* — приток Инда.

Энеида

¹ *К берегам Лавинийским* — итальяским, по названию города Лавиния, названного в честь жены Энея Лавинии. ² Древнейший город Италии Альба Лонга был предшественником Рима. Внук Нумитора, царя Альбы, Ромул основал Рим. ³ *Царица богов* — имеется в виду Юнона, жена Юпитера (Зевса). ⁴ На острове Самосе был храм Юноны. ⁵ *Аргивяне* — греки. Юнона им покровительствовала. ⁶ *Сатурна дочь* — Юнона. ⁷ *Ганимеда почит* — сын троянского царя Троса Ганимед по преданию был похищен Юпитером и стал на Олимпе виночерпием. ⁸ *Тевкры* — троянцы, по имени Тевкра, предка троянских царей. ⁹ Аякс, по преданию, совершил насилие над Кассандрой, дочерью Приама в храме Минервы (Афины).

¹⁰ *Эвр, Нот, Африк* — название ветров. ¹¹ *Диомед (Тидид)* — Диомед, сын Тидея, греческий герой, сражавшийся с Энеем. Эней был спасен своей матерью Венерой. ¹² *Сарпедон* — союзник троянцев. ¹³ *Симоент* — река под Троей. ¹⁴ *Ликийцы* — союзники троянцев. ¹⁵ *Илионей, Ахат, Абант, Алет* — троянские вожди. ¹⁶ *Тритон, Кимотоя* — морские божества. ¹⁷ *Ливия* — Африка. ¹⁸ *Антедор* — троянец, прибывший еще до Энея на северное побережье Адриатики. ¹⁹ *Иллирия* — область на северо-востоке Адриатики. (Далмация). ²⁰ *Либурны* — жители древней Иллирии. ²¹ *Тимава* — река. ²² *Киферей* — один из эпитетов Венеры. ²³ *Рутулы* — латинское племя. ²⁴ *Ассарак* — троянский царь, прадед Энея. ²⁵ *Квири* — Ромул. ²⁶ *Веста* — богиня домашнего очага. ²⁷ *Рожденный Майей* — Меркурий (в греческой мифологии Гермес) — вестник богов. ²⁸ Венера, чтобы внушить Дидоне любовь к Энею посылает Амура, принявшего облик Юла, сына Энея. ²⁹ Имеется в виду Дидона, дочь Тирского царя Бела. Тир, Сидон — города Финикии, страны на восточном побережье Средиземного моря. ³⁰ *Долопы, мирмидонцы* — фессалийские племена. ³¹ *Тритония* — один из эпитетов Афины (Минервы). ³² *Кассандра* — дочь Приама, наделенная пророческим даром. ³³ *Эней* — строитель деревянного коня. ³⁴ *Пирр* — сын Ахилла, он же Неоптолем. ³⁵ *Гекуба* — жена Приама. ³⁶ *Феникс* — учитель Ахилла. ³⁷ *Гесперийская земля* — Италия. ³⁸ *Тибр лидийский* — этруски считались потомками лидийцев. ³⁹ *Люцифер* — утренняя звезда. ⁴⁰ *Ярб* — африканский царь, жених Дидоны, отвергнутый ею. ⁴¹ *Гетулийцы, нумидийцы, баркейцы* — африканские племена. *Сирты* — отмели на севере Африки. ⁴² *Лизй* — Вакх. ⁴³ *Массилийцы* — жители восточной Нумидии. ⁴⁴ *Дриопы, критяне, агатирсы* — древние народы. ⁴⁵ *Дардан* — родоначальник троянских царей, сын Юпитера. ⁴⁶ *Кей, Энкелад* — титаны. ⁴⁷ *Тиада* — вакханка. ⁴⁸ *Элисса* — другое имя Дидоны. ⁴⁹ *Аполлон Гринийский* — культовый эпитет Аполлона (от имени гор. Гриния в Элиде, где был храм Аполлона). ⁵⁰ *Ликийский оракул* — оракул Аполлона в Ликии. ⁵¹ *Авзонийский край, Гесперийское царство* — Италия. ⁵² *В чащах Гирканских* — на юге Каспийского моря. ⁵³ *Диры* — богини мщения; отождествлялись с греческими эриниями. ⁵⁴ Дидона предсказывает вражду Карфагена и Рима. *Мститель* — Ганнибал. ⁵⁵ *Стигийский бог* — бог подземного царства мертвых Плутон. ⁵⁶ *Дит* — одно из имен Плутона. ⁵⁷ *Дольная Юнона* — Прозерпина, богиня подземного царства. ⁵⁸ *Бриарей* — сторукий великан. ⁵⁹ *Дракон из Лернейской топи* — лернейская гидра, убитая Геркулесом. ⁶⁰ *Химера* — чудовище с головой льва, туловищем козы и хвостом дракона. ⁶¹ *Гарпии* — фантастические птицы. ⁶² *Ахеронт* — река в подземном царстве мертвых. ⁶³ *Харон* — перевозчик душ в подземном царстве. ⁶⁴ *Амфризийская вещая дева* — Сивилла. *Амфриз* — река, возле которой пас стадо царя Адмета Аполлон, бог-прорицатель. ⁶⁵ *Эреб* — одно из названий подземного царства в греческой мифологии. ⁶⁶ *Минос* — царь Крита, считавшийся судьей в подземном царстве. ⁶⁷ *Мрамор марпесский* — паросский. *Марпесс* — скала на о. Парос, где добывался знаменитый белый мрамор. ⁶⁸ *Флегетон* — река в подземном царстве в греческой мифоло-

гии. ⁶⁹ *Тизифона* — фурия. ⁷⁰ *Радамант* — судья в подземном царстве. ⁷¹ *Сыновья Алоэ* — Зет и Эфиальт. Алоэ — титан. ⁷² *Титий* — за посягательство на Латону был убит Аполлоном и Дианой и наказан вечными мучениями в подземном царстве. ⁷³ *Латифы* — мифическое племя, воевавшее с кентаврами. ⁷⁴ *Иксион* — царь лапифов, по преданию, домогавшийся любви Юноны и наказанный за это вечными муками. ⁷⁵ *Пирифой* — сын Иксиона, пытавшийся похитить Прозерпину, богиню подземного царства. ⁷⁶ *Флегий* — отец Иксиона, поджег в Дельфах храм Аполлона. ⁷⁷ *Фракийский пророк* — Орфей. ⁷⁸ *Пеан* — гимн в честь Аполлона. ⁷⁹ *Эридан* — река По. ⁸⁰ *Титана светоч* — Солнце. ⁸¹ Инды и гараманты (африканская народность) считались наиболее отдаленными народами, жившими на восточных и южных границах римского государства. ⁸² *Лерна* — лернейская гидра, по преданию, убитая Гераклом (второй подвиг Геракла). ⁸³ *Эриманф* — гора в Аркадии, где жил, по преданию, вепрь, побежденный Гераклом (третий подвиг Геракла). ⁸⁴ *Ниса* — гора в Индии. ⁸⁵ *Авзонийская* — итальянская. ⁸⁶ *Актийская битва* — битва при Акции (31 г. до н. э.), в которой был разгромлен флот Антония и Клеопатры. ⁸⁷ Имеется в виду мыс на о-ве Левкада с храмом Аполлона. ⁸⁸ Речь идет об обожествлении Юлия Цезаря и превращении его в звезду (см. Овидий «Метаморфозы»).

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК (65—8 г. до н. э.)

Квинт Гораций Флакк родился в маленьком городе Везузии (на юге Италии) в семье вольноотпущенника. Отец отвез его в Рим, где Гораций учился вместе с сыновьями знатных римлян. В двадцатилетнем возрасте Гораций отправляется в Афины для продолжения образования. Здесь его застаёт начавшаяся после убийства Цезаря гражданская война. Он сражался в войсках Брута в качестве командира легиона. После поражения республиканцев при Филиппах (42 г. до н. э.) Гораций возвращается в Рим. Оставшись без средств к существованию (имение отца было конфисковано), он становится писцом. В те же годы начинается его литературная деятельность. Вскоре он обратил на себя внимание таких поэтов, как Вергилий и Варий. Через некоторое время Гораций вошел в литературный кружок Мecenата. Мecenат подарил Горацию поместье в Сабинских горах, дав возможность поэту все свое время посвящать литературным занятиям. Дружба с Мecenатом определяет идейную направленность творчества поэта. Гораций становится отныне «Августовым певцом», провозвестником идеологической политики принципата. Умер Гораций в 8 г. до н. э., пережив лишь на два месяца своего друга и покровителя Мecenата.

Произведения Горация дошли до наших дней полностью.

Первые его стихи, относящиеся к 30-м годам I в. до н. э., были собраны в две книги «Сатир» (или «Сатур») и названы самим поэтом «Беседами». Они посвящены различным темам философско-этического, литературно-критического, бытового и автобиографического характера. К этому же времени относятся и «Эподы» — ямбические стихотворения весьма разнообразного содержания. Наибольший интерес представляют эподы на злободневно-политиче-

ские темы (гражданская война), свидетельствующие о духовной эволюции поэта, об отказе его от республиканских идеалов и переходе на позиции цезаризма.

Центральное место в творчестве Горация занимают четыре книги «Од» (или «Песен»). В них с наибольшей полнотой раскрылась идейная направленность его поэзии — утверждение политических и религиозно-этических идей принципата, прославление Августа, морально-философские воззрения поэта. Богата и разнообразно представлена в них также любовно-лирическая тема. В «Одах» достигнуто совершенство художественное мастерство Горация — яркая образность и свежесть языка, филигранная отделка стиха, разнообразие ритма, блестящая, виртуозная композиция стихотворения.

Последнюю группу произведений Горация составляют «Послания», стихотворные письма, по содержанию близкие к «Сатирам». Среди посланий особый интерес представляет «Послание к Пизонам» (известное также под названием «Искусство поэзии»), в котором Гораций излагает свои взгляды на литературу и литературное творчество, формулирует свои эстетические принципы и дает практические советы начинающим писателям. «Искусство поэзии» оказало значительное влияние на поэтику классицизма.

Переводы:

Квинт Гораций Флакк. Полн. собр. соч. М., Академия, 1936.

Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970.

Текст в «Антологии» приведен по последнему изданию.

ОДЫ

Книга первая

1. К Меценату

Славный внук, Меценат, праотцев царственных¹,
О отрада моя, честь и прибежище!
Есть такие, кому высшее счастье —
Пыль арены взметать в беге увертливым

Раскаленных колес: пальма победная
Их возносит к богам, мира властителям.
Есть другие, кому любо избранником
Быть квиритов² толпы, пылкой и ветреной.

Этот счастлив, когда с поля ливийского³
Он собрал урожай в житницы бережно;
10 А того, кто привык заступом вскапывать
Лишь отцовский надел, — даже богатствами

Всех пергамских царей в море не выманишь
Кораблем рассекать волны коварные.
А купца, если он, бури неистовой
Испугавшись, начнет пылко расхваливать

20 Мир родимых полей, — вновь за починкою
Видим мы корабля в страхе пред бедностью,
Есть иные, кому с чашей вина сам-друг
Любо день коротать, лежа под деревом

Земляничным, в тени ласковой зелени,
Или у родника вод заповедных.
Многих лагерь манит, — зык перемешанный
И рогов, и трубы, и ненавистная

Матерям всем война. Зимнего холода
Не боясь, о жене нежной не думая,
Всё охотник в лесу, — свора ли верная
Лань учует в кустах, сети ль кабан прорвет.

30 Но меня только плющ, мудрых отличие,
К вышним близит, меня роща прохладная,
Где ведут хоровод нимфы с сатирами,
Ставит выше толпы, — только б Евтерпа⁴ мне

В руки флейту дала, и Полигимния⁵
Мне наладить пришла лиру лесбийскую⁶.
Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня,
Я до звезд вознесу гордую голову.

(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

2. К Августу-Меркурию

Вдосталь снега слал и зловещим градом
Землю бил Отец⁷ и смутил весь Город⁸,
Ринув в кремль⁹ святой грозовые стрелы
Огненной дланью.

Всем навел он страх, не настал бы снова
Грозный век чудес и несчастной Пирры¹⁰
Век, когда Протей¹¹ гнал стада морские
К горным высотам,

10 Жили стаи рыб на вершинах вязов,
Там, где был приют лишь голубкам ведом,
И спасались вплавь над залитым лесом
Робкие лани.

Так и нынче: прочь от берегов этрусских¹²
Желтый Тибр, назад повернувши волны,

Шел дворец царя сокрушить и Весты¹³
Храм заповедный,

Риму мстить грозя за печаль супруги,
Впавшей в скорбь, — хоть сам не велел

Юпитер —

20 Волны мчал он, брег затопляя левый,
Илии¹⁴ верен.

Редким сыновьям от отцов порочных
Суждено узнать, как точили предки
Не на персов меч, а себе на гибель
В распре гражданской.

Звать каких богов мы должны, чтоб Рима
Гибель отворотить? Как молить богиню
Клиру чистых дев, если мало внемлет
Веста молитвам?

30 Грех с нас жертвой смыть на кого возложит
Бог Юпитер? Ты ль, Аполлон-провидец,
К нам придешь, рамен твоих блеск укрывши
Облаком темным?

Ты ль, Венера, к нам снизойдешь с улыбкой —
Смех и пыл любви вокруг тебя витают;
Ты ль воззришь на нас, твой народ забытый,
Марс-прародитель?¹⁵

40 Ты устал от игр бесконечно долгих,
Хоть и любишь бой, и сверканье шлемов,
И лицо бойца над залитым кровью
Вражеским трупом.

Ты ль, крылатый сын благодатной Майи¹⁶,
Принял на земле человека образ
И согласие дал нам носить прозвание
«Цезаря мститель»?

О, побудь меж нас, меж сынов Квирина¹⁷!
Благосклонен будь, хоть злодейства наши
Гнев твой будят, ты не спеши умчаться,
Ветром стремимый,

50 Ввысь. И тешься здесь получать триумфы,
Здесь зовись отцом, гражданином первым,

Будь нам вождь, не дай без отмщенья грабить!
Конным парфянам.

(Перевод Н. Гинцбурга)

3. К кораблю Вергилия

Пусть, корабль, поведут тебя
Мать-Киприда и свет братьев Елены — звезд¹⁸,
Пусть Эол, властелин ветров,
Всем прикажет не дуть, кроме попутного!

Мы вверяем Вергилия
На сохрану тебе! Берегу Аттики
Сдай его, невредимого:
Вместе с ним ты спасешь часть и моей души.
Знать, из дуба иль меди грудь
10 Тот имел, кто дерзнул первым свой
хрупкий челн

Вверить морю суровому:
Не страшили его Африк¹⁹ порывистый

В дни борьбы с Аквилоном²⁰, восход
Льющих ливни Гиад²¹, ярости полный
Нот²² —

Грозный царь Адриатики,
Властный бурю взместит, властный унять
ее.

Поступь смерти страшна ль была
Для того, кто без слез чудищ морских
видал,

Гребни вздувшихся грозно волн,
20 Скал ужасных гряды Акрокеравния²³?

Пользы нет, что премудрый бог
Свет на части рассек, их разобшил водой,
Раз безбожных людей ладьи
Смеют все же бороздить воды заветные.

Дерзко рвется изведать все,
Не страшась и греха, род человеческий.
Сын Иапета²⁴ дерзостный,
Злой обман совершив, людям огонь
принес;

10 Лишь захотят, — бушующий на море
Затихнет ветер, и не дрогнут
Ни кипарисы, ни ясень древний.

Что будет завтра, бойся разгадывать
И каждый день, судьбою нам посланный,
Считай за благо. Не чуждайся
Ласки любовной и пляски, мальчик!

Пока ты юн, от хмурых далек седин, —
Всё для тебя, и поле и площади!
И нежный шепот в час условный
20 Пусть для тебя раздаётся ночью,

Доколе сладок в темном углу тебе
Предатель-смех таящейся девушки
И мил залог, с запястья снятый
Иль с неупорствующего пальца.

(Перевод С. Шервинского)

11. К Левконое

Ты гадать перестань: нам наперед знать
не дозволено,
Левконая, какой ждёт нас конец. Брось
исчисления
Вавилонских таблиц³⁴! Лучше терпеть, что бы
ни ждало нас, —
Много ль зим небеса нам подарят, наша ль
последняя,
5 Об утесы дробясь, ныне томит море Тирренское
Бурей. Будь же мудра: вина цеди, долгой
надежды пить
Кратким сроком урежь. Мы говорим — годы
завистники
Мчатся. Пользуйся днем, меньше всего веря
грядущему.

(Перевод С. Шервинского)

14. К Республике

О корабль, вот опять в море несёт тебя
Бурный вал. Удержись! В гавани якорь свой
Брось! Ужель ты не видишь,
Что твой борт потерял уже

Весла, — бурей твоя мачта надломлена,
Снасти страшно трещат, — скрепы все сорваны,
И едва уже днище
Может выдержать грозную

10 Силу волн? Паруса — в клочья растерзаны;
Нет богов на корме, в бедах прибежища;
И борта расписные
Из соснового дерева,

Что в понтийских лесах ³⁵, славное, срублено,
Не помогут пловцу, как ни гордишься ты.
Берегись! Ведь ты будешь
Только ветра игралищем.

О, недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
20 Что шумит меж Цикладами ³⁶!
(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

37. К пирующим

Теперь — пируем! Вольной ногой теперь
Ударим оземь! Время пришло, друзья,
Салийским угощением ³⁷ щедро
Ложа кумиров почитать во храме!

В подвалах древних не подобало нам
Цедить вино, доколь Капитолию
И всей империи крушеньем
Смела в безумье грозить царица ³⁸
10 С блудливой сворой хворых любимчиков,
Уже не зная меры мечтам с тех пор,
Как ей вскружил успех любовный
Голову. Но поутихло буйство,

Когда один лишь спасся от пламени
Корабль, и душу, разгоряченную
Вином Египта, в страх и трепет
Цезарь поверг, на упругих веслах

Гоня беглянку прочь от Италии,
Как гонит ястреб робкого голубя

Иль в снежном поле фессалийском
Зайца охотник. Готовил цепи

Он роковому диву. Но доблестней
Себе искала женщина гибели:
Не закололась малодушно,
К дальним краям не помчалась морем.

Взглянуть смогла на пепел палат своих
Спокойным взором и, разъяренных змей
Руками взяв бесстрашно, черным
Тело свое напоила ядом,

30 Вдвойне отважна. Так, умереть решив,
Не допустила, чтобы суда врагов
Венца лишенную царицу
Мчали рабой на триумф их гордый.
(Перевод С. Шервинского)

Книга вторая

3. К Деллию

Хранить старайся духа спокойствие
Во дни напасти; в дни же счастливые
Не опьяняйся ликованием,
Смерти подвластный, как все мы,
Деллий,

Печально ль жизни будет течение,
Иль часто будешь ты услаждать себя
Вином Фалёрна лучшей метки,
Праздник на мягкой траве встречая.

10 Не для того ли тень сочетается
Сосны огромной с тополя белого
Отрадной тенью, не к тому ли
Гибкий ручей в берегах играет,

Чтобы сюда ты вина подать велел,
Бальзам и розы, кратко цветущие,
Пока судьба, года и Парок³⁹
Темная нить еще срок дают нам.

Ведь ты оставишь эти угодия,
Что Тибр волнами моет янтарными,

И дом с поместьем, — и богатством
 Всем завладеет твоим наследник.

Не все ль равно, ты Инаха ⁴⁰ ль древнего
 Богатый отпрыск, рода ли низкого,
 Влачащий дни под чистым небом, —
 Ты беспощадного жертва Орка.

Мы все гонимы в царство подземное,
 Вертится урна: рано ли, поздно ли —
 Наш жребий выпадет, и вот он —
 В вечность изгнания челнок пред нами.

(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

7. К Помпею Вару ⁴¹

Кто из богов мне возвратил
 Того, с кем первые походы
 И браней ужас я делил,
 Когда за призраком свободы
 Нас Брут отчаянный водил?
 С кем я тревоги боевые
 В шатре за чашей забывал
 И кудри, плющем увитые,
 Сирийским мирром умащал?
 10 Ты помнишь час ужасной битвы,
 Когда я, трепетный квирит,
 Бежал, нечестно брося щит,
 Творя обеты и молитвы?
 Как я боялся! как бежал!
 Но Эрмий ⁴² сам внезапной тучей
 Меня покрыл и вдаль умчал,
 И спас от смерти неминучей.
 А ты, любимец первый мой,
 Ты снова в битвах очутился...
 20 И ныне в Рим ты возвратился,
 В мой домик темный и простой.
 Садись под сень моих пенатов,
 Давайте чаши. Не жалея
 Ни вин моих, ни ароматов!
 Венки готовы. Мальчик! Лей!
 Теперь некстати воздержанье:
 Как дикий скиф, хочу я пить.

Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

(Перевод А. Пушкина)

10. К Лицинию Мурене

Правильнее жить ты, Лициний, будешь,
Пролагая путь не в открытом море,
Где опасен вихрь, и не слишком близко
К скалам прибрежным.

Выбрав золотой середины меру,
Мудрый избежит обветшалой кровли,
Избежит дворцов, что рождают в людях
Черную зависть.

10 Ветер гнет сильней вековые сосны,
Падать тяжелей высочайшим башням,
Молнии удар поражает чаще
Горные выси.

В горестях надежд, опасений в счастье
Не теряет муж с закаленным сердцем.
И приводит к нам и уводит зимы
Тот же Юпитер.

20 Плохо пусть сейчас — не всегда так будет.
Не всегда и Феб напрягает лук свой:
Час придет — и звонкой струной он будит
Сонную Музу.

Бедами стеснен, ты не падай духом,
Мужественным будь. Но умей убавить,
Если вдруг крепчать стал попутный ветер,
Парус упругий.

(Перевод З. Морозкиной)

14. К Постуму

О Постум, Постум! Как быстротечные
Мелькают годы! Нам благочестие
Отсрочить старости не может,
Нас не избавит от смерти лютой.

Хотя бы жертвой трижды обильною
Смягчить пытался ты беспощадного
Плутона, в чьем плену томятся
Даже трехтелые великаны ⁴³,

10 За той рекою мрачной ⁴⁴, которую
Мы все, земли дарами живущие,
Переплываем — властелины
Или смиренные поселяне.

К чему бежать нам Марса жестокого
И бьющих в берег волн Адриатики,
К чему нам осенью бояться
Австра ⁴⁵, что рушит здоровье наше?
Мы все увидим черный, извилистый
Коцит ⁴⁶, волной ленивою плещущий,
Бесславных дочерей Даная,
20 Труд Эолида Сизифа ⁴⁷ вечный.

Оставим землю, дом и любезную
Супругу, а из всех, что растили мы,
Дерев последуют за нами
Только постылые кипарисы.

Возьмет наследник вина, хранимые
За ста замками, на пол расплещет он
Цекубских гроздей сок ⁴⁸, какого
Даже понтифики ⁴⁹ не пивали.

(Перевод З. Морозкиной)

15. (О римской роскоши)

Земли уж мало плугу оставили
Дворцов громады; всюду виднеются
Пруды, лукринских вод обширней,
И вытесняет платан безбрачный

Лозы подспорье — вязы; душистыми
Цветов коврами с миртовой порослью
Заменены маслины рощи,
Столько плодов приносившей прежде;

10 И лавр густою перенял зеленью
Весь жар лучей... Не то заповедали

Нам Ромул и Катон⁵⁰ суровый, —
Предки другой нам пример давали.

Скромны доходы были у каждого,
Но умножалась общая собственность;
В своих домах не знали предки
Портиков длинных, лицом на север,

Простым умели дерном не брезговать
И дозволяли камень обтесанный
Лишь в государственных постройках
20 Да при убранстве священных храмов.
(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

16. К Помпею Гросфу

Мира у богов мореход эгейский
Просит в грозный час налетевшей бури,
Из-за черных туч в небесах не видя
Звезд путеводных,

Мира просит гет, утомлен войною,
Мира просит перс, отягченный луком,
Только мира, Гросф, не купить за пурпур.
Жемчуг и золото.

Ибо никого не спасут богатства
10 И высокий сан от томлений духа
И забот ума, что и под роскошной
Кровлей витают.

Хорошо тому, кто богат немногим,
У кого блесит на столе солонка
Отчая одна, но ни страх, ни страсти
Сна не тревожат.

Что ж стремимся мы в быстротечной жизни
К многому? Зачем мы меняем страны?
Разве от себя убежать возможно,
20 Родину бросив?

Всходит на корабль боевой Забота,
За конями турм боевых несется,
Легче, чем олень, и быстрее, чем ветер,
Тучи несущий.

Будь доволен тем, что в руках имеешь,
Ни на что не льстись и улыбкой мудрой
Умеряй беду. Ведь не может счастье
Быть совершенным.

- 30 Славен был Ахилл, но погиб он рано;
Долго жил Тифон⁵¹, но иссох убого;
Мне ж, быть может, то, в чем тебе откажет,
Время дарует.

У тебя стада в сицилийском поле
Блеют и мычат, у тебя в квадриге
Кобылица ржет, у тебя одежду
Пурпур окрасил.

- 40 У меня полей небольшой достаток,
Но зато даны мне неживой Паркой
Эллинских Камен⁵² нежный дар и к злобной
Черни презренье.

(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

20. К Меценату

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий⁵³, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недостигаемый для злословья.

Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу⁵⁴ не быть для меня преградой!

- 10 Уже я чую: тоньше становятся
Под грубой кожей скрытые голени —
Я белой птицей стал, и перья
Руки и плечи мои одели.

Летя быстрее сына Дедалова⁵⁵,
Я, певчий лебедь, узрю шумящего
Босфора брег, заливы Сирта,
Гиперборейских полей⁵⁶ безбрежность.

Меня узнают даки, таящие
Свой страх пред римским строем, колхидяне,

Гелоны дальние, иберы,
Галлы, которых питает Рона.

Не надо плача в дни мнимых похорон,
Ни причитаний жалких и горести:
Сдержи свой глас, не воздавая
Почестей лишних пустой гробнице.

(Перевод Г. Церетели)

Книга третья

1. К хору юношей и девушек

Противна чернь мне, таинствам чуждая!
Уста сомкните! Ныне, служитель муз,
Еще неслыханные песни
Девам и юношам запеваю.

Цари грозны для трепетных подданных,
Царей превыше воля Юпитера.
Гигантов одолев⁵⁷ со славой,
Мир он колеблет движеньем брови.

10 Иной раскинет шире ряды борозд
В своих поместьях; родом знатней, другой
Сойдет за почестями в поле;
Добрыми нравами славен третий;

Четвертый горд толпою приспешников;
Но мечет с равной неотвратимостью
Судьба простым и знатным жребий,—
В урне равны имена людские.

Кто чует меч над шеей преступною,
Тому не в радость яства Сицилии,
20 Ни мирный звон, ни птичье пенье
Сна не воротят душе тревожной.

Но миротворный сон не чуждается
Убогой кровли сельского жителя,
Ни ветром зыблемой долины,
Ни прибрежных дубрав тенистых.

Кто тем, что есть, доволен — тому уже
Не страшно море неугомонное

И бури грозные несущий
Где восход иль закат Арктура⁵⁸,

30 Не страшен град, лозу побивающий,
И не страшна земля, недовольная
То ливнем злым, то летней сушью,
То холодами зимы суровой.

А здесь и рыбам тесно в пучине вод:
За глыбой глыба рушится с берега.
И вновь рабов подрядчик гонит:
Места себе не найдет хозяин

На прежней суше. Но и в морской приют
К нему нагрянут Страх и Предчувствия;
40 И на корабль взойдет Забота,
И за седлом примостится конским.

Так если нам ни мрамором Фригии,
Ни ярче звезд блистающим пурпуром,
Ни соком лоз, ни нардом⁵⁹ персов
Не успокоить душевной муки,—

Зачем на зависть людям высокие
Покои мне и двери роскошные?
Зачем менять мой дол сабинский
На истомляющее богатство?

(Перевод З. Морозкиной)

2. К римскому юношеству

Военным долгом призванный, юноша
Готов да будет к тяжким лишениям;
Да будет грозен он парфянам
В бешеной схватке копьем подъятым.

Без крова жить средь бранных опасностей
Он пусть привыкнет. Пусть, увидав его
Со стен твердыни вражьей, молвит
Дочке-невесте жена тирана:

10 «Ах, как бы зять наш будущий, царственный,
В искусстве ратном мало лишь сведущий,
Не раздодорил льва, что в сечу
Бурно кидается в яром гнев!»

И честь и радость — пасть за отечество!
А смерть равно разит и бегущего
И не щадит у тех, кто робок,
Спин и поджилок затрепетавших

Падений жалких в жизни не ведая,
Сияет Доблесть славой немеркнувшей
И не приемлет, ни слагает
20 Власти, по прихоти толп народных.

И, открывая небо достойному
Бессмертья, Доблесть рвется нехоженным
Путем подняться, и на крыльях
Быстро летит от толпы и грязи.

Но есть награда также молчанию:
И если кто нарушит Церерины
Святые тайны⁶⁰, то его я
Не потерплю под одною кровлей

Иль в том же чёлне. Часто Диэспитер⁶¹
30 Карает в гневе с грешным невинного;
А кто воистину преступен,
Тех не упустит хромая Кара.
(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

6. К римскому народу

Вины отцов безвинным ответчиком
Ты будешь, Рим, пока не восставлены
Богов упавшие жилища,
Их изваяния в черном дыме.

Да! Рим — владыка, если богов почитит:
От них начало, в них и конец найдем.
За нераденье боги много
Бед посылают отчизне горькой.

Монез с Пакором⁶², дважды отбившие
10 В недобрый час задуманный натиск наш,
Гордятся, пронизи на шее
Римской добычей себе украсив.

Междоусобьем Риму объятому
Уже грозили дак и египтянин,

Один — летучими стрелами
Грозный, другой — корабельным строем.

В грехом обильный век оскверняются
Сначала браки, семьи, рождения;
Отсюда выйдя, льются беды
20 В нашей отчизне, во всем народе.

Едва созревши, девушка учится
Развратным пляскам, хитрым ласкательствам,
От малых лет в глубинах сердца
Мысль о нечистой любви лелея.

А выйдя замуж, юных поклонников
За чащею ищет, — даже без выбора,
Кого б запретною любовью,
Свет погасив, одарить украдкой, —

О нет, открыто, с мужнина ведома
30 Бежит по зову — кликнет ли лавочник
Или испанский корабельщик,
Щедро платящий за час позора.

В таких ли семьях выросли юные,
Что кровью пунов ⁶³ море окрасили,
Сразили Пирра ⁶⁴, Антиоха ⁶⁵ .
И беспощадного Ганнибала ⁶⁶?

То были дети воинов-пахарей,
В полях ворочать глыбы привыкшие
Киркой сабинской, и по слову
40 Матери строгой таскать из леса

Вязанки дров в тот час, когда тени гор
Растянет солнце, снимет с усталого
Вола ярмо и, угоня
Коней своих, приведет прохладу.

Чего не портит гагубный бег времен?
Ведь хуже дедов наши родители,
Мы хуже их, а наши будут
Дети и внуки еще порочней.

(Перевод Н. Шатерникова)

29. К Меценату

⟨...⟩ Лишь тот живет хозяином сам себе
И жизни рад, кто может сказать при всех:
 «Сей день я прожил! Завтра — тучей
 Пусть занимает Юпитер небо

Иль ясным солнцем, — все же не властен он,
Что раз свершилось, то повернуть назад;
 Что время быстрое умчало,
 То отменить иль не бывшим сделать.

50 Фортуна рада злую игру играть,
 С упорством диким тешить жестокий нрав:
 То мне даруя благосклонно
 Почести шаткие, то — другому.

Ее хвалю я, если со мной; когда ж
Летит к другому, то, возвратив дары
 И в добродетель облачившись,
 Бедности рад я и бесприданной.

Ведь мне не нужно, если корабль трещит
От южной бури, жалкие слать мольбы
 Богам, давать обеты, лишь бы
60 Жадное море моих не съело

Из Тира, с Кипра ценных товаров груз.
Нет! Я спокойно в челн двухвесельный сев,
 Доверюсь Близнецам⁶⁷ и ветру,
 И понесусь по валам Эгейским».

(Перевод Н. Гинцбурга)

30. К Мельпомене⁶⁸

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд

Нескончаемых лет — время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию

Жрец верховный ведет деву безмолвную ⁶⁹.
10 Назван буду везде — там, где неистовый
Авфид ⁷⁰ ропщет, где Давн, скудный водой,
царем
Был у грубых селян. Встав из ничтожества

Первым я приобщил песню Эолии ⁷¹
К итальяским стихам. Славой заслуженной,
Мельпомена, гордись и, благосклонная,
Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу.

(Перевод С. Шервинского)

Книга четвертая

К Манлию Торквату

С гор сбегали снега, зеленеют луга муравую,
Кудрями кроется лес;
В новом наряде земля, и рекам снова просторно
Воды струить в берегах;

Грация с сестрами вновь среди нимф начинается,
нагая,
Легкий водить хоровод.
Ты же бессмертья не жди, — так год прожитой
нам вещает,
Месяц вещает и день.

Стужу растопит зефир, весну поглотившее лето
10 Тоже погибнет, когда
Щедрая осень придет, рассыпая дары, а за нею
Снова нахлынет зима.

Но в небесах за луною луна обновляется
вечно, —
Мы же в закатном краю,
Там, где родитель Эней, где Тулл ⁷² велелепный
и Марций ⁷³, —
Будем лишь тени и прах.
Знает ли кто, подарят ли нам боги хоть день на
придачу

К жизни, уже прожитой?
Пусть же минует все то наследников жадных,
чем можешь

20 Жизнь ты свою усладить!

Стоит тебе умереть, и Минос⁷⁴ совершит над
тобою

Непререкаемый суд, —
Ни красноречье тебя, ни твое благочестье,
ни знатность
К жизни, Торкват, не вернут,

Ибо Диана сама своего Ипполита⁷⁵ не в силах
Вывести из царства теней
И не способен Тезей⁷⁶ сокрушить оковы,
в которых

Страждет давно Пирифой.⁷⁷
(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

13. К Лике

Вняли, Лика, моим боги желаниям,
Вняли, Лика! И вот ты уже старишься,
А чтоб юной казаться,
Пьешь и пляшешь, бесстыдница,

Пьешь и хочешь зазвать песнью дрожащею
Ты Эрота, а тот жертву ждет новую
На ланитах цветущей
Хии, цитры владычицы.

10 Он, порхая, дубов дряхлых сторонится,
И тебя потому он обегает, что
У тебя уж морщины,
Зубы желты и снег в кудрях.

И ни косская ткань в краске пурпуровой,
Ни камней дорогих блеск не вернут тебе
Тех времен улетевших,
След которых лишь в записях.

Где же прелесть, увы, где же румянец твой,
Где движений краса? Прежняя Лика где,
Что любовью дышала,
20 Что меня у меня брала,

Состязаясь красой с юной Кинарою?
Но Кинаре судьба краткий лишь век дала,
Собираясь, вороне
Старой возрастом равную,

Лику долго хранить, чтоб этим зрелищем
Любоваться могли пылкие юноши,
Громким хохотом тешась
Пред обугленным факелом.

(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

ЭПОДЫ

7. К римскому народу

Куда, куда вы валите, преступные,
Мечи в безумье выхватив?!¹
Неужто мало и полей, и волн морских
Залито кровью римскою —
Не для того, чтоб Карфагена жадного
Сожгли твердыню римляне,
Не для того, чтобы британец сломленный
Прошел по Риму скованным,
А для того, чтобы, парфянам на руку,
10 Наш Рим погиб от рук своих?
Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Враждуя лишь с другим зверьем!
Ослепли вы? Влечет вас всех неистовство?
Иль чей-то грех? Ответствуйте!
Молчат... И лица все бледнеют мертвенно,
Умы — в оцепенении...
Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая
За тот братоубийства день,
Когда лилась кровь Рема неповинного²,
Кровь, правнуков заклывшая.

(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

15. К Неэре

Ночью то было — луна сияла с прозрачного
неба
Среди мерцанья звездного,
Страстно когда ты клялась, богов оскорбляя
заране, —
Клялась, твердя слова мои
И обвиняя тесней, чем плющ ствол дуба
высокий,
Меня руками гибкими,
Ты повторяла: доколь Орион мореходов
тревожит,

А волк грозит стадам овец,
Длинные ветер доколь развеивает власы
Аполлона —

10 Взаимной будет страсть твоя!
Больно накажет тебя мне свойственный нрав,
о Неэра:

Ведь есть у Флакка мужество, —
Он не претерпит того, что ночи даришь ты
другому, —

Найдет себе достойную,
И не вернет твоя красота мне прежнего чувства,
Раз горечь в сердце вкралась!

Ты же, соперник счастливый, кто б ни был, ты,
тщетно гордишься,

Моим хвалясь несчастьем;
Пусть ты богат и скотом и землею, пусть
протекает

20 По ней рекою золото;
Пусть доступны тебе Пифагора³ воскресшего
тайны,

Прекрасней пусть Нирея⁴ ты, —
Всё же, увы, и тебе оплакать придется измену:
Смеяться будет мой черед!

(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

16. К римскому народу

Вот уже два поколения томятся гражданской
войною,

И Рим своей же силой разрушается, —
Рим, что сгубить не могли ни марсов⁵ соседнее
племя,

Ни рать Порсены⁶ грозного этруская,
Ни соревнующий дух капуанцев⁷, ни ярость
Спартака,

Ни аллоброги⁸, в пору смут восставшие.
Рим, что сумел устоять пред германцев ордой
синеокой,

Пред Ганнибалом, в дедах ужас вызвавшим,
Ныне загубит наш род, заклятый братскою
кровью, —

10 Отдаст он землю снова зверю дикому!
Варвар, увы, победит нас и, звоном копыт
огласивши

Наш Рим, над прахом предков надругается,

Кости Квирина, что век не знали ни ветра, ни
солнца,

О, ужас! будут дерзостно разметаны...

Или, быть может, вы все иль лучшие, ждете
лишь слова

О том, чем можно прекратить страдания?

Слушайте ж мудрый совет: подобно тому как
фокейцы⁹,

20 Проклявши город, всем народом кинули
Отчие нивы, дома, безжалостно храмы забросив,
Чтоб в них селились вепри, волки лютые, —

Так же бегите и вы, куда б не несли ваши ноги,
Куда бы ветры вас ни гнали по морю!
Это ли вам по душе? Иль кто надоумит
иначе?

К чему же медлить? В добрый час,
отчаливай! <...>

41 Манит нас всех Океан, омывающий землю
блаженных.

Найдем же землю, острова богатые,
Где урожаи дает ежегодно земля без распашки,
Где без ухода вечно виноград цветет,
Завязь приносят всегда без отказа все ветви
маслины

И сизым плодам убрана смоковница;
Мед где обильно течет из дубов дуплистых,
где с горных

Сбегают высей вод струи гремячие.
Без понуждения там к двойникам устремляются
козы.

50 Спешат коровы к дому с полным выменем;
С ревом не бродит медведь там вечерней порой
у овчарни,

Земля весной там не кишит гадюками.
Многих чудес благодать нас ждет: не смывает
там землю

Дождливый Эвр¹⁰ струями непрестанными
И плодородных семян не губит иссохшая почва:
Там Царь Бессмертных умеряет все и вся;
Не угрожают скоту в той стране никакие заразы,
И не томится он от солнца знойного.

Не устремляли в тот край свой корабль гребцы
Аргонавты¹¹,

60 Распутница Медея не ступала там;

В этом есть разница! Можно завидовать праву
 начальства,
 50 Но недоступна для зависти дружба твоя, потому что
 Только достойных берешь ты в друзья, чуждаясь
 искательств.
 Я не скажу, чтоб случайному счастью был
 я обязан
 Тем, что мне выпала честь себя называть твоим
 другом.
 Нет! Не случайность меня указала тебе,
 а Вергилий,
 Муж превосходный, и Варий² тебе обо мне
 рассказали.
 В первый раз, как вошел я к тебе, я сказал
 два-три слова:
 Робость безмолвная мне говорить пред тобою
 мешала.
 Я не пустился в рассказ о себе, что высокого
 рода,
 60 Что объезжаю свои поля на коне сатурейском;
 Просто сказал я, кто я. Ты ответил мне тоже два
 слова,
 Я и ушел. Ты меня через девять уж месяцев
 вспомнил;
 Снова призвал и дружбой своей удостоил.
 Горжуся
 Дружбою мужа, который достойных людей
 отличает
 И не на знатность глядит, а на жизнь и честное
 сердце.
 Если же я по природе моей от тяжелых
 пороков
 Чист, и дурного во мне лишь немного, подобно
 родимым
 Пятнам на теле здоровом; и если ушел от упрека
 В скупости, в подлости или же в низком,
 постыдном разврате,
 Если я чист и невинен душой и друзьям
 драгоценен
 70 (Вот как себя я хвалю!), — я отцу моему тем
 обязан.
 Беден он был и владел не большим и
 не прибыльным полем,

К Флавию в школу, однако, меня не хотел
 посылатъ он,
 В школу, куда сыновья благородные
 центурионов³,
 К левой подвесив руке пеналы и счетные доски,
 Шли и в платежные дни⁴ восемью медьями
 звенели.
 Нет, решился он мальчика в Рим отвезти, чтобы
 там он
 Тем же учился наукам, которым сенатор
 и всадник
 Каждый своих обучают детей. Среда толпы
 заприметив
 Платье мое и рабов провожатых, иной бы
 подумал,
 80 Что расход на меня мне в наследство оставили
 предки.
 Сам мой отец всегда был при мне
 неподкупнейшим стражем;
 Сам, при учителе, тут же сидел. Что скажу я?
 Во мне он
 Спас непорочность души, залог добродетелей
 наших,
 Спас от поступков дурных и от всех подозрений
 позорных.
 Он не боялся упрека, что некогда буду я то же,
 Что он и сам был: публичный глашатай иль
 сборщик⁵; что буду
 Малую плату за труд получать. Я и тут не
 роптал бы;
 Ныне ж тем больше ему я хвалу воздаю
 благодарно.
 Нет! Покуда я смысл сохраню, сожалеть я
 не буду,
 90 Что у меня такой был отец; не скажу, как
 другие,
 Что-де, не я виноват, что от предков рожден
 несвободных.
 Нет! Ни в мыслях моих, ни в словах я не
 сходствую с ними!
 Если б природа нам прежние годы, прожитые
 нами,
 Вновь возвращала и новых родителей мы
 избирали,

- Всякий бы выбрал других, честолюбия гордого
 Я же никак не хотел бы родителей, коих ^{в меру,}
 Ликторов связки и кресла курульные ^{отличие —} ^{6.} Может
 Я бы казался безумцем; но ты бы признал мой ^{быть, черни}
 В том, что я не взвалил на себя ^{рассудок} непривычное
 бремя. <...>
- 110 Впрямь, мне спокойнее жить, чем тебе,
 знаменитый сенатор!
 Да и спокойней, чем многим другим. Куда
 Я отправляюсь один, справляюсь о ценности ^{пожелаю,}
 хлеба,
 Да о цене овощей, плутовским пробираюсь
 я цирком ^{7;}
 Под вечер часто на форум — гадалелей слушать;
 оттуда
 Я домой к пирогу, к овощам. Нероскошный мой
 ужин
 Трое рабов подают. На мраморе белом два
 кубка
 С ковшиком винным стоят, простая солонка,
 и чаша,
 И узкогорлый кувшин — простой, кампанийской
 работы ^{8.}
 Спать я иду, не заботясь о том, что мне надобно
 завтра
- 120 Рано вставать <...>
 Сплю до четвертого часа; потом, погулявши,
 читаю
 Или пишу втихомолку я то, что меня занимает;
 После я маслом натрусь — не таким, как
 запачканный Натта,
 Краденным им из ночных фонарей. Уставши
 от зноя,
 Брошу я мяч и с Марсова поля отправлюсь
 в баню.
 Ем, но не жадно, чтоб легким весь день
 сохранить мой желудок.
 Дома потом отдохну. Жизнь подобную только
 проводят

Люди, свободные вовсе от уз честолюбия
тяжких.
130 Я утешаюсь тем, что приятней живу, чем
когда бы
Квестором был мой отец, или дедушка, или же
дядя.
(Перевод М. Дмитриева)

Книга вторая

6

Вот в чем желания были мои: необширное
поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий
источник,
К этому лес небольшой! И лучше и больше
послали
Боги бессмертные мне; не тревожу их просьбою
боле,
Кроме того, чтобы эти дары мне оставил
Меркурий.
Если достаток мой я не умножил постыдной
корыстью;
Если его не умалил небрежностью иль
беспорядком;
Если я дерзкой мольбы не взношу к небесам, как
другие:
«О, хоть бы этот еще уголок мне прибавить
к владенью!»
10 Хоть бы мне урну найти с серебром, как
наемник, который,
Взыскан Алкидом⁹, купил и себе обрабатывать
начал
Поле, которое прежде он сам пахал на другого»;
Если доволен я тем, что имею, — прошу,
о Меркурий:
Будь покровителем мне, пусть толще становится
скот мой,
Как и иное добро, а тонким лишь ум остается!
Скрывшись от шумного города в горы мои,
как в твердыню,
Чуждый забот честолюбья, от ветров осенних
укрытый,
Страшную жатву всегда приносящих тебе,
Либитина¹⁰,

- Что мне воспеть в сатирах моих, с моей
 скромною Музой¹¹?
 20 Раннего утра отец¹²! Или (если приятней
 другое
 Имя тебе), о бог Янус, которым все люди
 Жизни труды начинают, как боги им повелели!
 Будь ты началом и этих стихов! Не ты ль меня
 в Риме
 Гонишь с постели: «Вставай! Торопись
 поручиться за друга!»
 Северный ветер ли землю грызет, зима ль
 выгоняет
 Солнце сквозь снег на низкое небо, —
 нет нужды, иду я
 Голосом ясным ручательство дать, — себе
 в разоренье! —
 Чтобы потом, продираясь назад чрез толпу,
 вдруг услышать
 Голос обидный: «Куда ты несешься? Чего тебе
 надо?»
 30 Или затем лишь толкаешься ты как шальной
 с кем попало,
 Чтобы скорее опять побежать к твоему
 Меценату?»
 Этот упрек, признаюсь, мне сладок, как мед!
 Но лишь только
 До Эсквилинской дойдешь высоты¹³, как
 вспомнишь, что сотня
 Дел на плечах. Там Росций просил побывать
 у Колодца
 Завтра поутру; а тут есть общее новое дело —
 Скрибы¹⁴ велели напомнить: «Квинт, не забудь,
 приходи же!»
 Тут кто-нибудь подойдет: «Постарайся, чтоб
 к этой бумаге
 Твой Меценат печать приложил». Говорю:
 «Постараюсь!»
 Слышу в ответ: «Тебе не откажет! Захочешь, так
 сможешь!»
 40 Да! Скоро будет осьмой уже год, как я
 к Меценату
 Стал приближен, как я стал в его доме своим
 человеком,
 Близость же эта вся в том, что однажды с собою
 в коляске

Брал он в дорогу меня, а доверенность — в
самых безделках!
Спросит: «Который час дня?» иль: «Какой
гладиатор искусней?»
Или заметит, что холодно утро и надо беречься;
Или другое, что можно доверить и всякому уху!
Но невзирая на это, завистников больше

и больше
С часу на час у меня. Покажусь с Меценатом
в театре
Или на Марсовом поле, — все в голос: «Любимец
Фортуны!»

- 50 Чуть разнесутся в народе какие тревожные слухи,
Всякий, кого я ни встречу, ко мне приступает
с вопросом:
«Ну, расскажи нам (тебе, без сомненья, все уж
известно,
Ты ведь близок к богам!) — не слыхал ли чего ты
о даках?»
«Я? Ничего!» — «Да полно шутить!» — «Клянусь,
что ни слова!»
«Ну, а те земли, которые воинам дать обещали,
Где их, в Сицилии или в Италии Цезарь
назначил?»
Ежели я поклянусь, что не знаю, — дивятся,
и всякий
Скрытым меня человеком с этой минуты
считает!

- Так я теряю мой день и нередко потом
восклицаю:
60 — О, когда ж я увижу поля! И когда же смогу я
То над писаньями древних, то в сладкой дремоте
и в лени
Вновь наслаждаться блаженным забвением
жизни тревожной!
О, когда ж на столе у меня появятся снова
Боб, Пифагору родной¹⁵, и с приправою жирною
зелень!
О пир, достойный богов, когда вечераю
с друзьями
Я под кровом домашним моим и трапезы
остатки
Весело сносят рабы и потом меж собою пируют.
Каждому гостю закон — лишь собственный вкус
и охота,

- Каждый по-своему пьет: иной выбирает
покрепче;
70 Ну, а иному милей разбавленным тешиться
Вакхом.
Нашей беседы предмет — не дома и не земли
чужие;
Наш разговор не о том, хорошо ли и ловко ли
пляшет
Лепос, но то, что нужнее, что вредно не знать
человеку.
Судим, богатство ли делает иль добродетель
счастливым,
Выгоды или достоинства к дружбе вернее
приводят;
В чем существо добра и в чем высочайшее
благо?
Цервий меж тем, наш сосед, побасёнку
расскажет нам кстати.
Если богатство Ареллия кто, например,
превозносит,
80 Не слыхав о заботах его, он так начинает:
«Мышь деревенская раз городскую к себе
пригласила
В бедную нору — они старинными были
друзьями,
Скучно хозяйка жила, но для гостыи всю душу
открыла
Чем богата, тем рада; что было — ей все
предложила
Кучку сухого гороха, овса; притащила в зубах ей
Даже изюму и сала обглоданный прежде кусочек,
Думая в гостье хоть разностью явств победить
отвращенье.
Гостья брезгливо глядит, чуть касается кушаний
зубом,
Между тем как хозяйка, все лучшее ей
уступивши,
Лежа сама на соломе, лишь куколь с мякиной
жевала.
90 Вот наконец горожанка так речь начала: «Что за
радость
Жить, как живешь ты, подруга, в лесу, на горе,
среди лишений!
Разве не лучше дремучих лесов многолюдный
наш город?

Хочешь — пойдем со мною туда! Все, что
 жизнию дышит,
 Смерти подвластно на нашей земле: и великий
 и малый,
 Смерти никто не уйдет: для того-то, моя
 дорогая,
 Если ты можешь, живи, наслаждаясь, и
 пользуйся жизнью,
 Помня, что краток наш век». Деревенская мышь,
 убежденья
 Дружбы послушавшись, прыг — и тотчас из норы
 побежала
 Обе направили к городу путь, чтобы затемно
 тайно
 100 В стену пролезть. И уж ночь, совершая свой путь
 поднебесный,
 За половину прошла, когда наконец две подруги
 Прибыли к пышным палатам; вошли: там
 пурпур блестящий
 Ложам роскошным из кости слоновой служил
 драгоценным
 Мягким покровом; а там в корзинах, наваленных
 грудой,
 Были на блюдах остатки вчерашнего пышного
 пира.
 Вот, уложив деревенскую гостью на пурпурном
 ложе,
 Стала хозяйка ее угощать, хлопоча деловито:
 Яства за яствами ей подает, как привычный
 служитель,
 Не забывая лизнуть и сама от каждого блюда.
 110 Та же, разлегшись спокойно, так рада судьбы
 перемене,
 Так весела на пиру! Но вдруг громыхнули
 запоры,
 С треском скрипнула тяжелая дверь — и хозяйка
 и гостя
 С ложа скорее долой и дрожа заматались
 по зале.
 Дальше — больше: совсем еле живы, услышали
 мышки
 Зычное лаянье псов. «Ну нет! — говорит
 поселянка. —
 Эта жизнь не по мне. Наслаждайся одна, а
 я снова

На гору, в лес мой уйду — преспокойно глотать
чечевицу!»

(Перевод М. Дмитриева)

НАУКА ПОЭЗИИ

К Пизонам¹

- Если художник решит приписать к голове
человечьей
Шею коня, а потом облечет в разноцветные
перья
Тело, которое он соберет по куску отовсюду —
Лик от красавицы девы, а хвост от чешуйчатой
рыбы, —
Кто бы, по-вашему, мог, поглядев, удержаться
от смеха?
Верьте, Пизоны: точь-в-точь на такую похожа
картину
Книга, где образы все бессвязны, как бред
у больного,
И от макушки до пят ничто не сливается
в цельный
Облик. Мне возразят: «Художникам, как и
поэтам,
10 Издавна право дано дерзать на все, что угодно!»
Знаю, и сам я беру и даю эту вольность
охотно —
Только с умом, а не так, чтоб недоброе путалось
с добрым,
Чтобы дружили с ягнятами львы, а со змеями
пташки.
Так ведь бывает не раз: к обещавшему много
зачину
Вдруг подшивает поэт блестящую ярко заплату,
Этакий красный лоскут — описание ли рощи
Дианы,
Или ручья, что бежит, извиваясь, по чистому
лугу,
Или же Рейна-реки, или радуги в небе
дождливом, —
Только беда: не у места они. Допустим, умеешь
20 Ты рисовать кипарис, — но зачем, коль щедрый
заказчик

Чудом спасается вплавь из обломков крушения?
 Допустим,
 Начал ты вазу лепить, — зачем же сработалась
 кружка?
 Стало быть, делай, что хочешь, но делай
 простым и единым.
 Нас ведь, поэтов, отец и достойные дети, обычно
 Призрак достоинств сбивает с пути. Я силюсь
 быть краток —
 Делаюсь темен тотчас; кто к легкости только
 стремится —
 Вялым становится тот; кто величия
 ищет — надутым;
 Кто осторожен, боится упасть, — тот влачится
 во прахе;
 Ну, а кто пожелал пестротою рискнуть
 непомерной,
 30 Тот пририсует и вепря к реке, и дельфина
 к дубраве:
 Если науки не знать — согресишь, избегая
 ошибки!
 Возле Эмильевой школы² любой ремесленник
 сможет
 Очень похоже отлить из бронзы и ноготь
 и волос,
 Статуи все же ему не создать, коли он не умеет
 В целое их сочетать. Не хотел бы таким
 оказаться
 Я в сочиненьях моих: не хотел бы я быть
 кривоносым,
 Даже когда у меня и глаза и кудри на славу.
 Взявшись писать, выбирайте себе задач
 по силам!
 Прежде прикиньте в уме, что смогут вынести
 плечи,
 40 Что не поднимут они. Кто выбрал посильную
 тему,
 Тот обретет и красивую речь, и ясный порядок.
 Ясность порядка и прелесть его (или я
 ошибаюсь?)
 В том всегда состоит, чтоб у места сказать об
 уместном,
 А остальное уметь отложить до нужного часа.
 Даже в плетении слов поэт осторожный
 и чуткий,

- Песню начав, одно предпочтет, а другое
отвергнет.
Лучше всего освежить слова сочетаньем
умелым —
Ново звучит и привычное в нем. Но если
придется
50 Изобретая слова, каких не слышали Цетеги³, —
Будет и здесь позволение дано и принято
с толком,
Будет и к этим словам доверье, особенно, если
Греческим в них языком оросится латинская
нива.
То, что посмели Цецилий⁴ и Плавт, ужель
не посмеют
Делать Вергилий и Варий? А я в моих скромных
стараньях, —
Чем я хулу заслужил, когда Энний с Катонем
Обогащали латинскую речь находками новых
Слов и названий? Всегда дозволено было и будет
Новым чеканом чеканить слова, их в свет
выпуская!
60 Словно леса меняют листву, обновляясь
с годами,
Так и слова: что раньше взросло, то и раньше
погибнет,
А молодые ростки расцветут и наполнятся
силой.
Смерти подвластны и мы и все, что воздвигнуто
нами. <...>
Вечно ли будет язык одинаково жив и прекрасен?
70 Нет, возродятся слова, которые ныне забыты,
И позабудутся те, что в чести, — коль захочет
обычай,
Тот, что диктует и меру, и вкус, и закон нашей
речи. <...>
86 Если не знать, что к чему, не владеть оттенками
стиля,
Не соблюдать их черед, — за что же мне зваться
поэтом?
Только ложный стыд предпочтет незнание
ученью!
Как комедийный предмет в трагический стих не
ложится,
90 Так и Фиестов пир⁵ гнушается легких
размеров —

- Тех, что к лицу обыдённым речам да комическим
 пляскам;
 Пусть же каждый прием соблюдает пристойное
 место!
 Мало стихам красоты — пускай в них будет
 улада,
 100 Пусть увлекают они за собой наши лучшие
 чувства!
 Лица людей смеются с смеющимся, с плачущим
 плачут, —
 Сам ты должен страдать, чтобы люди тебе
 сострадали,
 Только тогда твои злоключения вызовут слезы,
 Будь ты Телеф иль Пелей⁶. А начнешь болтать
 как попало, —
 Я посмеюсь, а то и засну. Печальные лица
 С грустною речью в ладу, сердитые — с гневною
 речью,
 Лица веселые — с шуткой, а строгие — с важным
 уроком
 Так уж устроены мы: на любое стечение событий
 В нас сперва отвечает душа — удовольствием,
 гневом
 110 Или тоской, что гнетет до земли и сжимает нам
 горло, —
 А уж потом движенья души выливаются в слово.
 Если же речи лица не согласны с его
 положеньем,
 Весь народ начнет хохотать — и всадник
 и пеший.
 Разница будет всегда: говорят ли герои иль
 боги,
 Или маститый старик, или юноша свежий
 и пылкий,
 Властная мать семьи иль всегда хлопотливая
 няня,
 Вечный скиталец — купец, или пахарь зеленого
 поля,
 Иль ассириец, иль колх, иль фиванец, иль Аргоса
 житель.
 Следуй преданью, поэт, а в выдумках будь
 согласован!
 120 Если выводishь ты нам Ахилла, покрытого
 славой,

Как Антифат⁹, циклоп Полифем и Сцилла
с Харибдой¹⁰
Он Диомедов возврат¹¹ не начнет
с Мелеагровой¹² смерти,
Он для Троянской войны не вспомнит про
Ледины яйца¹³:
Сразу он к делу спешит, бросая нас в гущу
событий,
Словно мы знаем уже обо всем, что до этого
было;
150 Все, что блеска рассказу не даст, он оставит
в покое;
И, наконец, сочетает он так свою выдумку
с правдой,
Чтобы началу конец отвечал, а им — середина.
Слушай, чего от тебя и я и народ мой
желаем,
Если ты хочешь, чтоб зритель сидел, не дыша,
наготове
Хлопать, как только актер под занавес:
«Хлопайте!» — скажет.
Должен представить ты нам все возрасты
в облике верном,
Для переменчивых лет приискав подходящие
краски. <...>
Много приносят добра человеку бегущие годы,
Много уносят с собой; так пусть стариковские
роли
Не поручают юнцу, а взрослые
роли — мальчишке;
Каждый должен иметь соответственный возрасту
облик
Действие мы или видим на сцене, иль слышим
в рассказе,
180 То, что дошло через слух, всегда волнует слабее,
Нежели то, что зорким глазам предстает
необманно
И достигает души без помощи слов
посторонних.
Тем не менее, ты не все выноси на подмостки,
Многое из виду скрой и речистым доверь
очевидцам.
Пусть малюток детей не при всех убивает Медея,
Пусть нечестивый Атрей человеческого мяса не
варит

- Пусть не становится Кадм змеею ¹⁴,
а птицею — Прокна ¹⁵
Видя подобное, я скажу с отвращением:
«Не верю!»
Действий в пьесе должно быть пять: ни меньше,
ни больше
- 190 Ежели хочет она с успехом держаться на сцене.
Бог не должен сходить для развязки узлов
пустяковых,
И в разговоре троим обойтись без четвертого
можно
Хору бывает своя поручена роль, как актеру:
Пусть же с нее не сбивается он, и поет между
действий
То, что к делу идет и к общей направлено цели.
Дело хора — давать советы достойным героям,
В буйных обуздывать гнев, а в робких
воспитывать бодрость.
Дело хора — хвалить небогатый стол селянина,
И справедливый закон, и мир на открытых
дорогах;
- 200 Дело хора — тайны хранить и бессмертным
молиться,
Чтобы удача к смиренным пришла и ушла от
надменных. <...>
- 285 Наши поэты брались за драмы обоего рода ¹⁶
И заслужили по праву почет — особенно там, где
Смело решались они оставить прописи греков
И о себе о самих претексты писать и тогаты.
Думаю даже, что наш язык сравнялся бы славой
- 290 С доблестью наших побед, когда бы латинским
поэтам
Их торопливость и лень не мешала отделять
строки.
Вы, о Помпилия кровь ¹⁷, не хвалите стиха, над
которым
Много и дней и трудов не потратил напилкок
поэта,
Десятикратно пройдясь и вылощив гладко под
ноготь!
Как-то сказал Демокрит ¹⁸, что талант важнее
ученья
И что закрыт Геликон ¹⁹ для поэтов со здоровым
рассудком.

Не оттого ли теперь не хотят ни стричься,
ни бриться
Наши певцы, сидят по углам и в баню не ходят,
Словно боясь потерять и званье и славу поэта,
300 Ежели голову вверят свою брадобрею Лищину.
<...>

Мудрость — вот настоящих стихов исток и
начало!
310 Всякий предмет тебе разъяснят философские
книги,
А уяснится предмет — без труда и слова
подберутся.
Тот, кто понял, в чем долг перед родиной, долг
перед другом,
В чем состоит любовь к отцу, и к брату, и к
гостю,
В чем заключается дело судьи, а в чем —
полководца
Или мужей, что сидят, управляя, в высоком
сенате, —
Тот для любого лица подберет подобающий
облик.
Далее, я прикажу, чтоб ученый умел подражатель
Жизнь и нравы людей наблюдать для
правдивости слога,
Драма, где мысли умны, а нравы очерчены
метко,
320 Даже если в ней нет изящества, важности,
блеска,
Большой имеет успех и держится дольше
на сцене,
Нежели та, где одни пустые и звонкие строчки.
Грекам, грекам дались и мысли, и дар
красноречья,
Ибо они всегда ценили одну только славу!
Ну, а у нас от ребяческих лет одно лишь
в предмете:
Медный асс²⁰ на сотню частей разделить без
остатка!
«Сын Альбина, скажи: какая получится доля,
Если отнять одну от пяти двенадцатых асса?» —
«Треть!» — «Молодец! Не умрешь без гроша!
А если прибавить?»
330 «...То половина!» — Корысть заползает, как
ржавчина, в души:

Можно ли ждать, чтобы в душах таких слагались
 песни,
 Песни, кедровых достойные масл и
 ларцов кипарисных?
 Или стремится поэт к услаждению, или же
 к пользе,
 Или надеется сразу достичь и того
 и другого.
 Кратко скажи, что хочешь сказать: короткие
 речи
 Легче уловит душа и в памяти крепче удержит,
 Но не захочет хранить мелочей, для дела не
 нужных.
 Выдумкой теша народ, выдумывай с истиной
 сходно
 И не старайся, чтоб мы любому поверили
 вздору,
 340 И не тащи живых малышей из прожорливых
 Ламий²¹.
 Строгих полки стариков в стихах лишь полезное
 ценят;
 Быстрые всадники знать не хотят никаких
 поучений;
 Всех соберет голоса, кто смешает приятное
 с пользой,
 И услаждая людей, и на истинный путь
 наставляя,
 Книга такая плывет за моря, приносит доходы
 Для продавца, а творцу дарит долголетнюю
 славу.<...>
 Все же послушай меня. В иных человеческих
 занятиях
 Даже посредственность в дело идет: правовед
 и оратор,
 370 Даже если один красноречьем уступит Мессале²²,
 А другой — широтою познаний Касцеллию
 Авлу²³,
 Все-таки оба в цене; а поэту посредственных
 строчек
 Век не простят ни люди, ни боги,
 ни книжные лавки!
 Как на богатом пиру нескладный напев
 музыкантов,
 Мак в сардинном меду иль масло, жирное
 слишком,

Нам претят, ибо мы и без них пировали бы
 славно, —
 Точно так и стихи, услада душевная наша,
 От совершенства на шаг отступив,
 бездарными будут.
 Кто не владеет мечом, тот не хочет
 на Марсово поле,
 380 Кто не держал ни мяча, ни диска, не бегал,
 не прыгал,
 Тот не пойдет состязаться, чтобы стать
 посмешищем людям.
 Только стихи сочиняет любой, не боясь неумения.
 А почему бы и нет! Он не раб, он хорошего
 рода,
 Всадником числится он, и в дурных делах
 не замечен.
 Ты же, прошу, ничего не пиши без воли
 Минервы:
 Вот тебе главный совет. А ежели что и
 напишешь —
 Прежде всего покажи знатоку — такому, как
 Меций²⁴,
 Или отцу, или мне; а потом до девятого года
 Эти стихи сохраняй про себя: в неизданной книге
 390 Можно хоть все зачеркнуть, а издашь — и словца
 не исправишь. <...>
 Что придает стихам красоту: талант иль
 наука?
 Вечный вопрос! А по мне, ни старанье без
 божьего дара.
 410 Ни дарованье без школы хорошей плодов
 не приносит:
 Друг за друга держась, всегда и во всем они
 вместе.
 Тот, кто решил на бегах обогнуть вожденную
 мету,
 Жил с малолетства в трудах, не знал ни Венеры,
 ни Вакха,
 Много и мерз и потел; кто идет состязаться
 на флейтах,
 Долго учился сперва и дрожал пред учителем
 строгим;
 Нам же довольно сказать: «Я на диво стихи
 сочиняю —
 Все остальное провал побери, а мне неприлично

Вдруг признаться, что я, не учась, чего-то
не знаю».

- Как созывает глашатай народ к продаже
имений,
420 Так и льстецов созывает поэт, к себе на
поживу. <...>
Если ты дал или дашь клиенту богатый
подарок, —
Не приглашай его слушать стихи, — он заранее
полон
Счастья, он будет кричать: бесподобно,
прекрасно, прелестно,
Будет краснеть и бледнеть, глаза отуманит
слезою,
430 Будет подскакивать с места и оземь
притопывать пяткой.
Как в похоронных рядах наемный плакальщик
будет
Громче рыдать и заметней, чем тот, кто
и вправду горюет,
Так всегда лицемер крикливей, чем честный
хвалитель.
Видно, недаром у персов цари за полную чашей
Чистым пытаются вином, желая узнать человека,
Верный он друг или нет. И если стихи ты
слагаешь,
Остерегись лицемерных лжецов с их лисей
личиной.
Если Квинтилию²⁵ ты читал свои сочиненья,
Он говорил: «Исправь-ка вот то и это словечко».
440 Ты возражал, что пытался не раз, но все
понапрасну, —
Он предлагал зачеркнуть весь стих и пустить
в перековку.
Если же ты начинал защищать неудачное место
Вместо того, чтоб его изменить, — он больше ни
слова:
Можешь себя и творенья свои без соперников
нежить!
Здравый и дельный ценитель бессильные строки
осудит,
Грубым предъявит упрек, небрежные — черным
пометит
Знаком, перо повернув, излишнюю пышность —
урежет,

Там, где слишком темно, — прикажет света
 Там, где двусмысленность, — вмиг уличит, где
 исправить — укажет;
 450 Строгий, как сам Аристарх²⁶, и не скажет:
 «Зачем же мне друга
 Из пустяков обижать?» Пустяки-то к беде
 и приводят,
 Если за них навсегда осмеют и отвергнут
 поэта. <...>
 (Перевод М. Гаспарова)

Примечания

Оды

¹ Меценат был потомком этруских царей. ² Квирины — римские граждане. ³ С поля ливийского — т. е. из Африки, где находились богатые землевладельческие поместья. ⁴ Евтерпа — муза, покровительница лирической поэзии. ⁵ Полигимния — муза, покровительница поэзии гимнов. ⁶ Имеется в виду творчество греческих лириков Сапфо и Алкея, живших на острове Лесбосе (VI в. до н. э.). ⁷ Отец — имеется в виду Юпитер. ⁸ Город — здесь: Рим. ⁹ Кремль — здесь Капитолий, холм, где находился храм Юпитера. ¹⁰ Грозный век... Пирры — всемирный потоп (см.: Овидий «Метаморфозы»). ¹¹ Протей — морской бог, пас тюленей стада Посейдона. ¹² От берегов этруских — т. е. от Тирренского моря, называвшегося также Этруским, в которое впадает Тибр. ¹³ Веста — богиня домашнего очага. ¹⁴ Илия (Рея Сильвия) — мать Ромула и Рема, по преданию, бросилась в Тибр, но была спасена богом реки Тиберином и стала его женой. ¹⁵ Марс-прародитель — бог Марс считался отцом основателей Рима Ромула и Рема. ¹⁶ Сын... Майи — Меркурий. ¹⁷ Квин — другое имя Ромула. ¹⁸ Свет братьев Елены — звезд: Кастор и Полидевк, сыновья-близнецы Юпитера и Леды, братья Елены Прекрасной, были превращены в звезды. Кастор и Полидевк считались покровителями моряков. ¹⁹ Африк (римск.) — юго-западный ветер. ²⁰ Аквилон (римск.) — северный ветер. ²¹ С восходом созвездия Гиад начинался период дождей. ²² Нот (римск.) — южный ветер. ²³ Акрокеравний (греч.) — мыс с опасными для моряков скалами, (перен.) опасные скалы. ²⁴ Сын Иапета — Прометей. ²⁵ Дедал — мифический мастер и художник, изобретатель крыльев (см.: Овидий «Метаморфозы»). ²⁶ Геркулес (Геракл) проник в царство мертвых и похитил Цербера — пса, стража Аида. ²⁷ Грации — богини изящества и красоты. ²⁸ Циклопы — мифические чудовища. ²⁹ Фавн — лесное божество. ³⁰ Понт — здесь: море. ³¹ Глазит со священной стены надпись — т. е. табличка с благодарственной надписью богу за спасение от несчастья. Гораций, избавившись от любви к Пирре, изображает себя спасшимся от кораблекруше-

ния и приносящим, по обычаю, жертву богу моря. ³² *Соракт* — гора недалеко от Рима. ³³ *Сабинская амфора* — т. е. амфора, сделанная в Сабине, местности, где находилось имение Горация. ³⁴ *Вавилонские таблицы* — таблицы халдейских (вавилонских) гадателей; гороскоп. ³⁵ *Понтийские леса* — строительный корабельный лес добывался в Понте (М. Азия). ³⁶ *Циклады* (Киклады) — каменные острова в самой опасной части Эгейского моря. Корабль в этой оде является аллегорией государства. ³⁷ *Салийские угощения* — пиршества в честь богов, устраивались коллегией жрецов-салиев и отличались богатством и роскошью. ³⁸ *Царица* — речь идет о царице Египта Клеопатре. Ода написана в честь победы Октавиана над Антонием и Клеопатрой при Акции (31 г. до н. э.). Не желая попасть в плен к римлянам, Клеопатра покончила жизнь самоубийством. ³⁹ *Парки* — богини судьбы в римской мифологии, прядущие нить человеческой жизни и обрывающие ее. ⁴⁰ *Инах* — основатель Аргоса и его первый царь. ⁴¹ Ода приводится в переводе А. С. Пушкина (Полн. собр. соч. Т. 3), не сохранившего размер подлинника. ⁴² *Эрмий* — Меркурий. ⁴³ Имеется в виду *Герийон* — трехголовый великан, по преданию, убитый Гераклом, похитившим коров Герийона. ⁴⁴ Подразумевается Лета, река в подземном царстве. ⁴⁵ *Австр* — южный ветер. ⁴⁶ *Коцит* — река в подземном царстве. ⁴⁷ *Сизиф* — коринфский царь, сын бога Эола, после смерти наказан богами за свои преступления; он должен был вкатывать в гору камень, который скатывался обратно вниз. ⁴⁸ *Цекубских гроздей сок* — цекубское вино; считалось одним из лучших в Италии. ⁴⁹ *Понтифики* — члены жреческой коллегии; их роскошные пиры вошли в поговорку. ⁵⁰ *Марк Порций Катон Старший* (234 — 149 г. до н. э.) — римский политический деятель, прославился защитой старинной патриархальной морали и строгостью при исполнении обязанностей цензора. ⁵¹ *Тифон* — возлюбленный богини Эос (Авроры); по просьбе Эос ему было даровано бессмертие, но богиня забыла попросить для него дар вечной юности, и Тифон, иссохнув от старости, превратился в кузнечика. ⁵² *Камена* — латинское наименование музы. ⁵³ *Певец двуликий* — поэт в образе человека и лебедя. ⁵⁴ *Стикс* — река в подземном царстве. ⁵⁵ *Сын Дедалов* — Икар (см.: Овидий «Метаморфозы»). ⁵⁶ *Гиперборейские поля* — имеется в виду север. ⁵⁷ Имеется в виду миф о победе Юпитера (Зевса) над гигантами, сыновьями Земли, пытавшимися свергнуть его с престола. ⁵⁸ *Гед* — звезда в созвездии Возничего, *Арктур* — звезда в созвездии Волопаса. Восход Геды и закат Арктура (октябрь — ноябрь) знаменуют период осенних бурь на море. ⁵⁹ *Нард* — благовоние. ⁶⁰ *Церерины святыне тайны* — элевсинские мистерии, тайнства в честь Цереры (Деметры), богини плодородия, доступные только посвященным, разглашение этих тайн было религиозным преступлением. ⁶¹ *Диеспитер* — Юпитер. ⁶² *Монез* — парфянский полководец, нанесший поражение римлянам в 36 г. до н. э. *Пакор* — сын парфянского царя, разбившего римлян в 40 г. до н. э. ⁶³ *Пуны* — карфагеняне. ⁶⁴ *Пирр* — царь Эпира (III в. до н. э.), воевавший с Римом. ⁶⁵ *Антиох* — царь Сирии, побежденный римлянами в 190 г. до н. э. под Магнесией (III в. до н. э.). ⁶⁶ *Ганнибал* —

главнокомандующий карфагенян во II Пунической войне. ⁶⁷ *Близнецы* — созвездие Близнецов (см.: «Оды», прим. 18). ⁶⁸ *Мельпомена* — муза трагедии (первоначально — муза песни). ⁶⁹ Ежегодный обряд освящения Рима, совершаемый верховным понтификом и старшей весталкой, которая по ритуалу должна была хранить молчание. Этот обряд представлен Горацием как символ вечности Рима. ⁷⁰ *Авфид* — река в Апулии, на родине Горация; *Давн* — мифический царь Апулии. ⁷¹ *Песни Золии* — греческая лирика, стихи Сапфо и Алкея, писавших на золийском диалекте греческого языка. ⁷² Тулл Гостилий, третий римский царь. ⁷³ Анк Марций, четвертый римский царь. ⁷⁴ *Минос* — мифический царь Крита, судья в подземном царстве. ⁷⁵ *Ипполит* — герой греческой мифологии, почитавший богиню Артемиду (Диану) и не чтивший Афродиту (Венеру). Афродита погубила Ипполита, и Артемида не смогла его спасти (см.: Еврипид «Ипполит»). ⁷⁶ *Тезей* — отец Ипполита, по преданию, царь Афин. ⁷⁷ *Пирифой* — царь лапифов, друг Тезея, был прикован к скале в подземном царстве за то, что хотел похитить Персефону (Прозерпину).

Эподы

¹ Гораций говорит здесь о гражданской войне в Риме между Октавианом и Секстом Помпеем (43—40 г. до н. э.). ² По преданию, Рем был убит своим братом Ромулом за то, что в насмешку над ним перепрыгнул через стену города, воздвигнутого Ромулом. ³ *Пифагор* — греческий философ (VI в. до н. э.). ⁴ *Нирей* — считался самым прекрасным (после Ахилла) из греков, участвовавших в Троянской войне. ⁵ *Марсы* — воинственное италийское племя. ⁶ *Порсена* — этрусский царь, осаждавший Рим. ⁷ *Капуя* — город в Кампании на юге Италии, соперничавший с Римом. ⁸ *Аллоброги* — галльское племя, враждебно настроенное к Риму. ⁹ *Фокейцы* — жители города Фокеи в Ионии, покинув свою землю, переселились на Корсику. ¹⁰ *Эвр* (римск.) — восточный ветер. ¹¹ *Аргонавты* — участники похода греческих героев за золотым руном на корабле «Аргон».

Сатиры

¹ Этруски считались выходцами из Лидии. ² *Варий* — римский поэт I в. до н. э. ³ *Центурион* — низший командный чин в римском войске. ⁴ *Платежные дни* — иды (13-е или 15-е число каждого месяца), когда производилась уплата долгов. ⁵ *Сборщик* — т. е. сборщик налогов. ⁶ *Ликторов связки* — фасции и курульное кресло — знаки отличия магистрата. ⁷ *Плутовской цирк* — район Большого цирка, здесь собирались всевозможные мошенники, воры и т. п. ⁸ Названа так по области Южной Италии — Кампании. ⁹ *Алкид* — Геркулес, считавшийся хранителем кладов. ¹⁰ *Либицина* — богиня похорон. ¹¹ Здесь имеется в виду муза сатиры. ¹² Т. е. Янус, в мифологии бог всякого начала. ¹³ *Эсквилинская высота* — Эсквилинский холм в Риме, где находился дом Мecenата. ¹⁴ *Скрибы* — писцы, секретари римских магистратов. ¹⁵ Пифагорейцы не употребляли в пищу мяса и бобов, так как, по их представлениям, в животных и в эти растения могли переселяться души людей.

¹ *Пизоны* — римская аристократическая фамилия, которая вела свой род от второго римского царя Нумы Помпилия. ² *Школа Эмильева* — школа гладиаторов, располагавшаяся недалеко от Большого цирка. ³ *Цетегии* — римская аристократическая фамилия; здесь: древние римляне. ⁴ *Цецилий* — римский комический поэт (III—II в. до н. э.). ⁵ *Фиестов пир* — сюжет из греческой мифологии: Атрей убил детей своего брата Фиеста и накармил его их мясом. ⁶ *Телеф* — мифический царь Мизии; *Пелей* — отец Ахилла, изгнанный из родных мест, — выступали как персонажи трагедий. ⁷ Герои греческой мифологии: *Медея* — дочь колхидского царя Эета, увезенная Ясоном, вождем аргонавтов, в Грецию и покинутая им. Чтобы отомстить Ясону, Медея убивает своих детей (см.: Еврипид «Медея»; Сенека «Медея»). *Ино* — дочь Кадма, жена Атаманта; за то, что она воспитала бога Диониса, сына сестры Семелы, Атамант преследовал ее. Спасаясь от него, Ино бросилась в реку. *Ио* — дочь Инаха, царя Аргоса, возлюбленная Юпитера (Зевса). Ревнивая Юнона (Гера), жена Юпитера, обратила ее в корову, которую вечно гнал овод (см.: Эсхил «Прикованный Прометей»). *Орест* — сын царя Агамемнона, убивший свою мать Клитемнестру в отмщение за убитого ею Агамемнона (см.: Эсхил «Орестея»). *Иксион* — царь лапифов, за попытку насилия над Юноной был осужден на вечные муки. ⁸ Т. е. автор киклических поэм, примыкавших к «Илиаде» и «Одиссее». Киклическими назывались эпические поэмы, в которых излагался весь цикл древних мифов. ⁹ *Антифат* — царь сказочного народа лестригонов (см.: «Одиссея», X, 100 и след.). ¹⁰ *Циклоп* — одноглазый великан (см.: «Одиссея», IX, 187 и след.). *Сицлла*, *Харибда* — чудовища (см.: «Одиссея», XII, 73 и след.). ¹¹ *Диомедов возврат* — поэма о Возвращении Диомеда из-под Трои. ¹² *Мелеагр* — дядя Диомеда, погибший за много лет до Троянской войны. ¹³ *Леда* — жена царя Тиндара; от Юпитера, явившегося к ней в образе лебедя, Леда произвела два яйца: из первого вышли Елена и Клитемнестра, из второго — Кастор и Полидевк (Поллукс). ¹⁴ *Кадм* — один из древнейших героев греческой мифологии, легендарный основатель Фив. В старости был превращен в змею. ¹⁵ *Прокна* — жена фракийского царя. Юпитер превратил ее в ласточку. ¹⁶ Имеются в виду претексты (римская трагедия на национальный сюжет) и тогаты (римская комедия на национальный сюжет). ¹⁷ *Помпилия кровь* — Пизоны, по преданию, вели свой род от царя Нумы Помпилия. ¹⁸ *Демокрит* — греческий философ (V в. до н. э.). ¹⁹ *Геликон* — гора в Греции, где, по преданию, жили музы. ²⁰ *Асс* — мелкая римская монета. ²¹ *Лания* — чудовище из римских сказок. ²² *Мессала Корвин* — римский оратор и политический деятель. ²³ *Касцеллий Авл* — римский юрист. ²⁴ *Спурий Меций* — знаток литературы и драматургии в эпоху Горация. ²⁵ *Квинтилий Вар* — друг Горация и Вергилия. ²⁶ *Аристарх* — александрийский филолог (II в. до н. э.). Имя его стало нарицательным для обозначения строгого, взыскательного критика.

АЛЬБИЙ ТИБУЛЛ

(ок. 55—19 г. до н. э.)

Альбий Тибулл происходил из старинного всаднического рода. Он был близок к знаменитому вельможе Мессале Корвину, участвовал в его военных походах и был членом его поэтического кружка, противостоявшего кружку Мецената.

Тибулл разрабатывал жанр любовной элегии, в известной мере продолжавший традиции «новых поэтов».

Римская любовная элегия представляла собой литературное направление, оппозиционное идеологии принципата. Отказавшись от официальных тем прославления принцепса, римской доблести и гражданственности, элегические поэты обращаются к личной, исключительно любовной тематике, считая любовь единственным смыслом жизни, поглощающим все чувства и мысли поэта. Для римской элегии характерна определенная жанровая структура, выраженная в системе ограниченных сюжетных ситуаций и мотивов и в ряде традиционных образов-масок (бедный поэт, его возлюбленная, богатый соперник, сводня), где личность поэта и реальные обстоятельства его жизни растворяются в поэтическом образе.

Элегии всегда группируются в циклы (книги), объединяясь вокруг имени вымышленной возлюбленной поэта. Так, первая книга Тибулла носит имя Делии, вторая — Немезиды (Делия — эпитет богини Дианы, рожденной на острове Делос; Немезида — богиня возмездия).

Элегия создает утопический мир любви и поэзии, в который поэт пытается уйти от действительности. В поэзии Тибулла это находит выражение в темах мирной сельской идиллии, любви как основы и смысла существования и резком осуждении войны и золота как сил, разрушающих жизненный идеал поэта. Представленные в «Антологии» элегии иллюстрируют эти основные темы творчества Тибулла.

Перевод

Валерий Катулл. Альбий Тибулл. Секст Проперций. М. 1963.
Тесты в «Антологии» приведены по этому изданию.

ЭЛЕГИИ

Перевод Льва Остроумова

Книга первая

1

Желтое золото пусть другой собирает и копит,
Сотнями держит пускай югеры¹ тучных
земель:

Вечным трудом боевым грозит ему недруга
близость,

Сны отгоняет от глаз грохот военной трубы;

5 Ну, а меня пусть бедность ведет по медлительной
жизни,

Лишь бы пылал мой очаг неугасимым
огнем.

Сам бы в деревне я стал выращивать нежные
лозы

В пору умелой рукой яблонь сажать деревца,
Грей, о Надежда, меня и грудами сыпь урожай
мне,

10 Полными чанами лей сусло густого вина!
Я ведь всегда почитал и пень заброшенный

И на скрещенье дорог камень, обвитый
венком²

Сколько бы мне ни послало плодов грядущее
лето,

15 Я пред богами полей дар земледельца сложу:
Пусть из колосьев венец тебе, Златокудрой
Церере,

Жертвою пашни моей в храме у двери висит
В полных плодами садах да встанет сторожем
красным

С грозно поднятым серпом, птицам на ужас,
Приап.

Лары, и вам, сторожам усадьбы когда-то
богатой,

20 Но захудалой теперь, я приготовил дары.
Кровью телки в те дни очищалось великое стадо,
Нынче одна лишь овца — дар за ничтожный
надел.

Вот вам овца, вокруг нее деревенские кличут
ребята:

25 «Дайте нам жатву, иó! доброго дайте вина!»
Жить бы мне, жить наконец в покое,

довольствуясь малым,
Не обрекая себя долгим путям никогда,
От восходящего Пса³ под летнею тенью деревьев
Прятаться возле ручья, что близ усадьбы
бежит.

30 Не постыдился бы я приняться порой за мотыгу
Или бичом подогнать тихо бредущих волов.
Не поленился бы, нет, позабытого маткой
козленка

Или ягненка домой перенести на груди.
Вы над отарой моей ничтожною, воры и волки,
Смилуйтесь! Доли своей в стаде ищите
большом.

35 Здесь пастуха моего я привык очищать
ежегодно

- И окроплять молоком Палес⁴ за милость ее.
 Будьте, боги, со мной, не гнушайтесь, молю вас,
 дарами
 Скудных сельских столов, чистых кувшинов
 моих.
- 40 Эти кувшины лепил из мягкой податливой глины
 Пахарь седой в старину, делая первый сосуд.
 Я никогда не искал отцовских богатств или
 жатвы
 Столь же обильной, как встарь предок мой
 древний сбирал.
- Рад я одной полосе, и рад я, если придется
 Лечь на родную постель, в милом углу
 отдыхать.
- 45 Как там отрадно лежать и, внемля неистовой
 буре,
 Дремно хозяйку свою в тесных объятьях
 сжимать,
 Или зимой, когда Австр проливает студеную
 воду,
 В доме под ропот дождя видеть спокойные
 сны!
- Пусть это выпадет мне! Да будет по праву
 богатым
- 50 Тот, кто выносит тоску ливней и ярость
 морей.
 Ах, пусть прахом пойдут все смарагды, все
 золото мира,
 Лишь бы в разлуке со мной девушка слез не
 лила!
- Ты, о Мессала⁵, рожден воевать на морях и
 на суше,
 Чтобы доспехи врага твой разукрасили дом;
- 55 Я же — закованный раб: в оковах красавицы
 милой,
 Будто привратник, сижу близ непреклонных
 дверей.
- Слава меня не влечет, моя Делия: быть бы
 с тобою, —
 Может, кто хочет, меня вялым, ленивым
 бранить.
- 60 Видеть бы только тебя на исходе последнего часа
 И, умирая, тебя слабой рукой обнимать.
 Плачь, о Делия, плачь, когда лягу на ложе
 сожженья,

Слей поцелуи свои с горькой слезою любви!
Плачь! Ведь грудь у тебя не окована грубым
железом,

И не заложен кремень в нежное сердце твое.
65 Знаю, с моих похорон ни дева, ни юноша даже
Не возвратятся домой, глаз не омывши
слезой.

Не оскорбляй же тогда мою тень, о Делия,
лучше

Пряди волос пощади, нежные щеки свои.
Будем друг друга любить, пока нам судьба
позволяет!

70 Скоро к нам явится смерть, голову мраком
покрыв;

Скоро к нам старость вползет — и уж будет
заворно влюбляться

Страстные речи шептать с белой как снег
головой.

Так отдадимся теперь Венере беспечной, пока
нам

Двери не стыдно ломать, в драку
с соперником лезть.

75 Здесь я и вождь, и крепкий боец. Вы, трубы,
знамена,

Прочь уноситеcь скорей, жадных калечьте
людей!

Жадным тащите добро, а мне, довольному
жатвой,

Будут смешны богачи, будет и голод
смешон.

2

Крепкого лей, вином утоли нежданные муки,
Властный пусть склонится сон к векам
усталым моим;

Этой хмельной головы, отягченной щедротами
Вакха,

Пусть не тревожат, пока горькая дремлет
любовь.

5 К нежно любимой моей приставлена грозная
стража,

Плотная дверь заперта неодолимым замком.
Пусть тебя ливень сечет, о дверь ее злого
владыки,

Пусть Юпитера гнев молнии мечет в тебя!..

- Дверь, отворись только мне, побежденная
жалобной просьбой,
- 10 И не скрипи, коль тайком ночью тебя
отопрут!
Если в безумстве своем тебе посылал я проклятья,
Сжался, молю: пусть они мне же падут
на главу.
Помнить должна ты о том, что в слезных
моленьях поведаль
- 15 Я, гирляндой цветов твой оплетая косяк.
Ты же, о Делия, брось бояться, обманывая
стражу;
Надо дерзать: смельчакам в помощь Венера
сама.
Сколь благосклонна она, когда новый порог
переступит
Юноша или тайком дева замок отомкнет!
Учит она, как скользнуть украдкой с мягкого
ложа,
- 20 Учит она, как ногой на пол беззвучно
ступить;
Учит она красноречью кивков незаметных при
муже,
Учит искусству скрывать нежные в знаках
слова.
Но поучает не всех, — лишь тех, кто не ведаст
лени,
Кто не боится вставать с ложа в ненастную
ночь.
- 25 Вот и когда я брожу по городу темному
в страхе,
〈Мне помогает идти к цели богиня любви.〉
Хищника гонит она, кто дерзнул бы кинжалом
поранить
Или с добычей уйти, платье сорвавши
с меня.
Тот, кто во власти любви, хранимый священной
рукою,
- 30 Может, где хочет, бродить: козни ему
не страшны.
Мне ни зимняя ночь не вредит леденящим
морозом,
Мне не опасен поток бурно летящих дождей.
Мне этот труд нипочем, — открыла бы Делия
двери

- И поманила без слов, пальчиков легким
щелчком.
- 35 Встречный — мужчина ли ты или женщина, — не
поднимай же
Глаз: проделки свои хочет Венера таить.
Шумом шагов не пугай и меня не спрашивай,
кто я,
Факела ярких огней не приближай мне к лицу.
Если ж случайно меня заметит прохожий, — пусть
скроет,
- 40 Именем всех богов пусть присягнет, что
забыл.
Верь мне, почувствует тот, кто не в меру
болтлив, что Венера
Кровью была рождена, вышла из ярости
волн⁶
Впрочем, ему не поверит твой муж, — так вещала
правдиво
Мне чародейка одна тайной волшбою
своей.
- 45 Видел не раз я: она низводит созвездия с неба
И заклинаньем своим рек изменяет русло,
Тени влечет из гробниц, утробу земли разверзая,
Песней над холодным костром кости из пепла
зовет;
То из подземных темниц вздымает их шепотом
вещим,
- 50 То, окропив молоком, вспять возвратиться
велит;
Властью своею метет туманы с ненастного неба,
Властью своею зовет в летнюю пору снега.
Ей лишь одной вручены волшебные травы Медеи⁷,
Ей лишь дано усмирять лютых Гекаты⁸ собак.
- 55 Заговор ею сложен, и с ним обмануть ты
сумеешь:
Трижды скажи нараспев, трижды отплюнься
потом;
С этой поры никому твой муж про нас не
поверит,
Даже себе самому, в мягкой постели застав.
Но от других воздержись: обо всех он правду
узнает,
- 60 Лишь про меня одного ведать ему не дано.
Верить ли мне? Сказала еще вещунья, что может

- Травами и колдовством освободить
от любви.
Факел очистил меня, а после, ясною ночью,
Черная жертва⁹ легла в честь чародейных
богов.
- 65 Я же молил, да не сгинет любовь, но да будет
взаимной.
Я не искал никогда прочь убежать от тебя.
С сердцем железным был тот, кто охотно
повлекся за бранью
И за добычей, хоть мог, глупый, тобою
владеть.
Пусть он сметет пред собой побежденные тьмы
киликійцев,
- 70 Марсов лагерь разбив на покоренных
холмах,
Затканый весь серебром, весь золотом пышно
расшитый;
Пусть на горячем коне гордо красуется он.
Я ж, моя Делия, знай, — была бы ты только
со мною, —
Сам бы волов запрягал, пас на знакомой
горе.
- 75 Лишь бы мне было дано держать тебя
в нежных объятьях,
Даже на голой земле сладким казался бы
сон.
А без взаимной любви что пользы хоть
в пурпурном ложе,
Если в бессонных слезах тянется долгая
ночь?
Нет, тогда уж ни пух, ни шитый покров,
ни журчанье
- 80 Тихо бегущей воды дремы очам не пошлют.
Разве я словом задел величие гордой Венеры
И наказание несет мой нечестивый язык?
Разве молва говорит, что нечистый входил я
в жилища
Вечных богов и венки рвал со святых
алтарей?
- 85 Если б я был виноват, не замедлил бы пасть я
во прахе
И целовать без конца храма священный
порог.
Нет, не замедлил бы я ползти в пыли, умолая,

- Ныне влекут меня в бой, и, может быть, враг
уже точит
Стрелы, чьи острия скоро мне сердце
пронзят.
- 15 Лары отцов, охраняйте мне жизнь! Меня вы
растили
В дни, когда нежным птенцом бегал у ваших
я ног
Да не смущает вас то, что из древнего пня
родились вы.
Те же вы были в доме предков старинных
моих.
Верность святей береглась, когда, радуясь
бедному дару,
- 20 Бог деревянный, простой в скромной
божнице стоял.
Добрый он делался вмиг, посвящал ли
молящийся грозди
Иль из колосьев венки в волосы бога вплетал.
Тот, чьи желанья сбылись, приносил пироги
в благодарность,
Девочка-дочка вослед чистые соты несла.
- 25 Лары, гоните же прочь наконечники медные
копий,
Жертвою будет у нас сельских хлебов
боровок;
В чистой одежде за ней я пойду, оплетенные
миртом
Буду корзины нести, миртом обвив и чело.
Этим я вам угожу; другой пусть оружием
бряцает;
- 30 С помощью Марса в бою вражьи сражает
вождей,
Чтоб за пирушкой моей вспоминал о подвигах
воин
И на полночном столе лагерь вином
рисовал.
Что за безумье — войной призывать к себе
черную гибель!
Смерть уж и так нам грозит, крадется тихой
стойкой!
- 35 Нет в преисподней ни лоз, ни посева, — там
бешеный Цербер¹⁰,
Там по стигийским волнам лодочник
страшный¹¹ плывет;

Там возле черных болот блуждают бледные
толпы —

Щеки истерзаны там, обожжены волоса.

Сколь же похвальнее тот, у кого безмятежная
старость

40 В хижине малой гостит, внуков любимых
растит!

Ходит он сам за отарой своей, а сын
за ягненком;

Если ж устанет в трудах, воду согреет жена.
Быть бы таким! Да позволит судьба засиять

сединою,

Вспомнить на старости лет были минувших
времен!

45 Ныне же мир да питает поля! Ведь мир этот
ясный

Первый на пашню быков в согнутых ярмах
привел;

Мир возрастил нам лозу и припрятал сок
виноградный

С тем, чтоб отцовский сосуд сына вином
напоил;

Мир наступил, и блестят мотыга и плуг,
а доспехи

50 Мрачные диких бойцов в темном ржавеют
углу.

Сын деревень из рощи везет, немного подвыпив,

В мирной телеге своей внуков, детей и жену.

Но загремит Венеры война — и поднимет
бедняжка

Вопль о разбитых дверях, вырванной пряди
волос,

55 Плачет в тоске о подбитой щеке; а сам
победитель

Плачет над силой слепой диких своих
кулаков.

Им плутоватый Амур подсыпает ругательства
в ссору,

Сам же на драку смотря, он равнодушно
сидит.

Ах, не из камня ли тот и железа, кто может
ударить

60 Женщину? Этим с небес он низвергает
богов.

Право, довольно с него изодрать ее тонкие
ткани,
Право, довольно покров на голове
растрепать;
Хватит того, что слезы текут: четырежды
счастливы
Ты, вызывающий плач женщины гневом
одним!
65 Тот же, кто вечно готов руками буянить, пусть
носит
Щит и дреколье: вдали быть от Венеры ему.
К нам снизойди, о мир всеблагой, и, вздымая
свой колос,
Из осиянных одежд щедро плоды рассыпай!

Книга вторая

4

Вижу я, быть мне рабом: госпожа для меня
отыскалась;
Ныне навеки прощай, древняя воля отцов!
Рабство печально мое, и цепи меня удручают;
Но горемычному впредь путь не ослабит
Амур!
5 Так, неповинен ли я или в чем прегрешил, — он
сжигает.
О, я горю! Отстрани, дева, свой жгучий
огонь!
Чтобы не знать никогда таких жестоких
страданий,
Камнем хотел бы я быть оледенелых вершин
Или в безумии бурь стоять нерушимым утесом
10 В море, где хлещет волна, утлым грозя
челнокам.
Горек отныне мне день, а ночи тень — еще
горше,
Каждый час у меня мрачною желчью залит.
Ах, ни певец Аполлон, ни элегии мне не
помогут:
Тянет за деньгами вновь жадную руку она.
15 Музы, ступайте вы прочь, если нет от вас пользы
влюбленным:
Чтил ведь я вас не затем, чтобы войну
прославлять,

Не воспевал я ни солнца путей, ни того, как
 сияет,
 Круг свой закончив, Луна, вспять возвращая
 коней.
 Нет, я стихами ищу к госпоже моей легкой
 дороги
 20 Музы, ступайте вы прочь, если бессильны
 стихи
 Ах, дары добывать я должен грехом и убийством,
 Чтобы в слезах не лежать возле закрытых
 дверей!
 Иль воровать из храмов святых богов украшенья.
 Только Венеру тогда раньше других
 оскорблю:
 25 Учит злодействам она, госпожой моей хищницу
 сделав.
 Пусть святотатственных рук дело узнает
 теперь!
 Сгиньте же все, кто себе изумруды зеленые
 копит,
 Кто белоснежную шерсть красит в тирийский
 багрец¹²!
 Все это вводит в соблазн, и блестящий
 из Красного моря
 30 Жемчуг, и косская ткань¹³ жадных красавиц
 влекут.
 Так зародилось зло — и ключ на дверях
 появился,
 И устрашающий пес сторожем лег на порог.
 Но потряси хорошенько мощной — и сломлена
 стража,
 И отворяется дверь, да и собака молчит.
 35 Если же алчной, увы, красоту еще дал
 небожитель, —
 Вот уж прибавил добра к полному скопищу
 зол!
 Тут уж и плач и ссоры звучат, и это причиной
 Стало тому, что Амур богом бесчестным
 прослыл.
 Ты же, гонящая прочь друзей, превзойденных
 богатством, —
 40 Ветер пускай и огонь прахом развеют твой
 скарб!
 Пусть на твой лютый порог со смехом юноши
 смотрят,

Не подавая воды, чтобы огонь погасить;
 Если придет к тебе смерть, пусть никто над
 тобой не заплачет
 И не украсит ничем мрачных твоих похорон.
 45 Та, что была нежадна и добра, хоть живи она
 до ста,
 Слезы исторгнет у всех перед последним
 костром:
 Смотришь, иной старичок, из почтения к любви
 догоревшей,
 Ей ежегодно венки будет на гроб приносить
 И, уходя, говорить: «Покойся тихо и мирно,
 50 И беспечальным костям пухом да будет
 земля!»
 Правда все то, что пою; но есть ли мне польза
 от правды?
 Должно Амуру служить так, как велит
 госпожа.
 Если бы предков гнездо продать она мне
 приказала, —
 Лары, прощайте! Теперь всё распродам я
 с торгов!
 55 Сколько б отрав ни лила Цирцея¹⁴ и
 ядов — Медея,
 Сколько бы трав ни росло на фессалийской
 земле¹⁵,
 Сок, что струится из чресл кобылицы, горячей
 желаньем,
 Там, где Венера томит похотью дикий
 табун, —
 Сотни дурманов иных смешай, о моя
 Немесида, —
 Все за один только взгляд ласковый выпью
 до дна!

Книга четвертая

13

Нет, не разделит со мной иная женщина ложе:
 Этим условием нас сразу сковала любовь.
 Только тебя я люблю, и в целом городе краше
 Нежно любимой моей нет для меня ни
 одной.

- 5 Но если б мне одному ты могла бы казаться
преlestной!
Будь ты другим не мила, я бы тревоги
не знал.
Дела до зависти нет; хвастовство пред толпой
мне противно,
Пусть кто истинно мудр, радостен будет
в тиши.
Мне бы отраднo жилось в глуши потаенной
дубравы,
- 10 Где не найдется тропы для человеческих ног.
Ты мне — покой от забот, ты — свет среди ночи
туманной,
Ты мне дороже толпы в уединенье моем!
Если бы даже с небес подруга к Тибуллу слетела,
Зря бы слетела она: не увлекла бы меня.
- 15 В этом клянусь я тебе священной волей Юноны,
Чтимою в сердце твоём выше всех
прочих богов...
Что я наделал! Увы, залоги, безумец, теряю!
Глупо поклявшись: теперь страха не будешь
ты знать,
Будешь смела ты теперь и станешь без удержу
мучить.
- 20 Сколько бед натворил мне мой болтливый
язык!
Что ж, поступай, как прихоть велит: твой раб
я навеки,
Не убегу никуда я от моей госпожи,
Но припаду я в цепях к алтарям священным
Венеры.
Любит просящих она, а непокорных
клеймит.

14

Сплетня идет, что моя любимая мне изменяет:
О, как хотелось бы мне вовсе оглохнуть
теперь!
Переносить не могу клевету эту я, не страдая.
Что же ты мучишь меня, злобная сплетня?
Молчи!

Примечания

¹ Югер — мера площади у древних римлян, равная приблизительно 25 м². ² Одинокое дерево, пень или камень на перекрестке

дорог — у крестьян в Древнем Риме — объекты культового почитания, поэтому их обвивали венком.³ Восход созвездия Пса знаменовал начало жаркого времени года (июль).⁴ *Палес* — богиня земледельцев в древнем римском культе.⁵ Имеется в виду Мессала Корвин, который был покровителем Тибулла (см. прим. 22 к «Науке поэзии» Горация).⁶ Гесиод в поэме «Теогония» рассказывает, что Венера родилась из морской пены и крови Урана, оскотенного его сыном Кроносом (Сатурном).⁷ Медея, дочь колхидского царя Эета — волшебница.⁸ *Геката* — богиня подземного царства, волшебства, отождествляется с Персефоной и Артемидой (охотницей); священным животным Гекаты была собака.⁹ Богам подземного царства приносились в жертву животные черного цвета.¹⁰ *Цербер* — трехглавый пес, охранявший вход в подземное царство.¹¹ Имеется в виду Харон.¹² *Тирийский багрец* — пурпурная краска.¹³ *Косская ткань* — дорогая тонкая ткань, выделявшаяся на о-ве Кос (в восточной части Средиземного моря).¹⁴ *Цирцея* (Кирка) — волшебница.¹⁵ Фессалия считалась страной волшебников и колдунов.

СЕКСТ ПРОПЕРЦИЙ

(ок. 50 — ок. 15 г. до н. э.)

Секст Проперций родился в маленьком умбрском городке Ассизии на западных склонах Апеннин. Переехав в Рим, Проперций сближается с рядом известных поэтов, оказывается в литературном окружении Мecenата.

Подобно Тибуллу, Проперций пишет элегии и, подчиняясь требованиям жанра, обращается к тем же темам, сюжетным ситуациям и образам. Но обнаруживается и значительное различие двух элегиков. Вместо прозрачности и ясности стихов Тибулла мы видим усложненность, порой вычурность стиля Проперция, перегруженность его произведений мифологией, характерной для александрийской школы в Греции; грустной, несколько меланхолической настроенности Тибулла противостоят огненный пафос и бурный темперамент Проперция, мечтам о сельской жизни одного поэта — увлечение другого развлечениями города. Наконец, если Тибулл до конца остается подчеркнуто безразличным к идейной проблематике принципата, Проперций, вступив в кружок Мecenата, постепенно отходит от традиционной элегической темы и становится поэтом официального направления.

Перевод

Катулл. Тибулл. Проперций. М., 1963.

В «Антологии» стихотворения приводятся по этому изданию.

ЭЛЕГИИ

Перевод Льва Остроумова

Книга первая

1

Кинфии глазки меня впервые пленили,
к несчастью,
А до того никакой страсти я вовсе не знал.
Очи потупило вмиг перед ней самомнение былое:
Голову мне придавил резвой ногою Амур.
5 Он прихотил меня не любить непорочных
красавиц,
Дерзкий, заставил мою без толку жизнь
проводить.
Вот уже целый год любовным огнем я пылаю,
Боги, однако же, всё неблагосклонны ко мне.
Меланион, о Тулл, жестокость смирил Иасиды¹
10 Тем, что на подвиг любой он безбоязненно
шел:
Как одержимый блуждал в пещерах горы
Парфенийской²
И на охоту ходил он на косматых зверей;
Он и от боли стонал, оглашая аркадские скалы
В час, когда злобный Гилей³ ранил дубиной
его.
15 Этим он смог покорить быстроногой девушки
сердце:
Значат не мало в любви подвиги, слезы,
мольбы.
Мне же ленивый Амур не придумает новых
уловов
Да и привычный свой путь он уж давно
позабыл.
Вы, что морочите нас, Луну низвести обещая,
20 Трудитесь жертвы слагать на чародейный
алтарь, —
Сердце моей госпожи склоните ко мне поскорее,
Сделайте так, чтоб она стала бледнее меня.
Смело поверю тогда, что созвездья дано
низводить вам,
Реки назад возвращать силой колхидской
волшбы⁴.

- 25 Вы ж, дорогие друзья, с запоздалым своим
утешеньем
Сердцу, больному от мук, дайте лекарства
скорей:
Стойко я буду терпеть и нож, и боль
прижиганья,
Лишь бы свободно излить все, чем бушует
мой гнев.
Мчите к чужим племенам, по волнам вы меня
уносите,
30 Чтобы из жен ни одна мой не открыла приют.
Здесь оставайтесь, кому Амур, улыбаясь, кивает,
И наслаждайтесь всегда счастьем взаимной
любви.
Мне же Венера, увы, посылает лишь горькие
ночи,
И никогда не замрет, тщетно пылая, любовь.
35 Бойтесь вы этого зла: пусть каждого милая
держит
Крепко, привычной любви он да не сменит
вовек.
Если же вовремя вы не проникнетесь мудрым
советом,
Позже с какою тоской вспомните эти слова.

3

- Как на пустом берегу в забытии критянка ⁵
лежала,
В час когда уходил в море Тезеев корабль,
Как Андромеда, Кефеева дочь ⁶, без оков
задремала,
Лежа на твердой скале, первым объятая
сном,
5 Как зонида ⁷, упав, утомленная долгою пляской,
Спит на ковре травяном у Апидановых вод ⁸, —
Так же, казалось мне, и Кинфия сладким покоем
Дышит, головку свою к зыбкой склонивши
руке,
Ночью когда я пришел, отуманенный Вакхом
обильным,
10 И освещали мне путь, факел колебля, рабы.
Тут я, еще не совсем потеряв помраченные
чувства,
К смятой постели ее робко пытался
скользнуть.

- Хоть с двух сторон и Амур и Либер, страсть
разжигая,
Оба жестоким огнем стали меня искушать,
15 Тихо ее приподнять, подложить ей под голову
руку
И, повернувши уста, к ним поцелуем
прильнуть, —
Все-таки я не посмел покой госпожи
потревожить,
Помня про вспыльчивый нрав, часто
терзавший меня;
Лишь неотступно в нее я внимательным взором
впивался,
20 Так же, как Аргус, дивясь на Инахиды⁹ рога.
То со своей головы снимать начинал я веночки.
И возлагал их тебе, Кинфия, я на чело.
То забавлялся, тебе поправляя тихонько
прическу,
То осторожно тебе вкладывал в руки плоды.
25 Но равнодушному сну расточал я дары
понапрасну:
Часто с высокой груди падали наземь дары.
Всякий же раз, когда ты во сне потихоньку
вздыхала,
Трепетный, я цепенел, глупой приметы
боясь,
Чтоб сновиденья тебе не навяли страхов
нежданных,
30 Чтобы никто не посмел нагло тобой
овладеть.
Так и стоял я, пока, проходя от окошка
к окошку,
Не постаралась луна в очи тебе заглянуть.
Светлым раскрыла лучом луна твои сонные
глазки,
И, опершись на постель, ты мне сказала
тогда:
35 «Ах, наконец-то замок на дверях соперницы
гордой
К мягким подушкам моим снова тебя
возвратил!
Где ты часы проводил лишь мне обещанной
ночи,
И на закате светил томный откуда бредешь?
О, если б сам ты терпел такие же ночи, какие

- 40 Ты заставляешь терпеть вечно бедняжку
твою!
Долго, усталая, сон прогоняла я пурпурной
пряжей,
Или гасила печаль звуком Орфеевых струн,
Или же вновь я кляла в своем одиночестве тихом
Эти свиданья твои долгие на стороне.
45 Сон победил наконец, крылами коснувшись
отрадно:
Он лишь один осушил горькие слезы мои».

7

- Понтик¹⁰, в то время, когда ты пишешь
о Кадмовых Фивах¹¹,
О смертоносных мечах братоубийственных
войн,
И — поклянусь головой! — состязаешься
с вечным Гомером
(Судьбы да будут вовек ласковы к песням
твоим!) —
5 Мы, как обычно, поем о сердечных своих
увлечениях,
В поисках, чем угодить грозной своей
госпоже.
Не для ума я пишу, а ищу утolenия скорби
И вспоминаю, грустя, жизни тяжелые дни.
Так я досуг провожу и тем добыл себе славу.
Пусть же я имя свое в этих прославлю стихах.
10 Пусть обо мне говорят, что один был я мил
поэтессе¹²,
Понтик, и гнев я терпел несправедливый ее.
Пусть же прилежно меня неудачный любовник
читает,
Пусть пойдет ему впрок знание бедствий
моих.
15 Если же мальчик Амур поразит тебя меткой
стрелою
(Боги такую беду да отвратят от тебя!),
Будешь скорбеть ты о том, что тобой
воспеваемый лагерь,
Семь полководцев твоих в полном забвенье
лежат.
Тщетно пытаться начнешь сочинять ты
любовные песни:

- 20 Знай, запоздалый Амур уж не подскажет
стиха.
Будешь тогда ты считать меня превосходным
поэтом,
Рима мудрейших сынов славою я превзойду.
Мимо гробницы моей не пройдет молодежь
молчаливо:
«Спишь ты, великий поэт наших кипучих
страстей!»
- 25 Нет, берегись презирать надменно любовные
песни.
Явится поздний Амур — пеню заплатишь
ему!

12

- Ты мне все время твердишь, будто всё я
 слоняюсь без дела,
Подозревая, что Рим не отпускает меня?
Нет, моя милая так далека от нашего ложа,
Как от Гипана¹³ далек брег Эридана-реки¹⁴
5 Не насыщает моей любви, как бывало,
 в объятиях
Кинфия, голос ее сладко в ушах не звучит.
Был я когда-то ей мил; и в то время немислимо
 было,
Чтобы хоть кто-нибудь мог так беззаветно
 любить
Всякий завидовал нам. Неужели же бог меня
 предал?
Иль с Прометеевых гор нас разлучила
 травя? ¹⁵
- 10 Я уж не тот для нее; красавиц дорога меняет.
Как мимолетна была страстная эта любовь!
Тут я впервые узнал одинокие долгие ночи,
Тут и себя самого слушать мне стало
 невмочь.
- 15 Счастлив, кто может рыдать на глазах
 у собственной милой,
Как благосклонен Амур, глядя на слезы
 любви!
- Если ж отверженный смог влюбиться снова
 в другую,
В новом он рабстве себе новую радость
 найдет.

Мне ж ни другую любить, ни от этой уйти
невозможно
Кинфия первой была, Кинфия — это конец.

18

- Эти пустыни молчат и жалоб моих не расскажут,
В этом безлюдном лесу царствует только
Здесь я могу изливать безнаказанно скрытое
горе,
Коль одинокий утес тайны способен хранить.
5 Как же мне, Кинфия, быть? С чего мне начать
исчисление
Слез, оскорблений, что ты, Кинфия, мне
нанесла?
Я, так недавно еще счастливым любовником
слывший,
Вдруг я отвергнут теперь, я нежеланен тебе.
Чем я твой гнев заслужил? Что за чары тебя
изменили?
10 Иль опечалена ты новой изменой моей?
О, возвратись же скорей! Поверь, не топтали ни
разу
Мой заповедный порог стройные ножки
другой.
Хоть бы и мог я тебе отплатить за свои
огорченья,
Все же не будет мой гнев так беспощаден
к тебе,
15 Чтоб не на шутку тебя раздражать и от горького
плача,
Чтоб потускнели глаза и подурнело лицо.
Или, по-твоему, я слишком редко бледнею от
страсти,
Или же в речи моей признаков верности нет?
Будь же свидетелем мне, — коль знакомы деревья
с любовью,
20 Бук и аркадскому ты милая богу сосна!¹⁶
О, как тебя я зову под укромною тенью
деревьев,
Как постоянно пишу «Кинфия» я на коре!
Иль оскорбленья твои причиняли мне тяжкое
горе?
Но ведь известны они лишь молчаливым
дверям.

- Кинфия, — так да решит суд справедливый
Земли.
Как бы ни долго жила ты в старости волею
рока,
Даже и кости моим дороги будут слезам.
Если живая ты так к моему относилась бы праху,
20 То никакая бы смерть мне не была тяжела.
Как я боюсь, что тебя от моей позабытой
могила
Вовсе принудит уйти, Кинфия, злобный
Амур.
И своевольно твои осушит текущие слезы!
Верности женской невмочь выдержать силу
угроз.
25 Будем же радостно мы отдаваться любви, пока
можно:
Не долговечна, увы, а мимолетна любовь.

22

- Кто я, откуда мой род, и где наш дом
находился,
Просишь ты, Тулл, рассказать, помня
о дружбе с тобой.
Верно, знакомы тебе в земле Перузинской²⁰
могила —
5 Родины кладбище то в черный Италии день,
В день, когда Рим поднимал на усьобицу злую
сограждан.
(Ты, о Этрурии пыль, — главное горе мое,
Ты потерпела тогда, чтоб валялись родные
останки,
Тело несчастного ты горстью не скрыла
земли).
Знай же, меня породил граничащий с областью
этой
Край плодородных полей, Умбрии
благостный край.

Книга вторая

1

Знать вы хотите, зачем про любовь пишу я так
много
И почему так легко вслух мою книгу читать.

Ни Каллиопа²¹, ни бог Аполлон мне стихов
не внушают,
Нет, вдохновляет меня милая только моя.
Если увижу ее в блистательной косской одежде,—
Косскою тканью одной свиток заполнится мой;
Если у ней на челе я замечу волос беспорядок,—
Радуюсь, будет ходить гордо в воспетых кудрях;
Если коснется до струн перстами кости
слоновой,—
Я изумляюсь ее ловким, искусным рукам;
Если же дрема смежит ее усталые глазки,—
Сыщет поэт для стихов тысячу новых причин;
Если нагая со мной затеет борьбу за одежду,—
Буду я рад сочинять целые тьмы «Илиад»;
Чтоб ни сказала она и что бы ни сделала, тотчас
Из пустяка у меня длинный выходит рассказ.
Будь мне дано, Меценат, судьбою столько таланта,
Чтобы героев толпу мог я на брани вести,
Я не Титанов бы пел, не Оссу над вышним Олимпом,
Не взгроможденный над ней путь
к небесам — Пелион²²,
Древних не пел бы я Фив, ни Трои, Гомеровой славы²³,
Не вспоминал бы, как Ксеркс слиться двум водам велел²⁴
Или как царствовал Рем, не пел бы высот Карфагена,
Мария²⁵ доблестных дел, кимвров²⁶ свирепых угроз:
Цезаря²⁷ я твоего труды восхвалял бы и войны,
Ну, а за Цезарем вслед ты был бы мною воспет. <...>
Но ни Юпитеров бой на Флегрейских²⁸ полях с Энкладом²⁹
Голосом громким воспеть и Каллимаху³⁰ невмочь;
Ни у меня нету сил в груди, чтоб стихом величавым
Цезаря славить в ряду предков фригийских³¹ его!

- Пахари всё о волах, мореход толкует о ветрах,
Перечисляет солдат раны, пастух же — овец;
45 Я же всегда говорю о битвах на узкой постели:
Кто в чем искусен, пускай тем и наполнит
свой день.
Славно в любви умереть, и славен, кто страстью
единой
Мог наслаждаться; когда б милой владел
только я!
Помнится мне, что она легкомысленных дев
осуждает,
50 Всю «Илиаду» бранит из-за Елены одной.
Пусть мне пригубить дадут из чаши мачехи
Федры³²,
Чаши, что пасынку встарь не причинила
вреда,
Пусть отравляют меня волшебным зельем
Цирцеи
Или в колхидском котле жгут на иолкском
огне³³, —
55 Но раз всю душу свою одной я единственной
отдал,
Пусть лишь из дома ее вынесут тело мое,
Все недуги людей исцелять помогает лекарство,
Только страданья любви вовсе не терпят
врачей.
Вылечил встарь Махаон Филоктету³⁴ распухшие
ноги,
60 Также Хирон Филлирид Фениксу³⁵ зреньё
вернул;
Критскими травами бог Эпидаврский вернул
Андрогее³⁶
К жизни и вновь возвратил отчим его
очагам;
И, получивши в бою от копья гемонийского
рану,
Был тем же самым копьем юный мисиец³⁷
спасен.
65 Если ж кто рану мою исцелить оказался бы
в силах,
Он бы и Танталу мог яблоко в руку
вложить,
И Данаидам помочь наполнить бездонную
бочку,
С нежных девичьих плеч урны тяжелые сняв;

- И от кавказской скалы отвязал бы он Прометею
70 Руки его и согнал птицу, клюющую грудь.
В день, когда наконец востребуют жизнь мою
судьбы
И на могильной плите стану лишь именем я,
Ты, Меценат, краса и зависть всех всадников
наших,
Верная слава моя в жизни и смерти моей,
75 Если ты пустишься в путь на британской резной
колеснице
Мимо могилы моей, то придержи лошадей
И со слезою скажи, обращаясь к безмолвному
праху:
«Горьким уделом была гордая дева ему»

29 а

- Свет мой, когда я бродил вчерашнею ночью,
подвыпив,
И не хранила меня верная свита рабов,
Вдруг повстречалась со мной малорослая стая
мальчишек
(Сколько — того не скажу: страх помешал
сосчитать);
5 Факелы были у них, у других же в руках были
стрелы,
Третьи, почудилось мне, цепи несли для
меня.
Все на подбор нагишом. Из них один побойчее
Крикнул: «Держите его! Он вам отлично
знаком!
Он — тот самый, кого подруга в сердцах отдала
нам».
10 Молвил — и тотчас аркан шею мою затянул.
Кто-то меня приказал тащить в середину,
и слышу:
«Пусть погибнет, кто нас не признает за
богов!
Ждет ежечастно тебя голубка твоя, недостойный,
Сам же невесть ты каких ищешь, безумец,
дверей.
15 Лишь на сидонском чепце, на ночном, она ленты
распустит.
Только раскроет глаза, отягощенные сном,
Как на тебя аромат повеет не трав аравийских,

- Но фимнам, что возжег собственноручно
Амур...
- Братцы, простите его: он крепко любить
обещает,
- 20 Мы же до цели дошли — вот и указанный
дом».
- Снова накинувши плащ мне на плечи, так они
молвят:
- «С миром ступай и учись дома сидеть по
ночам!»
- Близилось утро, и мне поглядеть захотелось,
одна ли
- Спит моя милая. Да, Кинфия, вижу, одна.
Замер я весь: мне еще она не казалась ни разу
- Краше, ни даже когда, в пурпур одетая, шла
- 5 Девственной Весте свои рассказывать сны,
вопрошая,
- Не принесут ли они бедствия ей или мне;
Как же прекрасна была она тут при самом
пробуждении,
- Право, чарует сильнее прелесть без всяких
прикрас!
- «Что ж ты чуть свет, — говорит, — подглядывать
стал за подругой?
- 10 Или считаешь меня нравом похожей на вас?
Вовсе не ветрена я: одного мне любовника
хватит,
- Будь это ты иль другой, кто повернее тебя.
Нет, не отыщешь ты здесь следов на измятой
постели,
- Знаков объятий и ласк: здесь не лежали
вдвоем.
- 15 И у меня, посмотри, никакой не исходит от тела
Запах, который всегда может измену
открыть».
- Молвила так и, вскочив, отстраняя рукой
поцелуи,
- Ножкою легкой скорей в туфли скользнула
она.
- Так-то изгнан я был, любви ненарушенной
сторож
- 20 Ночи счастливой с тех пор больше уж я
не знавал.

1

- Ты, Каллимахова тень, ты, Филета Косского ³⁸
 призрак,
 О, разрешите, молю, в вашу мне рошу
 войти!
 Первым жрецом прихожу, чтоб с источника
 чистого ныне
 Греческий хор привести в круг италийских
 торжеств.
- 5 Молвите: в гроте каком одинаково стих вы
 точили?
 Ритмом вступили каким? Пили какую
 струю?
 Ах, распрощаемся с тем, кто держит в орудии
 Феба!
 Пусть же стремится мой стих, тонкою
 пемзой лощен,—
 С ним меня Слава взовьет над землей, и
 рожденная мною
- 10 Муза воздвигнет триумф в беге венчанных
 коней,
 И в колеснице моей молодые помчатся амуры,
 Той же дорогой вослед хлынут поэты
 толпой,
 Что вам, бразды отпустив, со мной состязаться
 напрасно?
 Нам ведь просторным путем к Музам идти
 не дано.
- 15 Многие впишут, о Рим, хвалы в твою
 летопись, новый
 Римской державы предел — Бактры ³⁹ — в
 грядущем воспев,
 Мне же творенье мое — да прочтешь его
 в мирное время! —
 Дали Камены в горах: стиль не касался
 таблиц.
- 20 Мягкие дайте венки певцу своему, Пегасиды! ⁴⁰
 Будет ли грубый венец впору моей голове!
 То, чего буду лишен при жизни толпою
 ревнивой,
 После кончины моей вдвое воздаст мне мой
 труд.

После кончины всегда значительней древняя
слава:

Громче гремя на устах, имя идет с похорон.
<...>

35 Так вот и Рим прославит меня меж поздних
потомков;

Славы предчувствую день: он после смерти
придет.

То, что на кости мои не с презрением камень
укажет,

Предугадал я давно: Ликий бог ⁴¹ так вещал.

А в ожиданье того вернемся в круг наших песен:

40 Деве привычен их звон, по сердцу будет он
ей.

Некогда, молвят, Орфей трепетанием лиры
фракийской

Диких зверей укрощал, ход останавливал
рек.

Молвят, искусство тогда и камня влекло
с Киферона ⁴²,

В звенья фиванской стены сами сцеплялись
они ⁴³.

5 Также на песни твои, Полифем ⁴⁴, под Этною
дикой

Встарь Галатея гнала влагой покрытых
коней:

Если мне милость дарят Аполлон и Вах
благосклонный,

Диво ль, что девушек рой чтит песнопенья
мои?

Пусть небогатый мой дом не стоит на тенарских
колоннах.

10 Свод — не слоновая кость, нет и стропил
золотых,

Пусть плодовитый мой сад не сравнится
с лесами феаков ⁴⁵,

Гротов затейливых в нем Марциев ключ ⁴⁶
не кропит, —

Все же Музы со мной, и милы читателю песни,

И Каллиопу давно мой хоровод утомил.

15 Счастлива та, что навек прославлена книгой
моею!

Каждая песня моя — памятник вечной красе.

Склеп Мавзола⁴⁷ в своем роскошном
великолепье —

24

Милая, на красоту твою напрасна надежда:
Взоры прельстивши мои, стала ты слишком
горда.

Ныне стыжусь, что тебя в песнях я так
превознес.

То восхвалял, от чего ни друзья меня
не отвратили,

Пусть хоть огонь меня жжет, угрожают мечи,
пусть я даже

15 Но наконец мой причалил корабль, увитый
венками,

420

Тяжкие раны мои зажили снова теперь.
Если ты — божество, в твой храм, Здравый
Смысл, прибегаю!
Прежде Юпитер мольбам вовсе моим
не внимал.

25

Общий я смех возбуждал за столом
многолюдного пира;
Всякий, кто только хотел, мог надо мною
трунить.
Сил у меня набралось пять лет прослужить тебе
верно:
Ногти кусая, не раз верность помянешь
мою.

Слезы не тронут меня: изведаль я это искусство, —
Ты, замышляя обман, Кинфия, плачешь всегда.

Плачу и я, уходя, но слез сильнее обида.
Нет, не желаешь ты в лад нашу упряжку
влачить!

Что же, прощайте, порог, орошенный слезами
молений.

10 Гневной рукою моею все ж не разбитая
дверь,

Но да придавит тебя незаметными годами
старость,

И на твою красоту мрачно морщины падут!
С корнем тогда вырывать ты волосы станешь
седые —

Но о морщинах тебе зеркало будет кричать!
15 Будешь отверженной ты такое же видеть
презренье

И о поступках былых, злая старуха, жалеть.
Эта страница тебе возвестила беду роковую:
Так научись трепетать перед концом
красоты.

Примечания

¹ Тулл — друг Проперция. Иасида — Аталанта — знаменитая охотница. Мелинион — жених Аталанты. Он победил ее в беге и получил право жениться на ней. Тех женихов, которых Аталанта опережала, она убивала. ² Парфенийская гора — гора в Аркадии. ³ Ги-

лей — кентавр, соперник Меланиона. ⁴ Речь идет о колдуньях. *Колхидская волиба* — намек на волшебницу Медею, происходившую из Колхиды. ⁵ *Критянка* — Ариадна, дочь критского царя Миноса. Ариадна, полюбив Тезея, спасла его от гибели в лабиринте («нить Ариадны») и бежала вместе с ним. Тезей по велению богов покинул спящую Ариадну на пустынном острове Наксосе. ⁶ *Андромеда*, *Кефеева дочь* — в наказание за гордыню своей матери Кассиопеи, утверждавшей, что ее дочь прекраснее nereид, Андромеда по воле Посейдона была отдана на съедение морскому чудовищу. Но Персей спас ее. ⁷ *Зониды* — здесь: вакханка. Зонийцы — народность Фракии, где возник культ Вакха (Диониса). ⁸ *Апидан* — река в Фессалии. ⁹ *Инахида* — Ио, дочь Инаха, царя Аргоса, возлюбленная Зевса (Юпитера), превращенная Герой (Юноной) в корову, которую сторожил стоглазый Аргус. ¹⁰ *Понтик* — автор несохранившейся эпической поэмы «Фиваида», сюжетом которой был поход семерых аргосских вождей против Фив и братоубийственная война между сыновьями Эдипа Полиником и Этеоклом. ¹¹ *Кадм* — основатель Фив. ¹² Имеется в виду возлюбленная Проперция — Кинфия. ¹³ *Гипан* — река в Сарматии. ¹⁴ *Эридан* — древнее наименование реки По. ¹⁵ *Прометеевы горы* — Кавказ. Кавказ, как уже говорилось, — родина волшебницы Медеи, отсюда — трава с Прометеевых гор — волшебное зелье. ¹⁶ Пиния, возлюбленная бога Пана, была превращена в сосну. Бог Пан покровительствовал пастухам; Аркадия в античной поэзии — пастушеская страна. ¹⁷ *Маны* — души умерших. ¹⁸ *Филакид* — Протесилай из города Филаки, первым из греков погибший под Троей. Он получил право на один день вернуться из подземного мира, чтобы повидаться со своей женой Лаодамией, которая последовала за ним в подземный мир. ¹⁹ Троянские женщины были после поражения Трои розданы греческим вождям. ²⁰ *Перузия* — город в Этрурии, в 41—40 гг. до н. э. во время гражданских войн она была захвачена войсками Октавиана, а большинство жителей ее было перебито. ²¹ *Каллиона* — муза эпической поэзии. ²² Титаны в борьбе с Юпитером, чтобы подняться на Олимп, взгромодили гору Оссу на гору Пелион. ²³ Имеются в виду два важнейших эпических цикла — фиванский и троянский. ²⁴ Имеется в виду канал, прорытый в 480 г. до н. э. Ксерксом. ²⁵ *Гай Марий* — римский полководец (156—86 гг. до н. э.), глава партии популяров. ²⁶ *Кимвры* — галльское племя, разбитое Марием в 101 г. до н. э. ²⁷ *Цезарь* — Октавиан Август. ²⁸ *Флегрейские поля* — место битвы Олимпийских богов с гигантами. ²⁹ *Энkelад* — один из гигантов, восставших против Юпитера. ³⁰ *Каллимах* — александрийский поэт IV—III в. до н. э. ³¹ *Фригийские предки* — род Юлиев вел свое происхождение от троянца Энея. Троя находилась во Фригии. ³² *Федра* — героиня трагедии Еврипида «Ипполит»; *Ипполит* — ее пасынок. ³³ Речь идет о царе города Иолка Пелии, которого его дочери по коварному совету Медеи сварили в котле, думая, что они вернут ему молодость. ³⁴ *Махаон* — сын бога Эскулапа, врачеватель в войске ахейцев под Троей. *Филоктет* — греческий герой, страдавший от незаживающей раны, причиненной ему укусом змеи. ³⁵ *Феникс* — наставник Ахил-

ла, был ослеплен своим отцом Аминтором; *Хирон* — мудрый кентавр, сын океаниды Филеры. ³⁶ *Андрогей* — сын царя Миноса; *эпидаврский бог* — бог врачевания Эскулап. ³⁷ *Юный мисиец* — Телеф, раненный копьем Ахилла, исцелился от нанесенной раны ржавчиной этого копья. ³⁸ *Филет Косский* — александрийский поэт с о-ва Кос (IV в. до н. э.). ³⁹ *Бактры* — главный город Бактрии (в Средней Азии по среднему течению Аму-Дарьи). ⁴⁰ *Камены, пегасиды* — музы. Проперций, как лирический поэт, просит у муз не лавровый венок, подобающий эпическому поэту, а венок из плюща. ⁴¹ *Ликий бог* — Аполлон. ⁴² *Киферон* — гора на границе Аттики и Беотии. ⁴³ Фиванские стены построил Амфион, заставив игрой на лире передвигаться камни. ⁴⁴ *Полифем* — циклоп; александрийские поэты (напр. Феокрит) изображали его влюбленным в нимфу Галатею. ⁴⁵ *Феаки* — у Гомера счастливый народ, населяющий остров Схерию. ⁴⁶ *Марциев ключ* — известный источник в Риме. *Мавзол* — царь Кари. Его жена Артемисия соорудила ему великолепную гробницу, считавшуюся одним из семи чудес света (Мавзолей).

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН

(43 г. до н. э. — 18 г. н. э.)

Овидий родился в г. Сульмоне в старинной всаднической семье. Отец отправил его в Рим, где будущий поэт получил великолепное риторическое образование, которое наложило отпечаток на все его творчество. Государственная карьера не увлекла Овидия. Он вскоре бросает служебную деятельность и посвящает себя целиком поэзии.

Известность к Овидию приходит очень рано. Он сближается с многими знаменитыми поэтами, в том числе с Тибуллом, Проперцием, а брак с богатой римлянкой приносит ему богатство и открывает доступ в высшее римское общество и ко двору Августа.

Первыми произведениями Овидия были сборники любовных элегий («*Amores*») и стихотворных посланий мифических героинь своим возлюбленным или мужьям («*Героиды*»). Оба эти сборника, особенно второй, несут на себе отпечаток риторики. Овидий продолжает жанр любовной элегии, развитый и представленный Тибуллом и Проперцием, которых он сам считает своими предшественниками. Оставаясь в рамках жанра, обращаясь к традиционным мотивам и ситуациям, часто прямо используя опыт своих предшественников, Овидий вносит в элегию новую, неизвестную ей до сих пор тональность — иронию, придает ей, следуя характеру своего дарования, риторическую окраску и блеск остроумия. Элегии Овидия не свойственны глубина и искренность чувств, тревога и неудовлетворенность действительностью, столь характерные для старших элегиков.

Он достаточно безразлично относится к политике, к официальной идеологии. К концу века Овидий становится признанным главой римских поэтов, первым поэтом Рима. К этому времени относится создание знаменитой поэмы «*Наука любви*», в которой автор

откровенно издевается над моральным законодательством Августа, озорно пародируя многочисленные «Науки», и в частности, риторическую теорию.

«Наука любви» подводила итог первого этапа творчества Овидия. Он принимается за «Метаморфозы», большую мифологическую поэму эпического характера, где в рамках связного повествования пытается объединить многочисленные эпизоды из мифологии и римских легенд, рассказывающих о превращениях героев, начиная с возникновения мира и до чудесного превращения Юлия Цезаря в звезду. «Метаморфозы» знаменуют собой попытку поэта обратиться к теме прославления Рима и самого принцепса, однако, несмотря на официальный замысел и рассеянные в разных местах поэмы славословие и лесть Августу, в поэме весьма ощутимы черты, свойственные раннему творчеству Овидия: преобладание любовной тематики, ироничное отношение к морали и религии, легкость и игривость тона, риторическая окраска повествования. В это же время Овидий пишет другую поэму, еще отчетливее выражавшую ту идеологическую направленность, которую он стремится отныне придать своему творчеству. Поэма «Фасты» («Календарь») излагала в систематическом порядке по месяцам все памятные дни и празднества римского календаря, объясняла их названия и происхождение. Такого рода содержание отвечало реставрационной политике Августа, стремившегося восстановить древние обряды и старинную строгость нравов.

Поэма была написана только наполовину, а «Метаморфозы», хотя и закончены, но еще не были изданы, когда в 8 г. н. э. Овидий, находясь на вершине славы и жизненного благополучия, был внезапно по приказанию самого Августа выслан из Рима на далекую окраину Римской державы — в город-крепость Томис вблизи устья Дуная (современный г. Констанца). Здесь он провел последние десять лет своей жизни, так и не добившись прощения и разрешения вернуться в Рим. Причины этого сурового наказания, сопровождавшегося изъятием из библиотек книг поэта, остались неизвестными, хотя возможно, что определенную роль в этом сыграла идейная направленность его раннего творчества («Любовные элегии» и «Наука любви»), а также, по-видимому, и какое-то участие Овидия в семейных делах Августа.

Созданные в последнее десятилетие «Скорбные элегии» и «Послания с Понта» проникнуты тоской по родине, стремлением добиться оправдания и вернуться в Рим. Страдания и горе поэта не могли не изменить характера его творчества, когда на смену холодному остроумию ранних стихов приходит глубокая искренность и подлинное чувство.

Переводы:

Овидий. Метаморфозы. М., 1977.

Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973.

Отрывки из произведений приведены в «Антологии» по этим изданиям.

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ

Перевод С. Шервинского

Книга первая

I

- Важным стихом я хотел войну и горячие битвы
Изобразить, применив с темой согласный
размер:
С первым стихом был равен второй. Купидон
рассмеялся
И, говорят, у стиха тайно похитил стопу¹.
5 «Кто же такие права тебе дал над стихами, злой
мальчик?
Ты не вожатый певцов, спутники мы
Пиэрид².
Что, если б меч Венера взяла белокурой
Минервы,
А белокурая вдруг факел Минерва зажгла?
Кто же нагорных лесов назовет госпожою
Цереру
10 Или признает в полях девственной лучницы
власть?
Кто же метанью копья обучать пышнокудрого
стал бы
Феба? Не будет бряцать лирой Аонии³
Марс!
Мальчик, и так ты могуч, и так велико твое
царство, —
Честолюбивый, зачем новых ты ищешь
забот?
15 Или ты всем завладел — Геликоном, Темпейской
долиной?
Иль не хозяин уж Феб собственной лиры
своей?
Только лишь с первым стихом возникала новая
книга,
Как обрывал Купидон тотчас мой лучший
порыв.
Нет для легких стихов у меня подходящих
предметов:
20 Юноши, девушки нет с пышным убором
волос», —
Так я пенял, а меж тем открыл он колчан
и мгновенно

Мне на погибель извлек острые стрелы свои.
Взял свой изогнутый лук, тетиву натянул на
колени:

«Вот, — сказал он, — поэт, тема для песен твоих!»

25 Горе мне! Были, увы, те стрелы у мальчика
метки.

Я запыхал — и в груди царствует ныне
Амур.

Пусть шестистопному вслед стиху идет
пятистопный.

Брани, прощайте! И ты, их воспевающий
стих!

Взросшим у влаги венчай золотистую голову
миртом⁴.

Муза, — в двестишьях твоих будет
одиннадцать стоп.

II

Я не пойму, отчего и постель мне кажется жесткой

И одеяло мое на пол с кровати скользит?
И почему во всю долгую ночь я сном не
забылся?

И отчего изнемог, кости болят почему?
5 Не удивился бы я, будь нежным взволнован
я чувством...

Или, подкравшись, любовь тайно мне козни
творит?

Да, несомненно, впились мне в сердце точеные
стрелы

И в покоренной груди правит жестокий
Амур.

Сдаться ему иль борьбой разжигать нежданное
пламя?!..

10 Сдамся: поклажа легка, если не давит плечо.
Я замечал, что пламя сильней, коль факел
колеблешь, —

А перестань колебать — и замирает огонь.
Чаще стегают быков молодых, ярму

не покорных,

15 С норовом конь, — так его удилами тугими
смиряют;

Если же рвется он в бой, строгой не знает узды,

- Так же Амур: сильней и свирепей он гонит
 строптивых,
 Нежели тех, кто всегда служит покорно ему.
 Я признаюсь, я новой твоей оказался добычей,
 Я побежден, я к тебе руки простер, Купидон.
 Незачем нам враждовать, я мира прошу
 и прощенья, —
 Честь ли с оружием твоим взять
 безоружного в плен?
 Миртом чело увенчай, запряги голубей
 материнских,
 А колесницу под стать отчим⁵ воинственный
 даст.
 25 На колеснице его — триумфатор — при кликах
 народа
 Будешь стоять и легко править упряжкой
 птиц.
 Юношей пленных вослед поведут и девушек
 пленных,
 Справишь торжественно ты великолепный
 триум.
 Жертва последняя, сам с моею недавно
 раной
 30 Новые цепи свои пленной душой понесу.
 За спину руки загнув, повлекут за тобой
 Благонравье.
 Скромность и всех, кто ведет с войском
 Амура борьбу.
 Все устроятся тебя, и, руки к тебе простирая,
 Громко толпа запоеет: «Слава! Ио!
 Торжествуй!»
 35 Рядом с тобой Соблазны пойдут, Заблуждение,
 Буйство, —
 Где бы ты ни был, всегда эта ватага с тобой.
 Ты и людей и богов покоряешь с таким
 ополчением.
 Ты без содействия их вовсе окажешься гол.
 Мать с олимпийских высот тебе, триумфатору,
 будет
 40 Рукоплескать, на тебя розы кидать, веселясь,
 Будут и крылья твои, и кудри гореть
 в самоцветах,
 Сам золотой, полетишь на золоченой оси.
 Многих еще по дороге спалишь — тебя ли не
 знаю!

Едучи мимо, ты ран много еще нанесешь.
45 Если бы даже хотел, удержать ты стрелы не
в силах:
Если не самый огонь, близость его —
обожжет.
Схож с тобою был Вахх, покорявший земли
у Ганга:
Голуби возят тебя — тигры возили его⁶.
Но коль участвую я в божественном ныне
триумфе,
Коль побежден я тобой, будь покровителем
мне!
Великодушен — смотри! — в боях твой
родственник Цезарь⁷,
Победоносной рукой он побежденных хранит.

IX

Всякий влюбленный — солдат, и есть у Амура
свой лагерь,
В этом мне, Аттик, поверь: каждый
влюбленный солдат.
Возраст, способный к войне, подходящ и для
дела Венеры.
Жалок дряхлый боец, жалок влюбленный
старик.
5 Тех же требует лет полководец в войне сильном
И молодая краса в друге на ложе любви.
Оба и стражу несут, и спят на земле
по-солдатски:
Этот у милых дверей, тот у палатки вождя.
Воин в дороге весь век, — а стоит любимой
уехать,
10 Вслед до пределов земли смелый любовник
пойдет.
Встречные горы, вдвойне от дождей
полноводные реки
Он перейдет, по пути сколько истопчет
снегов!
Морем придется ли плыть, — не станет ссылаться
на бури
И не подумает он лучшей погоды желать.
15 Кто же стал бы терпеть, коль он не солдат, не
любовник,
Стужу ночную и снег вместе с дождем
проливным?

- Этому надо идти во вражеский стан на разведку;
Тот не спускает с врага, то есть с соперника,
глаз.
- 20 Тот города осаждают, а этот — порог у жестокой
Должен, — кто ломится в дверь, кто
в крепостные врата.
Часто на спящих врагов напасть врасплох
удавалось,
Вооруженной рукой рать безоружных
сразить, —
Пало свирепое так ополчение Реса-фракийца⁸,
Бросить хозяина вам, пленные кони,
пришлось!
- 25 Так и дремота мужей помогает любовникам
ловким:
Враг засыпает — они смело кидаются в бой.
Всех сторожей миновать, избегнуть дозорных
отрядов —
Это забота бойцов, бедных любовников
труд.
Марс и Венера равно ненадежны: встает
побежденный,
- 30 Падает тот, про кого ты и подумать не мог.
Пусть же никто не твердит, что любовь — одно
лишь безделье:
Изобретательный ум нужен для дела любви.
Страстью великий Ахилл к уведенной горит
Брисеиде⁹, —
Пользуйтесь, Трои сыны! Рушайте
аргивскую мощь!
- 35 Гектор в бой уходил из объятий своей
Андромахи¹⁰,
И покрывала ему голову шлемом жена.
Перед Кассандрой, с ее волосами безумной
менады,
Остолбенел, говорят, вождь величайший
Атрид¹¹.
Также изведal и Марс искусно сплетенные
сети, —
- 40 У олимпийцев то был самый любимый
рассказ...¹²
Отроду был я ленив, к досугу беспечному
склонен,
Душу расслабили мне дрема и отдых в тени.

Но **п**олюбил я, и вот — встряхнулся, и сердца
тревога
Мне приказала служить в воинском стане
любви.
45 **Бодр**, как видишь, я стал, веду ночные сраженья.
Если не хочешь, ты стать праздным
ленивцем, — люби!

XV

Зависть! Зачем упрекаешь меня, что молодость
трачу,
что, сочиняя стихи, праздности я предаюсь?
Я, мол, не то, что отцы, не хочу в свои лучшие
годы
В войске служить, не ишу пыльных наград
боевых.
5 Мне **ли** законов твердить многословье, на
неблагодарном
Форуме, стыд позабыв, речи свои
продавать?
Эти не вечны дела, а я себе славы желаю
Непроходящей, чтоб мир песни мои
повторял.
10 Жив **м**еонийский певец¹³, пока возвышается Ида,
Быстрый покуда волну к морю стремил
Симоент¹⁴.
Жив **и** аскреец¹⁵, пока виноград наливается
соком,
и подрезают кривым колос Церерин серпом.
Будет весь мир прославлять постоянно Баттова
сына¹⁶, —
не дарованьем своим, так мастерством он
велик.
15 Так **ж**е не будет вовек износа котурну Софокла.
На небе солнце с луной? Значит, не умер Арат¹⁷.
Раб **п**окуда лукав, бессердечен отец, непотребна
сводня, а дева любви ласкова — жив и
Менандр¹⁸.
Акций¹⁹, чей мужествен стих, и Энний²⁰, еще
неискусный,
20 **с**лавны, и их имена время не может стереть.
Могут ли люди забыть Варрона²¹ и первое
судно
или как вождь Эсонид²² плыл за руном
золотым?

Также людьми позабыт возвышенный будет
 Лукреций,
 Только когда и сама сгинет однажды Земля.
 25 Титир, земные плоды и Энеевы брани ²³, —
 читатель
 Будет их помнить, доколь в мире
 главенствует Рим.
 Факел покуда и лук Купидоновым будут
 оружием,
 Будут, ученый Тибулл, строки твердиться
 твои.
 Будет известен и Галл ²⁴ в восточных и западных
 странах, —
 30 Вместе же с Галлом своим и Ликорида ²⁵
 его.
 Так: меж тем, как скала или зуб терпеливого
 плуга
 Гибнут с течением лет, — смерти не знают
 стихи.
 Пусть же уступят стихам и цари, и все их
 триумфы,
 Пусть уступит им Таг ²⁶ в золотоносных
 берегах!
 35 Манит пусть низкое чернь! А мне Аполлон
 белокурый
 Пусть наливает полней чашу кастальской
 струей! ²⁷
 Голову лишь бы венчать боящимся холода
 миртом,
 Лишь бы почаще меня пылкий любовник
 читал!
 Зависть жадна до живых. Умрем — и она
 присмирееет.
 40 Каждый в меру заслуг будет по смерти
 почтен.
 Так, и сгорев на костре погребальном, навек
 я останусь
 Жить — сохранна моя будет немалая часть.

Книга вторая

I

Я и это писал, уроженец края пелигнов ²⁸,
 Тот же Овидий, певец жизни беспутной
 своей.

- Был то Амура приказ. Уходите, строгие жены, —
 Нет, не для ваших ушей нежные эти стихи.
 5 Пусть читает меня, женихом восхищаясь, невеста
 Или невинный юнец, раньше не знавший
 любви.
 Из молодежи любой, как я, уязвленный стрелою,
 Пусть узнаёт в стихах собственной страсти
 черты
 И, в изумленье придя, «Как он мог догадаться, —
 воскликнет, —
 10 Этот искусник поэт — и рассказать обо
 мне?»
 Помню, отважился я прославлять небесные
 брани,
 Гигеса ²⁹ с сотнею рук — да и, пожалуй бы,
 смог! —
 Петь, как отмстила Земля и как, на Олимп
 взгроможденный,
 Вместе с Оссой крутой рухнул тогда Пелион.
 15 Тучи в руках я держал и перун Юпитера
 грозный, —
 Смело свои небеса мог бы он им отстоять!..
 Что же? Любимая дверь заперла... И забыл
 я перуны,
 Сам Юпитер исчез мигом из мыслей моих.
 О Громовержец, прости! Не смогли мне помочь
 твои стрелы:
 20 Дверь запертая была молний сильнее твоих.
 Взял я оружие свое: элегии легкие, шутки;
 Тронули строгую дверь нежные речи мои.
 Могут стихи низвести луну кровавую с неба,
 Солнца белых коней могут назад повернуть.
 25 Змеи под властью стихов ядовитое жало теряют,
 Воды по воле стихов снова к истокам текут,
 Перед стихом растворяется дверь, и замок
 уступает,
 Если он накрепко вбит даже в дубовый
 косяк.
 Что мне за польза была быстроногого славить
 Ахилла?
 30 Много ли могут мне дать тот или этот
 Атрид ³⁰,
 Муж, одинаковый срок проведший в боях и
 в скитаньях,

- Или влекомый в пыли Гектор, плачевный
герой?
Нет! А красавица та, чью прелесть юную
славлю,
Ныне приходит ко мне, чтобы певца
наградить.
35 Хватит с меня награды такой! Прощайте, герои
С именем громким! Не мне милостей ваших
искать.
Лишь бы, красавицы, вы благосклонно слух
преклонили
К песням, подсказанным мне богом
румяным любви.

Книга третья

IX

- Если над Мёмноном ³¹ мать и мать над Ахиллом
рыдала,
Если удары судьбы трогают вышних
богинь, —
Волосы ты распусти, Элегия скорбная, ныне:
Ныне по праву, увы, носишь ты имя свое.
5 Призванный к песням тобой Тибулл, твоя
гордость и слава, —
Ныне бесчувственный прах на запылавшем
костре.
Видишь, Венеры дитя колчан опрокинутым
держит;
Сломан и лук у него, факел сиявший погас;
Крылья поникли, смотри! Сколь жалости
мальчик достоин!
10 Ожесточенной рукой бьет себя в голую
грудь;
Кудри спадают к плечам, от слез струящихся
влажны;
Плач потрясает его, слышатся всхлипы
в устах...
Так же, преданье гласит, на выносе брата Энея,
Он из дворца твоего вышел, прекраснейший
Юл...
15 Ах, когда умер Тибулл, омрачилась не меньше
Венера,
Нежели в час, когда вепрь юноше пах
прободал ³²...

- Мы, певцы, говорят, священны, хранимы
богами;
В нас, по суждению иных, даже
божественный дух...
Но оскверняется все, что свято, непрощенной
смертью,
20 Руки незримо из тьмы тянет она ко всему.
Много ли мать и отец помогли исмарийцу
Орфею? ³³
Много ли проку, что он пеньем зверей
усмирал?
Лин ³⁴ — от того же отца, и все ж, по преданью,
о Лине
Лира, печали полна, пела в лесной глубине.
25 И меонийца ³⁵ добавь — из него, как из вечной
криницы,
Ток пизрийской струи пьют песнопевцев
уста.
В черный, однако, Аверн ³⁶ и его погрузила
кончина...
Могут лишь песни одни жадных избежать
костров.
Вечно живут творенья певцов: и Трои осада,
30 И полотно, что в ночи вновь распускалось
хитро ³⁷...
Так, Немесиды вовек и Делии ³⁸ имя пребудет, —
Первую пел он любовь, пел и последнюю
он.
Что приношения жертв и сестры ³⁹ Египта? Что
пользы
Нам в чистоте сохранять свой
целомудренный одр?..
35 Если уносит судьба наилучших — простите мне
дерзость, —
Я усомниться готов в существовании богов.
Праведным будь, — умрешь, хоть и праведен;
храмы святые
Чти, — а свирепая смерть стащит в могилу
тебя...
Вверьтесь прекрасным стихам... но славный
Тибулл бездыханен?
40 Все-то останки его тесная урна вместит..
Пламя костра не тебя ль унесло, песнопевец
священный?

- Не утрашился огонь плотью питаться
твоей.
Значит, способно оно и храмы богов золотые
Сжечь — коль свершило, увы, столь
святотатственный грех.
- 45 Взор отвратила сама госпожа эринцинских
святилищ ⁴⁰
И — добавляют еще — слез не могла
удержать...
Все же отраднее так, чем славы и почестей
чуждым
На Феакийских берегах в землю немилую
лечь.
- 50 Тут хоть закрыла ему, уходящему, тусклые очи
Мать и дары принесла, с прахом прощаясь
его.
Рядом была и сестра, материнскую скорбь
разделяла,
Пряди небрежных волос в горе руками
рвала.
Здесь Немесида была... и первая... та... Целовали
Губы твои, ни на миг не отошли от костра.
- 55 И перед тем как уйти, промолвила Делия:
«Счастья
Больше со мною ты знал, в этом была твоя
жизнь!»
Но Немесида в ответ: «Что молвишь? Тебе б
мое горе!
Он, умирая, меня слабой рукою держал».
Если не имя одно и не тень остается от
смертных,
- 60 То в Елисейских полях будет Тибулла приют.
Там навстречу ему, чело увенчав молодое
Лаврами, с Кальвом ⁴¹ твоим выйди, ученый
Катулл!
- Выйди, — коль ложно тебя обвиняют
в предательстве друга, —
Галл, не умевший щадить крови своей
и души!
- 65 Тени их будут с тобой, коль тени у тел
существуют.
Благочестивый их сонм ты увеличил,
Тибулл.
Мирные кости — молю — да покоятся в урне
надежной,

Праху, Тибулл, твоему легкой да будет
земля.

XV

Новых поэтов зови, о мать наслаждений
любовных!

Меты я крайней достиг в беге элегий своих,
Созданных мною, певцов, вскормлённых полями
пелигнов,

Не посрамили меня эти забавы мои.
Древних дедовских прав — коль с этим
считаться — наследник,

Числюсь во всадниках я не из-за воинских
бурь.

Мантуи слава — Марон, Катулл прославил
Верону,

Будут теперь называть славой
пелигнов — меня —
Тех, что свободу свою защищали оружием
честным

10 В дни, когда Рим трепетал, рати союзной
страшась.

Ныне пришлец, увидав обильного влагой
Сульмона ⁴²

Стены, в которых зажат скромный участок
земли,

Скажет: «Ежели ты даровал нам такого поэта,
Как ты ни мал, я тебя все же великим зову».

15 Мальчик, чтимый и ты, Аматусия ⁴³, чтимого
матерь,

С поля прошу моего снять золотые
значки.

Тирсом суровым своим Лизей ⁴⁴ потрясает
двурогий,

Мне он коней запустить полем пошире
велит.

Кроткий элегии стих! Игривая Муза,
прощайте!

20 После кончины моей труд мой останется
жить.

Письмо первое

Пенелопа — Улиссе

Неторопливый, тебе эти строки шлет Пенелопа;
 Не отвечай мне письмом — сам возвращайся,
 Улисс¹!

Пал давно Илион, ненавистный подругам
 данайцев;

Вряд ли и город и царь стоили этой цены.
 5 Лучше бы прежде, в пути, когда в Спарту плыл
 соблазнитель²,
 Натиском бешеных вод был погребен его
 флот!

Мне не пришлось бы лежать в одинокой,
 холодной постели,

Плакать, что медленно дни для разлученной
 идут,

Или стремясь обмануть долготу нескончаемой
 ночи,

10 Вдовы руки трудить тканью, свисающей
 с кросн.

Все опасности мне еще опасней казались;
 Так уж всегда: где любовь — там и тревога
 и страх.

Строй мерещился мне на тебя идущих троянцев,
 Краску сгоняло со щек Гектора имя одно.

15 Чуть мне расскажут о том, как Гектор убил
 Антилоха³, —

Станет вмиг Антилох новых причиной
 тревог.

Весть ли придет, что погиб Патрокл⁴ в доспехах
 заемных, —

Плачу о том, что успех хитрость дает не
 всегда.

Кровью своей Тлеподем⁵ увлажнил ликийскую
 пику, —

20 Новые страхи в душе смерть Тлеподема
 родит.

Кто бы ни был убит в ахейском стане под Троей,
 Любящей сердце в груди делалось льда
 холодной.

- Но справедливый бог над любовью сжалился
чистой:
Троя дотла сожжена — муж мой остался
в живых,
25 Все возвратились вожди, алтари в Арголиде ⁶
дымятся,
Храмы отчих богов варварских полны
богатств.
Дар за спасенных мужей молодые жены
приносят,
Те о судьбах поют, Трои сломивших судьбу.
Робкие девушки им, справедливые старцы
дивятся,
30 Жены не сводят с них глаз, слушая долгий
рассказ. <...>
Что мне, однако с того, что разрушена Троя
и снова
Ровное место лежит там, где стояла стена,
Если живу я, как прежде жила, пока Троя стояла,
50 Если разлуке с тобой так и не видно конца?
Цел для меня для одной Пергам, хоть для всех и
разрушен,
Хоть победители там пашут на пленных
быках.
Всходы встают, где стоял Илион ⁷, и серпа
поселенцев
Ждет урожай на полях, тучных от крови
врага.
55 Лемех кривой дробит неглубоко зарытые кости
Воинов; камни домов прячет густая трава.
Ты и с победой домой не пришел, и узнать
не дано мне,
Что тебя держит и где ты, бессердечный,
пропал.
Всякий, кто к нам повернет чужеземный корабль,
не уедет
60 Прежде, чем тысячу раз я не спрошу о тебе
И, — чтоб тебе передать, если встретить тебя
доведется, —
Он не получит письма, что я писала сама.
К дряхлому Нестору мы посылали в Нелееву ⁸
землю,
В Пилос — но Пилос прислал темные вести
в ответ;

- 65 В Спарту послали потом — но и Спарта правды
не знает.
Где ты, в какой ты земле, неторопливый,
живешь?
Лучше уж было бы мне, если б Фебовы стены
стояли.
Глупая, нынче сержусь я на мои же мольбы!
Знала бы, где ты теперь, и боялась я только
сражений,
- 70 Жалобой вторила б я жалобе множества
жен.
Нынче боюсь я всего, не зная, чего мне бояться,
Для неразумных тревог много открыто
дорог.
Сколько опасностей есть на морях, сколько есть
их на суше,
Все они, — думаю я, — путь преградили тебе.
- 75 Глупые мысли мои! Я ведь знаю твое
сластолюбье, —
Верно, тебя вдалеке новая держит любовь,
Верно, твердишь ты о том, что жена у тебя
простовата,
Что у нее не груба разве что пряжа одна.
О, хоть бы я солгала! Хоть бы ветер умчал
обвиненье!
- 80 Хоть бы приплыть пожелал ты, если волен
приплыть!
Вдовью покинуть постель меня заставляет
Икарий⁹,
Все попрекает, что зять слишком уж долго
плывет.
Пусть попрекает! Твоей и была Пенелопа,
и будет, —
Пусть вспоминают меня лишь как Улисса
жену <...>

НАУКА ЛЮБВИ

Перевод М. Гаспарова

Книга первая

Кто из моих земляков не учился любовной
науке,
Тот мою книгу прочтя и, научась, полюби.

- Знание ведет корабли, направляя и весла и парус,
Знание правит коней, знанью покорен Амур.
5 Автомедонт¹ направлял колесницу послушной
вожжою,
Тифий² стоял у руля на гемонийской
корме, —
Я же Венерой самой поставлен над нежным
Амуrom,
Я при Амуре моем — Тифий и Автомедонт.
Дик младенец Амур, и нрав у него непокладист,
10 Все же младенец — и он, ждущий умелой
руки.
Звоном лирной струны сын Филиры³ утишил
Ахилла,
Дикий нрав укротив мирным искусством
своим:
Тот, кто был страшен врагу, кто был страшен
порою и другу,
Сам, страшась, предстоял перед седым
стариком;
15 Тот, чья мощная длань сулила для Гектора
гибель,
Сам ее подставлял под наказующий жезл.
Словно Хирону — Пелид, Амур доверен поэту:
Так же богиней рожден, так же душою
строптив.
Что ж, ведь и пахотный бык ярмо поднимает
на шею,
20 И благородный скакун зубом грызет
удила, —
Так и Амур покоряется мне, хоть и жгут мое
сердце
Стрелы, с его тетивы прямо летящие
в грудь.
Пусть! Чем острее стрела, чем пламенней жгучая
рана,
Тем за стрелу и огонь будет обдуманней
месть.
25 Лгать не хочу и не буду: наука моя не от Феба,
Не возвещает ее грающий птичий полет,
Не выходили ко мне, пастуху Аскрейской
долины⁴,
Клио и восемь сестер⁵, вещий ведя хоровод;
Опыт меня научил — внимлите же опытной
песне!

- 30 Истина — вот мой предмет; благослови нас,
Любовь!
- Прочь от этих стихов, целомудренно-узкие
ленты,
Прочь, расшитый подол, спущенный ниже
колен!⁶
- О безопасной любви я пишу, о дозволенном
блуде,
Нет за мною вины и преступления нет.
- 35 Первое дело твое, новобранец Венераиной рати,
Встретить желанный предмет, выбрать, кого
полюбить.
Дело второе — добиться любви у той, кого
выбрал;
Третье — надолго суметь эту любовь
уберечь.
- Вот уроки мои, вот нашего поприща меты —
40 К ним колесницу помчу, быстро пустив
колесо.
Стало быть, прежде всего, пока все дороги
открыты,
Выбери — с кем из девиц заговорить о
любви?
- С неба она к тебе не слетит дуновением ветра —
Чтобы красивую взять, нужно искать и
искать.
- 45 Знает хороший ловец, где сети раскинуть на
ланей,
Знает, в какой из ложбин шумный
скрывается вепрь;
Знает кусты птицелов, и знает привычный
удильщик
Омуты, где под водой стаями рыбы
скользят;
- Так и ты, искатель любви, сначала дознайся,
50 Где у тебя на пути больше девичьих добыч.
Я не заставлю тебя широкий раскидывать парус,
Незачем плавать тебе в самую дальнюю
даль,
Хоть и Персею пришлось жену добывать
у индусов,
И от Лаконской земли в Трою Елена плыла.
- 55 Столько в столице девиц, и такие в столице
девицы,

- Что уж не целый ли мир в Риме сошелся
 одним?
 Жатв на Гаргарской горе, гроздей виноградных в
 Метимне,
 Рыб в пучине морской, птиц под покровом
 листвы,
 Звезд ночных несчислимой красавицы
 в нынешнем Риме —
 60 Уж не Энея ли мать трон свой поставила
 здесь?
 Если молоденьких ты и едва подрастающих
 любишь —
 Вот у тебя на глазах девочка в первом цвету;
 Если покрепче нужна — и покрепче есть сотни
 и сотни,
 65 Все напоказ хороши, только умей выбирать;
 Если же ближе тебе красота умелых и зрелых,
 То и таких ты найдешь полную меру на
 вкус.
 Ты лишь пройдишь, не спеша, под Помпеевой
 свежее тенью⁷
 В дни, когда солнце стоит над Геркулесовым
 Львом⁸,
 Или же там, где щедротами мать померялась
 с сыном,
 70 Мрамором из-за морей пышно украсив
 чертог.
 Не обойди колоннад, мановением Ливии
 вставших⁹,
 Где привлекают глаза краски старинных
 картин, —
 Там пятьдесят Данаид готовят погибель
 на братьев,
 И с обнаженным мечом грозный над ними
 отец.
 75 Не пропусти священного дня сирийских евреев
 Или Венериных слез в день, как погиб
 Адонис¹⁰;
 Не позабудь и мемфисской телицы в льняном
 одеянье¹¹ —
 Зевса познавши любовь, учит любви она дев.
 Судная площадь — и та не запретное место
 Амуру:
 80 В шуме толпы площадной часто вскипает
 любовь.

- Там, где мраморный ряд колонн Венерина
храма,
А перед ним в небеса бьет водомет
Аппиад¹²,
Там не однажды любовь уязвляла блюстителей
права,
И охранявший других сам охраниться не
мог.
- 85 Там не однажды немел и самый искусный вития,
Не за других говоря, а за себя самого.
И, потешаясь, глядела Венера из ближнего
храма,
Как защищавший других стал беззащитен
пред ней.
- Но полукруглый театр — еще того лучшее место:
Здесь для охоты твоей больше найдется
добыч.
- 90 Здесь по себе ты отыщешь любовь и отыщешь
забаву —
Чтобы развлечься не раз или увлечься
всерьез.
- Как муравьи вереницей спешат туда и обратно,
Зерна держа в челюстях, пищу привычную
впрок,
- 95 Или как пчелы летят по своим облюбованным
рощам
И по душистым лугам вскользь от цветка и
к цветку,
Модные женщины так на модные зрелища
рвутся:
- Толпы красавиц текут, в лицах теряется глаз.
Все хотят посмотреть и хотят, чтоб на них
посмотрели, —
- 100 Вот где находит конец женский и девичий
стыд.
- Ромул, это ведь ты был первым смутителем
зрелищ,
Рати своей холостой милых сабинянок дав!
Не нависали тогда покрывала над мраморным
склоном,
А на подмостки внизу рыжий не брызгал
шафран, —
- 105 Сценою был безыскусный развал наломанных
сучьев

И густолистных ветвей из палатинских дубрав,
А для народа кругом тянулись дерновые скамьи,
И заслоняла листва зной от косматых голов.

<...>

Ромул, ты для бойцов наилучшую добыл награду;
Дай такую и мне — тотчас пойду воевать!
Как же тут не сказать, что красоткам опасны театры
С тех знаменитых времен и до сегодняшних пор?

135 Небесполезны тебе и бега скакунов благородных —
В емком цирке Амур много находит удобств.
Здесь не придется тебе разговаривать знаками пальцев
И не придется ловить тайные взгляды в ответ.
Здесь ты хоть рядом садись, и никто тебе слова не скажет,
140 Здесь ты хоть боком прижмись — не удивится никто.
Как хорошо, что сиденья узки, что нельзя не тесниться,
Что позволяет закон трогать красавиц, теснясь!
Здесь-то и надо искать зацепки для вкрадчивой речи,

И ничего, коли в ней пошлыми будут слова:
145 Чьи эти кони, спроси у соседки с притворным вниманьем;
Ежели хлопнет коню, хлопай за нею и сам;
А как потянутся лики богов¹³ и меж ними Венера —

Хлопай и рук не щади, славя свою госпожу.
Если девице на грудь нечаянно сядет пылинка —
150 Эту пылинку с нее бережным пальцем стряхни.
Если пылинки и нет — все равно ты стряхни ее нежно,
Ведь для заботы такой всяческий повод хорош.

- Если до самой земли у красотки скользнет
покрывало —
Ты подхвати его край, чтоб не запачкала
пыль:
- 155 Будешь вознагражден — увидишь милые ножки,
И ни за что упрекнуть дева не сможет тебя.
Кроме того, последи, чтоб никто из заднего ряда
В спину ее не толкал грубым коленом своим.
Мелочь милее всего! Как часто полезно подушку
- 160 Под локоток подложить для утомленной
руки
Или же, веер раскрыв, на соседку повеять
прохладой,
Или поставить к ногам вогнутый валик
скамьи.
Благоприятен и цирк началу любовных
подходов —
Благоприятен и шум возле песчаных арен.
- 165 Здесь над кровавым песком воюет и отрок
Венеры —
Метко он ранит сердца тем, кто на раны
глядит.
Заговорить, коснуться руки, попросить
объявление,
Спор предложить об заклад, кто из бойцов
победит, —
Тут и почувствуешь ты, как трепещет стрела
в твоём сердце,
- 170 Тут-то из зрителя сам станешь участником
игр. <...>
- Званный обед — тоже славная вещь
для любовных подходов,
230 И не единым вином он привлекает мужчин.
Часто и здесь, за рога ухватив, охмеленного
Вакха
Нежной своею рукой клонит багряный Амур.
Брызги вина увлажняют пернатые крылья
Амура —
И остается летун, отяжелев, на пиру;
- 235 Влажными крыльями бьет, росу отряса
хмельную,
Но и от этой росы страдают людские сердца.
В винном пылу созревает душа до любовного
пыла,

Тяжкое бремя забот тает в обильном вине.
Смех рождается в устах, убогий становится

гордым,
240 Скорбь отлетает с души, сходят морщины
со лба,

Хитрость бежит перед божьим лицом,
раскрываются мысли,
Чистосердечье звучит, редкое в нынешний
век.

Тут-то наши сердца и бывают добычей красавиц,
Ибо Венера в вине пламенем в пламени
жжет.

245 Помни, однако, что здесь, в обманчивом свете
лампады,
Ночью с хмельной головой трудно ценить
красоту.

Ведь не случайно Парис лишь днем и под
солнечным небом
Молвил, богинь рассмотрев: «Лучшая —
Матерь Любви!»

Ночь благосклонна, она прикрывает любые
изъяны,

250 Ночью любую из дев можно красавицей
счесть.

О драгоценных камнях, о крашенной пурпуром
ткани
И о девичьей красе только при солнце суди.

Полно! как перечесать все места для любовной
охоты?

Легче исчислить песок на побережье
морском!

255 Что уж мне говорить о Байях¹⁴ и байских
купаньях,

Где от горячих ключей серные дышат пары?
Многие, здесь побывав, уносят сердечные раны:
«Нет, — они говорят, — эта вода не целит!»

<...>

265 Время теперь приступить к тому, что гораздо
важнее, —

Как уловить для себя ту, что искал и нашел?
Все и повсюду мужи, обратите умы

со вниманьем
И доброхотной толпой слушайте слово мое!

- Будь уверен в одном: нет женщин, тебе
недоступных!
 270 Ты только сеть распахни — каждая будет
твоей!
 Смолкнут скорее весной соловьи, а летом
цикады,
 А меналийские псы зайцев пугаться начнут,
 Нежели женщина станет противиться ласке
мужчины, —
 Как ни твердит «не хочу», скоро захочет, как
все.
 275 Тайная радость Венеры мила и юнцу и девице,
 Только скромнее — она, и откровеннее — он.
 Если бы нам сговориться о том, чтобы женщин
не трогать, —
 Женщины сами, клянусь, трогать бы начали
нас. <...>
 Будь лишь опрятен и прост. Загаром на
Марсовом поле
 Тело покрой, подбери чистую тогу под рост,
 515 Мягкий ремень башмака застегни нержавеющей
пряжкой,
 Чтоб не болталась нога, словно в широком
мешке;
 Не безобразь своей головы неумелою
стрижкой —
 Волосы и борода требуют ловкой руки;
 Ногти пусть не торчат, окаймленные черною
грязью,
 520 И ни один не глядит волос из полой ноздри;
 Пусть из чистого рта не пахнет несвежестью
тяжкой
 И из подмышек твоих стадный не дышит
козел;
 Все остальное оставь — пускай этим тешатся
девки
 Или, Венере назло, ищут мужчины мужчин.
 525 Полно: Вакх призывает певца! Он тоже
влюбленным
 Друг, и пламя любви с пламенем Вакха
сродни. <...>
 565 Вот потому-то, когда на столе — возлияния
Вакху,
 А за столом возлежит женщина рядом с тобой,

- Богу ночному молись, молись Никтелийским
 святыням¹⁵,
 Чтобы твоя голова не помутилась вином.
 Тут-то тебе и дано о многом сказать незаметно,
 570 Чтобы она поняла: сказано это о ней;
 Тут-то вином и чертить на столе говорящие
 знаки,
 Чтобы твоей госпоже знать, чья она госпожа;
 Взглядами взглядов искать, изъясняясь их
 пламенным блеском —
 Часто немые глаза красноречивее уст.
 575 Тронет ли чашу губами она, перейми эту чашу
 И за красавицей вслед с той же пригубь
 стороны;
 Если к какому куску она потянется пальцем,
 Ты, потянувшись за ней, руку рукою задень.
 Кроме того, не забудь и понравиться мужу
 подруги —
 580 Станет полезнее он, сделавшись другом
 твоим:
 Если по жребию пьешь — уступи ему первую
 долю
 И со своей головы дай ему первый венок,
 Пусть ему первым нальют, будь он выше тебя
 или ниже,
 Что бы он ни сказал — с легкой готовностью
 вторь.
 585 Самый испытанный путь — обманывать мнимую
 дружбой
 (Все же опасность таит даже испытанный
 путь):
 Именно так и делец, превышая свое полномочье,
 Больше берет на себя, чем доверялось ему.
 Мера есть и питью — указать ее вовсе не трудно:
 590 Пусть голова и нога будут послушны тебе!
 Больше всего берегись за вином затевать
 перебранку,
 Бойся волю давать рвущимся к бою рукам:
 Евритион¹⁶ нашел себе смерть в неразумной
 попойке, —
 Нет, за столом и вином легкая резвость
 милей
 595 Пой, коли голос хорош, пляши, коли руки
 красивы, —

Всем, чем можешь пленить, тем и старайся
 пленить.
 Истое пьянство вредит, но мнимое даже
 полезно:
 Пусть заплетется язык, пусть залепечется
 речь, —
 Что б ты теперь ни сказал и ни сделал не в меру
 ретиво —
 600 Все для тебя не в упрек: скажут,
 виновно вино.
 «Благо любимой моей и благо любимому
 ею!» —
 Так говори, а в уме: «Чтоб ему
 сдохнуть!» — добавь.
 Но покидают застольники стол, расходясь
 многолюдно;
 Тут-то сама суета подступ к красавице даст.
 605 Вдвинься в толпу, проберись к красавице, словно
 случайно,
 Пальцами стана коснись, ногу ногою задень.
 Вот когда время начать разговор! И Венера
 и Случай —
 Оба помогут тебе; Стыд неотесанный,
 прочь!
 Здесь твоему красноречью не надобны наши
 советы,
 610 Только сумей захотеть — сразу же станешь
 речист.
 С ролью влюбленного сладь, словами яви свои
 раны,
 Хитрость любую найди — пусть лишь
 поверит она.
 Это нетрудно: ведь каждая мнит, что любви она
 стоит;
 Даже и та, что дурна, верит в свою красоту.
 615 Часто бывало: притворно любя, притворщик
 влюблялся,
 Взявшись казаться таким, впрямь становился
 таков.
 Так не таите же, девушки, зла на мужское
 притворство —
 Из повсечасной игры часто рождается
 страсть.
 Ты же, о юноша, вкрадчивой речью подтачивай
 сердце,

- 620 Как неустанно река точит нависший обрыв.
 Не устай восхвалять лицо ее, волосы, руки,
 Пальцев тонкий изгиб, ножки-малютки
 следок.
 Слышать хвалу своей красоте и стыдливая рада:
 Каждая собственный вид ценит превыше
 всего. <...>
- 660 Польза есть и в слезах; слеза и алмазы растопит.
 Только сумеи показать, как увлажнилась
 щека!
 Если же сухи глаза (не приходит слеза по
 заказу!) —
 Маслом пальцы полей и по ресницам
 пройдишь.
 А поцелуй? Возможно ли их не вмешивать
 в просьбы?
 Пусть не дается — а ты и с недающей бери.
 665 Если же будет бороться и ежели скажет:
 «Негодный!» —
 Знай: не своей, а твоей хочет победы
 в борьбе.
 Только старайся о том, чтоб не ранить нежные
 губы,
 Чтобы на грубость твою дева пенять не
 могла.
 Кто, сорвав поцелуй, не сорвал и всего
 остального,
 670 Истинно молвлю, тому и поцелуй не впрок.
 Что помешало тебе достичь полноты
 вожденной?
 Стыд? Совсем и не стыд — разве что серость
 твоя.
 Это насилье? Пускай: и насилье красавицам
 мило —
 То, что хотят они дать, нехотя лучше дадут.
 675 Силою женщину взяв, сам увидишь, что
 женщина рада
 И что бесчестье она воспринимает как дар.
 Если ж она, хоть могла претерпеть, а нетронутая
 вышла,
 То под веселым лицом тайную чувствует
 грусть. <...>
- 705 Правда, иную игру начать не решается дева, —
 Рада, однако, принять, если начнет не она.

- Право же, тот, кто от женщины ждет
 начального шага,
 Слишком высоко, видать, мнит о своей
 красоте.
 Первый приступ — мужчине и первые просьбы —
 мужчине,
 710 Чтобы на просьбы и лесть женщина сдаться
 могла.
 Путь к овладению — мольба. Любит женщина
 просьбы мужские —
 Так Расскажи ей о том, как ты ее полюбил.
 Сам преклонялся с мольбой Юпитер, сходя
 к героиням, —
 Из героинь ни одна первой его не звала.
 715 Если, однако, почувствуешь ты, что мольбы
 надоели,
 Остановись, отступи, дай пресыщенью
 пройти.
 Многим то, чего нет, милее того, что доступно:
 Меньше будешь давить — меньше к тебе
 неприязнь.
 И на Венерину цель не слишком указывай явно:
 720 Именем дружбы назвав, сделаешь ближе
 любовь.
 Сам я видал, как смягчались от этого строгие
 девы
 И позволяли потом другу любовником
 стать. <...>

Книга вторая

- <...> Прочь, нечестивые, прочь! Будь любезным
 и будешь любимым.
 Чтобы любовь заслужить, мало одной
 красоты.
 Будь ты хоть сам Нирей¹⁷, любимец былого
 Гомера,
 110 Или нежнейший на вид Гилас¹⁸, добыча
 наяд,
 Чтобы любовь госпожи сохранить и ее
 не лишиться,
 Ты приложи к красоте малую долю ума.

- Ведь красота — ненадежная вещь, убывает
с годами.
- Чем протяженней она, тем ее сила слабей.
- 115 Вечно цвести не дано цветам длиннолепестных
лилий;
- Роза, осыпав красу, сохнет, шипами торча.
- Так и в твоих волосах забелеют, красавец,
седины,
- Так и тебе на лицо борозды лягут морщин.
- 120 Дух один долговечен, — да будет тебе он опорой!
- Он — достоянье твое до погребальных
костров.
- Не забывай и о том, что для всякой души
благотворно
- Знание двух языков и благородных наук.
- Не был красивым Улисс, а был он
красноречивым —
- И вспыхнули к нему страстью богини морей.
<...>
- 145 Лучше всего привлекает сердца обходительность
в людях,
- Грубость наоборот, сеет вражду и войну.
- Ястреба мы ненавидим за клюв его дерзкий
и коготь,
- И ненавидим волков, хищников робких
овец;
- Но безопасно от нас кротких ласточек быстрое
племя
- 150 И хаонийский летун¹⁹, башен высоких
жилец.
- Прочь, злоязычная брань, исчезни, вредная
ссора!
- Сладкие только слова милую нежат любовь.
- Жен мужья и жены мужей пусть ссорами гонят,
- Словно меж ними в суде длится
неконченный спор.
- 155 Это — супружества часть, в законном приданое
браке,
- А меж любовников речь ласкова будь
и мила.
- Вам не закон приказал сойтись к единому
ложу —
- Силу закона иметь будет над всеми Любовь.

- Пусть, к приятным словам склоняясь
польщенной душою,
160 Будет подруга всегда рада увидеть тебя!
Тех, кто богат, я любви не учу — на что им
наука?
Если есть, что дарить, — им мой урок ни
к чему.
Тот без науки умен, кто может на всякую
просьбу.
«Вот тебе, молвить, и вот!» — с ним мне
тягаться невмочь.
165 Бедным был я, любя, для бедных стал я поэтом;
Нечего было дарить — праздное слово
дарил.
Бедный робок в любви, боится недоброго слова,
Бедный такое снесет, что не стерпеть богачу.
Помню, однажды, всплыв, повредил я прическу
подруги —
170 Сколько мне дней любви стоила эта гроза!
Я ей рубашку не рвал, а она уверяет, что рвал
я, —
Мне же пришлось на свои новую ей
покупать.
Умные ученики! Не следуйте нашим ошибкам!
Пусть мой убыточный грех служит уроком
для вас.
175 Схватки — на долю парфян, а учтивым подругам
несите
Ласки, шутку и мир — все, что питает
любовь.
Если подруга в ответ на любовь неприветлива
будет —
Будь терпелив и крепись: жди, и смягчится
она. <...>
- Юные, ваш я поэт! Прославьте меня похвалою,
740 Пусть по целой земле имя мое
прогремит!
Вам я оружие дал, как Вулкан хромоногий —
Ахиллу:
Как победит им Ахилл, так побеждайте
и вы.
Но не забудь, победитель, повергнув под меч
амазонку,

- В надписи гордой сказать: «Был мне
наставник Назон».
745 Но за мужами вослед о науке зывают и девы.
Вам я, девы, несу дар моих будущих строк.

Книга третья

- Дал я данайцам разить амазонок, теперь
амазонкам,
Пентесилея ²⁰, твоим должен я вверить мечи.
Равными будьте в борьбе, а победу укажет
Диона ²¹
И легкокрылый Амур, в миг облетающий
мир.
5 Неправедливо идти с оружием на безоружных,
И недостойны мужчин лавры подобных
побед. <...>
- 25 Впрочем, подобным сердцам не надобна наша
наука,
И не настолько велик парус на нашем челне:
Лишь о нетрудной любви говорится в моих
наставленьях —
Женщинам это урок, как сохранить им
любовь.
Женщине лук не с руки, не жжет она факелом
ярым:
Женские стрелы с трудом ранят мужские
сердца.
Част в мужчинах обман, но редок в юных
подругах —
Как ни старайся, тебе не за что их
упрекнуть.
Это Ясон обманул детей своих мать,
Фасианку ²²,
Ибо в объятья свои новую принял жену!
35 Из-за тебя, Тесей, Ариадна лежала, страдая,
Там на пустом берегу снедью для чаек
морских! <...>
В чем причина всех бед? Науки любить вы
не знали!
Вы не учились, а страсть только наукой
крепка.
Быть в неведении вам и досель, — но вот
Киферея ²³,

Вдруг предо мною представ, мне заповедала
так:

45 «Чем виноваты, скажи, злополучные девы
и жены,
Что безоружный их сонм предан оружию
мужчин?
Были наукой мужчин две тобой сочиненные
книги —
Ныне наука твоя женщинам помощью будь.
Помнишь, как древний певец ²⁴, позором ославив
Елену,

50 Вскоре пропел ей хвалу, пушущую славу
стяжав?
Ты уж давно мне знаком — так избавь
от страданий красавиц!
И благодарностью их счастлив ты будешь
вовек».

Эти промолвив слова, богиня, венчанная
миртом,
Мне, певцу, подала семя и лист из венка.

55 Благоговейно их взяв, я восчувствовал божью
силу:
Светом эфир просиял, бремя упало с души.
Дар мой — дар божества! Поспешайте же, девы,
к уроку,
Ежели вам не в запрет званья, законы
и стыд.
Не забывайте, что вас ожидает грядущая
старость —

60 Доброго время любви, даром не тратьте
ни дня.
Радуйтесь жизни, пока в цвету весенние годы:
Время быстрее бежит, чем торопливый
поток.
Ни миновавший волны не воротит речное
течение,
Ни миновавшего дня времени бог не вернет.

65 Пользуйся, годы не ждут, скользя
в легкокрылом полете:
Радости ранней поры поздней порой
не придут.
Эти седые кусты я видел в фиалковом цвете,
С этих колючих шипов рвал я цветы для
венка.

Ты, что нынче строга к влюбленным
поклонникам, вспомни:

Горько старухою стать на одиноком одре!
Не затрещит твоя дверь под напором ночного
гуляки,

Не соберешь поутру россыпи роз под окном.
Ах, как легко, как морщины ложатся на кожу,
Как выцветает у вас нежный румянец лица!

75 Прядь, о которой клялась ты: «Была она
с детства седою!» —

Скоро по всей голове густо пройдет сединой.
Змеи старость свою оставляют в сброшенной
коже,

Вместе с рогами олень ношу снимает годов;
Только нам облегчения нет в непрерывных
утратах —

Рвите же розы, пока в прах не опали они!
Да и рождая детей, становится молодость
старше:

Жатву за жатвой даря, изнемогают поля.
Разве стыдится луна латмийского Эндимиона²⁵?
Разве позорен Кефал²⁶ розовоперстой Заре?

85 Та²⁷, от кого рождены Эней и Гармония миру,
Разве досель не грустит об Адонисе-ловце?
Смертные жены, для вас пример указуют

богини:
Не отвечайте же «нет» жадным желаньям
мужчин!

Страшно обмана? Зачем? Все ваше останется
с вами:

90 Не убывает оно, сколько его не бери.
Сточится сталь сошника, обкатаются камни об
камни,

Но не иссякнет одно — то, чем дается
любовь.
Разве кто запретит огню от огня зажигаться
Или возьмет под замок воду в пучинах

морей?
95 Так почему же твердит красавица другу:

«Не надо»?
Надо ли воду жалеть, ежели вдоволь воды?

Я не к тому ведь зову, чтобы всем уступать без
разбора,
Я лишь твержу: не скупись! Твой безубыточен
дар.

- В дальнем пути мой корабль ожидает неслабого
ветра,
100 А для начала пути в пользу и легкий Зефир.
Это начало — уход за собой. На ухоженной
пашне
Всюду щедрее зерно, в грозди ухоженной —
хмель.
Божий дар — красота; и если прикинуть без
лести,
То ведь придется признать: дар этот есть не
у всех.
105 Нужен уход красоте, без него красота погибает,
Даже если лицом схожа с Венерой самой.
Если красавицы давних времен за собой
не следили,
Были причиной тому грубые вкусы мужей.
Ежели толстый хитон²⁸ случалось одеть
Андромахе,
110 Что из того? У нее муж был суровый боец.
Разве могла бы жена, разубравшись, предстать
пред Аяксом,
Перед Аяксом, чей щит семь покрывали
быков?
Век простоты миновал. В золотом обитаем мы
Риме,
Сжавшем в мощной руке все изобилье
земли.
115 На Капитолий взгляни; подумай, чем был он,
чем стал он:
Право, как будто над ним новый Юпитер
царит!
Курия стала впервые достойной такого сената, —
А когда Татий²⁹ царил, хижинной утлой
была;
Фебу и нашим вождям засверкали дворцы
Палатина³⁰
120 Там, где прежде поля пахотных ждали
волов.
Пусть другие поют старину, я счастлив родиться
Ныне, и мне по душе время, в котором
живу!
Не потому, что земля щедрей на ленивое злато,
Не потому, что моря пурпуром пышным
дарят,
125 Не потому, что мраморы гор поддаются железу,

Не потому, что из волн крепкий возвысился
 мол, —
 А потому, что народ обходительным стал
 и негрубым,
 И потому, что ему ведом уход за собой.
 Так не вдевайте же в уши себе драгоценные
 камни,
 130 Те, что в зеленой воде черный находит
 индус;
 Не расшивайте одежду золотыми тяжелыми
 швами —
 Роскошь такая мужчин не привлечет, а
 спугнет.
 Нет, в красоте милей простота. Следи
 за прической —
 Здесь ведь решает одно прикосновенье
 руки! —
 135 И не забудь, что не все и не всех одинаково
 красит:
 Выбери то, что к лицу, в зеркало глядя,
 проверь.
 К длинным лицам идет пробор, проложенный
 ровно:
 У Лаодамии³¹ так волос лежал без прикрас.
 Волосы в малом пучке надо лбом и открытые
 уши —
 140 Эта прическа под стать круглому будет
 лицу.
 Можно на оба плеча раскинуть далекие кудри,
 Как их раскидал Феб, лиру певучую взяв;
 Можно связать их узлом на затылке, как дева
 Диана,
 Что, подпоясав хитон, гонит лесное зверье;
 145 Этой к лицу высокий начес, чем пышнее, тем
 лучше,
 Та — волосок к волоску пряди уложит
 плотней;
 Этой будет хорош черепаховый гребень
 Киллены³²,
 Той — широкий поток вольных волнистых
 волос.
 Но как нельзя на ветвистом дубу желудей
 перечислить,
 150 Пчел на Гиблейских лугах, зверя
 в Альпийских горах,

- Так нельзя перечесть, какие бывают прически —
 С каждым новым мы днем новые видим
 вокруг!
 А для иных хороша и небрежность: чтоб ты
 причесалась
 Утром сегодня — но пусть кажется, будто
 вчера!
- 155 Так безыскусно искусство. Такую увидел
 Иолу³³
 И произнес Геркулес: «Вот оно счастье
 мое!»
 Вахх такую тебя вознес на свою колесницу,
 Дева Кносской земли³⁴, в кликах сатиров
 своих.
 О, как природа щедра к красоте и девичьей
 и женской,
- 160 Сколько дает она средств всякий урон
 возместить!
 Этого нам не дано, мужчинам, и жадная
 старость
 Нам обнажает чело, словно деревья Борей.
 Ну, а у женщины есть для седин германские
 травы,
 Соком которых она станет темней, чем
 была;
- 165 Женщина может купить накладные густейшие
 кудри
 И по доступной цене сделать чужое своим;
 В этом не видят они никакого стыда, и торговля
 Бойко идет на глазах у Геркулеса и Муз³⁵.
 Нужно ли мне говорить и о платье? И здесь
 бесполезно
- 170 И золотое шитье, и финикийский багрец.
 Право, безумно таскать на себе все свое
 состоянье,
 Ежели столько вокруг красок дешевле ценой!
 <...>
- 185 Сколько рождает цветов весною земля
 молодая,
 Сонную зиму прогнав, каждой лозою
 цветя, —
 Столько и больше того есть красок на женских
 одеждах,
 Только умей распознать, что кому больше
 к лицу.

- Белой коже — черная ткань: такова Брисеида —
190 В черной одежде ее быстрый похитил Ахилл.
Темной коже — белая ткань: прекрасная в белом,
Так на скалистый Сериф³⁶ вышла Кефеева
дочь³⁷...
- Я уж хотел продолжать, чтобы потом не пахли
подмышки,
И чтобы грубый не рос волос на крепких
ногах,—
195 Но ведь уроки мои не для женщин Кавказских
ущелей
И не для тех, чьи поля поит мизийский
Каик!³⁸
Право, тогда почему не добавить бы: чистите
зубы
И умывайте лицо каждое утро водой?
Сами умеете вы румянец припудривать мелом,
200 Сами свою белизну красите в розовый цвет.
Ваше искусство заполнит просвет между бровью
и бровью,
И оттенит небольшой мушкою кожу щеки.
Нет ничего дурного и в том, чтоб подкрашивать
веки
В нежный пепельный цвет или в киднийский
шафран³⁹.
- 205 Есть у меня о таких предметах особая книга⁴⁰,
Хоть небольшая, она стоила многих трудов;
Там вы найдете совет и о том, как поправить
осанку —
Верьте, в науке моей не позабыто ничто.
- 210 Но красота милей без прикрас — поэтому лучше,
Чтобы не видели вас за туалетным столом.
Не мудрено оробеть, увидя как винное сусло,
Вымазав деве лицо, каплет на теплую грудь!
Как отвратительно пахнет тот сок, который
в Афинах
Выжат из грязных кусков жирной овечьей
шерсти!
- 215 Я на глазах у мужчин не сосал бы косточки
ланьей,
Я у мужчин на глазах чистить не стал бы
зубов,—

- Нам неприятно смотреть, как рабыня, в слезах
 и в уколах,
 Кудри должна завивать над ненавистным
 лицом.
 Если же мало красы в волосах твоих — дверь на
 запоры, —
 Будь твоя тайна святей тайн Благодатных
 Богинь! ⁴²
- 245 Помню, подруге моей обо мне доложили
 внезапно —
 Вышла красотка, парик задом надев наперед.
 Злейшим лишь нашим врагам пожелаю
 подобного срама,
 Пусть на парфянских девиц этот позор
 упадет!
 Стыдно быку без рогов и стыдно земле без
 колосьев,
- 250 Стыдно кусту без листвы, а голове без
 волос.
 Вы не мои ученицы, увы, Семела и Леда,
 Мнимый Сидонянку ⁴³ бык по морю вез не
 ко мне;
 Не о Елене пекусь, которую так домогались
 Умный супруг — воротить, умный
 Парис — сохранить;
- 255 Нет, меж моих учениц есть получше лицом, есть
 похуже, —
 Тех, что похуже лицом, больше бывает
 всегда.
 Те, что собой хороши, моей не прельстятся
 наукой:
 Данная им красота и без науки сильна.
 Ежели на море тишь — моряк беззаботно
 отважен,
- 260 Ежели вздулись валы — помощь нужна
 моряку.
 Редко встречаешь лицо без изъяна. Скрывайте
 изъяны
 В теле своем и лице, если под силу их
 скрыть!
 Если твой рост невелик и сидящей ты кажешься,
 стоя,
- 265 Вправду побольше сиди или побольше лежи;
 А чтобы, лежа не дать измерять себя взором
 нескромным,

- Ты и на ложе своим тканями ноги прикрой.
 Если ты слишком худа, надевай потолще одежду
 И посвободней раскинь складки, повисшие
 с плеч;
 Если бледна, то себя украшай лоскутами
 багрянца,
 270 Если смугла — для тебя рыбка на Фаросе
 есть ⁴⁴.
 Ножку нескладного вида обуи в башмачок
 белоснежный;
 Голень, что слишком худа, всю ремешками
 обвей.
 Слишком высокие плечи осаживай тонкой
 тесьмою;
 Талию перетянув, выпуклей сделаешь грудь.
 275 Меньше старайся движениями рук помогать
 разговору,
 Ежели пальцы толсты или же ноготь кривой.
 Не говори натошак, если дух изо рта нехороший,
 И постарайся держать дальше лицо от лица.
 А у которой неровные, темные, крупные зубы,
 280 Та на улыбку и смех вечный положит запрет.
 Трудно поверить, но так: смеяться — тоже наука,
 И для красавицы в ней польза немалая есть.
 Рот раскрывай не во всю ширину, пусть будут
 прикрыты
 Зубы губами, и пусть ямочкой ляжет щека.
 285 Не сотрясай без конца утробу натужливым
 смехом —
 Женственно должен звучать и
 легкомысленно смех.
 А ведь иная, смеясь, неумело коверкает губы,
 А у иной, на беду, смех на рыданье похож,
 А у иной получается смех завыванием грубым,
 290 Словно ослица ревет, жернов тяжелый
 взвалив.
 Что не подвластно науке? И смех подвластен,
 и слезы —
 Каждая знает для слез время, и меру, и вид.
 Ну, а что уж о том говорить, как нарочно
 картавят
 И по заказу язык нужный коверкает звук?
 295 Этот невнятный лепечущий выговор — тоже ведь
 мода.

- Нужно учиться болтать хуже, чем можешь
болтать.
Все, что на пользу вам может пойти, на заметку
берите:
Нужно бывает подчас даже учиться ходить.
Женская поступь — немалая доля всей прелести
женской,
300 Женскою поступью нас можно привлечь
и спугнуть.
Вот выступает одна, развешаются складки туники,
Важно заносит ступню, ловким бедром
шевелит;
Вот другая бредет, как румяная умбрская баба,
И отмеряет шаги, ноги расставив дугой;
305 Эта слишком груба, а эта — изнежена слишком:
Что ж, как во всем, так и здесь верная мера
нужна.
Но непременно сумей обнажить свою левую
руку —
Локоть открой напоказ, ниже плеча и плечо.
310 Это я вам говорю, у которых белая кожа:
Каждый к такому плечу рад поцелуем
припасть.
В дальних когда-то морях чудовища жили
сирены
И завлекали суда пением звонким своим.
Отпрыск Сизифа Улисс меж замкнувшими уши
единый
Пути едва не порвал, их услышав голоса.
315 Славная пение вещь: учитесь пению, девы!
Голосом часто берет та, что лицом не берет.
Пробуйте голос на песнях, которые петы
в театрах
Или которые к нам с нильских пришли
берегов.
Правой рукою — за плектр, а левой рукой —
за кифару,
320 Женщина, взяться умей: вот пожеланье мое!
Скалы и диких зверей чаровала Орфеева лира,
И Ахеронтову зыбь, и трехголового пса;
Сын, отомстивший за мать ⁴⁵, твоей оживленные
песней
Камни послушные шли в кладку фиванской
стены;
325 Рыбу немую и ту, если давнему верить рассказу,

- Пеньем и лирной игрой славный пленил
Арион, —
Так научись же и ты на струны игривые наблы ⁴⁶
Быстрые руки бросать: набла — подруга
забав.
- Знай и косского строки певца ⁴⁷, и стихи
Каллимаха,
330 Знай и хмельные слова музы теосских
пиров ⁴⁸,
Знай сочиненья Сафо (что может быть их
сладострастней?),
И как хитрец продувной Гета ⁴⁹ дурачит
отца;
С пользою можно читать и тебя, наш нежный
Проперций,
Или же ваши стихи, Галл и любезный
Тибулл,
335 Или Варронов рассказ о том, как руно золотое,
Фрикс, на горе твоей послано было сестре,
Или о том, как скитался Эней, зачиная высокий
Рим, — знаменитей поэм не было в Риме
и нет.
Может быть, к их именам и мое вы добавите
имя,
340 Может быть, строки мои минут летеysкую
топь,
Может быть, кто-нибудь скажет и так:
«Не забудь и поэта,
Что наставленья свои дал и для нас и для
них,
Три его книги возьми, любовных собрание песен,
Выбрав, что можно из них голосом нежным
прочсть,
345 Или сумей выразительно спеть одно из посланий
Тех, которые он первым из римлян сложил».
Пусть это сбудется! Сделайте так, дорогие
Камены,
Феб-покровитель и ты, рогом украшенный
Вахх! <...>
810 Конечно время забав — пора сойти с колесницы,
На лебединых крылах долгий проделавшей
путь.
Пусть же юношам вслед напишут нежные жены
На приношеньях любви: «Был нам
наставник Назон»!

Книга первая

- Смену времен и круговорот латинского года
 Я объясню, и заход и восхождение светил.
 Ты же радушно прими стихи мои, Цезарь
 Германик¹,
 Мой по прямому пути робкий направля
 корабль.
- 5 Не отвергай моего ничтожного ты приношенья,
 Но, хоть и скромнен мой дар, будь
 благосклонен к нему.
 Здесь ты увидишь и то, что извлек я из древних
 сказаний,
 Здесь ты прочтешь и о том, чем каждый
 день знаменит.
 Здесь ты преданья найдешь о домашних
 праздниках ваших,
- 10 Часто прочтешь об отце, часто о деде своем.
 Лавры, которых они в расписных удостоены
 фастах,
 Так же получишь и сам с Друзом ты, братом
 своим.
 Подвиги Цезаря² пусть другие славят; мы
 славим
 Дни, что он приобщил к древним еще
 торжествам. <...>

1 января. Календы.

- Янус начало сулит счастливого года, Германик,
 И начинается мое стихотворенье тебе.
- 65 Янус двуглавый, ты год начинаешь, безмолвно
 скользящий
 Ты лишь один из богов видишь все сзади
 себя.
 Будь благосклонен к вождям, трудами которых
 блюдетс
 Мир на обильной земле, мир на просторе
 морском.
 Будь благосклонен к отцам и к народу бога
 Квирина³

- 70 И мановеньем своим белый нам храм
отомкни.
День счастливый настал. Молчите благоговейно!
Только благие слова в праздник уместны
благой.
Тяжбы умолкнуть должны. Оставьте немедленно
пустые
Ссоры: зловредный язык должен теперь
замолчать.
- 75 Видишь, душистым огнем блистает эфир
благовонный
И киликийский шафран звонко трещит на
кострах?
Пламя сияньем своим ударяет по золоту храмов,
Всходит трепещущий свет до потолочных
стропил.
В светлых одеждах идут в крепостные
Тарпейские башни⁴,
- 80 Чтобы достойно почтить светлого праздника
день,
Новые фаски⁵ несут впереди, новый пурпур
блистает,
Чует слоновая кость⁶ новый торжественный
гнет.
Шеей, не знавшей ярма, под топор преклонились
телята,
Что на филисских лугах вскормлены были
травой.
- 85 Сверху твердыни смотря на окружность мира,
Юпитер
Видит всюду одну Рима державную власть.
Слава счастливому дню! О, будь с каждым
годом счастливей,
Чтобы тебя прославлял власти достойный
народ.
- Как же прославить, тебя, о Янус, бог
двуобразный?
- 90 В Греции нет божества, равного силой тебе.
Ты нам скажи, почему из всех небожителей ты
лишь
Видишь, что сзади тебя, видишь, что перед
тобой?
Так размышлял я, стараясь в своих разобраных
табличках,

- Вдруг замечаю, что весь светом наполнился
дом:
95 Это предстал предо мной двойным изумляющим
лицом
Янус священный, и сам прямо взглянул мне
в глаза.
Я испугался, мои от ужаса волосы встали,
Холод внезапный объял оцепеневшую грудь.
100 Левою рукою держа ключи, а правую посох,
Он обратился ко мне сразу же, так говоря:
«Страх позабудь и внимай мне: о днях возвещая
прилежно,
Дам я ответ, и пойми то, что скажу я тебе.
Хаосом звали меня в старину (я древнего рода),
Слушай, какие дела прошлых веков я спою.
105 Светлый сей воздух кругом и все вещества
остальные —
Пламя, вода и земля были одним
веществом.
Но разлучил их раздор, и они разделили
владенья,
А разделивши, ушли каждое в область свою.
Пламя взлетело наверх, растекся поблизости
воздух,
110 А посредине нашли место земля и вода.
Я же, сгустившийся в шар и безликою бывший
громадой,
Всем своим существом богу подобен я стал.
Ныне же, малый храня былого смешения образ,
Сзади и спереди я виден единым лицом.
115 Знай же причину еще моего такового обличья,
Чтоб хорошенько понять, в чем состоит мой
удел.
Все, что ты видишь, — земля, небеса, и моря,
и туманы —
Власти моей подлежит, крепко я это держу.
Всё это я сторожу один на пространстве
вселенной,
120 Круговращеньем всего мира заведу я.
Если желаю я Мир из-под мирного выпустить
крова, —
Невозбранимо по всем он растечется путям;
Но переполнится всё в смятенье тлетворною
кровью,
Если рванется война из-под тяжелых замков.

- 125 Кроткие Оры⁷ при мне вратами ведают неба,
 Даже владыке богов вход я и выход даю.
 Янус поэтому я. Когда же мне жрец преподносит
 В жертву полбенный хлеб, с солью его
 замесив
 (Ты улыбнешься), тогда «Отворителем» я
 называюсь
- 130 Или по слову жреца, имя «Затворщик» ношу.
 Сменою действий моих объясняются эти
 названья,
 Так называли меня по простоте в старину.
 Силу свою я открыл; теперь объясню и
 обличье, —
 Правда, отчасти его ты уже видишь и сам.
- 135 В каждой двери ведь есть и одна сторона
 и другая,
 Та сторона на народ, эта на Ларов⁸ глядит,
 Так что и в доме привратник, у самого сидя
 порога,
 Видит того, кто вошел, видит того, кто
 уйдет.
- Точно так же и я, привратник двери небесной,
 140 Видеть могу и Восток, видеть и Запад могу.
 Видишь: трояким лицом на три стороны
 смотрит Геката⁹,
 Чтобы тройные пути на перекрестках
 следить;
 Я же, чтоб времени мне не терять головы
 поворотом,
 Сразу на оба пути, не обернувшись смотрю».

〈...〉

Книга третья

*15 марта*¹⁰

- 〈...〉 Я пропустил бы мечи, пронзившие Цезаря
 тело, —
 Но со святых очагов Веста¹¹ сказала мне
 так:
 «Не берегись вспоминать: он мой был
 священнослужитель,
 700 И нечестивцы мечи не на меня ль занесли?
 Мужа я скрыла сама, двойником его
 подменивши.

Что поразили клинки? Цезаря призрак
 пустой!»
 Сам же к Юпитеру он вознесен под небесные
 кровы
 И на великом теперь форуме в храме стоит.
 705 Тех же, кто смели забыть богов повеления
 вышних
 И осквернили главу высшего неба жреца,
 Злая постигнула смерть. Об этом гласят и
 Филиппы¹²,
 Да и земля, где белеть кости заброшены их.
 Это дела, это долг, это было начало господства
 710 Цезаря Августа. Так он за отца отомстил.

МЕТАМОРФОЗЫ

Перевод С. Шервинского

Книга I

Нынче хочу рассказать про тела,
 превращенные в формы
 Новые. Боги, — ведь вы превращения эти
 вершили, —
 Дайте ж замыслу ход и мою от начала вселенной
 До наступивших времен непрерывную песнь
 доведите.
 5 Не было моря, земли и над всем
 распростертого неба, —
 Лик был природы един на всей широте
 мироздания, —
 Хаосом звали его. Нечлененной и грубой
 громадой,
 Бременем косным он был, — и только, — где
 собраны были
 Связанных слабо вещей семена разносущные
 вкуче.
 10 Миру Титан¹ никакой тогда не давал еще света,
 И не наращивала рогов новоявленных Феба²,
 И не висела земля, обтекаема током воздушным,
 Собственный вес потеряв, и по длинным земным
 окоемам
 Рук в то время своих не простерла еще
 Амфитрита³.
 15 Там, где суша была, пребывали и море и воздух.

- И ни на суше стоять, ни по водам нельзя было
плавать.
Воздух был света лишен, и форм ничто
не хранило.
Все еще было в борьбе, затем что в массе единой
Холод сражался с теплом, сражалась с
влажностью сухость,
20 Битву с весомым вело невесомое, твердое
с мягким.
Бог и природы почин раздору конец положили.
Он небеса от земли отрешил и воду от суши.
Воздух густой отделил от ясность обретшего
неба.
После же, их разобрав, из груды слепой их
извлекиши,
25 Разные дав им места, — связал согласиём
мирным.
Сила огня вознеслась, невесомая, к сводам
небесным,
Место себе обрета на самом верху мироздания.
Воздух — ближайший к огню по легкости
и расстоянью.
30 Оных плотнее, земля свои притянула частицы.
Сжатая грузом своим, осела. Ее обтекая,
Глуби вода заняла и устойчивый мир окружила.
Расположенную так, бог некий — какой,
неизвестно —
Массу потом разделил; разделив, по частям
разграничил —
Землю прежде всего, чтобы все ее стороны
гладко
35 Выровнять, вместе собрал в подобье огромного
круга. <...>
45 Справа пояса два и слева столько же неба
Свод обвели, и меж них, всех прочих пламенней,
пятый.
Сводом объятую твердь означил умысел бога
Точно таким же числом: земля — с пятью
полосами.
На срединной из них от жары обитать
невозможно.
50 Две под снегом лежат глубоким, а двум между
ними
Бог умеренность дал, смешав там стужу
и пламень.

- Воздух вплотную навис над ними; насколько
по весу
Легче вода, чем земля, настолько огня он
тяжеле. <...>
- 67 Сверху же, выше их всех, поместил он веса
лишенный
Ясный эфир, никакою земной не запятнанный
грязью.
Только лишь расположил он все по точным
границам, —
- 70 В оной громаде — слепой — зажатые прежде
созвездья
Стали одно за одним по всем небесам
загораться;
Чтобы предел ни один не лишен был живого
создания,
Звезды и формы богов небесную заняли почву.
Для обитанья вода сверкающим рыбам
досталась,
- 75 Суша земная зверям, а птицам — воздух
подвижный.
Только одно существо, что священнее их
и способней
К мысли высокой, — чтоб стать господином
других, — не являлось.
И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего
мира,
- 80 Иль молодая земля, разделенная с горным
эфиром
Только что, семя еще сохранила родимого неба?
Отпрыск Япета⁴, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем как, склонясь, остальные животные
в землю
- 85 Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям
очи.
Так земля, что была недавно безликой и грубой,
Преобразясь, приняла людей небывлые обличья.
- Первым век золотой народился, не знавший
возмездий,
- 90 Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду
и верность

Лето с зимою создав, сотворив и неверную осень
С краткой весной; разделил он четыре времени
года.

Тут, впервые, сожжен жарой иссушающей,
воздух

120 Стал раскаляться и лед — повисать под ветром
морозным.

Тут впервые в домах расселились. Домами
служили

Людям пещеры, кусты и лыком скрепленные
ветви.

В первый раз семена Церерины в бороздах
длинных

Были зарыты, и вол застонал, ярмом
удрученный.

125 Третьим за теми двумя век медный явился
на смену;

Духом суровой он был, склонней к ужасающим
браням, —

Но не преступный еще. Последний же был — из
железа,

Худшей руды, и в него ворвалось, нисколько
не медля,

Все нечестивое. Стыд убежал, и правда, и
верность;

130 И на их место тотчас появились обманы,
коварство;

Козни, насилье пришли и проклятая жажда
наживы.

Начали парус вверять ветрам; но еще мореходы
Худо их знали тогда, и на высях стоявшие

горных
На непривычных волнах корабли закачались

впервые.

135 Принадлежавшие всем до сих пор, как солнце
и воздух,

Длинной межою поля землемер осторожный
разметил.

И от богатой земли не одних урожаев и должной
Требовать стали еды, но вошли и в утробу

земную;
Те, что скрывала земля, отодвинувши к теням
стигийским,

140 Стали богатства копать, — ко всякому злу
побужденье!

- С вредным железом тогда железа вреднейшее
Вышло на свет и война, что и златом крушит,
и железом,
В окровавленной руке сотрясая со звоном
оружье.
Люди живут грабежом; в хозяине гость
не уверен,
145 В зяте — тесть; редка приязнь и меж братьями
стала.
Муж жену погубить готов, она же — супруга.
Страшные мачехи, те аконит⁷ подбавляют
смертельный;
Раньше времени сын о годах читает отцовских.
Пало, повержено в прах, благочестье, — и дева
Астрея⁸
150 С влажной от крови земли ушла — из
бессмертных последней. <...>
Это Сатурний-отец⁹ увидал с высокой
твердыни
И застонал и, стола Ликаонова¹⁰ гнусный
припомнив
165 Пир, недавний еще, получить не успевший
огласки,
Сильным в душе запылав и достойным Юпитера
гневом,
Созвал богов на совет. И не медлили званые
боги.
Есть дорога в выси, на ясном зримая небе;
Млечным зовется Путем, своей белизною
заметна.
170 То для всевышних богов — дорога под кров
Громовержца,
В царский Юпитера дом. Красуются справа
и слева
Атрии¹¹ знатных богов, с дверями, открытыми
настежь.
Чернь где придется живет. В передней же части
чертога.
Встали пенаты богов — небожителей, властью
славных.
175 Это-то место — когда б в выражениях был
я смелее —
Я бы назвал, не боясь, Палатином великого
неба.

- Так, расселись едва в покоях мраморных боги,
 На возвышенье, рукой опершись на скипетр
 из кости,
 Трижды, четырежды. Он потряс приводящие
 в ужас
- 180 Волосы, поколебав и землю, и море, и звезды.
 Следом за тем разрешил и уста, возмущенные
 гневом:
 «Нет, я не более был вселенной моей озабочен
 В те времена, как любой из врагов змееногих
 готов был
 С сотней протянутых рук на пленное броситься
 небо!
- 185 Хоть и жестокий был враг, — но тогда от единого
 рода
 Происходила война и единый имела источник.
 Ныне же всюду, где мир Нереевым¹² гулом
 охвачен,
 Должен смертный я род погубить. Клянуся
 реками
 Ада, что под землей протекают по роще
 стигийской, —
- 190 Было испытано все. Но неизлечимую язву
 Следует срезать мечом, чтоб здравую часть
 не задело». <...>
- Речь Громовержца одни одобряют, еще
 подстрекая
- 245 Ярость его; у других молчание служит
 согласьем.
 Но человеческий род, обреченный на гибель,
 жалеют
 Все; каков будет вид земли, лишившейся
 смертных,
 Все вопрошают, и кто приносить на жертвенник
 будет
 Ладан? Иль хочет зверью он отдать опустелую
 землю?
- 250 И на вопрос их в ответ, — что его-де об этом
 забота, —
 Вышних царь запрещает дрожать и, не схожее
 с прежним,
 Он обещает явить — чудесным
 рождением — племя.

- Вот уж по всей земле разметать он готов был
перуны,
Да убоился, пылать от огней не начал бы
стольких
- 255 Неба священный эфир и длинная ось
не зажглась бы.
Вспомнил, — так судьбы гласят, — что некогда
время наступит,
Срок, когда море, земля и небесный дворец
загорятся, —
Гибель будет грозить дивнослаженной мира
громаде.
Стрелы тогда отложил — мастеров-циклопов
работу,
- 260 Кару иную избрал — человеческий род под
водою
Вздумал сгубить и с небес проливные дожди
опрокинул.
Он Аквилона тотчас заключил в пещерах Эола
И дуновения все, что скопления туч отгоняют.
Выпустил Нота¹³. И Нот на влажных выносятся
крыльях, —
- 265 Лик устрашающий скрыт под смольно-черным
туманом,
Влагой брада тяжела, по сединам потоки
струятся,
И облака на челе; и крылья и грудь его в каплях.
Только лишь сжал он рукой пространно
нависшие тучи,
Треск раздался, и дожди, дотоль запертые,
излились.
- 270 В радужном платье своем, Юноны вестница,
воды
Стала Ирида¹⁴ собирать и ими напитывать тучи.
В поле хлеба полегли; погибшими видя надежды,
Плачет селянин: пропал труд целого года
напрасный.
Не удовольствован гнев Юпитера — небом;
лазурный
- 275 Брат¹⁵ помогает ему, посылая воды на помощь.
Реки созвал, и, когда под кров своего господина
Боги речные вошли, — «Прибегать к увещаниям
долгим
Незачем мне, — говорит. — Свою всю силу
излейте!

- Надобно так. Отворите дома, отодвиньте
преграды
280 И отпустите тотчас всем вашим потокам
поводья». Так приказал. И они родникам расширяют
истоки
И, устремляясь к морям, в необузданном катятся
беге. Сам он трезубцем своим о землю ударил. Она
же
Дрогнула вся и воде на свободу открыла дорогу.
285 И по широким полям, разливаясь, несутся
потоки;
Вместе с хлебами несут деревья, людей и
животных,
Тащат дома и все, что в домах, со святынями
вместе. Ежель остался дом, устоял пред такою бедою
Неповрежденный, то все ж он затоплен водою
высокой,
290 И уже скрыты от глаз погруженные доверху
башни. Суша и море слились, и различья меж ними
не стало. Все было — море одно, и не было берега у моря.
Кто перебрался на холм, кто в лодке сидит
крутобокой
И загребает веслом, где сам обрабатывал
пашню.
295 Тот над нивой плывет иль над кровлей, утопшего
дома
Сельского. Рыбу другой уже ловит в вершине
у вяза. То в зеленеющий луг — случается — якорь
вонзится,
Или за ветви лозы зацепляется гнущее днище.
Там, где недавно траву щипали поджарые козы,
300 Расположили свои неуклюжие туши тюлени.
И в изумленье глядят на рощи, грады и зданья
Девы Нереевы¹⁶. В лес заплывают дельфины,
на сучья
Верхние вдруг налетят и, ударясь, дуб
заколеблют.
Волк плывет меж овец, волна льва рыжего
тащит.

- 305 Тащит и тигров волна; не впрок непомерная
сила
Вепрю, ни ног быстрота влекомому током
олению.
Долго земли проискав, куда опуститься
могла бы,
Падает в море, кружа, с изнемогшими крыльями
птица.
Залиты были холмы своевољем безмерной
пучины, —
- 310 В самые маковки гор морской прибой ударяет.
Гибнет в воде большинство; а немногих, водой
пощаженных,
При недостатке во всем, продолжительный голод
смиряет

Книга III

- 342 Опыт доверья и слов пророческих первой
случилось
Лириопее¹⁷ узнать голубой, которую обнял
Гибким теченьем Кефис¹⁸ и, замкнув ее в воды,
насилье
Ей учинил. Понесла красавица и разродилась
- 345 Милым ребенком, что был любви и тогда уж
достойн;
Мальчика звали Нарцисс. Когда про него
вопросили,
Много ль он лет проживет и познает ли долгую
старость,
Молвил правдивый пророк; «Коль сам он себя
не увидит».
Долго казалось пустым прорицанье; его
разъяснила
- 350 Отрока гибель и род его смерти и новшество
страсти.
Вот к пятнадцати год прибавить мог уж
Кефисий¹⁹,
Сразу и мальчиком он и юношей мог
почитаться.
Юноши часто его и девушки часто желали.
Гордость большая была, однако,
под внешностью нежной, —
- 355 Юноши вовсе его не касались и девушки вовсе.
Видела, как загонял он трепетных в сети оленей,

- Звонкая нимфа, — она на слова не могла
не ответить,
Но не умела начать, — отраженно звучащая Эхо.
Плотью Эхо была, не голосом только; однако
360 Так же болтливой уста служили, как служат
и ныне, —
Крайние только слова повторять из многих
умела,
То была месть Юноны: едва лишь богиня
пыталась
Нимф застигнуть, в горах с Юпитером часто
лежавших,
Бдительна, Эхо ее отвлекала предлинною
речью, —
365 Те ж успевали бежать. Сатурния²⁰, это
постигнув, —
«Твой, — сказала, — язык, которым меня ты
водишь,
Власть потеряет свою, и голос твой станет
короток».
Делом скрепила слова: теперь она только
и может,
Что удвоить голоса, повторяя лишь то, что
услышит.
370 Вот Нарцисса она, бродящего в чаще
пустынной,
Видит, и вот уж зажглась, и за юношей следует
тайно,
Следует тайно за ним и пылает, к огню
приближаясь, —
Так бывает, когда, горячею облиты серой,
Факелов смольных концы принимают огонь
поднесенный.
375 О, как желала не раз приступить к нему
с ласковой речью!
Нежных прибавить и просьб! Но препятствием
стала природа,
Не позволяет начать; но — это дано ей! — готова
Звуков сама ожидать, чтоб словом на слово
ответить.
Мальчик, отбившись меж тем от сонмища
спутников верных,
380 Крикнул: «Здесь кто-нибудь есть?»
И, — «Есть! — ответило Эхо.

Он изумился, кругом глазами обводит и
громким
Голосом кличет: «Сюда!» И зовет зовущего
нимфа.

Он огляделся и вновь, никого
не приметя, — Зачем ты
Молвит, — бежишь?» И в ответ сам столько же
слов получает.

385 Он же настойчив, и вновь, обманутый звуком
ответов, —
«Здесь мы сойдемся!» — кричит, и, охотней всего
откликаясь
Этому зову его, — «Сойдемся!» — ответствует
Эхо.

Собственным нимфа словам покорна и, выйдя
из леса,

Вот уж руками обнять стремится желанную шею.
390 Он убегает, кричит: «От объятий удерживай
руки!

Лучше на месте умру, чем тебе на утеху
достанусь!»

Та же в ответ лишь одно: «Тебе на утеху
достанусь!»

После, отвергнута им, в лесах затаилась,
листвою
Скрыла лицо от стыда и в пещерах живет
одинокое.

395 Все же осталась любовь и в мученьях растет
от обиды.

От постоянных забот истощается бедное тело;
Кожу стянула у ней худоба, телесные соки
В воздух ушли, и одни остались лишь голос да
кости.

Голос живет: говорят, что кости камнями
стали.

400 Скрылась в лесу, и никто на горах уж ее
не встречает,
Слышат же все; лишь звук живым у нее
сохранился.

Так он ее и других, водой и горами рожденных
Нимф, насмехаясь, отверг, как раньше мужей
домоганья.

Каждый, отринутый им, к небесам протягивал
руки:

- 405 «Пусть же полюбит он сам, но владеть да
не сможет любимым!»
Молвили все, — и вняла справедливым Рамнузия²¹
просьбам.
Чистый ручей протекал, серебрящийся светлой
струею, —
Не прикасались к нему пастухи, ни козы
с нагорных
Пастбищ, ни скот никакой, никакая его
не смущала
- 410 Птица лесная, ни зверь, ни упавшая с дерева
ветка.
Вкруг зеленела трава, соседней вспоенная
влагой;
Лес же густой не давал водоему от солнца
нагреться.
Там, от охоты устав и от зноя, прилег
утомленный
Мальчик, места красой и потоком туда
привлеченный;
- 415 Жажду хотел утолить, но жажда возникла
другая!
Воду он пьет, а меж тем — захвачен лица
красотою.
Любит без плоти мечту и призрак за плоть
принимает.
Сам он собой поражен, над водою застыл
неподвижен,
Юным похожий лицом на изваянный мрамор
паросский.
- 420 Лежа, глядит он на очи свои, — созвездье
двойное, —
Вакха достойные зрит, Аполлона достойные
кудри;
Щеки, без пуха еще, и шею кости слоновой,
Прелесть губ и в лице с белоснежностью слитый
румянец.
Всем изумляется он, что и впрямь изумленья
достойно.
- 425 Жаждет безумный себя, хвалимый, он же
хвалящий,
Рвется желаньем к себе, зажигает и сам
пламенеет.
Сколько лукавой струе он обманчивых дал
поцелуев!

- Сколько, желая обнять в струях им зримую шею,
 Руки в ручей погружал, но себя не улавливал
 в водах!
- 430 Что увидал — не поймет, но к тому, что увидел,
 пылает;
 Юношу снова обман возбуждает и вводит
 в ошибку.
 О легковерный, зачем хватаешь ты призрак
 бегучий?
 Жаждешь того, чего нет; отвернись — и любимое
 сгинет.
 Тень, которую зришь, — отраженный лишь образ,
 и только.
- 435 В ней — ничего своего; с тобою пришла,
 пребывает,
 Вместе с тобой и уйдет, если только уйти ты
 способен.
 Но ни охота к еде, ни желанье покоя не могут
 С места его оторвать: на густой мураве
 распростерлись,
 Взором несатым смотреть продолжает на
 лживый он образ,
- 440 Сам от своих погибает очей. И, слегка
 приподнявшись,
 Руки с мольбой протянув к окружающим
 темным дубравам, —
 «Кто, о дубравы, — сказал, — увы, так жестоко
 влюблялся?
 Вам то известно; не раз любви вы служили
 приютом.
 Ежели столько веков бытие продолжается
 ваше, —
- 445 В жизни припомните ль вы, чтоб чах так сильно
 влюбленный?
 Вижу я то, что люблю; но то, что люблю я
 и вижу, —
 Тем обладать не могу: заблужденье владеет
 влюбленным.
 Чтобы страдал я сильней, меж нами нет
 страшного моря,
 Нет ни дороги, ни гор, ни стен с запертыми
 вратами.
- 450 Струйка препятствует нам — и сам он отдаться
 желает!

- Сколько бы раз я уста ни протягивал к водам
 прозрачным,
 Столько же раз он ко мне с поцелуем стремится
 ответным.
 Словно коснешься сейчас... Препятствует
 любящим малость.
 Кто бы ты ни был, — ко мне! Что мучаешь,
 мальчик бесценный?
- 455 Милый, уходишь куда? Не таков я красой
 и годами,
 Чтобы меня избегать, и в меня ведь влюбляются
 нимфы.
 Некую ты мне надежду сулишь лицом
 дружелюбным,
 Руки к тебе протяну, и твои — протянуты тоже.
 Я улыбаюсь, — и ты; не раз примечал я и слезы,
- 460 Ежели плакал я сам; на поклон отвечал ты
 поклоном
 И, как могу я судить по движениям этих
 прелестных
 Губ, произносишь слова, но до слуха они не
 доходят.
 Он — это я! Понимаю. Меня обмануло обличье!
 Страстью горю я к себе, поощряю пылать — и
 пылаю.
- 465 Что же? Мне зова ли ждать? Иль звать?
 Но звать мне кого же?
 Все, чего жду, — со мной. От богатства я стал
 неимущим.
 О, если только бы мог я с собственным телом
 расстаться!
 Странная воля любви, — чтоб любимое было
 далеко!
 Силы страданье уже отнимает, немного осталось
- 470 Времени жизни моей, погасаю я в возрасте
 раннем.
 Не тяжела мне и смерть: умерев, от страданий
 избавлюсь.
 Тот же, кого я избрал, да будет меня
 долговечней!
 Ныне слиянны в одно, с душой умрем мы
 единой».
 Молвил и к образу вновь безрассудный вернулся
 тому же.
- 475 И замутил слезами струю, и образ неясен

- Стал в колебанье волны. И увидев, что тот
 исчезает, —
 «Ты убегаешь? Постой! Жестокий! Влюбленного
 друга
 Не покидай! — он вскричал. — До чего не дано
 мне касаться,
 Стану хотя б созерцать, свой пыл несчастный
 питаю!»
- 480 Так горевал и, одежду раскрыв у верхнего края,
 Мраморно-белыми стал в грудь голую бить он
 руками.
 И под ударами грудь подернулась аlostью
 тонкой.
 Словно у яблок, когда с одной стороны они
 белы,
 Но заалели с другой, или как на кистях
 разноцветных
- 485 У виноградин, еще не созревших, с багряным
 оттенком.
 Только увидел он грудь, отраженную влагой
 текучей,
 Дальше не мог утерпеть; как тает на пламени
 легком
 Желтый воск иль туман поутру под действием
 солнца
 Знойного, так же и он, истощаем своею
 любовью,
- 490 Чахнет и тайным огнем сжигается мало-помалу.
 Красок в нем более нет, уж нет с белизною
 румянца,
 Бодрости нет, ни сил, всего, что, бывало,
 пленяло.
 Тела не стало его, которого Эхо любила,
 Видя все это, она, хоть и будучи в гневе и помня,
- 495 Сжалилась; лишь говорил несчастный мальчик:
 «Увы мне!» —
 Вторила тотчас она, на слова отзываясь: «Увы
 мне!»
 Если же он начинал ломать в отчаянье руки,
 Звуком таким же она отвечала унылому звуку.
 Вот что молвил в конце неизменно глядевшийся
 в воду:
- 500 «Мальчик, напрасно, увы, мне желанный!»
 И слов возвратила

Столько же; и на «прости!» — «прости!»
 ответила Эхо.
 Долго лежал он, к траве головою прикинув
 усталой;
 Смерть закрыла глаза, что владыки красой
 любовались,
 Даже и после — уже в обиталище принят Аида —
 505 В воды он Стикса смотрел на себя.
 Сестрицы-наяды
 С плачем пряди волос поднесли в дар памятный
 брату,
 Плакали нимфы дерев — и плачущим вторила
 Эхо.
 И уж носилки, костер и факелы приготавливали, —
 Не было тела нигде. Но вместо тела шафранный
 510 Ими найден был цветок с белоснежными вокруг
 лепестками.

Книга X

Видел их²² Пигмалион, как они в непотребстве
 влачили
 Годы свои. Оскорбясь на пороки, которых
 природа
 245 Женской душе в изобилие дала, холостой,
 одинокий
 Жил он, и ложе его лишено было долго подруги.
 А меж тем белоснежную он с неизменным
 искусством
 Резал слоновую кость. И создал он образ, —
 подобной
 Женщины свет не видал, — и свое полюбил он
 создание.
 250 Было девичье лицо у нее; совсем как живая,
 Будто с места сойти она хочет, только
 страшится.
 Вот до чего скрывает себя искусством искусство!
 Диву дивится творец и пылает к подобию тела.
 Часто протягивал он к изваянию руки, пытая,
 255 Тело пред ним или кость. Что это не кость,
 побоялся б!
 Деву целует и мнит, что взаимно; к ней речь
 обращает,
 Тронет — и мнится ему, что пальцы вминаются
 в тело,

- Страшно ему, что синяк на тронутым выступит
месте.
- То он ласкает ее, то милые девушкам вещи
260 Дарит: иль раковин ей принесет, иль камешков
мелких,
Птенчиков, или цветов с лепестками о тысяче
красок,
Лилий, иль пестрых шаров, иль с дерева павших
слезинок
Дев Гелиад²³. Он ее украшает одеждой.
- В каменья
Ей убирает персты, в ожерелья — длинную шею.
265 Легкие серьги в ушах, на грудь упадают
подвески.
Все ей к лицу. Но не меньше она и нагая
красива.
На покрывала кладет, что от раковин алы
сидонских,
Ложа подругой ее называет, склоненную шею
Нежит на мягком пуху, как будто та чувствовать
может!
- 270 Праздник Венеры настал, справляемый всюду
на Кипре.
Возле святых алтарей с золотыми крутыми
рогами
Падали туши телиц, в белоснежную закланных
шею.
Ладан курился. И вот, на алтарь совершив
приношение,
Робко ваятель сказал: «Коль все вам доступно,
о боги,
275 Дайте, молю, мне жену (не решился ту деву
из кости
Упомянуть), чтоб была на мою, что из кости,
похожа!»
На торжествах золотая сама пребывала Венера
И поняла, что таится в мольбе; и, являя богини
Дружество, трижды огонь запылал и взвился
языками.
- 280 В дом возвратившись, бежит он к желанному
образу девы
И, над постелью склонясь, целует, — ужель
потеплела?
Снова целует ее и руками касается груди, —

- И под рукой умягчается кость; ее твердость
пропала.
Вот поддается перстам, уступает — гиметтский²⁴
на солнце
285 Так размягчается воск, под пальцем большим
принимает
Разные формы, тогда он становится годным для
дела.
Стал он и робости полн и веселья, ошибки
боится,
В новом порыве к своим прикасается снова
желаньям.
Тело пред ним! Под перстом нажимающим
жилы забились.
290 Тут лишь пафосский герой полноценные речи
находит,
Чтобы Венере излить благодарность. Уста
прижимает
Он наконец к неподдельным устам, — и чувствует
лобзання
Дева, краснеет она и, подняв свои робкие очи,
Светлые к свету, зараз небеса и любовника
видит.
295 Гостьей богиня сидит на устроенной ею же
свадьбе.
Девять уж раз сочетавши рога, круг полнился
лунный, —
Паф тогда родился, — по нему же и остров был
назван. <...>

Книга XV

- 745 Все ж явился чужим²⁵ он в святилища наши, — а
Цезарь
В Граде своем есть бог; велик он и Марсом
и тогой;
Но не настолько его триумфальные войны
завершенья,
Или деянья внутри, иль быстрая слава державы
Новым светилом зажгли, в звезду превратили
комету, —
750 Сколько потомок его²⁶. Из свершенных Цезарем
славных
Дел достославней всего, что сын порожден им
подобный. <...>

- 760 Но, чтобы не был рожден он от смертного
семени, богом
Должен был сделаться ты. И мать золотая Энея
Все увидала и вот, увидав и скорбя, что готовят
Первосвященнику²⁷ смерть, что оружием гремит
заговорщик,
Стала бледна и богам, всем ею встречаемым,
молвит:
- 765 «Вы посмотрите, с каким мне и ныне готовят
коварством
Козни, как, гнусно таясь, голове угрожает
единой,
Что остается еще у меня от дарданца Иула!²⁸
Вечно ли буду одна я подвержена новым
невзгодам?
Уязвлена я была копьем калидонским Тидида;²⁹
- 770 Рушились Трои потом защищенные худо
твердыни;
Видела сына затем, как в странствии долгом,
потерян,
Морем кидаем он был, сходили в обитель
покойных,
С Турном-царем воевал, — но ежели в правде
признаться, —
Больше с Юноной самой! Для чего вспоминаю
былую
- 775 Рода печаль моего? Страх нынешний
не позволяет
Старое припоминать, но меч окаянные точат!
Их отстраните, молю! Преступленью не дайте
свершиться!
Да убиеньем жреца не погасится жертвенник
Весты!»
Тщетно по всем небесам Венера, в отчаянье
горьком,
- 780 Речи такие гласит и тронула всех, — но не могут
Боги железных разбить приговоров сестер
вековых, —
Все же грядущих скорбей несомненные знаки
являют. <...>
Но предвещанья богов победить не могли ни
злодейства,
- 800 Ни исполненья судеб, — и вносятся в место
святое
Голых мечей клинки! Не выбрали места иного

- В Граде, чтоб дело свершить роковое, — но
зданье сената!
И Киферея двумя ударяет в печали руками
В грудь и пытается скрыть небесным облаком
внука, —
805 Так был когда-то Парис у мстящего вырван
Атрида.
Так, в дни оны, Эней от меча Диомедова спасся.
Но говорит ей отец: «Одна ли ты рок необорный
Сдвинуть пытаешься, дочь? Сама ты отправься
в жилище
Древних сестер³⁰; у них на обширном увидишь
подножье
810 Стол, где таблица судеб, — из бронзы литой
и железа.
Нет, не бояться они ни ударов небесных, ни гнева
Молний, крушенья им нет, — стоят безопасны
и вечны.
Там, у сестер, ты найдешь в адамант
заключенную прочный
Рода судьбу своего: читал я ее и запомнил
815 И расскажу, чтобы ты не была о грядущем
в незнание.
Время исполнил свое — о ком, Киферея,
печешься —
Все; он прожил сполна земле одолженные годы.
Богом войдет в небеса, почитаться он будет
во храмах, —
Этим обязан тебе и сыну. Наследовав имя,
820 Примет он на плечи Град и, отца убиенного
грозный
Мститель, в войнах меня соратником верным
получит.
Силою войска его осажденные стены Мутины³¹
Мира попросят, склонясь; признают его и
Фарсалы³²,
И орошенные вновь эмафийскою сечью
Филиппы,
825 И в сицилийских волнах³³ покорится великое
имя;
Римского вскоре вождя супруга египтянка³⁴,
тщетно
Брака желая, падет; угрожать она будет
напрасно,

- Что Капитолий отдаст своему в услуженье
 Канопу³⁵,
 Буду ли Варварство я, народы на двух океанах
 830 Перечислять? Все мира края, где могут селиться
 Люди, — будут его: все море ему покорится.
 Страны умиротворив, на гражданское он
 правосудье
 Мысли направит и даст — справедливец
 великий — законы.
 Нравы примером своим упорядочит; взор
 устремляя
 835 В будущий век, времена грядущих внуков
 далеких
 Видя, он сыну велит, священной супруги
 потомству,
 Чтоб одновременно нес он имя его и заботы.
 Только лишь после того, как Нестора лет он
 достигнет,
 В дом он небесный войдет, примкнет к светилам
 родимым.
 840 Эту же душу его, что из плоти исторглась
 убитой,
 Сделай звездой, и в веках на наш Капитолий
 и форум
 Будет с небесных твердынь взирать
 божественный Юлий!»
 Так он это сказал, не медля благая Венера
 В римский явилась сенат и, незрима никем,
 похищает
 845 Цезаря душу. Не дав ей в воздушном распасться
 пространстве,
 В небо уносит и там помещает средь вечных
 созвездий.
 И, уносясь, она чует: душа превращается в бога,
 Рдеть начала; и его выпускает Венера; взлетел
 он
 Выше луны и, в выси, волосами лучась
 огневыми,
 850 Блещет звездой; и, смотря на благие деяния
 сына,
 Большим его признает, и, что им побежден,
 веселится.
 И хоть деянья свои не велит он превыше
 отцовских

Ставить, но слава вольна, никаким не
подвластна законам,
Предпочитает его и в этом ему не послушна.
<...>

Вот завершился мой труд, и его ни Юпитера
злоба
Не уничтожит, ни меч, ни огонь, ни алчная
старость.
Пусть же тот день прилетит, что над плотью
одной возымеет
Власть, для меня завершить неверной течение
жизни.

- 875 Лучшею частью своей, вековечен, к светилам
высоким
Я вознесусь, и мое нерушимо останется имя.
Всюду меня на земле, где б власть
ни раскинулась Рима,
Будут народы читать, и на вечные веки,
во славе —
Ежели только певцов предчувствиям верить —
пребуду.

СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ

Книга вторая Элегия единственная

Перевод З. Морозкиной

- Разве до вас мне сейчас, до стихов и книжек
злосчастных?
Я ведь и так из-за вас, из-за таланта погиб.
Что ж, возвращаюсь опять к моим отверженным
Музам?
Мало с меня, что за них был уже я осужден?
5 Песни — причина того, что мужчины и женщины
скопом
В час недобрый искать стали знакомства
со мной.
Песни — причина того, что я и мое поведение
Цезарем осуждены из-за «Науки любви».
Страсть к стихам отними и снимешь с меня
обвиненья:
10 Думаю, лишь за стихи вредным признали
меня.

Вот наградой какой мой труд бессонный
отмечен:
Я дарованьем своим лишь наказанье добыл.
<...>

Две погубили меня причины: стихи и
оплошность,
Мне невозможно назвать эту вторую вину.
Я не таков, чтобы вновь бередить твои раны,
о Цезарь! 1
210 Слишком довольно, что раз боль я тебе
причинил.
Но остается упрек, что я непристойной поэмой
Как бы учителем стал прелюбодейной
любви.

Значит, способен порой божественный ум
обмануться
И со своей высоты малое не разглядеть
215 Если Юпитер блюдет богов и вышнее небо,
Разве на всякий пустяк времени хватит ему?
И от тебя ускользнуть, когда ты мир опекаешь,
Разве не могут порой мелкие чьи-то дела?
Принцепс, может ли быть, чтобы ты, забыв
о державе,
220 Стал разбирать и судить неравностоппный
мой стих?
Ты на своих плечах несешь величие Рима,
И не настолько легко бремя его для тебя,
Чтобы ты мог уследить за всякой шалостью
нашей,
В наши безделицы мог бдительным оком
вникать. <...>

Книга моя, признаюсь, не отмечена строгостью
важной
И не достойна тобой, принцепс, прочитана
быть.

Все же не стоит считать, что она, противно
законам,
Римских женщин могла б низким вещам
обучать.

245 Чтобы тебя убедить, кому предназначена книга,
В первой книге прочти эти четыре стиха 2:
«Прочь от этих стихов целомудренно-узкие
ленты,

- Прочь, расшитый подол, спущенный ниже
колен!
О безопасной любви я пишу, о дозволенном
блуде,
250 Нет за мною вины и преступления нет». Я ль не велел держаться вдали от «Науки»
матронам,
Если препятствуют им ленты и платья
до пят?
Но, мне скажут, жена познакомиться с книгою
может
И, хоть стихи для других, хитрости все
перенять.
255 Значит, женам читать стихов не следует вовсе,
Ибо любые стихи могут греху научить.
Что бы она ни взяла, имея склонность к пороку,
Ей отовсюду на ум новая хитрость придет.
<...>
- С первых же строк удалил порядочных я от
«Науки»,
Ибо ее написал лишь для забавы блудниц.
305 Та же, что хочет войти в святилище без
разрешенья,
Будет виновна сама, если нарушит запрет.
Да не такой уж и вред — развернуть любовную
книгу.
Можно о многом читать, но не всему
подражать. <...>
- Верь мне, привычки мои на мои же стихи
непохожи:
Муза игрива моя, жизнь — безупречно
скромна.
355 Книги мои в большинстве — один лишь вымысел
лживый
И позволяют себе больше создателя их.
Книга — не оттиск души, но просто дозволенный
отдых.
Если бы целью ее не было ухо ласкать,
Аттий³ был бы жесток, блюдолизом был бы
Теренций
360 И забияками — все, кто воспевает войну.
- Кстати, я не один сочинял любовные песни,
А наказание за них только один я понес.

Разве нас не учил сладкогласный старец
тиосский⁴
В песнях любовь сочетать с полною чашей
вина?
365 Или подруги Сафо у нее любви не учились?
Не заплатились ничем Анакреонт и Сафо.
<...>

Я защищаться могу не одним иноземным
оружьем:
Римлянам также не счесть вольных игривых
стихов.
Если Марса воспел словами важными Энний,
Энний, что даром своим — мощен,
отделкою — груб,
425 Если природу огня понятною сделал Лукреций,
Если он миру тройной труд разрушенья
предрек,
То сладострастный Катулл воспевае^т большею
частью
Женщину, изобретя прозвище Лесбии ей,
Мало того, без стыда, признаваясь в других
увлеченьях,
430 Пишет, что изменял многим со многими он.
<...>
Верить подруге своей Тибулл считает опасным,
Если готова она мужа обманывать с ним.
Он признает, что учил ее морочить ревнивца,
450 И прибавляет, что сам хитростью той же
побит.
Помнит, как вслух похвалив кольцо с резною
печатью,
Руку хозяйки тайком он ухитрился пожать,
Как разговаривал с ней кивком, движением
пальцев
Или на круглом столе буквы беззвучно
чертил.
455 Учит настоем из трав сводить синеватые пятна,
Что оставляют его губы на теле у ней;
Сам наставляет порой чересчур беспечного мужа,
Чтобы жену охранял муж для него от
других;
Знает, у дома бродя, кому залаять негромко,
460 И почему заперта, сколько ни кашляй он,
дверь.

Много советов дает и хитростям женщину учит,
Чтобы искусней она мужа могла обмануть.
Это ему не вредит, его читают и ценят,
Стал знаменитым Тибулл, принцепс,
уже при тебе.

- 465 Те же советы дает влюбленным нежный
Проперций,
А ведь и он никаким не опорочен клеймом.
Я их приемником был. Порядочность мне
запрещает
Упомянуть имена тех, кто известен и жив.
Я не боялся, что там, где не раз прошли
невредимо
470 Все корабли, я один вдруг окажусь на мели.
<...>

- Многие войны поют и залитое кровью оружие,
530 Те воспевают твой род, эти — деянья твои.
В узком пространстве меня заключила скупая
природа,
Мало таланта и сил мне отпустила она.
Но и счастливый певец любимой тобой
«Энеиды»
«Мужа и брани его» к тирскому ложу
привел,
535 В целой поэме ничто не читается с большей
охотой,
Чем знаменитый рассказ о незаконной
любви.

- Нежной Филлиды страсть и пламя Амариллиды⁵
На буколический лад в юности он же воспел
Но ведь и я не теперь провинился моею поэмой:
540 Новую муку терплю я не за новую вещь.
Издана книга была, когда, проверен тобою,
Я без упрека прошел всадником мимо тебя.
Значит, те же стихи, что в юности я без опаски
Неосторожно сложил, ныне вредят старику?
545 Поздно обрушилась месть на меня

за старую книжку,
Много прошло от вины до наказания лет.
Только бы ты не считал, что всякий мой труд
бесполезен,
Парус на диво большой ставил и я иногда:
Это ведь я написал календарь — шестикнижие
Фастов.

- 550 В каждой книге его месяц один заключив.
Этот недавний мой труд, для тебя написанный,
Цезарь,
И посвященный тебе, участь моя прервала,
Нечто о судьбах царей подарил я высоким
котурнам⁶,
Важные речи для них, как подобает, нашел.
- 555 Были созданы мной, хотя последней отделки
Им не хватает, стихи о превращениях тел.
Если бы гнев твой утих, и ты бы себе на досуге
Малую часть из моей книги велел
прочитать,
Малую, где, рассказав, о начале нашего мира,
560 Я свой труд перевел, Цезарь, к твоим
временам, —
Ты убедился б, каким подарил ты меня
вдохновеньем,
Как расположен я был сердцем к тебе и
к твоим.
- Колким словцом никого оцарапать я не пытался,
Стих мой в себе не хранит память о чьей-то
вине.
- 565 Нет в сочиненьях моих смещения желчи и соли,
И не найти у меня ядом облитых острот.
Сколько людей и стихов ни возьми, моей
Каллиопой
Не был обижен никто, кроме меня самого.
Знаю, что бедам моим не будет никто
из квиритов,
570 Рад и во многих сердцах я состраданье
найду.
Я и представить себе не могу, что способны
злорадно
Те, перед кем я чист, видеть паденье мое.
Этим и многим другим твое божество заклинаю:
Будь милосерден, отец, благо отчизны моей.
- 575 Нет, не возврата прошу в Авзонию⁷, разве
позднее,
Если ты долгой моей ссылкой будешь
смягчен, —
Сделать изгнанье молю для меня безопасней
немного,
Чтоб наказание мое согласовалось с виной.

Книга третья

Элегия III

Перевод С. Шервинского

- Может быть, ты удивишься тому, что чужою
рукою
Это посланье мое писано: болен я был
Болен, неведомо где, у краев неизвестного мира,
В выздоровленье своем не был уверен я сам.
5 Вообрази, как страдал я душой, не вставая
с постели,
В дикой стране, где одни геты, сарматы
кругом.
Климат мне здешний претит, не могу и к воде я
привыкнуть.
Здесь почему-то сама мне и земля не мила.
Дом неудобный, еды не найдешь, подходящей
больному,
10 Некому боли мои Фебовой лирой унять;
Друга здесь нет, кто меня утешал бы занятым
рассказом
И заставлял забывать времени медленный
ход.
Изнемогая, лежу за пределами стран и народов
И представляю с тоской все, чего более нет
15 В думах, однако, моих ты одна первенствуешь,
супруга.
Главная в сердце моем принадлежит тебе
часть.
Ты далеко, но к тебе обращаюсь, твержу твое
имя,
Ты постоянно со мной, ночь ли подходит
иль день.
Даже когда — говорят — бормотал я в безумии
бреда,
20 Было одно у меня имя твое на устах.
Ежели мой обессилет язык под коснеющим
небом,
И уж его оживить капля не сможет вина,
Стоит мне весть принести, что жена прибыла, — и
я встану,
Мысль, что увижу тебя, новой мне силы
придаст.

- Буду ль я жив, не уверен... А ты, быть может,
в веселье
Время проводишь, увы, бедствий не зная
моих?
Нет, дорогая жена! Убежден, что в отсутствие
мужа
Обречены твои дни только печали одной.
Если, однако, мой рок мне сужденные сроки
исполнил
- 30 И подошел уже час ранней кончины моей, —
Ах, что стоило б вам над гибнущим сжалиться,
боги,
Чтобы хотя б погребен был я в родимой
земле,
Хоть бы до смерти моей отложено было
возмездье
Или внезапный конец ссылку мою
предварил!
- 35 Прежде я с жизнью земной, не намучившись, мог
бы расстаться —
Ныне мне жизнь продлена, чтобы я в ссылке
погиб.
Значит, умру вдалеке, на каком-то безвестном
прибрежье,
Здесь, где печальную смерть сами места
омрачат?
Значит, мне умирать не придется в привычной
постели?
- 40 Кто в этом крае мой прах плачем
надгробным почтит?
Слезы жены дорогой, мне лицо орошая, не
смогут
Остановить ни на миг быстрое бегство
души?
Дать не смогу я последний наказ, и последним
прощаньем
Век безжизненных мне дружбы рука
не смежит.
- 45 Без торжества похорон, не почтенный
достойной могилой,
Мой неоплаканный прах скроет земля
дикарей.

Ты же, узнав про меня, совсем помутись
рассудком,

- Станешь смятенную грудь верной рукой
поражать.
Будешь ты к этим краям напрасно протягивать
руки,
- 50 Бедного мужа вотще будешь по имени звать.
Полно! Волос не рви, перестань себе щеки
царапать —
Буду не в первый я раз отнят, мой свет,
у тебя.
В первый раз я погиб, когда был отправлен
в изгнание, —
То была первая смерть, горшая смерть для
меня.
- 55 Ныне, о жен образец, коль сможешь — но
сможешь едва ли, —
Радуйся только, что смерть муки мои
прервала.
Можешь одно: облегчать страдания мужеством
сердца —
Ведь уж от бедствий былых стала ты духом
тверда.
- 60 Если бы с телом у нас погибали также и души,
Если б я весь целиком, в пламени жадном
исчез!
Но коль в пространство летит возвышенный,
смерти не зная,
Дух наш и верно о том старец самосский⁸
учил.
Между сарматских теней появится римская,
будет
Вечно скитаться средь них, варварским
манам чужда.
- 65 Сделай, чтоб кости мои переправили в урне
смирненной
В Рим, чтоб изгнанником мне и после
смерти не быть.
Не запретят тебе: в Фивах сестра, потерявшая
брата
Похоронила его, царский нарушив запрет⁹.
Пепел мой перемешай с листвою и толченым
амомом
- 70 И за стеной городской тихо землею засыпь.
Пусть на мрамор плиты взглянув мимолетно,
прохожий

- Крупные буквы прочтет кратких надгробных стихов:
 «Я под сим камнем лежу, любовных утех
 воспеватель,
 Публий Назон, поэт, сгубленный даром
 своим
 75 Ты, что мимо идешь, ты тоже любил,
 потрудишься же,
 Молви: Назона костям пухом да будет
 земля!»
 К надписи слов добавлять не надо: памятник
 создан, —
 Книги надежней гробниц увековечат певца.
 Мне повредили они, но верю: они и прославят
 80 Имя его и дадут вечную жизнь их творцу.
 Ты же дарами почти погребальными маня
 супруга,
 Мне на могилу цветов, мокрых от слез,
 принеси, —
 И хоть огонь превратил мое тело бренное
 в пепел,
 Благочестивый обряд скорбная примет зола.
 85 О, написать я хотел бы еще, но голос усталый
 И пересохший язык мне не дают диктовать.
 Кончил. Желаю тебе — не навеки ль прощаясь —
 здоровья,
 Коего сам я лишен. Будь же здорова,
 прости!

Книга четвертая

Перевод С. Ошерева

Элегия X

- Тот я, кто некогда был любви певцом
 шаловливым.
 Слушай, потомство, и знай, чьи ты читаешь
 стихи.
 Город родной мой — Сульмон, водой студеной
 обильный,
 Он в девяноста всего милях от Рима лежит.
 5 Здесь я увидел и свет (да будет время известно)
 В год, когда консулов двух гибель настигла
 в бою¹⁰.

- Важно это иль нет, но от дедов досталось мне
звание,
Не от Фортуны щедрот всадником сделался я.
Не был первенцем я в семье: всего на двенадцать
10 Месяцев раньше меня старший мой брат
родился.
В день рожденья сиял нам обоим один
Светоносец,
День освещали один жертвенных два пирога.
Первым в чреде пятидневных торжеств
щитоносной Минервы ¹¹
Этот день окроплен кровью сражений
всегда.
- 15 Рано отдали нас в ученье; отцовской заботой
К лучшим в Риме ходить стали наставникам
мы.
Брат, для словесных боев и для форума будто
рожденный,
Был к красноречью всегда склонен
с мальчишеских лет,
Мне же с детства милей была небожителям
служба,
- 20 Муза к труду своему душу украдкой вела.
Часто твердил мне отец: «Оставь нечემное
дело!
Хоть Меонийца возьми — много ль он
нажил богатств?»
Не был я глух к отцовским словам: Геликон
покидая,
Превозмогая себя, прозой старался писать, —
- 25 Сами собою слова слагались в мерные строчки,
Что ни пытаюсь сказать — все получается
стих.
- Год за годом меж тем проходили шагом
неслышным,
Следом за братом и я взрослую тогу надел.
Пурпур с широкой каймой тогда окутал нам
плечи,
- 30 Но оставались верны оба пристрастиям своим.
Умер мой брат, не дожив второго десятилетия,
Я же лишился с тех пор части себя самого.
Должности стал занимать, открытые для
молодежи,

- Стал одним из троих тюрьмы блюдущих
мужей.
- 35 В курию мне оставалось войти — но был не
по силам
Мне этот груз; предпочел узкую я полосу¹².
Не был вынослив я, и душа к труду не лежала,
Честолюбивых забот я сторонился всегда.
Сестры звали меня аонийские¹³ к мирным
досугам,
- 40 И самому мне всегда праздность по вкусу
была.
Знаться с поэтами стал я в ту пору и чтил их
настолько,
Что небожителем мне каждый казался певец.
Макр¹⁴ был старше меня, но нередко читал мне
о птицах,
- 45 Губит какая из змей, лечит какая из трав.
Мне о любовном огне читал нередко Проперций,
Нас равноправный союз дружбы надолго
связал.
Славный ямбами Басс и Понтик¹⁵, гекзаметром
славный,
Также были в числе самых любимых друзей.
Слух мне однажды пленил на размеры щедрый
Гораций, —
- 50 Звон авзонийской струны, строй безупречных
стихов.
Только видеть пришлось мне Марона, и Парка
скупая
Времени мне не дала дружбу с Тибуллом
свести.
Галл, он тебе наследником был, а Тибуллу —
Проперций,
Был лишь по времени я в этой четвертым
чреде.
- 55 Младшими был я чтим не меньше, чем старшие
мною,
Долго известности ждать Музе моей не
пришлось.
Юношеские стихи прочитал я публично впервые,
Только лишь раз или два щеки успевши
побрить.
Мой вдохновляла талант по всему воспетая
Риму
- 60 Женщина; ложное ей имя Коринны я дал.

Много писал я тогда, но все, в чем видят
изъяны,
Отдал охотно я сам на исправленье огню.
Сжег перед ссылкой и то, что могло бы
понравиться людям,
В гнев на собственный дар страсть
к стихотворству прокляв.

- 65 Нежное сердце мое открыто для стрел Купидона
Было, и всякий пустяк в трепет его
приводил.
Но и при этом, хоть я от малейшей вспыхивал
искры,
Все ж пересудами Рим имя мое не чернил.
Чуть не мальчишкой меня на пустой и
ничтожной женили
70 Женщине, и потому был кратковременным
браком.
Ту, что сменила ее, упрекнуть ни в чем не могу я,
Но оказался и с ней столь же непрочным
союз.
Третья зато и на старости лет со мною, как
прежде,
Хоть и досталось ей быть ссыльного мужа
женой.
75 Дочь совсем молодой меня дедом сделать
успела,
Двух родила она мне внуков от разных
мужей.
Срок своей жизни отец исчерпал: к девяти
пятилетиям
Девять прибавив еще, он удалился к теньям.
Так же плакал над ним, как он бы плакал над
сыном;
80 Следом за ним и мать я положил на костер.
Счастье и ей, и ему, что вовремя смерть их
настигла.
Что до ссылки моей оба закрыли глаза.
Счастье и мне, что им при жизни я не доставил
Горя, что им не пришлось видеть
несчастливым меня
85 Если от тех, кто усоп, не одни имена
остаются,
Если последний костер легким не страшен
теньям,

Если молва обо мне к вам достигла, родителей
тени,

90 Я не за умысел злой, а за оплошность мою.

Возвращаюсь
К вам, кто о жизни моей жадно стремится
узнать.

И седину к волосам уж подмешала она.
95 Девять раз уносил в венке из писейской оливы
Всадник награду с тех пор, как родился я на свет.

Этой причина беды даже слишком известна повсюду,

100 Незачем мне самому тут показанья давать;
Как рассказать об измене друзей, о слугах
зловредных?

Но воспротивился дух, не желая сдаваться
несчастьям:

105 Силы собрал и явил непобедимым себя.
Праздную жизнь позабыв, с просторной тогой
расставшись,

на видимом небе,
Столько же вынес я бед на море и на земле.

Долго скитаться пришлось, но я достиг
побережья.

110 Где по соседству живет с гетами
лучник-сармат,

Здесь, хоть кругом оружие звенит, облегчить
я пытаюсь

Песней, какою могу, скорбную участь мою;

Пусть тут нет никого, кто бы выслушал новые
строки,
Все-таки день скоротать мне помогают они.
115 Что же! За то, что я жив, что терплю все тяготы
стойко,
Что не постыла мне жизнь и треволненья ее,
Муза, спасибо тебе! Ибо ты утешенье
приносишь,
Отдых даешь от тревог, душу приходишь
целить.
Ты мне и спутник и вождь, ты меня от Истра
уводишь,
120 На Геликоне даешь место по-прежнему мне.
Ты, как немногим, дала мне при жизни громкое
имя,
Хоть лишь по смерти молва дарит обычно
его.
Черная зависть, что все современное злобно
поносит,
Ни одного из моих не уязвила трудов,
125 Несправедлива молва не была к моему
дарованью,
Хоть и немало больших век наш поэтов
родил.
Выше себя я ставил их всех, но многие вровень
Ставили нас, и весь мир песни читает мои.
И, если истина есть в провиденье вещей поэтов,
130 То и по смерти, земля, я не достанусь тебе.

Славой моим ли стихам иль твоей любви
я обязан;
Ты благодарность мою, верный читатель,
прими.

Примечания

Любовные элегии

¹ Элегии писались элегическим дистихом, строфой, состоящей из гексаметра, «важного стиха», обязательного в героическом эпосе, и пентаметра, в котором было на одну стопу меньше, чем в гексаметре. ² *Пиэрия* — область во Фракии. *Пиэриды* — музы. ³ *Аония* — часть Беотии у горы Геликон, где, по преданию, обитали Музы. ⁴ *Мирт* — цветок, посвященный Венере. ⁵ Имеется в виду бог Марс. ⁶ По мифу, бог Вакх (Дионис) выезжал на колеснице, запряженной тиграми или львами. ⁷ *Цезарь* — здесь: Август. ⁸ *Рес* — фракийский царь. Одиссей и Диомед похитили его

чудесных коней. ⁹ *Брисеида* — пленница Ахилла. ¹⁰ *Андромаха* — жена Гектора (см.: Гомер «Илиада»). ¹¹ *Атрид* — Агамемнон. После захвата Трои Кассандра становится его наложницей. ¹² В «Одиссее» рассказывается, как Гефест поймал в сети Афродиту и Ареса (Марса) во время их свидания («Одиссея», VIII, 266—369). ¹³ *Меонийский певец* — Гомер. ¹⁴ *Симоент* — приток реки Скамандр под Троей. ¹⁵ *Аскреец* — греческий поэт Гесиод. ¹⁶ *Баттов сын* — Каллимах, греческий поэт III в. до н. э. ¹⁷ *Арат* — греческий поэт III в. до н. э., автор поэмы о небесных явлениях, переведенной на латинский язык Цицероном. ¹⁸ *Менандр* — греческий комедиограф (343—292 г. до н. э.). ¹⁹ *Акций* — римский драматург (II—I в. до н. э.). ²⁰ *Энний* — римский поэт (III—II в. до н. э.). ²¹ Публий Теренций Варрон Атацинский (I в. до н. э.), перевел поэму Аполлония Родосского «Аргонавтика». ²² *Эсонид* — Ясон, греческий герой, сын иолкского (Фессалия) царя Эсона. ²³ *Титир* — персонаж первой эклоги «Буколик» Вергилия; *земные плоды* — тема поэмы «Георгики»; *Энеевы брани* — тема поэмы «Энеида» Вергилия. ²⁴ Корнелий Галл, первый элегический поэт Рима (I в. до н. э.). ²⁵ *Ликорида* — героиня элегий Галла. ²⁶ *Таг* — река в Испании. ²⁷ *Кастальская струя* — кастальский источник на горе Парнас при святилище Аполлона в Дельфах, символ поэтического вдохновения. ²⁸ *Пелигны* — латинское племя. ²⁹ *Гигес* — сторукий великан, помогавший олимпийским богам в их битве с гигантами. ³⁰ Имеются в виду Агамемнон и Менелай. ³¹ *Мемнон* — погибший под Троей сын богини Авроры. ³² Имеется в виду Адонис, возлюбленный Венеры. ³³ *Исмариец Орфей* — легендарный греческий певец, сын музы Каллиопы и бога Аполлона, исмариец — от горы Исмар во Фракии. ³⁴ *Лин* — легендарный певец, сын Аполлона. ³⁵ Имеется в виду Гомер. ³⁶ *Аверн* — озеро, возле которого, по преданию, находился вход в подземное царство. ³⁷ Речь идет о покрывале, которое Пенелопа тклет для отца Одиссея Лаэрта, распуская по ночам. ³⁸ *Немесида* и *Делия* — возлюбленные Тибулла. ³⁹ *Систр* — музыкальный инструмент. ⁴⁰ *Госпожа эрицинских святынь* — Венера. *Эрик* — гора и город в Сицилии, где существовал древний культ Венеры. ⁴¹ Гай Лацинский Кальв, римский оратор и поэт I в. до н. э. ⁴² *Сульмон* — родной город Овидия. ⁴³ *Аматусия* — один из эпитетов Венеры; происходит от названия города на Кипре с храмом Венеры. ⁴⁴ *Лизй* — эпитет Вакха (от греч. *люайос* — освобождающий).

Героиды

¹ *Улисс* (лат.) — Одиссей. ² Имеется в виду Парис. ³ *Антилох* — сын царя Приама. ⁴ *Патрокл* — друг Ахилла. ⁵ *Тлептолем* — сын Геракла, убитый ликийским царем Сарпедоном. ⁶ *Арголида* — Греция. ⁷ *Пергам*, *Илион* — названия Трои. ⁸ Нелей — основатель г. Пилоса, отец Нестора. ⁹ *Икарий* — отец Пенелопы.

Наука любви

¹ *Автомедонт* — возница Ахилла. ² *Тифий* — кормчий на корабле «Арго». ³ *Сын Филиры* — кентавр Хирон, учитель Ахилла. ⁴ *Пастух Аскрейской долины* — поэт Гесиод. ⁵ *Клио и восемь сестер* —

музы. ⁶ *Римские матроны* — замужние женщины, матери семейств; заплетали волосы лентами и носили длинные платья — стóлы — с расшитым подолом. ⁷ *Помпеева тень* — портик возле театра Помпея в Риме. ⁸ *Когда солнце стоит над Геркулесовым львом* — т. е. в середине лета (имеется в виду созвездие Льва). ⁹ Речь идет о портике Октавии возле театра Марцелла (сына Октавии) и портике Ливии (жены Августа) на Палатине. ¹⁰ Праздник Адониса, возлюбленного Венеры. ¹¹ Праздник египетской богини Исиды. ¹² *Водоумет Аппиад* — Аппиев фонтан перед храмом Венеры в Риме. Получил название Аппиева от первого водопровода, проведенного Аппием Клавдием (III в. до н. э.). ¹³ Торжественная процессия с изображениями богов перед началом цирковых представлений. ¹⁴ *Байи* — курорт на побережье Неаполитанского залива. ¹⁵ *Нуктелий* — один из эпитетов Вакха (букв. ночной). Ритуал совершался ночью. ¹⁶ *Евритуион* — кентавр, пытавшийся похитить Гипподамию на ее свадьбе с царем лапифов Перифоем. ¹⁷ *Нирей* — красивейший из греков («Илиада»). ¹⁸ *Гилас* — юноша, любимец Геркулеса, похищенный нимфами за его красоту. ¹⁹ *Хаонийский летун* — голубь. Хаония — область Греции, где находился храм Юпитера. Гадания в этом храме производились по полету голубей. ²⁰ *Пентесилея* — царица амазонок. ²¹ *Диона* — Венера. ²² *Фасиянка* — Медее (от имени реки Фасис в Колхиде). ²³ *Киферея* — Венера. ²⁴ *Древний певец* — греческий поэт Стесихор (VI в. до н. э.). ²⁵ *Эндимион* — возлюбленный Луны (Селены). ²⁶ *Кефал* — возлюбленный богини Авроры (греч. Эос). ²⁷ Имеется в виду Венера. ²⁸ *Хитон* — вид одежды, длинная рубаха. ²⁹ *Татий* — царь сабинян, современник Ромула. ³⁰ На Палатине находились дворцы Августа и римской знати. ³¹ *Лаодамия* — супруга Протесилая, первого из греков, убитого Гектором. Она последовала за мужем в царство мертвых. ³² По преданию на горе Киллене в Аркадии Меркурий (Гермес) сделал из панциря черепахи лиру. ³³ *Иола* — пленница Геркулеса, ставшая его возлюбленной и причиной его гибели. ³⁴ Имеется в виду Ариадна. ³⁵ Имеется в виду храм Геркулеса. ³⁶ *Сериф* — один из Кикладских островов. ³⁷ *Кифеева дочь* — Андромеда. ³⁸ *Мизийский Каик* — река в Малой Азии. ³⁹ *Киднийский шафран* — назван по имени реки Кидна в Малой Азии. ⁴⁰ Поэма «Средства для лица». ⁴¹ *Мирон* — знаменитый греческий скульптор. ⁴² *Благодатная богиня* — римское божество, к таинствам которого допускались только женщины. ⁴³ *Сидонянка* — Европа, финикийская царевна, похищенная Юпитером, принявшим образ быка. ⁴⁴ *Фарос* — остров около Александрии. ⁴⁵ *Амфион* — сын Антиопы, которая была отдана в рабство жестокой фиванской царице Дирке. ⁴⁶ *Набла* — музыкальный инструмент. ⁴⁷ Имеется в виду Филет, александрийский поэт III в. до н. э., современник Каллимаха. ⁴⁸ *Муза теосских пиров* — поэзия Анакреонта с острова Теос. ⁴⁹ *Хитрец Гета* — образ хитрого раба в аттической комедии.

Фасты

¹ *Цезарь* — Германик, племянник императора Тиберия, усыновленный им. ² *Цезарь* — здесь: Август. ³ *Квири* — эпитет Ромула

после его обожествления. ⁴ Имеется в виду Капитолий. ⁵ *Фаски* — знаки достоинства магистратов, представлявшие собой связку прутьев с секирой посередине. ⁶ Слоновая кость украшала кресла магистратов. ⁷ *Оры* — богини времен года и порядка. ⁸ *Лары* — души-хранители домашнего очага. ⁹ *Геката* — богиня, отождествлявшаяся с Прозерпиной и Дианой. Ее трехликие изображения стояли на перекрестках дорог. ¹⁰ *15 марта* — мартовские иды, день когда был убит Юлий Цезарь (44 г. до н. э.). ¹¹ *Веста* — богиня домашнего очага. ¹² *Филиппы* — место разгрома войска Брута и Кассия, противников Юлия Цезаря, участвовавших в его убийстве.

Метаморфозы

¹ *Титан* — Гелиос, т. е. солнце. ² *Феба* — Диана, богиня луны. ³ *Амфитрита* — морская богиня. ⁴ Прометей. ⁵ Священным деревом Юпитера считался дуб. ⁶ *Сатурн* (греч. Крон) — отец Юпитера. Время его царствования считалось «золотым веком». ⁷ *Аконит* — яд. ⁸ *Дева Астрея* — богиня справедливости. ⁹ *Сатурний-отец* — Юпитер. ¹⁰ *Лиқаон* — царь Аркадии; совершил святотатственное преступление: пытался мясом убитого ребенка накормить богов. Юпитер превратил его в волка (см.: «Метаморфозы», I, 210—239). ¹¹ *Атрий* — парадная комната в римском доме. ¹² *Нерей* — морское божество. ¹³ *Эол* — бог ветров. *Аквилон* — северный ветер. *Нот* — южный ветер. ¹⁴ *Ирида* — радуга. ¹⁵ Имеется в виду Нептун. ¹⁶ *Девы Нереевы* — нереиды, морские божества, дочери старца Нереея. ¹⁷ *Лириопея* — нимфа. ¹⁸ *Кефис* — река в Фокиде. ¹⁹ *Кефисий* — сын Кефиса — Нарцисс. ²⁰ *Сатурния* — Юнона, дочь Сатурна и жена Юпитера. ²¹ *Рамнузия* — Немесида, богиня возмездия (по имени греческого города Рамна, где существовал ее культ). ²² *Женщин*. ²³ *Гелиады* — сестры Фазтона, были превращены в тополь. Слезы Гелиад — янтарь. ²⁴ *Гиметтский воск* — гора Гиметт в Аттике считалась медоносным районом. ²⁵ Речь идет об Эскулапе. В предыдущих стихах рассказывалось о чудесном появлении в Риме бога врачевания Эскулапа в облике змеи. ²⁶ Подразумевается Август. ²⁷ Речь идет о том, что Юлий Цезарь занимал должность Великого понтифика, главы коллегии понтификов. ²⁸ *Иул* — сын Энея. ²⁹ *Тидид* — Диомед, ранивший Венеру в сражении под Троей. ³⁰ Имеются в виду парки, богини судьбы. ³¹ *Мутина* — город в северной Италии. В 43 г. до н. э. после убийства Юлия Цезаря Марк Антоний четыре месяца осаждал Мутину, которую защищал Брут, один из убийц Юлия Цезаря. ³² *Фарсалы* — город в Фессалии, возле которого было разбито войско Помпея в 48 г. до н. э. ³³ *Сицилийские волны* — у берегов Сицилии Октавиан одержал победу над флотом Секста Помпея. ³⁴ *Египтянка* — Клеопатра. ³⁵ *Каноп* — город в Египте.

Скорбные элегии

¹ *Цезарь* — здесь: Август. ² См.: поэма «Наука любви». ³ *Аттий* (Акций) — римский трагик II в. до н. э. ⁴ Имеется в виду Анакреонт. ⁵ *Филлида*, *Амариллида* — пастушки, персонажи поэмы Вер-

гилия «Буколики». ⁶ *Котурн* — обувь на высокой подошве, надевалась актерами в трагедиях. Здесь имеется в виду несохранившаяся трагедия Овидия «Медея». ⁷ *Авзония* — Италия. ⁸ *Старец самосский* — Пифагор. ⁹ Имеется в виду Антигона (см.: Софокл «Антигона»). ¹⁰ В 43 г. до н. э. консулы Гирций и Панса погибли под Мутиной. ¹¹ Праздник в честь богини Минервы, во второй день которого (20 марта) начинались гладиаторские игры. Этот день был днем рождения Овидия. ¹² Овидий отказывается от политической карьеры и вступления в сенат (сенаторы носили тогу с широкой пурпурной каймой). ¹³ Имеются в виду музы. ¹⁴ *Эмилиий Макр* — римский поэт I в. до н. э., автор поэмы о птицах «Орнитология», ¹⁵ *Басс* и *Понтик* — римские поэты. ¹⁶ *Эвксин* — Черное море; *Томы* — город, современная Констанца.

ТИТ ЛИВИЙ

(59 г. до н. э. — 17 г. н. э.)

Тит Ливий — выдающийся римский историк. Он создал огромный труд, насчитывавший 142 книги, из них полностью сохранилось 35, остальные известны лишь в кратком изложении. В основе исторического труда Ливия лежит идея величия Рима, прославления нравов, патриотизма и героизма предков, характерная для идеологической политики принципата Августа.

Тит Ливий был представителем того направления античной историографии, которое принято называть художественно-дидактическим. Для него были важны не столько чисто исследовательские, сколько назидательно-нравственные задачи, вытекающие из принципа «история — наставница жизни». Эта целевая установка вела автора по чисто художественному пути, он отбирал наиболее яркие, эмоционально выразительные факты, стремился к увлекательному, волнующему читателя художественному изложению. Отсюда — предпочтение фольклорной легенде перед историческим фактом (особенно в первых десяти книгах, повествующих о начале римской истории), блестящая риторика речей, вложенных в уста исторических персонажей, напряженный драматизм и отточенная стилистика повествования. Все это делает труд Тита Ливия достоянием не только исторической науки, но и художественной прозы античного Рима.

Переводы:

Тит Ливий. История от основания Рима//Историки Рима. М., 1970.

В «Антологии» текст цитируется по этому изданию.

ИСТОРИЯ ОТ ОСНОВАНИЯ РИМА

Книга первая

Перевод В. Смирин

Предисловие

Создам ли я нечто, стоящее труда, если опишу деяния римского народа от первых начал города, твердо не знаю, да и знал бы, не решился бы сказать, ибо вижу — затея эта и не нова, и даже избита, ведь являются все новые писатели, которые уверены, что либо в изложении событий подойдут ближе к истине, либо превзойдут неискусную древность в умении писать. Как бы то ни было, я найду радость в том, что и я, в меру своих сил, постарался увековечить подвиги главенствующего на земле народа; и если в столь великой толпе писателей слава моя не будет заметна, утешением мне будет знатность и величие тех, в чьей тени окажется мое имя. Сверх того, самый предмет требует трудов непомерных — ведь надо углубиться в минувшее более чем на семьсот лет, ведь государство, начав с малого, так разрослось, что страдает уже от своей громадности. Не сомневаюсь также, что рассказ о первоначальных и близких к ним временах доставит немного удовольствия большинству читателей — они поспешат к событиям той недавней поры, когда силы народа, давно уже могущественного, истребляли сами себя; я же, напротив, и в том буду искать награды за свой труд, что, хоть на время, — пока всеми мыслями устремляюсь туда, к старине, — отвлекусь от зрелища бедствий, свидетелем которых столько лет было наше поколение, и избавлюсь от забот, способных если не отклонить пишущего от истины, то смутить его душевный покой. Рассказы о событиях, предшествовавших основанию города и еще более ранних, приличны скорее творениям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать. Древности простиительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала городов; а если какому-нибудь народу позволительно освящать свое происхождение и возводить его к богам, то военная слава римского народа такова, что, назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племена людские

и это снесут с тем же покорством, с каким сносят власть Рима. Но подобного рода рассказам, как бы на них ни смотрели и что бы ни думали о них люди, я не придаю большой важности. Мне бы хотелось, чтобы каждый читатель в меру своих сил задумался над тем, какова была жизнь, каковы нравы, каким людям и какому образу действия — дома ли, на войне ли — обязана держава своим зарождением и ростом; пусть он далее последует мыслью за тем, как в нравах появился сперва разлад, как потом они зашатались и, наконец, стали падать неудержимо, пока не дошло до нынешних времен, когда мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах. В том и состоит главная польза и лучший плод знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамление величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же — чего избегать: бесславные начала, бесславные концы.

Впрочем, либо пристрастность к самому делу вводит меня в заблуждение, либо и впрямь не было никогда государства, более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость. Да, чем меньше было имущество, тем меньшею была и жадность; лишь недавно богатство привело за собою корыстолюбие, а избыток удовольствий — готовность погубить все ради роскоши и телесных утех.

Не следует, однако, начинать такой труд сетованиями, которые не будут приятными и тогда, когда окажутся необходимыми; с добрых знамений и обетов предпочли бы мы начать, а будь то у нас, как у поэтов, в обычае — и с молитв богам и богиням, чтобы они даровали начатому успешное завершение.

[Рим под властью царей.]

3. <...> Потом царствовал Прока. От него родились Нумитор и Амулий; Нумитору, старшему, отец завещал старинное царство рода Сильвиев. Но сила одержала верх над отцовской волей и над уважением к старшинству: оттеснив брата, воцарился Амулий. К преступлению прибавляя преступление, он истребил мужское потомство брата, а дочь его Рею Сильвию под почетным предлогом — избрав в весталки — обрек на вечное девство.

4. Но, как мне кажется, судьба предопределила и зарождение столь великого города, и основание власти, уступающей лишь могуществу богов. Весталка сделалась жертвой насилия и родила двойню, отцом же объявила Марса — то ли веря в это сама, то ли потому, что прегрешенье, виновник которому бог, — меньшее бесчестье. Однако ни боги, ни люди не защитили ни ее самое, ни ее потомство от царской жестокости. Жрица в оковах была отдана под стражу, детей царь приказал бросить в реку. Но Тибр как раз волей богов разлился, покрыв берега стоячими водами, — нигде нельзя было подойти к руслу реки, и тем, кто принес детей, оставалось надеяться, что младенцы утонут, хотя бы и в тихих водах. И вот, кое-как исполнив царское поручение, они оставляют детей в ближайшей заводи — там, где теперь Руминальская смоковница (раньше, говорят, она называлась Ромуловой). Пустынны и безлюдны были тогда эти места. Рассказывают, что, когда вода схлынула, оставив лоток с детьми на суше, волчица с соседних холмов, бежавшая к водопою, повернула на детский плач. Пригнувшись к младенцам, она дала им свои сосцы и была до того ласкова, что облизала детей языком; так и нашел ее смотритель царских стад, звавшийся, по преданию, Фавстулом. Он принес детей к себе и передал на воспитание своей жене Ларенции¹. Иные считают, что Ларенция звалась среди пастухов «волчицей», потому что отдавалась любому, — отсюда и рассказ о чудесном спасении².

Рожденные и воспитанные, как описано выше, близнецы, лишь только подросли, стали, не пренебрегая и работой в хлевах и при стаде, охотиться по лесам. Окрепнув в этих занятиях и телом и духом, они не только травили зверей, но нападали и на разбойников, нагруженных добычей, а захваченное делили меж пастухами, с которыми разделяли труды и потехи; и со дня на день отряд юношей становился все многочисленнее.

5. <...> Разбойники, обозленные потерей добычи, подстерегли юношей, увлеченных праздничной игрой: Ромул отбилсЯ силой, Рема же разбойники схватили, а схватив, передали царю Амулию, сами выступив обвинителями. Винили братьев прежде всего в том, что они делают набеги на земли Нумитора и с шайкою

молодых сообщников, словно враги, угоняют оттуда скот. Так Рема передают Нумитору для казни.

Фавстул и с самого начала подозревал, что в его доме воспитывается царское потомство, ибо знал о выброшенных по царскому приказу младенцах, а подобрал он детей как раз в ту самую пору; но он не хотел прежде времени открывать эти обстоятельства — разве что при случае или по необходимости. Необходимость явилась первой, и вот, принуждаемый страхом, он все открывает Ромулу. Случилось так, что и до Нумитора, державшего Рема под стражей, дошли слухи о братьях-близнецах, он задумался о возрасте братьев, об их природе, отнюдь не рабской, и его душу смутило воспоминание о внуках. К той же мысли привели Нумитора расспросы, и он уже был недалек от того, чтобы признать Рема. Так замыкается кольцо вокруг царя. Ромул не собирает свою шайку — для открытого столкновения силы не были равны, — но, назначив время, велит всем пастухам прийти к царскому дому — каждый иною дорогой, — и нападает на царя, а из Нумиторова дома спешит на помощь Рем с другим отрядом. И они убивают царя.

6. При первых признаках смятения Нумитор, твердя, что враги, мол, ворвались в город и напали на царский дом, увел всех мужчин Альбы в крепость, которую-де надо занять и удерживать оружием: потом, увидав, что кровопролитие свершилось, а юноши приближаются к нему с приветствиями, тут же созывает сходку и объявляет о братниных против него преступлениях, о происхождении внуков — как были они рождены, как воспитаны, как узнаны — затем об убийстве тирана и о себе как зачинщике всего дела. Юноши явились со всем отрядом на сходку и приветствовали деда, называя его царем; единодушный отклик толпы закрепил за ним имя и власть царя.

Когда Нумитор получил таким образом Альбанское царство, Ромула и Рема охватило желание основать город в тех самых местах, где они были брошены и воспитаны. У альбанцев и латинян было много лишнего народу, и если сюда прибавить пастухов, всякий легко мог себе представить, что мала будет и Альба, и Лавиний в сравнении с тем городом, который предстоит основать. Но в эти замыслы вмешалось наследственное зло, жажда царской власти, и отсюда — недостойная распря, родившаяся из вполне мирного

начала. Братья были близнецы, различие в летах не могло дать преимущества ни одному из них, и вот, чтобы боги, под чьим покровительством находились те места, птичьим знамением указали, кому наречь своим именем город, кому править новым государством, Ромул местом наблюдения за птицами избрал Палатин, а Рем — Авентин.

7. Рассказывают, что Рему первому явилось знамение — шесть коршунов, — и о знамении уже возвестили, когда Ромулу предстало двойное против этого число птиц. Каждого из братьев толпа приверженцев провозгласила царем: одни придавали больше значения первенству, другие — числу птиц. Началась перебранка, и взаимное озлобление привело к кровопролитию; в сумятице Рем получил смертельный удар. Более распространен, впрочем, другой рассказ — будто Рем в насмешку над братом перескочил через новые стены, и Ромул в гневе убил его, крикнув при этом: «Так да погибнет всякий, кто перескочит через мои стены». Теперь единственным властителем остался Ромул, и вновь основанный город получил название от имени своего основателя.

Прежде всего Ромул укрепил Палатинский холм, где был воспитан. Жертвы всем богам он принес по альбанскому обряду, только Геркулесу — по греческому, как установлено было Эвандром. Сохранилась память о том, что, убив Гериона, Геркулес увел его дивных быков в эти места и здесь, возле Тибра, через который перебрался вплавь, гоня пред собою стадо, на обильном травом лугу — чтобы отдых и тучный корм восстановили силы животных — прилег и сам, усталый с дороги. Когда, отягченного едой и вином, сморил его сон, здешний пастух, по имени Как, буйный силач, пленившись красотой быков, захотел отнять эту добычу. Но, загони он быков в пещеру, следы сами привели бы туда хозяина, и поэтому Как, выбрав самых прекрасных, оттащил их в пещеру задом наперед, за хвосты. Геркулес проснулся на заре, пересчитал взглядом стадо и, убедившись, что счет неполон, направился к ближней пещере поглядеть, не ведут ли случайно следы туда. И когда он увидел, что все следы обращены в противоположную сторону и больше никуда не ведут, то в смущенье и замешательстве погнался стадо прочь от враждебного места. Но иные из коров, которых он уводил, замычали, как

это бывает нередко, в тоске по остающимся, и тут ответный зов запертых в пещере животных заставил Теркулеса вернуться; Как попытался было силой преградить ему путь, но, пораженный дубиной, свалился и умер, тщетно призывая пастухов на помощь.

В ту пору Эвандр, изгнанник из Пелопоннеса, правил этими местами — скорее как человек с весом, нежели как властитель; уваженьем к себе он был обязан чудесному искусству письма, новому для людей, незнакомых с науками, и еще более — вере в божественность его матери, Карменты, чьему прорицательному дару дивились до прибытия Сивиллы в Италию тамошние племена. Этого Эвандра и привлекло сюда волнение пастухов, собравшихся вокруг пришельца, обвиняемого в явном убийстве. Эвандр, выслушав рассказ о проступке и о причинах проступка и видя, что стоящий перед ним несколько выше человеческого роста, да и осанкой величественней, спрашивает, кто он таков; услышав же в ответ его имя, чей он сын и откуда родом, говорит: «Геркулес, сын Юпитера, здравствуй! Моя мать, истинно прорицающая волю богов, возвестила мне, что ты пополнишь число небожителей и что тебе здесь будет посвящен алтарь, который когда-нибудь самый могущественный на земле народ назовет Великим и станет почитать по заведенному тобой обряду». Геркулес, подавая руку, сказал, что принимает пророчество и исполнит веление судьбы — сложит и освятит алтарь. Тогда-то впервые и принесли жертву Геркулесу, взяв из стада отборную корову, а для служения и пира призвали Поттицев и Пинариев, самые знатные в тех местах семьи. Вышло так, что Поттиции были на месте вовремя и внутренности были предложены им, а Пинарии явились к остаткам пиршества, когда внутренности были уже съедены. С тех пор велось, чтобы Пинарии, покуда существовал их род, не ели внутренностей жертвы. Поттиции, выученные Эвандром, были жрецами этого священнодействия на протяжении многих поколений — покуда весь род их не вымер, передав священное служение общественным рабам. Это единственный чужеземный обряд, который перенял Ромул, уже в ту пору ревностный почитатель рожденного доблестью бессмертия, к какому вела его судьба.

[В главах 8—40 излагается история царствования Ромула, Нумы Помпилия, Туллы Гостилия, Анка Марция и Тарквиния

Древнего. С 41-й главы начинается история царствования Сервия Туллия, зятя Тарквиния Древнего. Сервий Туллий занял престол после убийства Тарквиния Древнего.]

46. Сервий уже на деле обладал несомненно царскою властью, но слуха его порой достигала чванная болтовня молодого Тарквиния, что, мол, без избранья народного царствует Сервий, и он, сперва угодив простому люду подушным разделом захваченной у врагов земли, решился запросить народ: желают ли, повелевают ли они, чтобы он над ними царствовал. Сервий был провозглашен царем столь единодушно, как, пожалуй, никто до него. Но и это не умалило надежд Тарквиния на царскую власть. Напротив, понимая, что землю плебеям раздадут вопреки желаньям отцов, он счел, что получил повод еще усерднее чернить Сервия перед отцами, усиливая тем свое влияние в курии. Он и сам по молодости лет был горяч, и жена, Туллия, растревляла беспокойную его душу. Так и римский царский дом, подобно другим, явил пример достойного трагедии злодеяния, чтобы опостытели цари и скорее пришла свобода, и чтобы последним оказалось царствование, которому предстояло родиться от преступления.

У этого Луция Тарквиния (приходился ли он Тарквинию Древнему сыном или внуком, разобрать нелегко; я, следуя большинству писателей, буду называть его сыном) был брат Аррунт Тарквиний, юноша от природы кроткий. Замужем за двумя братьями были, как уже говорилось, две Туллии, царские дочери, складом тоже совсем непохожие друг на друга. Вышло так, что два крутых нрава в браке не соединились — по счастливой, как я полагаю, участи римского народа — дабы продолжительней было царствование Сервия и успели сложиться обычаи государства. Туллия-свирепая тяготилась тем, что не было в ее муже никакой страсти, никакой дерзости. Вся устремившись к другому Тарквинию, им восхищается она, называет настоящим мужчиной и порождением царской крови, презирает сестру за то, что та, получив настоящего мужа, не равна ему женской отвагой. Сродство душ способствует быстрому сближению — как водится, зло злу под стать, — но зачинщицею всеобщей смуты становится женщина. Привыкнув к уединенным беседам с чужим мужем, она самую последнюю бранью поносит своего супруга перед его братом, свою сестру

перед ее супругом. Да лучше бы, твердит она, и ей быть вдовой, и ему безбрачным, чем связываться с неровней, чтобы увядать от чужого малодушия. Дали б ей боги такого мужа, какого она заслужила, — скоро, скоро у себя в доме увидела бы она ту царскую власть, которую видит сейчас в доме отца. Быстро заражает она юношу своим безрассудством. Освободив двумя сряду похоронами дома свои для нового супружества, они сочетаются браком, скорее без запрещения, чем с одобрения Сервия.

47. С каждым днем теперь сильнее опасность, нависшая над старостью Сервия, над его царской властью, потому что Туллия уже устремляется от преступления к новому преступлению, и ни ночью, ни днем не дает мужу покоя, чтобы не оказались напрасными прежние кощунственные убийства. Не мужа, говорит она, ей недоставало, чтобы зваться супругою, не сотоварища по рабству и немой покорности — нет, ей не хватало того, кто считал бы себя достойным царства, кто помнил бы, что он сын Тарквиния Древнего, кто предпочел бы власть ожиданиям власти. «Если ты тот, за кого, думалось мне, я выхожу замуж, то я готова тебя назвать и мужчиною и царем, если же нет, то к худшему свершилась для меня перемена: ведь теперь я не за трусом только, но и за преступником. Очнись же! Не из Коринфа, не из Тарквиний, как твоему отцу, идти тебе добывать царство в чужой земле: сами боги, отеческие пенаты, отцовский образ, царский дом, царский трон в доме, имя Тарквиния — все призывает тебя, все возводит на царство. А если духа недостает, чего ради морочишь ты город? Чего ради позволяешь смотреть на себя как на царского сына? Прочь отсюда в Тарквиний или в Коринф! Возвращайся туда, откуда вышел, больше похожий на брата, чем на отца!» Такими и другими попреками подстрекает Туллия юношу, да и сама не может найти покоя, покуда она, царский отпрыск, не властна давать и отбирать царство, тогда как у Танаквили, чужестранки, достало силы духа сделать царем мужа и вслед за тем зятя.

Подстрекаемый неистовой женщиной, Тарквиний обходит сенаторов (особенно — из младших родов), хватая их за руки, напоминает об отцовских благодеяниях и требует воздаянья, юношей приманивает подарками. Тут давая непомерные обещанья, там воз-

водя всяческие обвинения на царя, Тарквиний повсюду усиливает свое влияние. Убедившись, наконец, что пора действовать, он с отрядом вооруженных ворвался на Форум. Всех объял ужас, а он, усевшись в царское кресло перед курией, велел через глашатая созывать отцов в курию, к царю Тарквинию. И они тотчас сошлись, одни уже заранее к тому подготовленные, другие — не смея ослушаться, потрясенные чудовищной новостью и решив, вдобавок, что с Сервием уже покончено. Тут Тарквиний принялся порочить Сервия от самого его корня: раб, рабыней рожденный, он получил царство после ужасной смерти Тарквиниева отца — получил без объявления междуцарствия (как это делалось прежде), без созыва собрания, не от народа, который его избрал бы, не от отцов, которые утвердили бы выбор, но в дар от женщины. Вот как он рожден, вот как возведен на царство, он, покровитель подлейшего люда, из которого вышел и сам. Отторгнутую у знатных землю он, ненавидя чужое благородство, разделил между всяческою рванью, а бремя повинностей, некогда общее всем, взвалил на знатнейших людей государства; он учредил ценз, чтобы состояния тех, кто побогаче, были открыты зависти, были к его услугам, едва он захочет показать свою щедрость нищим.

48. Во время этой речи явился Сервий, вызванный тревожною вестью, и еще из преддверия курии громко воскликнул: «Что это значит, Тарквиний? Ты до того обнаглел, что смеешь при моей жизни созывать отцов и сидеть в моем кресле?» Тарквиний грубо ответил, что занял кресло своего отца, что царский сын, а не раб, — прямой наследник царю, что раб и так уж достаточно долго глумился над собственными господами. Приверженцы каждого поднимают крик, в курию сбегается народ, и становится ясно, что царствовать будет тот, кто победит. Теперь Тарквиний уже и самой силой необходимости вынужден идти до конца. Будучи и много моложе, и много сильнее, он схватывает Сервия в охапку, выносит из курии и сбрасывает с лестницы, потом возвращается в курию к сенату. Царские прислужники и провожатые обращаются в бегство, а сам Сервий, потеряв много крови, едва живой, без провожатых пытается добратсья домой, но по пути гибнет под ударами преследователей, которых Тарквиний послал вдогонку за бегле-

цом. Считают, памятуя о прочих злодеяниях Туллии, что и это было совершено по ее наущению. Во всяком случае, достоверно известно, что она въехала на колеснице на Форум и, не оробев среди толпы мужчин, вызвала мужа из курии и первая назвала его царем. Тарквиний отослал ее прочь из беспокойного скопища; добираясь домой, она достигла самого верха Киприйской улицы, где незадолго до наших дней стоял храм Дианы, и колесница уже поворачивала вправо к Урбиеву взвозу, чтобы подняться на Эсквилинский холм, как возница в ужасе осадил, натянув поводья, и указал госпоже на лежащее тело зарезанного Сервия. Тут, по преданию, и совершилось гнусное и бесчеловечное преступление, памятником которого остается то место: его называют «Проклятой улицей». Туллия, обезумевшая, гонимая фуриями — отмстительницами сестры и мужа, как рассказывают, погнала колесницу прямо по отцовскому телу и на окровавленной повозке, сама запятнанная и обрызганная, привезла пролитой отцовской крови к пенатам своим и мужниным. Разгневались домашние боги, и дурное начало царствования привело за собою в недалеком будущем дурной конец.

Сервий Туллий царствовал сорок четыре года и так, что даже доброму и умеренному преемнику не было бы с ним тягаться. Но слава его еще возросла, оттого что с ним вместе убита была законная и справедливая царская власть. Впрочем, даже и эту власть, такую мягкую и умеренную, Сервий, как пишут некоторые, имел в мыслях сложить, поскольку она была единоличной, и лишь зародившееся в недрах семьи преступление воспрепятствовало ему исполнить свой замысел и освободить отечество.

[Царствование и изгнание Тарквиния Гордого.]

56. <...> Покуда народ был занят такими работами³, царь, считая, что многочисленная чернь, когда для нее не найдется уже применения, будет обременять город, и желая выводом поселений расширить пределы своей власти, вывел поселенцев в Сигнию и Цирцеи⁴, чтобы защитить Рим с суши и с моря.

Среди этих занятий явилось страшное знамение: из деревянной колонны выползла змея. В испуге забежали люди по царскому дому, а самого царя зловещая примета не то чтобы поразила ужасом, но, скорее, вселила в него беспокойство. Для истолкованья обще-

ственных знамений призывались только этрусские прорицатели, но это предвестье как будто бы относилось лишь к царскому дому, и встревоженный Тарквиний решил послать в Дельфы к самому прославленному на свете оракулу. Не смея доверить таблички с ответами никому другому, царь отправил в Грецию, через незнакомые в те времена земли и того менее знакомые моря, двоих своих сыновей. То были Тит и Аррунт. В спутники им был дан Луций Юний Брут⁵, сын царской сестры Тарквинии, юноша, скрывавший природный ум под приятною личиной. В свое время, услышав, что виднейшие граждане, и среди них его брат, убиты дядею, он решил: пусть его нрав ничем царя не страшит, имущество — не соблазняет; презираемый — в безопасности, когда в праве нету защиты. С твердо обдуманном намереньем он стал изображать глупца, предоставляя распоряжаться собой и своим имуществом царскому произволу и даже принял прозвище Брута — «Тупицы», — чтобы под прикрытием этого прозвища сильный духом освободитель римского народа мог выжидать своего времени. Вот кого Тарквинии взяли тогда с собой в Дельфы, скорее посмешищем, чем товарищем, а он, как рассказывают, понес в дар Аполлону золотой жезл, скрытый внутри полого рогового — иносказательный образ собственно ума.

Когда юноши добрались до цели и исполнили отцовское поручение, им страстно захотелось выспросить у оракула, к кому же из них перейдет Римское царство. И тут, говорит преданье, из глубины расселины прозвучало⁶: «Верховную власть в Риме, о юноши, будет иметь тот из вас, кто первым поцелует мать». Чтобы не проведал никто об ответе и не заполучил власти оставшийся в Риме Секст, Тарквинии условились хранить строжайшую тайну, а между собой жребию предоставили решить, кто из них, вернувшись, первым даст матери свой поцелуй. Брут же, который рассудил, что пифийский глас имеет иное значение, припал, будто бы оступившись, губами к земле — ведь она общая мать всем смертным. После того они возвратились в Рим, где шла усердная подготовка к войне против рутулов.

57. Рутулы, обитатели города Ардеи⁷, были самым богатым в тех краях и по тем временам народом. Их богатство и стало причиной войны: царь очень хотел

поправить собственные дела — ибо дорогостоящие общественные работы истощили казну — и смягчить добычею недовольство своих соотечественников, которые и так ненавидели его за всегдашнюю гордыню, а тут еще стали роптать, что царь так долго держит их на ремесленных и рабских работах. Попробовали, не удастся ли взять Ардею сразу, приступом. Попытка не принесла успеха. Тогда, обложив город и обведя его укреплениями, приступили к осаде.

Здесь в лагерях, как водится при войне более долгой, нежели жестокой, допускались довольно свободные отлучки, больше для начальников, правда, чем для воинов. Царские сыновья меж тем проводили праздное время в своем кругу, в пирах и попойках. Случайно, когда они пили у Секста Тарквиния, где обедал и Тарквиний Коллатин, сын Эгерия, разговор заходит о женах, и каждый хвалит свою сверх меры. Тогда в пылу спора Коллатин и говорит: к чему, мол, слова — всего ведь несколько часов, и можно убедиться, сколь выше прочих его Лукреция. «Отчего же, если мы молоды и бодры, не вскочить нам тотчас на коней и не посмотреть своими глазами, каковы наши жены? Неожиданный приезд мужа покажет это любому из нас лучше всего». Подогретые вином, все в ответ: «Едем!» И во весь опор унеслись в Рим. Прискакав туда в сгущавшихся сумерках, они двинулись дальше в Коллацию, где позднею ночью застали Лукрецию за прядением шерсти. Совсем не похожая на царских невесток, которых нашли проводящими время на пышном пиру среди сверстниц, сидела она посреди покоя в кругу прислужниц, работавших при огне. В состязании жен первенство осталось за Лукрецией. Приехавшие муж и Тарквиний находят радушный прием: победивший в споре супруг дружески приглашает к себе царских сыновей. Тут-то и охватывает Секста Тарквиния грязное желанье насильем обесчестить Лукрецию. И красота возбуждает его, и несомненная добродетель. Но пока что, после ночного своего развлечения, молодежь возвращается в лагерь.

58. Несколько дней спустя, втайне от Коллатина, Секст Тарквиний с единственным спутником прибыл в Коллацию. Он был радушно принят не подозревавшими о его замыслах хозяевами; после обеда его проводили в спальню для гостей, но едва показалось ему, что вокруг достаточно тихо и все спят, он, распа-

ленный страстью, входит с обнаженным мечом к спящей Лукреции и, придавив ее грудь левой рукой, говорит: «Молчи, Лукреция, я Секст Тарквиний, в руке моей меч, умрешь, если крикнешь». В трепете освобождаясь от сна, женщина видит: помощи нет, рядом — грозящая смерть; а Тарквиний начинает объясняться в любви, уговаривать, с мольбами мешая угрозы, со всех сторон ищет доступа в женскую душу. Видя, что Лукреция непреклонна, что ее не поколебать даже страхом смерти, он, чтобы устроить ее еще сильнее, пригрозил ей позором: к ней-де мертвой в постель он подбросит, прирезав, нагого раба — пусть говорят, что она убита в грязном прелюбодеянии. Этой ужасной угрозой он одолел ее непреклонное целомудрие. Похоть как будто бы одержала верх, и Тарквиний вышел упоенный победой над женской честью. Лукреция, сокрушенная горем, посылает вестника в Рим к отцу и в Ардею к мужу, чтобы прибыли с немногими верными друзьями: есть нужда в них, пусть поторопятся, случилось страшное дело. Спурий Лукреций прибывает с Публием Валерием, сыном Волезия, Коллатин с Луцием Юнием Брутом — случайно вместе с ним возвращался он в Рим, когда был встречен вестником. Лукрецию они застают в спальне, сокрушенную горем. При виде своих на глазах женщины выступают слезы; на вопрос мужа: «Хорошо ли живешь?» — она отвечает: «Как нельзя хуже. Что хорошего остается в женщине с потерей целомудрия? Следы чужого мужчины на ложе моем, Коллатин; впрочем, тело одно подверглось позору — душа невинна, да будет мне свидетелем смерть. Но поклонитесь друг другу, что не останется прелюбодей без возмездия. Секст Тарквиний — вот кто прошлой ночью вошел гостем, а оказался врагом; вооруженный, насильем похитил он здесь гибельную для меня, но и для него — если вы мужчины — усладу». Все по порядку клянутся, утешают отчаявшуюся, отводя обвинение от жертвы насилия, обвиняя преступника: грешит мысль — не тело, у кого не было умысла, нету на том и вины. «Вам, — отвечает она, — рассудить, что причитается ему, а себя я, хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример Лукреции не сохранит жизни». Под одеждою у нее был спрятан нож, вонзив его себе в сердце, налегает она на нож и падает мертвой. Громко зывают к ней муж и отец.

59. Пока те предавались скорби, Брут, держа перед собою вытащенный из тела Лукреции окровавленный нож, говорит: «Этою чистейшею прежде, до царского преступления, кровью клянусь — и вас, боги, беру в свидетели, — что отныне огнем, мечом, чем только сумею, буду преследовать Луция Тарквиния с его преступной супругой и всем потомством, что не потерплю ни их, ни кого другого на царстве в Риме». Затем он передает нож Коллатину, потом Лукрецию и Валерию, которые оцепенели, недоумевая, откуда это в Брутовой груди незнаемый прежде дух. Они повторяют слова клятвы, и общая скорбь обращается в гнев, а Брут, призывающий всех немедленно идти на Рим, становится вождем. Тело Лукреции выносят из дома на площадь и собирают народ, привлеченный, как водится, новостью, и неслыханной и возмутительной. Каждый, как умеет, жалуется на преступное насилие царей. Все взволнованы и скорбью отца, и словами Брута, который порицает слезы и праздные сетования и призывает мужчин поднять, как подобает римлянам, оружие против тех, кто поступил, как враг. Храбрейшие юноши, вооружившись, являются добровольно, за ними следует вся молодежь. Затем, оставив в Коллации отряд и к городским воротам приставивши стражу, чтобы никто не сообщил царям о восстании, все прочие под водительством Брута с оружием двинулись в Рим.

Когда они приходят туда, то вооруженная толпа, где бы она ни появилась, всюду сеет страх и смятение; но, вместе с тем, когда люди замечают, что во главе ее идут виднейшие граждане, всем становится понятно: что бы там ни было, это — неспроста. Столь страшное событие и в Риме породило волнение не меньшее, чем в Коллации. Со всех концов города на Форум сбегаются люди. Едва они собрались, глашатай призвал народ к трибуну «быстрых», а волею случая должностью этой был облечен тогда Брут. И тут он произнес речь, выказавшую в нем дух и ум, совсем не такой, как до сих пор представлялось. Он говорил о самоуправстве и похоти Секста Тарквиния, о несказанно чудовищном поруганье Лукреции и ее жалостной гибели, об отцовской скорби Триципитина, для которого страшнее и прискорбнее смерти дочери была причина этой смерти. К слову пришлось и гордыня самого царя, и тягостные труды народа, загнанного

в канавы. Римляне, победители всех окрестных народов, из воителей сделаны чернорабочими и каменотесами. Упомянуто было и гнусное убийство Сервия Туллия, и дочь, переехавшая отцовское тело нечестивой своей колесницей; боги предков призваны были в мстители. Вспомнив обо всем этом, как, без сомнения, и о еще более страшных вещах, которые подсказал ему живой порыв негодования, но которые трудно восстановить историку, Брут воспламенил народ и побудил его отобрать власть у царя и вынести постановление об изгнании Луция Тарквиния с супругою и детьми. Сам произведя набор младших возрастов — причем записывались добровольно — и вооружив набранных, он отправился в лагерь поднимать против царя стоящее под Ардеей войско; власть в Риме он оставил Лукрецию, которого в свое время еще царь назначил префектом города. Среди этих волнений Туллия бежала из дома, и где бы ни появлялась она, мужчины и женщины проклинали ее, призывая отцовских богинь — отмстительниц.

60. Когда вести о случившемся дошли до лагеря и царь, встревоженный бунтом, двинулся на Рим подавлять восстание, Брут, узнав о его приближении, пошел кружным путем, чтобы избежать встречи. И почти что одновременно прибыли разными дорогами Брут к Ардее, а Тарквиний — к Риму. Перед Тарквинием ворота не отворились, и ему было объявлено об изгнании; освободитель города был радостно принят в лагере, а царские сыновья оттуда изгнаны. Двое, последовав за отцом, ушли изгнанниками в Цере⁸, к этрускам. Секст Тарквиний, удалившийся в Габии, будто в собственное свое царство, был убит из мести старыми недругами, которых нажил в свое время казнями и грабежом.

Луций Тарквиний Гордый царствовал двадцать пять лет. Цари правили Римом от основания города до его освобождения двести сорок четыре года. На собрании по центуриям префект города в согласии с записками Сервия Туллия провел выборы консулов. Избраны были Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин.

1. Нижеследующую часть моего труда я могу начать теми же словами, которые многие писатели предпосылали целым сочинениям: я приступаю к описанию самой замечательной из войн всех времен — войны карфагенян под начальством Ганнибала с римским народом. Никогда еще не сражались между собою более могущественные государства и народы, никогда сражающиеся не стояли на более высокой ступени развития своих сил и своего могущества. Не могли они пускать в ход неведомые противникам приемы военного искусства, так как обе стороны познакомились одна с другой в Первую Пуническую войну; а до какой степени было изменчиво счастье войны и непостоянен исход сражений, видно уже из того, что гибель была наиболее близка именно к тем, которые вышли победителями. Но ненависть, с которой они сражались, была едва ли не выше самих сил: римляне были возмущены дерзостью побежденных, по собственному почину подымавших оружие против победителей; пунийцы — надменностью и жадностью, с которой победители, по их мнению, злоупотребляли своей властью над побежденными. Рассказывают даже, что когда Гамилькар, окончив Африканскую войну, собирался переправить войско в Испанию и приносил, по этому случаю, жертву богам, то его девятилетний сын Ганнибал, по-детски ласкаясь, стал просить отца взять его с собой; тогда, говорят, Гамилькар велел ему подойти к жертвеннику и, коснувшись его рукой, произнести клятву, что он будет врагом римского народа, как только это ему позволит возраст.

Гордую душу Гамилькара терзала мысль о потере Сицилии и Сардинии: карфагеняне, полагал он, уж слишком поторопились в припадке малодушия отдать врагу Сицилию, что же касается Сардинии, то римляне захватили ее обманом, благодаря африканским смутам, наложив сверх того еще дань на побежденных.

2. Под гнетом этих тяжелых дум он в пять лет окончил Африканскую войну, разразившуюся вслед за заключением мира с римлянами, а затем в течение де-

вяти лет расширял пределы пунийского владычества в Испании; ясно было, что он задумал войну гораздо значительнее той, которую вел, и что если бы он прожил дольше, пунийцы еще под знаменами Гамилькара совершили бы то нашествие на Италию, которое им суждено было осуществить при Ганнибале. К счастью, смерть Гамилькара и юный возраст Ганнибала принудили карфагенян отложить войну.

Промежуток между отцом и сыном занял Газдрубал, приблизительно в течение восьми лет пользовавшийся верховной властью. Сначала, говорят, он понравился Гамилькару своей красотой, но позже сделался его зятем, конечно, уже за другие, душевные свои свойства; располагая же, в качестве его зятя, влиянием баркидов, очень внушительным среди воинов и простого народа, он был утвержден в верховной власти вопреки желанию первых людей государства. Действуя чаще умом, чем силой, он заключал союзы гостеприимства с царьками и, пользуясь дружбой вождей, привлекал новые племена на свою сторону; такими-то средствами, а не войной и набегами умножал он могущество Карфагена. Но его миролюбие нимало не способствовало его личной безопасности. Кто-то из варваров, озлобленный казнью своего господина, убил Газдрубала на глазах у всех, а затем дал схватить себя окружающим с таким радостным лицом, как будто избежал опасности; даже когда на пытке разрывали его тело, радость превозмогала в нем боль, и он сохранял такое выражение лица, что казалось, будто он смеется. Вот с этим-то Газдрубалом, видя его замечательные способности возмущать племена и приводить их под свою власть, римский народ возобновил союз под условием, чтобы река Гибера служила границей между областями, подвластными тому и другому народу, сагунтинцы же, обитавшие посредине, сохраняли полную независимость.

3. Относительно преемника Газдрубала никаких сомнений быть не могло. Тотчас после его смерти воины по собственному почину понесли молодого Ганнибала в палатку главнокомандующего и провозгласили полководцем; этот выбор был встречен громкими сочувственными возгласами всех присутствующих, и народ впоследствии одобрил его.

Газдрубал пригласил Ганнибала к себе в Испанию письмом, когда он едва достиг зрелого возраста, и об

этом был возбужден вопрос даже в сенате. Баркиды домогались утвердительного его решения, желая, чтобы Ганнибал привык к военному делу и со временем унаследовал отцовское могущество; но Ганнон, глава противного стана, сказал: «Требование Газдрубала, на мой взгляд, справедливо; однако я полагаю, что исполнять его не следует». Когда же эти странные слова возбудили всеобщее удивление и все устремили свои взоры на него, он продолжал: «Газдрубал, который некогда сам предоставил отцу Ганнибала наслаждаться цветом его нежного возраста, считает себя вправе требовать той же услуги от его сына. Но нам нисколько не подобает посылать нашу молодежь, чтобы она под видом приготовления к военному делу, служила похоти военачальников. Или, быть может, мы боимся, как бы сын Гамилькара не познакомился слишком поздно с соблазном неограниченной власти, с блеском отцовского царства? Боимся, как бы мы не сделали слишком поздно рабами сына того царя, который оставил наши войска в наследство своему зятю? Я требую, чтобы мы удержали этого юношу здесь, чтобы он, подчиняясь законам, повинуюсь должностным лицам, учился жить на равных правах с прочими; в противном случае это небольшое пламя может зажечь огромный пожар».

4. Меньшинство, то есть почти вся знать, согласилось с ним; но, как это обыкновенно бывает, большая часть восторжествовала над лучшей. Итак, Ганнибал был послан в Испанию. Одним своим появлением он обратил на себя взоры всего войска. Старым воинам показалось, что к ним вернулся Гамилькар, каким он был в лучшие свои годы: то же мощное слово, тот же повелительный взгляд, то же выражение, те же черты лица! Но вскоре он достиг того, что его сходство с отцом сделалось наименее значительным из качеств, которые располагали к нему воинов. Никогда еще душа одного и того же человека не была так равномерно приспособлена к обеим, столь разнородным обязанностям, — повелеванию и повиновению; и поэтому трудно было различить, кто им более дорожил — главнокомандующий или войско. Никого Газдрубал не назначал охотнее начальником отряда, которому поручалось дело, требующее отваги и стойкости; но и воины ни под чьим начальством не были более уверены в себе и более храбры. Насколько он был смел,

бросаясь в опасность, настолько же бывал осмотрителен в самой опасности. Не было такого труда, от которого бы он уставал телом или падал духом. И зной, и мороз он переносил с равным терпением; ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, а не ради удовольствия; выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь — покою уделял лишь те часы, которые у него оставались свободными от работы; притом он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спит на голой земле среди караульных или часовых. Одеждой он ничуть не отличался от ровесников; только по вооружению да по коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте он далеко оставлял за собою прочих; первым устремлялся в бой, последним оставлял поле сражения. Но в одинаковой мере с этими высокими достоинствами обладал он и ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство превосходило даже пресловутое пунийское вероломство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не боялся богов, не соблюдал клятвы, не уважал святыни. Будучи одарен этими хорошими и дурными качествами, он в течение своей трехлетней службы под начальством Газдрубала с величайшим рвением исполнял все, присматривался ко всему, что могло развить в нем свойства великого полководца. <...>

Примечания

- ¹ *Ларенция* — итальянская богиня Акка Ларенция, впоследствии была отождествлена с волчицей, воспитавшей Ромула и Рема.
² *Волчица* — в просторечье — женщина легкого поведения. ³ Речь идет о предпринятом Тарквинием строительстве храма, цирка и Большого канала для сточных вод. ⁴ *Сигния*, *Цирцея* — итальянские города, расположенные к юго-востоку от Рима. ⁵ *Юний Брут* — к роду Брутов возводил свое происхождение Марк Юний Брут, один из убийц Юлия Цезаря. ⁶ В Дельфах оракул помещался у расщелины скалы, откуда поднимались одуряющие испарения.
⁷ *Ардея* — город к югу от Рима. ⁸ *Цере* — этрусский город, в этом месте археологами была найдена гробница Тарквиниев.

ПОЗДНИЙ ПЕРИОД РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХА ИМПЕРИИ (I—II вв. н. э.)

ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА (*конец I в. до н. э. — 65 г. н. э.*)

Луций Анней Сенека — один из крупнейших римских писателей и философов эпохи империи, родился в Испании, в г. Кордубе, в семье известного ратора Сенеки Старшего. Получив философское и риторическое образование в Риме, Сенека с начала 30-х годов н. э. начинает политическую деятельность, становится членом сената. Спустя десять лет император Клавдий ссылает его на пустынный остров Корсику, но в 49 г. он был возвращен из ссылки женой императора Агриппиной, которая сделала его воспитателем своего сына Нерона. После смерти императора Клавдия (54 г.) Сенека в течение пяти лет фактически был правителем империи. В 56 г. он становится консулом. Но постепенно его влияние на Нерона начинает ослабевать. После 62 г. Сенека окончательно отказывается от политической деятельности, удаляется от двора, раздает часть своих богатств. В 65 г. после раскрытия заговора Пизона по приказанию Нерона Сенека покончил жизнь самоубийством.

Сенека был последователем стоической школы философии, его интересовали проблемы добродетели и нравственного усовершенствования, обуздания страстей, презрения к смерти и богатству. Им написано множество трактатов: «О счастливой жизни», «О спокойствии души», «О кратковременности жизни», «О гневе», «О милосердии», «О стойкости мудреца» и др. Работой, подводящей итог его философским занятиям, были «Нравственные письма к Луцилию» (63—64 г. н. э.) Сенеке принадлежат также десять трагедий: «Медeia», «Федра», «Эдип», «Агамемнон», «Троянки», «Безумствующий Геркулес», «Тиест» и др., написанные на сюжеты древнегреческой мифологии. Приписываемая ему трагедия «Октавия» — единственная, использующая римский исторический сюжет (претекста). И в этих произведениях Сенека остается прежде всего философом-моралистом. Его трагедии иллюстрируют те же положения стоической морали, которые являются предметом его философских сочинений.

Сенека был создателем так называемого «нового стиля», получившего широкое распространение в римской литературе I в. н. э., отличавшегося яркой эмоциональной напряженностью, патетикой, цветистыми метафорами, эффектными антитезами, короткими, отточенными фразами — сентенциями.

Приведенная с небольшими сокращениями трагедия «Тиест» весьма типична для творчества Сенеки своим декламационно-риторическим пафосом, нагнетанием ужасного, натуралистичностью описаний, моралистической дидактикой стоицизма.

Отрывки из «Нравственных писем к Луцилию» знакомят с философской прозой Сенеки, представляя интерес и как образец эпистолярного жанра.

Переводы:

Луций Анней Сенека. Трагедии. М.; Л., 1933.

Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.

Отрывки из произведений Сенеки приводятся в «Антологии» по данным изданиям.

ТИЭСТ

Перевод С. Соловьева

Действующие лица

Тиэст

Атрей

Тень Тантала

Фурия

Тантал, сын Тиэста

Плисфен, сын Тиэста } лица без речей

Третий, сын Тиэста }

Телохранитель

Вестник

Хор микенских старцев

Слуги Атрея

Место действия — город Микены, перед царским дворцом.

Действие первое

Тень Тантала, Фурия.

Тень Тантала

О, кто влечет меня из преисподней,
Где жадными устами я ловил
Бегущие плоды? Кто из богов
Указывает Танталу опять
Жилище ненавистное? Что хуже
Средь волн палящей жажды и всегда
Снедающего глада? Суждено ль
Мне на плечах нести Сизифов камень,
Терзание ль на быстром колесе,
10 Иль кара Тития, что среди пещеры
Растерзанною внутренностью черных
Питает птиц и, съеденное за день
Восстановивши ночью, вновь лежит
Готовая трапеза плотоядным?

Какие беды ждут меня? О ты,
Суровый судия¹ теней подземных,
Распределитель казней, если можно
Прибавить наказание, пред которым
20 Свирепый сторож ада ужаснется
И задрожит печальный Ахеронт,
И сам я содрогнусь, — ищи его!
Уже от корня нашего встает
Преступный сонм в сравнении с которым
Я окажусь невинным. Он дерзнет
На невозможное. Нет, никогда,
Пока стоит дом Пелопса, Минос
Не будет праздным.

Ф у р и я

Мерзостная тень,
Иди, гоняй пенатов нечестивых!²
Пусть вспыхнет распря! Пусть поочередно
30 Мечи сверкают, пусть ни меры в гневе
Не будет, ни стыда! Слепая ярость
Пускай умы воспламеняет! Длится
Отцов неистовство, и древний грех
Идет к потомкам! Пусть не забывает
Никто о преступленье старом, пусть
Все новые рождаются грехи,
Караются и тут же возрастают.
Пусть братьев гордых изгоняет царство
И вновь зовет, неистового дома
40 Между двумя неверными царями
Колеблется судьба! Пускай несчастным
Становится могучий и могучим —
Несчастный! Пусть крушит в водовороте
Царей и царство случай прихотливый!
За преступленье изгнанные пусть,
Когда им бог отчизну вновь дарует,
Вернутся к преступлениям; и всем
Так будут ненавистны, как себе!
Пусть гнев ни в чем не ведает запрета:
50 Пред братом брат дрожит, отец пред сыном,
Сын пред отцом! Ужасно гибнут дети,
Ужаснее рождаются! Пусть жены
Грозят мужьям, война идет за море,
Повсюду землю орошает кровь
И над племен великими вождями
Победу Сладострастие ликует!

- Прелюбодейство в роде нечестивом
Пусть ни во что считается! Погибнут
И право, и святой закон, и верность.
60 Пусть небеса не будут непричастны
Несчастьям вашим. Отчего на тверди
Еще мерцают звезды и хранят
Свою красу небесные светила?
Пусть будет ночь, и день покинет небо!
Пенатов возмути и призови
Вражду, убийство, песни погребенья,
И Танталом наполни целый дом.
Пусть празднично украсится чертог,
И лаврами зазеленеют двери,
70 Пусть весело горит огонь, достойный
Прихода твоего! Да совершится
Фракийское нечестье³ в большей мере.
Что праздны руки дяди? Еще Тиэст
Не плачет над детьми? Пусть над огнем
Кипят котлы, на части рвутся члены,
И кровью оскверняется очаг!
Готовится трапеза, для тебя
Не новая⁴. Мы дали день свободный
И разрешить ты можешь долгий пост.
80 Насыть свой глад, в присутствии твоём
Пусть пьют вино, разбавленное кровью.
Спеши же к явствам... Стой, куда бежишь?

Т а н т а л

- К подземным рекам, дремлющим болотам,
Под сумрак ускользающих ветвей!
Да будет мне позволено уйти
В мою темницу черную, да будет
Позволено, коль не довольно я
Несчастливым был, покинуть прежний берег
И навсегда остаться в середине
90 Твоих горящих волн, о Флегетон!⁵
Вы все, кого судьбы закон железный
На муки осудил, ты, кто лежишь
Под сводами изъеденной пещеры
И в трепете ее паденья ждешь, и ты,
Дрожащий перед пастями свирепых
И жадных львов и пред полками Фурий,
Ты, адским пламенем полусожженный,
Все Тантала услышьте голос, к вам
Спешащего. Поверьте в опыт мой:

100 Любите кары! Скоро ль я смогу
Покинуть землю?

Ф у р и я

Ранее вверх дном
Поставь весь дом: неси с собой сраженьё,
Любовь к войне зажги в груди царей,
Безумное смятенье посели
В жестоком сердце.

Т а н т а л

Подобает мне
Казниму быть, а не казнить других.
Ужели я помчусь, как смрадный дым
Из трещины земли, иль, как чума,
Посею в людях смерть? В ужасный грех
110 Моих потомков свергну? О, великий
Отец богов и наш! Пусть страшной казнью
Накажешь ты болтливый мой язык,
Не замолчу. Я стану убеждать:
Невинные не оскверняйте руки,
Не окропляйте кровью алтари!
Я встану, помешаю преступленью...
Что ты грозишь? И в ярости зачем
Змеями потрясаешь? Для чего
В моих суставах разжигашь голод?
120 Воспламенилась вечной жаждой сердце,
В воспаленных внутренностях пышет пламя...
Иду...

Ф у р и я

Вот эту, эту ярость ты обрушь
На целый дом. Пусть всех охватит буря
И жажда крови родственной! Уже
Почуял дом твои шаги, и весь
Дрожит от страшного прикосновенья.
Довольно сделано! Иди теперь
К озерам преисподней и к реке,
Тебе знакомой. Тяжело земле
130 От ног твоих. Ты видишь, как ручей
Вдруг оскудел, замолкли берега
И облака рedeющие мчит
Воспламененный ветер? Все деревья
Поблекли, ветви, жаждущие влаги,
Роняют плод, и Истм^б, что с двух сторон

- Был оглашаем шумными волнами,
Внезапно смолк, чуть слышно издали
Журчанье струй. Лернейские болота
Далеко отошли, и Форонид⁷
140 Сокрыл ключи своих бурливых вод.
Белевшие вершины Киферона
От снега вечного обнажены,
И Аргос в страхе ждут засухи древней.
И сам Титан колеблется — вожжами
По небу гнать завечеревший день.

Х о р

- Если кто из богов любит Ахейский край,
Любит Аргос святой, славный ристаньями,
Царство Истма и две гавани двух морей,
Если мил для богов вечный Тайгета⁸ снег
150 На высоких хребтах зиму холодную,
Что сгущает Борей, ветер Сарматских стран⁹
И Зефиры весны парусоносные
Расплавляют в ручьи, рядом с которыми
Светлоструйный Алфей¹⁰ хладные волны мчит,
Олимпийским везде славный ристалищем, —
Оком милостивым да обратится к нам
И преступной семьи предотвратит вражду.
Деда внук своего хуже не будет пусть,
Преступленья отцов пусть не прельстят детей.
160 Пусть, устав от грехов, сдержит порывы зла
Вечно жаждущего Тантала грешный рот.<...>

Действие второе

Атрей, Телохранитель.

Атрей

- 200 Бессильный, робкий, малодушный и
(Что для тирана уж венец позора)
Неотмщенный, после козней брата
И стольких преступлений, нарушенья
Законов всех, ты в жалобах напрасных
Изводишься, Атрей? Уж должен был
От войск твоих дрожать весь круг земли
И оба моря, пенясь под судами.
Должны пылать от пламени пожаров
И города, и села, и сверкать
210 Железо обнаженное. Весь Аргос

Пускай гудит под конницею нашей!
Пусть ни леса врага не укрывают,
Ни замки на вершинах гор. В Микенах
Пусть весь народ поет военный гимн.
Кто ненавистного врага укроет
Иль охранит, погибнет страшной смертью.
Вот этот славный Пелопса дворец
Пусть на меня обрушится, но только б
Обрушился на брата! Ну, смелей,
220 Сверши, моя душа, такое дело,
Которое никто в моем потомстве
Не сможет похвалить, но и никто
О нем не промолчит! Дерзнуть я должен
На страшный и кровавый грех, такой,
Что брат его свершил бы сам охотно.
Не победив, не отомстить злодейства.
Что может быть достаточно свирепо
В сравненье с ним? Сломлен ли дух его?
230 Когда он знал в своих удачах меру,
В беде покой? Я же знаю: нрав его
Неукротим. Не может он согнуться —
Сломаться может. Прежде чем успеет
Окрепнуть он и приготовить силы,
Я сам его настигну, чтоб меня
Он не застал врасплох. Он иль погибнет,
Иль сам погубит. Кто-нибудь из нас
Опередит злодейством.

Тел о х р а н и т е л ь

Не страшит тебя
Народный ропот?

А т р е й

Высшим благом царства
Считаю я, что все дела владыки
240 Народ обязан как терпеть,
Так и хвалить.

Тел о х р а н и т е л ь

Кто хвалит из-за страха,
Того врагом соделывает страх.
Кто ж ищет славы истинной в народе,
Пускай желает, чтоб его хвалили
Скорей душой, чем языком.

А т р е й

И мелким,
Ничтожным людям похвалы правдивой
Добиться можно. Ложная хвала —
Удел могучих. Пусть хотят того,
Чего не хочется!

Т е л о х р а н и т е л ь

Пусть царь желает
250 Лишь честного — никто не будет спорить.

А т р е й

Где лишь добро дозволено владыке,
Он царствует по милости народной.

Т е л о х р а н и т е л ь

Где нет стыда, забот о праве нет,
Где верности и благочестья нет,
Непрочно царство.

А т р е й

Благочестье, верность —
Все блага честные. Цари свободны.

Т е л о х р а н и т е л ь

Но знай, что грех вредить и злomu брату.

А т р е й

Что грех пред братьями, то перед ним
Святой закон. Какого преступленья
260 Не сделал он? Склонив к прелюбодейству,
Увез жену, похитил трон и древний
Символ священной власти¹¹ получил
Коварством, и коварством дом разрушил
В высоких хлевах Пелопса таится
Баран священный, предводитель стада.
Густая шерсть его облита вся
Прекрасным золотом. Его руном
Позлащены наследственные скиптры
Царей из рода Тантала. Кому
270 Принадлежит баран, спокойно правит.
С животным этим связана судьба
Семьи царей. В укромном уголке
Пасется он, и каменной стеною

Со всех сторон замкнут священный луг.
Его, дерзнув на страшное злодейство
И взяв в союзницы мою жену,
Увозит он. Отсюда беды все:
Изгнанником блуждал в моем я царстве,
Ничто в семье моей не уцелело:
280 Соблазнена жена, потрясено
Доверие к престолу, болен дом,
Сомнительна и кровь детей... Ничто
Непрочно, кроме брата-супостата!
Что цепенеть? Пора уж, начинай!
На Тантала и Пелопса взгляни:
За образец возьми деянья их.
Какую казнь измыслить для злодея?

Телохранитель

Пусть вражий дух его исторгнет меч!

Атрей

Ты о конце лишь казни говоришь,
290 Я самой казни жажду. Кроткий царь
Пускай казнит. Желанна смерть в стране,
Где правил я.

Телохранитель

Ты презрел благочестье?

Атрей

Прочь благочестье, если в нашем доме
Оно бывало. Фурий грозный сонм,
Эринния и факелом двойным
Грозящая Мегера¹² пусть придут.
Громадное рождается в уме.
Чудовище.

Телохранитель

Что в бешенстве ты строишь?

Атрей

Что превзойдет обычной мести меру.
300 Всего мне мало, я дерзну на все.

Телохранитель

На меч?

Атрей

Пустяк.

Телохранитель

Огонь?

Атрей

И все мне мало.

Телохранитель

Какою ж гнев твой будет бить стрелой?

Атрей

Самим Тиэстом.

Телохранитель

Это свыше меры.

Атрей

Да, признаюсь. Кипит в моей груди
Какой-то вихрь! Я мчусь, куда не знаю,
Но мчусь. Чу! Застонала глубь земли,
Гремит гроза при ясном небе, дом
Трещит, готовый рухнуть, и пенаты
В смятение отвращаются. Свершится,
310 Свершится грех, перед которым вы
Дрожите, боги.

Телохранитель

Что ж готовишь ты?

Атрей

Не знаю, что вздымается в душе,
Противное обычаям людей.
Что предстоит рукам моим ленивым,
Не знаю сам. Но это будет нечто
Громадное. Так решено. Сверши,
Моя душа, злодейство, что достойно
Тиэста и Атрея! Оба брата
Участье примут в нем. Фракийский дом¹³
320 Был зрителем трапезы небывалой.
Ужасное злодейство, но оно
Уж предвосхищено. Найдет мой гнев
Побольше нечто. Мужество вдохни,
О, мать Давлийская¹⁴ с твоей сестрою!

Здесь тот же случай. Будь со мной и двигай
моей рукой.

Пускай отец на части
Детей любимых с жадностью терзает
И поедает собственные члены.

- 330 Прекрасно, превосходно. Этой казни
С меня вполне довольно. Но зачем
Атрей еще невинным пребывает?
Уже блуждает зрелище убийства
Пред взорами моими: сиротство
В устах отца... Душа, что вновь трепещешь
И отступаешь перед делом? Ну!
Смелее будь! Ведь главное нечестье
Свершил он сам.

Телохранитель

- Но хитростью какой
Тиэста ты заманишь в наши сети?
340 Вражду подозревает он во всех.

Атрей

Не взять бы нам его, когда бы он
Сам не стремился взять. Теперь мое
Надеется он царство получить.
Прельщен надеждой этою, пойдет
Он под грозу Юпитеровых молний,
В надежде этой он нырнет в пучину
Ливийского бушующего Сирта,
В надежде этой — что считает он
Ужаснейшей из бед — увидит брата!

Телохранитель

- 350 Но кто ему поручится за мир?
Кому поверит он в столь важном деле?

Атрей

Бесчестная надежда легковерна.
Но все же я моих детей с письмом
Отправлю к дяде. Предложу сменить
Блуждания в чужих краях и бедность
На царство и со мною наравне
Царить над Аргосом. А если просьбой
Пренебрежет Тиэст, его детей,
Незрелых, утомленных долгим горем

- 360 И легковерных, мы уговорим.

Со стороны одной — престол желанный,
С другой — суровый труд и нищета
Его смиряет, хоть он и закален
Бедами непрерывными.

Телохранитель

Но время

Ему могло невзгоды облегчить.

Атрей

Ты заблуждаешься; ведь чувство горя
Что день растет. Легко стерпеть беду,
Но тяжело претерпевать годами.

Телохранитель

370 Для мрачных замыслов твоих другие
Орудия найди. К другим советам
Охотно юноши склоняют слух.
Что учишь ты испробовать на дяде,
Они с отцом свершат, и на главу
Учителя вернется преступленье.

Атрей

Их все равно преступному коварству
Научит трон. Боишься, чтоб они
Не стали злы. Они родятся злыми.
Что ты зовешь суровым и жестоким,
380 Что кажется тебе нечестьем крайним,
Уже Тиэст, быть может, замышляет.

Телохранитель

Ты посвятишь детей в коварный план?

Атрей

К молчанию не склонен возраст юный,
Они свободно могут проболтаться:
Лишь горькими наученный бедами
Молчать умеет.

Телохранитель

Ты обманешь тех,
Кого избрал орудием обмана?

Атрей

Чтоб от греха они свободны были.

- Что за нужда замешивать детей
В мое злодейство? Сам исполню все...
390 Колеблешься, душа, и отступаешь,
Ведь если пощадишь своих детей,
То пощадишь и тех... Пусть Агамемнон
Узнает план коварный, и отцу
Поможет Менелай. Прекрасный случай
Проверить их происхождение. Если
Не захотят они войны с Тиэстом
И дядей назовут, он им — отец.
Идет... Но содроганье в лице
Нередко обнаруживает тайну...
400 Нет, пусть они не ведают, чему
Орудиями служат. Ты ж таи
Мой замысел.

Телохранитель

Об этом мог бы ты
Не говорить. Запрут в моей груди
Все слышанное мною страх и верность.
Но знай, что верность более, чем страх.

Хор

- Наконец, дом наш царственный —
Род Инаха старинного —
Братьев двух примирил вражду.
Что за ярость толкает вас
410 Кровь друг друга потоком лить
И злодействами скиптр стяжать?
Знайте, жадные до кремлей,
Где воистину царство есть:
Не богатство творит царя,
Не порфиры багряной блеск,
Не блестящий венец на лбу,
Не золоченые столбы.
Тот есть царь, кто оставил страх,
Кто не знает страстей в груди,
420 Кто презрел и тщеславие,
И толпы переменчивой
Неустойчивую любовь,
Все сокровища Запада,
Что несет в золотых волнах,
В светлом лоне текущий Таг,
Что на нивах своих растит
Опаленная Ливия.

- Тот, кого не приводит в страх
Искривленная молния,
430 Ни волнующий море Эвр,
Ни седой Адриатики
Ветром вспененные валы,
Тот, кого не смутит булат
И воинственное копье,
Кто, живя далеко от бурь,
С высоты озирает жизнь
И не жалуется на смерть.
Пусть собираются на него
Дагов¹⁵ странствующие цари
440 И властители берегов
Моря Красного, где, как кровь,
Рдеют в брызгах жемчужины,
Или те, кто Сарматам путь
Заграждают у Каспия,
Или те, кто дерзают вплавь
Бурный переходить Дунай,
И (везде, где они живут)
Серы, славные тканями.
Нет нужды у него в конях,
450 Ни в звенящем оружии,
Ни в тех стрелах, что издали
Мечет в бегстве коварный Парф,
Нет нужды в разрушительных
Стенобитных орудиях,
Далеко камни мечущих.
Царством добрый владеет ум,
Царь — кто страх превозмог в душе,
Царь — кто выше желаний стал:
Это царство доступно всем.
460 Честолюбец пускай стоит
На скользящем верху дворца.
Дорог сладостный мне покой:
Пусть, по темной идя стезе,
Наслажусь сладким отдыхом.
Неизвестная гражданам,
Тихо жизнь потечет моя.
И когда в тишине полей
Я мои скоротаю дни,
Пусть умру стариком простым.
470 Смерть страшна, тяжела тому,
Кто, чрезмерно известный всем,
Сам до смерти не знал себя.

Действие третье

Тиэст. Тантал. Плисфен. Третий сын (без речей).

Тиэст

Я вижу кровли родины желанной,
Дворец Аргосский, землю, о которой
В изгнание тосковал, богов отчизны
(Коль существуют боги) и циклопов
Святые башни¹⁶, красотой своей
Превосходящие создания смертных.
Ристалища я вижу, на которых
480 Не раз, не раз я юношей стяжал
Победный лавр на отчей колеснице.
Сейчас сюда стечется Аргос весь,
Народ любимый выйдет мне навстречу,
Придет Атрей... О, убеги в леса,
В глухие дебри, и среди зверей
Живи, как зверь. Сияние престола
Обманным блеском нам слепит глаза.
Смотря на дар, смотри и на того,
Кто падает. Давно ли среди условий,
490 Которые для всех невыносимы,
Я добр и весел был. Наоборот,
Теперь в груди проснулся старый
страх,
Колеблется душа, и хочет тело
Увлечь назад. Я движусь против воли.

Тантал

Что это значит? Отчего отец
Замедлил шаг и отвращает взоры?

Тиэст

Зачем колеблешься, моя душа,
И долго рассуждаешь в ясном деле?
С которых пор ты веру дал вещам
500 Сомнительнейшим: брату и престолу?
Боишься бед, которые давно
Преодолеи, которые уж дали
Хороший плод? Отраднo бедным быть,
Ступай назад, спасись, пока возможно.

Тантал

Зачем, отец, ты хочешь убежать,

Лишь только увидавши лик отчизны?
Зачем от стольких и неожиданных благ
Ты отвращаешься? Оставил гнев
Твой брат, опять растерзанного дома
510 Собрал куски и половину царства
Тебе дает, признав твои права.

Т и э с т

Причину страха хочешь знать, которой
Я сам не знаю. Нечего бояться,
Но я боюсь. Хочу итти вперед,
Но, ослабев, дрожат мои колени,
И прочь стремится неведомая сила.
Так, вопреки желанию гребца,
Ладью уносит бурное течение.

Т а н т а л

Преодолей препятствие. Подумай,
520 Какая ждет награда при возврате.
Отец, ты можешь царствовать!

Т и э с т

Да, раз

Я умереть могу.

Т а н т а л

Но власть прекрасна

Т и э с т

Ничуть, когда ты победишь желанья.

Т а н т а л

Оставишь детям...

Т и э с т

Царство не вместит

Нас двух.

Т а н т а л

Предпочитает быть

несчастливым,

Кто может стать счастливым?

Т и э с т

О, поверь:

Величие обманчиво нас манит,

- Напрасно жизнь суровая страшит.
 Когда я был поставлен высоко,
 530 Боялся я всегда и трепетал
 Пред собственным мечом. Как хорошо
 Не становиться поперек дороги
 Завистникам и, лежа на земле,
 Вкушать свой хлеб! Ведь в хижины
 простые
 Не входит преступленье, безопасен
 Обед на тесном столике, но яд
 Мы пьем из кубка золотого. Знаю
 По опыту. Нет, скромная судьба
 Завиднее и власти и почета.
 540 Смиранный дом не должен трепетать
 Перед дворцом, царящим на вершине.
 Слоновой костью кровля не блестит,
 Докучный сторож сон мой не тревожит,
 Не рыщу я за рыбой по морям,
 Не отгоняю я моря плотиной
 И данями народов не питаю
 Утробу ненасытную. Полей
 Нет у меня в земле парфян и гетов,
 Передо мной не курят фимиам,
 550 Лишь одному Юпитеру приличный,
 Никто не украшает мой алтарь.
 На крыше дома у меня леса
 Не шелестят, и не дают паров
 Озера разогретые, и день
 Я сну не отдаю, не посвящаю
 Ночей бессонных Вакху. Но зато
 Я не страшусь и в безоружном доме
 Вкушаю упоительный покой.
 Кто может жить без царства, тот великим
 560 Владеет царством.

Т а н т а л

Если бог дает
 Владычество, не следует его
 Ни отвергать, ни домогаться. Брат
 Тебя на царство просит.

Т и э с т

Просит? Верно
 здесь

Скрывается какая-нибудь хитрость.

Т а н т а л

Нередко благочестье торжествует,
И оживает в сердце с новой силой
Закон любви.

Т и э с т

Тиэста любит брат?

О, нет, скорей затопит звезды море,
У берегов Сицилии волна
570 Уляжется, колосья зажелтеют
На Ионийском море, луч сверкнет
Из ночи темной, раньше жизнь со смертью,
С водою пламень, с морем ветер вступит
В союз и договор.

Т а н т а л

Чего боишься?

Т и э с т

Всего. Где остановится мой страх?
Он может все, что ненависть внушает.

Т а н т а л

Что может сделать он с тобой?

Т и э с т

Не страшно

Мне за себя: вы делаете мне
Атрея страшным.

Т а н т а л

Ты подозреваешь

580 Обман?

Т и э с т

Когда стоишь середине зол,
Остерегаться поздно... Ну, идем!
Но я одно свидетельствую, дети:
Я следую за вами, не веду.

Т а н т а л

Пусть бог благословит твое решение.
Иди вперед уверенной стопой.

Атрей

- Попался зверь в расставленные сети:
Я вижу самого Тиэста рядом
С отродьем ненавистным. Месть моя
Уж обеспечена. Он весь теперь
590 В моих руках. Едва могу сдержать
Порывы необузданного гнева. <...>
Но надо скрыть. Смотри; как он угрюм,
Как волосы нечесаны и грязны,
Как борода растрепана. Но буду
Любезен с ним. — Я брата видеть рад,
Простри мне долгожданные объятия!
Да стихнет гнев. С сегодняшнего дня
Пускай царят любовь и благочестье,
А ненависть уйдет из наших душ.

Тиэст

- 610 Я мог бы оправдать себя во всем,
Когда б ты не был так великодушен.
Но признаюсь, да, признаюсь, Атрей:
Я все свершил, что ты предполагаешь,
И ты своей любовью преумножил
Мои грехи. Виновен вдвое тот,
Кто пред таким виновен добрым братом.
Слезам здесь место. В первый раз меня
Просителем ты видишь: до сих пор
Ничьих колен не трогал я руками.
620 Отложим гнев и гордость из души
Исторгнем вон. В заложники прими
Детей невинных.

Атрей

- Не касайся, брат,
Моих колен, приди в мои объятия,
А также вы, охрана стариков,
К груди моей, о юноши, прильните.
Брось, грязную одежду, пощади
Мои глаза, подобный моему
Надень убор и радостно владей
Твоею долей царства. Для меня
630 Нет более похвального деянья,
Чем брату возратить престол отцовский:
От случая зависит быть царем,
Но добродетель — царство дать другому.

Т и э с т

Пусть боги, брат, такую же ценой
Тебе оплатят. Нищете моей
Претит венец, и не прельщает скиптр
Несчастных рук. Позволь укрыться мне
Среди толпы.

А т р е й

Вместит нас царство двух.

Т и э с т

Все, что твое, и мне принадлежит.

А т р е й

640 Кто отвергает милости Фортуны?

Т и э с т

Кто знает, как легко они уходят.

А т р е й

Ты хочешь славе брата помешать?

Т и э с т

Уже стяжал ты славу, остается
Мне о моей подумать. Я решил
Отвергнуть трон.

А т р е й

И я его покину,
Когда нельзя с тобою разделить.

Т и э с т

Что ж! Я готов, принявши титул царский,
Тебе служить оружием и правом.

А т р е й

Укрась венцом почтенное чело,
650 А я пойду для жертвоприношенья.

Х о р

Кто поверит? Атрей свирепый, в гневе
Необузданный и неукротимый,
Цепенеет внезапно, видя брата.
Нет любви сильнее, чем любовь от сердца:
Распри между чужими бесконечны,
Неразрывны любви семейной узы.

- Вспыхнул гнев по причинам не ничтожным,
 Мир порвал, и запели грозно трубы,
 Легкой конницы зазвенели сбруи,
 660 Засверкал отовсюду меч булатный,
 Направляет удары разъяренный
 Марс, алкающий вечно свежей крови.
 Но смиряет железо и приводит
 Благочестье враждебных братьев к миру.<...>
 701 Все на свете непрочно. Вслед за горем
 Счастье следует, но короче счастье,
 Миг один, и упал с вершин успеха
 В глубь несчастья смертный. Кто сегодня
 Сам другим раздает царям короны,
 Перед кем преклоняются народы.<...>
 710 В страхе держит свой скиптр, боясь

всесильной

Власти случая и времен теченья.
 Вы, кому властелин земли и моря
 Право страшное дал над жизнью

смертных,

Отложите надменность. Чем грозите
 Вы ничтожным в сравнение с вами

людям,

Этим самым грозит вам тот, кто выше.
 Ведь над каждым царем царит

сильнейший,

- Тот, кого на восходе видел гордым,
 Видит день убегающий во прахе.
 720 Пусть чрезмерно никто не верит

счастью,

Не теряет надежды в горе. Клото¹⁷
 Все мешает и не дает покоя
 Колесу быстробежному Фортуны.
 Кто настолько богами избалован,
 Чтобы в завтрашнем дне мог быть

уверен?

Бог смешает деянья наши в быстром
 Вихревращенье.

Действие четвертое

Вестник, хор.

Вестник

О, если б ураган умчал меня,
 Окутав черной тучей, чтоб не видеть

730 Ужасный грех! О, дом преступный! Даже
Для Тантала и Пелопса постыдный!

Хор

Что нового приносишь.

Вестник

Где мы? где мы?

Здесь Аргос ли, хранящий свято память
Великих братьев¹⁸, и Коринф, меж двух
Морей лежащий, или дикий Истр,
На чьих волнах господствуют аланы?
Гирканская ль земля под вечным снегом,
Иль степи, где кочует дикий скиф?
Где мыслимо такое преступленье?

Хор

740 Во всяком случае открой беду.

Вестник

Сначала дай мне дух перевести,
Расправить члены, скованные страхом.
Еще стоит свирепая картина
В моих глазах. Неистовые бури,
Умчите прочь меня, где скрылся
Похищенный отсюда день!

Хор

Ты держишь

В тяжелой неизвестности меня.
Поведай все, скажи, кто виноват.
Не спрашиваю — кто, но кто из двух,
750 Скорей скажи.

Вестник

В дворце Атрея грозном

Есть башня, обращенная на полдень.
Она растет, подобная горе,
И давит город, вечно угрожая
Строптивым гражданам. Там есть приемный
Обширный зал, золоченые своды
Колонны подпирают расписные.
Доступен он для черни, но за ним
Скрываются таинственные залы:
Там древнее святилище царей,
760 И в глубине темнеет лес старинный.

Уж много лет железо не касалось
Его ветвей печальных. Кипарисы
Чернеют там, как тени гробовые,
И падубы, и тисы шелестят,
И, надо всеми высоко вознесен,
Могучий дуб господствует над рощей.
Сюда гадать приходят Танталиды¹⁹,
Вступая на престол. Здесь в трудном
деле

- Они приходят помощи искать.
- 770 К ветвям дары прибиты: много труб,
Обломки колесницы Эномая,
С испорченною осью колесо, —
И моря Мйртила добыча вся.
Здесь Пёлопса фригийская тиара,
Там — варваров поработенных дань —
Хламида пестрая²⁰. Под тенью дуба
Ручей течет унылый, превращаясь
В болото черное. Его вода
Подобна стихсовой волне залятой.
- 780 Идет молва, что здесь глухою ночью
Подъемлется богов загробных стон,
Всю рощу оглашает звон цепей,
И воют тени мертвых. Видят здесь,
О чем и слышать страшно. Сонм теней
Блуждает здесь, несутся в пляске дикой
Невиданные чудища; огни
В лесу мерцают, и стволы деревьев
Стоят в огне, никем не зажжены;
И будит эхо троекратный лай,
- 790 Здесь даже день не прогоняет страха,
Здесь ночь всегда, и ужас привидений
Царит средь бела дня. Просящим здесь
На все даются верные ответы.
Пророческий исходит глас из бездны
С ужасным громом, и гудит пещера
В ответ на голос бога. В эту рощу
Вошел Атрей неистовый, таща
Трех отроков, и алтари украсил.
О, где найду достойные слова?
Он за спину им связывает руки
- 800 И украшает пурпуром чело.
На месте все: и фиммиам, и Вакха
Святая влага, и с мукой соленой
Священный нож. Он соблюдает все,

Стараясь, чтоб свершилось по уставу
Его злодейство.

Хор

Кто ж берет железо?

Вестник

Он сам — жрецом, он сам мольбу

возносит

- И песню погребальную поет.
Он сам становится у алтаря,
810 Касается рукою обреченных,
Отводит им места и приближает
К железу, сам готовясь поразить.
Нет упущений в жертвенном обряде.
Трепещет лес, земля потрясена,
Колеблется дворец, как бы не зная,
Куда упасть, подобный кораблю
Средь бурных волн, а с левой стороны
Скользит звезда, след оставляя черный,
И на огонь возлитое вино
820 Стекает вниз струею темной крови.
С главы царя три раза пал венец,
Заплакали во храмах изваянья.
Всех знаменья смутили, но один
Атрей стоит недвижно, устрашая
Богов, ему грозящих. Переждав,
Он к алтарю подходит с диким взором,
Как бродит тигр голодный в чащах

Ганга

- Меж двух быков, и жадный до обоих,
Колеблется, с которого начать,
830 И пасть, то к одному, то ко другому,
Оскалив зубы, приближает, так
Атрей ужасный пожирает взглядом
Двух отроков, на жертву обреченных,
В сомнении, кого зарезать первым,
Кого вторым убийством поразить.
Не важно это, — все же он в сомненье,
Желая все в порядке совершить.

Хор

Кого же первым поражает он?

Вестник

Сначала, чтоб не заподозрил кто

840 В Атрее недостаток благочестья,
Он деда почитает. Юный Тантал
Был первой жертвой.

Х о р

Как? С каким лицом
Он перенес насильственную смерть?

В е с т н и к

Спокойно он стоял и не унижил
Себя до просьб напрасных. Кровожадный
Глубоко в горло меч ему вонзил.
Сначала труп как будто колебался,
Куда упасть, направо иль налево,
И, наконец, на дядю рухнул. Тот
850 Плисфена вслед за братом к алтарю
Влечет и, шею поразив железом,
Отрезывает голову от плеч,
И туловище падает на землю,
А голова скатившаяся шепчет
Невнятные слова.

Х о р

Что было дальше?
Он мальчика, быть может, пощадил?

В е с т н и к

Как царь лесов Армении, свирепый
Золотогривый лев терзает стадо
И, обагривши пасть и утоля
860 Свой голод, с каждым мигом свирепеет
И маленьким, беспомощным бычкам
Усталыми зубами угрожает, —
Так и Атрей все больше пышет гневом
И, позабыв, кто перед ним стоит,
Мечом, окровавленным кровью двух,
Насквозь пронзает тело, так что меч
Вонзенный в грудь, выходит через спину.
Ребенок падает, своею кровью
Горя огонь алтарный, и от двух
870 Тяжелых ран мгновенно умирает.

Х о р

Жестокое злодейство.

Вестник

Вы дрожите?

О, если б грех остановился здесь,
Он был благочестив.

Хор

Но что в природе

Ужасней есть?

Вестник

Вы думаете, это

Конец греха? Нет, первая ступень.

Хор

Чего же больше? Он, быть может, бросил
Тела на растерзанье диким птицам?

Вестник

О, если б он лишил их погребенья!

О, если б не покрыла их земля!

880 О, если б их отдал он в пищу птицам

И на съеденье яростным зверям!

Желанна казнь обычная. О, если б

Непогребенными отец их видел!

О, ни в каком немыслимое веке

Злодейство, верить коему потомки

Откажутся! Еще трепещут жилы,

И, вынутое из живой груди,

Попрыгивает сердце. Он гладит,

Испытывает внутренности, хочет

890 Прочсть по ним грядущую судьбу

И, получив ответ благоприятный,

Спокойно отдается на свободе

Трапезе брата. Рассекает сам

На части тело. Он перерубает

Предплечия и руки прочь бросает.

Со всех костей соскабливает мясо,

Оставив только головы и руки.

Одни куски висят на вертелах,

Сочась на медленном огне, другие

900 Бросает он в кипящие котлы,

И стонет медь. Не хочет сам огонь

Коснуться тел, едва мерцает пламя,

Как будто разгораясь против воли.

На вертеле потрескивает печень...

- И не легко сказать, тела ли стонут,
Или огонь, струящий черный дым.
И самый дым, как облако, тяжелый,
Не хочет взвиться вверх, но по земле
Угрюмо стелется, окутав тучей
910 Самих пенатов, зрителей греха.
О терпеливый Феб! Зачем в зените
Ты не умчался вспять! Зачем замедлил
Затмением? Отец детей терзает
И пожирает собственные члены;
Его глава отягчена вином,
И волосы блестят от умашений,
Нередко останавливалась в глотке
Еда... Тиэст, одна в беде твоей
Отрада есть: что ты ее не знаешь.
920 Но это не надолго. Пусть Титан²¹
Помчался вспять и ночь среди полудня
Покрыла мраком черное злодейство, —
Его должны увидеть скоро все.

Х о р

- Куда, о отец земли и небес,
С явлением которого темная ночь
Уходит, куда обращаешь свой путь
И в полдень уводишь сияющий день?
О Феб, для чего ты скрываешь лучи?
Еще далеко до вечерней звезды
930 И рано тебе утомленных распрячь
Коней колесницы твоей золотой.
Еще не склоняется к Западу день,
И третья еще не пропела труба,
И пахарь дивится, что ужин пришел,
И время уже отрешить от ярма
Не успевших устать прилежных коней.
Что гонит тебя с лучезарных небес?
Какая беда
Заставляет коней уклониться с пути? <...>
965 И предчувствие страшное встало в душе.
Не настал ли для мира конец роковой,
Не разрушится ль все, — и богов, и людей
Поглотит опять безобразный хаос,
И море, и сушу, и звездную твердь
970 Смешавши навек?
Владыка времен, предводитель светил,
Не будет весну приводить за зимой,

Не будет во сретенье Фебу Луна
На небо всплывать и рассеивать страх,
Скорее, чем брат²², совершая свой круг.

Сольются в одной
Зияющей бездне сонмы богов²³.
И сам Зодиак, выводящий года,
Секущий зоны косою стезей,
980 Падет и увидит падение звезд. <...>

1005 О, бедные мы! Изо всех людей
Назначены мы, чтоб нас раздавил
Разрушенный мир!
Неужели мы узрим света конец?
О, жребий жестокий наш, все равно
1010 Само ли солнце уходит, иль мы
Прогнали его грехом:
Довольно уж жалоб! Рассейся, страх!
Тот слишком до жизни жаден, кто
Боится смерти, хоть гибнет весь мир.

Действие пятое

Атрей, Тиэст.

Атрей

Вот я иду с звездами наравне,
Взнесен в зенит главою горделивой.
В моих руках и царство, и престол,
Я наконец достиг венца желаний:
Довольно мести даже для меня!..
1020 Довольно? Нет! Могилами детей
Отца насыщу! Чтоб не вспыхнул стыд,
Уходит день: покуда небо праздно,
Спеши, Атрей! Но если бы я мог,
Вернувши вспять умчавшихся богов,
В свидетели отмстительного пира
Привлечь их всех! Но и отца довольно.
Я солнцу вопреки рассею мрак,
Скрывающий несчастье твое.
Уж слишком долго гость мой возлежит
1030 С лицом веселым. Будет сладких блюд!
Довольно Вакха! Трезвый нужен нам
Теперь Тиэст! Рабы, раскройте двери,
Пусть предстанет праздничный чертог!
Я прослежу, как он при виде милых

- Голов детей изменится в лице.
Какие первый жгучий приступ скорби
Слова исторгнет, как, прервав дыхание,
Застынет он... Вот плод моих трудов:
Хочу я не несчастным его видеть,
1040 Но нарастанье скорби наблюдать!
Чертог раскрыт и весь горит огнями.
Он возлежит на пурпуре и злате,
Упавши навзничь, на руку склонясь
Главой, дарами Вакха отягченной.
Уж рвет его. Я — выше всех богов,
Я — царь царей! Превзойдены желанья.
Он сыт, и из серебряного кубка
Вино по капле тянет. Не жалея!
Еще осталась кровь обильных жертв,
1050 Ее багрянец древнего вина
Сокроет... Этим кубком кончен пир.
Пусть пьет отец детей любимых кровь,
Ведь пил бы он мою... Чу! Он запел
Застольный гимн, рассудком не владея.

Т и э с т

- О, сердце, от долгих уставшее бед,
Заботы тревожные прочь прогони!
Пусть скорбь убежит и страх убежит!
Печальная бедность, изгнания друг,
Пускай убежит, а с ней и позор.
1060 Смотри, не откуда упал, а куда:
Великое дело — с вершины скользнув,
Устойчивой стать на равнине стопой.
Великое дело — под игом невзгод
Разбитого царства рухнувший груз
Нести на плечах и шею не гнуть,
А прямо стоять под ударами зол.
Пришла уж пора: прогони облака
Свирепого Рока, печальных времен
Следы замети; здесь горю не место.
1070 Пусть радостью будет твой лик озарен,
Душа, позабудь про былого Тиэста.
Обычно таков несчастных удел,
Веселью не верят они никогда,
И напрасно Фортуны вернулись дары,
Страдальцу отвычная радость претит.
Зачем ты зовешь? Зачем не даешь
Отпраздновать праздничный день мой?

Зачем

Мне плакать велишь, неизвестно отколь
Без всякой причины возникшая скорбь?

1080 О, кто мне мешает свежим венком
Чело увенчать? Не дает, не дает...

Весенние розы упали с чела.

Власы, умашенные миром густым,
От страха внезапного встали, и пот,
Как дождь, невольно бежит по щекам,
И стон прерывает начатую речь,
Привычные слезы любит печаль,
Несчастливым рыдания сладки всегда.

Я в жалобах весь готов изойти

1090 И пурпуром Тирским насыщенный
плащ

Готов разорвать... Мне мило стонать...

Уж видит грядущего горя черты

Мой ум — провозвестник близкой беды,

Свирепая буря грозит морякам,

Когда закипают без ветра валы.

Каких же ненастий, каких же тревог

Боишься, безумец? С доверием грудь

Пред братом открой, чтоб ни было там,

Твой страх запоздал, и причин ему нет.

1100 Пускай не хочу, но смутный в душе

Блуждает ужас, внезапно из глаз

Вырываются слезы. Зачем? Почему?

Это скорбь или страх? Иль блаженство
всегда

Орошает слеза?

А трей, Тиэст.

А трей

Отпразднуем в согласии взаимном

Сей день. Пускай он укрепит мой скиптр

И будет мира прочного залогом.

Тиэст

Насыщен я и яствами, и Вакхом

Теперь мне будет верхом наслажденья

1110 С детьми моими радость разделить.

А трей

Поверь, они в объятиях отца,

Они здесь есть и будут, и никто

Не убежит. Проси, что хочешь, дам,
Всего отца толпой детей наполню.
Ты будешь сыт, не бойся. А теперь
Они с детьми моими за столом.
Я кликну их. Наш кубок родовой
Возьми теперь.

Т и э с т

- Беру трапезы брата
Прекрасный дар. Сперва богам отцов
1120 Мы возольем, потом осушим чашу.
Но что это? Не слушаются руки
И с каждым мигом кубок тяжелей.
У самых губ вино бежит назад,
Течет вкруг рта, мои уста минуя,
И пляшет пол на дрогнувшем полу.
Огонь едва мерцает... Самый воздух
Оцепенел меж ночью и меж днем.
Что это? Потрясен, готов упасть
Небесный свод, туман сгустился черный,
1130 И ночь одна в другую скрылась ночь.
Померкли звезды. Ужас безымянный,
Моих детей и брата пощади!
Пусть на мою презренную главу
Падет удар. Отдай же мне детей!

А т р е й

Отдам, и уж никто их не отымет.

Т и э с т

- О, что волнует внутренность мою?
Что дрогнуло во мне? Там кто-то страждет,
И грудь моя чужим стenanьем стонет.
Придите, дети! Вас зовет отец.
1140 Придите! Вас увижу и, как дым,
Рассеются смятение и горе.
Чу! Шопот их!

А т р е й

Отец, открой объятия,
Они пришли... Не узнаешь детей?

Т и э с т (*Узнавая головы детей*)

Я брата узнаю! И этот грех
Потерпишь ты, владычица Земля?
Зачем волною Стикса преисподней

- Ты не затопишь нас? Не увлечешь
В пустой хаос все царство и царя?
Зачем не потрясешь основы зданий,
1150 В развалины не обратишь Микены?
Уже пора, пора обоим нам
Стать возле Тантала. Разверзни грудь
И ниже место, где стонут наши предки,
В чернеющие пропасти свои
Навеки закопай и погребви
Под мутными волнами Ахеронта.
Пусть вечно тени грешные блуждают
Над нашей головой, и Флегетон
Крутит пески и огненные волны.
1160 Земля, Земля! Бездейственную глыбой
Застыла ты, и больше нет богов!

А т р е й

Прими ж скорее деток долгожданных —
Не задержал их брат. Упейся ими,
Целуй, раскрой объятия троим.

Т и э с т

- А договор? А милость, верность брата?
Так так-то ты забыл свою вражду?
Уже отец живых детей не просит,
И ненависть твоя, и преступленье
Останутся с тобой. Прошу тебя,
1170 Как брата брат: отдай похоронить
Детей. Отдай, и на твоих глазах
Пожрет тела их пламень погребальный.
Увы! Отец их просит не для жизни,
А для того, чтоб потерять навек.

А т р е й

Все, что осталось от детей твоих —
С тобой, с тобой же — то, что не осталось.

Т и э с т

Готовишь ли их в пищу диким птицам,
Иль лютый зверь терзает их тела?

А т р е й

Ты сам пожрал их в пире нечестивом.

Т и э с т

- 1180 Так вот на что взглянуть стыдились боги

- И вспять бежал оторопевший день?
Какие вопли я издам, несчастный,
И где найду слова? Я вижу, вижу
Отрубленные головы и руки
И раздробленных голеней следы —
Все что отец оставил ненасытный,
Внутри меня утробы их крутятся,
И, запертые, просятся на свет.
Подай мне меч, уже на нем моей
1190 Так много крови, я железом путь
Открою детям. Не даешь меча?
Тогда я выбью их из этой груди
Ударом кулака!.. Останови,
Несчастный, руку, пощади их тени!
О, кто видал нечестие такое?
Ни жители суровых скал Кавказа
И не Прокруст²⁴ — Кекроповой земли
Гроза и бич. Отец — давлению детей,
Они меня. Где мера преступленья?

А т р е й

- 1200 Есть мера преступленью, но для мести
Пределов нет. И этого мне мало.
Я должен был прижать твои уста
К их свежим ранам, чтоб живых детей
Ты выпил кровь. Поторопился
В чрезмерном гневе. Раны я нанес
Железом, заколол у алтаря.
Умилостивил жертвою пенатов
И, члены отрубив у мертвых тел,
Их растерзал на мелкие куски.
1210 Одни из них в кипящие котлы
Я погрузил, другим же дал сочиться
На медленном огне. Я у живых
Отрезал сочленения и жилы,
Я видел, как на вертеле трепещут
Их мускулы, и собственной рукой
Приблизил их к огню. Все б это мог
Отец с успехом сделать. Дал я промах,
Он грыз детей, не зная, как не знали
Того и дети.

Т и э с т

Сжатые скалами

- 1220 Моря, внимлите! И куда бы вы

- От этих мест ни убежали, боги,
Внемлите! Преисподняя, внемли!
Внемлите, земли! Черная, внемли,
Ночь Тартара беззвездная! Одна
Несчастливого ты видишь. Я к тебе
Не обращаю молитвы нечестивой.
Не за себя прошу. Что мне осталось?
Для вас самих звучат мои мольбы.
Ты, царь небес, воздушного дворца
1230 Могучий властелин, окутай мир
Покровом туч, ветров войнолюбивых
Собравши рати, яростно греми!
Рази не тем огнем, что поражает
Дома невинных смертных, но рази
Перунами, от ярости которых
Трехглавая обрушилась громада
И исполины, равные горам.
Отмсти за день, покинувший природу,
И солнца свет, украденный у неба,
1240 Наполни молниями. Не колеблясь,
Обоих нас карай, иль одного
Меня рази, и пламенным перуном
Испепели мне грудь. Коль я хочу
Детей предать огню и погребенью,
Я должен быть сожжен. Когда ж ничто
Не трогает небесных и ничья
Стрела не настигает нечестивых,
Пусть вечная пребудет ночь и мраком
Безмерное покроет преступленье.
1250 Я ни на что не жалуюсь, о, Солнце,
Упорное в затмении своем!

А т р е й

Теперь себя не грех и похвалить.
Я победил! Какой в злодействе прок,
Когда б страдал ты менее? Теперь
Мне кажется, что дети у меня
Родились вновь, и мне возвращено
Изменой незапятнанное ложе.

Т и э с т

Чем дети виноваты?

А т р е й

Тем, что были

Они твои.

Ти эст

Отца лишить детей?

Атрей

1260 Ну да, отца, при этом без сомненья
Его детей.

Ти эст

В свидетели зову
Богов, хранителей семейных прав!

Атрей

Как ты сказал? Богов, блюдущих браки?

Ти эст

Кто мстит за преступленье преступленьем.

Атрей

О, знаю я, на что ты ропщешь. Нет,
Не пир кошунственный тебя тревожит,
А то, что я твой план предупредил:
Намерение было у тебя
Такую ж пищу мне преподнести
1270 И, с матерью на сыновей напав,
Зарезать их. Одно помехой было:
Ты их считал своими.

Ти эст

Я в мольбах
Тебя богам отмстителям вручаю.

Атрей

Тебя казнить твоим вверяю детям.

НРАВСТВЕННЫЕ ПИСЬМА К ЛУЦИЛИЮ¹

Перевод С. Ошерова

Письмо I

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Так и поступай, мой Луцилий! Отвоюй себя для себя самого, береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали или крали, которое зря проходило. Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени

у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядись-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую — на безделье, и всю жизнь — не на те дела, что нужно. (2) Укажешь ли ты мне такого, кто ценил бы время, кто знал бы, чего стоит день, кто понимал бы, что умирает с каждым часом? В том-то и беда наша, что смерть мы видим впереди; а большая часть ее у нас за плечами, — ведь сколько лет жизни минуло, все принадлежит смерти. Поступай же так, мой Луцилий, как ты мне пишешь: не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшний день — меньше будешь зависеть от завтрашнего. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится. (3) Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владение природа. <...>

Письмо 9

<...> (6) Ты спросишь, как можно быстро приобрести чью-нибудь дружбу <...> Гекатон² говорит: «Я укажу приворотное средство без всяких снадобий, без трав, без заклинаний знахарки. Если хочешь, чтобы тебя любили, — люби» <...>

(8) Но вернемся к нашему предмету. Пусть мудрому никто, кроме него самого, не нужен, он все-таки желает иметь друга, хотя бы ради деятельной дружбы, чтобы не оставалась праздною столь великая добродетель, и не ради того, чтобы, как говорит Эпикур <...> «было кому ухаживать за ним в болезни, помогать в оковах или в нужде», но чтобы самому было за кем ухаживать в болезни, кого вызволять из-под вражеской стражи. Плохи мысли того, кто подружился, видя лишь самого себя; как он начал, так и кончит. Кто завел друга, чтобы тот выручал из цепей, тот покинет его, едва загремят оковы. (9) Таковы дружеские союзы, которые народ называет временными. С кем мы сошлись ради пользы, мил нам, лишь покуда полезен. Вот почему вокруг того, чьи дела процветают, — толпа друзей, а вокруг потерпевших крушение — пустыня. Друзья бегут оттуда, где испытывается дружба. Вот почему видим мы так много постыдных примеров, когда одни из страха бросают друзей, другие из страха предадут их. Каково начало, таков конец, иначе

и быть не может. Кто подружился ради выгоды, тому будет дорога награда за измену дружбе, коль скоро и в ней было дорого ему что-нибудь, кроме него самого. (10) Для чего приобретаю я друга? Чтобы было за кого умереть, за кем пойти в изгнание, за чью жизнь бороться и отдать жизнь. А дружба, о которой ты пишешь, та, что заключается ради корысти и смотрит, что можно выгадать, — это не дружба, а сделка.

Письмо 47

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Я с радостью узнаю от приезжающих из твоих мест, что ты обходишься со своими рабами, как с близкими. Так и подобает при твоём уме и образованности. Они рабы? Нет, люди. Они рабы? Нет, твои соседи по дому. Они рабы? Нет, твои смиренные друзья. Они рабы? Нет, твои товарищи по рабству, если ты вспомнишь, что и над тобой, и над ними одинакова власть фортуны.

(2) Мне смешны те, кто гнушается сесть за стол с рабом — и почему? Только потому, что спесивая привычка окружила обедающего хозяина толпой стоящих рабов! Он ест больше, чем может, в непомерной жадности отягощает раздутый живот, до того отвыкший от своего дела, что ему труднее освободиться от еды, чем вместить ее. (3) А несчастным рабам нельзя раскрыть рот, даже чтобы сказать слово. Розга укрощает малейший шопот, даже случайно кашлянувший, чихнувший, икнувший не избавлен от порки: страданием искупается малейшее нарушение тишины. Так и простаивают они целыми ночами, молча и не евши. (4) Из-за этого и говорят о хозяевах те, кому при хозяевах говорить запрещается. Зато другие, кому можно перемолвиться словом не только при хозяине, но и с ним самим, кому не затыкали рта, готовы бывали за хозяина подставить голову под меч, принять на себя близкую опасность. За столом они говорили, под пыткой молчали³.

(5) Часто повторяют бесстыдную пословицу: «Сколько рабов, столько врагов». Они нам не враги — мы сами делаем их врагами. Я не говорю о жестокости и бесчеловечности, — но мы и так обращаемся с ними не как с людьми, а как со скотами. Мы возлежим за столом, а из них один подтирает плевки, дру-

гой, согнувшись, собирает оброненные пьяными объедки, (6) третий разрезает дорогую птицу и уверенными движениями умелых рук членит на доли то грудку, то гузку. Несчастен живущий только ради того, чтобы по правилам резать откормленную птицу, но тот, кто обучает этому ради собственного удовольствия, более жалок, чем обучающийся по необходимости. (7) А этот — виночерпий в женском уборе — воюет с возрастом, не имеет права выйти из отрочества, снова в него загоняемый; годный уже в солдаты, он гладок, так как стирает все волоски пемзой или вовсе выщипывает их <...> (8) А тот несчастный, назначенный цензором над гостями, стоит и высматривает, кто лестью и невоздержностью в речах или в еде заслужит приглашения на завтра. Вспомни о тех, на ком лежит закупка снеди, кто до тонкости знает хозяйский вкус: какая еда раздражит его запахом, какая понравится на вид, какая своей новизной пробудит убитый тошнотой голод, на что он, пресытившись, не может смотреть и чего ему сегодня хочется. И с ними он не в силах пообедать, считая, что унизит свое величие, если сядет за стол с рабом. <...>

(10) Изволь-ка подумать: разве он, кого ты зовешь своим рабом, не родился от того же семени, не ходит под тем же небом, не дышит, как ты, не живет, как ты, не умирает, как ты? Равным образом и ты мог бы видеть его свободнорожденным, и он тебя рабом. Когда разбит был Вар⁴, фортуна унизила многих блестящих по рождению, готовых через военную службу войти в сенат: одних она сделала пастухами, других — сторожами при хижинах. Вот и презирай человека того состояния, в которое ты сам, покуда презираешь его, можешь перейти. (11) Я не хочу заниматься этим чересчур обширным предметом и рассуждать насчет обращения с рабами, с которыми мы так надменны, жестоки и сварливы. Но вот общая суть моих советов: обходись со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобою обходились стоящие выше. Вспомни, как много власти дано тебе над рабом, вспомни, что столько же власти над тобою у твоего господина. (13) Будь милосерден с рабом, будь приветлив, допусти его к себе и собеседником, и советчиком, и сотрапезником. — Тут и закричат мне все наши привередники: «Да ведь это самое унижительное, самое позорное!». — А я тут же поймаю их с поличным, когда они

целуют руку чужому рабу. (14) И разве вы не видите, как наши предки старались избавить хозяев — от ненависти, рабов — от поношения? Хозяина они называли «отцом семейства», рабов (это до сих пор удержалось в мимах) — домочадцами. Ими был установлен праздничный день⁵ — не единственный, когда хозяева садились за стол с рабами, но такой, что садились непременно, и еще оказывали им в доме всякие почести, позволяли судить да рядить, объявляя дом маленькой республикой. — (15) «Что же, надо допустить всех моих рабов к столу?» — Нет, так же как не всех свободных. Но ты ошибаешься, полагая, будто я отправлю некоторых прочь за то, что они заняты грязными работами: этот, мол, погонщик мулов, а тот пасет коров. Знай: не по занятию, а по нравам буду я их ценить. Нравы каждый создает себе сам, к занятию представляет случай. Одни пусть обедают с тобой, потому что достойны, другие — затем, чтобы стать достойными. <...> (16) <...> Глуп тот, кто покупая коня, смотрит только на узду и попону, еще глупее тот, кто ценит человека по платью или по положению, которое тоже лишь облекает нас, как платье. (17) Он раб! Но, быть может, душою он свободный. Он раб! Но чем это ему вредит? Покажи мне, кто не раб. Один в рабстве у похоти, другой — у скупости, третий — у честолюбия и все — у страха. Я назову консуляра⁶ — раба старухи и богача — раба служанки, покажу самых родовитых юношей в услужении у пантомимов. Нет рабства позорнее добровольного. Так что нечего нашим слишком разборчивым гордецам запугивать тебя. Будь с рабами приветлив, покажи себя высоким без высокомерия: пусть они лучше чтят тебя, чем боятся. <...>

Примечания

Тизст

¹ Суровый судия — Минос, судья в подземном царстве. ² Пена — боги — хранители домашнего очага. ³ Фракийское нечестие — по преданию, фракийская царица Прокна убила сына и мясом его накормила своего мужа Терей. ⁴ По мифу, Тантал убил своего сына Пелопса и пытался накормить его мясом богов. ⁵ Флегетон — река в подземном царстве. ⁶ Истм — Коринфский перешеек между Ионийским и Эгейским морями. ⁷ Форонид — река в Аргосе. ⁸ Тайгет — гора на Пелопоннесе. ⁹ Сарматские страны — здесь: северные земли. ¹⁰ Алфей — река на Пелопоннесе, на берегу которой находилась Олимпия, где проходили олимпийские игры. ¹¹ Символом свя-

щенной власти считался у греков и римлян золоторунный баран (см. стихи 265—278). ¹² *Мегера* — одна из эриний, олицетворявших гнев и ненависть. ¹³ См. прим. 3. ¹⁴ *Мать Давлийская* — Прокна. ¹⁵ *Даги* — скифское племя. ¹⁶ Стены микенского акрополя, по преданию, были сложены из огромных камней циклопами. ¹⁷ *Клото* — одна из парок, богинь судьбы. ¹⁸ Имеются в виду Кастор и Поллукс (Полидевк). ¹⁹ *Танталиды* — потомки Тантала. ²⁰ По преданию, Пелопс, сын Тантала, чтобы одержать победу в состязании на колесницах с царем Эномаем и жениться на его дочери Гипподамии, обещал богатые дары царскому вознице Миртилу за то, чтобы тот испортил колесницу Эномая. В результате Пелопс победил Эномая и женился на Гипподамии. Но, чтобы не платить Миртилу обещанную награду, Пелопс столкнул его в море. Миртил проклял Пелопса и весь его род. Море же стало называться Миртойским. ²¹ *Титан* — здесь: Солнце. ²² *Брат* — здесь: Феб. ²³ *Сонмы богов* — звезды. ²⁴ *Прокруст* — легендарный разбойник. Свои жертвы он укладывал на ложе; если рост их был больше этого ложа, он отрубал им ноги, если меньше — вытягивал их.

Нравственные письма к Луцилию

¹ *Луцилий* — друг Сенеки. *Гекатон* — греческий философ-стоик (II—I в. до н. э.). ³ Рабов в Риме допрашивали под пыткой. ⁴ Квинтилий Вар, римский консул, в 9 г. н. э. был разбит германцами в Тевтобургском лесу и покончил жизнь самоубийством. ⁵ *Праздничный день* — сатурналии. ⁶ *Консуляр* — бывший консул, здесь: знатный римлянин.

ГАЙ ПЕТРОНИЙ АРБИТР

(ум. в 65 г. н. э.)

Роман «Книга сатир» («Сатирикон»), состоявший, как полагают из 20 книг, приписывается Гаю Петронию Арбиту. Автора этого романа обычно отождествляют с римским аристократом, приближенным Нерона, по требованию тирана покончившим жизнь самоубийством после раскрытия заговора Пизона.

Судя по отрывкам, «Сатирикон» представлял собой авантюрно-бытовой роман, сюжет которого, по-видимому, пародировал традиционную сюжетную схему эллинистического романа (преследование героя оскорбленным им божеством).

Герой романа — Энколпий, бродяга и жулик, странствующий вместе с мальчиком Гитоном и своим приятелем и соперником Аскилтом по итальянским городам. Они попадают случайно на пир к богатейшему вольноотпущеннику Трималхиону. Описание этого пира и гостей Трималхиона занимает центральное место в сохранившейся части романа, показывая великолепную картину быта богатых вольноотпущенников, ставившихся к этому времени важной социальной силой Римской империи.

Языковая характеристика, индивидуализирующая речь персонажей, черты народного языка углубляют реалистический колорит романа Петрония.

Переводы:

Петроний. Сатирикон. М., 1924.

Античный роман (Библиотека всемирной литературы). М., 1969.

Отрывки в «Антологии» приводятся по последнему изданию.

САТИРИКОН

Перевод Б. Ярхо

Настал третий день, день долгожданного свободного пира, но нам, получившим столько ран, более улыбалось бегство, чем покойное житье.

Итак, мы мрачно раздумывали, как бы нам отвратить надвигающуюся грозу, как вдруг один из рабов Агамемнона испугал нас окриком.

— Как, — говорил он, — разве вы не знаете, у кого сегодня пируют? У Трималхиона, изящнейшего из смертных; в триклинии у него стоят часы, и к ним приставлен особый трубач, возвещающий сколько часов жизни безвозвратно потерял хозяин.

Позабыв все невзгоды, мы тщательно оделись и велели Гитону, который охотно согласился выдать себя за нашего раба, следовать за нами в бани.

27. Одетые, разгуливали мы по баням — просто так, для своего удовольствия, — подходя к кружкам играющих, как вдруг увидели лысого старика в красной тунике, игравшего в мяч с кудрявыми мальчиками. Нас привлекли не столько мальчики, — хотя и на них стоило посмотреть, — сколько сам почтенный муж в сандалиях, игравший зелеными мячами: мяч, коснувшийся земли, больше не поднимали, а свой запас игроки возобновляли из полной сумки, которую держал раб. Мы заметили одно новшество. По обеим сторонам круга стояли два евнуха: один из них держал серебряный ночной горшок, другой считал мячи, но не те, которыми во время игры перебрасывались из рук в руки, а те, что падали наземь. Пока мы удивлялись этим роскошным прихотям, к нам подбежал Менелай.

— Вот тот, у кого вы сегодня обедаете, а вступлением к пиршеству уже сейчас любуетесь.

Еще во время речи Менелая Трималхион прищелкнул пальцами. По этому знаку один из евнухов подал ему горшок. Освободив свой пузырь, Трималхион потребовал воды для рук и, слегка смочив пальцы, вытер их о волосы одного из мальчиков.

28. Долго было бы рассказывать все подробности. Словом, мы отправились в баню и, пропотев как следует, поскорее перешли в холодное отделение. Там надушенного Трималхиона уже вытирали, но не полотном, а простынями из мягчайшей шерсти. Три массажиста пили у него на глазах фалерн; когда они, поссорившись, пролили много вина, Трималхион назвал это свиной здравницей. Затем его завернули в ярко-алую байку, он возлег на носилки и двинулся в путь, предшествуемый четырьмя медно-украшенными скороходами и ручной тележкой, в которой ехал его любимчик: старообразный, подслеповатый мальчишка, уродливее даже самого хозяина, Трималхиона. Пока его несли, над его головой, словно желая что-то шепнуть на ушко, склонялся музыкант, всю дорогу игравший на крошечной флейте. Мы же, вне себя от изумления, следовали за ним и вместе с Агамемноном пришли к дверям, на которых висело объявление, гласившее:

Если раб без господского приказа выйдет
за ворота, то получит сто ударов.

У самого входа стоял привратник в зеленом платье, подпоясанный вишневым поясом, и на серебряном блюде чистил горох. Над порогом висела золотая клетка, откуда пестрая сорока приветствовала входящих.

29. Задрав голову, чтобы рассмотреть все диковинки, я чуть было не растянулся навзничь и не переломал себе ног. Дело в том, что по левую руку, недалеко от каморки привратника, был нарисован на стене огромный цепной пес, а над ним большими прямотольными буквами было написано:

Берегись собаки.

Товарищи мои захохотали. Я же, оправившись от испуга, не поленился пройти вдоль всей стены. На ней был изображен невольничий рынок, и сам Трималхион, еще кудрявый, с кадуче¹ в руках, ведомый Минервою, торжественно вступал в Рим (об этом гласили пояснительные надписи). Все передал своей кистью добросовестный художник и объяснил в надписях: и как Трималхион учился счетоводству, и как сделался рабом-казначеем. В конце портика Меркурий, подняв Трималхиона за подбородок, возносил его на

высокую трибуну. Тут же была и Фортуна с рогом изобилия, и три Парки, прядущие золотую нить. Заметил я в портике и целый отряд скороходов, обучавшихся под наблюдением наставника. Кроме того, увидел я в углу большой шкаф, в нише которого стояли серебряные Лары, мраморное изображение Венеры и довольно большая засмоленная золотая шкатулка, где, как говорили, хранилась первая борода самого хозяина. Я расспросил привратника, что изображает живопись внутри дома.

— Илиаду и Одиссею, — ответил он, — и бой гладиаторов, устроенный Ленатом².

30. Но когда было все разглядывать. Мы уже достигли триклиния³, в передней половине которого домоправитель проверял счета. Но что особенно поразило меня в триклинии, так это пригвожденные к дверям ликторские пучки прутьев с топорами, оканчивающиеся внизу бронзовым подобием корабельного носа, на котором значилась надпись:

Г. Помпею Трималхиону, севиру августалов⁴,
Киннам-казначей.

Надпись освещалась спускавшимися с потолка двурогими светильниками, а по ее бокам были прибиты две доски; на одной из них, помнится, имелась нижеследующая надпись:

В гретий день до январских календ и накануне
наш Гай обедает вне дома.

На другой же были изображены фазы Луны и ход семи светил, и равным образом обозначены разноцветными шариками дни счастливые и несчастные. Достаточно налюбовавшись этим великолепием, мы хотели войти в триклиний, как вдруг мальчик, специально назначенный для этого, крикнул нам:

— Правой ногой!

Мы, конечно, потоптались немного на месте, опасаясь как бы кто-нибудь из нас не переступил через порог несогласно с предписанием. Наконец, когда все разом мы занесли правую ногу, неожиданно бросился навзничь перед нами уже раздетый для бичевания раб и стал умолять избавить его от казни, — не велика вина, за которую его преследуют: он не устерег в бане одежды домоправителя, стоящей не больше десяти сестерциев. Каждый из нас вновь опустил правую ногу

перед порогом, и все мы стали просить домоправителя, пересчитывавшего в триклинии червонцы, простить раба. Он гордо приосанился и сказал:

— Не потеря меня рассердила, а ротозейство этого негодного раба. Он потерял застольную одежду, подаренную мне ко дню рождения одним из клиентов. Была она, конечно, тирийского пурпура, но уже однажды мытая. Все равно! Ради вас прощаю.

31. Едва мы, побежденные таким великодушием, вошли в триклиний, раб, за которого мы просили, подбежал к нам и осыпал нас, остолбеневших от смущения, целым градом поцелуев, благодаря за милосердие.

— Впрочем, — говорил он, — вы скоро увидите, кого благодетельствовали. Господское вино — вот благодарность раба-виночерпия.

Когда наконец мы возлегли, молодые александрийские рабы облили нам руки снежной водой, за ними последовали другие, омывшие нам ноги и старательно обрезавшие все заусенцы на пальцах. При этом они, не прерывая своего неприятного дела, все время, не смолкая, пели. Я пожелал узнать на опыте, вся ли челядь состоит из певчих, и попросил пить; услужливый мальчик исполнил мою просьбу, распевая так же пронзительно; и то же самое делали все, что бы у них ни попросили. Какая-то пантомима с хором, а не триклиний почтенного дома!

Между тем подали изысканную закуску; все возлегли на ложа, исключая только самого Трималхиона, которому, по новой моде, оставили высшее место за столом. Посреди подноса стоял ослик коринфской бронзы с вьюками вперемет, в которых лежали с одной стороны белые, а с другой — черные оливки. Над ослом возвышались два серебряных блюда, по краям их были выгравированы имя Трималхиона и вес серебра, а на спаянной подставке вроде мостика лежали жареные сони⁵ с приправой из мака и меда. Были тут также и горячие колбаски на серебряной решетке, а под решеткой — сирийские сливы и гранатовые зерна.

32. Мы наслаждались этими роскошествами, когда появился сам Трималхион; его внесли под звуки музыки и уложили на малюсеньких подушечках, что рассмешило неосторожных. Его скобленая голова высывалась из ярко-красного паллия⁶, а вокруг и без

того закутанной шеи он еще намотал шарф с широкой пурпурной оторочкой и свисающий там и сям бахромой. На мизинце левой руки красовалось огромное позолоченное кольцо; на последнем же суставе безымянного, как мне показалось, — настоящее золотое, поменьше размером, с припаянными к нему железными звездочками. А чтобы выставить напоказ и другие драгоценности, он обнажил до самого плеча правую руку, украшенную золотым запястьем и еще скрепленным бляхой с браслетом из слоновой кости.

33. — Друзья, — сказал он, ковыряя в зубах серебряной зубочисткой, — не по душе еще было мне выходить в триклиний, но, чтобы не задерживать вас дольше, я отказываю себе во всех удовольствиях. Позвольте мне только окончить игру.

Следовавший за ним мальчик принес столик терпентинового дерева и хрустальные кости; я заметил нечто донельзя утонченное: вместо белых и черных камешков здесь были золотые и серебряные денарии.⁷ Пока он за игрой исчерпал все рыночные прибаутки, нам, еще во время закуски, подали репозиторий⁸, а на нем корзину, в которой, растопырив крылья, как наседка на яйцах, сидела деревянная курица. Сейчас же прибежали два раба и под звуки пронзительной музыки принялись шарить в соломе; вытащив оттуда павлиньи яйца, они роздали их пирующим. Тут Трималхион обратил внимание на это зрелище и сказал:

— Друзья, я велел положить под курицу павлиньи яйца. И ей-ей, боюсь, что в них уже цыплята вывелись. Попробуем-ка, съедобны ли они.

Мы взяли по ложке, весившей не менее полфунта каждая, и вытащили яйца, слепленные из крутого теста. Я чуть было не бросил это яйцо: мне показалось, что в нем уже лежал цыпленок, но потом услышал, как какой-то старый сотрапезник крикнул:

— Э, да тут, видно, что-то вкусное!

И, облупив яйцо рукою, я вытащил жареного винноградника⁹, приготовленного под соусом из перца и желтка.

34. Трималхион, прервав игру, потребовал себе всего, что перед тем ели мы, и громким голосом дал разрешение всякому, кто пожелает, требовать еще медового вина. В это время, по данному знаку, грянула музыка, и тотчас же поющий хор убрал подносы с закусками. В суматохе упало большое серебряное блю-

до: один из мальчиков его поднял, но заметивший это Трималхион велел надавать рабу затрепшин, а блюдо бросить обратно на пол. Явившийся буфетчик стал выметать серебро вместе с прочим сором за дверь. Затем пришли два кудрявых эфиопа, оба с маленькими бурдюками вроде тех, из которых рассыпают песок в амфитеатрах, и омыли нам руки вином, воды никто не подал. Восхваляемый за такую утонченность, хозяин сказал:

— Марс любит равенство. Поэтому я велел поставить каждому особый столик. К тому же нам не будет так жарко от множества вонючих рабов.

В это время принесли старательно запечатанные гипсом стеклянные амфоры, на горлышках которых имелись ярлыки с надписью:

Опимианский фалерн. Столетний¹⁰.

Когда надпись была прочтена, Трималхион всплеснул руками и воскликнул:

— Увы, увy нам! Так значит вино живет дольше, чем людишки! Посему давайте пить, ибо в вине жизнь. Я вас угощаю настоящим опимианским; вчера я не такое хорошее выставил, а обедали люди почище вас.

Мы пили и удивлялись столь изысканной роскоши. В это время раб притащил серебряный скелет, так устроенный, что его сгибы и позвонки свободно двигались во все стороны. Когда его несколько раз бросили на стол, и он, благодаря подвижному сцеплению, принимал разнообразные позы, Трималхион воскликнул:

— Горе нам, беднякам! О, сколь человечешко жалок!

Станем мы все таковы, едва только Орк нас похитит

Будем же жить хорошо, други, покуда живем...

<...> 37. Наевшись до отвалу, я обратился к своему соседу, чтобы как можно больше разузнать. Начав издалека, я осведомился, что за женщина мечется взад и вперед по триклинию.

— Жена Трималхиона, — ответил сосед, — по имени Фортуната. Мерами деньги считает. А недавно кем была? С позволения сказать, ты бы из ее рук куска хлеба не принял. А теперь ни с того ни с сего вознесена до небес. Всё и вся у Трималхиона! Скажи она ему

в самый полдень, что сейчас ночь, — поверит! Сам он толком не знает, сколько чего у него имеется, до того он богат. А эта волчица все насквозь видит, где и не ждешь. В еде и в питье умеренна, на совет таровата — золото, не женщина. Только зла на язык: настоящая сорока на перине. Кого полюбит — так полюбит, кого не взлюбит — так уж не взлюбит! Земли у Трималхиона — коршуну не облететь, деньгам счету нет; здесь в каморке привратника больше валяется серебра, чем у иного за душой есть. А рабов-то, рабов-то, ой-ой-ой сколько! Честное слово, пожалуй и десятая часть не знает хозяина в лицо. Словом, любого из здешних балбесов в рутовый лист свернет.

38. И думать не моги, чтобы он что-нибудь покупал на стороне: шерсть, померанцы, перец — все дома растет; птичьего молока захочется — и то найдешь. Показалось ему, что домашняя шерсть недостаточно хороша, так он в Таренте баранов купил и пустил их в стадо. Чтобы дома производить аттический мед, он завез пчел из самых Афин, — кстати, и доморощенные пчелки станут показистее, благодаря гречаночкам. Да вот только на днях он написал в Индию, чтобы ему прислали семян шампиньонов. Если есть у него мул, то непременно от онагра¹¹. Видишь, сколько подушек? Все до единой набиты пурпурной или багряной шерстью. Вот какое ему счастье выпало! Но и его товарищей-вольноотпущенников остерегись презирать. И они не без сока. Видишь вон того, что возлежит на нижнем ложе последним? Теперь у него восемьсот тысяч сестерциев, а ведь начинал с пустого места: недавно еще бревна на спине таскал. Но говорят, — не знаю, правду ли, а только слышал, — что он стащил у Инкубона¹² шапку и нашел клад. Я-то никогда не завидую, если кому что бог пошлет. Но у него еще щека горит, потому и хочется ему разгуляться. Недавно он вывесил такое объявление:

Г. Помпей Диоген сдает квартиру в июльские календы по случаю покупки собственного дома.

А тот, что возлежит на месте вольноотпущенников? Как здорово пожил! Я его не осуждаю. У него уже маячил перед глазами собственный миллион, — но свихнулся бедняга. Не знаю, есть ли у него на голове хоть единый волос, свободный от долгов! Но, честное слово, вина не его, потому что он сам отличный

малый. Вся беда от подлецов вольноотпущенников, которые его добро на себя перевели. Сам знаешь: «Артельный котел плохо кипит», и «Где дело пошатнулось, там друзья за дверь». А каким почтенным делом занимался он, прежде чем дошел до теперешнего состояния! Он был устроителем похорон. Обедал, словно царь: кабаны прямо в щетине, птица, печенья, повара, пекаря... вина под столом проливали больше, чем у иного в погребке хранится. Не человек, а сказка! Когда же его дела пошатнулись, он, боясь, что кредиторы сочтут его несостоятельным, выпустил следующее объявление:

Г. Юлий Прокул устраивает аукцион излишних вещей... <...>

40. «Браво!» — воскликнули мы все в один голос и, воздев руки к потолку, поклялись, что Гиппарха и Арата¹³ мы, по сравнению с ним, и за людей не считаем. Но тут появились рабы и постлали перед ложами ковры, на которых были изображены охотники с рогатинами, а рядом сети и прочая охотничья утварь. Мы просто не знали, что и подумать, как вдруг за дверью триклиния раздался невероятный шум, и вот лаконские собаки забежали вокруг стола. Вслед за тем было внесено огромное блюдо, на котором лежал изрядной величины кабан с шапкой на голове, державший в зубах две корзиночки из пальмовых веток: одну с карийскими, другую с фиванскими финиками. Вокруг кабана лежали поросята из пирожного теста, будто присосавшись к вымени, что должно было изображать супорось; поросята предназначались в подарок нам. Рассечь кабана взялся не Режь¹⁴, резавший ранее птицу, а огромный бородач в тиковом охотничьем плаще, с обмотками на ногах. Вытащив охотничий нож, он с силой ткнул кабана в бок, и из разреза выпорхнула стая дроздов. Птицеловы, стоявшие наготове с клейкими прутьями, скоро переловили разлетевшихся по триклинию птиц. Тогда Трималхион приказал дать каждому гостю по дрозду и сказал:

— Видите, какие отличные желуди сожрала эта дикая свинья?

Тут же рабы взяли из зубов кабана корзиночки и разделили финики обоих сортов между пирующими.

41. Между тем я, лежа на покойном месте, долго ломал голову, стараясь понять, зачем кабана подали

в колпаке? Исчерпав все догадки, я обратился к своему прежнему толкователю за разъяснением мучившего меня вопроса.

— Твой покорный слуга легко объяснит тебе все, — ответил он, — никакой загадки тут нет, дело ясное. Вчера этого кабана подали на стол последним, и пирующие отпустили его на волю: итак сегодня он вернулся на стол уже вольноотпущенником.

Я проклял свою глупость и решил больше его не расспрашивать, чтобы не казалось, что я никогда с порядочными людьми не обедал. Пока мы так разговаривали, прекрасный юноша, увенчанный виноградными лозами, с корзинкой в руках обносил нас виноградом и, именую себя то Бромием, то Лиэем, то Эвием, тонким пронзительным голосом пел стихи своего хозяина. При этих звуках Трималхион обернулся к нему.

— Дионис, — вскричал он, — будь свободным!

Юноша стащил с кабаньей головы колпак и надел его.

— Теперь вы не станете отрицать, — сказал Трималхион, — что в доме у меня Либер-Отец¹⁵.

Мы похвалили удачную остроту Трималхиона и прямо зацеловали обходившего триклиний мальчика.

После этого блюда Трималхион встал и пошел облегчиться. Мы же, освобожденные от присутствия тирана, стали вызывать сотрапезников на разговор. Дама первый потребовал большую братину и заговорил:

— Что такое день? Ничто. Не успеешь оглянуться, — уж ночь на дворе. Поэтому ничего нет лучше, как из спальни прямо переходить в триклиний. Ну и холод же нынче; еле в бане согрелся. Но «глоток горячего вина — лучшая шуба». Я клюкнул и совсем осовел... вино в голову ударило.

42. Селевк уловил отрывок разговора и сказал:

— Я не каждый день моюсь; банщик, что валяльщик; у воды есть зубы, и жизнь наша ежедневно подтачивается. Но я опрокину стаканчик медового вина и наплевать мне на холод. К тому же я не мог вымыться: я сегодня был на похоронах. Добрейший Хрисанф, прекрасный малый, побывшился; так еще недавно окликнул он меня на улице; кажется мне, что я только что с ним разговаривал. Ох, ох! Все мы хо-

дим, точно раздутые бурдюки; мы стоим не меньше мухи: потому что и у мухи есть свои доблести, — мы же просто-напросто мыльные пузыри. А что было бы, если бы он не был воздержан? Целых пять дней ни крошки хлеба, ни капли воды в рот не взял и все-таки отправился к праотцам. Врачи его погубили, а вернее, злой Рок. Врач ведь — это только самоутешение. Вынос был, что надо: роскошные ковры, великолепное погребальное ложе, и оплакали его на славу, — ведь он многих отпустил на волю; только жена плакала скверно. А что бы еще было, если бы он с ней не обращался так хорошо? Но женщина это женщина: коршуново племя. Никому не надо делать добра: все едино, что в колодец бросить. Но старая любовь цепка, как рак...

43. Он всем надоел, и Филерот вскричал:

— Поговорим о живых! Этот свое получил: в почете жил, с почетом помер. На что ему жаловаться? Начал он с одного асса и готов был из навоза полушку зубами вытащить. И так рос, пока не вырос, словно сот медовый. Клянусь богами, я уверен, что он оставил сто тысяч, и все звонкой монетой. Однако, скажу о нем всю правду, потому что в этом деле я семь собак без соли съел. Был он груб на язык, большой ругатель — свара ходячая, а не человек. Куда лучше был его брат: друзьям друг, хлебосол, щедрая рука. Поначалу ему не повезло, но первый же сбор винограда поставил его на ноги: он продавал вино почем хотел; а что окончательно заставило его поднять голову, так это наследство, из которого он больше украл, чем ему было завещано. А эта дубина, обозлившись на брата, оставил по завещанию всю вотчину какому-то курицыну сыну. Дорожка от родных далеко заводит! Но были у него слуги-наушники, которые его погубили. Легковереие никога до добра не доводит, особливо торгового человека. Однако верно, что он сумел пользоваться жизнью... Не важно, кому назначалось, важно, кому досталось. А уже его Фортуна любила, как родного сыночка. У него в руках и свинец в золото превращался. Легко тому, у кого все идет, как по маслу. Как вы думаете, сколько лет он унес с собой в могилу? Семьдесят с лишком. Ведь был он крепкий, точно роговой, здорово сохранился, черен, что вороново крыло. Я с ним давным-давно знаком был. И до последних дней был распутником, ей-богу! Даже суке и то не давал проходу. И насчет мальчишек был го-

разд — вообще на все руки мастер. Я его не осуждаю: ведь больше ничего с собой в могилу не унесешь.

44. Так разглагольствовал Филерот; а вот что нес Ганимед:

— Говорите вы все ни к селу ни к городу; почему никто не беспокоится, что нынче хлеб кусаться стал? Честное слово, я сегодня кусочка хлеба найти не мог. А засуха-то все по-прежнему! Целый год голодаем. Эдилы, — чтоб им было пусто! — с пекарями стакнулись. Да, «ты — мне, я — тебе». Бедный народ страдает, а этим ненасытным глоткам всякий день Сатурналии. Эх, будь у нас еще те львы, каких я застал, когда только что приехал из Азии! Вот это была жизнь!.. Так били этих кикимор, что они узнали, как Юпитер сердится. Помню я Сафиния! Жил он (я еще мальчишкой был) вот тут, у старых ворот; перец, а не человек! Когда шел, земля под ним горела! Зато прямой! Зато надежный! И друзьям друг! С таким можно впотьмах в морру играть¹⁶. А посмотрели бы вы в курии! Иного, бывало, так отбреет! А говорил без вывертов, напрямик. Когда вел дело на форуме, голос его гремел, как труба, и никогда при этом не потел и не плевался. Думаю, что это ему от богов дано было. А как любезно отвечал на поклон! Всех по именам знал, ну, прямо — свой брат. В те поры хлеб не дороже грязи был. Купишь его на асс — вдвоем не съесть; а теперь меньше бычьего глаза. Нет, нет! С каждым днем все хуже: город наш, словно телячий хвост, назад растет! Да кто виноват, что у нас эдил¹⁷ трехгрошовый, которому асс дороже нашей жизни? Он втихомолку над нами посмеивается. В день получает больше, чем иной по отцовскому завещанию. Уж я-то знаю, за что он получил тысячу золотых; будь мы настоящими мужчинами, ему бы не так привольно жилось. Нынче народ такой: дома — львы, на людях — лисицы. Что же до меня, то я проел всю одежонку, и, если дороговизна продлится, придется и домишки мои продать. Что же это будет, если ни боги, ни люди не сжалятся над нашей колонией? Чтобы мне не видать радости от семьи, если я не думаю, что беда ниспослана нам небожителями. Никто небо за небо не считает, никто постов не блюдет, никто Юпитера и в грош не ставит; все только и знают, что добро свое считать. В прежнее время выходили именитые матроны босые, с распущенными волосами на холм и с чистым сердцем вы-

маливали воды у Юпитера, — и сразу лил дождь, как из ведра. Сразу же или никогда. И все возвращались мокрые, как мыши. А теперь у богов ноги не ходят из-за нашего неверия. Поля заброшены. <...>

47. В таком роде шла болтовня, пока не вернулся Трималхион. Он отер пот со лба; вымыл в душистой воде руки и сказал после недолгого молчания:

— Извините, друзья, но у меня уже несколько дней нелады с желудком; врачи теряются в догадках. Облегчили меня гранатовая корка и хвойные шишки в уксусе. Надеюсь, теперь мой желудок за ум возьмется. А то — забурчит у меня в животе, подумаешь, бык заревел. Если и из вас кто надобность имеет, то пусть не стесняется. Никто из нас не родился запечатанным. Я лично считаю, что нет большей муки, чем удерживаться. Этого одного сам Юпитер запретить не может. Ты смеешься, Фортуната? А кто мне ночью спать не дает? Никому в этом триклинии я не хочу мешать облегчиться, да и врачи запрещают удерживаться, а если кому потребуется что-нибудь посерьезнее, то за дверьми все готово: сосуды, вода и прочие надобности. Поверьте мне, ветры попадают в мозг и производят смятение во всем теле. Я знал многих, которые умерли от того, что не решались в этом деле правду говорить.

Мы благодарили его за снисходительность и любезность и усиленной выпивкой старались подавить смех. Но мы не подозревали, что еще не прошли, как говорится, и полпути до вершины здешних роскошеств. Когда со стола под звуки музыки убрали посуду, в триклиний привели трех белых свиней в намордниках и с колокольчиками на шее, глашатай объявил, что это — двухлетка, трехлетка и шестилетка. Я вообразил, что пришли фокусники и свиньи станут выделывать какие-нибудь штуки, словно перед кружком уличных зевак. Но Трималхион рассеял недоумение.

— Которую из них вы хотите сейчас увидеть на столе? — спросил он. — Потому что петухов, Пенфеево рагу¹⁸ и прочую дребедень и мужики изготовят; мои же повара привыкли и целого теленка в котле варить.

Тотчас же он велел позвать повара и, не ожидая нашего выбора, приказал заколоть самую крупную.

— Ты из которой декурии¹⁹? — повысив голос, спросил он.

— Из сороковой, — отвечал повар.
— Тебя купили или же ты родился в доме?
— Ни то, ни другое, — отвечал повар, — я достался тебе по завещанию Пансы.

— Смотри же, хорошо приготовь ее. А не то я тебя в декурию посыльных разжалую.

Повар, познавший таким образом могущество своего господина, последовал за своей будущей стряпней в кухню.

48. Трималхион же, любезно обратившись к нам, сказал:

— Если вино вам не нравится, я скажу, чтобы переменяли: а вас прошу придать ему вкус своею беседою. По милости богов я ничего не покупаю, а все, от чего слюнки текут, произрастает в одном моем пригородном поместье, которого я даже еще и не видел. Говорят, оно граничит с моими тегестинскими и тарентийскими землями. Теперь я хочу прикупить себе и Сицилию, чтобы, если мне вздумается, проехать в Африку, не выезжать из своих владений. Но расскажи мне, Агамемнон, какую такую речь ты сегодня произнес? Я хотя лично дел и не веду, тем не менее для домашнего употребления красноречию все же обучался, не думай, пожалуйста, что я пренебрегаю учением. Теперь у меня две библиотеки: одна греческая, другая латинская. Скажи поэтому, если любишь меня, резюме твоей речи.

— Богатый и бедняк были врагами, — начал Агамемнон.

— Бедняк? Что это такое? — перебил его Трималхион.

— Остроумно, — похвалил его Агамемнон и изложил затем содержание не помню какой контroversии²⁰.

— Если это на самом деле случилось, — тотчас заметил Трималхион, — то это вовсе не контroversия. Если же этого не было, тогда все и подавно ни к чему.

Это, как и все прочее, было встречено всеобщим одобрением.

— Агамемнон, милый мой, — продолжал между тем Трималхион, — прошу тебя, расскажи нам лучше, если помнишь, о странствиях Улисса, как ему Полифем палец щипцами вырвал, или о двенадцати подвигах Геркулеса. Я еще в детстве об этом читал у Гомера. А то еще видал я Кумскую Сибиллу²¹ в бутылке.

Дети ее спрашивали: «Сибилла, что тебе надо?», а она в ответ: «Помирать надо».

49. Трималхион все еще разглагольствовал, когда подали блюдо с огромной свиньей, занявшее весь стол. Мы были поражены быстротой и поклялись, что даже куренка в такой небольшой срок вряд ли зажаришь, тем более, что эта свинья нам показалась намного больше съеденного незадолго перед тем кабана... Но Трималхион все пристальнее и пристальнее всматривался в нее.

— Как? Как? — вскричал он. — Свинья не выпотрошена?! Честное слово не выпотрошена! Позвать, позвать сюда повара!

К столу подошел опечаленный повар и заявил, что он забыл выпотрошить свинью.

— Как это забыл? — заорал Трималхион. — Подумаешь, он забыл перцу или тмину! Раздевайся!

Без промедления повар разделся и, понурившись, стал между двух истязателей. Все стали просить за него, говоря:

— Это бывает. Пожалуйста, прости его; если он еще раз сделает, никто из нас не станет за него просить!

Один я только поддался неумолимой жестокости и шепнул на ухо Агамемнону:

— Этот раб, видно, никуда не годен! Кто же это забывает выпотрошить свинью? Я бы не простил, если бы он даже рыбешку не выпотрошил!

Но Трималхион поступил иначе; с повеселевшим лицом он сказал:

— Ну, если ты такой беспамятный, вычисти-ка эту свинью сейчас, на наших глазах.

Повар снова надел тунику и, вооружившись ножом, дрожащей рукой полоснул свинью по брюху крест-накрест. И сейчас же из прореза, поддаваясь своей тяжести, градом посыпались кровяные и жареные колбасы.

50. Вся челядь громкими рукоплесканиями приветствовала эту шутку и возопила: «Да здравствует Гай!» Повара же почтили глотком вина, а также поднесли ему венок и кубок на блюде коринфской бронзы. Заметив, что Агамемнон внимательно рассматривает это блюдо, Трималхион сказал:

— Только у меня одного и есть настоящая коринфская бронза.

Я ожидал, что он, по своему обыкновению, из хвастовства скажет, что ему привозят сосуды прямо из Коринфа. Но вышло еще чище.

— Вы, наверно, спросите, как это так я один владею коринфской бронзой, — сказал он. — Очень просто: медника, у которого я покупаю, зовут Коринфом; что же еще может быть более коринфского, чем изделия Коринфа? Но не думайте, что я невежда необразованный и не знаю, откуда эта самая бронза получилась. Когда Илион был взят, Ганнибал, большой плут и мошенник, свалил в кучу все статуи — и золотые, и серебряные, и медные — и кучу эту поджег. Получился сплав. Ювелиры теперь пользуются им и делают чаши, блюда, фигурки. Так и образовалась коринфская бронза — ни то ни се, из многого одно. Простите меня, но я лично предпочитаю стекло. Оно, по крайности, не пахнет. И, по мне, оно было бы лучше золота, если бы не билось; в теперешнем же виде оно, впрочем, не дорого стоит.

51. Однако был такой стекольщик, который сделал небьющийся стеклянный фиал. Он был допущен с даром к Цезарю и, попросив фиал обратно, перед глазами Цезаря бросил его на мраморный пол. Цезарь прямо-таки насмерть перепугался. Но стекольщик поднимает фиал, погнувшийся, словно какая-нибудь медная ваза, вытаскивает из-за пояса молоточек и преспокойно исправляет фиал. Сделав это, он вообразил, что уже схватил Юпитера за бороду, в особенности, когда император спросил его, знает ли еще кто-нибудь способ изготовления такого стекла. Стекольщик, видите ли, и говорит, что нет; а Цезарь тут же велел отрубить ему голову, потому что, если бы это искусство стало всем известно, золото ценилось бы не дороже грязи.

52. Я теперь большой любитель серебра. У меня одних ведерных сосудов штук около ста. На них вычеканено, как Кассандра своих сыновей убивает: детки мертвые — просто как живые лежат. Потом есть у меня жертвенная чаша, что оставил мне один из моих хозяев; на ней Дедал Ниобу прячет в Троянского коня. А бой Петраита с Гермеротом вычеканен у меня на бокалах, и все они претяжелые. Я знаток в таких вещах, и это мне дороже всего.

Пока он все это рассказывал, один из рабов уронил чашу.

— Живо, — крикнул Трималхион, обернувшись, — отхлестай сам себя, раз ты ротозей.

Раб уже жалобно скривил рот, чтобы умолять о пощаде, но Трималхион перебил его:

— О чем ты меня просишь? Словно я тебя трогаю? Советую попросить самого себя и не быть ротозеем.

Наконец, уступая нашим просьбам, он простил раба. Освобожденный от наказания стал обходить кругом стола...

— Воду за двери, вино на стол! — закричал (Трималхион)...

Мы громко одобрили остроумную шутку, и пуще всех Агамемнон, знавший, чем заслужить приглашение и на следующий пир. Между тем, довольный восхвалениями, Трималхион стал пить веселей. Скоро он был уже вполпьяна.

— А что же, — сказал он, — никто не попросит мою Фортунату поплясать? Поверьте, лучше нее никто кордака не станцует.

Тут он сам, подняв руки над головой, принялся изображать сирийского мима, причем ему подпевала вся челядь: «Пляши, плешивый!» Я думаю, он бы и на середину выбрался, если бы Фортуната не шепнула ему что-то на ухо; должно быть она сказала, что не подобает его достоинству такое шутовство. Никогда я еще не видел такой нерешительности: он то боялся Фортунаты, то поддавался своей природе.

53. Но конец этому плясовому зуду положил письмоводитель, возгласивший громко, словно он столичные новости выкрикивал:

— За семь дней до календ секстилия²² в поместье Трималхиона, что близ Кум, родилось мальчиков тридцать, девочек сорок. Свезено на гумно модиев пшеницы пятьсот тысяч, быков пригнано пятьсот. В тот же день прибит на крест раб Митридат за непочтительное слово о Гении нашего Гая. В тот же день отосланы в кассу девять миллионов сестерциев, которые некуда было деть. В тот же день в Помпеевых садах случился пожар, начавшийся во владении Насты-приказчика.

— Как? — сказал Трималхион. — Да когда же мне купили Помпеевы сады?

— В прошлом году, — ответил писец, — и потому они еще не внесены в списки.

— Если в течение шести месяцев, — вспылил Трималхион, — я ничего не знаю о каком-либо купленном для меня поместье, я раз навсегда запрещаю вносить его в опись.

Затем были прочтены распоряжения эдилов и завещания лесничих, в коих Трималхион особой статьей лишился наследства. Потом — список его приказчиков; акт о расторжении брака сторожа и вольноотпущенницы, которая была обличена мужем в связи с банщиком: указ о ссылке домоправителя в Байи; о привлечении к ответственности казначея, а также решение тяжбы двух спальников.

Между тем в триклиний явились фокусники: какой-то нелепейший верзила поставил на себя лестницу и велел мальчику лезть по ступеням и на самом верху танцевать под звуки песенок; потом заставлял его прыгать через огненные круги и держать зубами урну. Один лишь Трималхион восхищался этими штуками, сожалея только, что это искусство неблагодарное, и говоря, что он, впрочем, только два вида зрелищ смотрит с удовольствием: фокусников и трубачей; все же остальное — животные, музыка — просто чепуха. «Я, — говорил он, — и труппу комедиантов купил, но заставил их разыгрывать ателланы и приказал начальнику хора петь по-латыни».

54. При этих словах Гая мальчишка-фокусник свалился прямо на Трималхиона. Поднялся громкий вопль: орали и вся челядь, и гости, — не потому, что беспокоились участью дрянного человечешки: каждый из нас был бы очень рад, если бы он сломал себе шею, — но все перепугались, как бы не закончилось наше веселье несчастием и не пришлось бы нам оплакивать чужого мертвеца. Между тем Трималхион, испуская тяжкие стоны, беспомощно склонился на руки, словно и впрямь его серьезно ранили. Со всех сторон к нему бросились врачи, а впереди всех Фортуната, распустив волосы, с кубком в руке и причитая, что несчастнее ее нет на свете женщины. Свалившийся мальчишка припадал к ногам то одного то другого из нас, умоляя о помиловании. Мне было не по себе, так как я подозревал, что все эти мольбы — только еще какой-нибудь дурацкий сюрприз. У меня из головы еще не выходил повар, позабывший выпотрошить свинью. Поэтому я принялся внимательно осматривать триклиний, ожидая, что вот-вот появится из стены какая-

нибудь штуковина, в особенности, когда стали бичевать раба за то, что он обвязал ушибленную руку хозяина белой, а не красной шерстью. Мое предчувствие меня почти не обмануло: вышло от Трималхиона решение — мальчишку отпустить на волю, дабы никто не осмелился утверждать, что раб ранил столь великого мужа.

59. В это время, звонко ударяя копьями о щиты, вошла какая-то труппа. Трималхион взгромоздился на подушки и, пока гомеристы²³ произносили, по своему наглому обыкновению, греческие стихи, он нараспев читал по латинской книжке.

— А вы знаете, что они изображают? — спросил он, когда наступило молчание. — Жили-были два брата — Диомед и Ганимед с сестрою Еленой. Агамемнон похитил ее, а Диане подсунил лань. Так говорит нам Гомер о войне троянцев с парентийцами. Агамемнон, изволите ли видеть, победил и дочку свою Ифигению выдал за Ахилла; от этого Аякс помешался, как вам сейчас покажут.

Трималхион кончил, а гомеристы вдруг завопили во все горло, и тотчас на серебряном блюде, весом в двести фунтов, был внесен вареный теляенок со шлемом на голове. За ним следовал Аякс с обнаженным мечом, изображая безумного, и рубя вдоль и поперек, насаживал куски на лезвие и раздавал изумленным гостям.

60. Не успели мы налюбоваться на эту изящную затею, как вдруг потолок затрещал с таким грохотом, что затряслись стены триклиния. Я вскочил, испугавшись, что вот-вот с потолка свалится какой-нибудь фокусник; остальные гости, не менее удивленные, подняли головы, ожидая, какую новость возвестят нам небеса. Потолок разверзся, и огромный обруч, должно быть содранный с большой бочки, по кругу которого висели золотые венки и баночки с мазями, начал медленно спускаться из отверстия. После того как нам повелели принять это в дар, мы взглянули на стол.

Там уже очутилось блюдо с пирожными; посреди него находился Приап из теста, держащий, по обычаю, в широком подоле плоды всякого рода и виноград. Жадно накинулись мы на гостинцы, но уже новая забава нас развеселила. Ибо из всех плодов и из всех пирожных при малейшем нажиме забили фонтаны

шафрана, противные струи которого попадали нам прямо в рот. Полагая, что блюдо окропленное этим, потребным лишь при богослужении, соком, должно быть священным, мы встали и громко воскликнули:

— Да здравствует божественный Август, отец отечества!

Когда же после этой здравицы многие стали хватать плоды, то и мы набрали их полные салфетки. Особенно старался я, ибо никакой дар не казался мне достаточным, чтобы наполнить пазуху Гитона.

В это время вошли три мальчика в белых подпоясанных туниках: двое поставили на стол Ларов с шариками на шее, третий же с кубком вина обошел весь стол, восклицая:

— Да будет над вами милость богов!

Трималхион сказал, что их зовут Добычником, Счастливым и Наживщиком. В это время все целовали портрет Трималхиона, и мы не посмели отказатьс^я <...>

71.— Друзья, — сказал восхищенный этим пререканием Трималхион, — рабы — тоже люди; одним с нами молоком вскормлены и не виноваты они, что Рок их обездолил. Однако, по моей милости, скоро все напьются вольной воды. Я их всех в завещании совсем отпускаю на свободу. Филаргиру, кроме того, отказываю его сожительницу и поместье. Кариону — домик и двадцатину, и кровать с постелью. Фортунату же делаю наследницей и поручаю ее всем друзьям моим. Все это я сейчас объявляю затем, чтобы челядь меня уже теперь любила так же, как будет любить, когда я умру.

Все принялись благодарить хозяина за его благодеяния; он же, оставив шутки, велел принести список завещания и под вопли домочадцев прочел его от начала до конца. Потом, переводя взгляд на Габинну, проговорил:

— Что скажешь, друг сердечный? Ведь ты воздвигнешь надо мной памятник, как я тебе заказал? Я очень прошу тебя, изобрази у ног статуи мою собачку, венки, сосуды с ароматами и все бои Петраита, чтобы я, по милости твоей, еще и после смерти пожил. Вообще же памятник будет по фасаду сто футов, а по бокам — двести. Я хочу, чтобы вокруг праха моего были всякого рода плодовые деревья, а также обширный виноградник. Ибо большая ошибка украшать дома при

жизни, а о тех домах, где нам дольше жить, не заботиться. А поэтому я, прежде всего желаю, чтобы в завещании было помечено:

Этот монумент наследованию не подлежит.

Впрочем, это уже мое дело — предусмотреть в завещании, чтобы меня после смерти никто не обидел. Поставлю кого-нибудь из моих вольноотпущенников стражем у гробницы, чтобы к моему памятнику народ за нуждой не бегал. Прошу тебя также выбить на фронтоне мавзолея корабли, идущие на всех парусах, а я будто в тоге-претексте восседаю на трибуне с пятью золотыми кольцами на пальцах и из кошелька рассыпаю в народ деньги. Ты ведь знаешь, что я устроил общественную трапезу по два денария на человека. Хорошо бы, если ты находишь возможным, изобразить и самую трапезу, и всех граждан, как они едят и пьют в свое удовольствие. По правую руку помести статую моей Фортунаты с голубкою, и пусть она на цепочке собаку держит. Мальчишечку моего тоже, а главное, побольше винных амфор, хорошо запечатанных, чтобы вино не вытекло. Конечно, изобрази и урну разбитую, и отрока, на ней рыдающего. В середине — часы, так чтобы каждый, кто пожелает узнать, который час, волей-неволей прочел мое имя. Что касается надписи, то вот послушай внимательно и скажи, достаточно ли она хороша по-моему:

Здесь покоится
Г. Помпей Трималхион Меценатиан
Ему заочно был присужден почетный сеvirат
Он мог бы украсить собой любую декуррию Рима,
но не пожелал.
Благочестивый, мудрый, верный, он вышел
из маленьких людей, оставил тридцать миллионов
сестерциев и никогда не слушал ни одного
философа.
Будь здоров и ты также.

72. Окончив чтение, Трималхион заплакал в три ручья. Плакала Фортуната, плакал Габинна, а затем и вся челядь наполнила триклиний рыданиями, словно ее уже позвали на похороны. Наконец даже и я готов был расплакаться, как вдруг Трималхион объявил:

— Итак, если мы знаем, что обречены на смерть, почему же нам сейчас не пожить в свое удовольствие? Будьте же все здоровы и веселы! Махнем-ка все в ба-

ню: на мой риск! Не раскаетесь! Нагрелась она, словно печь.

— Правильно! — закричал Габинна. — Если я что люблю, так это из одного дня два делать. — Он соскочил с ложа босой и пошел за развеселившимся Трималхионом:

— Что скажешь? — обратился я к Аскилту. — Я умру от одного вида бани.

— Соглашайся, — ответил он, — а когда они направляются в баню, мы в суматохе убежим.

На этом мы сговорились и, проведенные под портиком Гитоном, достигли выхода; но там цепной пес залаял на нас так страшно, что Аскилт свалился в водоем. Я был порядочно выпивши, да к тому же я давеча и нарисованной собаки испугался; поэтому, помогая утопающему, я сам низвергся в ту же пучину. Спас нас дворецкий, который и пса унял и нас, дрожащих, вытащил на сушу. Гитон же еще раньше ловким приемом сумел спастись от собаки; все, что получил он от нас на пиру, он бросил в лаящую пасть, и пес, увлеченный едой, успокоился. Когда мы, дрожа от холода, попросили домоуправителя вывести нас за ворота, он ответил:

— Ошибаетесь, если думаете, что отсюда можно уйти так же как пришли. Никого из гостей не выпускают через те же самые двери. В одни приходят, в другие уходят.

73. Что было делать нам, несчастным, заключенным в новый лабиринт? Даже баня стала для нас желанной! Поневоле попросили мы, чтобы нас провели туда. Сняв одежду, которую Гитон развесил у входа сушиться, мы вошли в баню, как оказалось, узкую, похожую на цистерну для холодной воды, где стоял Трималхион, вытянувшись во весь рост. И здесь не удалось избежать его отвратительного бахвальства: он говорил, что ничего нет лучше, как купаться вдали от толпы, и что здесь раньше была пекарня. Наконец, устав, он уселся и, заинтересовавшись эхом бани, поднял к потолку свою пьяную рожу и принялся терзать песни Менекрата, как говорили те, кто понимал его язык. Некоторые из гостей, взявшись за руки, с громким пением водили хороводы вокруг ванны, другие щекотали друг друга и оглушительно орали. Третьи со связанными за спиной руками, пытались поднимать с пола кольца; четвертые, став на колени, загибали на-

зад голову, пытаясь ею достать пальцы на ногах. Покуда другие так забавлялись, мы спустились в гревшуюся для Трималхиона ванну. Когда мы несколько протрезвились, нас проводили в другой триклиний, где Фортуната разложила все свои богатства и где я заметил над светильником... и бронзовые фигурки рыбаков, а также столы из чистого серебра, и глиняные позолоченные кубки, и мех, из которого на глазах выливалось вино.

— Друзья, — сказал Трималхион, — сегодня впервые обрелся один из моих рабов, малый на редкость порядочный и к тому же скопидом. Итак, будем пировать до рассвета и веселиться.

74. Слова его были прерваны криком петуха; испуганный приметой, Трималхион приказал полить вином столы и обрызгать светильники; затем надел кольцо с левой руки на правую.

— Не зря, — сказал он, — подал нам знак этот глашатай: либо пожара надо ожидать, либо кто-нибудь по соседству дух испустит. Сгинь, сгинь! Кто принесет мне этого вестника, того я награжу.

Не успел он кончить, как уже притащили соседского петуха, и Трималхион приказал немедленно сварить его. Тотчас же петух был изрублен и брошен в горшок тем самым поваром-искусником, который птиц и рыб из свинины делал.

Пока Дедал пробовал кипящее варево, Фортуната молола перец на маленькой самшитовой мельнице. Когда и это угощение было съедено, Трималхион обратился к рабам:

— А вы что, еще не пообедали? Ступайте прочь! Пускай вас другие сменят!

Сейчас же ввалилась новая смена рабов. Уходящие кричали:

— Прощай, Гай!

Входящие:

— Здравствуй, Гай!

Тут впервые омрачилось наше веселье, среди вновь пришедших рабов был довольно хорошенький мальчик, и Трималхион, устремившись к нему, принялся целовать его взасос, а Фортуната, на том основании, что «право правдой крепко» начала ругать Трималхиона отбросом и срамником, который не может сдерживать своей похоти. Под конец она прибавила:

— Собака!

Трималхион, разозленный этой бранью, швырнул ей в лицо чашу. Она завопила, словно ей глаз вышибли, и дрожащими руками закрыла лицо. Сцинтилла тоже опешила и прикрыла испуганную Фортунату своей грудью. Услужливый мальчик поднес к ее подбитой щеке холодный кувшинчик; приложив его к больному месту, Фортуната начала плакать и стонать.

— Как? — завопил рассерженный Трималхион. — Как? Позабыла что ли эта уличная арфистка, кем она была? Да я ее взял с рабьего рынка и в люди вывел! Ишь надулась, как лягушка, и за пазуху себе не плюет. Колода, а не женщина! Однако рожденным в лачуге о дворцах мечтать не пристало. Пусть мне так поможет мой Гений, как я эту доморощенную Кассандру образумлю. Ведь я, простофиля, мог сто миллионов приданого взять! Ты знаешь, что я не лгу. Агафон, парфюмер соседней госпожи, соблазнял меня: «Советую тебе, не давай своему роду угаснуть». А я, добряк, чтобы не показаться легкомысленным, сам себе всадил топор в ногу. Хорошо же, уж я позабочусь, чтобы ты, когда я умру, из земли ногтями меня выкопать захотела; а чтобы ты теперь же поняла, чего добилась, — я не желаю, Габинна, чтобы ты помещал ее статую на моей гробнице, а то и в могиле мне покоя не будет; мало того, пусть знает, как меня обижать, — не хочу, чтоб она меня мертвого целовала.

75. Когда Трималхионовы громы поутихли, Габинна стал уговаривать его сменить гнев на милость.

— Кто из нас без греха, — говорил он, — все мы люди, не боги.

Сцинтилла тоже со слезами, заклиная Гением и называя Гаем, просила его умиловаться.

— Габинна, — сказал Трималхион, не в силах удерживать слезы, — прошу тебя во имя твоего благоденствия, плюнь мне в лицо, если я что недолжное сделал. Я поцеловал славного мальчика не за красоту его, а потому, что он усерден: десятичный счет знает, читает свободно, не по складам, сделал себе на суточные деньги фракийский наряд и на свой счет купил кресло и два горшочка. Разве не стоит он моей ласки? А Фортуната не позволяет. Что тебе померещилось, фря надутая? Советую тебе переварить это, коршун, и не вводить меня в сердце, милочка, а то отведаешь

моего норова. Ты меня знаешь, что я решил, то гвоздем прибито. Но вспомним лучше о радостях жизни! Веселитесь, прошу вас, друзья; я и сам таким же, как вы, был, благодаря своим доблестям, стал тем, что есть. Только сердце делает человеком — все остальное чепуха; «Я хорошо купил, хорошо и продал». Каждый вам будет твердить свое. Я лопаюсь от счастья. А ты, храпоидол, все еще плачешь? погоди, ты у меня еще о судьбе своей поплачешь. Да, как я вам уже говорил, своей честности я обязан богатством. Из Азии приехал я не больше вон того подсвечника, даже каждый день по нему рост свой мерил; а чтоб скорей обрасти щетиной, мазал щеки и верхнюю губу ламповым маслом. И все же четырнадцать лет был я любимчиком своего хозяина; ничего тут постыдного нет — хозяйский приказ. И хозяйку ублаgotворял тоже. Понимаете, что я хочу сказать. Но умолкаю, ибо я не из хвастунов.

76. Итак с помощью богов я стал хозяином в доме, заполнив сердце господина. Чего больше? Хозяин сделал меня сонаследником Цезаря, я получил сенаторскую вотчину. Но человек никогда не бывает доволен: вздумалось мне торговать. Чтобы не затягивать рассказа, скажу коротко: снарядил я пять кораблей, нагрузил вином — оно тогда на вес золота было — и отправил в Рим. Но подумайте, какая неудача: все потонуло. Это вам не сказки, а чистая боль! В один день Нептун проглотил тридцать миллионов сестерциев. Вы думаете, я пал духом? Ей-ей, даже не поморщился от этого убытка. Как ни в чем не бывало снарядил другие корабли больше и крепче, и с большой удачей, так что никто меня за человека малодушного почесть не мог. Знаете, чем больше корабль, тем он крепче. Опять нагрузил я их вином, свининой, благовониями, рыбой. Тут Фортуна доброе дело сделала: продала все свои драгоценности, все свои наряды и мне сто золотых в руку положила. Это были дрожжи моего богатства.

Чего боги хотят, то быстро делается. В первую же поездку округлил я десять миллионов. Тотчас же выкупил все прежние земли моего патрона. Домик построил, скота накупил; к чему бы я не прикасался, все вырастало, как медовый сот. А когда я стал богаче, чем все сограждане, вместе взятые, тогда — руки прочь: торговлю бросил и стал вести дела через воль-

ноотпущенников. Я вообще от всяких дел хотел отстраниться, да отговорил меня подвернувшийся тут случайно звездочет-гречонок по имени Серепа, человек поистине достойный заседать в совете богов. Он мне все сказал, даже то, что я сам позабыл, все мне до нитки и игольного ушка выложил: насквозь меня видел, разве что не сказал мне, что я ел вчера. Можно подумать, что он всю жизнь со мной прожил.

77. Но помнишь, Габинна, — это, кажется, при тебе было — он сказал мне: «Ты таким-то образом добился своей госпожи. Ты несчастлив в друзьях. Ты владелец огромных поместий. Ты отогреваешь на груди своей змею». Чего я вам еще не рассказал? Ах да, он предсказал мне, что осталось мне жить тридцать лет, четыре месяца и два дня. Кроме того я скоро получу наследство. Вот какова моя судьба. И если удастся мне еще до самой Апулии имения расширить, тогда я могу сказать, что довольно пожил. Между тем, пока Меркурий бдит надо мною, я этот дом перестроил: помните, хижина была, а теперь — храм. В нем четыре столовых, двадцать спален, два мраморных портика; во втором этаже еще помещение; затем моя собственная опочивальня, логово этой гадюки, прекраснейшая каморка для привратника; и сколько ни будь у меня гостей, для всех место найдется. Одним словом, когда Скавр приезжал, нигде, кроме как у меня, не пожелал остановиться, хоть еще у его отца были приятели, что живут у самого моря. Многие еще есть в этом доме, — я вам сейчас покажу. Верьте мне: асс у тебя есть, и цена тебе асс. Имеешь, еще иметь будешь. Так-то и ваш друг: был лягушкой, стал царем. Ну, а теперь, Стих, притащи сюда одежду, в которой меня погребать будут. И благовония из той амфоры, из которой я велел омыть себе кости.

78. Стих не замедлил принести в триклиний белое покрывало и тогу с пурпурной каймой.

Трималхион потребовал, чтобы мы на ощупь попробовали, добротна ли шерсть.

— Смотри, Стих, — прибавил он, улыбаясь, — чтобы ни моль, ни мыши не испортили моего погребального наряда, не то заживо тебя сожгу. Желаю, чтобы с честью похоронили меня и все граждане чтоб добром меня поминали.

Сейчас же он откупорил склянку с нардом²⁴ и нас всех обрызгал.

— Надеюсь, — сказал он, — что и мертвому это мне такое же удовольствие доставит, как живому.

Затем приказал налить вина в большой сосуд.

— Вообразите, — заявил он, — что вас на мою трапезу позвали.

Но совсем тошно стало нам тогда, когда Трималхион, до омерзения пьяный, приказал ввести в триклиний трубачей, чтобы снова угостить нас музыкой. А потом, навалив на крайнее ложе целую грудку подушек, он разлегся на них и заявил:

— Представьте себе, что я умер. Скажите по сему случаю что-нибудь хорошее.

Трубачи затрубили похоронную песню. Особенно старался раб того распорядителя похорон: он был там почтеннее всех и трубил так громко, что перебудил всех соседей. Стражники, сторожившие этот околоток, вообразив, что дом Трималхиона горит, внезапно разбили дверь и принялись лить воду и орудовать топорами, как полагается. Мы, воспользовавшись случаем, бросили Агамемнона и пустились со всех ног, словно от настоящего пожара.

Примечания

- ¹ *Кадуцей* — жезл Меркурия. ² *Ленат* — имя знатного римлянина. ³ *Триклинный* — столовая в римском доме. ⁴ *Сефир августалов*. Сефир — член коллегии шести; коллегии августальных сефиров управляли культ императоров в италийских колониях. ⁵ *Сони* — грызуны, употребляемые римлянами в пищу. ⁶ *Паллий* — плащ. ⁷ *Денарий* — римская монета. ⁸ *Репозиторий* — ящик для подносов. ⁹ *Винноягодник* — птица. ¹⁰ Опимианским фалерном называлось вино, приготовленное в консульство Опия (121 г. до н. э.). На амфорах ставилась печать с указанием года выделки (годы обозначались именами консулов). Слово «стоletний» на амфорах Трималхиона выдает неумную подделку хвастливого хозяина. ¹¹ *Онагр* — дикий осел. ¹² *Инкубон* — хранитель сокровищ, здесь: Орк, Плутон. ¹³ *Гиппарх* (190—120 г. до н. э.) — греческий астроном и математик, *Арат* — (см. прим. 17 на с. 506). ¹⁴ *Режь* — прозвище раба. ¹⁵ *Либер-отец* — в тексте игра слов (*либер* в переводе с лат. «свободный» и *Либер* — Вахх). ¹⁶ Игра, принятая в Древнем Риме: один поднимает и быстро прячет несколько пальцев, остальные участники называют их число. ¹⁷ *Эдил* — должностное лицо в Риме, ведал городскими делами, устраивал зрелища. ¹⁸ *Пенфеево рагу* — блюдо из мелко нарубленного мяса. ¹⁹ В больших хозяйствах рабы разбивались на декурии — группы по 10 человек (по специальности). ²⁰ *Контроверсия* — вид упражнения в риторических школах (*бука*, спор). ²¹ *Кумская Сибилла* — прорицательница из города Кумы,

считалась очень старой. ²² *Секстилий* — месяц август. ²³ *Гомеристы* — актеры, декламировавшие поэмы Гомера. ²⁴ *Нард* — благовоение.

ФЕДР

(конец I в. до н. э. — ок. 70 г. н. э.)

Жанр басни, народный по содержанию и по форме, в римской литературе находит выражение в творчестве Федра, бывшего греческого раба из Македонии, отпущенного на волю Августом. Федр умер в глубокой старости. Из его произведений мы узнаем, что он жил в бедности и подвергался преследованиям за свои басни, в частности со стороны Сеяна, временщика Нерона. Материалом для Федра служили басни легендарного греческого баснописца Эзопа и окружающая поэта римская действительность. Басни Федра выражали протест демократических кругов римского общества против насилия и гнета знати и богачей, осуждали пороки и несправедливость власть имущих.

Перевод:

Федр. Бабрий. М., 1962.

В «Антологии» тексты приводятся по этому изданию.

БАСНИ

Книга первая

Перевод М. Гаспарова

Пролог

Эзоп для басен подобрал предмет, а я
Отполировал стихами шестистопными.

Двойная в книжке польза: возбуждает смех

И учит жить разумными советами.

5 А если упрекнут меня за то, что здесь

Не только звери, а и деревья речь ведут,

Пусть вспомнят: это все — смешной лишь

ВЫМЫСЕЛ.

1

Волк и ягненок

У ручейка ягненок с волком встретились,
Гонимые жаждой. По теченью выше — волк,
Ягненок ниже. Мучим низкой алчностью,
Разбойник ищет повода к столкновению.

- 5 «Зачем, — он говорит, — водою мутною
Питье мне портишь?» Кудрошерстный в трепете:
«Могу ли я такую вызвать жалобу?
Ведь от тебя ко мне течет вода в реке».
Волк говорит, бессильный перед истиной:
- 10 «Но ты меня ругал тому шесть месяцев».
А тот: «Меня еще и на свете не было». —
«Так, значит, это твой отец ругал меня», —
И так порешив, казнит его несправедно.
О людях говорится здесь, которые
- 15 Гнетут невинность, выдумавши поводы.

5

Корова, коза, овца и лев

- О том, как ненадежна дружба с сильными,
Свидетельством послужит эта басенка.
Коза, корова и овца несчастная
Однажды вместе со львом в лесу охотились.
- 5 Они оленя изловили тучного;
Лев, разделивши тушу, заявил им так:
«Беру я первую часть за то, что львом зовусь;
Вторую — за то, что был я вам союзником;
За то, что я сильнее, мне третья следует;
- 10 И горе тому, к четвертой кто притронется».
Так всю добычу забрало насилие.

7

Лиса и маска

- Лиса, увидев маску трагедийную,
«Что за лицо, а мозгу нет!» — воскликнула.
Говорю для тех, кому и славу и почести
Дала судьба, не дав рассудку здорового.

8

Волк и журавль

- Кто ждет от негодя благодарности,
Грешит вдвойне: услугой недостойному
И тем, что сам уж из беды не вылезет.
Застряла как-то раз у волка в горле кость.
- 5 Жестокой мучаясь болью, стал он каждого,
Суля награду, умолять о помощи.
Журавль, его поддавшись заверениям,

- Доверил волчьей пасти шею длинную
И, врачеванье совершив опасное,
20 Обещанной награды у волка требует.
А тот: «Из пасти цел унес ты голову —
Чего тебе еще, неблагодарному?»

13

Лиса и ворон

- Кто любит слышать похвалы коварных уст,
Позорно тот, наказанный, раскается.
Когда похитил ворон сыр с оконницы
И съесть его хотел, присев на дерево,
5 Лиса, подкравшись, завела такую речь:
«Ах, ворон, как твои сияют перышки,
Как ты лицом прекрасен и осанкою!
Будь голос у тебя — всех птиц затмил бы ты!»
Тот, сдуру вздумав отличиться пением,
10 Из клюва выпускает сыр, который вмиг
Лисы коварной пасть хватает жадная.
И лишь тогда воронья дурь раскаялась.
[Отсюда видно, что всего важнее ум:
Сама добродетель уступает хитрости.]

26

Лиса и аист

- Не делай зла: иначе, учит басенка,
Тебе твои же плутни будут карою.
Лиса к обеду пригласила аиста
(Гласит молва) и на тарелку плоскую
5 Похлебки жидкой налила, которую
Не склонуть было аисту голодному.
Ответный пир готовя, аист кашею
Кувшин наполнил и, клюв туда просунувши,
Наелся сам, замучив гостью голодом.
10 И так сказала птица перелетная
Лисе, края кувшина тщетно лижущей:
«Кто дал пример — терпи от тех, кто брал
пример».

30

Лягушки в страхе перед дракою быков

Народ страдает, коль враждуют сильные.
Лягушка, из болота видя бой быков,

- Сказала: «Ах, какая нам грозит беда!»
Ее спросили: «Почему так думаешь?»
5 Быки за власть над стадом соревнуются
И жизнь ведут далеко в стороне от нас». —
«Живут в далеке и жизнь ведут несхожую,
Но кто из стада изгнанным окажется, —
В болотные сокроется убежища
10 И нас подавит тяжкими копытами,
Так ярость их падет на нашу голову».

31

Коршун и голубки

- Тот, кто дурному человеку вверится, —
Не помощи добьется, а погибели.
Голубки, в страхе перед лютым коршуном,
На быстрых крыльях от него спасались.
5 Тогда налетчик обратился к хитрости,
Так обманувши племя беззащитное:
«Чем жить, как вы живете, в вечном трепете,
Меня царем поставьте, под условием,
Чтоб вам от всех обид я был защитником».
10 Они, поверив, подчинились коршуну,
Но он, вступив на царство, стал их бить и есть.
Жестоким когтем правя. И одна из них
Тогда сказала: «Поделом мы платимся».

Книга вторая

Пролог

- Воздействует примером речь Эзопова:
Ведь басни только для того и надобны,
Чтоб исправлять людские заблуждения
И поощрять прилежное усердие.
5 И как бы повесть ни велась шутливая,
Лаская слух и к цели ведя поставленной,
В ней важен смысл, а не имя сочинителя,
Но я и дух Эзопов сохранить хочу;
А если что и вставлю для того, чтоб слух
10 Порадовать речей разнообразием, —
Прими, читатель, это доброжелательно,
И отблагодарю тебя я краткостью.
Чтоб долго не хвалить ее, послушай-ка,
Почему ты должен отгонять навязчивых,
15 А тех, кто скромн, и без просьбы жаловать.

Бычок, лев и охотник

Ко льву, что над бычком стоял поверженным,
Охотник подошел и доли требовал.

«И дал бы, — молвил лев, — кабы ты сам
не брал». —

И наглеца прогнал он. Этим временем
5 Забрел невинный путник в ту же рощицу,
Но, видя зверя, отпустил испуганный,
«Не бойся, — лев сказал ему приветливо, —
И долю, коей скромность награждается,
Возьми без страха». И, отъяв от туши часть,
10 Лев скрылся в чащу, чтобы не пугать его.

Пример достоин всех похвал; но все-таки
Живет в богатстве жадность, скромность —
в бедности.

2

Мужчина средних лет и две его любовницы

Мы на примере видим, что всегда мужчин —
Влюбленных ли, любимых, — грабят женщины.

Мужчину средних лет любила женщина,
Свои года изяществом скрывавшая,
5 А он пленен был юною красавицей.
Ему, чтобы с ним казаться однолетками,
Та и другая вырывали волосы,
Да так, что, женской ласке их доверившись,
Любовник облысел: ему выщипывала
10 Одна седые, а другая — черные.

Эпилог

Эзопов почитая дар, афиняне
Ему, рабу, навек воздвигли статую
В знак, что открыта всем дорога к почести,
И что доблесть, а не знатность, славу снискивает
5 За ним по праву признавая первенство,
Старался я, чтоб не был он единственным.
Не зависть это, но соревнование:
Ведь если труд мой Лацию понравится,
Он в большем сможет с Грецией соперничать.

- 10 И если зависть очернит старание,
Все ж не убьет сознания заслуг моих.
А ежели оценит слух изысканный,
И басни будут признаны искусными,
То счастье не оставит места жалобам.
15 А если попадется мой ученый труд
Уродам от рожденья, крикунам пустым,
Способным лишь хулить того, кто лучше их, —
Я с твердым сердцем вынесу гонение,
Пока судьба не устыдится дел своих.

Книга третья

Пролог к Евтиху

- <...> Теперь — откуда род явился басенный,
Скажу я кратко. Угнетенность рабская,
35 Не смевшая сказать того, что хочется,
Все чувства изливала в этих басенках,
Где были ей защитой смех и выдумки.
Я дальше этой тропки протоптал свой путь
И приумножил то, что унаследовал,
40 Коснувшись кое в чем и бедствий собственных.
Вот если б не Сеян и обвинял меня,
И показания давал, и суд творил, —
Быть может, я б и примирился с карою,
И не смягчил бы скорбь такими средствами.
45 А если кто, с напрасной подозрительностью,
К себе приложит то, что ко всем направлено, —
Глупец лишь совесть выкажет нечистую.
Но все ж и у него прошу прощения:
Хочу я не клеймить того иль этого,
50 А самую жизнь и нрав людей показывать.
Быть может, труд мой и тяжел; но ежели
Эзоп-фригиец или скиф Анахарсис¹
Своим стяжали гением славу вечную,
То я ль, рожденный ближе к ученой Греции,
55 Сонливой ленью опозорю край родной?
Немало творцов вело свой род из Фракии:
Лин², отпрыск Феба, и Орфей, питомец муз,
Зверей смиравший, камни пеньем двигавший,
И бурный Гебр³ смиравший ладом сладостным.
60 Ступай же, зависть, прочь: напрасны происки —
Ведь я себе по праву чести требую. <...>

Волк и собака

- Скажу я вкратце, как свобода сладостна.
 Волк, отощавший с жирною собакою
 Однажды повстречались, поздоровались,
 Остановились. «Отчего так лоснишься?»
- 5 С какого это корма так отъелась ты?
 Ведь я тебя сильнее, а гибну с голоду». Собака спросту: «Так же заживешь и ты,
 Коль будешь моему служить хозяину». —
 «А что за служба?» — «Охраняй порог его
- 10 И к дому по ночам не подпускай воров». —
 «Ну что же, я готов: ведь мне приходится
 Терпеть и дождь и снег, по лесу рыская, —
 Насколько будет лучше жить под крышею,
 Беспечно наслаждаясь пищей щедрою!» —
- 15 «Ну так пойдем же!» — По дороге видит волк,
 Что у собаки шея стерта привязью.
 «Откуда это?» — Пустяки!» —
 Признайся-ка!» —
 «Кажусь я злою, и меня привязывают,
 Чтобы спала я днем, а ночью бодрствовала.
- 20 Отвяжут на ночь — брожу, куда глаза глядят.
 Дают мне хлеба; со стола хозяин мне
 Бросает кости; а потом домашние
 Куски швыряют и объедки всякие:
 Так без труда и брюхо наполняется». —
- 25 «А можно ли убежать, куда захочется?» —
 «Конечно, нет». — «Что хвалишь, тем и
 пользуешься;
 А мне свобода царской власти сладостней».

Сократ к друзьям

- Друзей немало; дружба только редкостна.
 Стал строить домик маленький себе Сократ
 (Пусть я умру, как он, но лишь бы только мне
 Посмертно, зависть одолев, прославиться),
- 5 И кто-то тут спросил его, как водится:
 «К лицу ль большому человеку тесный дом?» —
 «Да для друзей-то верных и такой велик!»

Петух к жемчужине

В навозной куче петушок молоденький,
Искав себе еду, нашел жемчужину.
«В негожее место, — молвил он, — попала ты!
Узнай о том умеющий ценить тебя —
5 Тотчас бы ты вернулась к блеску прежнему.
А в том, что я, кому еда стократ нужней,
Нашел тебя — нет пользы ни тебе, ни мне».
Пишу для тех, кто не умел понять меня.

Пчелы и трутни перед судом осы

Сложили пчелы соты на большом дубу,
А тунеядцы-трутни их присвоили.
Направилось дело в суд — судьей оса была.
Она, прекрасно зная, кто с кем судится,
5 Такое предлагает им условие:
«И телом вы и цветом очень сходственны,
Поэтому простительны сомнения;
Но чтобы не ошиблась я в суждении,
Возьмите ульи, медом воск наполните,
10 Дабы по вкусу меда и по виду сот,
О коих спор, узнала я, кто делал их».
Отвергли трутни, пчелы условие приняли;
Тогда оса такой выносит приговор:
«Все ясно: кто работал, кто бездельничал;
15 Так пусть получают пчелы плод трудов своих».
Будь это все — и говорить не стоило бы;
Да трутни приговора не послушались.

Книга четвертая

Ласка и мыши

По-твоему, шутя пером я балуюсь
Лишь потому, что неспособен к большому?
Но вдумайся-ка в эти прибауточки:
Какая за ними польза обнаружится!
5 Не все то есть, что кажется: обманчивым
Бывает первый взгляд; не всяк доищется,

Что в дальней норке бережно припрятано.
Тебе в награду к этим рассуждениям
О ласке и мышях добавлю басенку.

- 10 Как стало невмочь, годами обессиленной,
Гоняться ласке за мышами ловкими,
В муке вся обвалявшись, залегла она,
Где потемнее. Мышь, прельстясь поживою,
К ней подскочила и смерть нашла в когтях ее.
15 Другая, третья гибнут тем же образом;
Но вслед над ними мышь пришла матерая,
В силках и мышеловках побывавшая,
И говорит, постигнув вражий замысел:
«Коль ты мука — мукою и лежи себе!»

3

Лиса и виноград

Под лозами лиса, терзаясь голодом,
До виноградных гроздьев вспрыгнуть силилась,
Но не смогла, и уходя, промолвила:
«Еще незрел он: не люблю кислятины!»

- 5 Кто на словах порочит непосильное,
Свое здесь должен видеть поведение.

10

Две сумы

Взвалил Юпитер на людей по две сумы:
Свои пороки — за спиной у каждого,
А чужих пороков груз подвешен спереди.

- 5 Вот мы и не видим погрешений собственных,
Зато чужим — всегда мы судьи строгие.

20

Замерзшая змея и крестьянин

Кто помогает злым, потом раскается.

Змею, совсем замерзшую от холода,
Себе на горе кто-то пригрел за пазухой,
А она, ожив, тотчас его ужалила,
5 И на вопрос, зачем она это сделала,
Сказала: «Чтобы впредь не помогали злым».

От автора

- Как рассуждает зависть о стихах моих,
 Несмотря на все уловки, я догадываюсь:
 То, что она сочтет достойным памяти,
 Отдаст Эзопу; то, что не приглянется,
 5 Припишет мне каким угодно способом.
 На это хочу я возразить заранее:
 Нелепы ль эти басни, хороши ль они,
 Придумал их Эзоп, а написал их — я.
 Но будем продолжать, что было начато.

Симонид⁴

- Ученый муж всегда богат ученостью.
 Симонид, слагатель песен замечательных,
 Избыть желая горечь тяжелой бедности,
 Решил объехать города азийские,
 5 За плату прославляя победителей.
 Таким путем промыслив состояние,
 Хотел вернуться морем он на родину —
 Был, говорят, он родом с острова Кеоса.
 Но судно, на каком он плыл, рассыпалось.
 10 В открытом море от бури и от ветхости.
 Те прячут деньги, эти — драгоценности.
 Подспорье в жизни. Кто-то стал выпрашивать:
 «А где же, Симонид, твое имущество?»
 Ответ был: «Все мое — со мной»⁵. — Немногие
 15 Спаслись тогда, а прочих потопила клать.
 Разбойники напали, грабят спасшихся,
 Пускают нагишом. Пошли несчастные
 В ближайший город, Клазомены древние.
 Здесь кто-то, занимавшийся науками,
 20 Стихи не раз читавший Симонидовы
 И вчуже обожавший сочинителя,
 Узнав его по речи, с великой радостью
 Позвал к себе и щедро одарил его,
 Одежду, деньги дав, рабов. А прочие
 25 Кормились подаванием. Как-то встретив их,
 Сказал Симонид: «Как видите, мое — со мной,
 А все, что вы набрали, сгинуло».

Гора рожаящая

Рожала гора с неслыханными стонами,
И вся земля томилась в ожидании,
А родилась мышь. Для тех написано,
Кто обещает много, а выходит вздор.

Книга пятая

2

Путники и разбойник

- Два воина наткнулись на разбойника.
Один убежал, другой остался, принял бой.
И защитил себя десницей сильною.
Когда разбойник был убит, подходит трус
5 И обнажает меч; затем, откинув плащ:
«Сюда его! уж я покажу ему,
На каких напал!» Ему в ответ сражавшийся:
«Хоть бы словами ты помог мне вовремя:
Тебе поверив, бился б я уверенней.
10 Теперь же спрячь и меч, и язык ненадобный,
Чтобы потом обманывать несведущих:
Ведь я-то видел, как бежал со всех ты ног,
И знаю, каково тебе довериться».
Такой здесь человек в виду имеется,
15 Что смел, пока все гладко, а в беде труслив.

7

Флейтист Принцес⁶

- Когда душа, пленяясь вздорной славою,
В надменное впадает самомнение,
То все смеются легковерью глупому.
Был в Риме флейтист, носивший имя
Принцепса,
5 И флейтой пляске вторивший Бафилловой⁷.
Однажды на играх (на каких — не помню уж)
Его на сцене сбilo с ног подъемником,
И ногу он сломал, хотя охотнее
Обеими бы флейтами пожертвовал.
10 Его на руках, стenaющего жалобно,
Несут домой. Проходит много месяцев,
Пока уход за ним его не вылечил.

- Тем временем разборчивые зрители
Соскучились о том, кто звучной флейтою
15 Сумел прибавить живости танцовщику.
Один богач как раз готовил зрелища:
Узнав, что Принцепс вновь способен выступить,
Добился он деньгами и уговорами,
Чтоб тот на этих играх вышел к публике.
20 День наступил, разнесся по театру слух
О Принцепсе. Одни твердят, что умер он,
Другие — что вот-вот на сцену выступит.
Дан занавес. Под грохоты громовые
Заводят боги речь свою обычную,
25 И хор вступает с песней, неизвестною
Флейтисту, вновь в театре выступавшему:
«Рим, возликуй о здравствующем принцепсе!»
Все рукоплещут, встав. А Принцепс, думая,
Что речь идет о нем, шлет поцелуи в публику.
30 Поняв дурацкую ошибку, всадники⁸
Со смехом повторенья песни требуют.
Песнь повторяют. Принцепс так и стелется
По сцене. Всадники, издеваясь, хлопают.
Народ сначала думал, что старается
35 Он получить венок; узнав же истину,
Его, как был, с ножной повязкой белой,
В тунике белой, с башмаками белыми,
Гордящегося божескими почестями,
Со сцены в шею прогоняют тотчас же.

БАСНИ ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ КНИГ

6

Об оракуле Аполлона

- «Что нам всего полезнее? Скажи, о Феб,
Насельник Дельфов и Парнаса дивного!» —
— Сказать? — И дыбом волосы пророчицы,
Гудит земля, колеблются треножники,
5 Трепещут лавры, меркнет день сияющий,
И се, разима богом, молвит пифия:
«Внимайте, люди, Фебовым вещаниям!
Блюдайте благочестье; жгите тук богам;
Отечество, родителей, детей и жен,
10 Мечом защищайте; отражайте недруга,
Помогайте другу, милуйте несчастного;
Дружите с добрым, хитрому препятствуйте;
За обиду мстите, нечестивцев сдерживайте;

- 15 Карайте осквернивших ложе брачное;
Бегите злых; не будьте легковверными».
Так говорила дева — впрямь безумная,
Ибо все ее слова пропали попусту.

22

Пастух и коза

Пастух, козе дубинкой обломавши рог,
Просил не выдавать его хозяину.
«Смолчу, хотя поступок твой и мерзостен;
Но сами вопиют его последствия».

24

Ворона и овца

- Проклятая ворона села на спину
Овце. Томясь под нею, та промолвила:
«Схватила бы ты собаку вострозубую —
Тотчас бы поплатилась». Ей зловредная:
5 «Крута я к слабым, не перечу сильному,
И разберусь, кого щипнуть, кому польстить,
Тем и живу до тысячеветней старости».

Эпilog

Каков бы ни был этот плод забав моих,
И добродетель и порок похвалят их,
Но эта — честно, тот — с немою злобою.

Примечания

- ¹ Скиф Анахарсис — легендарный мудрец (VI в. до н. э.).
² Лин — мифический певец, сын Аполлона. ³ Гебр — река по Фракии. ⁴ Симонид Кеосский — греческий поэт (559 — 469 г. до н. э.).
⁵ «Все мое — со мной» — изречение, приписываемое греческому философу Бианту, одному из «семи мудрецов». ⁶ Флейтист Принцепс — реально существовавшее лицо. Принцепс — имя флейтиста, в то же время — титул императора. ⁷ Бафилл — известный римский актер. ⁸ Первые ряды в театре отводились сословию всадников.

МАРК ВАЛЕРИЙ МАРЦИАЛ

(ок. 40 — ок. 104 г. н. э.)

Марк Валерий Марциал родился в Испании, в начале 60-х годов приехал в Рим, где ему поначалу пришлось вести унижительную жизнь клиента у богатых и знатных патронов. Положение

клиента в известной мере сказалось и на некоторых сторонах его творчества. В 99 г. Марциал возвратился в Испанию, где прожил до конца своих дней.

Литературная деятельность Марциала начинается сравнительно поздно. Он прославился остроумными короткими стихотворениями-эпиграммами, стяжавшими этому жанру признание в мировой литературе. Первый сборник его эпиграмм — «Книга зрелищ» — посвящен открытию Колизея в 80 г. н. э. Марциалу принадлежит сборник надписей к подаркам («Ксении», «Уносимое»), вслед за которым он выпускает двенадцать книг эпиграмм, составивших его подлинную славу.

Творчество Марциала глубоко противоречиво. В лучших его эпиграммах высмеиваются царившие в Риме безнравственность, разврат, раболепие перед богатыми и знатными, показана тяжелая жизнь бедняков-клиентов. В то же время у Марциала мы найдем и проявление самой низкой лести как результат зависимого положения поэта.

Переводы:

Марциал. Избр. эпиграммы. М., 1937.

Марциал. Эпиграммы. М., 1968.

Тексты в «Антологии» приведены по последнему изданию.

ЭПИГРАММЫ

КНИГА ЗРЕЛИЩ

Перевод Ф. Петровского

Книга I

Надеюсь, в своих книжках держался я такой меры, что всякий, кто правильно о себе судит, не может на них пожаловаться, потому что они, подшучивая даже над самыми незначительными лицами, сохраняют к ним уважение, в то время как древние сочинители не соблюдали этого и злонамеренно пользовались именами не только рядовых, но и важных лиц. По мне, пусть дешевле стоит моя слава и ниже всего ценится мое дарование, но пусть не будет у прямодушных наших шуток неприязненного толкователя, и пусть он не записывает моих эпиграмм: бесчестно поступает тот, кто изощряет свое остроумие на чужой книге. Игривую правдивость слов, то есть язык эпиграмм, я бы стал оправдывать, если бы первый подал пример ее, но так пишет и Катулл, и Марс, и Педон, и Гетулик¹, и каждый, кого читают и перечитывают. Если же кто окажется настолько чванным и брезгливым, что,

по нему, ни на одной странице нельзя выразаться по-латыни, он может удовольствоваться этим предисловием, а то, пожалуй, и заглавием. Эпиграммы пишутся для тех, кто привык смотреть на игры в честь Флоры. Пусть не входит в наш театр Катон², а коль уж вошел, пусть смотрит. Мне кажется, я вправе заключить мое предисловие стихами:

Коль ты об играх в праздник резвой знал Флоры,
О шутках легких и о вольности черни,
Зачем в театр явился ты, Катон строгий?
Иль только для того вошел, чтоб вон выйти?

1

Вот он, тот, кого вновь и вновь читаешь, —
Марциал, по всему известный свету
Эпиграммами в книжках остроумных:
Славой той, какой, ревностный читатель,
Наделил ты живого и в сознание,
5 Даже мертвый поэт владеет редко.

4

Коль попадутся тебе мои книжки как-нибудь,
Цезарь,
Грозных для мира бровей ты из-за них не
нахмурь.
Ваши триумфы давно привыкли к дерзким
насмешкам;
Да и предметом острот быть не зазорно
вождю.
5 Как на Тимелу порой и на гаера смотришь
Латина,
С тем же челом, я прошу, наши страницы
читай.
Может позволить вполне безобидную шутку
цензура:
Пусть шаловливы стихи, — жизнь безупречна
моя.

8

То, что Катон³ завещал безупречный, великий
Трасея⁴,
Ты соблюдаешь, но сам жизнью
не жертвуешь ты
И не бежишь на мечи обнаженные с голою
грудью.

- Так поступая, ты прав, я убежден, Дециан⁵.
5 Тот не по мне, кто легко добывает кровью
известность;
Тот, кто без смерти достиг славы, — вот этот
по мне.

15

- Мне никого из друзей нельзя предпочесть тебе,
Юлий,
Если седые права верности долгой ценить.
Шестидесятого ты уже консула скоро увидишь,
А в свою волю пожить мог ты лишь
несколько дней.
5 Плохо откладывать то, что окажется впредь
недоступным,
Собственным надо считать только лишь то,
что прошло.
Нас поджидают труды и забот непрерывные
цепи;
Радости долго не ждут, но, убегая, летят.
Крепче их прижимай руками обеими к сердцу:
Ведь из объятий порой выскользнуть могут
они.
10 Нет, никогда, мне поверь, не скажет мудрец:
«Поживу я», —
Жизнью завтрашней жить — поздно. Сегодня
живи!

16

Есть и хорошее, есть и так себе, больше плохого
Здесь ты прочтешь: ведь иных книг
не бывает, Авит.

30

Был костоправом Диавл, а нынче могильщиком
стал он:
Начал за теми ходить, сам он кого уходил.

33

Геллия наедине о кончине отцовской не плачет,
Но при других у нее слезы бегут на заказ.
Не огорчен, кто похвал от людей себе, Геллия,
ищет,
Искренняя скорбь у того, кто втихомолку
скорбит.

То, что читаешь ты вслух, Фидентин, то — мои
сочиненья,
Но, не умея читать, сделал своими ты их.

Если, Фуск, у тебя есть место в сердце, —
Ведь друзья у тебя там отовсюду, —
Мне, прошу, уступи ты это место
И меня, хоть я новый, не гони ты!
5 Ведь и старые все такими были.
Ты за тем лишь смотри, чтоб каждый новый
Стать когда-нибудь мог старинным другом.

Ты мила — нам известно, дева, правда,
Ты богата — никто не станет спорить;
Но коль хвалишься слишком ты, Фабулла, —
Не мила, не богата и не дева.

Вечно ты тяжбы ведешь и дела ведешь, Аттал,
ты вечно:
Есть, что вести, или нет, Аттал, ты вечно
ведешь.
Нет ни тяжб, ни дел, ты, Аттал, ведешь себе
мула.
Нечего, Аттал, вести? Душу свою
изведи.

Ты шепчешь на ухо всем и каждому, Цинна,
Ты шепчешь то, что можно всем сказать громко,
Смеешься на́ ухо, плачешь ты, ворчишь,
стонешь,
Поешь ты на ухо, судишь ты, молчишь, воешь,
5 И до того засел в тебе такой недуг,
Что на ухо, Цинна, ты и Цезаря хвалишь.

Не издавая своих, ты бранишь стихи мои, Лелий.
Или моих не ругай, или свои издавай.

Ты мне пеняешь, Велокс, что длинны мои
эпиграммы.
Сам ты не пишешь совсем: право, короче
нельзя!

Книга II

1

Больше трехсот эпиграмм могла бы ты вынести,
книга,
Но кто бы вынес тебя, кто бы прочел до
конца?
Вот и узнай, каковы коротенькой выгоды
книжки:
Первое, — что на нее меньше бумаги идет,
5 А во-вторых, что за час окончит ее переписчик,
Да и не только на вздор употребит его мой,
В-третьих же, коль у тебя найдется где-то
читатель, —
Пусть до конца ты плоха, не надоешь ты ему.
И за столом тебя раньше прочтут, разбавивши
кубки,
10 Чем начнет остывать чаша с горячим вином.
Думаешь ты, что успех обеспечит тебе эта
краткость?
Многим, увы, и такой будешь ты слишком
длинна!

3

Секст, ты совсем не должник, не должник ты,
Секст, будь уверен.
Может ли быть должником тот, с кого нечего
взять?

7

И в декламациях мил, и дела ведешь, Аттик, ты
мило,
Мило историю ты, мило ты пишешь стихи;
Мило ты мим сочинишь, эпиграммы твои тоже
милы,
И как грамматик ты мил, мил ты и как
астроном;
5 Мило ты и поешь и танцуешь, Аттик, ты мило,

Мило на лире бренчишь, мило играешь ты
в мяч.
Хоть ничего хорошо, но все ты делаешь мило...
Хочешь, скажу я, кто ты, Атик? Пустой
лоботряс.

8

Если, читатель, тебе покажется в сборнике этом
Что-нибудь слишком темно иль на латыни
плохой,
Это вина не моя: здесь просто наврал
переписчик,
Наспех стараясь стихи все для тебя отсчитать.
5 Если ж подумаете ты, что не он, а я в этом
грешен,
То непременно тебя я бестолковым сочту.
«Все-таки плохи стихи!» Что правда, то правда,
не спорю:
Плохи они, но ты сам пишешь не лучше
меня!

20

Павел скупает стихи и потом за свои выдает их.
Да, что купил, ты считать можешь по праву
своим.

43

«Общее все у друзей». Но как понимаешь ты,
Кандид,
То, о чем ночью и днем ты, пустомеля,
кричишь?
Шерсть для тоги твоей в лаконском Галезе⁶
промыта
Или с отборных овец пармского стада снята;
5 Ну а в мою не одеть и чучело, что принимает
Первым удары рогов бешеных в цирке быков:
Ты получаешь плащи Агеноровы с родины
Кадма⁷,
А багряницу мою за три гроша не продать.
Ножки ливийских столов у тебя из кости
индийской,
10 А у меня черепком буковый столик подперт.
Под непомерных барвен⁸ у тебя золоченые
блюда,

А у меня-то под цвет плошки краснеется рак.
<...>

- 15 И, от таких-то богатств ничего старинному другу
Не уделив, говоришь: «Общее все у друзей».

55

Полюбить бы тебя мне, Секст, хотелось,
Но, что делать, ты требуешь почтения:
Буду чтить, но любить уже не буду.

64

Лавр, пока думаешь ты, то ли ритором стать, то
ли стряпчим
И не способен решить, чем тебе хочется быть,
Век и Пелеев прошел, и Приамов, и Несторов
минул,
И уже поздно теперь медлить с решением
тебе.

- 5 Выступи ты наконец, — три ратора за год
скончались, —
Если хоть плохонький дар или умение есть.
Если претит обучать, то делами кишит каждый
форум:
Даже сам Марсий⁹ бы мог стряпчим
заделаться тут.
Ну начинай же скорей: надоело уж нам
дожидаться!
10 Кем тебе быть, не решил? Вскоре ты станешь
ничем!

67

Где бы ни встретились мы, ты, Постум, меня
окликнешь
Тотчас, и первый вопрос сразу же твой: «Как
дела?»
Встретив меня десять раз в течение часа, ты
спросишь
То же. По-моему ты, Постум, остался без
дел.

82

Что распинаешь раба, язык ему вырезав,
Понтик?
То, о чем он замолчал, весь разглашает
народ.

Ты не читаешь стихов, а желаешь слыть за
 поэта.
 Будь чем угодно, Мамерк, только стихов не
 читай.

- Квинтилиан¹⁰, ты глава наставников юношей
 шатких,
 Римской слава и честь тоги ты, Квинтилиан.
 Если спешу я пожить, хоть и беден и лет мне
 немного,
 Ты извини, но ведь жизнь, как ни спеши, —
 коротка.
- 5 Медлит пусть тот, кто отцов состоянье жаждет
 умножить
 И набивает себе предками атриум свой.
 Мне же по сердцу очаг и не чуждый копоты
 черной
 Домик, источник живой и незатейливый луг.
 Будь домочадец мой сыт, будь супруга
 не слишком учена,
- 10 Ночью будь сон у меня, день без судебных
 хлопот.

Книга III

«Квинт в Таиду влюблен». — «В какую
 Таиду?» — «В кривую».
 Глаз у Таиды один, Квинт же на оба ослеп.

Пишет стишки на меня, как слухи носят,
 Цинна,
 Как же он пишет, когда их не читает никто?

Если подружка твоя не крива, не Таидой
 зовется, —
 Квинт, почему же моим дистихом ты
 оскорблен?
 Просто по сходству имен назвал я Таидой
 Лаиду,

А с Гермией, скажи, чем же Таида сходна?
5 Правда, сам-то ты — Квинт. Ну, заменим
любовника имя:
Пусть, коль угодно, не Квинт любит Таиду,
а Секст.

27

В гости к себе не зовешь, а ко мне ты в гости
приходишь:
Я бы простил, коли ты, Галл, никого бы
не звал.
Ты приглашаешь других: мы оба с изъязном.
«С каким же?»
Твердости нет у меня, Галл, у тебя же —
стыда.

28

Все удивляешься ты, что воняет у Мария ухо.
Нестор, ты сам виноват: ты ведь наушник
его.

38

Что за причина тебя иль надежда в Рим
привлекает,
Секст? И чего для себя ждешь там иль хочешь,
скажи?
«Буду вести я дела, — говоришь, — Цицерона
речистей,
И на трех форумах мне равным не будет
никто».
5 И Атестин вел дела, и Цивис, — обоих ты
знаешь, —
Но ни один оплатить даже квартиры не мог.
«Если не выйдет, займусь тогда я стихов
сочиненьем.
Скажешь ты, их услышав, подлинный это
Марон».
Дурень ты: все, у кого одежонка ветром
подбита,
10 Или Назоны они, или Вергилии здесь.
«В атрии к знати пойду». Но ведь это едва
прокормило
Трех-четырех: на других с голоду нету лица.
«Как же мне быть? Дай совет: ведь жить-то я
в Риме решился!»
Ежели честен ты, Секст, лишь на авось
проживешь.

5

Честен ведь ты и бедняк, ты правдив на словах
и на деле,
Так почему ж, Фабиан, тянет в столицу тебя?
Ты никогда не сойдешь ни за сводника, ни за
гуляку,
Робких ответчиков в суд грозно не сможешь
ты звать
5 Ты не решишься жену соблазнить закадычного
друга
И не сумеешь прельстить ты одряхлевших
старух,
Всякий рассказывать вздор и сеять придворные
сплетни
Или же рукоплескать Гла́фира с Каном
игре ¹¹.
Чем тебе, жалкий ты, жить? «Но я друг
надежный и верный...»
Вздор это все! И тебе ввек Филомелом ¹² не
стать.

Старенькой все называет себя Цереллия-крошка,
Геллия крошкой себя, хоть и старуха, зовет.
Если несносна одна, то несносна, Коллин,
и другая:
Что смехотворно в одной, то тошнотворно
в другой.

Что богов нет нигде, что пусто небо,
Вечно Сегий твердит. И прав он, ибо,
Отрицая все это, стал богатым.

Всех до одной, Фабиан, схоронила подруг
 Ликорида:
 Вот бы с моею женой ей подружиться теперь!

Тот, поверь мне, мой Флакк, ничего
 в эпиграммах не смыслит,
 Кто их забавой пустой или потехой зовет.
 Больше забавы у тех, кто пишет про завтрак
 Терей¹³

Лютого, иль про обед твой, кровожадный
 Тиест¹⁴,
 5 Или как сыну Дедал прилаживал плавкие
 крылья,
 Иль как Циклоп Полифем пас сицилийских
 овец.
 Нет! Нашим книжкам чужда пустая
 напыщенность вовсе,
 Сирмой безумной¹⁵ совсем Муза не грезит
 моя.
 «Но ведь поэтов таких превозносят, восторженно
 хвалят».
 10 Хвалят их, я признаю, ну а читают меня.

Требуешь все от меня в подарок ты Квинт, моих
 книжек,
 Нет у меня: их продаст книгопродавец
 Трифён.
 «Деньги платить за пустяк, за стихи? Да с ума
 не сошел я!
 Я не дурак!» — говоришь. Но ведь и я не
 дурак.

Ну, довольно тебе, довольно, книжка:
 Докатились уж мы до самой скалки¹⁶,
 Ты ж все дальше вперед идти стремишься,
 И последний листок тебя не сдержит,
 5 Так, как будто не кончено с тобою,
 Хоть покончено прямо с первых строчек.
 И читатель уже ворчит усталый,
 И писец даже мой и тот уж просит:
 «Ну, довольно тебе, довольно, книжка!»

«Как объяснить, почему живым отказано в славе
И современников чтит редкий читатель
своих?»

В зависти кроется тут, без сомненья, Регул,
причина:

Предпочитает она новому старое все.
5 Неблагодарных, влечет нас к древней сени

Помпея,
Хвалят всегда старики плохонький Катула
храм.

Энния, Рим, ты любил читать при жизни
Марона,

Над Меонидом самим век издевался его;
С рукоплесканьем венки доставался редко

Менандру,
10 Да и Назон был одной только Коринне
знаком.

Вам же, о книжки мои, совсем торопиться
не надо:

Если по смерти придет слава, то я не спешу.

Беден я, Каллистрат, и всегда, признаюсь, был
я беден,

Но безупречным во всем всадником
я остаюсь.

Все и повсюду меня читают, и слышится: «Вот
он!»

То, что немногим дала смерть, подарила мне
жизнь.

5 А у тебя-то на сотню колонн опирается кровля,
Доверху полон сундук нажитым в рабстве

добром;
С нильской Сиены полей ты обширных имеешь

доходы,
Множество стад для тебя галльская Парма

стрижет.
Вот каковы мы с тобой, но быть, чем я, ты не

можешь,
10 Стать же подобным тебе может любой из
толпы.

- Если б нам, Марциал мой, можно было
 Коротать свой досуг вдвоем беспечно,
 Проводя свое время как угодно,
 И зажить настоящей жизнью вместе,
 5 То ни аtrieв, ни домов магнатов,
 Ни докучливых тяжб, ни скучных сделок
 Мы не знали б, ни гордых ликов предков.
 Но прогулки, рассказы, книжки, поле,
 10 Портик, Девы родник, аллеи, термы
 Развлекали бы нас и занимали.
 А теперь нам нет жизни, и мы видим,
 Как хорошие дни бегут, уходят,
 И хоть гибнут они, а в счет идут нам.
 Разве кто-нибудь, жить умея, медлит?

43

Зубы Таиды черны, белоснежны Лекании зубы.
 Что ж? Покупные одни, ну а другие — свои.

45

Басса, ты все говоришь, что ты молода
и красива.
 Басса привыкла давно то, чего нет, говорить.

58

- Завтра, как говоришь, поживешь ты, Постум, все
завтра.
 Завтра-то это когда ж, Постум, наступит,
скажи?
 Как далеко это завтра? Откуда нам взять его
надо?
 Может быть, скрыто оно в землях парфян
и армян?
 5 Завтра ведь это — уже Приама иль Нестора
сверстник.
 Сколько же стоит, скажи, завтра-то это твое?
 Завтра ты поживешь? И сегодня-то поздно жить,
Постум:
 Истинно мудр только тот, Постум, кто пожил
вчера.

81

Эмилиан, ты всегда останешься бедным, коль
беден:
 Деньги даются теперь только одним богачам.

Книга VI

11

Ты удивляешься, Марк, что Пилада вместе
с Орестом
Нет в наши дни? Но Пилад то же пивал, что
Орест;
Лучший хлеб и дрозды никогда не давались
Оресту,
Но накрывался всегда им одинаковый стол.
5 Устриц лукринских ты жрешь, водянистую ем
я улитку,
Хоть и порода моей глотки не хуже твоей.
Кадмов Тир тебе шлет, мне же Галлия грязная
ткани:
Хочешь, чтоб пурпур твой, Марк, в грубом
плаще я любил?
Чтоб я представил собой Пилада, представь мне
Ореста,
10 Не на словах только, Марк: чтоб быть
любимым, люби.

40

Было нельзя предпочесть никого тебе, Ликорида.
Но никого предпочесть нынче Гликере нельзя.
Будет она, как и ты, но такой, как она, ты не
будешь:
Время всеильно! Тебя жаждал, а жажду ее.

48

Не обольщайся, что громко кричат тебе римляне
«браво»:
Вовсе, Помпоний, не ты, — красноречив твой
обед.

53

В баню он с нами ходил, пообедал веселый, и все
же
Рано поутру найден мертвым был вдруг
Андрагор.
Просишь, Фавстин, объяснить неожиданно
смерти причину?
Да Гермократа-врача видел он ночью во сне.

60 (61)

Любит стихи мои Рим, напевает повсюду
и хвалит,

Носит с собою меня каждый и держит
в руках.
Вот покраснел, побледнел, плюнул кто-то,
зевнул, столбенеет...
Это по мне! И стихи нравятся мне самому.

Книга VII

3

Понтилиан, почему тебе книжек своих не дарю
я?
Чтоб своих собственных ты мне никогда
не дарил.

25

Хоть ты и пишешь одни только сладкие всё
эпиграммы,
Чистя их так, что они кожи беленой белей,
И ни крупинки в них нет соленой, ни капельки
горькой
Желчи, ты хочешь, глупец, чтобы читали их
все ж!
5 Пища и та ведь пресна, коль не сдобрена
уксусом едим;
Что нам в улыбке, коль с ней ямочки нет на
щеке?
Яблоком медовых и смокв безвкусных давай-ка ты
детям,
Мне же по вкусу лишь та фига, которая жжет.

41

Космополитом себя ты, Семпроний Тукка,
считаешь:
В космосе, Тукка, добра столько же, сколько
и зла.

81

«Целых тридцать плохих эпиграмм в твоей
книге!» Ну что же?
Если хороших в ней, Лавс, столько ж, она
хороша.

85

Четверостишия ты сочиняешь, порой не без соли,
Мило, скажу я, Сабелл, пишешь двустишия
ты.

Это похвально, но я не в восторге. Писать
эпиграммы
Мило не трудно, но вот книгу писать не
легко.

Книга VIII

3

- «Книжек довольно пяти, а шесть или семь — это
слишком
Много; и все же тебе хочется, Муза, шалить?
Надо и совесть иметь: ничем одарить меня
больше
Слава не может: везде книгу читают мою.
5 Даже когда упадут с подножия камни Мессалы
И обратится когда мрамор Лицина во прах,
Буду я все на устах, и много с собой иноземцев
В отчей пределы страны наши стихи унесет».
Так говорил я, но тут был прерван девятой
сестрою¹⁷, —
10 С кудрей ее и плаща благоуханье лилось:
«Неблагодарный! И ты забросишь веселые
шутки?
Чем же ты лучше, скажи, праздный
заполнишь досуг?
Или сандалий сменить на котурн трагический
хочешь,
Или войну воспевать тяжкую в строгих
стихах,
15 Чтобы надутый читал тебя голосом хриплым
учитель
К негодованью девиц и благонравных юнцов?
Пусть это будет писать, кто суров чересчур
и степенен
И освещает кого лампа средь ночи глухой.
Ты же игривый свой стих пропитывай римскою
солью,
20 Чтоб, прочитав его, жизнь нравы узнала свои.
Кажется пусть, будто ты на тоненькой дудочке
свищешь,
Коль заглушает твоя дудочка множество
труб».

69

Удивляешься старым лишь поэтам
Ты, Вакерра, и хвалишь только мертвых.

Но прости: чтоб тебе угодным стать мне,
Умирать, право, смысла нет, Вакерра.

Книга IX

10(5)

Хочешь за Приска идти? Понятно: ты, Павла, не
дура.
Он же тебя не берет: видно, и Приск не
дурак.

15

Хлоя-злодейка семь раз на гробницах мужей
написала:
«Сделала Хлоя». Скажи, можно ли искренней
быть?

49

Вот она, тога, в моих частенько воспетая
книжках;
К ней мой читатель привык, и полюбил он ее.
Встарь от Парфения я получил эту тогу (поэта
Памятен дар мне) и в ней всадником видным
ходил
В дни, когда новой была и лоснилась шерстью
блестящей,
В прежние дни, когда шло имя дарителя
к ней.
Нынче старуха она: погнушается ею озябший
В стужу бедняк, и назвать можно ее
«ледяной».
Долгие дни и года, вы губите все без разбора!
10 Уж не Парфения, нет: сделалась тога моей.

70

«О, времена!» — восклицал: «О,
нравы!» — некогда Туллий
В дни святотатственных смут, что Катилина
поднял,
В дни, когда зять и тесть в жестоких битвах
боролись
И от гражданской войны кровью земля
налилась.
5 Что же ты: «О, времена! О, нравы!» — теперь
восклицаешь?

Что не по нраву тебе, Цецилиан, объясни!
Нет ни свирепых вождей, ни смут, ни кровавых
сражений,

Можно в спокойствии нам мирно и радостно
жить.

10 Нравы не наши тебе твои времена загрязняют,
Цецилиан, — это все делают нравы твои.

80

Геллий, голодный бедняк, на богатой старухе
женится:
Право, можно сказать: сыт теперь Геллий
женой.

81

Слушатель книжки мои и читатель, Авл,
одобряют,
Ну а какой-то поэт лоска не чувствует в них.
Я не волнуюсь ничуть: предпочту, чтоб за
нашим обедом
Блюда скорее гостям нравились, чем
поварам.

92

Бед господина и благ раба ты, Кóндил, не
знаешь,
Жалуясь все на свою долгую участь раба.
Жалкой циновочке ты обязан сном
безмятежным,
Гай на перине, смотри, глаз не смыкая,
лежит.
5 Гай твой ни свет ни заря каждый день навещает,
дрожащий,
Столько господ, ну а ты, Кондил, нейдешь
и к нему.
«Гай, уплати-ка мне долг!» — кричит ему Феб,
и сейчас же
Киннам кричит, а тебя, Кондил, не кликнет
никто.
Страшно тебе палача? И подагра сечет и
хирагра¹⁸
10 Гая: ударов плетью тысячу он предпочтет.
Что не блюешь поутру, языка своего не
поганишь,
Кондил, не лучше ль твоя участь, чем Гая,
втройне?

С зависти лопнуть готов, говорят, кто-то, милый
мой Юлий,
Что мой читатель — весь Рим, — с зависти
лопнуть готов.

С зависти лопнуть готов, что во всякой толпе
неприменно

Пальцем укажут меня, — с зависти лопнуть
ГОТОВ.

5 С зависти лопнуть готов, что оба мне Цезаря
дали

Право троих сыновей, — с зависти лопнуть
ГОТОВ.

С зависти лопнуть готов, что владею под Римом
я дачкой.

В Риме же дом у меня, — с зависти лопнуть
ГОТОВ.

С зависти лопнуть готов, что друзьям я приятен
и в гости

10 Я постоянно хожу, — с зависти лопнуть готов.

С зависти лопнуть готов, что и любят меня, да
и хвалят...

Ну так и лопни, коль ты с зависти лопнуть
ГОТОВ.

Книга X

4

Что об Эдипе читать, о сокрытом мглою Тиесте,
Скиллах, колхийках, о всех чудищах только
читать?

Что тебе Партенопей, иль похищенный Гил, или
Аттис?

В Эндимионе, скажи, спящем какой тебе прок?

5 Или же в мальчике том, с которого падают крылья?

В Гермафродите, кому нимфы противна
любовь?

Чем привлекает тебя такой вздор на жалкой бумаге?

То ты читай, где сама жизнь говорит:
«Это я».

Здесь ты нигде не найдешь ни Горгон, ни
Кентавров, ни Гарпий,

- 10 Нет, — человеком у нас каждый листок отдает:
Но ведь ни нравов своих, ни себя ты не хочешь,
Мамурра,
Знать? Так «Начала» тогда ты Каллимаха
чита́й.

8

Замуж идти за меня очень хочется Павле, но
Павлы
Я не желаю: стара. Старше была б, — захотел.

31

- Продал вчера своего за двенадцать тысяч раба
ты,
Чтоб пообедать разок, Каллиодор, хорошо.
Но не хорош твой обед: в четыре фунта барвена
Блюдом была основным и украшением стола.
5 Хочется крикнуть тебе: «Негодяй, это вовсе не
рыба:
Здесь человек! А ты сам, Каллиодор,
людоед!»

47

- Вот что делает жизнь вполне счастливой,
Дорогой Марциал, тебе скажу я:
Не труды и доходы, а наследство;
Постоянный очаг с обильным полем,
5 Благодушие без тяжб, без скучной тоги,
Тело, смолоду крепкое, здоровье,
Простота в обращении с друзьями,
Безыскусственный стол, веселый ужин,
Ночь без пьянства, зато и без заботы,
10 Ложе скромное без досады нудной,
Сон, в котором вся ночь как миг проходит,
Коль доволен своим ты состояньем,
Коли смерть не страшна и не желанна.

74

- Устал ходить я на поклоны! Рим, сжался
Ты над клиентом! Долго ль мне еще надо,
Толкаясь в свите между бедняков в тогах,
Свинчаток сотню получать за день целый,
5 Коль победитель Скорп за час один веских
Берет мешков пятнадцать с золотом ярким?
Не надо мне в награду за мои книжки —

- Ведь грош цена им! — апулийских всех пастбищ;
Ни хлебородный Нил не манит нас с Гиблой,
10 Ни грозд сетинский нежный, что с высот горных
В помптинские болота топкие смотрит.
Чего ж мне надо, спросишь? Да поспать вволю!

104

- Флаву нашему спутницей будь, книжка,
В долгом плаванье, но благоприятном,
И легко уходи с попутным ветром
К Терракона испанского твердыням.
5 На колесах ты там поедешь быстро
И Салон свой, и бильбилы высоты,
Пять упряжек сменив, увидеть сможешь.
Спросишь, что поручаю я? Немногих,
Но старинных друзей моих, которых
10 Тридцать зим и четыре я не видел,
Тотчас, прямо с дороги ты приветствуй
И еще поторапливай ты Флава,
Чтоб приятное он и поудобней
Подыскал мне жилье недорогое,
15 Где бы мог твой отец отдаться лени.
Вот и всё. Капитан зовет уж грубый
И бранит задержавшихся, а ветер
Выход в море открыл. Прощай же, книжка:
Ожидать одного корабль не станет.

Книга XI

3

- Рад Пимплеиде моей не один только Город
досужий,
И не для праздных ушей я сочиняю стихи.
Нет, и в морозном краю у гетов, под знаменем
Марса,
Книгу мусолит мою центурион боевой.
5 Наши стихи, говорят, напевают в Британии
даже —
Что мне? Не знает о том вовсе мой тощий
кошель.
Ну а какие бы мог писать я бессмертные свитки,
Что за сражения петь на пиэрийской трубе,
Если бы нам божества вернули Августа с неба
10 И Мецената они, Рим, даровали тебе!

Ты обманщик, Вакерра, и доносчик,
Клеветник ты и выжига, Вакерра,
И подлец, и разбойник. Удивляюсь,
Почему же без денег ты, Вакерра?

Ты ничего не даешь мне при жизни, сулишь
после смерти.
Коль не дурак ты, Марон, знаешь, чего
я хочу.

Книга XII

Зубы и кудри себе, бесстыдница, ты покупаешь,
Но у кого же ты глаз, Лелия, купишь себе?

- Ты шестьдесят поутру обиваешь порогов,
сенатор,
Я же при этом кажусь всадником праздным
тебе,
Из-за того, что ни свет ни заря не бегу я по
Риму
И поцелуев домой тысячи я не тащу.
5 Все это делаешь ты, чтобы консулом стать,
чтобы править
Иль нумидийцами, иль в Каппадокийской
земле.
Я же, кого ты вставать заставляешь, лишь
я разоспался,
Переносить и терпеть улицы грязь на заре,
Жду я чего? Раз нога вылезает из обуви рваной,
10 И неожиданно дождь мочит меня проливной,
И не приходит на зов ко мне раб, мое платье
унесший,
И, наклоняясь, слуга на ухо мерзлое мне
Шепчет: «Сегодня тебя на обед приглашает
Леторий!».
В двадцать сестерциев? Нет, лучше, по мне,
голодать,
15 Если мне плата — обед, тебе же — провинция
плата,
Если за то же, что ты, я получаю не то!

- Целых тридцать четыре жатвы прожил
 Я, как помнится мне, с тобою, Юлий.
 Было сладко нам вместе, было горько,
 Но отрадного все же было больше;
 5 И, коль камешки мы с тобой разложим
 На две кучки, по разному их цвету,
 Белых больше окажется, чем черных.
 Если горести хочешь ты избегнуть
 И душевных не ведать угрызений,
 10 То ни с кем не дружи ты слишком тесно:
 Так, хоть радости меньше, меньше горя.

51

Что Фабуллина вечно водят все за нос,
 Дивишься, Авл? Кто честен, тот всегда в дурнях.

80

Чтоб не хвалить Каллистрату достойных, он
 всякого хвалит.
 Если плохих для него нету, то кто же хорош?

Примечания

- ¹ *Марс, Педон, Гетулик* — римские поэты-эпиграммы.
² *Марк Порций Катон Старший* (234—149 г. до н. э.), известен строгостью при исполнении должностей цензора, защитник старой, строгой римской морали. ³ *Марк Порций Катон Младший* (Утический) — противник Цезаря. После поражения Помпея покончил жизнь самоубийством в г. Утике. ⁴ *Трасея Пет* — римский сенатор, философ-стоик, в 66 г. н. э. по приговору сената сам вскрыл себе вены. ⁵ *Дециан* — философ-стоик. ⁶ *Галез* — река в Спарте. ⁷ *Родина Кадма* — здесь: Греция. ⁸ *Барвена* — дорогая рыба. ⁹ *Марсий* — здесь: статуя на римском форуме, где разбирались судебные дела. Марсий — силен, спутник Диониса. ¹⁰ *Марк Фабий Квинтилиан*, знаменитый римский ритор, автор «Наставлений оратору». ¹¹ *Глафир, Кан* — музыканты. ¹² *Филомел* — известный римский богач. ¹³ Речь идет о Прокне, жене фракийского царя Терее, накормившей мужа мясом своего сына (см. с. 568). ¹⁴ См. в «Антологии» трагедию Сенеки «Тизест». Тизест назван здесь кровожадным за свое вероломство, жертвой которого стал сын Атрея. ¹⁵ *Сирма* (греч.) — длинный плащ, который носили драматические актеры. *Здесь:* трагедия. ¹⁶ Римская книга представляла собой свиток, навертывавшийся на палку. ¹⁷ *Девятая сестра* — Талия, муза комедии и эпиграммы. ¹⁸ *Хирагра* — воспаление суставов рук.

ДЕЦИМ ЮНИЙ ЮВЕНАЛ

(сер. I в. — 127 г. н. э.)

Децим Юний Ювенал родился в г. Аквине. В Риме он учился риторике, стал декламатором. Не добившись никаких успехов на этом поприще, вынужден был избрать себе унизительно-тягостную жизнь клиента. К литературной деятельности он обращается сравнительно поздно и создает всего шестнадцать сатир, которые принесли ему славу обличителя зла, власти денег, пороков римского общества.

Риторически-декламационная окраска, присущая его произведениям, не могла в сколько-нибудь значительной степени ослабить обличительную силу его стихов. Для всей последующей литературы сатиры Ювенала стали символом поэзии гнева, поражающей пороки общества.

Переводы:

Римская сатира. М., 1957.

Тексты в «Антологии» приведены по этому изданию.

САТИРЫ

*Сатира первая*¹

- Долго мне слушать еще? Неужели же не
Вовсе измученный сам «Тезеидой»² охрипшего
Иль безнаказанно будут читать мне — элегии
Тот же — тогаты?³ Займет целый день «Телеф»⁴
Или «Орест», что полей не оставил в исписанной
Занял изнанку страниц и все же еще не окончен?
Я ведь совсем у себя как дома в Марсовой роще
Или в пещере Вулкана, соседней с утесом Эола.
Чем занимаются ветры, какие Эак⁵ истязает
10 Тени, откуда крадут и увозят руно золотое,
Что за огромные ясени мечет Моних⁶ по
Вот о чем вечно кричат платаны Фронтон⁷,
Шаткий уже, и колонны, все в трещинах от
Но почему я избрал состязанье на поприще, где
20 Правил конями великий питомец
Аврунки — Луцилий⁸,

Я объясню, коль досуг у вас есть и терпение
слушать.

Трудно сатир не писать, когда женится евнух
раскисший,

Мевия⁹ тускского вепря разит и копьем
потрясает,

Грудь обнажив; когда вызов бросает патрициям
тот, кто

Звонко мне — юноше — брил мою бороду,
ставшую жесткой;

Если какой-нибудь нильский прохвост, этот раб
из Канопы,

Этот Криспин¹⁰ поправляет плечом свой
пурпурный тирийский

Плащ и на потной руке все вращает кольцо
золотое,

Будто не может снести от жары он тяжелого
перстня,

30 Как тут сатир не писать? Кто настолько терпим
к извращениям

Рима, настолько стальной, чтоб ему удержаться
от гнева,

Встретив юриста Матона на новой лектике, что
тушей

Всю заполняет своей, позади же — доносчик на
друга

Близкого, быстро хватающий все, что осталось
от крахов

Знатных людей: его Масса боится, его улецают
Кар¹¹ и дрожащий Латин¹², свою подсылая

Тимелу.
Здесь оттеснят тебя те, кто за ночь получает

наследство,
Те, кого к небу несет наилучшим путем

современным
Высших успехов — путем услуженья богатой

старушке <...>

Ясно, каким раздраженьем пылает иссохшая
печень,

Ежели давит людей толпой провожатых
грабитель

Мальчика, им развращенного, иль осужденный
бесплодным

Постановлением суда: что такое бесчестье при
деньгах?

Изгнанный Марий¹³, богов прогневив, уже пьет
спозаранку:

- 50 Он веселится — и стоном провинция правит
победу.
Это ли мне не считать венусийской лампы¹⁴
достойным,
Этим ли мне не заняться? А что еще более
важно?
Путь Диомеда, Геракла, мычанье внутри
Лабиринта
Или летящий Дедал и падение в море Икара?
<...>

Разве не хочется груды страниц на самом
перекрестке
Враз исписать, когда видишь, как шестеро носят
на шее
Видного всем отовсюду, совсем на открытом
сиденье
К ложу склоненного мужа, похожего на
Мецената, —
Делателя подписей на подлогах, что влажной
печатью
На завещаньях доставил себе и известность
и средства.

- Там вон матрона, из знатных, готова в
каленское с мягким
70 Вкусом вино подмешать для мужа отраву из
жабы;
Лучше Лукусты¹⁵ она своих родственниц
неискушенных
Учит под говор толпы хоронить почерневших
супругов.

Хочешь ты кем-то прослыть? Так осмелся на
то, что достойно
Малых Гиар¹⁶ да тюрьмы: восхваляется
честность, но зябнет;
Лишь преступленьем себе наживают сады
и палаты,
Яства, и старый прибор серебра, и кубки
с козлами.
Даст ли спокойно уснуть вам скупой снохи
совратитель
Или же гнусные жены да в детской одежде
развратник?

- Коль дарования нет, порождается стих
возмущеньем,
80 В меру уменья — будь стих это мой или стих
Клувиена¹⁷.
С самой потопа поры, когда при вздувшемся
море
Девкалион на ладье всплыл на гору, судьбы
пытая,
И понемногу согрелись дыханьем размякшие
камни
И предложила мужам обнаженных девушек
Пирра,
Все, что ни делают люди, — желания, страх,
наслажденья,
Радости, гнев и раздор, — все это начинка для
книжки.
Разве когда-нибудь были запасы пороков
обильней,
Пазуха жадности шире открыта была и имела
Наглость такую игра? Ведь нынче к костям не
подходят
90 Взяв кошелек, но, сундук на доску поставив,
играют.
Что там за битвы увидишь при
оруженосце — кассире!
Есть ли безумие хуже: сто тысяч сестерциев
бросить
И не давать на одежду рабу, что от холода
дрогнет?
Кто из отцов воздвигал столько вилл, кто
в домашнем обеде
Семь перемен поедал? Теперь же на самом
пороге
Ставят подачку, — ее расхищает толпа, что одета
В тоги. Однако сперва вам в лицо поглядит,
опасаясь,
Не подставной ли пришел и не ложным ли
именем просишь;
Признан, — получишь и ты. Чрез глашатая
кличет хозяин
100 Даже потомков троян¹⁸: и они обивают пороги
Так же, как мы. «Вот претору дай, а потом
и трибуну»
Вольноотпущенник — первый из нас: «Я раньше,
мол, прибыл.

Что мне бояться и смело свое не отстаивать
 место:
 Пусть я рожден у Евфрата, в ушах моих женские
 дырки, —
 Сам я не спорю, но пять моих лавок четыреста
 тысяч
 Прибыли мне принесут; что желаннее пурпур
 широкий¹⁹
 Даст, коль Корвин²⁰ сторожит наемных овец в
 лаврентийском
 Поле, а я — побогаче Палланта или Лицина²¹».

Стало быть, пусть ожидают трибуны и пусть
 побуждают

110 Деньги: не должен же нам уступать в священном
 почете
 Тот, кто недавно был в Рим приведен с ногой
 набеленной,²²
 Раз между нами священной всего — величие
 денег.

Правда, еще роковая Деньга обитает не в храме,
 Мы не воздвигли еще алтарей, и монетам
 не создан
 Культ, как Верности, Миру, как Доблести, или
 Победе,
 Иль Согласно, что щелкает нам из гнезда²³
 на приветы. <...>

Вот уж из сѐней уходят, устав, пожилые клиенты.
 Как ни живуча у них надежда авось пообедать,
 Но расстаются с мечтой, покупают дрова

и капусту,
 Их же патрон будет жрать между тем все, что
 лучшего шлет нам
 Лес или море: и сам возлежать на просторных
 подушках:
 Ибо со скольких прекрасных столов, и широких
 и древних,
 Так вот в единый присест проедают сразу
 наследства.

Если ж не будет совсем паразитов, то кто
 перенес бы

140 Роскоши скупость такую? И что это будет за
 глотка
 Целых глотать кабанов — животных, рожденных
 для пиршеств?

Впрочем, возмездье придет, когда ты снимешь
одежду,
Брюхо набив, или в баню пойдешь, объевшись
павлином.
Без завещания старость отсюда, внезапные
смерти,
И — для любого обеда совсем не печальная
новость —
Тело несут среди мрачных друзей и на радость
народу.

Нечего будет прибавить потомству к таким
нравам
Нашим: такие дела и желанья внуков пребудут.
Всякий порок до предела дошел: используй же
парус,
150 Всё полотно распускай! Но здесь ты, может
быть, скажешь:
«Где же талант, равносильный предмету? Откуда
у древних
Эта письмá прямота обо всем, что придет
сгоряча им
В голову?» — Я не осмелюсь назвать какое-то
имя?
Что мне за дело, простит или нет мои Муций²⁴
намеки.
«Выставь-ка нам Тигеллина — ты загорись, как
факел,
Стоя ты будешь пылать и с пронзенною грудью
дымиться,
Борозду вширь проводя по самой середине
арены».

— Значит, кто дал аконит трем дядьям, тот
может с носилок
Нас презирать, поглядев с высоты своих мягких
подушек?
160 «Если ты встретишься с ним, — запечатай уста
себе пальцем
Тотчас же он донесет, коль слово вымолвишь:
«Вот он!»
Сталкивать можно спокойно Энея с Рутулом
диким²⁵,
Не огорчится никто несчастною долей Ахилла
Или пропавшего Ги́ла, ушедшего под воду
с урной,

Только взмахнет как мечом обнаженным пылкий
 Луцилий, —
 Сразу краснеет пред ним охладевший от
 преступленья
 Сердцем, и пот прошибет виновника тайных
 деяний.
 Слезы отсюда и гнев. Поэтому раньше обдумай
 Это в душе своей, после ж труби; а в шлеме уж
 поздно
 170 Схватки бежать». — Попробую, что
 позволительно против
 Тех, кого пепел зарыт на Фламиньевой или
 Латинской²⁶

Сатира третья

Правда, я огорчен отъездом старинного
 друга,
 Но одобряю решение его — поселиться
 в пустынных
 Кумах, еще одного гражданина даруя Сивилле.
 Кумы — преддверие Бай²⁷, побережье достойное
 сладкой
 Уединенности: я предпочту хоть Прохиту²⁸ —
 Субуре²⁹.
 Как бы ни жалки места и заброшены видом,
 Хуже мне кажется страх пред пожарами, перед
 развалом
 Частым домов, пред другими несчастьями
 жуткого Рима,
 Вплоть до пиит, что читают стихи даже в августе
 знойном.
 10 Друг мой, пока его скарб размещался в единой
 повозке,
 Остановился у старых ворот отсыревшей
 Капены³⁰. <...>
 Здесь Умбриций сказал: «Уж раз
 не находится места
 В Риме для честных ремёсл и труд не приносит
 дохода,
 Если имущество нынче не то, что вчера,
 а завтра
 Меньше станет еще, то лучше будет уйти нам
 В Кумы, где сам Дедал сложил утомленные
 крылья.

- Родину брошу, пока седина еще внове и старость
 Стана не гнет, пока у Лахесы³¹ пряжа не выпшла,
 Сам на ногах я хожу и на посох не опираюсь.
 Пусть остаются себе здесь жить Арторий
 и Катул,
- 30 Пусть остаются все те, кто черное делает белым,
 Те, что на откуп берут и храмы, и реки, и гавань,
 Чистят клоаки, тела мертвецов на костер
 выставляют
 Или продажных рабов ведут под копые³²
 господина.
- Эти-то вот трубачи, завсегдатаи бывшие разных
 Мелких арен, в городах известные всем как
 горланы,
 Зрелища сами дают и по знаку условному черни,
 Ей угождая, любого убьют, а с игр
 возвратившись,
 Уличный нужник на откуп берут; скупили бы всё
 уж!
- 40 Именно этих людей судьба ради шутки выводит
 Часто из самых низов на вершину почета
 и славы.
- Что мне тут делать еще? Я лгать не могу,
 не умею
 Книгу хвалить и просить, когда эта книга
 плохая;
 С ходом я звезд незнаком, не желаю
 предсказывать сыну
 Смерти отца, никогда не смотрел в утробу
 лягушки;
 Несть подарки жене от любовника, несть
 порученья —
 Могут другие, а я никогда не пособничал вору.
 Вот почему я Рим покидаю, не бывши клиентом,
 Точно калека какой сухорукий, к труду
 неспособный.
- Кто в наши дни здесь любим? Лишь сообщник с
 корыстной душою. <...>
- Высказать я поспешу — и стыд мне не будет
 помехой, —
 Что за народ стал приятнее всем богачам нашим
 римским:
- 60 Я от него и бегу. Перенести не могу я, квириты,
 Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших
 ахейцев,

Но ведь давно уж Оронт сирийский стал Тибра
 притоком,
 Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми
 струнами,
 Флейтщиц своих, тимпаны туземные, разных
 девчонок:
 Велено им возле цирка стоять. — Идите, кто
 любит
 Этих развратных баб в их пестрых варварских
 лентах!
 Твой селянин, Квирин, оделся теперь паразитом,
 Знаком побед цирковых отличил умощенную
 шею!
 Греки же все — кто с высот Сикиона, а кто
 амидонец,
 70 Этот с Андрóса, а тот с Самóса, из Тралл,
 Алабанды, —
 Все стремятся к холму Эсквилинскому иль
 Виминалу³³,
 В недра знатных домов, где будут они
 господами.
 Ум их проворен, отчаянна дерзость, а быстрая
 речь их,
 Как у Исея, течет³⁴. Скажи, за кого ты считаешь
 Этого мужа, что носит в себе кого только
 хочешь:
 Ритор, грамматик, авгур, геометр, художник,
 цирюльник,
 Канатоходец, и врач, и маг, — все с голоду знает
 Этот маленький грек; велишь — залезет на небо;
 Тот, кто на крыльях летал, — не мавр, не сармат,
 не фракиец,
 80 Нет, это был человек, родившийся в самых
 Афинах.
 Как не бежать мне от их багряниц? Свою руку
 приложит
 Раньше меня и почетней, чем я, возляжет
 на ложе
 Тот, кто в Рим завезен со сливами вместе
 и смоквой?
 Что-нибудь значит, что мы авентинский воздух
 вдыхали
 В детстве, когда мы еще сабинской оливкой
 питались?

- Тот же народ, умеющий льстить, наверно
похвалит
Неуча речь, кривое лицо покровителя-друга
Или сравнит инвалида длинную шею с затылком
Хоть Геркулеса, что держит Антея далеко от
почвы,
90 Иль восхвалит голосок, которому не уступает
Крик петуха, когда он по обычаю курицу топчет.
Все это можно и нам похвалить, но им только'
вера.
Кто лучше грека в комедии роль сыграет Таиды,
Или же честной жены, иль Дориды нагой,
не прикрытой
Даже накидкой? Поверить легко, что не маска
актера —
Женщина тут говорит; до того у нее всё изящно,
Что и подумать нельзя, что мужчина стоит перед
нами.
Греков нельзя удивить ни Стратоклом,
ни Антиохом,
Ни обаятельным Гемом с Деметрием³⁵:
комедианты —
100 Весь их народ: где смех у тебя — у них
сотрясение
Громкого хохота, плач — при виде слезы
у другого,
Вовсе без скорби. Когда ты зимой попросишь
жаровню,
Грек оденется в шерсть; скажешь: «жарко», — он
уж потеет.
С ним никак не сравнимся мы: лучший здесь —
тот, кто умеет
Денно и ночью носить на себе чужую личину,
Руки свои воздевать, хвалить покровителя-друга,
Как он ловко рыгнул, как здорово он помочился,
Как он, выпятив зад, затрещал с золоченого
судна.
Похоти их нет преграды, для них ничего нет
святого:
110 Будь то семейства мать, будь дочь-девица, будь
даже
Сам безбородый жених или сын, дотол
стыдливый;
Если нет никого, грек валит и бабушку друга...
Все-то боятся его: он знает домашние тайны.

Раз уж о греках зашла наша речь, прогуляйся в
 гимназий, —
 Слышишь, что говорят о проступках высшего
 рода:
 Стоиком слывший старик, уроженец того
 побережья,
 Где опустилось перо крылатой клячи Горгоны³⁶,
 Друг и учитель Барей³⁷, Барею угробил
 доносом.
 Римлянам места нет, где уже воцарился какой-то
 120 Дифил, а то — Протоген иль Гермарх, что
 по скверной привычке
 Другом владеет один, никогда и ни с кем не
 делая;
 Стоит лишь греку вложить в легковерное ухо
 патрона
 Малую долю отрав, естественных этой породе, —
 Гонят с порога меня, и забыты бывшие услуги:
 Ценится меньше всего такая утрата клиента. <...>
 Рим доверяет тому, кто хранит в ларце своем
 деньги:
 Больше монет — больше веры; клянись алтарем
 сколько хочешь,
 Самофракийским иль нашим, — бедняк, говорят,
 презирает
 Божьи перуны, его не карают за это и боги.
 Что же, если бедняк действительно служит
 предлогом
 К шуткам для всех? Лацерна³⁸ его и худа
 и дырява,
 Тога уже не чиста, башмак запросил уже каши,
 150 Много заплат на заштопанной рвани открыто
 для взоров,
 С нитками новыми здесь, а там уж покрытыми
 салом...
 Хуже всего эта бедность несчастная тем, что
 смешными
 Делает бедных людей. «Уходи, говорят, коли
 стыд есть,
 Кресла очисти для всадников, раз у тебя
 не хватает
 Ценза». Пускай уж в театре сидят хоть
 сводников дети,
 Что рождены где-нибудь в непотребном доме;
 пускай там

Больше, чем нужно, притом иногда — из чужого
 кармана;
 Это здесь общий порок: у всех нас кичливая
 бедность.
 Много тут что говорить? На все-то в Риме цена
 есть:
 Сколько заплатишь, чтоб Косса⁴⁰
 приветствовать как-нибудь лично,
 Чтоб на тебя Вейентон⁴¹ взглянул, и рта
 не раскрывши?
 Бреется тот, а этот стрижет волоса у любимца;
 Праздничный полон лепешками дом, бери,
 но — за плату.
 Мы ведь клиенты, должны платить своего рода
 подать
 Даже нарядным рабам, умножая их сбереженья.
 190 Тот, кто в Пренесте холодной живет,
 в лежащих средь горных,
 Лесом покрытых кражей Вольсиниях, в Габиях
 сельских,
 Там, где высокого Тибура склон, — никогда
 не боится,
 Как бы не рухнул дом, а мы населяем столицу
 Все среди тонких подпор, которыми держит
 обвалы
 Домоправитель: прикрыв зияние трещин
 давнишних,
 Нам предлагают спокойно спать в нависших
 руинах.
 Жить-то надо бы там, где нет ни пожаров,
 ни страхов.
 Укалегон⁴² уже просит воды и выносит пожитки,
 Вот задымился и третий этаж, а ты и не знаешь:
 200 Если с самых низов поднялась тревога у лестниц,
 После всех погорит живущий под самою
 крышей,
 Где черепицы одни, где мирно несутся голубки...
 Ложе у Кодра одно (для Прóкулы —
 коротковато),
 Шесть горшков на столе да внизу еще маленький
 кубок,
 Там же под мрамор доски завалилась фигурка
 Хирона,
 Старый ларь бережет сочинения греков
 на свитках

- (Мыши-невежды грызут эти дивные
стихотворенья).
- Кодр ничего не имел, не правда ли? Но от
пожара
Вовсе впал в нищету, бедняга. Последняя степень
210 Горя тяжелого в том, что нагого, просящего
корки,
Не приютит уж никто, и никто его не накормит.
Рухни крупнейший дом, хоть Астурика, — и без
прически
Матери, в трауре — знать, и претор тяжбы
отложит,
Все мы вздыхаем о римской беде, проклиная
пожары;
Дым полыхает еще, а уж други берут и
в подарок
Мраморы тащат с собой; обнаженные статуи
блещут,
Этот творенья несет Эвфранора и Поликтета⁴³;
Эта — старинный убор божеств азиатского
храма;
Тот — и книги, и полки для них, и фигуры
Минервы;
220 Тот — четверик серебра. Так и Персик, бобыль
богачейший,
Глядь, поправляет дела и лучше и шире, чем
были, —
И подозренье растет, не сам ли поджег он
хоромы.
Если от игр цирковых оторваться ты в силах,
то можешь
В Соре купить целый дом в Фабратерии,
во Фрузиноне;
Столько отдашь, сколько стоит на год
городская каморка,
Садик там есть, неглубокий колодец (не нужно
веревки),
С легким сердцем польешь ты водой простые
растенья;
Сельского друг жития, хозяйничай на огороде,
Где можешь пир задавать, хоть для сотни
пифагорейцев.
230 Что-нибудь значит владеть самому хоть
кусочком землицы

Где? Да не все ли равно, хоть бы в любом
захолустье.

Бóльшая часть больных умирает у нас
от бессонниц;
Полный упадок сил производит негодная пища,
Давит желудочный жар. А в каких столичных
квартирах
Можно заснуть? Ведь спится у нас лишь за
крупные
деньги.

Вот потому и болезнь: повозки едут по узким
Улиц извивам, и брань слышна у стоящих обо-
зов, —

Сон улетит, хоть бы спал ты, как Друз⁴⁴,
как морская корова.

Если богач спешит по делам, над толпы
головами,
240 Всех раздвинув, его понесут на просторной
либурне⁴⁵;
Там ему можно читать, писать или спать по
дороге, —
Ежели окна закрыть, то лектіка и дрему
наводит;
Все же поспеет он в срок; а нам, спешащим,
мешает
Люд впереди, и мнет нам бока огромной толпою
Сзади идущий народ: этот локтем толкнет, этот
палкой
Крепкой, иной по башке заденет бревном иль
бочонком;
Ноги у нас все в грязи, наступают большие
подошвы
С разных сторон, и вонзается в пальцы военная
шпора.

Видишь дым коромыслом? Справляют
в складчину ужин:

250 Сотня гостей, и каждый из них с своей
собственной кухней;
Сам Корбулон⁴⁶ не снесет так много огромных
сосудов,
Столько вещей, как маленький раб, напрягши,
бедняга,

Шею, несет на макушке, огонь на ходу раздувая.
Туники рвутся, едва зачиненные; елку шатает
С ходом телеги, сосну привезла другая повозка;

Длинных деревьев концы, качаясь, бьют по
 народу.
 Если ж сломается ось, что везет лигурийские
 камни,
 И на толпу упадет, опрокинувшись, вся эта
 гряда, —
 Что остается от тел? кто члены и кости отыщет?
 260 Труп простолюдина смят и, как дым, исчезает
 бесследно.
 Челядь уже между тем беззаботная моет посуду,
 Щеки надув, раздувает огонь в жаровне,
 скребочком
 Сальным звенит, собирает белье, наполняет
 кувшины:
 В спешке различной рабов справляются эти
 работы.
 Тот же, погибший, у Стикса сидит и боится
 Харона:
 Бедному нет надежды на челн среди грязной
 пучины,
 Нет монетки во рту, оплатить перевоз ему нечем.
 Много других по ночам опасностей
 разнообразных:
 Высытся крыши домов, и, сорвавшись с них,
 черепица
 270 Голову всю разобьет! Постоянно из окон
 открытых
 Вазы осколки летят и, всей тяжестью
 брякнувшись оземь,
 Всю мостовую сорят. Всегда оставляй
 завещанье,
 Идя на пир, коль ты не ленив и случайность
 предвидишь:
 Ночью столько смертей грозит прохожему,
 сколько
 Ты на дороге своей встречаешь отворенных
 окон;
 Вот и молись потому, вознося плачевную
 просьбу,
 Чтоб лишь помоями ты был облит из широкого
 таза. <...>
 Впрочем, опасно, не это одно: встречаются
 люди,
 Грабить готовые в час, когда заперты двери
 и тихо

В лавках, закрытых на цепь и замкнутых
крепким засовом.
Вдруг иной раз бандит поножовщину в Риме
устроит —
Беглый с Помптинских болот, из сосновых лесов
галлинарских,
Где, безопасность блюдя, охрану военную
ставят:
Вот и бегут они в Рим, как будто бы на
живодерню.
Где наковальню найдешь или горн, где цепей не
ковали б?
310 Столько железа идет для оков, что, боишься,
не хватит
Плуги простые ковать, железные бороны,
грабли.
Счастливы были, скажу, далекие пращуры наши
В те времена, когда Рим, под властью царей, при
трибунах
Только одну лишь темницу имел и не требовал
больше.
Много причин и других я бы мог привести
для отъезда,
Но уже ехать пора: повозка ждет, вечереет;
Знаки своим бичом давно подает мне возница...
Помни о нас, прощай! Всякий раз, как будешь из
Рима
Ты поспешать в родной свой Аквин, где ждет
тебя отдых,
320 Ты и меня прихвати из Кум к Гельвинской
Церере,
К вашей Диане. Приду я, послушать готовый
сатиры,
Коль не гнушаешься мной, на прохладные нивы
Аквина.

Примечания

¹ В стихах 1—12 первой сатиры Ювенал иронизирует над мифологическими темами, господствовавшими в литературе его времени. ² «Тезеида» — неизвестная поэма некоего Корда, представленная здесь как образец мифологического эпоса. ³ *Тогаты* — бытовые комедии на римский сюжет (их герои носили тогу — римскую национальную одежду). ⁴ «Телеф» — неизвестное произведение на тему троянской войны (Телеф — герой, раненный копьем Ахилла). ⁵ *Эак* — судья в подземном царстве. ⁶ *Моних* — кентавр.

⁷ Фронтон — римский богач. ⁸ Луцилий — первый римский сатирик (II в. до н. э.), родился в г. Суэсса-Аврунка. ⁹ Мевия — имя римлянки. ¹⁰ Кристиан — любимец императора Домициана. ¹¹ Масса, Кар — доносчики. ¹² Латин — известный актер эпохи Домициана. ¹³ Марий Приск, проконсул Африки, осужденный к изгнанию из Италии за лихоимство в своей провинции. ¹⁴ Венусийская лампада — имеется в виду жанр сатиры, разрабатывавшийся до Ювенала Горацием, происходившим из Венусии: отсюда венусийская лампада. ¹⁵ Лукуста — известная отравительница в эпоху Нерона. ¹⁶ Гиары — острова в Эгейском море, служившие в императорском Риме местом ссылки. ¹⁷ Клувиен — неизвестный поэт. ¹⁸ Имеются в виду знатные римляне-патриции. ¹⁹ Широкая пурпурная кайма на тоге — знак сенаторского достоинства. ²⁰ Древний, знатный римский род. ²¹ Паллант, Лицин — богатые вольноотпущенники. ²² У рабов, выводимых на продажу, нога была покрашена белой краской. ²³ На крыше храма Согласия находилось гнездо аиста. ²⁴ Муций — консул 133 г. до н. э., осмеянный Луцилием. ²⁵ Рутул дикий — Турн (см. Вергилий «Энеида»). ²⁶ На Фламиньевой дороге находилась могила Париса, любимого актера императора Домициана, а на Латинской — самого Домициана. ²⁷ Байи — курорт на берегу Неаполитанского залива. ²⁸ Прохита — остров в Неаполитанском заливе. ²⁹ Субура — шумный квартал в Риме. ³⁰ Капена — здесь: Капенские ворота в Риме. ³¹ Лакеса — одна из парок. ³² Место продажи рабов обозначалось воткнутым в землю копьём. ³³ Эсквилин, Виминал — холмы в Риме, где селилась знать. ³⁴ Исей — греческий оратор, выступавший в Риме. ³⁵ Стратокл, Антиох, Гем, Деметрий — актеры. ³⁶ Пегас, родившийся из крови Горгоны. ³⁷ Стоик Эгнаний Целер, предавший своего ученика Барею Сорана. ³⁸ Лацерна — плащ. ³⁹ Росций Отон — внес закон о предоставлении первых рядов в театре всадникам (67 г. до н. э.). ⁴⁰ Косс — знатный римлянин. ⁴¹ — Вейетон — приближенный императора Домициана. ⁴² Укалегон — имя, заимствованное из «Энеиды» (II, 311—312): горит жилище Укалегона. ⁴³ Эвфранор — греческий живописец и скульптор IV в. до н. э., Поликтет — греческий скульптор V в. до н. э. ⁴⁴ Друз — император Клавдий, известный своей сонливостью. ⁴⁵ Либурна — род носилок. ⁴⁶ Гней Домиций Корбулон — полководец Клавдия и Нерона, отличавшийся большой физической силой.

ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

(ок. 55—120 г. н. э.)

Публий Корнелий Тацит, величайший римский историк и писатель, происходил из семьи всадников, учился в риторической школе в Риме, успешно занимался ораторской деятельностью. Он прошел все ступени государственной службы, став в 97 г. консулом, а в конце жизни — проконсулом Азии.

Важнейшие сочинения Тацита — «История» и «Анналы». Оба труда посвящены эпохе империи от Тиберия до Домициана. «Ан-

налы» излагают события римской истории от смерти Августа до гибели Нерона. В «Истории», написанной несколько раньше, говорится о следующем этапе римской истории — гражданских войнах и правлении династии Флавиев. Сохранилось лишь около половины всего этого труда, составлявшего единое целое.

Произведения Тацита глубоко тенденциозны. Как римский патриций старинного закала Тацит остается верным моральным принципам республиканской идеологии. Он ненавидит цезаризм, империю как политический режим, разрушающий человеческую личность, убивающий все лучшее в человеке, превращающий его в духовного раба. Повествование Тацита достигает подлинно трагического звучания. Проникая в сокровенные глубины человеческой психологии, он создает художественно выразительные, психологически точные портреты исторических деятелей.

Философская и психологическая глубина произведений Тацита находит адекватное выражение в стиле его произведений — сжатом драматически напряженном, то трагически возвышенном, то гневно саркастическом.

Переводы.

Корнелий Тацит. М. 1969. Т. 1, 2.

Тацит. *Анналы.* История // *Историки Рима.* М., 1970.

В «Антологии» произведения приводятся по этим изданиям.

АННАЛЫ¹

Книга пятнадцатая

Перевод А. С. Бобовича

48. Затем вступают в консульство Силий Нерва и Аттик Вестин. Тогда же возник заговор, который мгновенно распространился: один за другим вступали в него сенаторы, всадники, воины, даже женщины, как из ненависти к Нерону, так и из расположения к Гаю Пизону. Происходя из рода Кальпурниев, он по отцу был связан со многими знатными семьями и пользовался у простого народа доброю славой, которую снискали ему как истинные его добродетели, так и внешний блеск, похожий на добродетель. Он отдавал свое красноречие судебной защите граждан, был щедр с друзьями и даже с незнакомыми ласков в обхождении и речах; к этому присоединялись и такие дары природы, как внушительный рост, привлекательная наружность. Но вместе с тем он не отличался ни строгостью нравов, ни воздержанностью в наслаждениях: он отдавал дань легкомыслию, был склонен к пышности, а порой и к распутству, что, впрочем, нравилось большинству, которое во времена, когда порок в почете, не желает иметь над собою суровую и непреклонную верховную власть.

49. Начало заговору было положено не Пизоном и не его честолюбивыми замыслами; но нелегко указать, кто был зачинщиком, по чьему побуждению сложилось это объединившее столь многих сообщество. Наиболее ревностными его участниками, судя по твердости, с какой они встретили смерть, были трибун преторианской когорты² Субрий Флав и центурион Сульпиций Аспер; Анней Лукан³ и Плавтий Латеран привнесли в него свою жгучую ненависть к принцепсу. Лукана распаляли причины личного свойства, так как Нерон всячески душил его славу на поэтическом поприще и, обуреваемый завистью, препятствовал ему распространять свои сочинения; а консула на будущий год Латерана вовлекла в заговор не обида, но пламенная любовь к отечеству. В числе зачинщиков столь дерзкого предприятия оказались также — чего трудно было от них ожидать — Флавий Сцевин и Афраний Квенциан, оба из senatorского сословия; у Сцевина от распутства ослабел разум, и он прозябал в бездеятельности и сонливом существовании, а Квинциан, ослабленный из-за своей телесной распушенности и опозоренный Нероном в поносном стихотворении, хотел отомстить за нанесенное ему оскорбление.

50. И вот, заводя речь между собою или в кругу друзей о злодеяниях принцепса, о том, что его влaствованию приходит конец, что вместо него нужно поставить такого, кто способен помочь угнетенному государству, они вовлекли в заговор римских всадников Клавдия Сенециона, Цервария Прокула, Вулкация Арарика, Юлия Авгурина, Мунация Грата, Антония Натала, Марция Феста; из них Сенецион некогда был близким другом Нерона, и так как тот все еще выказывал ему притворное благоволение, имел достаточно оснований страшиться самого худшего; Натала Пизон всегда посвящал в свои сокровенные замыслы; остальные связывали с государственным переворотом надежды на достижение собственных целей. Из военных людей, кроме уже упомянутых мною Субрия и Сульпиция, были приняты соучастники трибуны преторианских когорт Гавий Сильван и Стаций Проксум, а также Максим Скавр и Венет Павел, центурионы. Но своей главнейшей опорой заговорщики считали префекта преторианцев Фения Руфа, снискавшего добрую славу своим образом жизни, но обойденного расположением принцепса вследствие злобных

и бесстыдных происков Тигеллина⁴, который не переставал возводить на него всевозможные обвинения и нередко повергал Нерона в страх, нашептывая ему, что Руф, бывший якобы любовником Агриппины⁵ и охваченный тоскою по ней, вынашивает мысль о мщении. Итак, когда заговорщики уверились в том, что и префект на их стороне — а он сам постоянно подтверждал это в беседах с ними, — они принялись подробнее обсуждать, когда и где убить принцепса. Говорили, что Субрий Флав дважды проникался решимостью кинуться на него и тут же расправиться с ним: в первый раз — когда он пел на подмостках, во второй — когда дворец был охвачен огнем⁶ и он, без охраны носился ночью то туда, то сюда. В последнем случае Флава воодушевляло то, что Нерон был в одиночестве, в первом — самое обилие тех, кто стал бы свидетелями столь прекрасного деяния, но его удержало стремление обеспечить себе безнаказанность, которое всегда препятствует осуществлению значительных начинаний.

51. Между тем, пока они медлили, колеблясь между надеждой и страхом, некая Эпихарида, неведомо как дознавшись об их замысле (ранее она была далека от каких-либо забот об общественном благе), принимается распалить и корить заговорщиков и, в конце концов наскучив их нерешительностью, пытается в Кампании поколебать и связать сообщничеством видных начальников Мизенского флота. Приступила она к этому следующим образом. В этом флоте служил наварх⁷ Волузий Прокул, один из тех, кому было поручено умертвить мать Нерона, считавший, что, принимая во внимание значительность преступления, в котором он принимал участие, его недостаточно выдвинули. Был ли он давним знакомым Эпихариды или их приятельские отношения завязались незадолго перед тем, но, так или иначе, он рассказал ей об оказанных им Нерону услугах, о том, что они остались ненагражденными, и присоединил к этому жалобу и угрозы отомстить ему, как только представится случай, чем и внушил ей надежду, что он может быть втянут в заговор и затем вовлечь в него многих; а участие флота расширяло возможности, так как Нерон, бывая в ПUTEОЛАХ и МИЗЕНАХ, постоянно развлекался морскими плаваниями. И Эпихарида идет все далее: она перечисляет злодеяния принцепса, говорит,

что он отнял у сената последнюю власть. Но приняты меры, чтобы наказать его за угнетение государства. Пусть только Прокул окажет содействие в этом деле, пусть приведет в стан заговорщиков наиболее отважных и решительных воинов, и он может ожидать достойной награды. Имен заговорщиков Эпихарида, однако, не назвала. Благодаря этому донос Прокула ни к чему не повел, хотя обо всем услышанном он известил Нерона. Эпихарида была вызвана на допрос, и ей устроена очная ставка с доносчиком, но так как его показания не могли быть подтверждены свидетелями, ей было не трудно отвергнуть их. И все же ее удержали под стражею, так как Нерон остался при подозрении, что, хотя донос не доказан, он, возможно, соответствует истине.

52. Тем не менее заговорщики, опасаясь, что могут быть преданы, решили ускорить задуманное убийство и совершить его в Байях на вилле Пизона, где, привлекаемый ее прелестью, часто бывал Нерон, где без охраны и обычной толпы приближенных посещал бани и участвовал в пиршествах. Но Пизон воспротивился этому, ссылаясь на то, что покроет себя бесчестьем, если святость его пиршественного стола и боги гостеприимства будут осквернены пролитием крови принцепса, каким бы тот ни был; лучше выполнить то, что предпринято ради общего блага, в Риме, в столь ненавистном для всех, сооруженном на поборы с граждан дворце или в каком-нибудь общественном месте. Так он сказал для видимости, а в действительности втайне боялся, как бы Луций Силан, в котором выдающаяся знатность и воспитание вырастившего его Гая Кассия возбуждали чаяния высокого жребия, не овладел верховною властью, получив поддержку тех, кто стоял в стороне от заговора и кто стал бы жалеть Нерона, как павшего жертвою преступления. Впрочем, многие полагали, что Пизон, помимо того, опасался, как бы отличавшийся своеволием консул Вестин не провозгласил возвращение к народо-властию или, избрав императора по своему усмотрению, не поднес ему государство как свой подарок. В действительности Вестин не был причастен к заговору, хотя впоследствии возведя на него это ложное обвинение, Нерон насытил свою давнюю ненависть к нему.

53. Наконец, они условились исполнить намечен-

ное в день посвященных Церере цирковых игр, так как Цезарь⁸, запершись у себя во дворце и в своих садах, редко показывался в народе, но не пропускал представлений в цирке, где к тому же среди множества зрителей было легко подойти к нему. Они сговорились, что Латеран обратится к Цезарю с просьбой о денежном вспомоществовании и, припав к коленям принцепса со смиренной мольбой, внезапно повалит и подомнет его, сильный духом и огромный телом; после этого к нему, поверженному и беспомощному, сбегутся центурионы, трибуны и все, у кого достанет на это смелости, и прикончат его; нанести смертельный удар Нерону ревностно домогался Сцевин, носивший при себе кинжал, взятый им из храма Благополучия или, по другим сведениям, из храма Фортуны в городе Ферентине и посвященный свершению великого дела. Между тем Пизон должен был ждать в храме Цереры, откуда его вызовут префект Фений и остальные и понесут в преторианский лагерь, причем, чтобы привлечь к нему расположение простого народа, его будет сопровождать Антония, дочь Цезаря Клавдия. Так рассказывает об этом Гай Плиний⁹. Мы сочли нужным не умалчивать об этом сообщении, на что бы оно ни опиралось, хотя нам кажется совершенно несообразным, чтобы Антония ради пустой надежды решилась предоставить заговорщикам свое имя и подвергаться опасности, а Пизон, известный своею любовью к жене, связал себя обещанием вступить в брак с другою, если только жажда господства не берет верх над всеми остальными страстями.

54. Удивительно, как удалось сохранить все это под покровом молчания среди людей различного происхождения, сословия, возраста, пола, богатых и бедняков, пока в доме Сцевина не нашелся предатель. Накануне назначенного для покушения дня Сцевин, после продолжительного разговора с Антонием Наталом возвратившись домой, запечатал завещание, после чего вынул из ножен кинжал, о котором я упоминал выше, и заметив, что он затупился от времени, приказал отточить его на точильном камне до блеска; заботу об этом он возложил на вольноотпущенника Милиха. Тогда же он устроил более обильное, чем обычно, пиршество, и наиболее любимым рабам дал свободу, а остальных одарил деньгами; было видно, что он погружен в тягостные раздумья, хоть и пытается скрыть

это оживленными речами. Наконец он велел приготовить повязки для ран и останавливающие кровь средства, поручив это тому же Милиху, то ли знавшему о существовании заговора и до той поры хранившему верность, то ли вовсе не осведомленному о нем и тогда впервые возымевшему подозрения, как сообщает большинство источников. Ибо когда его рабская душа углубилась в исчисление выгод, которые могло принести вероломство, и представила себе несметные деньги и могущество, перед этим отступили долг, совесть, попечение о благе патрона и воспоминание о дарованной им свободе. К тому же Милих прислушался к чисто женскому и по этой причине злокозненному рассуждению жены, постаравшейся вселить в него страх: многие вольноотпущенники и рабы видели то же, что видел он; молчание одного ничему не поможет, между тем награду получит тот, что опередит доносом всех остальных.

55. И вот на рассвете Милих отправляется в Сервилиевы сады. Остановленный в воротах, он заявляет, что принес важные и грозные вести, и привратники отводят его к вольноотпущеннику Нерона Эпафродиту, а тот к Нерону, которому он сообщает о нависшей над ним опасности, о решимости заговорщиков, обо всем, что слышал, и о своих догадках. Он также показывает приготовленное для умерщвления Нерона оружие и требует привести обвиняемого. Схваченный воинами тот начал с опровержения возводимых на него обвинений и на вопрос о кинжале ответил, что, издавна почитаемый на его родине как священный, он хранился в его спальном покое и был обманным образом похищен вольноотпущенником. Таблицы завещания он запечатывал неоднократно, не дожидаясь каких-либо особых обстоятельств и дней. Деньги и свободу он и ранее дарил рабам, но на этот раз сделал это с большею щедростью, так как его состояние обременено долгами и он потерял уверенность в силе своего завещания. Он всегда задавал роскошные пиршества, ведя исполненную приятности жизнь, не одобряемую строгими судьями. Никаких распоряжений о повязках для ран он не давал, но так как все прочие обвинения явно несостоятельны, Милих решил присовокупить к ним и это, выступив одновременно и как доносчик и как свидетель. В сказанное он вложил столь непреклонную твердость, вольноотпущенника

называл негодяем и подлым злодеем с такою убежденностью в голосе и во взоре, что донос был бы отвергнут как ложный, если бы жена Милиха ему не напомнила, что Антоний Натал долго беседовал наедине со Сцевином и что они оба близки к Гаю Пизону.

56. Итак, вызывают Натала, и их порознь допрашивают о том, каков был предмет их беседы, и так как ответы их не совпали, возникли подозрения и обоих заковали в цепи. Они не вынесли вида показанных им орудий пыток и угроз ими; первым заговорил Натал, более осведомленный во всем, что касалось заговора и заговорщиков и к тому же более искушенный в обвинениях и наветах: сначала он указал на Пизона, а вслед затем и на Аннея Сенеку, или потому, что был посредником в переговорах между ним и Пизоном, или, быть может, стремясь угодить Нерону, который, питая ненависть к Сенеке, изыскивал способы его погубить. Узнав о сделанном Наталом признании, Сцевин с таким же малодушием или сочтя, что уже все открыто и дальнейшее запирательство бесполезно, выдал всех остальных. Из них Лукан, Квинциан и Сенецион упорно и долго хранили молчание, но, в конце концов купленные обещанием безнаказанности, и они, чтобы загладить свою медлительность, назвали: Лукан — свою мать Ацилию, а Квинциан — Глития Галла, Сенецион — Анния Поллиона, своих самых близких друзей.

57. Между тем Нерон, вспомнив, что по доносу Волузия Прокула содержится в заключении Эпихарида и полагая, что женское тело не вытерпит боли, велит терзать ее мучительными пытками. Но ни плети, ни огонь, ни ожесточение палачей, раздраженных тем, что не могли справиться с женщиной, не сломили ее и не вырвали у нее признания. Итак, в первый день допроса ничего от нее не добились. Когда на следующий день ее в носильном кресле тащили в застенки, чтобы возобновить такие же истязания (изувеченная на дыбе, она не могла стоять на ногах), Эпихарида, стянув с груди повязку и прикрепив к спинке кресла сделанную из нее петлю, просунула в нее шею и, навалившись всей тяжестью тела, пресекла свое и без того слабое дыхание. Женщина, вольноотпущенница, в таком отчаянном положении оберегавшая посторонних и ей почти неизвестных людей, явила блистательный пример стойкости, тогда как свободнорожденные муж-

чины, римские всадники и сенаторы, не тронутые пытками, выдавали тех, кто каждому из них был наиболее близок и дорог. Ведь даже Лукан, Сенецион и Квинциан не переставали называть одного за другим участников заговора, от чего Нерон со дня на день проникался все бóльшим страхом, несмотря на то что окружил себя усиленно охраной.

58. Да и весь Рим он как бы отдал под стражу, расставив на городских стенах манипулы¹⁰ воинов и отгородив его от моря и от реки. По площадям, домам, селениям и ближайшим муниципиям рыскали пехотинцы и всадники, перемешанные с германцами, к которым принцепс питал доверие, так как они чужестранцы. Отсюда непрерывным потоком гнали они толпы закованных в цепи и приводили их ко входу в сады. И когда задержанные входили туда и подвергались допросу, им вменялись в преступление радость, обнаруженная когда-либо при виде того или иного из заговорщиков, случайный разговор, уличные встречи, совместное присутствие на пиршестве или на представлении. В свирепом дознании, чинимом Нероном и Тигеллином, с таким же ожесточением действовал и еще не названный в показаниях Фений Руф, который, стараясь отмежеваться от заговорщиков, был беспощаден к своим сотоварищам. И он же движением головы пресек порыв стоящего рядом Субрия Флава, который, взявшись за рукоять меча, спросил взглядом, не извлечь ли его и не поразить ли Нерона тут же во время расследования.

59. Были и такие, которые после раскрытия заговора, пока допрашивали Милиха, пока колебался Спевин, убеждали Пизона отправиться в преторианский лагерь или взойти на ростры¹¹ и попытаться склонить на свою сторону воинов и народ. Если участники заговора поддержат его усилия, за ними последуют и те, кто ранее был непричастен к нему; молва не замедлит возвеличить переворот, а это — самое главное при осуществлении больших замыслов. Нерон не предусматривал никаких мер для пресечения мятежа. Даже храбрых мужей неожиданность приводит в смятение, и этот лицедей, за которым пойдут лишь его наложницы да Тигеллин, разумеется не посмеет поднять оружие на возмущившихся. Дерзанием свершается много такого, что коснеющим в бездействии кажется непостижимым. Тщетно надеяться на молчание и на

верность такого множества заговорщиков, каждый из которых наделен духом и телом: для пытки и подкупа нет ничего недоступного. Вот-вот придут и закуют его самого в оковы, и он будет предан бесславной смерти. Сколь почетнее для него погибнуть, отдав себя общему делу, подняв клич в защиту свободы. Пусть лучше ему откажут в поддержке воины и его покинет народ, но его смерть, если придется расстаться с жизнью, будет оправдана перед душами предков и перед потомством. Не вняв этим увещаниям, ненадолго показавшись в народе, а потом уединившись у себя дома, Пизон укреплял в себе дух в предвидении близкой гибели, пока к нему не пришел отряд воинов, составленный Нероном из новобранцев и недавно вступивших на службу, ибо старых воинов опасались, считая, что они проникнуты благожелательностью к Пизону. Он умер, вскрыв себе вены на обеих руках. Свое завещание он наполнил отвратительной лестью Нерону, что было сделано им из любви к жене, женщине незнатного происхождения и не отмеченной другими достоинствами, кроме телесной красоты, отнятой им у друга, за которым она ранее была замужем. Звали ее Сатрия Галла, ее прежнего мужа — Домиций Сил. Он — своей снисходительностью, она — бесстыдством усугубили впоследствии бесчестье Пизона.

60. Вслед за Пизоном Нерон казнил избранного консулом на будущий год Плавтия Латерана, и притом так торопился с его убийством, что не позволил ему обнять напоследок детей и не предоставил тех кратких мгновений, в которые он мог бы сам себя лишить жизни. Приведенный на место, предназначенное для казни рабов, он умерщвляется рукою трибуна Стация, до конца стойко храня молчание и даже не укорив трибуна, участника того же заговора.

Затем следует умерщвление Аннея Сенеки, особенно приятное принцепсу, и не потому, что он доподлинно выяснил причастность Сенеки к заговору, но потому, что, не достигнув успеха ядом, получил возможность прибегнуть к железу. Назвал Сенеку лишь Натал, да и он заявил только о том, что был послан к больному Сенеке, чтобы повидать его и спросить, почему он не допускает к себе Пизона: им было бы лучше поддерживать дружбу в личном общении; на что Сенека ответил ему, что как обмен мыслями через посредников, так и частые беседы с глазу на глаз не

послужат на пользу ни тому ни другому; впрочем его спокойствие зависит от благополучия Пизона. Трибуну преторианской когорты Гавию Сильвану отдается распоряжение передать это Сенеке и спросить у него, подтверждает ли он слова Натала и свой ответ. Как раз в тот день Сенека либо случайно, либо намеренно возвратился из Кампании и остановился в своем пригородном поместье, отстоявшем от Рима на четыре тысячи шагов. Туда уже под вечер прибыл трибун и, окружив виллу отрядами воинов, изложил Сенеке, обедавшему в обществе жены Помпеи Паулины и двух друзей, поручение императора.

61. Сенека показал, что к нему был прислан Натал и от имени Пизона выразил сожаленье, что он, Сенека, не принимает его, а он в свое извинение сослался на нездоровье и на то, что ему всего важнее покой. У него не было никаких причин подчинять свое благоденствие благополучию частного лица; к лести он ни в малой мере не склонен. И никто не знает этого лучше Нерона, которому чаще приходилось убеждаться в независимости суждений Сенеки, чем в его раболепии. Трибун доложил об этом в присутствии Поппеи¹² и Тигеллина, ближайших советников принцепса во всех его злодеяниях, и Нерон спросил, не собирается ли Сенека добровольно расстаться с жизнью. На это трибун, не колеблясь, ответил, что он не уловил никаких признаков страха, ничего мрачного ни в его словах, ни в выражении лица. И трибун получает приказ немедленно возвратиться к Сенеке и возвестить ему смерть. Фабий Рустик передает, что он направился не тою дорогою, какою пришел, а свернул по пути к префекту Фению, и, изложив приказание Цезаря, спросил, следует ли повиноваться ему, и тот посоветовал делать что велено: такова была охватившая всех роковая трусость. Ведь и Сильван тоже был участником заговора и тем не менее содействовал преступлениям, ради отмщения которых примкнул к заговорщикам. Все же он не решился, глядя в глаза Сенеке, произнести слова беспощадного приговора и послал к нему для этого одного из центурионов.

62. Сохраняя спокойствие духа, Сенека велит принести его завещание, но так как центурион воспрепятствовал этому, обернувшись к друзьям, восклицает, что раз его лишили возможности отблагодарить их подобающим образом, он завещает им то, что остается

ся единственным, но зато самым драгоценным из его достояния, а именно образ жизни, которого он держался, и если они будут помнить о нем, то заслужат добрую славу, и это вознаградит их за верность. Вместе с тем он старается удержать их от слез то разговором, то прямым призывом к твердости, спрашивая где же предписания мудрости, где выработанная в размышлениях стольких лет стойкость в бедствиях? Кому неизвестна кровожадность Нерона? После убийства матери и брата ему только и остается, что умертвить воспитателя и наставника.

63. Высказав это и подобное этому как бы для всех, он обнимает жену и, немного смягчившись по сравнению с проявленной перед этим неколебимостью, просит и умоляет ее не предаваться вечной скорби, но в созерцании его прожитой добродетельно жизни постараться найти достойное утешение, которое облегчит ей тоску о муже. Но она возражает, что сама обрекла себя смерти и требует, чтобы ее поразила чужая рука. На это Сенека, не препятствуя ей прославить себя кончиной и побуждаемый к тому же любовью, ибо страшился оставить ту, к которой питал редкостную привязанность, беззащитною перед обидами, ответил: «Я указал на то, что могло бы примирить тебя с жизнью, но ты предпочитаешь благородную смерть; не стану завидовать возвышенности твоего деяния. Пусть мы с равным мужеством и равною твердостью расстанемся с жизнью, но в твоём конце больше величия». После этого они одновременно вскрыли себе вены на обеих руках. Но так как из старческого и ослабленного скудным питанием тела Сенеки кровь еле текла, он надрезал себе также жилы на голених и под коленями; изнуренный жестокой болью, чтобы своими страданиями не сломить духа жены и, наблюдая ее мучения, самому не утратить стойкости, он советует ей удалиться в другой покой. И так как даже в последние мгновения его не покинуло красноречие, он вызвал писцов и продиктовал многое, что было издано; от пересказа его подлинных слов я воздержусь.

64. Но Нерон, не питая личной ненависти к Паулине и не желая усиливать вызванное его жестокостью всеобщее возмущение, приказывает не допустить ее смерти. По настоянию воинов рабы и вольноотпущенники перевязывают ей руки и останавливают кровоте-

чение. Вероятно, она была без сознания; но так как толпа всегда готова во всем усматривать худшее, не было недостатка в таких, кто считал, что в страхе перед неумолимой ненавистью Нерона она домогалась славы верной супруги, решившейся умереть вместе с мужем, но когда у нее возникла надежда на лучшую долю, не устояла перед соблазном сохранить жизнь. Она лишь на несколько лет пережила мужа, с похвальным постоянством чтя его память; лицо и тело ее отличались той мертвенной бледностью, которая говорила о невозместимой потере жизненной силы. Между тем Сенека, тяготясь тем, что дело затягивается и смерть медлит приходом, просит Стацея Аннея, чьи преданность в дружбе и искусство врачевания с давних пор знал и ценил, применить заранее припасенный яд, которым умерщвляются осужденные уголовным судом афинян; он был принесен и Сенека его принял, но тщетно, так как члены его уже похолодели и тело стало невосприимчивым к действию яда. Тогда Сенеку погрузили в бассейн с теплой водой, и он обрызгал ею стоявших вблизи рабов со словами, что совершает этой влагою возлияние Юпитеру Освободителю. Потом его переносят в жаркую баню, и там он испустил дух, после чего его тело сжигают без торжественных погребальных обрядов. Так распорядился он сам в завещании, подумав о своем смертном часе еще в те дни, когда владел богатством и был всемогущ.

65. Ходил слух, что на тайном совещании Субрия Флава с центурионами было решено, и не без ведома Сенеки, сразу же после убийства Нерона, которое должен был подстроить Пизон, умертвить и его, а верховную власть вручить Сенеке, как избранному главой государства ввиду его прославленных добродетелей людьми безупречного образа жизни. Распространялись в городе и слова Флава, якобы говорившего, что позор отнюдь не уменьшится, если по устранении кифареда его место займет трагический актер, ибо если Нерон пел под кифару, то Пизон — в трагическом одеянии.

66. Но очень скоро открылось, что в заговоре участвовали и военные люди, ибо многие из задержанных возгорелись желанием разоблачить Фения Руфа, который возбудил их ненависть тем, что, будучи таким же заговорщиком, как они, подвергал их допросам

в качестве следователя. И вот, однажды, когда он угрозами вымогал показания, Сцевин, усмехаясь, сказал, что никто не знает об этом деле больше, чем он, и начал увещевать его отплатить признательностью столь доброму принцепсу. На это Фений не ответил ни словами, ни молчанием, а запинаясь и бормоча что-то невнятное, сам себя выдал своим замешательством. Все прочие, и особенно римский всадник Церварий Прокул, постарались его обличить, и по приказанию императора обладавший выдающейся телесной силой по этой причине находившийся при нем воин Кассий хватает Фения и налагает на него цепи.

67. Далее по доносу тех же берут под стражу Субрия Флава. Сначала он отпирался от участия в заговоре, ссылаясь на различие в нравах, на то, что он, человек военный, не стал бы связываться для выполнения столь великого злодеяния с людьми изнеженного образа жизни, не владеющих оружием. Но в конце концов, неотступно изобличаемый, он решился признанием обрести славу. На вопрос Нерона, в силу каких причин он дошел до забвения присяги и долга, Флав ответил: «Я возненавидел тебя. Не было воина, превосходившего меня в преданности тебе, пока ты был достоин любви. Но я проникся ненавистью к тебе после того, как ты стал убийцей матери и жены, колесничим, лицедеем и поджигателем». Я привел его подлинные слова, потому что в отличие от слов Сенеки они не обнародованы, а между тем эти бесхитростные и резко выраженные мысли солдата не менее достойны широкой огласки. Не было ничего во всем следствии по этому заговору, что тяжелее уязвило бы слух Нерона, который насколько легко творил злодеяния, настолько же был непривычен выслушивать укоры за то, что содеял. Совершение казни над Флавом поручается трибуну Вейанию Нигеру. По его приказанию на ближнем поле была вырыта яма, которую Флав с пренебрежением назвал тесною и недостаточно глубокою; обратившись к расставленным вокруг нее воинам, он бросил: «Даже это сделано не по уставу». И когда Вейаний предложил ему смело подставить шею, Флав сказал: «Лишь бы ты столь же смело ее поразил!» И тот, дрожа всем телом, двумя ударами едва отсек Флаву голову, однако, похваляясь своей бесчувственностью перед Нероном, доложил ему, что с полутора ударов умертвил Флава.

68. Такой же пример твердости был показан центурионом Сульпицием Аспером, который, когда Нерон спросил, почему он вступил в заговор против его жизни, кратко ответил, что другого способа пресечь его гнусности не было; тотчас же по приказанию Нерона он был казнен. Не уронили себя и другие центурионы, идя на казнь; только Фений Руф не проявил силы духа, внося слезливые жалобы даже в свое завещание.

Нерон ожидал, что и консул Вестин будет изобличен как участник заговора, ибо считал его своевольным и враждебно настроенным; но никто из заговорщиков не посвятил Вестина в задуманное, одни — из-за давней вражды к нему, большинство — потому что находили его опрометчивым и несговорчивым. Ненависть Нерона к Вестину выросла из существовавшей некогда между ними дружбы, ибо тот, познав до конца низость принцепса, стал относиться к нему с презрением, тогда как Нерон страшился прямоты и резкости своего друга, часто осмеивавшего его в едких остротах, которые, если в них вложено много истинного, оставляют по себе злобное воспоминание. С недавних пор к этому добавилось еще одно обстоятельство: Вестин сочетался браком со Статилией Мессалиной, хорошо зная о том, что один из ее любовников — Цезарь.

70. Вслед за тем он велит умереть Аннею Лукану. И когда тот, истекая кровью, почувствовал, что у него холодеют руки и ноги и жизненная сила понемногу покидает тело, хотя жар его сердца еще не остыл и сознание не утратило ясности, ему вспомнились сочиненные им стихи, в которых изображался умиравший такой же смертью раненый воин. Он прочел эти стихи, и то были последние произнесенные им слова. После него погибли Сенецион, Квинциан и Сцевин, возвысившиеся при этом над своим прежним малодушием, а затем и остальные заговорщики, не свершив и не высказав ничего, достойного упоминания. <...>

Книга шестнадцатая

16. Даже если бы я описывал внешние войны и говорил о павших в них за отечество, подобное однообразие обстоятельств их гибели и во мне самом породило бы пресыщение, и я бы наскучил другим, которых отвратил бы этот мрачный и непрерывный

рассказ о смертях римских граждан, с каким бы мужеством и достоинством они их не встретили: а тут — рабское долготерпение и потоки пролитой внутри страны крови угнетают душу и сковывают ее скорбью. Но у тех, кто ознакомится с этим моим трудом, я прошу снисхождения не за что другое, как только за то, что не питаю ненависти к отдавшим себя с такою покорностью на истребление. То был гнев божеств, обрушенный ими на Римское государство, и пройти мимо его, один раз упомянув, как если бы дело шло о поражениях войск или о взятии городов, невозможно. Воздадим же должное памяти этих именитых мужей, и если похороны людей подобного рода принято отличать от всех остальных пышностью и торжественностью обрядов, то пусть они будут почтены и поествованием о постигшей их участи.

17. В течение нескольких дней погибли один за другим Анней Мела, Аниций Цериал, Руфрий Криспин и Гай Петроний, Мела и Криспин — римские всадники в сенаторском достоинстве. <...>

18. О Гае Петронии подобает рассказать немного подробнее. Дни он отдавал сну, ночи — выполнению светских обязанностей и удовольствиям жизни. И если других вознесло к славе усердие, то его — праздность. И все же его не считали распутником и расточителем, каковы в большинстве проживающие наследственное достояние, но видели в нем знатока роскоши. Его слова и поступки воспринимались как свидетельство присущего ему простодушия, и чем непринужденнее они были и чем явственней проступала в них какая-то особого рода небрежность, тем благосклоннее к ним относились. Впрочем, и как проконсул Вифинии, и позднее, будучи консулом, он выказал себя достаточно деятельным и способным справляться с возложенными на него поручениями. Возвратившись к порочной жизни или, быть может, лишь притворно предаваясь порокам, он был принят в тесный круг наиболее доверенных приближенных Нерона и сделался в нем законодателем изящного вкуса, так что Нерон стал считать приятным и исполненным пленительной роскоши только то, что было одобрено Петронием. Это вызвало в Тигеллине зависть, и он возненавидел его как своего соперника, и притом такого, который в науке наслаждений сильнее его. И вот Тигеллин обращается к жестокости принцепса, перед которою отступали все

прочие его страсти, и вменяет в вину Петронию дружбу со Сцевином. Донос об этом поступает от подкупленного тем же Тигеллином раба Петрония; большую часть его челяди бросают в темницу, и он лишается возможности защищаться.

19. Случилось, что в эти самые дни Нерон отбыл в Кампанию; отправился туда и Петроний, но был остановлен в Кумах. И он не стал длить часы страха или надежды. Вместе с тем, расставаясь с жизнью, он не торопился ее оборвать и, вскрыв себе вены, то, сообразно своему желанию, перевязывал их, то снимал повязки; разговаривая с друзьями, он не касался важных предметов и избегал всего, чем мог бы способствовать прославлению непоколебимости своего духа. И от друзей он также не слышал рассуждений о бессмертии души и мнений философов, но они пели ему шуточные песни и читали легкомысленные стихи. Иных из рабов, он оделил своими щедротами, некоторых — плетью. Затем он пообедал и погрузился в сон, дабы его конец, будучи вынужденным, уподобился естественной смерти. Даже в завещании в отличие от большинства осужденных он не льстил ни Нерону, ни Тигеллину, ни кому другому из власть имущих, но описал безобразные оргии принцепса, назвав поименно участвующих в них распутников и распутниц и отметив новшества, вносимые ими в каждый вид блуда, и, приложив печать, отправил его Нерону. Свой перстень с печатью он сломал, чтобы ее нельзя было использовать в злонамеренных целях. <...>

ИСТОРИЯ

Перевод Г. Кнабе

Книга первая

1. Началом моего повествования станет год, когда консулами были Сервий Гальба во второй раз и Тит Виний. События предыдущих восьмисот двадцати лет, прошедших с основания нашего города, описывали многие, и, пока они вели речь о деяниях римского народа, рассказы их были красноречивы и искренни. Но после битвы при Акции, когда в интересах спокойствия и безопасности всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека¹, эти великие таланты

перевелись. Правду стали всячески искажать — сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом — из желания польстить властителям или, напротив, из ненависти к ним. До мнения потомства не стало дела ни хулителям, ни льстецам. Но если лесть, которой историк пользуется, чтобы преуспеть, противна каждому, то к наветам и клевете все охотно прислушиваются; это и понятно — лесть несет на себе отвратительный отпечаток рабства, тогда как коварство выступает под личиной любви к правде. Если говорить обо мне, то от Гальбы, Отона и Вителлия² я не видел ни хорошего, ни плохого. Не буду отрицать, что начало моим успехам по службе положил Веспасиан, Тит умножил их, а Домициан³ возвысил меня еще больше; но тем, кто решил неколебимо держаться истины, следует вести свое повествование, не поддаваясь любви и не зная ненависти. Старость же свою, если только хватит жизни, я думаю посвятить труду более благородному и не столь опасному — рассказать о принцепате Нервы и о владычестве Траяна⁴, о годах редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает⁵.

2. Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах, диких и неистовых даже в мирную пору. Четыре принцепса, погибших насильственной смертью; три гражданских войны, множество внешних и немало таких, что были одновременно гражданскими и внешними; удача на Востоке и беды на Западе — Иллирия обята волнениями, колеблется Галлия, Британия покорена и тут же утрачена, племена сарматов и свевов объединяются против нас, растет слава даков, ударом отвечающих Риму на каждый удар, и даже парфяне, следуя за шутом, надевшим личину Нерона⁶, готовы взяться за оружие. На Италию обрушиваются беды, каких она не знала никогда или не видела уже с незапамятных времен: цветущие побережья Кампании где затоплены морем, где погребены под лавой и пеплом; Рим опустошают пожары, в которых гибнут древние храмы, выгорел Капитолий, подожженный руками граждан. Поруганы древние обряды, осквернены брачные узы; море покрыто кораблями, увозящими в изгнание осужденных, утесы запятнаны кровью убитых. Еще худшая жесто-

кость бушует в самом Риме: все вменяется в преступление — знатность, богатство, почетные должности, которые человек занимал или от которых он отказался, и неминуемая гибель вознаграждает добродетель. Денежные награды, выплачиваемые доносчикам, вызывают не меньше негодования, чем их преступления. Некоторые из них получают за свои подвиги жреческие и консульские должности, другие управляют провинциями императора и вершат делами в его дворце. Внушая ужас и ненависть, они правят всем по своему произволу. Рабов подкупами восстанавливают против хозяев, вольноотпущенников — против патронов. Если у кого нет врагов, его губят друзья.

3. Время это, однако, не вовсе было лишено людей добродетельных и оставило нам также хорошие примеры. Были матери, которые сопровождали своих детей, вынужденных бежать из Рима; жены, следовавшие в изгнание за своими мужьями; друзья и близкие, не отступившиеся от опальных; зятья, сохранившие верность попавшему в беду тестю; рабы, чью преданность не могли сломить и пытки; мужи, достойно сносившие несчастья, стойко встречавшие смерть и уходившие из жизни, как прославленные герои древности. Не только на людей обрушились бесчисленные бедствия: небо и земля были полны чудесных явлений; вещая судьбу, сверкали молнии, и знамения — радостные и печальные, смутные и ясные — предрекали будущее. Словом, никогда еще боги не давали римскому народу более очевидных и более ужасных доказательств того, что их дело — не заботиться о людях, а карать их. <...>

Примечания

Анналы

¹ В первых книгах «Анналов» описывается правление Тиберия. XV—XVI книги повествуют об эпохе правления Нерона. В «Антологии» приводятся главы, посвященные заговору против Нерона, так называемому «заговору Пизона», организованному в 65 г. н. э. В числе жертв репрессий Нерона, последовавших после провала заговора, были выдающиеся римские писатели Сенека, Лукан, Петроний. В «Антологии» помещены также вступительные главы «Истории». ² *Преторианская когорта* — привилегированная часть армии, выполнявшая роль императорской гвардии. ³ *Анней Лукан* — известный римский поэт, племянник Сенеки, автор боль-

шой эпической поэмы «Фарсалия» о войне между Цезарем и Помпеем. ⁴ *Тигеллин* — префект (начальник) преторианских когорт при Нероне, приближенный императора. ⁵ *Агриппина* — мать Нерона, умерщвленная по его приказу. ⁶ Имеется в виду пожар в Риме в 64 г. н. э. ⁷ *Наварх* — командир корабля. ⁸ *Цезарь* — Нерон. С эпохи империи имя Цезаря становится одним из титулов императора. ⁹ *Гай Плиний Старший* (23—79 гг. н. э.) — римский писатель, ученый, государственный деятель. ¹⁰ *Манипул* — воинский отряд. ¹¹ *Ростры* — ораторская трибуна на Форуме, украшенная носами вражеских кораблей. ¹² *Поптея-Сабина* — жена Нерона.

История

¹ Через четыре года после победы при Акции (31 г. до н. э.) Октавиан Август становится фактически единовластным правителем Рима, сосредоточив в своих руках гражданскую, военную и религиозную власть. ² *Гальба, Отон, Вителлий* — римские императоры 68—69 гг. н. э. ³ *Веспасиан, Тит, Домициан* — римские императоры династии Флавиев (69—96). ⁴ *Нерва, Траян* — римские императоры 96—117 гг. н. э. ⁵ Тациту не удалось осуществить свой замысел. ⁶ Речь идет о так называемом Лженероне, авантюристе, выдававшем себя за императора Нерона.

ЛУЦИЙ АПУЛЕЙ

(ок. 124/25 — ок. 180 г. н. э.)

Одним из самых выдающихся писателей поздней античности был Луций Апулей. Он воплотил и в своей личности и в своем творчестве характерные черты новой эпохи во всей ее противоречивости.

Луций Апулей родился в Африке, в г. Мадавре, учился сначала в Карфагене, затем — в Афинах. После путешествия по востоку империи он приезжает в Рим, где становится адвокатом и занимается литературой и наукой. Апулей был человеком очень образованным. Одинаково свободно владел он и греческим, и латинским языками, обладал обширными и разносторонними знаниями и в естественных науках, и в философии, и в религии. Современники называли его магом.

Литературное наследство Апулея велико. Сохранились многочисленные риторические декламации, отрывки из которых собраны в сборнике «Флориды», философские трактаты, поэтические опыты, «Апология» — защитительная речь на процессе по обвинению его в магии. Но подлинная слава Апулея связана с романом «Метаморфозы», получившим позднее название «Золотой осел». Это роман, авантюрно-бытовой по своему реальному содержанию и мистико-аллегорический, религиозно-моралистический по авторскому замыслу (герой, превращенный в осла за сластолюбие и любопытство, получает вновь человеческий облик, пройдя через страдания и приобщившись в конце к мистическому культу богини Изиды).

Однако историческое значение романа — отнюдь не в этой идее, а в реалистических картинах быта и нравов римской провинции, жизни различных слоев общества.

Переводы:

Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1956.

Апулей. Метаморфозы. М., 1956.

Тексты в «Антологии» приведены по последнему изданию.

МЕТАМОРФОЗЫ

Перевод М. Кузьмина

Книга первая

1. Вот я сплету тебе на милетский манер¹ разные басни, слух благосклонный твой порадуя лепетом милым, если только соблаговолишь ты взглянуть на египетский папирус, исписанный острием нильского тростника, ты подивишься на превращения судеб и самых форм человеческих и на их возвращение вспять, тем же путем, в прежнее состояние. Я начинаю. — Но кто он такой? — спросишь ты. Выслушай в двух словах.

Аттическая Гиметта, Эфирейский перешеек, и Тенара Спартанская², земли счастливые, навеки бессмертные стяжавшие еще более счастливыми книгами, — вот древняя колыбель нашего рода. Здесь овладел я аттическим наречием, — и оно было первым завоеванием моего детства. Вслед за тем прибыл я, новичок в науках, в столицу Лациума³ и с огромным трудом, не имея никакого руководителя, одолел родной язык квиритов.

Вот почему прежде всего я умоляю не оскорбляться, если встретятся в моем грубом стиле чужеземные и простонародные выражения. Но ведь само это чередование наречий соответствует искусству мгновенных превращений, а о нем-то я и собирался написать. Начинаем греческую басню. Внимай, читатель, будешь доволен. <...>

[Герой романа Луций приезжает в Фессалию и поселяется в доме богача Милона. Он узнает, что жена Милона — Памфила — колдунья, способна совершать чудеса и превращаться в птиц и животных. Луций упрощает служанку Памфилы — Фотиду дать ему волшебной мази, чтобы превратиться в птицу.]

Книга третья

24. Повторив это наставление много раз, она вся в трепете бросилась в комнату и вынула из шкатунки ящичек. Схватив его и облобызав, я сначала умоляю

его даровать мне счастливые полеты, а потом поспешно сбросил с себя все одежды и, жадно запустив руку, набрал порядочно мази и натер ею члены своего тела. И уже помахивая то одной, то другой рукой я старался подражать движениям птицы — но ни малейшего пушка, нигде ни перышка, только волосы мои утолщаются до шерсти, нежная кожа моя грубеет до шкуры, да на конечностях моих все пальцы, потеряв разделение, соединяются в одно копыто, да из конца спинного хребта вырастает большой хвост. Уж лицо огромно, рот растягивается и ноздри расширяются, и губы висят, к тому же и уши непомерно увеличиваются и покрываются шерстью. И ничего утешительного в злосчастном превращении моем я не видел. <...>

25. И пока без всякой надежды на спасение я осматриваю все части моего тела и вижу себя не птицей, а ослом, хочется мне пожаловаться на поступок Фотиды, но уже лишенный человеческих движений, как и голоса, делаю я единственное, что могу: свесив нижнюю губу и искоса поглядывая глазами, все еще почеловечески увлажненными, молча взываю к ней. А та, как только увидела меня в таком виде, безжалостно ударила себя руками по щекам и воскликнула: — Погибла я, несчастная. Волнение мое и торопливость меня обманули, ввело в заблуждение и сходство коробочек. Хорошо еще, что средство против такого превращения легко раздобыть. Ведь стоит только пожевать тебе розы — и сбросишь вид осла и тотчас снова обратишься в моего Луция. Почему я с вечера, по своему обыкновению, не припасла для нас каких-нибудь веночков, — тебе бы и ночи одной не пришлось ждать! Но чуть начнет светать — тут же будет тебе лекарство.

26. Так она горевала, я же, хотя и сделался заправским ослом и из Луция обратился во вьючное животное, тем не менее сохранял человеческое соображение. Итак, я долго и основательно раздумывал, не следует ли мне забить твердыми копытами и закусать до смерти эту негоднейшую и преступнейшую женщину. Но от безрассудного этого замысла удержало меня более здравое рассуждение: ведь покарав Фотиду смертью, я тем самым лишил бы себя всякой надежды на спасительную помощь. И вот встряхиваю я низко понуренной головой и, молча перенося свое временное

унижение, покорствуя жестокой моей беде, отправляюсь к своему коню, верному моему слуге, в конюшню, где нахожу поставленным еще другого осла, принадлежащего Милону, бывшему моему хозяину. И я полагал, что если существуют между бессловесными животными какие-нибудь тайные и природные обязательства чести, то мой конь, узнав меня и пожалев, должен будет оказать мне гостеприимство и принять, как знатного чужестранца. Но, о Юпитер странно-примимый, и ты, о сокровенное божество Верности! Славный носитель мой вместе с ослом сдвигают морды, сговариваясь погубить меня и в страхе, конечно, за свой корм, едва только видят, что я приближаюсь к яслям, прижав уши от ярости, принимаются лягать меня. И отогнан я был прочь от ячменя, который вчера собственными руками насыпал этому благороднейшему из слуг.

27. Так-то встреченный и отвергнутый, остался я в одиночестве и отошел в угол конюшни. Покуда я размышляю о наглости моих товарищей и придумываю, как на следующий день, превратившись с помощью роз снова в Луция, отомщу я неверному своему коню, вдруг вижу на среднем столбе, который поддерживал балки конюшни, на самой почти середине, изображение богини Эпоны⁴, поставленное в нише и заботливо украшенное совсем свежими гирляндами из роз. Увидев средство к спасению, окрыленный надеждой, оперся я, как только мог, вытянутыми передними ногами, твердо встал на задние и, задрав голову, вытянув сверх всякой меры губы, изо всех своих сил старался добраться до гирлянд. Но на мое несчастье слуга мой, которому поручен был постоянный уход за лошадью, неожиданно заметив мою затею, вскочил возмущенный. — Долго еще, — говорит, — будем мы терпеть эту клячу? Только что корм у скота отнимал, а теперь уже за изображение богов принялся. Я тебя, святотатец, так отделаю, что захромаешь у меня, калекой станешь! — и сейчас же принялся искать, чем бы меня отколотить; под руку попалась ему связка поленьев, случайно лежавшая здесь; выбрав дубину покрупнее, покрытую листьями, он до тех пор не переставая лупил меня, несчастного, пока снаружи не поднялся страшный шум, в двери начали громко стучаться, по соседству раздался испуганный крик: «разбойники!», и он, со страху, убежал. <...>

[Разбойники уводят с собой Луция-осла. В пещере у разбойников, куда поместили Луция, старуха служанка рассказывает девушке, захваченной разбойниками, сказку об Амуре и Психее.]

Книга четвертая

28. Жили в некотором государстве царь с царицею. Было у них три дочки — красавицы, но старшие по годам, хотя и были прекрасны на вид, все же можно было поверить, что найдутся у людей достаточные для них похвалы, младшая же девушка такой была красоты чудной, такой неписанной, что и слов-то в человеческом языке, достаточных для описания и прославления ее, не найти. Так что многие из местных граждан и множество иноземцев, которых жадными толпами собирала молва о необычайном зрелище, восхищенные и потрясенные недосыгаемой красой, прикрывали рот своей правой рукою, положив указательный палец на вытянутый большой, словно они самой богине Венере священное творили поклонение. И уже по ближайшим городам и смежным областям пошла молва, что богиня, которую лазурная глубина моря породила и влага пенистая волн воздвигла, по своему соизволению являет повсюду милость, обращается в толпе людей, или же заново из нового семени светил небесных, не море, но земля произвела на свет другую Венеру, одаренную цветом девственности.

29. Такое мнение со дня на день безмерно укреплялось, и растущая слава по ближайшим островам, по материкам, по множеству провинций распространялась. Толпы людей, не останавливаясь перед дальностью пути, перед морскою пучиною, стекались к знаменитому чуду. Никто не ехал в Пафос, никто не ехал в Книд, даже на самый остров Киферу⁵ для лицезрения богини Венеры никто не ехал; жертвоприношения стали реже, храмы заброшены, священные подушки⁶ раскиданы, обряды в пренебрежении, не украшают гирляндами изображения богов, и алтари вдовствуют, покрытые холодною золою. К девушке обращаются с мольбами и под смертными чертами чтут величие столь могущественной богини; когда поутру дева появляется, ей приносят дары и жертвы во имя отсутствующей Венеры, а когда она проходит по площадям, часто толпа ей дорогу усыпает цветами и венками.

Чрезмерное перенесение божеских почестей на

смертную девушку сильно воспламенило дух настоящей Венеры, и в нетерпеливом негодовании, потрясая головой, так в волнении она себе говорит: 30.— Как, древняя мать природы! Как, родоначальница стихий! Как, всего мира родительница, Венера, я терплю такое обращение, что смертная дева делит со мною царственные почести, и имя мое, в небесах утвержденное, оскверняется земною нечистотой? Да неужели я соглашусь делить сомнительные почести со своей заместительницей, принимающей под моим именем искупительные жертвоприношения, и смертная девушка будет носить мой образ? Напрасно, что ли, пастырь пресловутый, суд и справедливость которого великий подтвердил Юпитер, предпочел меня за несравненную красоту столь прекрасным богиням? Но не на радость себе присвоила та самозванка, кто бы она ни была, мои почести! устрою я так, что раскается она даже и в самой своей недозволенной красоте!

Сейчас же призывает она к себе сына своего крылатого, крайне дерзкого мальчика, который, в злонравии своем общественным порядком пренебрегая, вооруженный стрелами и факелом, бежит ночью, по чужим домам, расторгая везде супружества, и, безнаказанно совершая такие преступления, хорошего решительно ничего не делает. Его, от природной испорченности необузданного, возбуждает она еще и словами, ведет в тот город и Психею⁷ — таково было имя девушки — воочию ему показывает, рассказывает всю историю о соревновании в красоте; вздыхая, дрожа от негодования, говорит она ему: 31.— Заклинаю тебя узами любви материнской, нежными ранами стрел твоих, факела твоего сладкими ожогами, отомсти за свою родительницу. Полной мерой воздай и жестоко отомсти дерзкой красоте, сделай то единственное, чего мне больше всего хочется: пусть дева эта пламенно влюбится в последнего из смертных, которому судьба отказала в происхождении, и в состоянии, и в самой безопасности, в такое убожество, что во всем мире не нашлось бы более жалкого. <...> 32. Между тем Психея при всей своей очевидной красоте, никакой прибыли от прекрасной своей наружности не имела. Все любят, все прославляют, но никто не является — ни царь, ни царевич, ни хотя бы кто-нибудь из простого народа, кто бы пожелал просить ее руки. Дивятся на нее, как на божественное явление, но все дивятся, как

на искусно сделанную статую. Старшие две сестры, об умеренной красоте которых никакой молвы не распространялось в народе, давно уже были просватаны за женихов из царского рода и заключили уже счастливые браки, а Психея, в девах вдовица, сидя дома, оплакивает пустынное свое одиночество, недомогая телом, с болью в душе, ненавидя свою красоту, хотя она всех людей привлекала. Тогда злополучный отец несчастнейшей девицы, подумав, что это знак небесного неблаговоления, и страшась гнева богов, вопрошает древнейшее прорицалище — милетского бога — и просит у великой святыни мольбами и жертвами для обездоленной девы мужа и брака. Аполлон же, хотя и грек и даже иониец, дает прорицание из уважения к составителю милетского рассказа на латинском языке:

Царь, на высокий обрыв поставь обреченную деву
И в погребальный наряд к свадьбе ее обряди;
Смертного зятя иметь не надейся, несчастный родитель;
Будет он дик и жесток, словно ужасный дракон,
Он на крылах облетает эфир и всех утомляет,
Раны наносит он всем, пламенем жгучим палит,
Даже Юпитер трепещет пред ним, и боги боятся.
Стиксу внушает он страх, мрачной подземной реке.

Услышав ответ святейшего прорицателя, царь, счастливый когда-то, пускается в обратный путь, недовольный, печальный и сообщает своей супруге предсказания зловещего жребия. Грустят, плачут, убиваются немало дней. Но ничего не поделаешь, приходится исполнять мрачное веление страшной судьбы. Идут уже приготовления к погребальной свадьбе злосчастнейшей девы, уже пламя факелов чернеет от копоти и гаснет от пепла, звук мрачной флейты переходит в жалобный лидийский лад и веселые гимнеи оканчиваются мрачными воплями, а невеста оттирает слезы подвенечной фатой. Весь город сострадает печальной участи удрученного семейства, и по всеобщему согласию тут же издается распоряжение об общественном трауре.

34. Но необходимость подчиниться небесным указаниям призывает беденькую Психею к уготованной муке. Итак, когда все было приготовлено к торжеству погребального бракосочетания, трогается в путь в сопровождении всего народа, при общей скорби, похоронная процессия без покойника, и заплаканную Психею ведут не как на свадьбу, а как на собственное

погребение. И когда удрученные родители, взволнованные такой бедою, медлили совершать нечестивое преступление, сама их дочка такими словами подбодряет их: — Зачем долгим плачем несчастную старость свою мучаете? Зачем дыхание ваше, которое скорее мне, чем вам принадлежит, частыми воплями утруждаете? Зачем бесполезными слезами лица, чтимые мною, пятнаете? Зачем темните мой свет в очах ваших? Зачем рвете седины? Зачем грудь, зачем сосцы эти священные поражаете ударами? Вот вам за небывалую красоту мою награда достойная! Поздно опомнились вы, пораженные смертельными ударами нечестивой зависти. Когда народы и страны оказывали нам божеские почести, когда в один голос новой Венерой меня провозглашали, тогда скорбеть, тогда слезы лить, тогда меня, как бы уже погибшую, оплакивать следовало. Чую, вижу, одно только название Венеры меня погубило. Ведите меня и ставьте на скалу, к которой приговорил меня рок. Спешу вступить в счастливый этот брак, спешу увидеть благородного супруга моего. Зачем мне медлить, оттягивать приход того, кто рожден всему миру на пагубу? 35. Сказав так, умолкла дева и твердой уже поступью присоединилась к шествию сопровождавшей ее толпы. Идут к указанному обрыву высокой горы, ставят на самой вершине ее девушку, удаляются, оставив брачные факелы, освещавшие ей дорогу и тут же угасшие от потока слез, и, опустив головы, расходятся все по домам. А несчастные родители ее, удрученные такою бедою, запершись в доме, погруженные во мрак, предали себя вечной ночи. Психею же, боящуюся, трепещущую, плачущую на самой вершине скалы, нежное веяние мягкого Зефира, всколыхнув ей полы и вздув одежду, слегка подымает, спокойным дуновением понемногу со склона высокой скалы уносит и в глубокой долине на лоно цветущего луга, медленно спуская, кладет.

Книга пятая

1. Психея, тихо покаясь на нежном, цветущем лугу, на ложе росистой травы, отдохнув от такой быстрой перемены в чувствах, сладко уснула. Вдосталь подкрепившись сном, она встала с легкой душой. Ви-

дит рощу, большими высокими деревьями украшенную, видит хрустальные воды источника прозрачного. Как раз в самой середине рощи рядом со струящимся источником дворец стоит, не человеческими руками созданный, но божественным искусством. Едва ступишь туда, сразу узнаешь, что перед тобою какого-нибудь бога светлое и милое пристанище. ... Штучный потолок, искусно сделанный из туи и слоновой кости, поддерживают золотые колонны, все стены выложены чеканным серебром с изображением зверей диких и других животных, словно устремившихся навстречу входящим. О, поистине то был удивительный человек, полубог, конечно, или, вернее, настоящий бог, который с искусством великого художника столько серебра в зверей превратил! Даже пол, составленный из мелких кусочков дорогих камней, образует всякого рода картины. Поистине блаженны, дважды и многократно блаженны те, что ступают по самоцветам и драгоценностям! И прочие части дома, в длину и ширину раскинутого, бесценны по ценности; все стены, отягченные массою золота, сияют таким блеском, что откажись солнце светить — они сами залили бы дом дневным светом; каждая комната, каждая галерея, каждая даже створка дверная пламенеет. Прочее убранство не меньше соответствует величию дома, так что поистине можно подумать, будто великий Юпитер создал эти чертоги небесные для общения со смертными.

2. Привлеченная прелестью этих мест, Психея подходит ближе, расхрабрившись немного, переступает порог и вскоре с восхищенным вниманием озирает все подробности прекраснейшего зрелища. <...> Нет ничего на земле, чего бы там не было. Но кроме необычайности стольких богатств, было всего дивнее то, что сокровища целого мира никакой цепью, никаким стражем не охранялись. Покуда она с величайшим наслаждением смотрела на все это, вдруг доносится до нее какой-то голос, лишенный тела. — Что, — говорит, — госпожа, дивишься такому богатству? Это все принадлежит тебе. Иди же в спальню, отдохни от усталости на постели; когда захочешь, прикажи купание приготовить. Мы, чьи голоса ты слышишь, мы твои рабыни, усердно будем прислуживать тебе, и, как только приведешь себя в порядок, не замедлит явиться роскошный стол.

3. Психея ощутила блаженство от божественного покровительства и, вняв совету невидимого голоса, сначала сном, а затем купаньем смывает остаток усталости; увидев тут же подле себя появившийся полукруглый стол, накрытый, как о том свидетельствовал обеденный прибор, для ее трапезы, охотно возлегает за него. И тотчас вина, подобные нектару, и множество блюд с разнообразными кушаньями подаются, будто гонимые каким-то ветром, а слуг нигде нет. Никого не удалось ей увидеть, лишь слышала, как слова раздавались, и только голоса имела к своим услугам. После обильной трапезы вошел кто-то невидимый и запел, а другой заиграл на кифаре, которой также она не видела. Тут до слуха ее доносятся звуки многих поющих голосов, и, хотя никто из людей не появлялся, ясно было, что это хор.

4. По окончании развлечений, уступая увещаниям сумерек, отходит Психея ко сну. В глубокой ночи какой-то легкий шум долетает до ее ушей. Тут, опасаясь за девство свое в таком уединении, робеет она и ужасается и боится какой-либо беды тем более, что она ей неизвестна. Но вошел уже таинственный супруг и взошел на ложе, супругою себе Психею сделал и раньше восхода солнца поспешно удалился. Тотчас же голоса, дожидавшиеся в спальне, окружают заботами потерявшую невинность новобрачную. Так продолжалось долгое время.

...И по законам природы новизна от частой привычки приобретает для нее приятность, и звук неизвестного голоса служит ей утешением в одиночестве.

Меж тем родители ее старились в неослабевающем горе и унынии, а широко распространившаяся молва достигла старших сестер, которые все узнали и, быстро покинув свои очаги, поспешили, мрачные и печальные, одна за другой повидаться и поговорить со своими родителями.

5. В ту же ночь со своей Психеей так заговорил супруг — ведь только для зрения он был недоступен, но не для осязания и слуха: — Психея, сладчайшая и дорогая супруга моя, жестокая судьба грозит тебе гибельной опасностью, к которой, считаю я, следует отнестись с особым вниманием. Сестры твои, считающие тебя мертвой и с тревогой ищущие следов твоих, скоро придут на тот утес; если услышишь случайно их жалобы, не отвечай им и не пытайся даже взглянуть

на них, иначе причинишь мне жестокую скорбь, а себе верную гибель.

Она кивнула в знак согласия и обещала следовать советам мужа, но, как только он исчез вместе с окончанием ночи, бедняжка весь день провела в слезах и стенаниях, повторяя, что теперь она уж непременно погибнет, накрепко запертая в блаженную темницу, лишённая общения и беседы с людьми, так что даже сестрам своим, о ней скорбящим, никакой помощи оказать не может и даже хоть краткого свидания с ними не дожидается. Не прибегая ни к бане, ни к пище, ни к какому другому подкреплению, горько плача, отходит она ко сну.

6. Не прошло и минуты, как на ложе возлег супруг, появившийся немного раньше обыкновенного, и, обняв ее, еще плачущую, так ее вопрошает: — Это ли обещала ты мне, моя Психея? Чего же мне, твоему супругу, ждать от тебя, на что надеяться? И день и ночь, даже в супружеских объятиях, продолжается твоя мука. Ну, делай, как знаешь, уступи требованиям души, жаждущей гибели. Вспомни только, когда придет запоздалое раскаяние, о серьезных моих увещеваниях.

Тогда она просьбами, угрозами, что иначе она умрет, добилаcь от мужа согласия на ее желание повидаться с сестрами, умерить их печаль и поговорить с ними. Так уступил супруг просьбам молодой своей жены, больше того, разрешил даже дать им в подарок, что ей захочется из золотых украшений или драгоценных камней, неоднократно предупреждая при этом и подкрепляя слова свои угрозами, что если она, вняв гибельным советам сестер, будет добиваться увидеть своего мужа, то святотатственным любопытством этим она низвергнет себя с вершины счастья и навсегда впредь лишится его объятий. Она поблагодарила мужа и с прояснившимся лицом говорит: — Да лучше мне сто раз умереть, чем лишиться сладчайшего твоего супружества! Ведь кто б ты ни был, я люблю тебя страстно, как душу свою, и с самим Купидоном не сравняю. Но молю тебя, исполни еще мою просьбу: прикажи слуге твоему Зефиру так же доставить сюда сестер моих, как он доставил меня. — И запечатлев поцелуй для убеждения, ведя речь нежную, прильнув всем телом для соблазна, прибавляет к этим ласкам: — Медовенький мой, муженек мой, твоей Пси-

хеи нежная душенька! — Силе и власти любовного на-шептывания против воли уступил муж и дал обещание, что все исполнит, а как только стал приближаться свет, исчез из рук супруги.

7. А сестры, расспросив, где находится утес и то место, на котором покинута была Психея, спешат туда и готовы выплакать себе глаза, бьют себя в грудь, так что на частые крики их скалы и камни откликаются ответным звуком. Несчастную сестру свою по имени зовут, пока на пронзительный вопль их причитаний, доносившихся с горы, Психея вне себя, дрожа, не выбежала из дому и говорит: — Что вы напрасно себя жалобными воплями убиваете? Вот я здесь, о ком вы скорбите. Прекратите мрачные крики, отрите, наконец, щеки, мокрые от продолжительных слез, раз в вашей воле обнять ту, которую вы оплакиваете.

Тут, призвав Зефира, передает ему приказание мужа. Сейчас же, явившись на зов, он спокойнейшим дуновением доставляет их безопасным образом. Вот они уже обмениваются взаимными объятиями и торопливыми поцелуями, и слезы, прекратившиеся было, снова текут — от радостного счастья. — Но войдите, — говорит, — с весельем под кров наш, к нашему очагу и утешьте с Психеей вашей скорбные души.

8. Промолвив так, начинает она и несметные богатства золотого дома показывать, и обращает внимание их слуха на великое множество прислуживающих голосов, щедро подкрепляет их силы прекраснейшим купанием и роскошью стола, достойного бессмертных, так что в глубине их душ, досыта насладившихся пышным изобилием поистине небесных богатств, пробуждается зависть. Наконец, одна из них с большой настойчивостью и любопытством принялась расспрашивать, кто же хозяин всех этих божественных вещей, кто такой и чем занимается ее муж. Но Психея, боясь нарушить супружеские наставления, не выдает сокровенной тайны, а наскоро придумывает, что он человек молодой, красивый, щеки которого только что покрылись первым пушком, главным образом занятый охотой по полям и горам; и чтобы при продолжении разговора случайно не нарушить принятого ею решения, нагрузив их золотыми вещами и ожерельями из драгоценных камней, тут же призывает Зефира и передает их ему для доставления обратно.

9. Когда приказание это было без замедления выполнено, добрые сестры по дороге домой, преисполняясь желчью растущей зависти, много и оживленно между собой говорили. Наконец, одна из них так начала: — Вот слепая, жестокая и несправедливая судьба! Нравится тебе, чтобы, рожденным от одного и того же отца, одной матери, столь различный жребий выпал нам на долю. Нас, старших как-никак по возрасту, ты предаешь иноземным мужьям в служанки, отторгаешь от родного очага, от самой родины, так что вдали от родителей влачим мы существование, как изгнанницы, она же, самая младшая, последний плод уже утомленного чадородия, владеет такими богатствами и мужем божественным, а сама и пользоваться-то как следует таким изобилием благ не умеет. Ты видела, сестра, сколько в доме находится драгоценностей, какие сверкающие одежды, какие блестящие перлы, сколько, кроме того, под ногами повсюду разбросано золота. И если к тому же муж ее так красив, как она уверяет, то нет на свете более счастливой женщины. Может быть, как усилится привычка ее божественного мужа, укрепитя привязанность, он и ее самое сделает богиней. Клянусь Геркулесом, к тому идет дело! Так она вела себя, так держалась. Да, метит она на небо; богиней держится эта женщина, раз и невидимых служанок имеет и самими ветрами повелевает. А мне, несчастной, что досталось на долю? Прежде всего муж в отцы мне годится, плешивее тыквы, телосложением тщедушнее любого мальчишки и все в доме держит на замках и запорах.

10. Другая подхватывает: — А мне какого мужа терпеть приходится? Скрюченный, сгорбленный от подагры и по этой причине крайне редко в любви со мной находящийся; большую часть времени растираю я его искривленные, затвердевшие, как камень, пальцы и обжигаю эти тонкие руки мои пахучими припарками, грязными тряпками, зловонными пластырями, словно я не законная супруга, а сиделка, для работы нанятая. Видно, что ты, сестра, — я скажу открыто, что чувствую, — переносишь это с полным или рабским терпением. Ну, а что касается до меня, так я не могу больше выдержать, что такая блаженная судьба досталась на долю недостойной. Вспомни только, как гордо, как вызывающе вела она себя с нами, самое хвастовство это, неумеренно проявленное, доказывает

надменность ее духа; потом от таких несметных богатств, скрепя сердце, бросила нам крошку и тотчас, тяготясь нашим присутствием, приказала удалить нас, выдуть, высвистать. Не будь я женщиной, перестань я дышать, если не свергну ее с вершины такого богатства. Если и тебя, что вполне естественно, возмутило это оскорбление, давай обе серьезно посоветуемся и примем решение, что нам делать. Но подарки, которые мы принесли с собою, не будем показывать ни родителям, ни кому другому, также совсем не будем упоминать, что нам известно что-либо о ее спасении. Довольно того, что мы сами видели, чего бы лучше нам не видеть, а не то, чтобы нашим родителям и всему народу разглашать о таком ее благополучии. Не могут быть счастливы те, богатство которых никому неизвестно. Она узнает, что не служанки мы ей, а старшие сестры. Теперь же отправимся к супругам и к бедным, но вполне честным, очагам нашим; не спеша и тщательно все обдумав, мы более окрепшими вернемся для наказания гордыни.

11. По душе пришелся злодейский план двум злодейкам; итак, спрятав все богатые подарки, выдирая себе волосы и царапая лицо, чего они и заслуживали, притворно возобновляют плач. Затем, напугав родителей, рана которых снова открылась, полные безумия, быстро отправляются по своим домам, строя преступный, поистине отцеубийственный замысел против невинной своей сестры.

Меж тем, неизвестный Психее супруг снова убеждает ее в ночных своих беседах: — Видишь ли, какой опасности ты подвергаешься? Судьба издавна начала бой и, если очень крепких не примешь ты мер предосторожности, скоро лицом к лицу с тобой сразится. Коварные девки эти всеми силами готовят против тебя гибельные козни, и главная их цель — уговорить тебя узнать мои черты, которые, как я тебя уже не раз предупреждал, увидавши, не увидишь больше. Итак, если через некоторое время ламии эти негодные, полные злых планов, придут сюда, — а они придут, знаю это, — то не говори им ни слова. Если же, по природной простоте твоей и по нежности душевной, сделать этого ты не сможешь, то, по крайней мере, не слушай никаких речей про своего мужа и не отвечай на них. Ведь скоро семья наша увеличится, детское еще чрево твое носит в себе новое дитя для нас, боже-

ственное, если молчанием скроешь нашу тайну, если нарушишь секрет — смертное.

12. Психея при вести этой от радости расцвела и, утешенная божественным отпрыском, в ладоши захлопала, и славе будущего плода своего возвеселилась, и почтенному имени матери возрадовалась. В нетерпении считает она, как идут дни и протекают месяцы, дивится непривычному, неведомому грузу и постепенному росту плодоносного чрева от столь кратковременного укола. А те две заразы, две фурии гнуснейшие, дыша змеиным ядом, торопились снова пуститься в плаванье с преступной поспешностью. И снова на краткое время появляющийся супруг убеждает свою Психею: — Вот пришел последний день, крайний случай: враждебный пол и кровный враг взялся за оружие, снялся с лагеря, ряды выстроил, сигнал протрубил; уже с обнаженным мечом преступные сестры твои подступают к твоему горлу. Увы, какие бедствия грозят нам, Психея нежнейшая! Пожалей себя, пожалей нас, и святою воздержанностью спаси дом, мужа, самое себя и нашего младенца от несчастья нависшей гибели. О, если бы тебе негодных женщин этих, которых после смертоубийственной ненависти к тебе, после попранной кровной связи непозволительно называть сестрами, не пришлось ни слышать, ни видеть, когда они, наподобие сирен, с высокого утеса будут оглашать скалы своими губительными голосами.

13. Заглушая речь жалобными всхлипываниями, Психея отвечала: — Насколько знаю я, ты имел уже время убедиться в моей верности и неразговорчивости, теперь не меньшее доказательство дам я тебе душевной крепости. Отдай только приказание нашему Зефиру исполнить его обязанность и, в замену отказанного мне лицемерия священного лика твоего, позволь мне хоть с сестрами увидеться. Заклинаю тебя этими благовонными, по обе стороны спадающими, кудрями твоими, твоими нежными, округлыми, на мои похожими ланитами, грудью твоей, каким-то таинственным огнем наполненной, — да узнаю я хоть в нашем малютке черты твои! — в ответ на смиренные просьбы и мольбы нетерпеливые доставь мне радость обнять своих сестер и душу верной и преданной тебе Психеи утешь этим счастьем. Ни слова больше не спрошу я о твоем лице, самый мрак ночной мне уже не досаждал, так как при мне — свет твой. Зачаро-

ванный речами этими и сладкими объятьями, супруг ее, отерев слезы ей своими волосами, обещал ей все исполнить и исчез, предупреждая свет наступающего дня.

14. А чета сестер, связанная заговором, не повидавав даже родителей, прямо с кораблей проворно направляется к обрыву и, не дождавшись появления переносившего их ветра, с дерзким безрассудством бросается в глубину. Но Зефир, памятуя царские приказы, принял их, хоть и против воли, на свое лоно и легким дуновением опустил на землю. Они, не мешкая, сейчас же поспешным шагом проникают в дом, обнимают жертву свою, лицемерно прикрываясь именем сестер, и, под радостным выражением храня в себе тайник глубоко скрытого обмана, обращаются к ней со лстивою речью:— Вот, Психея,— теперь уже ты не прежняя девочка, сама скоро будешь матерью. Знаешь ли ты, сколько добра ты носишь для нас в этом мешочке? Какой радостью все наше семейство обрадуешь? Для нас-то счастье какое, что будем нянчить это золотое дитяtko. Если, как и следует ожидать, ребенок по красоте выйдет в родителей, наверное Купидона ты на свет произведешь.

15. Так с помощью поддельной нежности они мало-помалу овладевают душою сестры. Как только они отдохнули с дороги на креслах и освежились горячими парами бани, она принялась угощать их в прекраснейшей столовой удивительными и совершенными кушаньями и закусками. Велит кифаре играть — звенит, флсйте исполнять — звучит, хору выступать — поет. Всеми этими сладчайшими мелодиями невидимые музыканты смягчали души слушателей. Но преступность негодных женщин не успокоилась и от мягкой нежности сладчайшего пения: направляя разговор к заранее обдуманной, коварной западне, принимают они с хитростью расспрашивать, кто ее муж, откуда родом, чем занимается. Она же по крайней простоте своей, забыв, что говорила прошлый раз, заново выдумывает и рассказывает, что муж ее из ближайшей провинции, ведет торговые дела, человек уже средних лет с редкой проседью. И, не задерживаясь на этом разговоре, снова нагружает их богатыми подарками и передает для отправления ветру.

16. Пока поднятые спокойным дуновением Зефира возвращаются они домой, так между собой перегова-

риваются: — Что скажешь, сестрица, о такой чудовищной лжи этой дурочки? То юноша, щеки которого покрыты первым пушком, то человек средних лет, у которого уже пробивается седина. Кто же он такой, что в столь короткий промежуток времени внезапно успел состариться? Не иначе, сестрица: или негодница все наврала, или мужа в глаза не видела; что бы ни было правдой, прежде всего надо низвергнуть ее с высоты благополучия. Если она не знает лица своего мужа, значит вышла за какого-нибудь бога и готовится произвести на свет бога. А уж если она (да не случится этого!) прослывет матерью божественного ребенка, я тут же на крепкой петле повешусь. Однако вернемся к родителям нашим и, как начало тех речей, с которыми к Психее обратимся, сплетем подходящую ложь.

17. Так, воспламененные, поговорив надменно с родителями, усталые от бессонно проведенной ночи, ранним утром летят они к утесу и оттуда с помощью обычного ветра быстро снесенные вниз выжимают из глаз своих слезы и с такой хитростью начинают свою речь к сестре: — Счастливая, ты сидишь, не беспокоясь о грозящей тебе опасности, блаженная в неведении такой беды, а мы всю ночь напролет, не смыкая глаз, думали о твоих делах и горько скорбим о твоих бедствиях. Мы наверняка узнали и не можем скрыть от тебя, разделяя скорбь и горе твое, что тайным образом спит с тобою по ночам огромный змей, извивающийся множеством петель, шея у которого переполнена вместо крови губительным ядом и пасть разверзнута, как бездна. Вспомни предсказания пифийского оракула, что провозвестил тебе брак с диким чудовищем. К тому же многие крестьяне, охотники, поблизости охотившиеся, множество окрестных жителей видели, как он под вечер возвращался с пастбища и переправлялся вброд через ближайшую реку. 18. Все уверяют, что недолго он будет откармливать тебя, льстиво угождая кушаньями, но пожрет отягощенную лучшим из плодов. Теперь тебе представляется выбор: или захочешь послушаться сестер твоих, заботящихся о дорогом твоём спасении, и, избежав гибели, жить с нами в безопасности, или же быть погребенной во внутренностях жесточайшего гада. Если тебе нравится уединение этой деревни, наполненной голосами, или тайные соединения зловонной и опасной любви

и объятия змея ядовитого, — дело твое, мы, по крайней мере, свой долг честных сестер исполнили.

На бедняжку Психею, простую душой и нежненькую, ужас напал от таких зловещих слов: из головы вылетели все наставления супруга, забылись и собственные обещания; и готова броситься в бездну несчастий, вся трепеща, покрывшись смертельной бледностью, заикаясь, прерывающимся шепотом начинает она говорить сестрам такие слова: 19. — Вы, дражайшие сестры, как и надо было ожидать, исполняете священный долг ваш, и те, по-видимому, не солгали, кто сообщил вам такие сведения. Ведь я никогда в глаза не видела лица своего мужа, совсем не знаю, каков он; лишь по ночам слышу я голос таинственного супруга и мне приходится мириться с тем, что при появлении света он обращается в бегство, так что я вполне могу поверить вашим утверждениям, что он некое чудовище. Он сам часто и грозно запрещал мне искать его лицемерия и грозил большим бедствием, если я полюбопытствую увидеть его внешность. Если можете вы предпринять что-нибудь для спасения сестры вашей, находящейся в опасности, теперь же делайте; иначе дальнейшая беззаботность уничтожит благодеяние первоначальной предусмотрительности.

Тогда, подступив через открытые уже ворота к незащищенной душе сестры своей, преступные женщины отбрасывают всякое прикрытие тайных ухищрений и, обнажив мечи обмана, нападают на пугливое воображение простодушной девочки. 20. Наконец, одна из них говорит: — Так как кровные узы заставляют нас ради твоего спасения забывать о всякой опасности, мы укажем тебе средство, давным-давно уже обдуманное нами, которое может служить единственным путем к спасению. Возьми отточенную бритву и, проводя медленно для придания большей остроты по ладони, тайно спрячь ее в постели с той стороны, где ты всегда ложишься, затем хорошую лампу, до краев наполненную маслом, ярким пламенем горящую, прикрой каким-нибудь горшочком; все эти приготовления сделай в величайшем секрете. Затем, когда он извилистыми движениями подымется, как обычно, на ложе, растянется и погрузится в глубокий покой, объятый тяжестью первого сна, соскользни с кровати босая, ступая на цыпочках как можно осторожнее, освободи лампу от покрывала слепого мрака, восполь-

зуйся для совершения славного подвига твоего помощью света, высоко воздешь правую руку с обоюдоострым оружием и сильным ударом голову зловредного змея от туловища отдели. Не будет тебе недостатка и в нашей помощи: как только убийством его ты спасешь себя, мы поспешим сюда, с нетерпением будем ожидать и, быстро унеся вместе с тобой все это добро, просватаем тебя, принадлежащую к человеческому роду, надлежащим браком за человека.

21. А сами, зажегши столь пламенными речами огонь в сердце сестры, уже совсем пылающем, быстро ее покидают, сильно боясь оказаться даже поблизости от подобных несчастий, и принесенные, как обычно, дуновением крылатого ветра на утес, поспешно обращаются в бегство и, тотчас сев на корабли, отъезжают. Между тем Психея, оставшись одна (хотя злые Фурии тревожили ее и не оставляли в покое), волнуется в скорби подобно бурному морю, и хотя решение принято и душа непреклонна, все же, готовясь протянуть руку к преступлению, она еще колеблется в нерешительности, и противоречивые чувства отвлекают ее от злого дела. Спешит, откладывает; дерзает, трепещет; отчаивается, гневается и, наконец, в одном и том же теле ненавидит чудовище и любит мужа. Но вечер уже шел к ночи, и Психея в торопливой поспешности делает приготовления к безбожному преступлению. Вот и ночь пришла, супруг пришел и, предавшись сначала любовному сражению, погрузился в глубокий сон.

22. Тут Психея слабеет телом и душою, но, подчиняясь жестокой судьбе, собирается с силами и, вынув светильник, взяв в руки бритву, решимостью преодолевает женскую робость. Но как только от поднесенного огня осветились тайны постели, видит она нежнейшее и сладчайшее из всех диких зверей чудовище, видит самого Купидона, бога прекрасного, прекрасно покоящегося, при виде которого даже пламя лампы веселей заиграло, и ярче заблестело бритвы святотатственной острие. А сама Психея, уstraшенная таким зрелищем, не владеет собой, покрывается смертельной бледностью и, трепеща, опускается на колени, стараясь спрятать оружие, но — в груди своей; она бы и сделала это, если бы оружие, от страха перед таким злодейством, выпущенное из дерзновенных рук, не упало. Изнемогая, потеряв всякую надежду, чем долъ-

ше всматривается она в красоту божественного лица, тем больше собирается с духом. Видит она золотую голову с пышными волосами, пропитанными амброзией, окружающие молочную шею и пурпурные щеки, изящно опустившиеся завитки локонов, одни с затылка, другие со лба свешивающиеся, от крайнего лучезарного блеска которых сам огонь в светильнике заколебался; за плечами летающего бога росистые перья сверкающим цветком белели, и, хотя крылья находились в покое, кончики нежных и тоненьких перышек трепетными толчками двигались в беспокойстве; остальное тело видит гладким и сияющим, так что Венера могла не раскаиваться, что произвела его на свет. В ногах кровати лежали лук и колчан со стрелами, благодетельное оружие великого бога.

23. Ненасытная, к тому же и любопытная Психея не сводит глаз с мужниного оружия, осматривает и ощупывает его, вынимает из колчана одну стрелу, кончиком пальца пробует острие, но, сделав более сильное движение дрожащим суставом, глубоко колет себя, так что на поверхности кожи выступают капельки розовой крови. Так, сама того не зная, Психея воспылала любовью к богу любви. Разгораясь все большей и большей страстью к богу страсти, она, полная вожделения, наклонилась к нему и торопливо начала осыпать его жаркими и долгими поцелуями, боясь, как бы не прервался сон его. Но пока она, таким блаженством упоенная, рассудком своим не владеющая, волнуется, лампа ее, то ли по негоднейшему предательству, то ли по зловредной зависти, то ли и сама пожелав прикоснуться и как бы поцеловать столь блистательное тело, брызгает с конца фитиля горячим маслом на правое плечо богу. Эх ты, лампа, наглая и дерзкая, презренная прислужница любви, ты обожгла бога, который сам господин всяческого огня! А, наверное, впервые изобрел тебя какой-нибудь любовник, чтобы как можно дольше ночью пользоваться предметом своих желаний. Почувствовав ожог, бог вскочил и, увидев запятнанной и нарушенной клятву, быстро освободился от объятий и поцелуев несчастнейшей своей супруги и, не произнеся ни слова, поднялся в воздух. <...>

24. А Психея, как только поднялся он, обеими руками ухватила за правую его ногу — жалкий привесок в высоком взлете — но, наконец, устав долгое вре-

мя быть висячей спутницей в заоблачных высях, упала на землю. Влюбленный бог не оставляет ее, лежащую на земле, и, взлетев на ближайший кипарис, с высокой верхушки его, глубоко взволнованный, так говорит ей:— Ведь я, простодушнейшая Психея, вопреки повелению матери моей Венеры, приказавшей внушить тебе страсть к самому жалкому, последнему из смертных и обречь тебя убогому браку, сам предпочел прилетать к тебе в качестве возлюбленного. Я знаю, что поступил легкомысленно, но, знаменитый стрелок, я сам себя ранил своим же оружием и сделал тебя своей супругой для того, значит, чтобы ты сочла меня чудовищем и захотела бритвой отрезать мне голову, за то что в ней находятся эти влюбленные в тебя глаза. Я всегда то и дело убеждал тебя остерегаться, всегда дружески уговаривал. Почтенные советчицы твои немедленно ответят мне за свою столь губительную выдумку, тебя же я накажу только моим исчезновением.— И окончив речь эту, на крыльях ввысь устремился.

25. А Психея, распростертая на земле, следя, покуда доступно было взору, за полетом мужа, душу себе надрывает горькими воплями. Когда же все увеличивающееся расстояние скрыло от глаз ее супруга, на крыльях стремительно уносившегося, ринулась к ближайшей реке и бросилась с берега вниз. Но кроткая речка, несомненно, в честь бога, способного воспламенить даже воду, и из боязни за себя, сейчас же волной своей вынесла ее невредимою на берег, покрытый цветущей зеленью. На береговом гребне случайно сидел деревенский бог Пан, обняв горную богиню Эхо, которую учил он петь на разные голоса; неподалеку от воды на широком пастбище резвились козочки, пощипывая прибрежную травку. Козлиный бог милостиво подзывает к себе измученную, расстроенную Психею и, так как несчастье ее небезызвестно было ему, ласковыми словами успокаивает:

— Девушка милая, я деревенский житель, пасу стада, но благодаря своей глубокой старости научен долгим опытом. Так вот, если правильно я сужу,— а это именно умные люди и называют даром провиденья,— то неровная, часто колеблющаяся походка, крайняя бледность всего тела, вздохи частые, а главное — заплаканные глаза твои говорят, что от любви чрезмерной ты страдаешь. Послушайся же меня и не старайся

вперед погубить себя, снова бросившись в воду или каким-либо другим способом насильственной смерти. Отложи грусть и брось печаль, а лучше обратись с мольбами к Купидону, величайшему из богов, и так как он юноша избалованный и капризный, то постарайся ласковой предупредительностью расположить его в свою пользу.

26. Ничего не ответив на слова пастушеского бога, только поклонившись спасительному божеству, Психея тронулась в путь. Когда она усталой походкой прошла довольно большое расстояние, уже к вечеру какой-то неизвестной тропинкой достигла она некоего города, где был царем муж одной из ее сестер. Узнав об этом, Психея пожелала сообщить сестре о своем присутствии; как только ввели ее, после взаимных объятий и приветствий, на вопрос о причине ее прибытия, она начала таким образом. — Ты помнишь ваш совет, а именно, как вы меня уговаривали, чтобы я чудовище, которое под обманным названием мужа проводило со мною ночи, раньше чем оно пожрет меня, бедную, своей прожорливой глоткой, зарезала обоюдоострой бритвой? Но едва лишь, согласно уговору, при свете лампы взглянула я на его лицо, вижу дивное и совершенно божественное зрелище — самого сына преславного богини Венеры, самого, повторяю, Купидона, сладким сном объятого. И пока, приведенная в восторг видом такой красоты, смущенная таким обилием наслаждений, я страдала от невозможности вкушать от них, в это время по злейшей случайности пылающая лампа брызнула маслом ему на плечо. Проснувшись тотчас же от этой боли, как только увидел меня с лампой и оружием в руках, говорит: «Ты за столь жестокое преступление уходи немедленно с моего ложа и заberi свои пожитки, я же с сестрой твоей, — тут он называл твое имя, — торжественным браком сочетаюсь». И сейчас же приказал Зефиру, чтобы он вынул меня из его дома.

27. Не успела еще Психея кончить своей речи, как та, воспламенившись порывом безумного вожделения и губительной зависти, обманув мужа тут же придуманной ложью, будто получила какое-то известие о смерти родителей, сейчас же взошла на корабль, прямо направилась к известному обрыву, и хотя дул совсем не тот ветер, все же она, охваченная слепой надеждой, крикнула: — Принимай меня, Купидон, до-

стойную тебя супругу, а ты, Зефир, поддержи свою госпожу! — и со всего маху бросилась в бездну. Но до места назначения даже в виде трупa она не добралась. Ударяясь о камни скал, члены ее разбились и разлетелись в разные стороны, и она погибла, доставив своими растерзанными внутренностями, как заслуживала этого, легкую добычу для птиц и диких зверей. Так она погибла. Не замедлила и следующая мстительная кара. Психея, снова пустившись в скитания, дошла до другого города, где, подобно первой, была царицей вторая ее сестра. И эта также поддалась на приманку родной сестры и — соперница Психеи — поспешила к утесу на преступный брак, но также упала, найдя себе гибель и смерть.

28. Между тем, пока Психея, занятая поисками Купидона, обходит страны, он сам, страдая от ожога, лежал и стонал в самой спальне у своей матери. Тут чайка, птица белоснежная, что по волнам морским на крыльях плавает, поспешно в недра океана глубокого ныряет. Там, сейчас же представ перед Венерой, что купалась и плескалась, докладывает ей, что сын ее обжегся, стонет от боли, причиняемой тяжелой раной, лежит, — неизвестно, поправится ли, а что у всех народов из уст в уста уже говор и ропот идет, и Венеру со всей ее родней поминают недобрым; сынок, мол, на горах любовью занимаясь, а сама она, в океане купаясь, от дел своих отстали, а через то ни страсти нет никакой, ни очарования, ни прелести, а все стало неблагоприятно, грубо и дико; ни браков супружеских, ни союзов дружеских, ни от детей почтения, но всеобщее позорище и от грязных соединений горечь и отвращение. Так эта болтливая и любопытная птица верещала в Венераины уши, пороча доброе имя ее сына. А Венера, придя в сильный гнев, вдруг восклицает: — Стало быть, у милого сынка моего подружка завелась какая-то! Ну, ты, которая одна только и служишь мне от души, скажи, как зовут ту, которая благородного и чистого мальчика соблазнила? Может быть она из породы нимф, или из числа Ор, или из хоровода Муз, или из Граций, моих прислужниц? — Не смолчала говорливая птица и отвечает: — Не знаю, госпожа; думается, что одной девушкой — если память мне не изменяет, Психеей она называется — крайне он заинтересован. — Тут Венера в негодовании громко воскликнула: — Так он, на самом деле, любит Психею, соперницу мою по красо-

те, похитительницу моего имени? Наверное, этот ша-лопай даже сводницей считает меня, так как по моему указанию он узнал эту девушку.

29. Воззвав таким образом, поспешно выплывает она из глубины моря и сейчас же устремляется в золотую свою спальню; найдя там, как ей уже было доложено, больного сына, она прямо с порога завопила во весь голос:— Очень это прилично и достойно и происхождения нашего и хорошего твоего поведения, что ты, поправши для начала наставления матери твоей, даже госпожи, вместо того, чтобы в виде наказания внушить постыдную страсть моей врагине, сам, мальчишка такого возраста, заключаешь ее в свои распутные и преждевременные объятия, думая, что я потерплю своей невесткой ту, которую ненавижу. Или ты считаешь, пустомеля, потаскун противный, что ты один можешь наш род продолжать, а я уже по годам и зачать не могу? Ну, так знай же, другого сына рожу, гораздо лучше тебя, или для пущего твоего унижения усыновлю кого-нибудь из рабов и ему передам крылья эти, и факел, и лук, и самые стрелы, и все мое снаряжение, которое я дала тебе не для такого употребления; ведь из имущества твоего отца ничего не было истрачено на это вооружение. 30. Впрочем, с ранних лет ты плохо воспитан — на руку проворен, старших всегда толкал без всякого почтения, самую мать свою, меня, говорю, ты, убийца, каждый день раздвасаешь и ранишь частенько, ни во что не считая, словно вдову какую-нибудь, не боясь отчима своего, силача знаменитого и великого вояки. Мало того, ему часто, в ущерб моей связи с ним, взял ты в обычай то и дело девиц поставлять в наложницы. Но уж я заставлю тебя пожалеть об этих проказах, увидишь, как тяжело и горько будет твое супружество! Теперь, после такого издевательства, что мне делать? Куда деваться? Какими способами пройдоху этого образумить? Что же, к враждебной мне Воздержанности обратиться, которую я так часто из-за распутства этого мальчишки оскорбляла? Но толковать с этой деревенской неотесанной женщиной! — в ужас приводит меня такая мысль! Однако откуда бы утешительная месть ни приходила, пренебрегать ею не следует. Именно Воздержанность, и никто другой, может быть мне всего полезнее, чтобы как можно суровее пустомелю этого наказать, колчан забрать, стрел лишить, лук ослабить,

факел угасить, да и само тело его обуздать хорошими средствами. Тогда только и сочту я обиду мою заглаженной, когда она кудри его, сверкающее золото которых вот этими руками я так часто перебирала, обреет, а крылья, что я нектарной влагою из груди своей орошала, обкарнает.

31. Сказавши так, гневно ринулась она вон, но не успокоилась еще желчь Венерина. Навстречу ей попадают Церера с Юноной и, увидя надутое лицо ее, спрашивают, почему красоту сверкающих глаз ее омрачают сдвинутые брови. А она:— Кстати,— отвечает,— вы повстречались мне — вы исполните желание моего пылающего сердца. Молю вас, приложите все усилия и найдите мне сбежавшую летунью Психею. От вас, конечно, не укрылись знаменитые происшествия в моем доме, и это натворил тот, кого я не могу больше называть сыном.

На это богини, которым известно было все происшедшее, для успокоения пламенного гнева Венеры начинают:— А что за преступление, госпожа, совершил твой сын, что ты с таким упорством противишься его счастью и хочешь погубить ту, которую он любит? Что за грех, спрашивается, если он охотно улыбается красивой девушке? Разве ты не знаешь, что он уже взрослый юноша, или ты забыла, сколько ему лет? Или потому, что он выглядит моложе своего возраста, тебе он до сих пор кажется мальчиком? Ты — мать и притом женщина рассудительная, а между тем все время старательно разузнаешь обо всех шалостях своего сына, ставишь ему в вину распушенность, препятствуешь в любовных делах и осуждаешь в прекрасном сыне своем свои же ухищрения и удовольствия. Кто же из богов или из смертных допустит, чтобы ты повсюду сеяла в людях вожделение, если ты из своего дома изгоняешь любовь к любви и накрепко запираешь всеобщий рассадник женских слабостей? — Так они из страха перед стрелами Купидона старались любовным покровительством угодить ему, хотя бы и заочно. Но Венера пришла в негодование от того, что они обращают в шутку причиненные ей обиды, и, опередив их, быстрыми шагами направила путь в другую сторону — к морю.

Книга шестая

1. Меж тем Психея, переходя с места на место, днем и ночью с беспокойством ища своего мужа, все сильнее желала если не ласками супруги, то хоть рабскими мольбами смягчить его гнев. И вот, увидев какой-то храм на вершине крутой горы, подумала:— Как знать, может быть, здесь местопребывание моего владыки!— И тотчас направляет она туда свой быстрый шаг, которому надежда и желание вернули утраченное в постоянной усталости проворство. Вот уже решительно поднявшись по высокому склону, приблизилась она к святилищу. Видит перед собою пшеничные колосья, ворохами наваленные и в венки сплетенные, и колосья ячменя. Были там и серпы и всевозможные орудия жатвы, но все это лежало по разным местам в беспорядке и без призора, как случается, когда работники во время зноя все побросают. Психея все это по отдельности тщательно разобрала и, старательно разделив, разложила как полагается, думая, что не следует ей пренебрегать ни храмом, ни обрядами никого из богов, но у всех их искать милостивого сострадания.

2. За этой внимательной и усердной работой застает ее кормилица Церера и издали еще восклицает:— Ах, достойная жалости Психея! Венера в тревожных поисках по всему свету, неистовствуя, твоих следов ищет, готовит тебе страшную кару, всю божественную силу свою направляет на месть тебе, а ты заботаешься тут о моих вещах и ничего больше для своего спасения не предпринимаешь?

Тут Психея бросилась к ее ногам, орошая их горячими слезами, волосами землю и богинины следы подметает и всевозможными просьбами вызывает к ее благосклонности:— Заклинаю тебя твоей десницей плодоносной, радостными жатвы обрядами, сокровенными тайнами корзин, крылатой колесницей драконов, твоих прислужников, бороздою почвы сицилийской, колесницею хищною, землею цепкою, к беспросветному браку Прозерпины схождением, светлым обретенной дочери возвращением и прочим, что окружено молчанием в святилище Элевсина аттического, — окажи помощь душе несчастной Психеи, к твоей защите прибегающей. Позволь мне схорониться хоть на несколько дней в этой груде колосьев, покуда страшный гнев столь великой богини с течением вре-

мении не смягчится, или, по крайней мере, покуда мои силы, ослабленные долгими муками, от спокойной передышки не восстановятся.

3. Церера отвечает: — Слезными мольбами твоими я тронута и хочу помочь тебе, но совсем не намерена вызывать недовольство моей родственницы, с которой я связана узами старинной дружбы, и к тому же — женщины доброй. Так что уходи сейчас же из этого помещения и будь довольна, что я не задержала тебя и не взяла под стражу.

Психея, получив, вопреки своим ожиданиям, отказ и удрученная двойной скорбью, снова пускается в путь и видит среди сумеречной рощи в глубокой долине храм, построенный с замечательным искусством; не желая пропускать ни единого, хотя бы и неверного, средства улучшить свою судьбу, наоборот, готовая заслужить милость какого угодно божества, приближается она к святым вратам. Видит и драгоценные приношения, и полотнища с золотыми надписями, развешанные по веткам деревьев и дверным косякам; вместе с изъявлением благодарности значилось в них и имя богини, которой дары посвящались. Тут, отерев прежде всего слезы, она склоняет колени и, охватив руками еще не остывший алтарь, возносит следующую молитву: 4. — Сестра и супруга Юпитера великого <...> Будь мне в моей крайней нужде Юноной покровительницей и изнемогшую в стольких переживаемых мною мучениях от страха грозящих опасностей освободи! Насколько знаю я, охотно приходишь ты на помощь беременным женщинам, находящимся в опасности.

Когда она взывала таким образом, вдруг представла ей Юнона во всем величии, приличном столь могущественной богине, и сейчас же говорит: — Поверь мне, я охотно склонилась бы к твоим просьбам, но противодействовать воле Венеры, моей невестки, которую я всегда, как дочь, любила, мне совесть не позволяет. Да, кроме того, и законы, запрещающие покровительствовать чужим беглым рабам без согласия их хозяев, от этого меня удерживают.

5. Устрашенная новым крушением своих надежд, Психея, не будучи в состоянии достигнуть крылатого своего супруга, отложив всякую надежду на спасение, предалась такому ходу мыслей: — Кто же еще может попытаться помочь мне в моих бедствиях, кто может

оказать мне поддержку, когда никто из богинь, даже при желании, не в силах принести мне пользы? Куда теперь направлю стопы свои, окруженная со всех сторон западнями, и под чьей кровлей, хотя бы во мраке притаившись, укроюсь я от неотвратимых взоров Венеры великой? Вооружись, наконец, по-мужски присутствием духа, смело откажись от пустой, ничтожной надежды, добровольно отдай себя в распоряжение своей владычице и, может быть, этой, хотя и запоздалой, покорностью ты смягчишь ее жестокое преследование? Кто знает, может быть, и того, кого ты так долго ищешь, ты там найдешь в материнском доме. — Итак, готовая покориться, но не надеясь на успех этой попытки, вернес же — к несомненной гибели готовая, она обдумывала, с чего начать свою просительную речь.

6. А Венера, отказавшись от мысли найти ее земными средствами, устремляется на небо. Она приказывает, чтобы приготовили ей колесницу, которую искусный золотых дел мастер Вулкан с изощренным умением перед совершением брака соорудил ей как свадебный подарок. Тонким напильником выровняв, придал он ей красоту, и сама утрата части золота сделала ее еще более драгоценной. Из множества голубок, что ютятся возле покоев владычицы, отделяются две белоснежные пары, в веселом полете поворачивая переливчатые шейки, впрягаются в осыпанную драгоценными камнями упряжь и, приняв госпожу, радостно взлетают. Сопровождая шумным чириканьем колесницу богини, резвятся воробышки и прочие звонко-голосые птички, сладко оглашая воздух нежными трелями, возвещают прибытие богини. Облака расступаются, небо открывается перед своею дочерью, вышний эфир с весельем приемлет богиню, и певчая свита великой Венеры ни встречных орлов, ни хищных ястребов не боится.

[Венера просит Меркурия объявить, что за указание, где находится Психея, будет выдана награда.]

8. Не замедлил Меркурий послушаться. Обегая все народы, он так провозглашал повсюду, исполняя порученное ему дело: — Если кто-либо вернет из бегов или сможет указать место, где скрывается беглянка, царская дочь, служанка Венеры, по имени Психея, да заявит об этом глашатаю Меркурию <...>, и в виде награды за сообщение получит тот от самой Венеры

семь поцелуев сладостных и еще один самый медвяный с ласковым языком прикосновением.

После такого объявления Меркурия желанность подобного вознаграждения побудила всех людей наперебой приняться за поиски. Все это окончательно заставило Психею отбросить всякую медлительность. Она уже приближалась к воротам своей владычицы, как вдруг подбегает Привычка, из числа Венериной челяди, и сейчас же кричит, что есть мочи: — Наконец-то, служанка негоднейшая, уразумела ты, что есть над тобой госпожа! Неужели по свойственной тебе наглости характера твоего начнешь ты прикидываться, будто тебе неизвестно, каких трудов стоило нам отыскивать тебя? Но хорошо, что ты ко мне именно в руки попала, словно в самые когти Орка угодила, так что немедленно понесешь наказание за свою строптивость, — 9. и смело вцепившись ей в волосы, потащила ее, меж тем как та не оказывала никакого сопротивления. Как только Венера увидела, что Психею привели и поставили перед лицом ее, она разразилась громким хохотом, как человек, доведенный гневом до бешенства, затрясла головой, принялась чесать правое ухо и говорит: — Наконец-то ты удостоила свекровь посещением! Или, может быть, ты пришла провести мужа, который мучается от нанесенной тобою раны? Но будь спокойна, я сумею обойтись с тобою, как заслуживает того добрая невестка! — и кричит: — Где тут Забота и Уныние, мои служанки? — Им, явившимся на зов, она передала ее на истязание. А те, согласно приказу хозяйки, избив бедняжку Психею плетьюми и предав другим мучениям, снова привели ее пред господские очи. Опять Венера покатила со смеху и говорит:

— Наверное, ты рассчитываешь, что во мне вызовет сострадание зрелище вздутого живота твоего, славное отродье которого собирается осчастливить меня званием бабушки? Действительно, большая для меня честь в самом цвете лет называться бабушкой и слышать, как сына рабыни низкой зовут Венериным внуком. Впрочем, я, глупая, напрасно произношу слово «сын»: брак был неравен, к тому же заключенный в загородном помещении, без свидетелей, без согласия отца, он не может считаться действительным, так что родится от него незаконное дитя, если я вообще позволю доносить его.

10. Сказав это, налетает она на ту, по-всякому платью ей раздражает, за волосы таскает, голову ее трясет и колотит нещадно, затем берет рожь, ячмень, просо, мак, горох, чечевицу, бобы,— все это перемешивает и, насыпав в одну большую кучу, говорит:

— Думается мне, что такая безобразная рабыня ничем другим не могла любовникам угодить, как усердной службой: хочу и я попытать твое уменье. Разбери эту кучу смешанного зерна и, разложив все, как следует, зерно к зерну отдельно, до наступления вечера, представь мне свою работу на одобрение.

Указавши на множество столь разнообразных зерен, сама отправляется на брачный пир. Психея даже руки не протянула к этой беспорядочной и не поддающейся разбору куче, но удрученная столь жестоким повелением, молчала и не шевелилась. Вдруг какой-то крошечный деревенский муравьишко, знающий, как трудна подобная работа, сжалившись над сожительницей великого бога и возмущившись ненавистью свекрови, принимается бегать туда-сюда, ревностно сзывает тут все сословие окрестных муравьев и упрасивает их:— Сжальтесь, проворные питомцы земли, всех питающей, сжальтесь над молоденькой красавицей, супругой Амура, придите со всей поспешностью ей, в беде находящейся, на помощь.— Ринулись одна за другой волны шестиногих существ, со всем усердием по зернышку всю кучу разбирают и, отдельно по сортам распределив и разложив, быстро с глаз исчезают.

11. С наступлением ночи прибывает Венера с брачного пира, опьяненная вином, распространяя благоухания, по всему телу увитая гирляндами роз блистающих, и видя, как тщательно исполнена чудесная работа, восклицает:— Не твоя, негодница, не твоих рук эта работа! Тот это сделал, кому на его и на твое несчастье ты понравилась!— И бросив ей кусок черствого хлеба, пошла спать. Меж тем Купидон, одинокий узник, запертый внутри дома в отдельную комнату, усердно охранялся, отчасти для того, чтобы пылкою резвостью рану себе не разбередил, отчасти, чтобы с желанной своей не встретился. Так прошла мучительная ночь для разделенных и под одной крышей разлученных любовников.

Но как только Аврора взошла на колесницу, Венера позвала Психею и обратилась к ней с такими словами:— Видишь вон там рощу, что тянется вдоль бе-

рега текущей мимо речки? Кусты на краю ее расположены над соседним источником. Там, пасясь без надзора, бродят откормленные овцы, покрытые золотым руном. Я приказываю тебе немедленно принести мне клочок этой драгоценной шерсти, добыв его каким угодно образом. <...>

12. Психея охотно отправляется, не для того, чтобы оказать повиновение, но для того, чтобы бросившись с берега в реку, обрести успокоение от бед своих. Но вдруг из реки, сладчайшей музыки кормилица, легким шелестом ветерка нежного свьше вдохновленная, так вещает тростинка зеленая:— Психея, столько бед испытывая, не пятнай священных вод этих несчастною своей смертью и, смотри, не приближайся в этот час к ужасным овцам: когда палит их солнечный зной, на них обычно нападает дикое бешенство, и они причиняют гибель смертным то острыми рогами, то лбами каменными, а подчас ядовитыми укусами. Когда же после полудня спадет солнечный жар и приятная речная прохлада стадо успокоит, тогда ты можешь спрятаться под тем широчайшим платаном, что черпает себе влагу из той же реки, что я. И как только утихнет бешенство овец и они вернуться в свое обычное состояние, ты найдешь золотую шерсть, застрявшую повсюду среди переплетенных ветвей— стоит лишь потрясти листву соседних деревьев.

13. Так наставляла простодушная милосердная тростинка страдальицу Психею, как избавиться ей от гибели. Она прилежно внимала ее советам, и раскаиваться ей не пришлось; все в точности исполнив, она тайком набирает полную пазуху мягкой золотистой желтой шерсти и приносит Венере. Однако не вызвало одобрения у госпожи вторичное исполнение вторичного сопряженного с опасностью приказа. Нахмутив брови и злобно улыбнувшись, говорит она:— Небезызвестен мне и этого подвига распутный совершитель! Но вот я испытаю как следует, вполне ли ты обладаешь присутствием духа и особенным благоразумием. Видишь там высящуюся над высочайшей скалой вершину крутой горы, где из сумрачного источника истекают темные воды? Приблизившись к вместилищной, замкнутой со всех сторон котловине, они орошают стигийские болота и рокочущие волны Коцита питают. Оттуда, из самого истока глубокого

родника зачерпнув ледяной воды, немедленно принесешь ты ее мне в этой скляночке. — Сказав так, она с еще более страшными угрозами, передает ей бутылочку из граненого хрусталя.

[Психея выполняет и этот приказ Венеры.]

<...> 16. Так, с радостью получив наполненную скляночку, Психея как можно скорее отнесла ее Венере. Но даже и теперь не могла она сыскать одобрения у разгневанной богини. Та со зловещей улыбкой, грозящей еще большими и злейшими бедами, обращается к ней: — Как вижу, ты — великая и прямо-таки опытная колдунья, что так совершенно исполняешь столь трудные задачи. Но вот что, куколка моя, должна ты будешь для меня сделать. Возьми эту баночку, — и вручает ей, — и скорее отправляйся в преисподнюю, в загробное царство самого Орка. Там отдашь баночку Прозерпине и скажешь: «Венера просит тебя прислать ей немножечко твоей красоты, хотя бы на один денек, так как собственную она всю извела и истратила, покуда ухаживала за больным сыном.» Но возвращайся не мешкая, так как мне нужно тут же умастить-ся, чтобы пойти на собрание богов.

17. Тут больше чем когда-либо почувствовала Психея, что настал ее последний час, так как ясно поняла, что без всякого прикрытия посылают ее на верную гибель. Чего же больше? Приказывают ей отправляться в Тартар, к душам усопших, добровольно, на собственных ногах. Не медля более, устремила-ся она к какой-то высочайшей башне, собираясь броситься оттуда вниз, так как считала, что таким путем лучше и успешнее всего можно сойти в преисподнюю. Но башня неожиданно издает голос и говорит: — Зачем, бедняжка, искать тебе гибели в пропасти? Почему новые опасности и труды так легко удручают тебя? Ведь раз дух твой отделится однажды от тела, конечно, сойдешь ты в глубокий Тартар, но назад оттуда ни при каких условиях не вернешься. Вот послушай-ка меня.

18. Неподалеку отсюда находится Лакедемон, знаменитый город Ахайи; по соседству с ним отыщи Тенар, скрытый среди безлюдных мест. Там расщелина Дита, и через зияющие ворота видна дорога непроходимая; лишь только ты ей доверишься и переступишь порог, так прямым путем достигнешь Оркова царства. Но только вступать в этот сумрак должна ты не

с пустыми руками: в каждой держи по ячменной лепешке, замешанной на меду с вином, а во рту носи две монеты. Пройдя уже значительную часть смертоносной дороги, встретишь ты хромого осла, нагруженного дровами, и при нем хромого же погонщика: он обратится к тебе с просьбой поднять ему несколько поленьев, упавших из вязанки, но ты не говори ни единого слова и молча иди дальше. Вскоре дойдешь ты до реки мертвых, над которой начальником поставлен Харон, тут же требующий пошлины и тогда перевозящий путников на другой берег в утлом челне. Значит, и среди умерших процветает корыстолюбие: даже такой бог, как Харон, сборщик податей у Дита, ничего не делает даром, и умирающий бедняк должен запасться деньгами на дорогу, потому что если нет у него случайно в наличии меди, никто не позволит ему испустить дух. Грязному этому старику ты и дашь в уплату за перевоз один из медяков, которые будут у тебя с собою, но так, чтобы он сам, своей рукой вынул его у тебя изо рта. Это еще не все: когда будешь ты переправляться через медлительный поток, выплывет мертвый старик на поверхность и, простирая к тебе сгнившую руку, будет просить, чтобы ты втащила его в лодку, но ты не поддавайся недозволенной жалости.

19. Когда, переправившись через реку, ты пройдешь немного дальше, увидишь старых ткачих, занятых тканьем; они попросят, чтобы ты приложила руку к их работе, но это ничуть не должно тебя касаться. Ведь все это и многое еще другое будет возникать по коварству Венеры, чтобы ты выпустила из рук хоть одну лепешку. Не думай, что потерять эти лепешки — пустое, ничтожное дело: если одну хотя бы утратишь, света белого больше не увидишь. Преогромный пес с тремя большими головами, громадный и страшный, извергая громоподобное рычание из своей пасти и тщетно пугая мертвых, которым зла причинить не может, лежит у самого порога черных чертогов Прозерпины и постоянно охраняет обширное жилище Дита. Дав ему для укрощения в добычу одну из двух лепешек, ты легко пройдешь мимо него и достигнешь скоро самой Прозерпины, которая примет тебя любезно и милостиво, предложит мягкое сиденье и попросит отведать пышной трапезы. Но ты сядь на землю и возьми только простого хлеба, затем доложи, зачем пришла, и, приняв, что тебе дадут, воз-

вращайся обратно; смягчи ярость собаки оставшейся лепешкой, заплати скупому лодочнику монетой, которую ты сохранила, и, переправившись через реку, снова вступишь на прежнюю дорогу и снова увидишь хоровод небесных светил. Но вот о чем я считаю особенно нужным предупредить тебя прежде всего: не вздумай открывать баночку, которая будет у тебя в руках или заглядывать в нее, не проявляй любопытства к скрытым в ней сокровищам божественной красоты.

[Психея выполняет все данные ей наставления и получает баночку.]

20. <...> Снова увидела Психея свет белый и поклонилась ему. Но хотя и торопилась она поскорее исполнить поручение, дерзкое любопытство овладело ею. — Какая я глупая, — говорит она, — что несу с собой божественную красоту и не беру от нее хоть немножечко для себя, чтобы понравиться прекрасному моему возлюбленному!

21. И, сказав так, открывает баночку. Там ничего решительно нет, никакой красоты, только сон подземный, поистине стигийский, сейчас же вырвавшийся из-под крышки, на нее находит, по всему телу разливается густое облако оцепенения, и овладевает ею, упавшей в тот же миг на той же тропке. И лежала она недвижно, словно спящий мертвец. А Купидон, выздоровев от тяжелой своей раны и не перенеся столь долгого отсутствия своей Психеи, ускользнул через высокое окно комнаты, где был заключен, и, с удвоенной быстротой полетев на отдохнувших за время долгого бездействия крыльях, мчится к своей Психее, тщательно снимает с нее сон и прячет его на прежнее место в баночку, Психею же будит безопасным уколom своей стрелы и говорит: — Вот ты, бедняжка, опять чуть не погибла все из-за того же твоего любопытства. Но пока что усердно исполни поручение, которое мать моя дала тебе своим приказом, а об остальном я позабочусь. — С этими словами проворный возлюбленный вспорхнул на крыльях, а Психея поспешила отнести Венере Прозерпинин подарок.

22. Меж тем Купидон, снедаемый сильной любовью и боясь внезапной суровости своей матери, принимается за старые хитрости и, достигнув на быстрых крыльях самой выси небес, со скорбным лицом

обращается с мольбами к великому Юпитеру и излагает ему суть дела. Тогда Юпитер, потрепав Купидона по щеке и поднеся к своему лицу его руку, целует и так говорит ему:— Хоть ты, сынок, господин мой, никогда не оказывал мне должного почтения, присужденного мне собранием богов, а, наоборот, грудь мою, где предопределяются законы стихий и чередование светил, часто поражал ударами и нередко позорил грехами земных вожделений, так что пятнал мою честь и доброе имя, заставляя нарушать законы, в особенности Юлиев закон, и общественную нравственность позорными прелюбодеяниями; унижительным образом ты заставлял меня светлый лик мой изменять на вид змеи, огня, зверей, птиц и домашнего скота,— но все же, памятуя о своей снисходительности, а также и о том, что ты вырос на моих руках, я исполню все твои желания, сумею только уберечься от своих недоброжелателей. А еще, в ответ на это благодеяние, должен ты, если на земле в настоящее время находится какая-нибудь девушка несравненной красоты, отдать мне ее в вознаграждение.

23. Сказав так, приказывает он Меркурию немедленно созвать всех богов на заседание и объявить, что на того, кто не явится на небесный совет, будет наложен штраф в десять тысяч нуммов. Боясь этого, небожители быстро наполняют покои и Юпитер, сидя выше всех на возвышенном седалище, так возглашает:— Боги, внесенные в списки Музами, конечно, все вы знаете этого юношу, который вырос у меня на руках. Решил я какой-нибудь уздой сдерживать буйные порывы его цветущей молодости; хватит с него, что ежедневно его порочат рассказами о прелюбодеяниях и всякого рода сквернах. Уничтожить надлежит всякий повод к этому и связать мальчишескую распущенность брачными путами. Он выбрал некую девушку и невинности лишил ее; пусть же она останется при нем, пусть он ею владеет и в объятиях Психеи да наслаждается вечно любовью.

И обратясь к Венере, продолжает:— А ты, дочка, отбрось всякую печаль и не бойся, что твой знаменитый род и положение пострадают от брака со смертной. Я сделаю так, что союз не будет неравным, но законным, сообразным гражданским установлениям.

Тут он отдает приказ Меркурию сейчас же взять

Психею и доставить на небо и, протянув ей чашу с амброзией, говорит:— Прими, Психея, стань бессмертной. Пусть никогда Купидон не отлучится из объятий твоих и да будет этот союз на веки веков.

24. Немедленно свадебный стол роскошный накрывают. На почетном ложе возлежал новобрачный, прижав к груди своей Психею. Подобным же образом возлежал и Юпитер со своей Юноной, а за ними по порядку и все боги. Чашу с нектаром, что богам вино заменяет, Юпитеру подавал кравчий его, славный отрок сельский⁸, остальным гостям подносил Либер. Вулкан кушанья готовил, Оры⁹ осыпали всех розами и другими цветами, Грации окропляли благовониями, Музы оглашали воздух пением, Аполлон пел под кифару, прекрасная Венера в такт музыке сладкой плясала в таком сопровождении: Музы пели хором, Сатир играл на флейте, а Паниск¹⁰ дул в свирель. Так надлежащим образом передана была во власть Купидона Психея, и когда пришел срок, родилась у них дочка, которую зовем мы Наслаждением. <...>

[Луций-осел переходит от одного хозяина к другому и попадает к мельнику.]

Книга девятая

10. <...> А меня на следующий день вывели снова на базар и <...> продали некоему мельнику из ближайшего местечка. Он сейчас же как следует нагрузил меня тут же купленным зерном и по тяжелой дороге, заваленной острыми камнями и заросшей всевозможными корнями, погнал к мельнице, где он работал.

11. Там непрерывно ходило по нескольким кругам множество выючного скота, вращением своим приводя в движение разные жернова; машины безостановочно вертелись, не зная отдыха, и размалывали зерно на муку не только целый день, но и всю ночь напролет. Но меня новый хозяин, вероятно, для того, чтобы я с самого начала не испугался своей службы, поместил роскошно, как знатного иностранца.

Первый день позволил он мне провести в праздности и в ясли обильно засыпал корм. Но дольше дня не продолжалось это блаженное состояние праздности и сытой кормежки: на следующий день с утра ставят меня к самому большому на вид жернову и гонят с завязанными глазами по дну кривой извилистой бо-

розды, чтобы, описывая бесконечное количество раз один и тот же круг, я не сбивался с проторенного пути. Не совсем еще забыв свою хитрость и благоразумие, я притворился непонятливым к своей новой задаче; хотя в бытность свою человеком я видывал не раз, как приводятся в движение подобные машины, однако, прикинулся, будто остолбенел, ничего не зная и не понимая: я рассчитывал, что меня признают совершенно неспособным и бесполезным к такого рода занятиям и отошлют на какую-нибудь более легкую работу или просто оставят в покое и будут кормить. Но напрасно я выдумал эту зловредную хитрость. Так как глаза у меня были завязаны, то я не подозревал, что окружен был целой толпой, вооруженной палками, и вдруг по данному знаку со страшным криком все стали наносить мне удары, и до того был я перепуган их воплем, что, отбросив все рассуждения, налег что было мочи на лямку, сплетенную из альфы, и пустился со всех ног по кругу. Такая внезапная перемена образа мыслей вызвала общий хохот у присутствующих.

12. Когда большая часть дня уже прошла и я совсем выбился из сил, меня освободили от постромок, отвязали от жернова и отвели к яслям. Хотя я падал от усталости, действительно нуждался в восстановлении сил и умирал от голода, однако присущее мне любопытство тревожило меня и не давало покоя, так что я, не притронувшись к корму, в изобилии мне предоставленному, не без интереса принялся рассматривать неприглядное устройство всего заведения. Великие боги, что за жалкий люд окружал меня! Кожа у всех была испещрена синяками, драные лохмотья скорее бросали тень на исполосованные спины, чем прикрывали их, у некоторых короткая одежонка до паха едва доходила, туники у всех такие, что тело через тряпье сквозит, лбы клейменные, полголовы обрито, на ногах цепи, лица землистые, веки разъедены дымом и горячим паром, все подслеповаты, к тому же на всех мучная пыль, как грязнобелый пепел, словно на кулачных бойцах, что выходят на схватку не иначе, как посыпавшись мелким песком.

13. Что же я скажу, какими красками опишу моих сотоварищей по стойлам? Что за старые мулы, что за разбитые клячи! Столпившись вокруг яслей и засунув туда морды, они пережевывали кучи мякины; или, по-

крытые гнойными болячками, были раздуты, дряблые ноздри расширены от постоянных приступов кашля, груди изранены от постоянного трения лямки из альфы, непрерывные удары бича по бокам обнажили ребра, копыта безобразно расплющены вечным кружением по одной дороге, и вся их иссохшая шкура покрыта застарелой коростой. Испуганный зловещим примером такой компании, вспомнил я былую судьбу Луция и, дойдя до границ отчаяния, поник головой и загрустил. И в мучительной жизни моей одно-единственное осталось мне утешение: развлекаться по врожденному мне любопытству, глядя на людей, которые, не считаясь с моим присутствием, свободно говорили и действовали, как хотели. Не без основания божественный творец древней поэзии у греков, желая показать нам мужа высшего благоразумия, воспел человека, приобретшего полноту добродетели в путешествиях по многим странам и в изучении разных народов. Я сам вспоминаю свое существование в ослином виде с большой благодарностью, так как под прикрытием этой шкуры, испытав превратности судьбы, я сделался если уж не благоразумным, то, по крайней мере, опытным. Вот, например, прекрасная история, забавная, лучше всех прочих, которую я решил довести до вашего слуха.

14. Мельнику этому, который приобрел меня в свою собственность, человеку хорошему и чрезвычайно скромному, досталась на долю жена прескверная, гораздо хуже всех остальных женщин, до такой степени нарушавшая законы брачного ложа и семейного очага, что, клянусь Геркулесом, даже я втихомолку о хозяине не раз вздыхал. Не было такого порока, с которым не зналась бы эта негоднейшая женщина, но все гнусности в нее стекались, словно в смердящую выгребную яму: злая, шальная, с мужиками шляется, пьяная валяется, упорная, непокорная, в гнусных хищениях жадная, в позорном мотовстве щедрая, ненавистница верности, враг скромности. Презирая и попирая священные законы небожителей, исполняя вместо этого какие-то пустые и нелепые обряды какой-то ложной и святотатственной религии и утверждая, что чтит единого бога, всех людей и несчастного мужа своего вводила она в обман, сама с утра предаваясь пьянству и постоянным блудом оскверняя свое тело.

15. Эта почтенная женщина преследовала меня с какой-то удивительной ненавистью. Чуть свет, еще лежа в постели, кричала она, чтобы привязывали к жернову недавно купленного осла; не поспеет выйти из спальни, приказывает: чтобы в ее присутствии доставалось мне как можно больше ударов; когда настанет время кормежки и прочие выючные животные отдыхают, отдает приказание, чтобы меня подольше не подпускали к яслям. Такой жестокостью она еще более усилила мое природное любопытство, направив его на себя самое и на свой характер. Я слышал, что очень часто к ней в спальню ходит один молодой человек, и мне до крайности хотелось увидеть его в лицо, но повязка на моих глазах лишала их прежней свободы действия. Если бы не эта повязка — уже у меня хватило бы хитрости разоблачить каким-нибудь способом преступления этой подлой женщины... Ежедневно с утра при ней находилась некая старуха, посредница в ее прелюбодеяниях, посыльная ее любовников. Сначала они с ней позавтракают, затем, потчует друг друга неразбавленным вином, друг друга подзадоривая, начинают замышлять коварные планы насчет того, как бы хитрыми обманами погубить несчастного мужа. И я, хотя и сильно негодовал на ошибку Фотиды, которая меня вместо птицы обратила в осла, утешался в горестном превращении моем единственно тем, что благодаря огромным ушам отлично все слышал, даже если говорили довольно далеко от меня.

16. В один прекрасный день до моих ушей донеслись такие речи бесечной этой старушонки. — Ну, уж сама суди, хозяйюшка, какой без моих-то советов, достался тебе дружок — ленивый да трусливый, стоит постылому и ненавистному твоему мужу нахмурить брови, у того и душа в пятки <...> Насколько лучше Филезитор: и молод, и хорош, щедр, устали не знает, а уж как ловко мужей обходит — все их меры предосторожности бесполезны! Клянусь Геркулесом, он единственный, кто достоин пользоваться благосклонностью всех женщин, единственный, кого следует увенчать золотым венком, хотя бы даже за ту необыкновенную проделку, что на днях устроил он очень ловко с одним ревнивым супругом. Да вот послушай и сравни, все ли любовники одинаковы.

17. Ты знаешь некоего Барбара, декуриона¹¹ нашего города, которого народ за язвительность и жесто-

кость называет Скорпионом? Жену свою, благородного происхождения и одаренную замечательной красотой, он оберегает с таким удивительным рвением, что из дому почти не выпускает. <...> — Пришлось Барбару этому отправиться в дорогу, и желал он целомудрие супруги своей дражайшей оградить от всяких опасностей как можно лучше. Призывает он к себе тайком раба Мирмекса, известного своею необычайною преданностью, и ему одному поручает весь пригляд за хозяйкой; пригрозив тюрьмой, пожизненными оковами и, наконец, насильственной позорной смертью, если какой-либо мужчина даже мимоходом, хоть пальцем дотронется до нее, слова свои подкрепляет он клятвою, вспоминая всех богов. Оставив перепуганного Мирмекса неотступным провожатым при хозяйке, он спокойно отправляется в путь. Крепко запомнив все наставления, неугомонный Мирмекс не позволял никуда и шагу ступить своей хозяйке. Займется ли она домашней пряжей, — он тут же сидит неотлучно, необходимо ли ей на ночь пойти помыться — только тогда и выходила она из дома, — он идет за ней по пятам, будто прилип, держась рукою за край ее платья; с таким удивительным рвением исполнял он порученное ему дело.

18. Но от пылкой зоркости Филезитора не могла укрыться прославленная красота этой женщины. Возбужденный и воспламененный в особенности молвой о ее целомудрии и невероятной бдительностью надзора, он, готовый что угодно сделать, чему угодно подвергнуться, решил пустить в ход все средства, чтобы завоевать этот дом с его непоколебимо строгими порядками. Уверенный в хрупкости человеческой верности и зная, что деньги прокладывают себе дорогу через все трудности и что даже стальные двери могут быть сломлены золотом, он нашел случай встретить Мирмекса наедине, открылся ему в своей любви и умолял оказать помощь ему в его мучениях. Он говорил, что близкая смерть для него твердо решена, если он не добьется своего в самом скором времени, а раб не должен ничего опасаться в таком простом деле: вечером, без спутников, под надежным покровом мрака, он может пробраться в дом и через короткое время выйти обратно. К этим и подобного рода просьбам он добавляет могучий клин, способный своим неудержимым натиском расщепить упрямую не-

поколебимость раба: он протягивает руку и показывает блестящие новенькие полновесные золотые, из которых двадцать предназначалось молодой женщине, а десять он охотно предлагал ему.

19. Мирмекс, придя в ужас от неслыханного, преступного замысла, заткнул уши и убежал прочь. Но пред глазами его все стоял пламенный блеск золота; хотя он был уже очень далеко и быстрым шагом дошел до дому, все ему чудилось прекрасное сияние монет, и богатая добыча, которой, в своем воображении, он уже владел, привела ум его в страшное расстройство, мысли у бедняги разбежались в разные стороны и разрывали его на части: там — верность, тут — нажива, там — муки, тут — наслаждение. Наконец, страх смерти был побежден золотом. Страсть его к прекрасным монетам нисколько не уменьшилась с течением времени, но даже во сне мысли наполнены были губительной алчностью, и хотя хозяйские угрозы не позволяли ему отлучаться из дому, золото звало его за двери. Тут, поборов стыдливость и отбросив нерешительность, передает он предложение хозяйке. Та не отступает от обычного женского легкомыслия и живо обменивает свое целомудрие на презренный металл. Исполненный радости, спешит Мирмекс окончательно погубить свою верность, мечтая не только получить, но хотя бы прикоснуться к тем деньгам, которые на горе себе увидел. С восторгом извещает он Филезитора, что его усиленными стараниями желание юноши исполнено, сейчас же требует обещанной платы, и вот золотые монеты у него в руке, которая и медных-то монет не знавала.

20. Когда совсем смеркалось, провел он ретивого любовника, одного, с плотно закутанной головой к дому, а потом и в спальню хозяйки. Только что неиспытанными еще объятиями начали чествовать они новорожденную любовь, только что, обнаженные работорбцы, начали они свою службу под знаменами Венеры, как вдруг, против всякого ожидания, воспользовавшись мраком ночи, у двери своего дома появляется муж. И вот он уже стучит, кричит, камни бросает в ворота, и так как промедление кажется все более и более подозрительным, грозит Мирмексу жестокой расправой. А тот, насмерть перепуганный внезапной бедою и в жалком своем трепете потеряв последнее соображение, ничего не мог придумать лучшего, как

сослаться на то, что он тщательно запрятал куда-то ключ и в темноте не может его найти. Меж тем Филезитор, услышав шум, наскоро накинув тунику и совершенно забыв впопыхах обуться, босиком выбежал из спальни. Наконец, Мирмекс вкладывает ключ в скважину, открывает двери и выпускает изрыгающего проклятья хозяина; тот немедленно бросается в спальню, а Мирмекс тем временем потихоньку выпускает Филезитора. Почувствовав себя в безопасности, после того как юноша переступил порог, он запер двери и пошел снова спать.

21. Барбар же выходит чуть свет из своей комнаты и видит под кроватью чужие сандалии — те, в которых Филезитор к нему прокрался. Догадываясь по этой улике, в чем дело, он никому, ни жене, ни домохозяевам, ничего не сказал о своем огорчении, а взял эти сандалии и спрятал их потихоньку за пазуху. Только приказал рабам связать Мирмекса и вывести на базарную площадь, и сам, то и дело подавляя рычания, не раз рвавшиеся из его груди, поспешил туда же, будучи уверен, что по этим сандалиям он очень легко может напасть на след прелюбодея. Идут они по улице, Барбар в гневе, с раздраженным лицом, нахмуренными бровями, и позади него связанный Мирмекс, который, не будучи пойман с поличным, но мучимый угрызениями совести, заливается слезами и напрасно старается горькими жалобами вызвать к себе сострадание. К счастью, навстречу им попался Филезитор, шедший совсем по другому делу. Взволнованный, но не испуганный неожиданным зрелищем, он вспомнил, какую второпях совершил оплошность, сразу сообразил возможные последствия и со свойственным ему присутствием духа, растолкав рабов, со страшным криком набрасывается на Мирмекса и бьет его кулаками по лицу (но не больно), приговаривая: — Ах ты, негодная душа, ах ты, мошенник! Пусть твой хозяин и все боги небесные, которых ты ложными клятвами оскорбляешь, погубят тебя, подлого, подлою смертью!

Ты ведь вчера в бане сандалии у меня украл! Заслужил, клянусь Геркулесом, заслужил ты того, чтобы и эти веревки на тебе сгнили и сам ты в темноте света не видел.

С помощью этой ловкой лжи энергичного юноши Барбар был обманут, больше того — утешен и снова

полон доверия; удалившись восвояси, он дома поздравил Мирмекса и, отдав ему сандалии, сказал, что прощает его от души, а что украденную вещь надо вернуть владельцу. <...>

22. Старушонка продолжала еще болтать, как женщина ее прерывает:— Счастье той, у кого такой крепкий и бесстрашный приятель, а мне, несчастной, на долю достался дружок, что всего боится, жернов ли зашумит, паршивый ли осел этот морду покажет.— Старуха на это отвечает:— Уж доставлю я тебе, как по судебной повестке, такого любовника, надежного, да отважного, да неутомимого! — и с этими словами выходит из комнаты, сговорившись, что к вечеру еще раз придет.

А супруга добродетельная сейчас же принялась готовить поистине салийский ужин, дорогие вина процеживать, свежими соусами колбасы приправлять. Наконец, уставив богато стол, начала ждать прихода любовника, словно появления какого-нибудь бога. Кстати, и муж отлучился из дому на ужин к соседу-сукновалу. Когда время приближалось к урочному сроку, я был, наконец, освобожден от ляжки и получил возможность без забот подкрепиться; но я, Геркулесом клянусь, радовался не столько освобождению от трудов моих, сколько тому, что теперь, без повязки мог, как угодно, наблюдать за всеми проделками злокозненной этой женщины. Солнце, уже погрузившись в океан, освещало подземные области мира, как является мерзкая старуха бок о бок с безрассудным любовником, еще не вышедшим почти из отроческого возраста <...> Женщина, встретив его бесчисленными поцелуями, сейчас же пригласила сесть за накрытый стол.

23. Но не успел юноша пригубить первой вступительной чаши и узнать, какой вкус у вина, как приходит муж, вернувшийся гораздо раньше, чем его ожидали. Тут достойнейшая супруга, послав мужу всяческие проклятия и пожелав ему ноги себе переломать, прячет дрожащего, бледного от ужаса любовника под случайно находившийся здесь деревянный чан, в котором обыкновенно очищали зерно; затем с прирожденным лукавством, ничем не выдавая своего позорного поступка, делает спокойное лицо и спрашивает мужа, почему и зачем он раньше времени ушел с ужина от закадычного своего приятеля.

Тот, не переставая горько вздыхать из самой глубины души, отвечает:— Не мог я вынести безбожного и неслыханного преступления этой потерянной женщины и обратился в бегство! Боги благие! Какая почтенная матрона, какая верная, какая воздержанная — и каким гнусным срамом себя запятнала! Такая женщина!.. Нет, клянусь, вот этой богиней Церерой, я даже теперь не верю своим глазам!

Заинтересовавшись словами мужа и желая узнать, в чем дело, нахалка эта до тех пор не отставала, пока не добилась, чтобы ей рассказали всю историю с самого начала. Муж не мог устоять и, уступая ее желанию, так начал, не ведая о своих, повесть о бедствиях чужой семьи.

24.— Жена приятеля моего сукновала, женщина, как казалось до сей поры, безупречного целомудрия и, по общим лестным отзывам, добродетельная хранительница домашнего очага, вдруг предалась тайной страсти с каким-то любовником. Секретные свидания у них бывали постоянно, и даже в ту минуту, когда мы после бани явились к ужину, она с этим молодым человеком упражнялась в любострастии. Потревоженная нашим внезапным появлением, следуя первой пришедшей в голову мысли, она своего любовника сажает под высокую корзину, сплетенную из тонких прутьев, увешанную со всех сторон материей, которую отбеливал выходивший из-под корзины серный дым. Считая, что юноша спрятан надежным образом, сама преспокойно садится с нами за ужин. Меж тем молодой человек, нанюхавшись серы, невыносимо острый и тяжелый запах которой облаком окружал его, с трудом уже переводит дыхание и, по свойству этого едкого вещества, принимается то и дело чихать.

25. Когда муж в первый раз услышал звук чиханья, донесшийся со стороны жены, прямо из-за ее спины, он подумал, что этот звук издала она и, как принято, говорит:— Будь здорова! — но чиханье повторяется еще раз и затем снова раздается все чаще и чаще, пока такой чересчур сильный насморк не показался ему подозрительным и он не стал догадываться в чем дело. Отталкивает он стол, тотчас приподымает плетенку и обнаруживает мужчину, уже едва дышащего. Воспламенившись негодованием при виде такого бесчестья, он требует меч, собираясь убить этого умирающего, насилиу я удержал его для предотвраще-

ния общей опасности от бешеного порыва, выставив на вид то обстоятельство, что враг его все равно скоро погибнет от действия серы, не подвергая ни меня, ни его никакому риску. Смягчившись не столько вследствие моих уговоров, сколько в силу самих обстоятельств, он выносит полуживого любовника в ближайший переулок. Тут я потихоньку стал убеждать и, наконец, убедил его жену на время удалиться и уйти из дому к какой-нибудь знакомой женщине, чтобы тем временем остыл жар ее мужа, так как не могло быть сомнения, что он, распаленный такой неистовой яростью, задумывает какое-нибудь зло себе и своей жене. Покинув с отвращением подобный дружеский ужин, я вернулся восвояси.

26. Слушая рассказ мельника, жена его, уже давно погрязшая в наглости и бесстыдстве, принялась ругательно ругать жену сукновала: и коварная-то она, и бессовестная, поношение для всего женского пола, наконец! Забыв стыд и нарушив узы супружеского ложа, запятнать очаг своего мужа позорной славой притона! Погубить достоинство законной жены, чтобы получить имя продажной твари! — Таких женщин следует живьем сжигать! — прибавила она. Но все же тайные муки нечистой совести не давали ей покоя, и чтобы как можно скорее освободить из заточения своего соблазнителя, она несколько раз принималась уговаривать мужа пораньше пойти спать. Но тот, уйдя из гостей не поевши и чувствуя голод, заявил ей ласково, что он с большой охотой оказал бы честь ужину. Жена быстро подает на стол, хотя и не очень охотно, так как кушанья были для другого приготовлены. Меня же до глубины души возмущали и недавнее злодеяние и теперешнее наглое упорство негоднейшей этой женщины, и я ломал себе голову, как бы изловчиться и разоблачить обман, оказать помощь моему хозяину и, опрокинув чан, выставить на всеобщее обозрение того, кто скрывался под ним, как черепаха. 27. На эти мои муки из-за хозяйской обиды небесное провидение, наконец, обратило внимание. Наступило урочное время, когда хромым старик, которому поручен был присмотр за всеми выючными животными, всем табуном повел нас на водопой к ближайшему пруду. Обстоятельство это доставило мне желанный случай к отмщению. Проходя мимо чана, заметил я, что концы пальцев у любовника высовы-

ваются, не помещаясь, из-под края; шагнув в сторону, я наступил со злобой копытом на его пальцы и раздробил их на мелкие кусочки. Издав от невыносимой боли жалобный стон, он отталкивает и сбрасывает с себя чан и, обнаружив себя непосвященным взглядам, выдает все козни бесстыдной женщины <...>

[Луций попадает к новому хозяину.]

31. <...> Меня самого купил какой-то бедный огородник за 50 нуммов. По его словам, для него это была большая сумма, но с моей помощью он надеялся добывать себе средства к жизни.

32. Самый ход рассказа, думается, требует, чтобы я сообщил, в чем состояли мои новые обязанности.

Каждое утро хозяин нагружал меня разными овощами и гнал в соседнее село, затем, оставив свой товар продавцам, садился мне на спину и возвращался в свой огород. Пока он то копал, то поливал и гнул спину над остальной работой, я отдыхал и наслаждался покоем. Но вот, вместе с правильным течением светил, чередованием дней и месяцев, и год, свершая свой круг, после вином обильной, радостной осени склонялся к зимнему инею Козерога; все время дождь, по ночам росы, и, находясь под открытым небом в стойле без крыши, я постоянно мучился от холода, так как у хозяина моего по крайней бедности не только для меня, для самого себя не было ни подстилки, ни покрывки, а обходился он защитой шалаша из веток. К тому же по утрам приходилось мне голыми ногами месить очень холодную грязь, наступая на чрезвычайно острые кусочки льда, да и желудок свой не мог я наполнять привычной ему пищей. И у меня, и у хозяина стол был один и тот же, но очень скудный: старый и невкусный латук, что оставлен был на семена и из-за чрезмерного возраста своего стал похож на метлу, с горьким, грязным и гнилым соком. <...>

Книга десятая

<...> 13. А меня меж тем вот как бросали волны судьбы. Солдат тот, что, не спросив продавца, меня купил и без всякой платы присвоил, по приказу своего трибуна, исполняя долг службы, должен был отвезти письма к важному начальнику в Рим и продал меня за одиннадцать денариев соседям, каким-то двум брать-

ям, находившимся в рабстве у очень богатого господина. Один из них был кондитером, выпекавшим хлеб разных сортов и печенья на меду; другой — поваром, тушившим сочные мясные блюда с необыкновенно вкусными приправами. Жили они вместе, вели общее хозяйство, а меня предназначали для перевозки огромного количества посуды, которая по разным причинам была необходима их хозяину в его многочисленных путешествиях. Так что я вступил третьим в товарищество к этим двум братьям, и никогда до сих пор не была ко мне судьба так благосклонна. Хозяева мои имели обыкновение каждый вечер приносить в свою каморку множество всяких остатков от обильных и роскошно устроенных пиршеств; один приносил огромные куски свинины, курятины, рыбы и других всевозможных кушаний того же рода; другой — хлеб, пирожки, блинчики, булочки, печенье и множество сладостей на меду. Заперев свое помещение, они отправлялись в баню освежиться, а я досыта наедался свалившимися с неба яствами, потому что я не был так уж глуп и не такой осел, на самом деле, чтобы, не притронувшись к этим лакомствам, ужинать колючим сеном.

14. Долгое время эти воровские проделки мне отлично удавались, так как я брал еще довольно робко и притом незначительную часть из многочисленных запасов, да и хозяева никак не могли заподозрить осла в таких поступках. Но вот, твердо уверенный в невозможности разоблачения, я принялся увеличивать свою порцию, выбирал все самое лучшее, пожирая кушочки пожирнее и лакомясь сладостями, так что братьев стало тревожить сильное подозрение, и хотя им все еще в голову не приходило, чтобы я был способен на что-либо подобное, тем не менее они старались выследить виновника ежедневных пропаж.

Наконец, они стали обвинять один другого в гнусном воровстве, усилили слежку, удвоили бдительность и даже пересчитывали куски. В конце концов, один из них перестал стесняться и говорит другому: — С твоей стороны это очень справедливо и человеколюбиво так поступать: лучшие части каждый день красть и, продавши их, втихомолку денежки прикапливать, а потом требовать, чтобы остаток поровну делили. Если тебе не нравится вести общее хозяйство, можно в этом пункте разделиться, а в остальном сохранить братские

отношения. Потому что, как посмотрю я, если мы чересчур долго так будем дуться друг на друга из-за пропаж, то можем и совсем поссориться. — Другой отвечает: — Клянусь Геркулесом, мне нравится такая наглость: ты у меня изо рта выхватил эти жалобы на ежедневные покражи; хоть я и был огорчен, но молчал все это время, потому что мне стыдно было обвинить родного брата в мелком воровстве. Отлично, оба мы высказались, теперь нужно искать, как помочь беде, чтобы наша безмолвная вражда не довела нас до боев Этеокла с Полиником.

15. Обменявшись такими упреками, оба клятвенно заявили, что не совершали никакого обмана, никакой кражи, и решили соединенными усилиями найти разбойника, причиняющего им убытки; казалось невозможным, чтобы осел, который один только оставался дома, мог питаться такими кушаньями, или чтобы в каморку их залетали мухи, величиною с гарпий, похищавших некогда яства Финея, а между тем лучшие части не переставали ежедневно пропадать.

Тем временем, вдоволь вкушая от щедрых трапез и досыта наедаясь людскими кушаньями, я достиг того, что тело мое раздобрело, кожа от жира стала мягкой, шерсть благородно залоснилась. Но подобное улучшение моей внешности сослужило плохую службу моему честному имени. Обратив внимание на необыкновенную ширину моей спины и замечая, что сено каждый день остается нетронутым, они стали неусыпно за мною следить. В обычное время они заперли как всегда двери и сделали вид, будто идут в бани, сами же через какую-то маленькую дырочку принялись наблюдать и, увидя, как я набросился на стоявшие повсюду кушанья, забыв о своих убытках, в удивлении от ослиного чревоугодия, разразились громким смехом. Зовут одного, другого, наконец, собрали целую толпу товарищей-рабов полюбоваться неслыханной прожорливостью бессмысленного вьючного скота. Такой на всех напал неудержимый хохот, что он достиг ушей проходившего невдалеке хозяина.

16. Заинтересовавшись, над чем это смеется челядь, и узнав, в чем дело, он и сам, взглянув в ту же дырку, получил немалое удовольствие, и сам смеялся до того долго, что у него нутро заболело, а потом, открывши дверь, вошел в комнату, чтобы поближе посмотреть. Я же, видя, что судьба в какой-то мере улыбается мне

ласковее, чем прежде, — веселое настроение окружающих внушало мне доверие, — нисколько не смутившись, преспокойно продолжал есть, пока хозяин, развеселившись от такого небывалого зрелища, не отдал приказ вести меня в дом, больше того — собственноручно ввел меня в столовую и, когда стол был накрыт, велел поставить передо мной целые блюда всевозможных кушаний, к которым никто еще не прикасался. Хотя я уже порядочно позакусил, но, желая заслужить его внимание и расположение, с жадностью набрасываюсь на поданную еду. Тогда начинают ломать голову, придумывая, какие блюда меньше всего могут быть по вкусу ослу, и для испытания, насколько я послушен и кроток, предлагают мне мяса с пряностями, наперченную птицу, изысканно приготовленную рыбу. По всему залу раздается оглушительный хохот. Наконец, какой-то шутник кричит: — Дайте же нашему сотрапезнику выпить чего-нибудь! — Хозяин поддерживает: — Шутка не так глупа, мошенник. Очень может статься, что гость наш не откажется осушить чашу вина на меду. — Затем: — Эй, малый! — продолжает, — вымой хорошенько этот золотой бокал, наполни его медовым вином и поднеси моему нахлебнику; да передай заодно, что я первым выпил за его здоровье.

Ожидание сотрапезников дошло до крайнего напряжения. Я же, нисколько не испугавшись, спокойно и даже довольно весело подобрал нижнюю губу, сложив ее наподобие языка, и одним духом осушил огромную чашу. Поднимается крик, и все в один голос желают мне доброго здоровья. <...>

[Луция-осла предназначают для участия в цирковых представлениях, но ему удается бежать. Он оказывается на берегу моря.

Богиня Изида обещает Луцию возвращение человеческого облика, но он должен отныне посвятить свою жизнь богине.]

Книга одиннадцатая

<...> 12. И вот подходит миг свершения обещанных мне всемилостивейшей богиней благодеяний, приближается жрец, несущий мне назначенное судьбою спасение, держа в правой руке, точь-в-точь как гласило божественное обещание, прекрасный сistr для богини и для меня венки, — венки, клянусь Геркулесом, заслуженный; ведь вытерпев столько тяжких страданий, подвергнувшись стольким опасностям, я теперь с со-

изволения великого божества в борьбе с жестокой судьбой выходил победителем. Но, несмотря на охватившую меня внезапную радость, я не бросаюсь со всех ног, боясь, как бы неожиданное появление четвероногого животного не нарушило чинности священнодействия, но тихо, медленно, подражая человеческой походке, бочком, через расступившуюся, конечно, не без божеской воли, толпу, мало-помалу пробираюсь.

13. Жрец же, предупрежденный, как мог я убедить-ся на деле, ночным откровением и удивленный, как все в точности совпадает с поручением, которое он получил, тотчас остановился и, протянув правую руку, к самому рту моему поднес венок. Тут я, трепеща, с сильно бьющимся сердцем, венок, сверкающий вплетенными в него прекрасными розами, жадно хватаю губами и пожираю, стремясь к исполнению обещанного. Не обмануло божественное предсказание — тут же спадает с меня безобразная личина животного: прежде всего исчезает грязная, свалявшаяся шерсть, толстая шкура становится тоньше, огромный живот уменьшается, на ступнях ног копыта разделяются на отдельные пальцы, руки перестают быть ногами, но поднимаются для исполнения своих высоких обязанностей, длинная шея укорачивается, пасть и голова округляются, огромные уши принимают прежние размеры, зубы, подобные камням, снова делаются небольшими, как у людей, и хвост, который доставлял мне больше всего мучений, исчезает без следа! Народ удивляется, люди благочестивые преклоняются при столь очевидном доказательстве великого могущества верховного божества, подобном чудесному сновидению, и при виде быстрого превращения громогласно и единодушно, воздев руки к небу, свидетельствуют об этой столь славной милости богини. <...>

14. <...> Тогда жрец, ласково глядя на меня и, Геркулесом клянусь, божественным проникнутый изумлением, так начинает:

15 — Вот, Луций, после стольких всевозможных страданий, после великих гроз, воздвигнутых Судьбою, пережив величайшие бури, достиг, наконец, ты спокойной пристани Отдохновения, алтарей Милосердия. Не впрок пошло тебе ни происхождение, ни положение, ни даже сама образованность, которая тебя отличает, потому что, сделавшись по страстности своего молодого возраста рабом сластолюбия, ты получил

роковое возмездие за несчастное свое любопытство. Но все же слепая Судьба, злобно терзая тебя и подвергая самым страшным опасностям, сама того не зная, привела тебя к сегодняшнему блаженству. Пусть же идет она и пышет неистовой яростью, придется ей искать для своей жестокости другой жертвы. Ведь над теми, кого величие нашей богини призвало посвятить жизнь служению ей, не имеет власти губительная случайность. Разбойники, дикие звери, рабство, тяжкие пути и скитания без конца, ежедневное ожидание смерти — чего достигла всем этим свирепая Судьба? Вот тебя приняла под свое покровительство другая Судьба, но уже зрячая, свет сияния которой озаряет даже остальных богов. Пусть же радость отразится на твоём лице в соответствии с праздничной этой одеждой. Ликуя, присоедини свой шаг к шествию богини-спасительницы. Пусть видят безбожники, пусть видят и сознают свое заблуждение; вот избавленный от прежних невзгод, радующийся промыслу великой Изиды Луций празднует победу над своей судьбой! <...>

[Луций, пройдя через обряды посвящения в культ божества Изиды и Озириса, становится жрецом.]

Примечания

¹ Речь идет о сборниках любовных и приключенческих новелл, получивших название милетских по имени Аристида из Милета, автора наиболее популярного сборника. ² *Гиметта* (Гиметт) — гора близ Афин; *эфирейский* — коринфский, древнее наименование Коринфа — Эфир; *Тенара* (Тенар) — мыс на Пелопоннесском полуострове. ³ *Столица Лацциума* — Рим. ⁴ *Богиня Эпона* — покровительница лошадей, ослов и мулов. Ее изображения ставились в конюшнях. ⁵ *Пафос, Книд, Кифера* — места культа Венеры. ⁶ Священные подушки, на которых расставлялись изображения богов во время ритуального пира. ⁷ *Психея* (греч.) — душа. ⁸ *Отрок сельский* — Ганимед. ⁹ *Оры* — в греческой мифологии богини времен года. ¹⁰ *Сатиры* — сельские божества плодородия. *Паниск* — один из сатиров. ¹¹ *Декурион* — член местного сената.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .	3
---------------	---

РАННЯЯ РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

(середина III — середина II в. до н. э.)

✓ Тит Макций Плавт	4
✓ Привидение	5
✓ Примечания	85
✓ Публий Теренций Афр	85
✓ Самоистязатель	86
Примечания	165

РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА РЕСПУБЛИКИ

(середина II — середина I в. до н. э.)

Тит Лукреций Кар	166
О природе вещей	166
Примечания	198
Гай Валерий Катулл	199
Стихи	200
Примечания	213
Марк Туллий Цицерон	214
Против Катилины	215
В защиту Тита Анния Милона	220
Примечания	229
Гай Юлий Цезарь	231
Галльская война	232
Примечания	245
Гай Саллюстий Крисп	246
Заговор Катилины	246
Примечания	258

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА АВГУСТА

(2-я половина I в. до н. э. — начало I в. н. э.)

Публий Вергилий Марон	259
Буколики	260
Георгики	271
Энеида	281
Примечания	339
Квинт Гораций Флакк	342
Оды	343

Эподы	364
Сатиры	367
Наука поэзии	376
Примечания	387
Альбий Тибулл	391
Элегии	391
Примечания	404
Секст Проперций	405
Элегии	406
Примечания	421
✓ Публий Овидий Назон	423
✓ Любовные элегии	425
Героиды	437
Наука любви	439
Фасты	466
✓ Метаморфозы	470
Скорбные элегии	492
Примечания	506
✓ Тит Ливий	510
✓ История от основания Рима	511
Примечания	529

ПОЗДНИЙ ПЕРИОД РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХА ИМПЕРИИ

(I—II вв. н. э.)

Луций Анней Сенека	530
Тизст	531
Нравственные письма к Луцилию	564
Примечания	568
✓ Гай Петроний Арбитр	569
✓ Сатирикон	570
Примечания	595
• Федр	596
Басни	596
Басни из неизвестных книг	607
Примечания	608
Марк Валерий Марциал	608
Эпиграммы	609
Примечания	631
• Децим Юний Ювенал	632
Сатиры	632
Примечания	648
Публий Корнелий Тацит	649
Анналы	650
История	665
Примечания	667
✓ Луций Апулей	668
✓ Метаморфозы	669
Примечания	718

2 р. 60 к.